З. С. КАЦЕНЕЛЕНБАУМ
ПРОФЕССОР I МОСК. ГОС. УН-ТА

УЧЕНИЕ О ДЕНЬГАХ И КРЕДИТЕ

ЧАСТЬ II

КРЕДИТ И КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

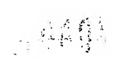

ЧЕТВЕРТОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНИЕ

ПРОВЕРЕНО
1936 г. №/7382
Сверено
1990 г.
СВЕРЕНО
1975 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ"
МОСКВА—1928

332
К-307
№2

Главлит № 99292. Тираж 3.000.

Тип. Пром. Кооп. Т-ва „Рабочий Коммунар", Москва, Каляевская, 33.

Предисловие ко 2-му изданию II части.

Настоящая, вторая часть моего курса: „Учения о деньгах и кредите“ выходит 2-м изданием одновременно с 3-м изданием первой части той же книги. Часть курса, посвященную деньгам и денежному обращению, я уже имел возможность раз дополнить при выходе в свет 2-го издания этой части, вторую же часть, посвященную кредиту и кредитным учреждениям, я имею возможность предложить читателю в дополненном виде лишь теперь.

Дополнения, которые я внес во вторую часть книги посвященную учению о кредите, касаются как теоретических проблем, так и проблем практических. Из теоретических проблем в настоящем издании подробнее разработана проблема о понятии денежного рынка и дана новая глава, посвященная сущности банкового кредита. Из практических вопросов я включил в настоящее издание более подробный анализ операций банков. Кроме того, я дополнил настоящее издание несколькими главами, посвященными истории банков и анализу положения банков в разных странах. Наконец, отдельная глава посвящена вопросу о развитии банков в СССР.

Проф. З. Каценеленбаум.

МОСКВА.

Декабрь 1925 г.

ГЛАВА 1.

I.

Сущность кредита и его задачи.

§ 1. Основные направления в теории кредита. — Теория доверия. — § 2. Теория раздельности во времени двух частей кредитной сделки. — § 3. Теория пользования. — § 4. Теория производства. — Определение Маркса. — Определение В. А. Косинского. — § 5. Расхождение правового и хозяйственного момента, как основа кредита. — Социальный момент в кредите.

§ 1. Что такое кредит? В чем сущность этого явления? На эти вопросы мы встречаем в экономической литературе самые различные ответы. При всем значении кредита в современной хозяйственной жизни, при необычайном обилии книг и статей, посвященных его изучению, природа кредита остается до сих пор неясной очень многим практикам, да и среди теоретиков далеко не достигнуто единства в понимании его сущности.

В общем, можно установить следующие основные направления во взглядах на кредит [1]).

---

[1]) Подробную классификацию определений кредита с обстоятельным обзором литературы вопроса дает *J. Komorzynski* в своей известной книге: „Die nationaloekonomische Lehre vom Credit", 2-te Aufl., Innsbruck 1909. Положив в основание дальнейшего анализа классификацию Коможинского, мы, однако, опускаем некоторые из упоминаемых им направлений, останавливаясь в то же время подробнее на недостаточно подчеркнутом им направлении, которое усматривает сущность кредита в моменте производства. О тех направлениях в теории кредита, которые усматривают в кредите силу, способную создавать капитал, нам придется говорить в дальнейшем в главе, посвященной роли банков, как посредников в кредите.

Во-первых, целый ряд авторов усматривает сущность кредита в психологическом факте *доверия,* в доверии, которое кредитор оказывает должнику. В целом ряде случаев кредитная сделка предполагает такое доверие. Все хорошо знают, что взаймы можно давать только тому, кому веришь. Самое слово „кредит“, происходящее, как известно, от латинского credo — „верю“, как будто заключает в себе понятие доверия. Отсюда естественно было ввести это понятие и в определение кредита. И мы, действительно. встречаем такое определение уже у многих старых авторов. Так, Thornton, английский экономист, писавший в начале 19-го века, определяет коммерческий кредит, как „доверие, которое проявляется у торговых людей в их коммерческих сделках“ [1]). Позднее, *Мак-Келлок* определяет кредит, как доверие к тому, кому дается в ссуду имущество, и на той же точке зрения стоят Гильдебранд, Родбертус и мн. др. [2]). Так же определяет кредит *С. Оппенгейм.* „Кредит“, говорит он: „это доверие (der gute Glaube), которое питают к обещанию платежа или доставки (Zahlungs-und Lieferungsversprechen) какого-либо лица“ [3]). В русской литературе мы встречаем этот момент в определении кредита у *А. И. Чупрова.* Чупров считает, что „кредит есть передача ценности от одного лица другому без одновременного получения соответствующей равноценности, — передача, основанная на доверии к дан-

---

[1]) *H. Thornton,* An Enquiry into the nature and effects of the Paper Credit of Great Britain, L. 1802, стр. 13. Из старых немецких экономистов *Небениус* дает следующее определение кредита: „кредит означает доверие, питаемое к действительности обещания, которым физическое или юридическое лицо (eine physische oder moralische Person) обязывается за полученные ценности вернуть другие ценности в будущем, а также способность добывать себе от других лиц существующие ценности за такое обещание“. (Цит. по *C. Knies'y*: „Der Credit“. Erste Hälfte, Berlin, 1876, стр. 44). Как правильно отмечает Книс, мы имеем в данном случае два определения кредита, из которых одно, доверие, относится к кредитору, а другое, способность добывать себе ценности, к заемщику. (Там же, стр. 44 — 45).

[2]) См. *J. Komorzynski,* там же, стр. 47 — 49.

[3]) *S. Oppenheim,* Die Natur des Capitals und des Credits, 1-er Th. Mainz, 1868, стр. 58.

ному обещанию возвратить в будущем эту равноценность“ [1]).

Это определение вызвало, однако, серьезные возражения со стороны ряда экономистов, главным образом, *Книса.* Как правильно указал Книс, доверие, с одной стороны, есть момент, который имеет место не только при кредите, но и при других хозяйственных явлениях, в частности при покупках и при сделках на поставку товаров, а, с другой стороны, доверие при ряде кредитных сделок оказывается ненужным или несущественным для данной операции [2]). В самом деле, большинство хозяйственных актов, в которых участвуют два или более хозяйства, т.-е. актов междухозяйственного оборота, предполагает известное доверие одного контрагента к другому. Когда фабрика закупает сырье или топливо с доставкой на срок, она должна питать известное доверие к продавцу, иметь известную уверенность в том, что тот, действительно, приложит старания к выполнению принятых им на себя обязательств. Когда оптовый торговец закупает затем у фабрики товар по образцам, то и он должен питать известное доверие к владельцу фабрики, предполагать, что внутри кип окажется тот именно товар, который куплен, и в тех количествах, которые куплены. И даже тогда, когда мы покупаем в мелкой лавке коробку спичек или пачку иголок, мы также проявляем известное доверие к лавочнику, предполагая, что в коробке на самом деле окажутся спички и в должном количестве, а в пачке иголок окажется определенное их число. Нанимая рабочего для работы на поле или на фабрике, сельский хозяин или лицо, ведущее фабрику, исходят из предпосылки известного к нему „доверия“, предполагают, что он в течение положенного времени будет исполнять свою работу. Доверие во всех этих случаях может не оправдаться. Продавец дров может не поставить

---

[1]) *А. И. Чупров.* „Курс политической экономии“, 3-е изд., стр. 442.

[2]) См. ст. *C. Knies'a*: „Erörterungen über den Credit“ в „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“, 15 Jahrgang, Tübingen. 1859, стр. 578 и сл., а также более позднюю его работу: „Der Credit“, 1-te Hälfte, B. 1876, стр. 46 и след.

их в срок, фабрика может послать товар хуже образца, рабочий может плохо исполнять свои обязанности. Но то же самое возможно и, как известно, сплошь и рядом, случается и при кредитной сделке. Заемщик может не вернуть взятой ссуды. В этом отношении нет никакой принципиальной разницы между кредитом и всякой другой хозяйственной сделкой. Если бы люди хотя бы на минуту *абсолютно* перестали друг другу доверять, то и всякий междухозяйственный оборот, всякое хозяйственное общение между ними стало бы немыслимо. Минимум доверия есть предпосылка хозяйственного общения, вообще, и это доверие в той же мере характерно для кредитных сделок, как и для всяких других.

Но доверие не есть единственная основа большинства хозяйственных договоров. При той или иной степени доверия контрагенты стараются получать дополнительные гарантии, обеспечивающие исполнение взаимных обязательств. Предприниматель, закупивший сырье для своей фабрики, может потребовать у своего поставщика залог. Оптовый торговец, закупивший товар у фабрики, гарантирует себя до некоторой степени проверкой содержимого пробных кип. Над рабочим устанавливается известный контроль. Словом, на-ряду с доверием действуют и гарантии. Может быть, кредит в том отношении отличается от других хозяйственных сделок, что он основан только на доверии? Хорошо известно, что это далеко не так. Кредитная сделка так же обставляется дополнительными гарантиями, как и всякая другая. Больше того, громадная отрасль кредита организована на таких началах, что эта дополнительная гарантия поглощает целиком элемент доверия. Сюда относится ипотечный кредит и, вообще, кредит залоговый, ссуды под товар, ценные бумаги, вещи и пр. ряд кредитных операций, которые, как выражается Книс, основаны на „полном обеспечении“ и „на принудительном содействии государства“. Во всех этих кредитных сделках, при которых обеспечением служит земля, товары, ценные бумаги или домашние вещи (при ломбардном кредите), личность заемщика сплошь и рядом совершенно отступает на задний план и совсем не

интересует заимодавца. Кроме того, и в тех случаях, когда кредит совершается без залога, кредитные учреждения находят способы ослаблять значение доверия к заемщику. Одним из таких способов является взимание специальной премии за риск (т.-наз. дель-кредере), которая дает возможность составить суммы, достаточные для погашения убытков, проистекающих от неплатежей. Таким образом, доверие, с одной стороны, отнюдь не представляет собой факта, присущего только кредиту, а с другой, и в ряде кредитных сделок доверие играет ничтожную роль или почти отсутствует. При таких условиях, очевидно, не представляется возможным усматривать особенность кредита и его отличие от прочих межхозяйственных актов в явлении доверия [1]).

Определения кредита, которые видят сущность этого явления в доверии кредитора к заемщику, страдают, однако, еще и другим недостатком. А именно, они не отвечают на те основные вопросы, которые должно объяснить данное определение. Такими вопросами являются, во-первых, вопрос *о цели* кредита, во-вторых, вопрос об *источнике* оплаты процента. Кредит, говорят упомянутые авторы, есть доверие, оказываемое одним лицом другому при передаче ценности. Но, естественно, возникает вопрос, зачем эта ценность передается и по какому поводу требуется проявление этого

---

[1]) *Ад. Вагнер*, соглашаясь с Книсом, что кредит нельзя понимать только, как доверие, считает, тем не менее, доверие существенным моментом в кредите. Два момента, доверие и раздельность во времени, являются, по мнению Вагнера, существенными для кредита и оба должны быть включены в определение. (Ст. „Credit" в „Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre" *H. Rentzsch'a*, 2-te Ausg., Leipzig 1870, стр. 191). На указание Книса, что доверие требуется и при покупке, Вагнер замечает, что между покупкой и кредитом в этом отношении имеется различие, ибо при покупке требуется доверие к тому, что контр-услуга будет правильна, а при кредите, — что контр-услуга будет иметь место. (Там же, стр. 192. См. также более позднюю статью *А. Вагнера*: „Der Credit und das Bankwesen" в „Handbuch d. Politischen Oekonomie" G. Schönberg'a, 2-te Aufl, 1-er B., Tübingen 1885, стр. 398—399, где Вагнер заявляет, что он остается по этому вопросу при прежнем мнении). Однако, эти возражения Вагнера едва ли могут считаться убедительными, как и соображения *А. Миклашевского* („Деньги", М. 1895 стр. 453 и сл.), который также не соглашается с Книсом по этому вопросу.

доверия. Если бы кредитные сделки представляли собой редкое, случайное явление в хозяйственном обороте, вопрос: „зачем“? мог бы быть обойден. Но кредит есть повседневное, всеобъемлющее хозяйственное явление, проникающее во все поры хозяйственного организма. При таких условиях требуется объяснение его причин, тех целей, ради которых передаются вещи и оказывается доверие. Кредит в громадном большинстве случаев предполагает *возмездность*. Лишь в виде исключения кредит бывает даровой, беспроцентный, при чем не этот последний вид кредита типичен и не он накладывает отпечаток на кредитный оборот. Но если возмездность, процент, представляет собой существенную черту кредита, то и определение кредита, очевидно, должно объяснить источник этого процента.

Авторы, которые видят сущность кредита в доверии, не объясняя ни целей кредита, ни источников получения процента, не заполняют своих определений достаточным содержанием и дают, в общем, пустую формулу.

§ 2. Большая группа экономистов усматривает сущность кредита в другом моменте, а именно — в моменте *раздельности во времени* двух частей кредитной сделки: передачи ценности и ее возвращения. При всякой кредитной сделке кредитор передает заемщику вещь, которую этот последний обязуется вернуть через известный промежуток времени. Между начальным актом сделки и ее завершением должен пройти известный срок. Эта раздельность во времени двух частей сделки и представляется сторонникам этого направления наиболее характерным для кредита. Наиболее определенную формулировку этот взгляд нашел у германского ученого *Книса*. Книс определяет кредит, как „возмездный переход благ, при котором одно лицо оказывает услугу в настоящее время, а получает контруслугу в будущем“ [1]). Этот же момент раздельности во времени („Zeitdifferenz“) подчеркивает и *Ад. Вагнер* [2]).

[1]) См. *C. Knies*, „Erörterungen über den Credit“. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 15-er Jahrg. Tübingen. 1859, стр. 576. См. также: „Der Credit“, 1-e Hälfte, стр. 7.

[2]) См. цит. ст.: „Der Credit und das Bankwesen“, стр. 398.

В старой русской литературе мы встречаем этот взгляд у Н. *Бунге*, который говорит о кредите, как о „сделке на срок, такой мене, в которой одна сторона передает другой ценность, под условием возврата равноценности в будущем“ [1]). На той же точке зрения стоит *М. И. Туган-Барановский*, который говорит о кредите следующее: „Кредитом называется такая возмездная передача хозяйственных предметов, при которой уплата эквивалента за полученный хозяйственный предмет отсрочивается на некоторое время, или, говоря иначе, такая сделка, при которой момент получения какой-нибудь ценности отделен от момента возвращения ее эквивалента некоторым промежутком времени“ [2]).

Это понимание кредита вызвало вполне основательные возражения со стороны *Коможинского* [3]). Коможинский правильно указывает, что эта концепция искажает экономическую природу кредита, принимая внешнее проявление кредита за его сущность. С точки зрения теории, усматривающей сущность кредита в раздельности во времени двух актов кредитной сделки, услуга кредитора заключается в передаче заемщику капитала, а контр-услуга заемщика в том, что он возвращает через некоторое время кредитору его капитал. Между тем контр-услуга заемщика по существу заключается не в том, что он возвращает занятый капитал, а в том, что он уплачивает за пользование кредитом известный процент. Правда, и плата за пользование кредитом (процент) также вносится обычно кредитору через некоторое время после получения ссуды, однако, экономисты, усматривающие в кредите раздельность во времени услуги и контр-

---

[1]) *Н. Бунге*, „Полицейское право“, т. I, вып. 4, Киев. 1873, стр. 3. В более ранней работе Бунге дал иное определение кредита, в котором был подчеркнут момент доверия. „Кредит“, читаем мы там: „есть вид мены, в которой передается ценность или личная услуга по доверию к будущему вознаграждению“ (см. *Н. Бунге*, Теория кредита, Киев. 1852, стр. 14).

[2]) „Основы политической экономии“, 3-е изд., 1909 г., стр. 423.

[3]) Там же, стр. 68 и след. В русской литературе подробный разбор и критику учения Книса дает *В. А. Косинский*: „Учреждения для мелкого кредита в Германии“, т. I, М. 1901.

услуги, относят эту раздельность к заемному капиталу, а не к проценту [1]).

Раздельность во времени двух актов кредитной сделки не заполняет, таким образом, достаточным содержанием понятие кредита. Определения, базирующиеся на этом признаке, не отвечают на основные вопросы о цели кредита и об источниках платы за кредит. Так, в приведенном выше определении Туган-Барановский говорит, что кредит есть „такая возмездная передача хозяйственных предметов, при которой уплата эквивалента за полученный хозяйственный предмет отсрочивается на некоторое время". Но зачем такая передача производится? Почему возврат отсрочивается? Какой „эквивалент" возвращается? Ведь этот „эквивалент" всегда больше переданной вещи. Он включает в себе проценты. Откуда же берутся проценты, почему заемщик соглашается их выплачивать? Все эти вопросы, которые необходимо должны быть разъяснены для понимания сущности кредита, остаются в рассматриваемом определении без ответа.

К критическим замечаниям Коможинского, который подчеркивает, что в определениях рассматриваемой группы не содержится моментов экономического характера, мы хотели бы добавить следующее. Концепция кредита, усматривающая сущность этого явления в раздельности во времени двух актов кредитной сделки, несомненно, подмечает верный факт.

---

[1]) Коможинский указывает еще, что поскольку речь идет о фактической контр-услуге за пользование кредитом, т.-е. об уплате процента, для нее раздельность во времени, вообще, не характерна, ибо заемщик может уплатить за кредит вперед. (Там же, стр. 72). Мы думаем, однако, что трудно представить себе такую кредитную сделку, при которой между моментом ссуды и моментом уплаты процента не проходило бы известного промежутка времени. Во всяком случае, такая конструкция невозможна при денежной ссуде. В тех случаях, когда мы обычно говорим об уплате процентов вперед (напр., при учете векселей), по существу проценты все же уплачиваются позднее, по возврате ссуды, и предварительная уплата процента имеет чисто формальный характер. Если, напр., банк, учтя вексель на 6 мес. в 1.000 р., получил проценты „вперед", выдав заемщику на руки 940 р. и удержав в свою пользу 60 рублей, то по существу мы здесь имеем выдачу в ссуду 940 р. и уплату через 6 мес. за пользование деньгами—60 р.

Такая раздельность, действительно существует. Но она ни в какой мере не характерна для кредита, как такового.

В самом деле, можно ли считать, что раздельность во времени есть нечто присущее только кредиту, нечто совершенно несвойственное всякой другой хозяйственной сделке. На этот вопрос приходится ответить определенно отрицательно. Строго говоря, разделение во времени так же, как и доверие, есть в сущности предпосылка всякого акта междухозяйственого оборота, всякой сделки, происходящей между двумя или более хозяйствующими людьми. Хозяйственные явления происходят во времени, категория времени есть их основа, и там, где два хозяйствующих субъекта обмениваются услугами, между моментом действия одного и контр-действия другого не может не пройти известный промежуток времени. Пусть этот промежуток будет минимален, он все же должен быть на-лицо. С этой точки зрения раздельность во времени существует даже при покупке товаров в розничном магазине за наличные. Ибо между моментом получения вещи покупателем и уплатой денег в кассе всегда проходит некоторое время. В одних случаях покупатель сначала получает вещь, а затем платит, в других платеж производится до получения вещи, но известный промежуток времени между этими двумя актами во всяком случае должен пройти.

Но для того, чтобы обнаружить раздельность во времени, нам нет надобности прибегать к таким хозяйственным фактам, где эта раздельность очень невелика и где подчеркивание этого момента может показаться некоторой натяжкой. В целом ряде хозяйственных явлений, которые отнюдь не могут быть отнесены к категории кредитных, раздельность во времени двух моментов сделки, оказания услуги и возврата контр-услуги, выступает с гораздо большей очевидностью. Сюда относится, напр., наем рабочих и служащих. Рабочий или служащий работает в течение всего дня. Он оказывает нанимателю услугу непрерывно. Но заработную плату рабочий получает не непрерывно, не по мере производства работы, а в определенные сроки—раз в день, раз в неделю и т. д., иногда после производства работы, иногда до ее производства. Между моментом оказания услуги рабочим или слу-

жащим и моментом получения им контр-услуги проходит промежуток времени, иногда весьма значительный. Некоторые авторы, в том числе и Книс, доходят до такой натяжки, что считают и наем рабочих явлением кредита. Явная несообразность этого, однако, очевидна. Во всяком случае, такое расширительное понимание явления кредита едва ли возможно для таких экономистов, как Туган-Барановский, которые совершенно иначе понимают взаимоотношения рабочего и предпринимателя. Укажем, наконец, еще на одну весьма распространенную хозяйственную сделку, в которой определенно выступает момент раздельности во времени. Мы имеем в виду страхования различного рода — страхование жизни, страхование от огня и т. п. Страхователь делает периодические взносы, но его контрагент оказывает ему контр-услугу лишь значительно позже, в случае пожара и т. д.

Словом, раздельность во времени двух частей хозяйственной сделки — явление, которое можно наблюдать в целом ряде актов междухозяйственного оборота. Она характерна не для одного кредита. Поэтому не может считаться удовлетворительной концепция кредита, которая только в этом моменте видит особенность его природы. Таковы те соображения, по которым эти определения кредита приходится признать неприемлемыми.

§ 3. Значительно ближе подходит к правильному пониманию сущности кредита третье направление, которое выдвигает, как основной признак в этом явлении, факт *пользования* хозяйственными благами кредитора со стороны заемщика. Сюда относятся определения кредита, которые дают Рошер, Карл Дитцель, Леруа-Болье и др.[1]). Такое определение мы находим у американского экономиста *Зелигмана*, который говорит, что „кредит это — меновая сделка, состоящая в передаче другому лицу временного пользования богатством", что „сущность кредита состоит в праве пользования каким-либо благом или привилегией, которые на известное время переходят в экономическую собственность

[1]) См. *Коможинский*, цит. соч., ст. 41 — 42.

другого лица" [1]). Такое же определение дает и упоминавшийся уже нами автор специальной монографии о кредите *Коможинский*. „Кредит", говорит он: „это установл ние частно-хозяйственного оборота, посредством которого имущество передается в чужое хозяйство для пользования" [2]).

В этих определениях дается ответ на главные вопросы, которые нас могут интересовать в понятии кредита. Цель кредита находит себе в них свое объяснение. Имущество передается в чужое хозяйство для пользования: очевидно, эта передача есть результат обоюдного интереса кредитора и должника. Как тому, так и другому при данных условиях выгодно или необходимо, чтобы имущество кредитора использовалось в хозяйстве должника. Но и эти определения страдают тем недостатком, что в них не вполне определен род того пользования, которое в данном случае имеется в виду.

§ 4. Наиболее ясное выражение сущность кредита находит в определениях тех экономистов, которые не ограничиваются указанием на несколько туманное понятие „пользования", а ставят явление кредита в тесную связь с явлением *производства*.

Эту связь явления кредита с моментом производства очень определенно выдвигает *Маркс*, на которого эти мысли навеяны, как нам кажется, главным образом, английской банковой литературой начала XIX века. К сожалению, взгляды Маркса на кредит дошли до нас в недостаточно обработанном виде. Они заключались в тех его манускриптах и отрывках, которые были обработаны уже после его смерти Энгельсом и изданы в качестве 3-го тома „Капитала". Для Маркса кредит есть кругообращение капитала,

---

[1]) *Эд. Зелигман.* „Основы политической экономии", пер. В. Твердохлебова и М. Булатова, Спб. 1908, стр. 449—450.

[2]) *J. Komorzynski*, цит. соч., стр. 25. Приблизительно так же смотрит на вопрос проф. *М. Н. Соболев*, называющий кредитом „такой оборот имущества между различными хозяйствами, которым имущество одного хозяйства передается на условленное время в другое хозяйство для хозяйственного использования" („Кредит и его роль в народном хозяйстве", Харьков 1918, стр. 16).

приносящего проценты. Цель и смысл этого кругообращения он изображает следующим образом. „Владелец денег, желающий использовать свои деньги, как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром, как *капитал*; как капитал не только для него самого, но и для других; эти деньги — капитал не только для того, кто их отчуждает, но и третьему лицу они прямо вручаются как капитал, как ценность, потребительная ценность которой прямо в том и заключается, что она создает прибавочную стоимость, прибыль: как ценность, которая сохраняется в своем движении и, выполнив свою функцию, возвращается к первоначально выпустившему ее лицу, в данном случае к владельцу денег; следовательно, удаляется от него лишь на время и лишь на время переходит из владения своего собственника во владение функционирующего капиталиста, т.-е. не поступает в уплату, не продается, а лишь отдается в ссуду: лишь отчуждается с тем условием, что она, во-первых, по истечении известного периода времени вернется к своему исходному пункту и, во-вторых, вернется, как реализованный капитал, реализовав свою потребительную ценность, заключающуюся в способности производить прибавочную стоимость" [1]). Этот взгляд на существо кредита, как на обращение ссудного капитала в чужом предприятии и проводится Марксом в ряде глубоких замечаний, рассыпанных в 3-м томе „Капитала", в том самом 5-м отделе, из которого мы привели настоящую цитату и в котором Энгельс сгруппировал учение о „разделении прибыли на процент и предпринимательский доход".

Заслуга дальнейшей разработки вопроса о сущности кредита в направлении, намеченном Марксом, принадлежит представителю русской экономической науки *В. А. Косинскому*. В книге „Учреждения для мелкого кредита в Германии", вышедшей в 1901 году, Косинский дал одно из лучших определений кредита, какое существует в эконо-

---

[1]) *K. Marx*, Das Kapital, III. B., 1-er Th., 3-te Aufl. Hamburg, 1911, стр. 327 — 328.

мической литературе, определение, достаточно правильно выясняющее сущность кредита и ставящее кредитную проблему на правильную почву.

Вот как определяет кредит Косинский.

„Под производительным кредитом", говорит он: „мы разумеем круговращение капитала в чужом предприятии. Один предприниматель (или домохозяин) передает другому предпринимателю сумму ценности, временно свободную в его предприятии (или домохозяйстве): первый предприниматель (или домохозяин) называется кредитором или заимодавцем, второй (всегда предприниматель) — должником или заемщиком. Сумма эта передается кредитором должнику не в виде уплаты за какую-либо вещь, не в уплату долга, а в качестве капитала, имеющего круговращаться в предприятии заемщика. По завершении одного либо нескольких круговращений переданный кредитором заемщику капитал возвращается обратно в предприятие либо домохозяйство своего владельца — кредитора, где выполняет определенные хозяйственные функции, от которых он временно был свободен. Часть ценности, созданной в предприятии заемщика при таком круговращении чужого капитала, поступает (в качестве процента на ссудный капитал) в пользу кредитора" [1]).

§ 5. Итак, по мнению Косинского, „кредит есть круговращение капитала в чужом предприятии". К этому определению примыкает, в общем, в русской литературе проф.

---

[1]) *В. А. Косинский*, Учреждения для мелкого кредита в Германии: М. 1901 г. Введение, стр. CCIII. См. также книгу того же автора „Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы". Ч. I, Киев 1917 г., стр. 4.

В старой русской литературе производственный момент в кредите отмечен в том несколько неуклюжем определении кредита, которое дал *И. И. Кауфман*. „Кредит",— говорит Кауфман,—„означает покупательную силу предприимчивости, текущей или прошлой, совершенно или отчасти еще не реализовавшей своих результатов, но признанной производительной, и обладающей меновой ценностью, предвосхищающей и обменивающей свои: будущие плоды на такие готовые плоды прошлой предприимчивости, которые в руках своих владельцев оставались бы непроизводительными, которых производительность спасается от гибели и сохраняется переходом их в новые руки, которых целость и свободность гарантируется их владельцем тем, что

А. А. Мануилов [1]). Как уже было сказано, мы также считаем концепцию Косинского, в общем, правильной. Сущность кредита надо искать в явлениях производства, а не в процессе обмена, и потому не доверие, не раздельность во времени двух частей сделки могут объяснить его природу, а лишь факт участия передаваемого в ссуду капитала в производстве благ. Но все же нам хотелось бы сделать по поводу определения Косинского некоторые замечания.

Во-первых, не вполне удачным является термин: „круговращение". Это заимствованное у Маркса выражение едва ли точно формулирует сущность работы капитала. Оно дает представление о совершении капиталом каких-то „кругов", предполагает, что отданный в ссуду капитал должен проделывать какой-то правильный процесс, представление в значительной степени надуманное. Вместо того, чтобы говорить о „круговращении" капитала, проще сказать об „участии" капитала в чужом предприятии, о „применении" его там, или, если угодно, об „обращении".

Затем, Косинский строго ограничивает свое определение сферой производственного кредита. Он дает свое определение для производительного кредита, подчеркивает, что заемщиком должен быть только предприниматель. Такое ограничение обнаруживает известную осторожность, но оно в значительной степени ослабляет весь результат исследования в области кредита. В самом деле, при таком пони-

---

всякий угрожающий им страх опасности, равно как и их связанность, принимает на себя предприимчивость, свои результаты еще не реализовавшая, получающая в свои руки плоды прошлой предприимчивости, вооружающаяся ими и этим обеспечивающая себе свою собственную производительность и экономическую независимость". („Кредит, банки и денежное обращение", Спб. 1873, стр. 51 „Определение это — длинно", — замечает автор: „но и кредит — сложное явление"). Мы подчеркнули бы в этом определении указание на то, что в кредите „производительность спасается от гибели и сохраняется переходом их (плодов прошлой предприимчивости) в новые руки", хотя сам Кауфман считал „существеннейшей частью" своего определения заимствованную у Дж. Ст. Милля мысль, что кредит есть покупательная сила. (См. там же, примечания и дополнения, стр. 11).

[1]) См. его: „Политическую экономию", 2-е изд., М. 1918, стр. 265 —

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

мании дела, из определения кредита, как обращения капитала в чужом предприятии, исключается большая область потребительного кредита. (Не совсем укладывается в определение Косинского и другая форма кредита, а именно кредит торговый, который также не может вполне считаться „производительным“ кредитом). Но тогда определение кредита, как обращения капитала в чужом предприятии, получает лишь частное значение. Остается открытой задача подыскания такой конструкции понятия кредита, в которую укладывались бы и эти формы.

Между тем, нам представляется все это излишним. Определение кредита, как обращения капитала в чужом предприятии, вовсе не должно быть обязательно ограничено областью одного лишь „производительного“ кредита. Оно может быть распространено и на всю сферу, т.-наз. потребительного кредита, когда в качестве заемщика выступает не предприниматель, а потребитель — домохозяин. Ибо и тогда, когда хозяйство обращается за кредитом для удовлетворения своих потребительских нужд, оно при этом отнюдь не исключает из своих расчетов производственный момент. Задачей кредита в этом случае является поддержание жизни и здоровья трудящегося и его семьи, т.-е., в конце концов, облегчение его производственной деятельности. Эта последующая производственная деятельность заемщика только и делает возможным осуществление кредитной сделки. Если бы эта деятельность не предполагалась, заемщик не мог бы обещать возвращение взятой ссуды, да еще с процентами. Мы в этом случае могли бы иметь перед собою *пособие, а не кредит*. Грань между пособием и кредитом и проходит там, где передача благ перестает рассматриваться, как простая помощь в нужде, а имеет в виду последующее производство. В потребительском хозяйстве затраты на потребление—суть производственные затраты, и кредит на потребление есть с этой точки зрения производственный кредит. Вот почему определение кредита, как обращения капитала в чужом предприятии, не должно ограничиваться одним лишь производительным кредитом, и может быть относимо к кредиту в его целом. В этом рассуждении,

конечно, может быть усмотрена известная натяжка. Но эту натяжку можно сделать, чтобы получить единую концепцию кредита, и не прибегать к раздвоению одного понятия и построению особых определений для разных видов кредита [1]).

Наконец, в рассуждениях о кредите В. А. Косинского, как, впрочем, и многих других экономистов, недостаточно подчеркнуто еще одно обстоятельство, которое имеет большое значение для правильного понимания природы кредита. А именно, не подчеркнута сущность причин, которые заставляют одно лицо передавать свой капитал для применения другому лицу. Почему капиталы идут в чужие предприятия? Нам говорят, что они идут для получения прибыли. Этим многое сказано, выяснена цель кредитной сделки. Но сказано не все. Ведь прибыль можно получать и в своем собственном предприятии. Говорят, что в чужое предприятие идут капиталы „временно свободные". Но почему появляются „временно свободные" капиталы? Откуда, словом, эта постоянная тяга капиталов в чужие предприятия?

Все эти вопросы о причинах кредита, как и вопрос о цели его, быть может, не требовали бы настойчиво ответа, если бы кредит представлял собой небольшое, временное

---

[1]) Несколько иначе подходит к данному вопросу *Schumpeter*, считая, что кредитом в собственном смысле слова может быть назван только кредит, получаемый предпринимателем для расширения своего предприятия. Schumpeter находит возможным, вообще, исключить потребительский кредит из сферы анализа кредитных явлений, во-первых, потому, что его значение ограничено, и, во-вторых, потому, что мы не встречаемся с потребительским кредитом при анализе основных форм хозяйственной жизни. Иными словами, для Schumpeter'а потребительский кредит — вообще, не есть кредит. Впрочем, Schumpeter идет дальше в этом направлении, отрицая кредитный характер и за обычным оборотным кредитом. („Betriebskredit") (см. *J. Schumpeter*, Theorie der Wirtschaftlichen Entwicklung. Leipzig 1912, стр. 199 и след.). Хозяйственный момент в потребительном кредите подчеркивает *Коможинский* (цит. соч., стр. 282 и сл.), который возражает против утверждения, что потребительный кредит не преследует „производственных" целей. Те же соображения встречаются у Ад. Вагнера (см. „Der Credit und das Bankwesen" там же, стр. 400). Соображения, с нашей точки зрения неубедительные, против объединения производительного и потребительского кредита в одном определении высказывает Косинский (цит. соч., стр. CCXCIII).

явление на общем фоне хозяйственной деятельности, если бы свободные капиталы появлялись случайно, в известные периоды, в известных местах. Тогда, быть может, можно было бы считать, что существуют разные мотивы, не сводимые к одной общей причине, которые вызывают случайные „освобождения“ капиталов, происходящие то в одном, то в другом месте. Но кредит — явление всеобъемлющее и непрерывное. В кредитный оборот не только вовлечена громадная масса хозяйств, не только редкое предприятие капиталистического типа не выступает в качестве заемщика, не только общая масса „свободных капиталов“, временно помещенных в чужие предприятия, абсолютно громадна и захватывает в каждой стране значительную долю общенационального капитала, но и самый приток свободных капиталов, для помещения в чужие предприятия, никогда не прекращается в современном хозяйстве. Очевидно, все это не может объясняться случайными обстоятельствами и мотивами. Очевидно, должна существовать какая-то глубокая причина, которая непрерывно создает „свободные капиталы“, которая вечно толкает эти капиталы в чужие предприятия, которая „питает“ кредит.

Такая причина, действительно, существует. Она коренится в особенностях капиталистического строя, в праве частной собственности на капитал, на землю, орудия и средства производства, или точнее в том противоречии, которое существует в современном обществе между гражданско-правовыми нормами, с одной стороны, и требованиями производства благ, с другой [1]). Дело в следующем. Капи-

---

[1]) Роль этого момента в кредите подчеркнута и обстоятельно выяснена у *Коможинского* (цит. соч., стр. 8—12). Ход наших мыслей по данному вопросу, впрочем, несколько отличается от рассуждений этого автора, слишком подчеркивающего „кооперативное“ начало в кредите. Мысль о том, что путем кредита устраняются имманентные преграды, которые ставит производственному процессу капиталистическая система хозяйства, мы встречаем и у *Маркса*. (См. „Das Kapital“, B. III. Kap. 27, стр. 428). Маркс в частности постоянно подчеркивает правовой момент в кредите. (Там же, гл. 21, стр. 326). См. также *Hilferding*. Das Finanzkapital, Wien 1910, стр. 73 и след.

талистическое хозяйство выдвигает определенные требования в области организации производства. Для ведения хозяйства требуется сочетание определенных элементов, земли, труда и капитала, сочетание известных масс реальных благ, т. наз., сил природы, орудий производства, сырья, топлива, запасов продовольствия и т. д. Сочетание этих элементов должно происходить в известных пропорциях, и, что еще важнее, общая масса участвующего в предприятии капитала должна представлять собою известную величину. Долголетний опыт, с одной стороны, конкуренция и борьба различных типов предприятий, с другой, — приводят к тому, что в каждой отрасли устанавливаются известные пределы, в которых должны колебаться общие размеры предприятий. Рациональное ведение хозяйства, в смысле достижения максимума результатов при минимуме затрат, требует, чтобы *размеры* предприятий в данной отрасли, общая сумма инвестированного в них капитала, не была ни выше, ни ниже этих пределов. Но не только в каждый данный момент предприятия должны иметь известные размеры. Изменение этих размеров *во времени* также подчинено известным технико-экономическим законам.

В одной отрасли хозяйства предприятия для своего нормального существования должны из года в год расти медленно, другие могут рационально работать лишь при быстром расширении и увеличении помещенного в них капитала; наконец, для третьих условием нормального существования является как раз отсутствие роста. Но руководство предприятиями или, говоря шире, руководство хозяйственной деятельностью сосредоточено в руках отдельных лиц. Эти лица, класс предпринимателей, ведут отдельные предприятия. Они ведут их на правах собственников. Предприниматели, владельцы предприятий, в тех странах, где орудия и средства производства находятся в частных руках, являются в громадном большинстве случаев и капиталистами. В общей массе национального капитала они владеют известной долей на правах частной собственности. Но только—долей, ибо предприниматели—лишь часть класса капиталистов. По причинам, о которых мы будем говорить подробно в следу-

ющих главах, в среде класса капиталистов, в среде лиц, имеющих права частной собственности на капитал, всегда есть группа, которая непосредственного участия в хозяйстве не принимает.

Может ли при таких условиях владелец предприятия всегда обладать как раз той долей национального капитала, которая нужна для придания его предприятию должного размера? Очевидно, нет. В развитом капиталистическом хозяйстве такое совпадение было бы случайностью. Ибо, вследствие существования права частной собственности, национальный капитал самым причудливым образом распределен между отдельными лицами. Это распределение есть результат непрерывного исторического процесса, различного рода исторических наслоений самого разнообразного происхождения, результат „первоначального накопления“, постепенного роста прибылей, права наследования. Между этим распределением, с одной стороны, и потребностями организации предприятий, которые, как мы говорили, должны иметь определенные размеры, нет никакого соответствия. Нет никакого соответствия и между *двумя процессами непрерывной перегруппировки* капиталов, процессом перегруппировки их в области хозяйства, изменения размеров предприятий, вызываемого технико-экономическими причинами, и процессом перегруппировки их в гражданском обороте, вызываемом изменениями в праве собственности и перехода капиталов по наследству. Ибо оба процесса подчиняются своим законам, идут своими путями. Собственность переходит из рук в руки, одни обогащаются, другие разоряются, а предприятия, как хозяйственные единицы, должны существовать. Владелец предприятия получает в течение *известного* периода некоторый чистый доход, доля его участия в праве собственности на национальный капитал возросла определенным образом. Но сумма помещенного в предприятии капитала должна за тот же период быть увеличена в ином размере. Между потребностями данного индивидуального хозяйства и изменением в праве собственности его хозяина не оказывается соответствия. У предпринимателя обнаруживается избыток или недостаток капитала.

Это противоречие между хозяйством и правом требует выхода. Современный оборот знает два таких выхода. Одним из них является *разъединение и объединение* капиталов. Лицо, обладающее капиталом, превосходящим размеры потребностей одного предприятия, организует несколько предприятий в одной или нескольких отраслях. В современном хозяйстве, в котором преобладает крупное производство, этот случай относительно редкий. Гораздо более частым случаем является объединение капиталов нескольких или многих лиц, т.-е. образование *товариществ и акционерных компаний.* Путем соединения капиталов распыленное право собственности приводится в соответствие с потребностями организации предприятия. В этом случае мы имеем дело с длительным соединением капиталов, притом соединением капиталов лиц, которые все хотят принимать непосредственное участие в хозяйстве. Однако, этот выход недостаточно эластичен. Он не в состоянии заполнить всю ту пропасть, которая образуется вследствие расхождения двух процессов, хозяйственного и правового. Он оставляет, во-первых, в стороне тех капиталистов, которые, вообще, не желают или не могут участвовать в производстве. Он не поспевает за непрерывным изменением взаимоотношений хозяйственного и правового факторов. Вторым выходом и служит *временная передача капитала для применения в чужие предприятия,* или кредит.

Итак, несоответствие между правовой организацией капиталистического строя, с одной стороны, и хозяйственной организацией с другой, приводят к тому, что класс капиталистов всегда делится на две группы, на группу лиц, доля которых в национальном капитале больше того, что им нужно для ведения предприятий, и группу лиц, доля которых в национальном капитале меньше того, что им нужно для ведения их предприятий. Всегда существует группа лиц, которая, имея право собственности на известные доли капитала, не желает или не может эксплоатировать этот капитал непосредственно в собственных предприятиях, и группа лиц, которая, имея собственные предприятия и желая эксплоатировать в них капиталы, не имеет права

собственности на них. У первой группы есть „свободный капитал“, вторая группа нуждается в капитале. Тогда совершается передача капитала от представителей первой группы представителям второй, временная передача его для применения в этих чужих предприятиях. Первая группа выступает в качестве заимодавцев, кредиторов, вторая — в качестве заемщиков, должников. Передачей капитала в чужие предприятия достигается то, что в стране не оказывается праздно лежащих капиталов, а предприятия имеют столько капитала, сколько необходимо для их рационального существования. Передача совершается на условиях возмездности, т.-е. заемщик уделяет кредитору часть той прибыли, которую дает капитал в его предприятии, часть, называемую процентом.

Теперь нас не должны удивлять ни непрерывность образования свободных капиталов, ни всеобъемлющий характер кредита. Поскольку потребность в кредите вызывается глубокой, непрерывно действующей причиной, постольку и самый кредитный оборот получает постоянный материал.

Нетрудно видеть, что основная причина кредита лежит в том самом факте, который вызывает и крупнейшие социальные противоречия нашего времени. Кредит проистекает из того же, из чего проистекает и деление современного общества на классы, существование класса капиталистов и класса, лишенного орудий производства, пролетариата, т.-е. из факта несоответствия между гражданско-правовыми нормами современного строя и комбинацией элементов в процессе хозяйства. Но, в общем и целом, кредит—явление капиталистических отношений. И кредиторы и должники получают прибыль на капитал, обе группы принадлежат, в общем, к одному классу. Группа заемщиков, в большинстве случаев, не представляет собой людей, совершенно лишенных собственного капитала. Обычно они занимают чужие деньги в дополнение к своему собственному капиталу. Сегодняшний должник может завтра стать кредитором: стоит лишь ему отказаться от самостоят льного ведения своего предприятия, передать в чужие руки и свой капитал. Нередко, как мы это увидим дальше, один и тот же капиталист выступает одновременно в роли и кредитора и должника.

И тем не менее, любопытно отметить, что своеобразное происхождение кредита, единство корня у кредита, с одной стороны, и крупнейших социальных вопросов современности, с другой—нередко приводит к тому, что кредит становится формой социальной борьбы. В кредитных отношениях начинают проявляться социальные противоречия. Кредиторы и должники начинают противостоять друг другу, как классы имеющие противоположные интересы и ведущие между собой ожесточенную борьбу. Недаром Маркс отметил, что борьба классов в античном мире происходила, главным образом, в форме борьбы между кредиторами и должниками, что в Риме она закончилась гибелью должника—плебея и заменой его рабом, а в средние века – „падением феодального должника, который потерял свое политическое могущество вместе с его экономической основой“ [1]).

Словом, на-ряду с периодами, когда кредит выступает в форме мирного сотрудничества двух групп капиталистов, должников и кредиторов („кооперации“, как выражается Коможинский), бывают и периоды обостренных отношений этих двух групп. Не вдаваясь здесь в подробный анализ тех причин, которые вызывают смену этих периодов, скажем лишь, что этот вопрос находится, между прочим, в тесной связи с изменением ценности денег. По причинам, о которых мы говорили в первой части книги, для должников всегда бывает выгодно обесценение денег, падение ценности денежной единицы, или, иными словами, рост уровня товарных цен, а для кредиторов, наоборот, выгодно повышение ценности денег, или понижение уровня цен. Поэтому можно заметить, что интересы должников и кредиторов более или менее уживаются, и кредит имеет характер мирного сотрудничества в периоды устойчивости денежной единицы и, наоборот, отношения обостряются в периоды колебания ценности денег. При этом в зависимости от того, в какую сторону начинает склоняться эта ценность, недовольство выражает та или иная группа. Так, 70-е и 80-е годы прошлого столетия были годами падения цен на

---

[1]) Капитал, т. I, пер. под ред. П. Струве, СПБ. 1899, стр. 90.

сельско-хозяйственные продукты, и в это время разорялась большая группа должников — землевладельцы. Это было время, когда с этой стороны раздавались постоянные жалобы, когда придумывались способы помощи. Наоборот, в настоящий момент мы переживаем во всем мире период падения ценности денег, и мы наблюдаем обогащение должников и разорение кредиторов.

То исключительное значение, которое имеет вопрос о причинах возникновения свободных капиталов, о связи между явлением кредита и выясненным только что расхождением между хозяйственными и правовыми группировками капитала, делает необходимым дополнить определение кредита указанием на это обстоятельство.

После всего вышесказанного, мы можем дать следующее определение кредита:

Кредит есть такая форма междухозяйственного оборота, при которой капитал передается на время для обращения в чужое предприятие, с целью извлечения дохода, — при чем эта передача вызывается несоответствием между распределением капиталов в современном обществе, с одной стороны, и потребностями организации хозяйства — с другой [1].

---

[1]) В противоположность Коможинскому, который исключил из определения кредита указание на *временный* характер передачи капитала в чужое хозяйство, мы считаем необходимым подчеркнуть этот момент. Коможинский, а вслед за ним и другие (напр., *Schulze-Gaevernitz,* Die deutsche Creditbank, Tübingen 1922, стр. 11) считают возврат ссуды кредитору несущественным признаком кредита по той причине, что при некоторых кредитных сделках капитал передается заемщику навсегда, а именно при займе в форме вечной ренты. Однако, момент возврата капитала является настолько существенным при всех прочих формах кредита, что исключать его по указанной причине едва ли целесообразно. Скорее можно было бы признать вечную ренту не кредитной сделкой, именно, вследствие отсутствия в этой операции момента возврата капитала. Впрочем, и к этому нет надобности прибегать, ибо можно конструировать понятие рентных займов, как таких кредитных операций, при которых возврат капитала откладывается на бесконечно далекий срок.

Литература к гл. I.

1. *Н. Бунге.* Теория кредита. Киев 1852. Гл. I, II, III.

2. *В. А. Косинский,* Учреждения для мелкого кредита в Германии. Т. I. М. 1901. Введение.

3. *И. И. Кауфман,* Кредит, банки и денежное обращение. П. 1873. Гл. I, §§ 1—11.

4. *А. Миклашевский,* Деньги. М. 1895. Гл. VII.

5. *К. Маркс,* Капитал. Т. III, ч. I, отд. 5-й, гл. 21.

6. *М. Н. Соболев,* Кредит и его роль в народном хозяйстве. Харьков. 1918. Гл. 1—2.

7. *J. v. Komorzynski,* Die nationaloekonomische Lehre vom Credit. 2-te Aufl. Innsbruck 1909. 1-er Th. I—II.

8. *C. Knies,* „Erörterungen über den Credit", статья в „Zeifschrift für die gesammte Staatswissenschaft", Tübingen, B. 15. 1859.

9. Его же. Der Credit. Erste Hälfte. B. 1876. I—II.

10. *A. Wagner,*„Credit" ст. в Rentzsch's „Handw. der Volkswirtschaftslehre", Leipzig 1870.

11. Его же, „Der Credit und das Bankwesen", ст. в „Handbuch d. Polit. Oek." G. Schönberg'a, 2-te Aufl. 1-er B. Tübingen. 1885. VIII, I, 1, § 1.

ГЛАВА II.

Денежный рынок.

§ 1. Понятие денежного рынка. — § 2. Денежный рынок и денежное обращение. — § 3. Единство денежного рынка. — § 4. Роль денег в движении ссудных капиталов. — § 5. Ссудные капиталы и вещные капиталы. Понятие „накопления“ в применении к ссудным капиталам. — § 6. „Рынок денег“ и „рынок капиталов“. — § 7. Спрос на ссудные капиталы и спрос на платежные средства. — § 8. Спрос на денежные знаки и кассовые наличности. — § 9. Зачетная функция кредита.

§ 1. В предыдущей главе мы пришли к заключению, что кредит есть обращение капитала в чужом предприятии. Кредит осуществляется вследствие того, что, с одной стороны, имеются лица или предприятия, обладающие капиталом и предлагающие таковой, а с другой—лица или предприятия, готовые взять этот капитал для временного применения в своих предприятиях. Капитал выступает в данном случае в форме товара, на который существует спрос и предложение. Настоящее имя этого товара — *ссудный капитал*, капитал, предлагаемый в ссуду. Но спрос и предложение всякого товара встречаются на каком-либо рынке. Спрос и предложение хлеба встречаются на хлебном рынке, спрос и предложение чая—на чайном рынке. Очевидно, должен существовать рынок, на котором встречаются спрос и предложение ссудных капиталов. Такой рынок, действительно, существует. Этот рынок называется: „денежный рынок“.

Под рынком в широком смысле слова не следует понимать какую-либо ограниченную географическую точку, где встречаются продавцы и покупатели товара. М. И. Туган-Барановский дает несколько более широкое определение рынка. „Совокупность пунктов сбыта данного товара“ говорит он: „называется рынком“ [1]). Однако, и это определение страдает некоторой односторонностью. Когда говорят об условиях хлебного рынка, то здесь не только не имеют в виду какую-либо одну географическую точку, но и едва ли представляют себе и совокупность *пунктов* сбыта. Экономическое понятие рынка представляется более обширным, и под ним обычно понимают не совокупность пунктов, в которых встречаются продавцы с покупателями, а совокупность взаимоотношений, которые возникают между продавцами и покупателями на почве предложения данного товара и спроса на таковой. В этом смысле под денежным рынком следует понимать совокупность взаимоотношений, которые возникают между лицами, ищущими ссудный капитал, и лицами, предлагающими таковой [2]).

Но если этой оговорки достаточно, чтобы понятие всякого товарного рынка, как, напр., того же хлебного рынка, не требовало дальнейших разъяснений, то этого ни в какой мере нельзя сказать о денежном рынке. С понятием денежного рынка связано так много неясных представлений, что на этом понятии приходится специально остановиться. Путаница в представлениях, которая имеется относительно явлений денежного рынка, разнообразие подходов к этому вопросу в экономической литературе так велико, что у некоторых является сомнение в том, возможно ли, вообще, разобраться во всем этом клубке. Однако, несомненно, прав автор известной книги об английском денежном рынке, Бэджгот, который высказал на этот счет более оптимистический взгляд.

---

[1]) *М. И. Туган-Барановский,* Основы политич. экономии, отд. V. гл. I, 1.

[2]) См. по этому вопросу *Шпитгофа,* который говорит об этом следующее: «Der Kapitalmarkt ist keine ortliche Einheit, sondern eine ideelle». („Die äussere Ordnung des Kapital -und-Geldmarktes“, Schmoller's Jahrbuch, 1909. B. 33, стр. 450).

„Полагают“, говорит он: „что денежный рынок представляет собой нечто до такой степени туманное, что об нем можно говорить только очень абстрактно и что поэтому книги, трактующие об этом предмете, должны быть чрезвычайно трудны. Но я утверждаю, что денежный рынок представляет собою явление очень конкретное, реальное, что его можно описать простыми словами и что если предмет остается неясным, то винить в этом надо только автора“ [1]).

И, действительно, денежный рынок может быть легко понят и легко описан. Необходимо лишь усвоить несколько истин или, вернее, отрешиться от нескольких заблуждений, которые часто бывают связаны с этим явлением.

§ 2. Раньше всего, как нам приходилось уже указывать в первой части настоящей книги (гл. I), надо строго отличать явления *денежного рынка* от явлений *денежного обращения.* Смешение этих двух областей сплошь и рядом встречается в экономической литературе и оно приводит всегда к неверным выводам и неясным представлениям. Это смешение проистекает от двойственного значения слова „деньги“. Дело в том, что под „деньгами“ обычно принято понимать две различные вещи. Во-первых, под „деньгами“ понимают денежные знаки, те металлические кружки, или четырехугольные бумажки, которые исполняют роль орудия обращения и переходят из рук в руки в процессе обмена товаров. Во-вторых, под „деньгами“, по причинам, о которых у нас будет речь дальше, сплошь и рядом понимают нечто совершенно иное, а именно ссудные капиталы. В этом смысле говорят: „на рынке наблюдается обилие денег“, „на рынке ощущается недостаток денег“, „деньги в Лондоне вздорожали“, „деньги в Париже подешевели“. Во всех этих случаях речь идет не о деньгах, как денежных знаках, а о деньгах, как ссудном капитале. „Обилие денег“ означает большое предложение капиталов в ссуду для обращения в чужих предприятиях при слабом спросе на них, а недостаток денег—наоборот, слабое предложение ссуд-

[1]) *В. Бэджгот,* Ломбардстрит, рус. пер. под ред. Е. М. Эпштейна, 1901, стр. 1.

ных капиталов при большом спросе. Это обилие или недостаток "*денег*", как ссудных капиталов, может происходить, и на самом деле происходит в периоды, когда общая масса „денег" в первом смысле слова, т.-е. денег, как денежных знаков, остается неизменной.

Отличие „денег" в первом смысле слова, т.-е. как денежных знаков, от „денег" во втором смысле слова, как ссудных капиталов, как было более подробно указано в I части книги, становится особенно ясным, если обратить внимание на различный смысл понятия: „цены денег" в приложении к тому и другому значению слова: „деньги". Когда мы говорим о деньгах, как денежных знаках, мы под ценой их понимаем их покупательную силу по отношению к товарам, ту массу одного или нескольких товаров, которую в тот или иной момент можно купить за единицу денег. Мы говорим в этом смысле, что бумажные деньги в России в 1914—1923 г.г. сильно упали в цене, обесценились, имея в виду сказать, что за прежнюю единицу денег, рубль, в 1923 г. можно было купить гораздо меньше хлеба, картофеля и т. д., чем в 1914 г., что покупательная сила этого рубля в 1923 г. упала. Совершенно иной смысл имеет: „цена денег" в приложении к деньгам, как ссудному капиталу. Здесь под ценой денег имеется в виду та цена, которую заемщик уплачивает кредитору за временное пользование его капиталом, или процент. Когда мы говорим, что „деньги в Лондоне вздорожали", понимая под деньгами ссудные капиталы, то мы имеем в виду повышение процента. Понятие: „цена денег" в обоих случаях не только не совпадает, но оно лежит в разных плоскостях [1]).

---

[1]) Говоря о законах, определяющих величину процента, *Милль* пишет: „Таким образом величина процента зависит существенно и постоянно от относительных количеств действительного капитала, предлагаемого в ссуды, и капитала, требуемого для ссуд; но она подвержена разного рода временным колебаниям от увеличения или уменьшения находящихся в обращении денежных знаков и эти колебания иногда усиливают действие первого закона, а иногда прямо противодействуют ему. Все эти вещи не различаются и спутываются еще больше вследствие несчастной неверности языка, обозначающего величину процентов выражением „ценность денег", собственно

Явления денежного рынка тем и отличаются от явлений денежного обращения, что первые имеют дело с деньгами, как ссудным капиталом, и с ценой денег— в смысле процента, а вторые—с деньгами, как денежными знаками, и ценой денег—в смысле покупательной силы денежной единицы.

Образчиком смешения понятий в этом смысле может служить, напр., следующее определение денежного рынка, которое мы находим в одной русской книге. „Денежный рынок", говорят авторы этой книги: „представляет собою особую область народного хозяйства, относящуюся к торговле деньгами в широком смысле этого слова, т.-е. к спросу и предложению ссудных капиталов, покупке и продаже денежных знаков, чеков, векселей, слитков, драгоценных металлов и прочих орудий денежного обращения и платежа" [1]).

Спрос и предложение ссудных капиталов, т.-е. явления денежного рынка, сливаются здесь в одно с покупкой и продажей слитков и денежных знаков и т. п., т.-е. с явлениями, к денежному рынку не относящимися, и принадлежащими к сфере денежного обращения.

§ 3. Но если денежный рынок следует отграничивать от непринадлежащей ему сферы денежного обращения [2]), то в пределах обращения ссудных капиталов его надо мыслить, как рынок единый. Вторая задача в выяснении понятия денежного рынка и заключается в том, чтобы рассеять неясности, которые связаны с делением денежного рынка на различные части. Здесь больше всего заслужи-

---

обозначающим покупательную силу денежных знаков" (См. Principles, кн. III, гл. XXIII, § 4, цитир. по русск. перев. „Основания полит. экон.", т. II. П. 1873, стр. 174—175). См. также *Маркс.* Das Kapital, III. B. I Th., гл. 26 (замечание к 3804 вопросу парламентской комиссии).

[1]) „Русские биржевые ценности 1914—15 г.", под ред. М. И. Боголепова. П. 1915 г., стр. 116.

[2]) Из этого не следует, что между явлениями денежного рынка и явлениями денежного обращения нет никакой связи. О случаях, когда такая связь обнаруживается, у нас будет речь дальше.

вает внимания вопрос о том, что такое „рынок денег“ и „рынок капиталов“.

Мы говорим, что денежный рынок—рынок единый, единый в том смысле, что все его рессурсы представляют собою единое целое, а приток капиталов на денежный рынок и распределение их по хозяйственным артериям представляет собою единый процесс, все части которого между собою тесно связаны и все действия которого происходят по одним и тем же законам. *Существует один денежный рынок, на котором регулируются все взаимоотношения между спросом и предложением ссудных капиталов*, как существует один хлебный, один хлопковый рынок, на котором регулируются спрос и предложение этих товаров. Это не значит, что на этих рынках нивеллируются все индивидуальные особенности товаров. На едином хлебном рынке, помимо общих законов, регулирующих мировую цену хлеба, действуют и местные законы, позволяющие говорить о национальных хлебных рынках, о районных хлебных рынках и т. д. И тем не менее, хлебный рынок остается единым, так как все эти местные и районные явления находятся в теснейшей связи и взаимодействии со всеми остальными явлениями данного рынка. Хороший урожай хлебов в одной стране отражается на мировой цене хлеба, как и цена на хлеб в данной стране испытывает на себе влияния мирового урожая. В том же смысле надо понимать и единство денежного рынка. На денежном рынке существует различный „материал“, как существуют различные „сорта“ на хлебном рынке, законы и явления денежного рынка модифицируются по странам, по районам, приток и распределение капиталов принимают на денежном рынке различные формы, и тем не менее денежный рынок остается единым, так как все виды „материала“, которыми он оперирует, и все формы сделок, в которые облекаются происходящие на этом рынке явления, находятся между собою в неразрывной связи.

Денежный рынок — рынок единый в том смысле, что *объектом спроса и предложения на нем является всегда один и тот же товар — ссудный капитал.*

Между тем, различие в формах, в которые облекаются различные виды сделок на денежном рынке, воспринимается многими, как различие по существу явления, и дает повод к установлению таких классификаций, которые не вытекают из существа понятия. Наиболее распространенным является упомянутое нами деление всей области, охватывающей спрос и предложение ссудных капиталов, на два отдельных рынка: „рынок денежный" и „рынок капиталов". Ряд писателей экономистов, на взглядах которых мы остановимся в дальнейшем, представляют себе дело так, будто бы в области кредита объектом спроса и предложения являются два различных товара: „деньги" и „капиталы". Эти взгляды, как мы это покажем ниже, представляются ошибочными и денежный рынок, повторяем, надо мыслить, как рынок единый, оперирующий всегда с одним и тем же объектом.

Что же такое представляет собою тот ссудный капитал, который служит объектом спроса и предложения на денежном рынке? Что следует понимать под тем „капиталом", который передается в чужое предприятие для обращения, надо ли под ним понимать капитал в вещной форме, в форме всех разновидностей вещного капитала, или же под ним следует понимать капитал в форме денежных знаков? Лежит ли в основе кредита передача чужому предприятию зданий, орудий производства, сырья, или же в данном случае речь идет о передаче в чужое предприятие монеты? Что, в частности, является предметом спроса в моменты напряженного состояния денежного рынка: ощущается ли в этих случаях недостаток реальных ссудных капиталов, или же недостаток денежных знаков?

Это—один из наиболее сложных вопросов экономической теории, которым экономическая мысль занимается уже не менее столетия, вопрос, с которым, в частности, связано то или иное понимание явлений кризиса и конъюнктуры в капиталистическом хозяйстве [1]).

---

[1]) „К чему сводится главное стремление коммерческого мира под давлением паники, как она произошла согласно вашему описанию в 1825, 1837 и 1839 г.г.; желают ли коммерческие деятели в такие моменты получить в свое распоряжение капитал или законные платежные средства?"—вопрос,

Мы считаем, что в основе кредита лежит передача одними лицами другим для временного обращения в их предприятиях *вещного* капитала, а отнюдь не монеты, и что спрос на ссудные капиталы означает всегда спрос на реальные ссудные капиталы, а не спрос на денежные знаки [1]), Если мы говорим, что в данный момент в какой-либо стране размер кредита достиг 10 миллиардов рублей, то это значит, что в этот момент часть общенационального вещного капитала стоимостью в 10 миллиардов рублей помещена владельцами

заданный известиому сторонинику Currency School, Оверстону, английской парламентской комиссией 1857 г. Этот вопрос мы находим у Маркса в 3-м т., откуда он нами приведен. („Das Kapital", B. III.. I Thl, Кар. 26, 3-te Aufl, стр. 413). Маркс в разных отрывках 3-го т. „Капитала" неоднократно ставит этот вопрос в той или другой форме, в частности, в начале 30 главы 3-го тома „Капитала". Исчерпывающего ответа на него Маркс, однако, не оставил, хотя в отдельных отрывках его рассуждений о кредите, из которых Энгельс составил соответствующие главы 3-го т. „Капитала", встречаются косвенные намеки на те представления, которые он имел по данному вопросу. Энгельс попытался восполнить этот пробел, вставив длинное примечание редактора к отрывку по поводу цитированного вопроса Оверстону. В какой мере Энгельс правильно интерпретировал в данном вопросе Маркса, остается, однако, спорным. Мои сомнения по этому поводу вызвали возражения со стороны *А. Мендельсона*, который вместе с тем пытается опровергнуть мою точку зрения об единстве денежного рынка (см. его статью: „Средства обращения и капитал", в журнале „Под знаменем марксизма" № 8—9 за 1923 г., стр. 251 и сл.). По моему мнению, А. Мендельсону это ни в малейшей мере не удалось. Не имея, однако, возможности останавливаться здесь на этом вопросе, я постараюсь, если будет возможность, вернуться к нему в другой работе.

[1]) Эта точка зрения, которую мы пытаемся дальше подробно обосновать в тексте, высказывалась в экономической литературе неоднократно. Ее определенно формулировал еще *Адам Смит* в следующих словах: „Почти все процентные займы производятся деньгами, бумажными или металлическими. Но то, в чем действительно нуждается заемщик, и то, что он действительно получает от кредитора, это не деньги, а их ценность, или же товары, которые он за эти деньги может купить... При помощи ссуды кредитор, так сказать, передает в полное распоряжение заемщика свое право на известную долю годового продукта земли и труда данной страны". („Wealth of Nations", кн. II, гл. IV). В новой литературе мы встречаем эту точку зрения у *Spiethoff'а*. („Das Verhältniss von Kapital, Geld und Güterwelt", в Schmoller's Iahrbuch за 1900 г. B. 33. Стр. 928), *Mises'a* („Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel", M. 1912, стр. 354) и др.

этой доли общенационального капитала в чужих предприятиях, но это не может значить, что в этих чужих предприятиях находится на 10 миллиардов рублей *денежных знаков*, принадлежащих кредиторам.

Такой вывод раньше всего напрашивается из самого понятия о цели кредита. Передача капитала для временного обращения в чужое предприятие имеет своей целью получение части того дохода, который этот капитал будет приносить в процессе его обращения. Если предприниматель берет в кредит капитал и гарантирует его владельцу уплату 5% в год, то он, очевидно, предполагает, что взятый в ссуду капитал будет ему приносить определенный доход, превышающий 5% годовых, и что за выплатой кредитору этих процентов для него еще останется известный плюс. Но способность капитала приносить доход есть свойство не только капитала в виде денежных знаков. Прибыль приносят все формы капитала, все виды вещного капитала. Среди различных видов вещного капитала, представляющих собою продукт прошлого труда, деньги — монета составляют лишь очень небольшую часть, и прибыль дает не только эта небольшая часть капитала, но и все прочие виды вещного капитала. Но если способность приносить доход не есть отличительная особенность той части капитала, которая имеет форму денежных знаков, то, очевидно, и кредит, основанный на способности капитала приносить доход, имеет своим объектом не капитал — деньги, или точнее не только капитал — деньги, а капитал в целом, капитал в вещной форме.

То обстоятельство, что в основе кредита лежит передача капитала в вещной форме, а не передача денег видно также и из данных о современном развитии кредитных отношений. Если сравнить количество капиталов, обращающихся в чужих предприятиях в определенные моменты с общей суммой денежных знаков соответствующей страны, то всегда оказывается, что денежных знаков во много раз меньше, чем „чужих капиталов“.

§ 4. Здесь возникает, однако, следующий вопрос. Если, как сказано, кредит заключается в передаче в чужое

предприятие капитала в вещной форме, то как примирить это с тем фактом, что в действительности в кредит даются деньги, а не вещные капиталы? *Какова, вообще, роль денег в кредитных отношениях?*

На этот вопрос приходится ответить следующим образом. Деньги — монета, денежные знаки служат орудием кредита. Они являются средством переноса вещных капиталов из рук их владельца в руки заемщика. Иначе говоря, деньги исполняют в области кредита ту же роль, что и в области обмена товаров. Как при обмене товара на товар деньги служат лишь орудием этого обмена, так и при передаче ссудных капиталов от одного лица к другому деньги служат лишь орудием этой передачи. И поскольку всякому внимательному наблюдателю ясно, что цель и смысл обмена заключаются не в разрозненных актах покупки и продажи за деньги, а в конечном обмене товара на товар, постольку должно быть ясно, что цель и смысл кредита заключаются в переносе в чужие предприятия того, что им нужно, т. е. вещного капитала, а не денег.

При таком понимании роли, которую деньги играют в кредитной сделке, мы легко можем понять, почему перенос в чужие предприятия капиталов на много миллиардов рублей совершается при условии обращения денежных знаков на меньшую сумму. Одна и та же сумма денег — монеты может много раз исполнить функцию переноса капитала в чужое предприятие. При помощи денежных знаков на 1000 рублей легко может быть передан в чужое предприятие капитал в 10.000 рублей. Надо лишь, чтобы циркуляция денег повторилась несколько раз.

При этом понимании роли денег в кредитных сделках рассеивается и то видимое противоречие, которое заключается в том, что кредит, с одной стороны, есть передача в чужое предприятие вещного капитала, а с другой стороны сводится к передаче известной суммы денег. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что передача *вещного* капитала осуществляется в *форме денег* и при посредстве денег. Имея определенную сумму вещного капитала и желая передать его в чужое предприятие, кредитор продает свой вещный ка-

питал, реализует его в деньгах и передает эти деньги заемщику. Заемщик, который с своей стороны нуждается не в деньгах, как монете, а в вещном капитале, в свою очередь обратно реализует полученные от кредитора деньги в вещном капитале. В результате этого вещный капитал кредитора переходит в предприятие заемщика. Кредитор по существу как бы получает право собственности на часть вещного капитала, обращающегося в предприятии заемщика, а денежные знаки, при помощи которых осуществилась эта операция, возвращаются туда, откуда они пришли. Перед началом осуществления той цели, которую преследовали кредитор и заемщик, когда первый решил — передать, а второй — принять капитал из предприятия в предприятие, денежных знаков на сумму кредитной сделки не было ни у того, ни у другого контрагента. Эти денежные знаки в этот момент находились у третьих лиц, у тех, которым кредитор продал первую частицу своего вещного капитала. По завершении всего процесса перехода вещного капитала в чужое предприятие, денежные знаки снова возвращаются к третьим лицам.

Нетрудно понять, почему кредитные сделки требуют участия денег для своего осуществления. Это участие денег вызывается здесь теми же причинами, что и участие денег в явлении обмена. Деньги нужны здесь потому, что заемщик обычно нуждается не в тех видах вещного капитала, которыми обладает кредитор. Если бы кредитор всегда имел как раз те виды вещного капитала, которые нужны заемщику, то он мог бы передать капитал свой в предприятие заемщика непосредственно. Такой случай мы имеем в так наз. *товарном* кредите, при переходе товара из рук производителя в руки оптового торговца, и из рук оптового торговца в руки торговца розничного. Продажу фабрикантом в кредит тканей своего производства мы можем рассматривать, как такую форму кредита, которая осуществляется без посредства денег. Но в большинстве случаев лицо, решившее передать другому свой капитал для временного пользования, имеет не те виды капитала, которые нужны заемщику. Капитал кредитора может оказаться воплощенным в участке земли, в доме и т. п., а заемщику нужны уголь, нефть, хлопок и т. д. При таких

условиях кредитная сделка может осуществиться лишь таким путем, что кредитор обращает свой вещный капитал в деньги, во „всеобщий товар“, и ссужает заемщика этими деньгами, предоставляя ему купить за них те виды вещного капитала, в которых его предприятие нуждается.

Однако, и в тех случаях, когда кредит осуществляется *без посредства* денег, он принимает тем не менее денежную *форму*, поскольку сумма капитала, которая дается в кредит, оценивается в деньгах. Это имеет место в случаях товарного кредита, о которых мы только что говорили. Допустим, что предприятие, торгующее нефтью, дает в кредит пароходному предприятию 100.000 пудов нефти на 6 месяцев. Здесь капитал кредитора непосредственно вступает в предприятие заемщика. Однако, и эта сделка принимает форму денежного кредита. При передаче нефти происходит ее продажа, фиксируется ее цена, и если эта цена равна, напр., 40 коп. за пуд, то сделка принимает форму оказания кредита на 40 тыс. руб. Эта денежная форма имеет, между прочим, то значение, что заемщик обязуется вернуть кредитору не данный товар, нефть, а всеобщий товар, деньги.

Кредитные сделки в современном хозяйстве принимают, таким образом, всегда форму денежного кредита. Было бы, однако, в высшей степени ошибочно принимать эту *форму* за *существо* явления, и за денежной формой не видеть того, что при кредитной сделке имеет место передача в чужое предприятие вещного капитала.

Если бы мы сказали, напр., что в течение 1914 г. сумма кредита возросла в России на 3 миллиарда, то это следовало бы понимать в том смысле, что в течение этого года из общего национального капитала в распоряжение чужих предприятий поступила от капиталистов доля национального капитала стоимостью в 3 миллиарда рублей. Отдельный капиталист, выбросивший на денежный рынок часть своего капитала стоимостью в 100 тыс. рублей, имеет в общей массе кредита свою часть. Он имеет право на часть вещного капитала предпринимателей — заемщиков, часть, которую надо оценить в 100.000 рублей, хотя формально он мог передать

свой капитал заемщику при посредстве денег, и требование его выражается в деньгах.

Я прихожу, таким образом, к тому выводу, что *в современном хозяйстве каждая кредитная сделка является по существу передачей чужому предприятию для временного обращения известной доли национального вещного капитала, а по форме—передачей заемщику со стороны кредитора известной суммы денег.*

Из этого понимания кредита вытекает с очевидностью методологическая неправильность деления объектов кредитных сделок на „деньги“ и „капиталы“. Если каждая кредитная сделка является одновременно и передачей капитала — по существу — и передачей денег — по форме, то, очевидно, неправильно делить кредитные сделки на две категории, на сделки, при которых происходит передача капитала, и сделки, при которых происходит передача денег. Нельзя также делить и денежный рынок на „рынок денег“ и „рынок капиталов“, так как на денежном рынке встречается спрос и предложение ссудных капиталов, капиталов вещных, принимающих денежную форму. В этом смысле можно с полным правом сказать, что на денежном рынке всегда предлагаются и спрашиваются капиталы, и в то же время утверждать, что денежный рынок всегда имеет дело с деньгами[1]). Но нет никакого основания утверждать, будто бы существуют два отдельных денежных рынка, из которых один оперирует с „деньгами“, а другой с „капиталами“. Денежный рынок в указанном выше смысле является рынком единым.

§ 5. Для правильного понимания изложенного выше взгляда о сущности денежного рынка надо еще иметь в виду следующее. Когда мы говорим, что спрос на деньги озна-

---

[1]) Маркс высказывается в этом последнем смысле в следующем рассуждении: „В процессе воспроизводства капитала денежная форма является преходящей, простым переходным моментом. На денежном рынке, напротив, капитал существует всегда в этой форме“. (См. „Das Kapital“, 3-er B., 1-er Th., 24 Kap., 3-te Aufl., 1911, стр. 379. В русском переводе 3-го тома „Капитала“ последняя фраза: „Auf dem Geldmarkt dagegen existiert das Kapital stets in dieser Form“, почему-то опущена, очевидно, по недосмотру. См. „Капитал“, Т. III, ч. 1-я, М. 1907, стр. 370).

чает спрос на вещные капиталы, а не на денежные знаки, то мы этим хотим сказать, что в указанном спросе проявляется желание предпринимателей расширить свои предприятия путем привлечения чужого вещного капитала. Это есть спрос на *ссудный* вещный капитал, а не спрос на вещный капитал вообще. В то же время спрос на ссудный капитал не есть спрос на товары. *Движение ссудных капиталов и реализация товаров представляют собою два отдельных процесса.* Избыток товаров, т.-е. перепроизводство и кризис, — может совпадать с избытком предложения ссудных капиталов. Между этими двумя явлениями существуют известные зависимости. Но эти совпадения отнюдь не обязательны. Перепроизводство и кризис сбыта, т.-е. избыток товаров, может сопровождаться, и на самом деле в известные моменты хозяйственной конъюнктуры сопровождается недостатком ссудных капиталов. Заминка в сбыте товаров в моменты кризиса заставляет торговцев и фабрикантов искать ссудные капиталы, увеличивать свои предприятия. Этот спрос на добавочные капиталы есть в основе своей спрос на добавочные вещные капиталы, на капиталы в виде реальных благ, и лишь по форме этот спрос есть спрос на деньги. А между тем этот усиленный спрос на ссудный капитал в вещной — товарной — форме совпадает в такие моменты с усиленным предложением товаров.

Чтобы уяснить себе природу ссудных капиталов, необходимо, далее, иметь в виду еще одну особенность этого своеобразного товара. Дело в том, что в отличие от всякого другого товара *ссудные капиталы не могут накопляться в виде запаса.* Так как движение ссудных капиталов выражается в переходе реальных капиталов из одних рук в другие, то эти капиталы до момента перехода находятся в руках кредитора, а после этого момента оказываются в руках заемщика. Поскольку переход, как было выяснено выше, совершается через посредство денежных знаков, для осуществления кредитных операций требуется известное количество этих денежных знаков. Большая часть тех денежных знаков, которые исполняют роль орудия передвижения ссудных капиталов, как мы увидим дальше, сосредоточивается в банках

и составляет кассовые резервы этих учреждений. *Эти кассовые резервы могут увеличиваться или уменьшаться. К ним применимо понятие запаса. Но ссудные капиталы, как мы выяснили, по своей природе не идентичны с денежными знаками, выступающими в роли орудия их обращения, и к ним понятие запаса не применимо.*

В этом смысле нельзя не признать ошибочными те представления о движении ссудных капиталов, которые кладет в основу своей теории кризисов *М. И. Туган-Барановский.* „При современных условиях хозяйства", читаем мы у Туг.-Барановского: „во всякой богатой капиталистической стране быстро накопляется свободный капитал, не связанный ни с какой отраслью промышленности. Капитал этот является на денежном рынке в виде свободного ссудного капитала... В годы застоя наблюдается чрезвычайное возрастание резервов банков. Вклады банков также усиленно растут во время застоя. Это указывает на скопление денежного капитала не находящего себе помещения в промышленности... В годы застоя рынок загроможден денежными капиталами... Свободный денежный капитал накопляется, усиленно ищет помещения и не может его найти. Непомещенный капитал не приносит дохода владельцам, и потому вполне понятно, что чем больше такого капитала, тем энергичнее он стремится проникнуть в промышленность. С одной стороны промышленность сопротивляется принятию нового капитала; капитал, с другой стороны, напирает со все растущей силой. Наконец, свободного денежного капитала скопляется так много, что сопротивление промышленности преодолевается, капитал проникает в промышленность и находит себе помещение. Наступает эпоха промышленного подъема... Таким образом проходит несколько лет. Накопленный ранее капитал мало по малу расходуется" [1]). Ссудный капитал представляется Туган-Барановскому в этом рассуждении в форме товара, запасы которого периодически увеличиваются и сокращаются. Эти запасы ссудного капитала, которыми рынок

---

[1]) *М. И. Туган-Барановский,* Периодические промышленные кризисы, 3-е изд., СПБ. 1914, стр. 295—297.

„загроможден“ во время застоя, „не связаны ни с какой отраслью промышленности“, представляют собою „непомещенный капитал“, который не приносит дохода владельцам, капитал, иными словами, не используемый в производстве и лежащий праздно.

На самом деле, однако, никакого запаса праздно лежащих *ссудных* капиталов, не связанных ни с какой отраслью промышленности ни в периоды застоя, ни в периоды промышленного расцвета не бывает. Каждая частица того реального капитала, который выступает в качестве ссудного капитала, работает в предприятии кредитора до того момента, пока она вступает в предприятие заемщика, и никакого перерыва в ее работе вследствие перехода капитала из рук в руки наступать не должно. В этом смысле нельзя говорить о свободном ссудном капитале, как о „непомещенном капитале“, не приносящем дохода его владельцу. В периоды застоя часть предприятий может, конечно, не работать или работать недостаточно интенсивно. Капиталы общества в данном случае не используются полностью, лежат праздно. Но это проявление кризиса не идентично с движением ссудных капиталов. На денежный рынок в эти моменты может бросить свой капитал, как ссудный капитал, и владелец работающего завода, и владелец завода, временно прекратившего свою работу. Предположение Туган-Барановского, что ссудные капиталы в течение ряда лет застоя „накопляются“, как не связанные ни с какою отраслью промышленности, не соответствует никаким реальным отношениям. Этих накопляющихся ссудных капиталов, поскольку ссудными капиталами являются вещные капиталы, в природе не существует.

Впрочем, представление о „накопляющихся“ ссудных капиталах у Туг.-Барановского отчасти основано на смешении ссудных капиталов с кассовыми резервами банков. Эти резервы, как мы сказали, действительно, представляют собою запас, который может увеличиваться и уменьшаться в своем размере. Больше того, в отдельные моменты увеличение или уменьшение кассовых резервов банков, сопровождается теми или иными изменениями в движении ссудных капиталов. В этих случаях можно говорить, что изменение кассовых

резервов является *признаком* того или иного движения ссудных капиталов. Тем не менее, нетрудно видеть, что изменение этих кассовых резервов не совпадает с движением ссудных капиталов, как таковых. В частности, кассовые резервы банков, как мы это увидим дальше, не могут накопляться годами в качестве непомещенных капиталов, так как это противоречило бы задачам этих учреждений [1]).

Отсутствие скопления или „нагромождения“ ссудных капиталов, отсутствие запасов этого товара не означает однако, того, что не существует „обилия“ или „недостатка“ этих капиталов. Но под обилием или недостатком ссудных капиталов надо понимать не изменение запасов, а нарастание или ослабление *склонности* к передаче капиталов в чужие предприятия. Лицо или предприятие, предлагающее капитал на денежном рынке, обнаруживает склонность переуступить его для временного пользования другому предприятию. Если

---

[1]) Интересно следующее рассуждение *Туг.-Барановского*. «Свободный денежный капитал, — говорит он (напр., лежащий в банке в форме вклада и не затраченный самим банком на дисконтирование векселей и пр.), — представляет собою покоящуюся покупательную силу. Эта покупательная сила, накапливающаяся в годы промышленного застоя, не оказывает никакого влияния на товарный рынок до тех пор, пока денежный капитал остается свободным. Но как только капитал помещается в той или другой форме, вся его покоящаяся покупательная сила немедленно переходит в действующее состояние. Капитал расходуется, т.-е. затрачивается на покупку тех или иных товаров» (там же, стр. 296—297). Чувствуя то противоречие с действительностью, которое получается от отожествления свободных ссудных капиталов с кассовыми резервами банков, Т.-Барановский делает попытку расширить понятие «свободного денежного капитала» до понятия банковского вклада. Но он не замечает, что „лежащий в банке вклад, поскольку он не затрачен самим банком на дисконтирование векселей и т. п.“, есть ни что иное, как тот же кассовый резерв банка, наличные деньги в его кладовой, которые отнюдь не „накапливаются“ в годы застоя, чтобы быть израсходованными в годы промышленного подъема. Интересные критические замечания по поводу взглядов Туган-Барановского на „накопляющиеся“ ссудные капиталы имеются у *М. А. Бунятяна*, который приходит к правильному выводу, „что «накопление капитала» в народном хозяйстве без одновременного помещения его не имеет и не может иметь место“ („Экономич. кризисы“ М. 1915. Стр. 223. См. также критику взглядов Туган-Барановского и др. на накопляющиеся ссудные капиталы у *A. Aftalion'a;* „Les crises périodiques de Surproduction“, T. I, P. 1913, стр. 297 и сл.).

сделка не осуществится, капитал не будет праздно лежать и не будет нигде скопляться, а будет продолжать функционировать в предприятии его нынешнего владельца. Обилие ссудных капиталов означает, что в данный момент многие владельцы капиталов *желали бы* передать свои капиталы во временное пользование другим предпринимателям при условии гарантии им определенного процента. Предложение ссудных капиталов есть *готовность* к передаче этих капиталов в другие руки, как спрос — готовность их принять. *Большая или меньшая склонность к перенесению капиталов в чужие предприятия, выражающаяся в большем или меньшем предложении этих капиталов, и создает то состояние, которое называется обилием или недостатком ссудных капиталов.*

§ 6. Как было уже сказано, я решительно расхожусь с теми экономистами, которые считают, что в кредитном обороте имеются *два* объекта сделок: „деньги“ и „капиталы“. Полагая, что в одних случаях рынок оперирует с ссудными капиталами в вещной форме, а в других с денежными знаками, сторонники этого взгляда делят на этом основании всю область кредита на 2 рынка: „рынок денег“ и „рынок капиталов“. Чтобы убедиться в ошибочности этого взгляда, надо разобраться в тех принципах, которые кладутся в основу указанной классификации.

Надо сказать, что в экономической литературе существует несколько версий деления денежного рынка на: „рынок денег“ и „рынок капиталов“ [1]).

---

[1]) Наряду с этим ряд авторов подчеркивает единство денежного рынка. Так, *Шумпетер* пишет: „Во всяком случае рынок капиталов (Kapitalmarkt) есть тот же феномен, который практика обозначает, как денежный рынок (Geldmarkt). Другого рынка капиталов не существует“. *(J. Schumpeter.* Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Leipzig 1912, стр. 273). См. также у *Мизеса*, цит. соч. М. 1912. Стр. 366.

В нашей двусторонней формуле: „вещный капитал — денежные знаки“ — подчеркнута первая часть. Мы пытаемся установить примат вещного капитала, являющегося конечным объектом оборота денежного рынка, над денежной формой, обнаруживающейся на поверхности этого рынка. Однако, поскольку речь идет о выяснении сущности денежного рынка, наши взгляды мало расходятся по существу со взглядами тех экономистов, которые склонны

Остановимся на наиболее распространенной из этих версий, каковой является деление кредитного оборота на два рынка: „рынок капиталов" и „рынок денег" (*„Kapitalmarkt" и „Geldmarkt"*), в зависимости *от срока*, на который оказывается кредит. Многим представляется, что на одном рынке, рынке капиталов, обращаются те средства, которые ищут долгосрочного помещения и направляются на пополнение основных капиталов предприятий, а на другом, денежном рынке, обращаются средства, которые ищут краткосрочного помещения, и направляются на снабжение предприятий оборотными капиталами путем краткосрочных операций по учету векселей, выдаче ссуд под товары и т. п. В связи с этим рынок капиталов отожествляется с рынком ценных бумаг, а денежный рынок с операциями по учету и ссудам коммерческих банков. Эту точку зрения мы встречаем в более старой литературе, в работе *Р. Гильдебранда* [1]), а в новой—в работах немецких экономистов *Шпитгофа* [2]), *Пленге* [3]), *Г. фон Бекерата* [4]). Ту же классификацию мы встречаем и у французских финансистов [5]). Она встречается и в русской литературе.

перевернуть эту формулу, и видят центр тяжести в *денежной форме* движения ссудных капиталов, и для которых объектом оборотов на денежном рынке всегда служат денежные знаки, как платежное средство. На этой точке зрения, в частности, стоит *Hilferding*. (См. Das Finanzkapital, Wien, 1910, стр. 104 и сл.). Формулировка Гильфердинга, для которого объектом спроса и предложения на денежном рынке всегда являются денежные знаки, должна, в конце концов, привести его к тому выводу, что на денежном рынке обращаются вещные капиталы, ибо денежные знаки нужны только, как орудие кредита.

1) *R. Hildebrand*, „Die Theorie des Geldes", Jena, 1883, гл. IV.

[2]) *A. Spiethoff*, „Die äussere Ordnung des Kapital—und Geldmarktes" Schmoller's Jahrbuch, 1909, B. 33, стр. 452.

[3]) *J. Plenge*, Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt, B. 1913, стр. 220.

[4]) *H. von Beckerath*, Kapitalmarkt und Geldmarkt, Jena 1916.

[5]) *J. Armagnac*, („Le marché financier de Londres" в сборнике „Aupetit, Brocard и др., „Les Grands Marchés financiers", Paris, 1912, стр. 215) делит денежный рынок на „marché monetaire" и „marché financier", причем под первым он понимает рынок учета векселей и под вторым рынок покупки и продажи ценных бумаг.

„Под денежным рынком", читаем мы в одной русской книге, посвященной биржевому вопросу: „обычно понимают соединение двух рынков — рынка краткосрочных помещений и рынка капиталов. Краткосрочный рынок снабжает народное хозяйство, главным образом, торговлю и промышленность оборотными средствами... Капитальный рынок имеет своим назначением предоставление заемщикам не просто денег, а денег, соединенных в массы, т.-е. капиталов" [1]).

Если бы эти авторы ограничивались констатированием того факта, что операции с ценными бумагами технически отличны от операций по учету краткосрочных векселей, то с их классификацией едва ли пришлось бы спорить. Можно было бы лишь говорить о том, в какой мере подходит слово „капитальный" рынок для операций первого рода, и слово „денежный" рынок для операций второго рода. Но авторы классификации идут гораздо дальше. Они не только констатируют технические различия в операциях, но утверждают, кроме того, что самые рынки действуют раздельно. Такое утверждение представляется, однако, неправильным и ведет к ошибочным выводам. Раньше всего, как мы покажем в дальнейшем, самое понятие „долгосрочных" и „краткосрочных" операций представляется условным, и в области кредита под видом краткосрочных операций сплошь и рядом проходит длительная связь между кредитором и должником, и наоборот. Но, кроме того, при нынешней организации денежного рынка, когда в центре его стоят в качестве посредников коммерческие банки, ссудные капиталы, притекающие на денежный рынок, вообще, здесь обезличиваются, и вместе с тем теряется различие между постоянными сбережениями и временно свободными средствами. Временно освобождающиеся капиталы могут питать собою операции по пополнению основных капиталов, как и, наоборот, всякого рода сбережения могут служить для целей краткосрочного кредита. Несмотря на указанные техниче-

---

[1]) „Русские бирж. ценности 1914—1915 г.", П. 1915 г., стр. 126.

ские различия, мы имеем поэтому дело не с двумя рынками, а с одним [1]).

Однако, если даже и считать, что различие в сроках и формах отдельных операций является достаточным поводом для деления денежного рынка на две части, то все же нельзя не видеть, что на той и на другой части денежного рынка обращается один и тот же ссудный капитал, т.-е. капитал в вещной форме, приводимый в движение при посредстве денег. Из факта различия в сроках кредитной сделки нельзя сделать вывода о различии *в объекте* кредита. Как при краткосрочных кредитах или при кредитах, направленных на пополнение обор тного капитала предприятия, так и при долгосрочных кредитах или при кредитах, направленных на подкрепление основных капиталов, заемщик получает от кредитора *денежные знаки*. Как в первом, так и во втором случае заемщик берет эти денежные знаки *для превращения их в реальный капитал*. В обоих случаях, таким образом, существо кредитной операции остается одинаковым, объектом оборота служит один и тот же товар. Вот почему, если даже разделять кредитный оборот условно на два рынка, и называть один из них „рынком капиталов", а другой „денежным рынком", то все же нельзя представлять себе дело так (как это между прочим делают цитированные русские авторы), будто на одном из этих рынков обращаются „деньги" в смысле денежных знаков, а на другом „капиталы" [2]).

[1]) Надо отметить, что многие из тех авторов, которые стоят на точке зрения двойственности денежного рынка и делят его на „рынок денег" и „рынок капитала", считают нужным оговариваться о неопределенности границ между тем и другим рынком. В частности авторы цитир. выше книги: „Русские бирж. ценности 1914—1915 г.г." также заявляют, что „между рынком краткосрочных помещений и капитальным рынком не существует ясно выраженных границ". Дело тут, однако, не в неясности границ, а в невыдержанности самого принципа деления денежного рынка на две части.

[2]) Наряду с делением денежного рынка на две части в зависимости от срока, на который дается кредит, мы встречаем в литературе такое же деление, основанное на других принципах. Так, в частности *Тук* и его школа делили деньги на „currency", т.-е. „средства обращения" и капитал. „Банковое дело", говорил *Тук*: „если не считать выпуска банкнот, опла-

§ 7. В то же время концепции единого денежного рынка не противоречит то обстоятельство, что торговые и фабричные предприятия сплошь и рядом предъявляют требование на деньги *не для покупки новых товаров, а для погашения старых платежей.* Им в этих случаях нужен не ссудный капитал, вообще, а ссудный капитал в форме денежных знаков. Однако, и в этих случаях конечной целью спроса на деньги является спрос на ссудный капитал в реальной форме, а деньги здесь также играют роль посредника в кредитной

чиваемых по предъявлении, может быть разделено на две отрасли, отвечающие установленному доктором *Смитом* делению сделок между торговцами и торговцами и между торговцами и потребителями. Одна отрасль банкового дела состоит в том, чтобы собирать капитал от тех, кто не имеет непосредственного помещения для него, и распределять его или передавать тем, кто имеет для него помещение. Другая отрасль состоит в том, чтобы принимать вклады из *дохода* своих клиентов, и выплачивать им эти суммы, когда им они понадобятся на предметы потребления. Первая есть обращение капитала, последняя — обращение денег". (Tooke. Inquiry into the currency principle. Стр. 36. Цит. по Марксу: „Das Kapital" III B., I. Th., Kap. 28, 3-te Aufl., стр. 429). *Энгельс* (цитир. примеч. к „Капиталу" Маркса, 3-й т., I ч., 3-е нем. изд. 1911 г., стр. 414—416) делит кредитный оборот на обращение „денег" и обращение „капитала" в зависимости от того, представляет ли заемщик в распоряжение банка реальное обеспечение или нет. В первом случае, по его мнению, мы имеем дело с ссудой *денег*, во втором—с ссудой *капиталов*. Против этих классификаций, в общем, можно высказать то, что сказано в тексте по поводу деления денежного рынка на две части в зависимости от срока ссуд. См. выше прим. к стр. 33—34. Не выдерживает критики и попытка *A. Hahn'a* установить различие между „рынком капиталов" и „денежным рынком" в соответствии с тем, даются ли в кредит банковые деньги в форме записи на текущий счет в каком-либо банке (Ган называет это „Ueberweisungsgeld"), или же наличные деньги, в форме банкнот, или сумм в Рейхсбанке („Reichsbankgeld"). Ган полагает, что „на рынках капиталов дается в кредит первый вид покупательной силы „Ueberweisungsgeld" а на денежных рынках второй вид покупательной силы „Reichsbankgeld", („Zur Theorie des Geldmarktes", ст. в Archiv für Socialw. und Socialp., B. 51, H. 2. Цит. по сб. статей: *A. Hahn*, Geld und Kredit, 1924, стр. 92). Тот факт, что между спросом на ссудные капиталы, который предъявляется коммерческим банкам со стороны их клиентуры, и спросом на ссудный капитал, который коммерческие банки в свою очередь предъявляют центральному банку, существует известное различие, конечно, не подлежит сомнению. Но можно ли говорить, что это различие заключается в *объекте* кредита, и что на этом основании надо различать два рынка? Полагаю, что нет, и что на

сделке. Посредническая роль денег при требовании на деньги для платежей только затемняется вследствие того обстоятельства, что самое превращение денег в товар произошло ранее срока платежа [1]). Попытаемся показать это на конкретном примере. Допустим, что оптовый торговец купил у фабриканта товар в кредит на 3 месяца и выдал продавцу вексель. Мы имеем, следовательно, налицо форму товарного кредита, при которой в предприятие оптового торговца вступил, для временного обращения, капитал фабри-

самом деле объект кредита в обоих случаях один и тот же, ибо в той мере, в какой коммерческие банки удовлетворяют спрос на кредит без того, чтобы обратиться за банкнотами к эмиссионному банку, они дают своему клиенту тот же самый объект, который дает эмиссионный банк, а именно деньги, на которые можно приобрести вещные капиталы. Будут ли это банкноты, или запись на текущем счете в Рейхсбанке, или „банковые деньги", т.-е. запись на текущем счете в депозитном банке, от этого существо кредитной сделки не меняется. Ган напрасно пытается реставрировать мнение о раздельности рынков, которое он сам считает свойственным вульгарной экономике. (Там-же, стр. 96). Он был более прав, когда за несколько лет до того писал: „Не существует особых „средств" денежного рынка или рынка капиталов. Там, где делается это различие, оно может основываться, поскольку оно допустимо, исключительно на известных различиях в личности кредитора, в частности, на том, идет ли речь о капиталистах, которые имеют в виду давать кредит предпочтительно на долгий срок, или о таких кредиторах, которые имеют в виду лишь краткосрочное помещение своих денег. Поскольку, однако, имеют дело с вопросом о том предмете, который предлагается лицами, дающими в ссуду деньги или капиталы, рынки должны рассматриваться, как нечто единое". (*A. Hahn*, Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits, Tüb. 1920, стр. 8—9).

[1]) *Дж. Ст. Милль* не замечает этого обстоятельства, когда он, установив сначала вслед за Ад. Смитом, что деньги являются только орудием кредита, и что кредит по существу есть перенос реальных капиталов, затем заявляет: „Нередки, однако, случаи, когда заемщик нуждается в другом... Он может взять деньги в ссуду не для того, чтобы употребить их как капитал и не для того, чтобы их истратить непроизводительно, а для того, чтобы оплатить прежний долг. В этом случае он нуждается не в покупательной силе, а в законном платежном средстве, или в чем-либо ином, что у него примет взамен этого его кредитор. Ему нужны деньги, как таковые, а не товар или капитал. Спрос, вызываемый этой причиной, всегда вызывает наиболее резкие и неожиданные изменения в учетном проценте. Такой спрос является одним из первых показателей промышленного кризиса". (*I. St. Mill.* Principles of Political Economy, B. III, Ch. XXIII, § 4).

канта. Допустим, что, вследствие заминки в сбыте, торговец не успел до наступления срока векселя продать товар и выручить необходимую ему для платежа сумму. Он тогда вынужден предъявить на денежном рынке новый спрос на ссудный капитал в форме денег. Допустим, что он получит эти деньги в кредит в каком-либо банке на новый срок в 3 месяца и ими оплатит вексель, выданный им фабриканту за 3 месяца до того. В этом случае капитал фабриканта, вступивший в свое время для временного обращения в предприятие торговца, будет изъят из этого последнего, но вместо него в указанное предприятие вступит капитал банка. Спрос на кредит, предъявленный торговцем на денежном рынке, проистекал от того, что ему необходимо было, чтобы полученный им ранее добавочный капитал остался в его предприятии на дальнейший срок. *Получение им денег из банка и погашение векселя, выданного ранее фабриканту, означает для него лишь смену кредиторов.* Он должен был вернуть капитал, взятый в ссуду у фабриканта, и потому оказался вынужденным получить капитал в ссуду от другого предприятия.

Какой же капитал был нужен торговцу, когда он обратился в банк за кредитом, и какой капитал будет обращаться в его предприятии в течение вторых 3 месяцев, вещный или денежный? Очевидно, вещный, ибо этим капиталом явится тот самый товар, который им был получен от фабриканта за 3 месяца до того, и который не был к этому времени продан. Но мы видели, что он предъявил на денежном рынке спрос на ссудный капитал в денежной форме, что ему нужны были денежные знаки, как таковые. Более того, если бы кто-либо предложил ему в этот момент в кредит новый капитал на ту же сумму, но не в форме денег, а в форме товара, он бы, вероятно, от такого кредита отказался. Торговцу нужны были денежные знаки, при чем деньги—монета являлись здесь предметом спроса со стороны торговца не для покупки товара, а как самоцель. Ему нужны были денежные знаки не для обращения их в товар, а для учинения платежа, не как посредническая инстанция в кредитной сделке, а как последняя цель ее. Это как

будто противоречит тому факту, что капитал, который продолжает обращаться в предприятии торговца, есть вещный капитал. На самом деле, однако, здесь никакого противоречия нет. Торговец, получив деньги из банка, потому не обращает их в товар, что это обращение уже произошло за 3 месяца до того, при покупке им товара у фабриканта в кредит, ибо уже тогда он *купил* товар, антиципировал обращение в данный товар своей будущей денежной выручки, принял на себя обязательство в денежной форме. Спрос на ссудный капитал, предъявленный оптовым торговцем по наступлении срока векселя, выданного им фабриканту, является, таким образом, как и всякий спрос на ссудный капитал, по существу спросом на вещный капитал, а по форме—спросом на деньги. То обстоятельство, что деньги в данном случае нужны не для приобретения нового товара, а для оплаты товара, ранее купленного, не меняет существа отношения. Поскольку эти деньги являются *чужими* деньгами, вступают в хозяйство в порядке кредита, они берутся с общего денежного рынка, как всякий другой ссудный капитал. Для соотношения спроса и предложения ссудных капиталов представляется безразличным, употребит ли оптовый торговец полученную им в банке ссуду на покупку нового товара или на оплату товара, ранее им купленного. В том и другом случае в его предприятии будет обращаться капитал банка.

Итак, мы приходим к выводу, что спрос на деньги, предъявляемый на денежном рынке, есть всегда спрос на ссудный капитал в вещной форме, что денежные знаки являются лишь орудием обращения этих ссудных капиталов, и что дело не меняется от того, берет ли заемщик эти деньги для покупки нового товара, т.-е. для пополнения своего предприятия новым вещным капиталом, или он берет их для погашения платежа в денежной форме, т.-е. для оплаты вещного ссудного капитала, раннее вступившего в его предприятие. В этом последнем случае, т.-е. при употреблении полученных в ссуду денег для оплаты старого обязательства в предприятие заемщика, добавочный вещный капитал в данный момент не вступает. Но *при помощи*

этой ссуды заемщик сохраняет в своем предприятии прежнее количество ссудного («чужого») вещного капитала. Он возмещает новым ссудным капиталом тот капитал, который должен быть изъят из предприятия, возвращен прежнему кредитору. или, как мы сказали, он получает нового кредитора вместо прежнего. Его спрос на деньги есть в этом смысле такой же спрос на *добавочный* ссудный капитал, как и в том случае, когда он на полученные деньги покупает новый товар. После получения денег в банке и уплаты по векселю, в предприятии торговца останется такое же количество чужого вещного капитала, какое у него было до наступления срока первого обязательства, выданного им фабриканту. Но если бы он не получил нового кредита в банке, а оплатил бы обязательство из выручки за товар, то общее количество чужого вещного капитала в его предприятии оказалось бы соответственно уменьшенным.

Положение не меняется в моменты кризиса и при т. наз. ультимо в конце месяца, когда наступают массовые платежи по векселям, и когда торговцы и фабриканты предъявлют усиленный спрос на деньги для погашения своих обязательств. За спросом на денежные знаки, как на законное платежное средство, и в этом случае стоит спрос на добавочный ссудный капитал в вещной форме. Наступление сроков платежей при ультимо означает *массовое изъятие ссудных капиталов со стороны старых кредиторов.* В моменты такого массового изъятия ссудных капиталов предприниматели, естественно, усиленно ищут новые капиталы, которыми они стремятся частично восполнить капиталы, уходящие из их хозяйств.

§ 8. Итак, мы пришли к тому заключению, что объектом спроса и предложения на денежном рынке всегда являются вещные ссудные капиталы, а денежные знаки служат лишь орудием кредита. Спрос на деньги не есть спрос на денежные знаки, как таковые, а лишь спрос на них, как на орудие кредита, через посредство которого передвигаются ссудные капиталы. Спрос и предложение денег, которые проявляются в области кредита, есть явление денежного рынка, отличное

от явлений денежного обращения. При одном и том же количестве денег в обращении, состояние денежного рынка может быть более напряженным и менее напряженным, ибо не денежные знаки являются в этих случаях конечным объектом спроса и предложения.

Указывая на то, что явления денежного обращения необходимо строго отличать от явлений кредита или денежного рынка, мы должны, однако, в то же время подчеркнуть, что между этими двумя рядами явлений существуют известные взаимоотношения. Эти взаимоотношения не нарушают той общей концепции денежного рынка, которую мы дали, но в них необходимо разобраться для устранения некоторых неясностей.

Не останавливаясь здесь на разборе всей этой сложной проблемы о взаимоотношении явлений денежного обращения и явлений денежного рынка, отметим некоторые из относящихся сюда моментов.

Раньше всего мы должны остановиться на одном случае, когда как будто имеется налицо исключение из данной выше характеристики спроса на ссудный капитал. Это — тот случай, когда спрос на ссудный капитал вызывается необходимостью пополнения кассовой наличности. В составе того вещного капитала, который находится в отдельных предприятиях, денежные знаки — касса, как мы выяснили в первой части книги, составляют определенную часть, которая в зависимости от разных условий, может быть больше или меньше. Поэтому может оказаться, что предприниматель в какой-либо момент нуждается в деньгах не для пополнения своих запасов топлива, сырья или машин, а для пополнения запасов своей кассы, размеры которой перестали соответствовать общим размерам его оборотов. Это произойдет в том случае, если в его предприятии нарушилась пропорция между отдельными составными элементами вещного капитала, и деньги — монета оказались в недостатке. Спрос на ссудный капитал для пополнения кассовой наличности означает, конечно, спрос на денежные знаки, как таковые. Здесь денежные знаки берутся не для того, чтобы их обратить в другой вид вещного капитала, а для того, чтобы они

фигурировали в предприятии, как денежные знаки. Но самые денежные знаки, как это нетрудно видеть, выступают в данном случае *не как противоположность вещного капитала, а как разновидность его.* Спрос на денежные знаки для пополнения касс должен, в частности, возрасти в моменты ультимо, при наступлении массовых платежей, ибо одновременное наступление ряда платежей вызывает для отдельных предприятий необходимость в подкреплении своих касс. Предприниматель, у которого в течение данной недели имеется много платежей, раньше всего нуждается в деньгах для того, чтобы оплатить эти обязательства. Ему нужны деньги для того, чтобы вернуть их своим кредиторам. Эти деньги, как мы показали, являются для него орудием обращения вещного ссудного капитала. Они не остаются в его кассе, а только проходят через нее. Но так как *через его кассу* в течение данной недели должно пройти много денег, то и *остаток его кассы* в этот период в каждый данный момент должен быть больше. Спрос на ссудный капитал, предъявляемый предпринимателем для пополнения его кассовой наличности, есть спрос на денежные знаки. Однако, то обстоятельство, что в общем спросе на ссудные капиталы в денежной форме часть спроса проистекает от потребности в денежных знаках, как таковых, не изменяет выдвинутого выше положения о характере отношений на денежном рынке. Объектом спроса и предложения на денежном рынке остается вещный ссудный капитал, по отношению к которому денежные знаки играют роль орудия обращения.

§ 9. Для того, чтобы закончить выяснение той связи, которая существует между явлениями денежного рынка и явлением денежного обращения, нам необходимо исследовать еще один вопрос, а именно, надо выяснить, *какое влияние оказывает развитие кредита на потребность в денежных знаках* [1]).

---

[1]) На вопросе о взаимоотношениях между явлениями денежного обращения и явлениями денежного рынка, связанных с эмиссией банковых билетов и деятельностью банков вообще, мы остановимся дальше, при рассмотрении теории банкового кредита.

В экономической литературе этому вопросу уделяется много внимания, но он освещается, обыкновенно, только одной стороны. При освещении вопроса о влиянии кредита на потребность в денежных знаках, обыкновенно, указывают, что кредит заменяет собою деньги, и что развитие кредита приводит к экономии в употреблении их. На этом основании, в частности, многие экономисты рассматривают кредитные документы — векселя, как род денежного суррогата, заменяющего собою в обращении настоящие деньги[1]). Это утверждение, в общем, несомненно, правильно. Надо лишь точно определить ту экономию в денежных знаках, которая достигается при помощи кредита. Эта экономия, как нам кажется, достигается тогда, когда происходит *зачет взаимных долговых обязательств*. Допустим, что А отпустил Б в кредит товар на 10.000 рублей на срок 1 июля 1925 г. Допустим, что В, в свою очередь, купил у Б другой товар на такую же сумму в кредит и обязался уплатить деньги в тот же срок, а А купил у В еще какой-либо товар на 10.000 рублей и также обязался оплатить его 1 июля 1925 г. Тогда все расчеты между А, Б и В могут произойти без посредства денег. Ибо, если Б предложит своему должнику В уплатить причитающуюся ему сумму своему кредитору А, то окажется, что А должен платить В 10.000 р. и получить от него такую же сумму. Взаимные платежи будут, конечно, зачтены без передачи денежных знаков в натуре. А между тем, если бы во всех трех случаях продажа товара была произведена за наличные, а не в кредит, то для завершения этих сделок потребовалось бы участие денежных знаков на 10.000 рублей в трех операциях. Кредит выполняет, таким образом, *зачетную функцию*, аналогичную той, которую, как было показано в первой части книги, выполняют чеки, и в пределах выполнения этой за-

---

[1]) В старой литературе на это указывает *Милль*, в специальной главе, которая носит название: „Кредит, как замена денег" („Principles", B. III, ch. XI). Тот же момент подчеркнут у *Маркса* („Das Kapital" B. III, Th. 2, изд. 1911 г., стр. 17). В новой литературе его выдвигает *Hilferding* („Das Finanzkapital" Wien 1910, стр. 76), а также *K. Wicksell* („Vorlesungen über Nationaloekonomie", 2 B., Jena. 1922, стр. 75 и сл.) и др.

четной функции кредит так же, как и чек, приводит к экономии денег.

Выполнение кредитом зачетной функции обыкновенно сопровождается определенным движением кредитного документа, векселя. В указанном выше примере Б, при продаже своего товара В, мог бы взять от этого последнего, в обеспечение платежа, вексель на 10.000 р. на срок 1 июля 1925 г. и этот „покупательский" вексель, в свою очередь, передать А, в обеспечение своего платежа, снабдив его своей подписью („бланком"). Затем А, купив товар у В на срок 1 июля 1925 г., может передать ему в обеспечение платежа этот самый вексель. По наступлении срока В как бы должен будет заплатить самому себе. Зачетная функция кредита в этом случае облекается в форму движения кредитного документа—векселя. Вексель как бы дается в платеж, а не в обеспечение, и выступает. как особого вида денежный знак. Но, как мы покажем дальше при выяснении сущности кредитных документов, об отнесении векселя к деньгам можно говорить только условно. По существу вексель есть кредитный документ, долговая расписка, свидетельствующая о переходе ссудного капитала из предприятия в предприятие. Экономия в денежных знаках, которая осуществляется при кредите, в основе своей базируется на взаимном зачете долговых обязательств, а не на том, что кредитные документы являются суррогатом денежных знаков. Обращение векселей может облегчить и усилить взаимные зачеты обязательств, но эти зачеты, как мы это показали выше, могут осуществляться и без участия векселей.

Отметив то обстоятельство, что кредит приводит к экономии денежных знаков, поскольку происходит зачет взаимных долговых обязательств, я не могу, однако, согласиться с теми экономистами, которые усматривают такое же влияние кредита и в тех случаях, когда зачетная функция кредита не проявляется. По этой причине я не могу, напр., согласиться с *Викселем*, который утверждает, что каждый 3-месячный вексель, находящийся в портфеле предприятия, заменяет собою наличные деньги. Если бы не было векселя, говорит *Виксель*, то в кассе данного предприятия, очевидно,

лежала бы соответствующая сумма денежных знаков, которую вексель и заменяет [1]). Ошибочность этого представления должна быть ясна из того, что было нами сказано выше о сущности кредита и роли денег в кредитном обороте. Вексель в портфеле предприятия является свидетельством того, что это предприятие дало другому предприятию во временное пользование часть принадлежащего ему реального капитала. Предприятие—кредитор—могло это сделать потому, что оно в данное время может обойтись без этой части вещного капитала, а также потому, что оно в свою очередь имеет в своем предприятии чужой вещный капитал. Если бы предприятие продавало свои товары только за наличные деньги вместо того, чтобы продавать их частью в кредит, на векселя, то это не могло бы привести к тому, что у него в кассе лежали бы наличные деньги на всю сумму его вексельного портфеля. Поскольку потребность кассы ограничена определенными рамками, излишки денежных знаков не могли бы в ней накопляться. В случае продажи своих товаров за наличные, предприятие реализовало бы свои излишки денежных сумм так же, как оно это делает при продажах в кредит. Оно, во-первых, само не привлекало бы чужого вещного капитала, а, во-вторых, употребило бы излишки денежных знаков на покупку других частей реального капитала. Кассовые остатки отдельного предприятия при отсутствии кредита отнюдь не должны были бы быть увеличены на сумму векселей, имеющихся в его портфеле. А так как общая потребность в денежных знаках какой-либо страны слагается из потребностей касс отдельных предприятий (и домохозяйств), то и общая сумма денежных знаков не должна была бы быть больше на сумму вексельных портфелей. Поэтому нельзя сказать, что при помощи кредита оборот экономит соответствующую сумму денежных знаков [2]).

---

[1]) *K Wicksell,* Vorlesungen u s. w. 1922, стр. 77.

[2]) Мы не можем также согласиться и с теми мыслями которые высказывает по данному вопросу *Коможинский* (Цит. соч., стр, 313.). Коможинский не идет так далеко, как Виксель, в подчеркивании экономии в употреблении денежных знаков, которая достигается при помощи кредита. Он не считает, что каждый вексель заменяет собою соответствующую сумму денеж-

Итак, мы приходим к тому выводу, что развитие кредита, действительно, приводит к экономии в употреблении денежных знаков, но что это влияние кредита проявляется в процессе выполнения им зачетной функции. В то же время мы должны отметить один момент во влиянии кредита, который имеет прямо противоположное значение, момент, кстати, сказать, мимо которого проходят упомянутые нами исследователи. Дело в том, что развитие кредита не только приводит к сокращению и потребности в денежных знаках, но *одновременно, с другой стороны, усиливает потребность в них*. Это вытекает из того факта, что деньги, как нами было выяснено выше, являются орудием кредита, средством обращения ссудных капиталов. Обращение ссудных капиталов, переход ссудных капиталов из предприятия в пред-

---

ных знаков. Но если вексель «передается получателем в платеж третьему лицу", говорит он: „или пускается еще дальше в оборот, то выпадают денежные платежи, которые в противном случае должны были бы иметь место. В этом случае... достигается экономия в употреблении монеты и в прочих расходах по циркуляции" (Коможинский, цит. соч., стр. 313). Мы думаем, однако, что если не происходит зачета долговых обязательств, то и в данном случае никакой экономии в употреблении монеты не достигается. Если *А*, имеющий в своем портфеле вексель *Б* на 1000 р., полученный при отпуске ему в кредит товара, купил в свою очередь товар в кредит от *В* на ту же сумму и на тот же срок, то он может дать *В* „в уплату" (т.-е. в качестве долговой расписки) „покупательский" вексель *Б* со своим бланком (подписью), или же он может дать ему свой вексель (соло-вексель), оставив вексель *Б* у себя в портфеле. Если передача *В* соло-векселя, как это признает и Коможинский, не дает никакой экономии в употреблении монеты, то не дает никакой экономии и передача *В* покупательского векселя. Ибо как в том, так и в другом случае сумма денег в 1000 руб. по наступлении срока должна будет вступить в оборот. Как в том, так и в другом случае это будет одна сумма. Как в том, так и в другом случае она в конечном счете перейдет от *Б* к *В*. Разница только в том, что если *А* передаст *В* вексель *Б*, то, по наступлении срока, *Б* непосредственно внесет деньги *В*, а если *А* выдаст *В* свой соло-вексель, оставив вексель *Б* у себя, то *Б* в день платежа внесет 1000 руб. *А*, и *А в тот же день* внесет *те же 1000 руб. В* Передача покупательского векселя вместо соло-векселя может, таким образом, действительно, привести к экономии в расходах по обращению, но не к экономии в денежных знаках, как таковых. О той экономии в денежных знаках, которая достигается при помощи системы депозитов, у нас будет речь в дальнейшем.

приятие представляет собою процесс, не совпадающий с процессом обращения товаров. Обращение ссудных капиталов как бы протекает параллельно с обращением товаров. Поэтому с развитием кредита к той потребности в денежных знаках, которая проистекает от их роли в качестве орудия обмена в товарном обороте, прибавляется потребность в денежных знаках, проистекающая от исполнения ими функции орудия обращения ссудных капиталов. Этот добавочный спрос на деньги, как на орудие обращения ссудных капиталов, в частности, выступает особенно явственно в торговле так наз. ценными бумагами, за которой, как мы покажем далее, скрывается, главным образом, процесс обращения ссудных капиталов.

Связь между развитием кредита и спросом на денежные знаки является, таким образом, двусторонней. Кредит, с одной стороны, уменьшает спрос на денежные знаки, а с другой, создает добавочный спрос на них.

Литература к гл. II.

1. *К. Маркс.* Капитал. Т. III, гл. 25—31.

2. *Д. С. Милль.* Основания политич. экономии. Кн. III, гл. XI.

3. *М. А. Бунятян.* Экономич. кризисы. М. 1915, гл. II, 3.

4. *Р. Гильфердинг.* Финансовый капитал. Гл. 5-я.

5. *A. Spiethoff,* статьи, в „Schmoller's Jahrbuch“ за 1909 г. B. 33: „Die äussere Ordnung des Kapital- und Geldmarktes“, „Das Verhältniss von Kapital, Geld ûnd Güterwelt“.

6. *J. Schumpeter.* Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. L. 1912 3. Kap. 3-er Abschnitt.

7. *L. Mises.* Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. 2-te Aufl. M.— L. 1924. 3-er T.

8. *H. v. Beckerath.* Kapitalmarkt und Geldmarkt. Jena. 1916.

9. *A. Hahn.* „Zur Theorie des Geldmarktes“. „Arch. für Socialw“, B. 51 H. 2, или в сб. ст. „Geld und Kredit“. Tübingen. 1924.

10. *K. Wicksell.* Vorlesungen über Nationaloekonomie. Jena 1922. 2-er B. III.

ГЛАВА III.

Приток капиталов на денежный рынок.

§ 1. Схема денежного рынка.—Основные вопросы кредита.—Приток капиталов на денежный рынок.—Распределение капиталов.—Организация денежного рынка. — Процент. § 2. Источники притока капиталов на денежный рынок. — Капиталы рантье. — Рантье, как тип. — Образование класса рантье, как результат социальных переворотов.—Страны рантье.—Англия, Франция, Соед. Штаты. § 3. Капиталы церкви, монастырей и др. учреждений. § 4. Капиталы трудовых классов. — Капиталы лиц интеллигентных профессий. § 5. Капиталы лиц, меняющих сферу своей деятельности. § 6. Бюджетные остатки. — „Свободная наличность". § 7. Приток капиталов „изнутри" от активной группы капиталистов. — Влияние смены сезонов.—Влияние несоответствия между ростом прибылей и расширением предприятий. — Товарный кредит. § 8. Кассовые остатки. — Кредит, как обращение капитала в „собственном предприятии". § 9. Выпуск банкнот. § 10. Классификация источников ссудного капитала.

§ 1. В предыдущих главах мы выяснили сущность кредита и денежного рынка. На основании изложенного картина движения ссудных капиталов вырисовывается в следующем виде. Существует единый резервуар денежного рынка. В этот резервуар постоянно стекаются ссудные капиталы, освобождающиеся у тех хозяйствующих субъектов, которые не желают или не могут применить их в своих предприятиях. Сюда же, по наступлении сроков, возвращаются „отработавшие" ссудные капиталы. Из этого общего резервуара ссудные капиталы растекаются по всему народнохозяйственному организму, вливаясь в те или иные предприятия. Капиталы, которые по разным причинам ищут

временного помещения в чужих предприятиях, как правило, не попадают сразу в эти предприятия: они проходят через общий резервуар денежного рынка. На денежном рынке проявляется, таким образом, постоянный спрос на ссудные капиталы и постоянное предложение таковых. Соотношение спроса и предложения этих капиталов определяет цену за временное пользование ими, или высоту процента, а высота процента, в свою очередь, оказывает регулирующее влияние на приток новых ссудных капиталов на денежный рынок и на распределение этих капиталов по чужим хозяйствам. Приток капиталов и их распределение осуществляются при посредстве стоящего в центре денежного рынка аппарата, главным образом, банков и биржи.

Эта схематическая картина не претендует, конечно, на исчерпывающую полноту. Некоторые виды кредитных сделок не вполне укладываются в указанную схему. Существуют кредитные сделки, которые совершаются и без посредства аппарата денежного рынка. Сюда относятся, раньше всего, весьма распространенные еще случаи непосредственной процентной ссуды денег, даваемой одним лицом другому, помимо каких бы то ни было посредников. Этих случаев частного неорганизованного кредита, по мере усложнения хозяйственной жизни, становится все меньше и меньше; однако, они играют еще значительную роль. Достаточно указать на весьма распространенную, в странах с частной собственностью на землю, форму частного кредита под вторые закладные на недвижимость. Обычно лицо, имеющее недвижимость и нуждающееся в новом капитале, прибегает сначала к посредству банка, который принимает у него его недвижимость в залог и выдает ему ссуду, то-есть уделяет ему часть общего ссудного капитала, притекающего на денежный рынок. При нужде в дальнейшем кредите владелец недвижимости нередко обращается уже непосредственно к капиталисту и получает от него дополнительную ссуду, иногда даже без посредства маклера. При этом за такую ссуду уплачивается более высокий процент, и этот неорганизованный кредит нередко имеет ростовщический характер. Другую весьма распространенную форму кредита, стоящую

несколько в стороне от денежного рынка, представляет собою тот самый товарный кредит, о котором мы говорили выше. При продаже товара фабрикантом оптовому торговцу, оптовым торговцем розничному и розничным потребителю, продавец, в очень большом числе случаев, оказывает покупателю кредит. Этот кредит продавец оказывает покупателю непосредственно. Фабрикант или оптовый торговец может затем, в свою очередь, обратиться за кредитом к общему резервуару денежного рынка (переучесть вексель), но это уже будет особой кредитной сделкой. Словом, бывают случаи, когда та или иная кредитная сделка стоит, как будто, вне общего денежного рынка.

Тем не менее, мы и в этих случаях не можем говорить о полной изолированности таких кредитных сделок и о независимости их от общей организации и общего положения денежного рынка. Как в случае неорганизованного—ростовщического кредита, так и в случае товарного кредита влияние денежного рынка сказывается раньше всего на высоте процента. Не прибегая к посредству *аппарата* денежного рынка, ростовщик, как и фабрикант, оказывающий кредит оптовому торговцу, не может, однако, не считаться с общими условиями этого рынка. Этими условиями определяется и для них высота процента на ссужаемый капитал. А затем, как бы ни стояла в стороне от общего рынка та или иная сделка, она, в свою очередь, не может не оказывать влияния на его условия. В самом деле, допустим, что фабрикант не пожелал бы отпустить свой товар в кредит оптовому торговцу и требовал бы от него уплаты наличными деньгами. Так как у торговца, обращающегося за кредитом, очевидно, в данный момент денег нет, то ему пришлось бы, в конце концов, для осуществления сделки обратиться к общему резервуару ссудных капиталов и позаимствовать оттуда необходимую ему часть. Это усилило бы спрос на капитал на общем денежном рынке и оказало бы, таким образом, на этот рынок известное воздействие. Предоставление фабрикантом кредита этому торговцу, как бы изолирован ни был этот кредитный акт, уменьшает спрос на деньги, предъявляемый на денежном рынке, и вступает, таким образом, в связь

со всем денежным рынком. Вот почему данная выше схема денежного рынка является весьма близкой к действительности, и она может значительно облегчить понимание явлений кредита.

Вместе с тем, это представление о денежном рынке определяет и те вопросы, которые нам предстоит рассмотреть для выяснения законов этого рынка и характера его деятельности.

Представляя себе денежный рынок, как совокупность взаимоотношений, которые возникают на почве спроса и предложения ссудных капиталов, как единый резервуар, в который по определенным законам притекают ищущие помещения из процента ссудные капиталы, и откуда эти ссудные капиталы распределяются, при посредстве специального аппарата, по народно-хозяйственному организму, мы можем свести задачу изучения кредита и деятельности денежного рынка к рассмотрению следующих четырех вопросов:

1) вопроса о *предложении* ссудных капиталов, о тех источниках, откуда эти капиталы притекают на денежный рынок и о законах, которые управляют этим притоком;

2) вопроса о *спросе* на ссудные капиталы, т.-е. о том, по каким каналам распределяются эти капиталы с денежного рынка, и о законах, которым подчинено это распределение;

3) вопроса об *организации* денежного рынка, о специальных условиях его функционирования, о том аппарате, который стоит в центре его и с помощью которого этот рынок приводится в движение, а, в связи с этим, вопроса о роли биржи и банков на денежном рынке и, наконец,

4) вопроса о *проценте*, как цене ссудных капиталов, о законах, от которых зависит установление этого процента, и о том влиянии, которое колебание процента оказывает на хозяйственную жизнь страны.

§ 2. Начнем с притока капиталов на денежный рынок.

В предыдущих главах мы выяснили, что предложение ссудных капиталов исходит от лиц, которые имеют право

собственности на капитал, но временно не желают или не могут применять этот капитал в своих предприятиях. При ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, что, в общем, можно указать ряд групп, которые отдают свои капиталы в чужие предприятия по различным мотивам. Капиталы притекают в общий резервуар денежного рынка из различных источников. Каждый источник имеет свой особый характер.

Каковы же источники прилива капиталов на денежный рынок?

Раньше всего, денежный рынок постоянно питается капиталами, поступающими от лиц, которые не имеют склонности заниматься хозяйственной деятельностью. Этих лиц принято называть *рантье.* Хозяйственная деятельность, в форме ведения самостоятельного предприятия, требует известных навыков, известного интереса. Она связана с затратой определенной физической и нервной энергии. Фабрикант, торговец должен всегда заботиться о правильном ведения своего дела, он постоянно рискует, в случае неблагоприятной конъюнктуры или каких-либо неудач, не только не получить прибыли на свой капитал, но даже потерять самый капитал. Правда, ведение самостоятельного предприятия имеет не только отрицательные стороны. Оно может доставить и известные наслаждения, ибо в нем есть известные элементы творчества. Но этот вид творчества, это наслаждение нужно любить. Неудивительно, что в обществе всегда есть люди, которые не любят хозяйствовать, для которых труд и беспокойство, связанные с самостоятельным ведением предприятия, перевешивают те приятные моменты, которые заключаются в хозяйствовании. Философы древности считали, вообще, хозяйственную деятельность предосудительной для свободного человека, в особенности торговлю [1]). Современная научная мысль отказалась от этого предрассудка. Но в обществе еще и теперь имеется не мало людей, которые относятся презрительно к хозяйство-

[1]) См. о взглядах *Аристотеля,* по этому вопросу, в его „Политике". Перев. С. А. Жебелева, М. 1911 г., стр. 28. См. также у *В. Я. Железнова.* „Экономические воззрения древних греков", М. 1916, стр. 174.

ванию, в особенности к тем или иным его видам. Одни—из тех же мотивов, которые лежали в основе греческой философии, считая, что люди высшего типа призваны философствовать; эти группы отворачиваются от хозяйствования, чтобы заниматься науками, искусством, созерцанием природы и красоты, самосовершенствованием. Другие—потому, что предпочитают занятию хозяйством более простые житейские удовольствия: охоту, спорт, путешествие и т. п.

Но людей с отмеченными настроениями и склонностями как раз больше всего в среде капиталистического класса. В бедных слоях населения им нет места, ибо здесь нужда заставляет людей работать не рассуждая. Тут нет выбора для тех, кто не желает опуститься на положение нищего, люмпенпролетария. У зажиточных классов выбор есть. Из этой среды и выходят люди, не склонные хозяйствовать. Наблюдение за отдельными семьями капиталистов показывает, что в редких случаях руководство предприятием, давшим семье богатство, остается в руках одной и той же семьи больше, чем в течение 2—3 поколений. Обыкновенно, правнуки, а очень часто уже внуки „первого приобретателя“ охладевают к дедовскому предприятию, теряют интерес к хозяйствованию, стремятся уйти от него либо в область возвышенного созерцания и творчества, в науку, искусство, либо в область более простых житейских наслаждений и ничегонеделания.

Все эти люди, принадлежа к классу капиталистов, имеют, однако, право собственности на капитал. Они получают это право собственности по наследству от своих отцов и дедов. В капиталистическом хозяйстве, базирующемся на праве частной собственности на капитал, они—самые настоящие хозяева земли, орудий и средств производства. Уходя от хозяйства, они не могут взять всего этого с собою. Они, конечно, не могут и не хотят отказаться и от тех выгод, которые связаны с владением капиталом. Таким образом, создается класс людей, имеющих право собственности на капитал, но не склонных заниматься его эксплоатацией. Некоторый выход все эти уходящие от хозяйства люди находят в том, что они поручают ведение своих предприятий

наемным людям, приказчикам. Хорошо известен тип бывшего русского помещика, не питающего интереса к хозяйству, прожигающего жизнь в столицах или за границей, в то время, когда его имением управляет плутоватый приказчик. Мы знаем и из литературы, и из жизни об обычных результатах такого хозяйствования, которое заканчивается тем, что приказчик прибирает предприятие к своим рукам. Вот почему этот выход из положения не является для собственника особенно удачным. Организация кредита дает ему лучший выход, при котором собственник разделывается с предприятием, сохраняя свой капитал и доход с него. Уходящий из хозяйственной среды предприниматель выбрасывает свой капитал на денежный рынок, реализовав его предварительно, если это нужно, в деньгах. Капитал поступает в распоряжение другого лица, идет в чужое предприятие, предприятие склонного к хозяйствованию лица, быть может, того же приказчика, грядущего хозяина, только что всплывшего на поверхность, обладающего большим запасом „предпринимательской" энергии, но имеющего слабый запас—или даже не имеющего никакого запаса капитала. Уходящий предприниматель отказывается от всех тех выгод, которые связаны с самостоятельным применением своего капитала, но он гарантирован от риска потерять этот капитал, и он, кроме того, гарантировал себе известную фиксированную долю участия в той прибыли, которую его капитал может принести, в форме процента. Из хозяина, собственника предприятия, он превращается в рантье. Его капитал влился в общий резервуар денежного рынка, где-то оперирует, а он сохранил право собственности на выраженную в деньгах известную долю общенационального капитала и право на получение фиксированного процента — „ренты".

Рантье вербуются не только из среды лиц, которые, вообще, не питают склонности заниматься хозяйством. Нередки случаи, когда люди, проработавшие всю жизнь в собственных предприятиях, на старости лет „сколотив капиталец", уходят на покой. Мотивы ухода здесь несколько иные, чем в случае, о котором мы говорили выше. Здесь главную роль может играть усталость, отсутствие наслед-

ников, способных продолжать дело и т. д. Но результат получается тот же. Капитал уходящего поступает в общий резервуар денежного рынка.

Отмеченные мотивы ухода капиталистов от непосредственного хозяйствования, превращения самостоятельных предпринимателей в рантье столь распространены, что они создают непрерывный приток капиталов из этого источника. Бывают, однако, моменты, когда целые социальные группы выбрасываются силой обстоятельств из производственной сферы и переходят в категорию рантье. Мы наблюдаем это в периоды серьезных социальных переворотов. Интересной иллюстрацией может служить, в этом отношении, то влияние, которое оказала на положение бывшего русского помещичьего класса отмена крепостного права. До 1861 г. помещики вели свое хозяйство при помощи дарового крестьянского труда. С помощью этого же труда вели они и фабричные предприятия (напр., металлургические заводы на Урале). Отмена крепостного права потребовала приспособления к новых условиям. Надо было перейти от дарового труда к наемному. С этим делом старый помещичий класс не сумел справиться. Несмотря на его политическую силу, на постоянную поддержку государства, он стал уходить от хозяйства. В начале 60-х годов у помещиков-дворян, после отведения земли крестьянам, осталось около 80 милл. десятин, а к 1916 г. у них из этой земли оставалось уже не более 40—45 милл. десятин. В то же время начинался расцвет промышленности, рост индустриального капитализма. Потребовались люди, которые бы сумели вести и развивать это новое хозяйство. У помещиков-дворян не оказалось нужных для этого качеств. На смену им вышел новый тип предпринимателя, нередко из прежних крепостных, барских приказчиков, управляющих и т. д. В его руки попали не только лавки, но и фабрики. Но он явился без капитала, или с малым капиталом. Ибо что из себя представлял лет 40—50 тому назад в России капитал? Это были, главным образом, земельные угодья, леса, недра. Это все принадлежало бывшим помещикам. И вот начинается переход всего этого капитала в новые руки. Переход совершался разными

путями. Но не мало богатств уходящая группа капиталистов передала приходящей группе в форме кредита. Помещики распродавали свои леса, земли, недра, фабричные предприятия и реализованные суммы бросали в общий резервуар денежного рынка. Отсюда эти капиталы распределялись по вновь возникающим предприятиям, попадали нередко в руки нового класса предпринимателей. Известная часть помещиков превратилась в рантье.

Смена групп, руководящих хозяйственной деятельностью, уход одних и приход других, питает кредит, пополняет, с одной стороны, класс рантье, а с другой — класс „молодых“, начинающих предпринимателей. Этот процесс мы наблюдаем, однако, не только в пределах одной страны. Мы можем видеть его и в отношениях между отдельными странами в масштабе международного денежного рынка. Существуют не только отдельные лица — рантье, но и страны рантье. На ряду с ними существуют страны „молодые“, „начинающие“, лишь сравнительно недавно вступившие на путь капиталистического развития. Страны рантье, — к их разряду относится Англия, Франция — это страны, давно ведущие капиталистическое хозяйство приобретательского типа. Они рано занялись накоплением богатств, пережили упоительные периоды так наз. „первоначального накопления“, или, как некоторые говорят, ограбления колоний. Они накопили громадные капиталы, отчасти ценой вымирания „низших рас“ в американских и азиатских странах. Они были некогда юны и любили хозяйствовать. Но они стали уставать. Им все это надоело, и им захотелось на покой. Свои капиталы они все чаще и чаще стали предлагать на денежном рынке, в данном случае на рынке международном. С другой стороны, значительно позже появляются „молодые“ страны, Германия, Россия, Соед. Штаты. Они поздно пробудились от многовековой спячки потребительского хозяйства, прониклись приобретательским капиталистическим духом. Они захотели работать, разрабатывать свои природные богатства. Но у них не было капиталов. Они появились поэтому на мировом денежном рынек в качестве искателей ссудных капиталов и изъявили готовность гарантировать

старым странам твердый доход, часть тех прибылей, которые может дать капитал. Капитал из старых стран, стран—рантье, стал переливаться в страны молодые через посредство денежного рынка [1]).

О том, как велики были до мировой войны капиталы, помещенные странами-рантье в других государствах (война, как известно, сильно изменила эти взаимоотношения), можно судить по следующим данным, относящимся к Англии, Франции и Соед. Штатам.

По оценке одного исследователя, Гобсона, распределение английского капитала, представлялось в следующем виде:

Состояло (в миллионах фунтов стерлингов) [2]):

Годы.	Всего капитала.	В том числе в Англии.		В том числе за границей.	
		Всего.	в %%.	Всего.	в %%.
1875	8.545	—	—	—	—
1885	10.037	8.735	87,0	1.302	13,0
1895	10.663	9.063	84,9	1.600	15,1
1905	13.036	11.009	84,5	2.025	15,5
1909	13.986	11.654	84,0	2.332	16,0

¹) Интересную характеристику рантье дает *Ramsay*. «...По мере того, как известный народ прогрессирует в развитии богатства, возникает и все более растет класс людей, которые, благодаря работе своих предков, владеют фондами, достаточными для того, чтобы жить только на получаемые с них проценты. Есть много и таких лиц, которые, принимая активное участие в предприятии в своей молодости и зрелом возрасте, уходят из него, чтобы в старости спокойно жить на проценты с накопленных сумм. Оба эти класса обнаруживают тенденцию увеличиваться с возрастанием богатства страны,— так как те, кто начинает уже с капиталом среднего размера, легче достигают независимого положения, чем те, кто начинает с маленьким капиталом. Поэтому в старых и богатых странах отношение той части национального капитала, собственники которой не хотят применять его сами, ко всему производительному капиталу общества выше, чем то же отношение во вновь культивируемых и бедных странах. Каких поразительных размеров достигает класс рантье в Англии! В том же отношении, в каком растет класс рантье, растет и класс ссужающих капиталы, ибо оба суть одно и то же". („Essay on the Distribution of Wealth", p. 201, цитир. по *Марксу*, „Капитал", Т. III, ч. 1-я, русск. пер. М. 1907, стр. 337—338).

²) *C. K. Hobson.* The export of capital, L. 1914, стр. 207.

Из этой таблицы видно, что по мере роста английского капитала, увеличивалась не только абсолютно, но и относительно, часть этого капитала, помещенного за границей, и что в 1909 г. эта часть составляла уже 16% всего национального капитала Англии.

Доходы, которые получала Англия от своих капиталов, помещенных за границей, тот же автор оценивает:

для	1875 г.	в 49,5	милл. ф. ст.
„	1885 „	„ 64,0	„ „ „
„	1895 „	„ 90,5	„ „ „
„	1905 „	„ 121,5	„ „ „
„	1910 „	„ 166,0	„ „ „
„	1912 „	„ 176,0	„ „ „ [1]

О роли, которую играл до войны французский ссудный капитал, помещенный в других государствах, можно судить по тому, что из общей суммы ценных бумаг на 110 миллиардов франков, которыми владели французские капиталисты в 1910—1911 г.г., по некоторым оценкам, имелось национальных бумаг на 70 миллиардов, а иностранных—на 40 миллиардов [2]. Небезынтересна еще следующая таблица о распределении ценных бумаг, находившихся во владении французов в 1891—1895 и 1906—1910 г.г.

Портфель ценных бумаг Франции в 1891—95 и 1906—10 гг. составлял [3] (см. табл. на стр. 71).

С другой стороны, Соедин. Штаты работали до войны со значительными массами иностранных капиталов.

§ 3. Капиталы рантье—один из источников, откуда черпает материал денежный рынок. Другой, очень обильный

---

[1]) В состав этих доходов входят доходы не только от облигаций, но и от акций. Акционер является хозяином предприятия, и помещение капитала в акциях формально не есть помещение его *в чужом* предприятии. Но, как будет нами показано дальше, это отличие по существу не столь велико, как это может казаться.

[2]) См. цит. изд. „Les grands marchés financiers", 1912 г., стр. 69.

[3]) *Hans Henger*: „Die Kapitalsanlage der Franzosen in Wertpapieren' St. 1913, стр. 89.

Сорт бумаг.	1891—1895 (милл. фр.).	1906—1910 (милл. фр.).
Французские акции	13.655	24.412
" облигации . .	19.877	26.750
французская рента	25.470	26.130
Итого франц. бумаг .	59.002	77.292
Иностранные акции	1,308	4.190
" облигации . .	1,587	3.269
" госуд. бумаги	17.105	25.666
Итого иностр. бумаг	20.000	33.125
Общая сумма бумаг . .	79.002	110.417

источник представляют собою капиталы учреждений, которые, по роду своей деятельности, не могут заниматься самостоятельным ведением предприятий. Сюда относятся, раньше всего, капиталы церкви, монастырей и других религиозных учреждений и общин. Было время, когда церковь вела хозяйство, на ряду со всеми другими владельцами капитала. Церковь выступала в роли крупного землевладельца, вела самостоятельное сельское хозяйство. Это могло продолжаться до тех пор, пока хозяйство имело преимущественно натуральный характер, и вести предприятие значило, обычно, вести сельско-хозяйственное предприятие. Ведение хозяйства в таких условиях не вступало в коллизию с основными религиозными задачами церкви и ее догматами. Ее служители, монахи, засевали поля, снимали урожаи, доили коров, и т. д., т.-е. производили работы, близкие к природе, вполне одобряемые

религиозными учениями; добываемые ими продукты они потребляли сами, а излишки частью шли на поддержание бедных. Но когда характер хозяйства стал меняться, и оно стало превращаться из натурального в денежное, изменилась и деятельность хозяйствующего предпринимателя. Хозяин должен следить за рынком, должен стремиться к наибольшей денежной выручке. Сельское хозяйство не является уже больше преобладающей отраслью для применения капитала. Эта отрасль остается за мелким собственником. Хозяйствовать значит иметь фабрику, вырабатывать миллионы кусков ситца или полотна, стараясь выгоднее их разместить, иметь завод, вырабатывающий пушки и снаряды, вести универсальный магазин. Участвовать активно в современном капиталистическом хозяйстве значит упорно конкурировать с другими предпринимателями, не останавливаться перед «принципами». Такого рода деятельность оказалась невозможной для церкви. Она угрожала подорвать ее престиж среди верующих. Церковь, в условиях современного капитализма, оказалась не в состоянии выступать в роли активного капиталиста и самостоятельно вести предприятия.

Но в руках церкви сосредоточились громадные капиталы. Во-первых, во владении церкви и монастырей остались большие пространства земельных площадей, лесов, недр, всего того, что составляло капитал еще в то время, когда церковь вела самостоятельное хозяйство. Затем эти капиталы постоянно пополнялись денежными и всякими другими пожертвованиями верующих [1]). В то же время капиталы церкви непрерывно росли. Они не подвергались тому процессу распыления, который всегда имеет место у частных лиц и задерживает скопление больших капиталов в одних руках, а именно, процессу раздела имущества между наследниками. Владения церкви и религиозных общин не дробились, но в то же время постоянно увеличивались благодаря ежегодному присоединению к ним прибылей. Правда, цер-

[1]) О росте церковного и монастырского землевладения в России в XVII ст. см. у Ю. В. Готье: „Замосковный край в XVII в.“, М. 1906 стр. 316 и след.

ковь имела свои расходы. Она должна была содержать своих служителей, Она же, до некоторой степени, исполняла функции социального обеспечения, поддерживая бедных и слабых. Но доходы были так значительны, что ежегодно оставались известные излишки. В результате этого церковь в некоторых западно-европейских странах обладает большими капиталами. Известны громадные богатства французских конгрегаций. У нас, в России церковных и монастырских земель, по данным 1905 г., было 2.612.000 десятин. Кроме того, церкви и монастырям принадлежало, до революции, много домов в городах. В Москве было много церковных и монастырских домов, «дворов», «подворий» и т. д. В центре Москвы, на Ильинке, где были сосредоточены конторы банков и крупных торгово-промышленных предприятий, где, в связи с этим, земельная рента достигала очень высокого размера, значительная часть домов и земельной площади принадлежала церквам и монастырям.

Итак, церковь оказывается в положении учреждения, которое имеет право собственности на капитал, но стеснено в применении этого капитала в собственных предприятиях. Капиталы церкви и монастырей и приливают, в больших массах, на денежный рынок, попадают в общий его резервуар. Здесь они обезличиваются, принимают денежную форму и отсюда растекаются по различным предприятиям, при посредстве банков. Некоторые французские банки оперируют в большой мере капиталами конгрегаций.

Церковь является, однако, не единственным учреждением, которое вынуждено обращаться с предложением капиталов на денежный рынок. В таком же положении находятся и всякие благотворительные и научные учреждения. Большинство из них обладают более или менее крупными капиталами, полученными от пожертвований, доходы с которых имеют специальное назначение. Они должны получать прибыль на свои капиталы, ибо это есть источник их существования. Но с их задачами ведение самостоятельных промышленных или торговых предприятий несовместимо. Они, кроме того, не могут подвергать свои капиталы тем обычным рискам, с которыми связано ведение самостоятельного

предприятия. Они вынуждены поэтому отказаться от самостоятельного хозяйствования и находят выход в передаче своих капиталов в чужие предприятия. Их капиталы приливают в общий резервуар денежного рынка.

§ 4. Третьим крупным источником притока средств на денежный рынок служат капиталы трудящихся классов.

Трудящиеся классы в капиталистическом хозяйстве, в общем и целом, не имеют капиталов. Это положение не следует, однако, понимать буквально, даже в применении к наихудше поставленной в капиталистическом хозяйстве группе трудящихся, фабричному пролетариату. Конечно, капитал каждого отдельного рабочего, даже наиболее зажиточного, ничтожен по сравнению с капиталом среднего капиталиста—предпринимателя. Но рабочих много, и общая сумма имущества, которым обладает, на праве частной собственности, рабочий класс в его целом, представляет некоторую величину. Железный закон заработной платы, согласно которому рабочий не может иметь, при капиталистическом хозяйстве, больше того, что ему необходимо для поддержания своей жизни и жизни своей семьи, не всегда оправдывается на практике таких стран, как Англия или Соед. Штаты. Рабочие стремятся к поднятию уровня своей жизни, добиваются этого при помощи профессиональных союзов и нередко в этом успевают. Среди рабочих образуется свой лучше поставленный слой, состоящий, главным образом, из более квалифицированных элементов, у которых всегда остается известный излишек сверх того, что им необходимо для покрытия своих расходов. Иными словами, в той массе национального дохода, который в результате, допустим, годичного труда приходится на долю рабочих, есть не только средства потребления, — то, что им нужно для пропитания. Там есть и часть того капитала, который идет на дальнейшее производство. Рабочие получают известное участие в общем приросте национального капитала. Может ли, однако, рабочий применить свой капитал путем ведения самостоятельного предприятия? Очевидно, нет. Хозяйство современной Европы и Америки есть крупнокапиталистическое хозяйство. Для организации предприятия нужны большие массы капитала.

У отдельного рабочего или у нескольких рабочих не может быть достаточно капитала для ведения самостоятельного предприятия. Положение труда в капиталистическом обществе далеко не таково, чтобы экономия и сбережения давали рабочему возможность собрать капитал, необходимый для организации своего предприятия. Лишь в виде редкого исключения рабочий может пробраться в группу предпринимателей. Но и независимо от недостатка капитала рабочий не может вести своего предприятия, пока он остается рабочим. Профессиональный труд рабочего отнимает у него весь его день и не оставляет времени для других занятий.

Таким образом, рабочие, по мере того, как улучшается их положение, по мере того, как они приобретают право на известные доли общенационального капитала, оказываются в положении лиц, которые имеют капитал, и не могут применять его в собственных предприятиях. Их капитал начинает притекать на денежный рынок для помещения в чужих предприятиях. Составленный из небольших частей, капитал этот в массе своей оказывается весьма значительным, и этот источник играет заметную роль на денежном рынке. Трудящиеся классы обычно несут свои капиталы в сберегательные кассы, и эти последние, питаясь из этого источника, занимают, как мы увидим дальше, на денежном рынке заметное место.

Рабочие составляют, однако, лишь одну группу в общей массе трудящихся, лишенных возможности вести самостоятельные предприятия. В этой массе имеются группы со значительно большими доходами, имеющие большие доли в национальном капитале. Сюда относятся разного рода служащие, приказчики, чиновники и т. д. Среди них имеется не мало людей, подходящих по своим заработкам и уровню жизни к типу среднего буржуа, обладающего известным капиталом и „сберегающего" ежегодно значительные суммы из своего дохода. Их доля в общенациональном капитале, в массе своей, весьма значительна, но их профессия такова, что они не могут вести своего собственного предприятия. Служащий, чиновник, пока они остаются таковыми, в общем, не могут быть предпринимателями. Их капитал должен итти

в чужое предприяте, и он идет туда, вливаясь в общий резервуар денежного рынка.

Тем же характером отличаются и капиталы лиц так наз. интеллигентных профессий. Врачи, адвокаты, инженеры, литераторы представляют собой общественную группу, занимающую среднее место между классом трудящихся, в узком смысле этого слова—с одной стороны, и буржуазией—с другой. Высшие слои этой группы обладают большими капиталами, которые растут благодаря значительным доходам. Но и этой группе трудно применять свои капиталы в своих же предприятиях, ибо и для нее совмещение предпринимательства с ее профессиональными занятиями представляется очень затруднительным. Это относится, впрочем, главным образом, к врачам, ибо адвокаты и инженеры, как люди близко стоящие к хозяйству, нередко совмещают свою профессию с чисто коммерческой деятельностью. И вот для тех представителей интеллигентных профессий, которые не могут иметь своих предприятий, открывается тот же путь применения их капиталов в чужих предприятиях. Они несут эти капиталы на денежный рынок.

§ 5. Дальнейшим источником питания денежного рынка служат *капиталы лиц, меняющих сферу своей хозяйственной деятельности.* Нередко капиталисты, участвующие непосредственно в хозяйстве и неимеющие в виду уходить от него, по тем или иным причинам меняют род своей деятельности, переходят из промышленности к торговле, или, наоборот, из одной промышленной или торговой отрасли к другой и т. д., переезжают с места на место, из страны в страну, и переносят свою деятельность в другой район. Они берут при этом с собой свой капитал, переносят и его из одной отрасли в другую путем ли ликвидации старого предприятия и устройства на вырученные деньги нового, или путем продажи старого предприятия на ходу и покупки нового в таком же виде. Во всех этих случаях, однако, в хозяйственной деятельности таких лиц неизбежен известный перерыв, в течение которого их капитал свободен. С того момента, как начинается ликвидация старого предприятия, до того, пока весь капитал данного

лица оказывается инвестированным в новом предприятии, большие или меньшие доли капитала остаются без применения. Они используются при помощи кредита, поступают на денежный рынок и отсюда идут для временного помещения в чужих предприятиях.

Этот источник притока средств имеет как-будто случайный характер и на нем не следовало бы особо останавливаться, если бы не то обстоятельство, что перемена рода деятельности выступает, как „бытовое явление" в области сельского хозяйства или, точнее, в области взаимоотношений между сельским хозяйством и индустрией. Во многих странах стремление к недробимости сельскохозяйственных имений приводит к тому, что после смерти владельца имение остается за одним из сыновей, другие же устраняются от данного предприятия. Они, большею частью, уходят в города, в промышленность и торговлю. В тех случаях, когда речь идет о мелком крестьянском хозяйстве, уходящие заполняют собою кадры обезземеленного городского пролетариата. Но если имение более значительно, уход совершается с „выделом". Уходящий уносит с собою право собственности на долю общенационального капитала. С этим выделом, как мы увидим дальше, теснейшим образом связано развитие одной из крупнейших отраслей современного кредита, кредита *ипотечного*. Унося с собою свой капитал, выделяемый наследник сплошь и рядом переходит вместе с ним в категорию рантье. Но нередко он идет, вместе со своим капиталом, в другую отрасль хозяйства, в промышленность или торговлю, становится самостоятельным предпринимателем в новой сфере. В этих случаях капитал, унесенный из деревни, оказывается временно свободным до тех пор, пока его владелец найдет для него другое применение, и на это время он поступает в общий резервуар денежного рынка.

§ 6. Дальнейшим, *пятым* по счету, источником, откуда поступают средства на денежный рынок, являются временно освобождающиеся *средства государственного казначейства.* Государство, как мы увидим дальше, высту-

пает на денежном рынке преимущественно в роли должника, а не кредитора. Но, тем не менее, бывают положения, когда государство является кредитором и питает своими средствами частный кредит. Происходит это по следующим причинам.

. Для выполнения своих задач государство должно иметь деньги. Эти деньги оно получает со своих граждан при помощи всякого рода налогов и сборов. Государственное хозяйство есть денежное хозяйство, но в его основе лежит обращение реальных ценностей. Из общей массы продуктов, которую производят в течение года жители данной страны, современное государство берет себе определенную часть, и часть, обыкновенно весьма значительную. Россия, например, израсходовала в 1913 г., последнем году до войны, по своему бюджету 3.383.000.000 руб., собрав 3.431.000.000 рублей, или на-круг около 20 рублей с одного жителя. Это составило, вероятно, около одной пятой части годового дохода всего населения. Нетрудно понять, какое громадное место занимает, при этих условиях, денежный оборот государственного казначейства в общем обороте страны. Государство непрерывно собирает и непрерывно тратит громадные суммы. Однако, моменты поступления средств в казну и моменты израсходования их в течение года далеко не совпадают. Главная масса поступлений приходится на известные периоды. Так, например, в странах, где одним из главных источников поступлений служит подоходный налог, усиленный приток денег в государственные кассы наблюдается в сроки взносов этого налога, обычно в марте — апреле, после того как отдельные предприятия подводят итоги своей деятельности за предшествующий год, после годичных общих собраний акционерных обществ, на которых утверждается отчет и распределение прибыли и т. д. Таможенные сборы поступают в периоды наиболее усиленного привоза тех товаров, которые сильнее обложены и т. п. Моменты расходования средств не совпадают с моментами их инкассирования. Государство, напр., должно платить проценты по своим займам в моменты наступления сроков, которые чаще всего устанавливаются на январь и июль. Словом, получается постоянное расхождение. В январе,

напр., государству нужно $^{1}/_{2}$ миллиарда, а поступило $^{1}/_{4}$ миллиарда, а в апреле нужно 200 миллионов, а поступило 800 миллионов.

Существуют два способа для приведения в соответствие этого временного расхождения приходов и расходов. Один способ, к которому чаще всего обращалась Англия, заключается в том, что государство прибегает к краткосрочным позаимствованиям из общего резервуара денежного рынка в те месяцы, когда расходы превышают доходы, и покрывает эти позаимствования позднее, когда приходы выше расходов. С этой целью английское правительство выпускало специальные векселя, боны казначейства, обычно сроком на 6 месяцев. В этом случае государство выступает на денежном рынке, как заемщик. Второй способ практиковался в России до последней войны. Он заключался в том, что казначейство всегда имело известный запас средств. В те месяцы, когда расход бывал больше прихода, казначейство заимствовало недостающую сумму из этого запаса. Запас уменьшался. А в последующие месяцы, когда приход был больше расхода, излишек поступал на пополнение запаса. Таким запасом служила у нас известная „свободная наличность“ государственного казначейства. Эта „свободная наличность“ составляла в 1914 г., накануне войны, около 500 мил. руб., т.-е. около $^{1}/_{6}$ годичного расхода государства. Само собою разумеется, что свободная наличность могла образоваться лишь путем получения с граждан, в течение ряда лет, в форме налогов и сборов бо̀льших сумм, чем это нужно было для покрытия обыкновенных государственных расходов. Поэтому, система накопления „свободной наличности“, система, которая не практиковалась в передовых европейских странах, вызывала нарекания и считалась одним из слабых мест старой финансовой системы России. Надо, впрочем, сказать, что этот свободный запас рассматривался отчасти, как скрытый мобилизационный фонд, который должен был служить для покрытия первых расходов в случае войны.

Но как бы то ни было, в распоряжении государственного казначейства все время имелись свободные средства,

свободный капитал, доходивший до 400—500 милл. рублей. О помещении этого капитала в собственные, допустим, государственные предприятия не могло быть и речи, так как он должен был быть наготове, помещен так, чтобы его можно было в любое время взять. Этот капитал и был пущен казначейством на общий денежный рынок. Свободная наличность состояла на текущем счету Государственного банка, а этот последний передавал ее для применения в частных предприятиях, через посредство коммерческих банков. О том, какую роль играл этот источник на русском денежном рынке, можно судить по тому, что на 1 января 1914 г. задолженность бывших частных коммерческих банков Государственному банку составляла по учету векселей 245 милл. р., а по всем операциям около 400 милл. р., между тем, как весь пассив частных коммерческих банков (если не считать корреспондентских сумм) составлял к этому времени около 4—$4^1/_2$ миллиардов рублей. Иными словами, около $^1/_{10}$ части тех средств, которыми оперировали банки, они получили от Государственного банка, который, в свою очередь, черпал их из средств казны, из „свободной наличности“. Но Государственный банк оказывал кредит частным предприятиям и непосредственно, так что, в общем, значение „свободной наличности“, как источника снабжения денежного рынка, было очень заметным.

§ 7. Те источники притока средств, о которых мы говорили до сих пор, объединены одним общим признаком. Во всех рассмотренных случаях капиталы притекают от лиц и учреждений, стоящих в стороне от непосредственной хозяйственной деятельности. Мы могли бы сказать, что это — капиталы *пассивных капиталистов.* На ряду с ними, на денежном рынке играют заметную роль и капиталы, притекающие от *активных капиталистов,* от лиц, принимающих непосредственное участие в предпринимательской деятельности, от предприятий на ходу. Группа активных капиталистов, как мы говорили, выступает, в общем и целом, в качестве заемщика. Она и берет те капиталы, которые идут от пассивных капиталистов. Но по причинам, о которых мы сейчас будем говорить, и у активных капиталистов

постоянно оказываются временно свободные капиталы, которые они не могут применить в своих предприятиях и которые они вынуждены передавать другим предпринимателям. Здесь причина предложения капитала заключается уже не в отсутствии склонности к применению этого капитала в собственном предприятии, а в том, что такое применение его, по тем или иным причинам, невозможно.

Каковы же причины, которые заставляют активных предпринимателей и активные предприятия предлагать капитал на денежном рынке, выступать в качестве кредиторов [1])?

Здесь на первом плане играет роль *смена сезонов* в каждом предприятии. Потребность в капитале ни в одном предприятии не бывает одинаковой в течение года. Фабрикант, вырабатывающий бумажную пряжу, должен иметь больше капитала осенью, когда ему необходимо делать запасы хлопка и топлива, давать задатки и т. д., чем весною или летом, когда его запасы незначительны. Пароходное предприятие на замерзающей реке может нуждаться в большем капитале зимою, в период ремонта и слабых поступлений, чем летом. Реализация продуктов, поступление выручки также не бывает равномерным в течение года. В одной отрасли промышленности продукты реализуются преимущественно летом, в другой осенью и т. д. Словом, каждое отдельное предприятие, вернее, каждая отрасль промышленности и торговли имеет свои сезоны. Повсюду наблюдается то же несоответствие между приходом и расходом, которое мы отмечали по отношению к государственному хозяйству. Это обстоятельство заставляет каждое предприятие иметь свою „свободную наличность". Всякое предприятие вынуждено иметь в своем распоряжении максимальную массу капитала, такую, какая ему может потребоваться в моменты наибольшего напряжения, в тот сезон, когда в предприятии больше всего капитала. Оно может иметь этот капитал на правах частной собственности или в форме более или менее долгосрочного кредита, но оно должно знать, что в моменты

[1]) Этот вопрос весьма детально исследован *Марксом* и составляет главное содержание II тома „Капитала" (см. в особенности гл. 1, 5) 17, 20 и 21). См. также *Гильфердинга:* „Финансовый капитал", гл. IV.

наибольшего напряжения у него окажется достаточно капитала. Представим себе, что в каком-либо предприятии должно быть помещено в январе—марте данного года 3 миллиона, в апреле—июне 5 милл., в июле—сентябре — 4 милл. и в октябре—декабре — 2 милл. рублей. Допустим, что это предприятие всегда может получить, в форме краткосрочного кредита по учету векселей, 1 миллион рублей. Тогда предприятие должно иметь наготове 4 миллиона для того, чтобы оно могло беспрепятственно работать в момент наибольшего своего напряжения, т.-е. в апреле—июне. При таких условиях, в моменты слабого напряжения, в октябре—декабре, в предприятии окажутся временно свободные капиталы. Но сезоны максимального и минимального напряжения в разных отраслях хозяйства, в общем и целом, не совпадают. Благодаря этому получается возможность известного переноса излишков из одной отрасли хозяйства в другую, возможность своего рода перестрахования. Каждая отрасль хозяйства в моменты слабого напряжения несет свои капиталы на денежный рынок. Отсюда эти капиталы идут в те отрасли хозяйства, где в этот период наблюдается большой спрос на ссудный капитал. А затем, когда происходит смена сезонов, вторая отрасль возвращает не только то, что она взяла, но и часть своего собственного капитала, и все это поступает, для временного обращения, в первую отрасль.

Смена сезонов является, однако, не единственной причиной того, что на денежный рынок постоянно притекают капиталы того самого торгово-промышленного класса, в предприятиях которого этот капитал, в конце концов, и находит себе применение. Другая причина лежит в своеобразном *характере расширения* предприятий. В капиталистическом хозяйстве предприятия имеют тенденцию расти, по крайней мере, до известного предела. Текстильная фабрика, начинающая свою работу с одним фабричным корпусом, с десятком тысяч станков, постепенно обрастает дополнительными корпусами, пускает в ход новые станки и т. д. Новый капитал, который необходим для расширения предприятия, сплошь и рядом, заимствуется на денежном рынке

но не менее часто он создается в самом же предприятии. Предприятие само создает те прибыли, которые служат основой для его расширения. Но *процесс накопления прибыли есть процесс постоянный и непрерывный, между тем как рост предприятия происходит толчками* [1]. Фабричное предприятие не может ежегодно увеличивать свои корпуса, количество станков и т. д. как раз настолько, насколько увеличился его капитал, в результате присоединения к нему годичной прибыли. Оно, сплошь и рядом, должно накопить прибыли за несколько лет для того, чтобы приступить к возведению новых корпусов, закупке новых машин. Это несоответствие образует в предприятии временно свободные средства, которые не могут быть использованы в данном предприятии. Они поступают в общий резервуар денежного рынка, чтобы оттуда, быть может, поступить на возведение нового фабричного корпуса в другом предприятии, которое как раз в этот момент приступает к работам по расширению производства [2].

Третий случай притока капиталов на денежный рынок от непосредственно занятых в хозяйстве лиц и предприятий мы наблюдаем в области *чисто товарного кредита*, оказываемого фабрикантами оптовым торговцам, оптовыми торговцами — розничным и т. п. Когда фабрикант продает торговцу товар в кредит, допустим, на срок 6 месяцев, это означает, что фабрикант передал свой капитал на этот срок

---

[1] См. об этом *М. И. Туган-Барановский:* „Период. промышленные кризисы", 3-е изд. П. 1914 г. Гл. VI, стр. 293—295.

[2] „С развитием кредита, отношение первоначально авансированного капитала и капитализированной прибавочной стоимости усложняется еще более. Например, *A* занимает у банкира *C* часть производительного капитала, с которым он начинает или ведет дело в продолжение года. Вначале у него нет собственного капитала, достаточного для ведения дела. Банкир *C* ссужает его суммой, которая состоит исключительно из прибавочной стоимости, положенной в банк предпринимателями *D, E, F* и т. д. С точки зрения *A*, при этом и речи нет о накопленном капитале. Но в действительности, для *D, E, F* и т. д. *A* есть не что иное, как агент, капитализирующий присвоенную ими прибавочную стоимость". (К. Маркс. „Капитал". Т. II, гл. 17. Русский перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова, М. 1907 г., стр. 290).

для обращения в чужое предприятие, в предприятие торговца. Но фабрикант имеет свое предприятие. Он мог бы применить этот капитал у себя. Он мог бы поставить новые станки, увеличить выработку и увеличить дополнительную прибыль от этого капитала. Перед нами, на первый взгляд, известное противоречие. Предприниматель, имеющий свое предприятие, нуждающийся в капитале, отрывает часть от своего капитала и передает ее в чужое предприятие, выступает на денежном рынке в роли лица, предлагающего свободный капитал. Это кажущееся противоречие находит, однако, свое объяснение в той взаимной связи, которая существует в современном хозяйстве между различными предприятиями, между различными отраслями. Дело в том, что хотя для фабриканта предприятие оптового торговца, продающего его изделия, и является „чужим" предприятием, но функционирование этого предприятия для него не безразлично. Он крайне заинтересован в его деятельности, в том, чтобы изделия его фабрики действительно продавались. В такой же мере оптовый торговец заинтересован в работе своего покупателя—розничного торговца. Хотя все эти три предприятия, предприятие фабриканта, оптового торговца и розничного торговца, выступают, как предприятия самостоятельные, они на самом деле тесно связаны между собою, являются, одно по отношению к другому, до некоторой степени, агентом. Их взаимоотношения носят еще на себе следы своего исторического происхождения, когда место фабриканта занимал ремесленник, который был, в одно и то же время и торговцем, стоял лицом к лицу с потребителем. Но для того, чтобы предприятие торговца могло вестись, оно нуждается в капитале. Этот капитал должен состоять в запасе товаров, который торговцу необходимо иметь на складе. И поскольку торговец не обладает собственным капиталом, достаточным для ведения его предприятия, фабрикант оказывается вынужденным уделять ему часть своего капитала, продавать ему товар в кредит. Эта услуга компенсируется контр-услугами торговца. Положение заемщика делает его несколько зависимым от фабриканта. Он вынужден отдавать предпочтение товару кредитирующего

его фабриканта перед товарами его конкурентов, сплошь и рядом, отнюдь не к выгоде потребителя.

Указанное сцепление и взаимная зависимость различных предприятий приводит к тому, что *почти каждое предприятие выступает на денежном рынке одновременно и в качестве кредитора, и в качестве должника.* Заимствуя средства с денежного рынка для обращения в своем предприятии, каждый предприниматель, в то же время, кредитует других, помещает свой капитал в чужих предприятиях. В рассмотренном нами случае, оптовый торговец заимствует капитал у фабриканта (нередко между ними стоит еще комиссионер), а сам помещает свой капитал в предприятии розничного торговца. Этот последний, выступая по отношению к оптовому торговцу как заемщик, в свою очередь, нередко кредитует потребителя. Но и фабрикант, обычно, не имеет достаточного количества своего капитала, чтобы оказывать кредит оптовому торговцу. Он, в свою очередь, обращается в банк, черпает средства из общего резервуара денежного рынка. *Создается цепь кредитных взаимоотношений: потребитель, розничный торговец, оптовый торговец, комиссионер, фабрикант, банк, вкладчик, — промежуточные звенья которой нередко выступают в роли простых посредников. Сущность кредитного отношения, в конце концов, сводится к обращению капитала банкового вкладчика в предприятии розничного торговца или даже в хозяйстве потребителя, но каждый из посредников формально помещает свой капитал в чужом предприятии.* Посреднический характер промежуточных звеньев обнаруживается и в движении того *кредитного документа*, которым поддерживается движение ссудного капитала. Оптовый торговец обычно передает комиссионеру не свой вексель, а вексель розничного торговца, снабженный его подписью (бланком), и этот же документ идет дальше и к фабриканту, а в случае надобности, и в банк.

§ 8. Чтобы закончить рассмотрение источников, откуда притекает капитал на денежный рынок, нам остается остановиться еще на двух источниках, связанных с современной организацией коммерческого кредита и денежного обращения. Источники эти также относятся к разряду тех, которые

приносят на денежный рынок капиталы непосредственно занятых в промышленности и торговле лиц и предприятий. Мы имеем в виду *кассовые остатки, состоящие на текущих счетах* учреждений коммерческого кредита и *банкноты*.

Среди сумм, которыми оперируют современные кредитные учреждения, и которые они распределяют по разным предприятиям, одно из главных мест, как мы это подробнее покажем дальше, занимают суммы, состоящие на текущих счетах, т.-е. суммы, внесенные в банки вкладчиками с условием, что банк выплачивает их им по первому требованию. Достаточно, напр., сказать, что из общей массы средств, которые числились на балансе одних акционерных банков коммерческого кредита в России на 1 января 1914 г. в 6.233 миллиона рублей, суммы на текущих счетах составляли 1.786 миллионов рублей, в то время как собственные капиталы этих банков составляли 836 милл. рублей, а суммы, внесенные на вклады срочные, т.-е. без права вкладчика потребовать их в любой день, 683 милл. рублей. Среди сумм, состоящих на текущих счетах банков, есть суммы самого различного происхождения. Здесь и суммы рантье, и суммы обществ и учреждений, и суммы трудовых классов, и сезонные остатки предприятий и т. д. и т. д. Но, пожалуй, самую большую часть из них составляют суммы совсем иного происхождения, а именно *кассовые остатки* предприятий.

Что же это за кассовые остатки и какое значение они имеют на денежном рынке?

Как нам приходилось уже указывать выше, в капиталистическом хозяйстве каждое предприятие и каждый домохозяин должны всегда иметь у себя в кассе известную сумму денег. Деньги выполняют в хозяйстве роль „всеобщего товара“, т.-е. такого товара, который в любое время может быть превращен в любой вид конкретного товара. Предприниматель, ведущий свое дело с известной суммой капитала, должен распределить эту сумму определенным образом между конкретными видами благ. Напр., предприниматель, ведущий фабрику с капиталом в 5 милл. руб., должен поместить известную часть этих 5 милл. в участке земли, другую

в фабричных зданиях, третью в машинах, четвертую в топливе, пятую в сырье и т. д., при чем предприятие ведется правильно только тогда, когда весь 5-миллионный капитал распределен между отдельными видами конкретного капитала в должной пропорции. Некоторую часть этих 5 миллионов фабрикант, однако, должен держать в денежных знаках. Эти денежные знаки, как будто, лежат праздно, но они необходимы, как принято говорить, „для оборота", и общая масса их должна составлять правильную пропорцию по отношению ко всему капиталу предприятия. По мере роста предприятия и его оборотов, должна расти эта „праздно лежащая" кассовая наличность, назначение которой, как мы говорили, заключается в том, чтобы превращаться в различные виды конкретного капитала, который может оказаться необходимым для безостановочного функционирования предприятия.

Но предприниматель не обязан держать всю массу денег у себя в своем помещении. Как мы увидим дальше, в современных условиях большая часть кассовых остатков передаются на хранение в банки, во вклады и на текущие счета. На этой системе сосредоточения кассовых остатков в банках и зиждется в значительной мере деятельность современных коммерческих банков. Все предприятия несут свои кассовые остатки в банки на текущие счета. Они выговаривают себе право получать эту сумму по первому требованию и фактически получают их, чаще всего, при помощи специальных письменных приказов на банк, так назыв. чеков. Для них эти суммы, состоящие на счетах банков, есть деньги. Их мало интересует вопрос о том, что именно банк делает с этими деньгами. Среди вкладчиков не мало еще наивных людей, которые думают, что банк просто держит эти деньги у себя в кладовой. Банк платит вкладчикам известный процент, обычно небольшой. Предприятию выгоднее держать эти деньги в банке, чем у себя, где они никакого дохода не дают. Ему важно лишь одно, чтобы банк был солиден, чтобы он аккуратно выполнял свое обязательство и, действительно, выплачивал деньги по первому требованию, когда они понадобятся. В результате этого кас-

совые остатки предприятий сосредоточиваются в банках, и из отдельных сумм составляются сотни миллионов. миллиарды рублей.

Но банк, на самом деле, не держит этих денег в своих кладовых, и не для этого их берет. Банк знает, что все вкладчики не могут потребовать всех своих денег сразу, что если у него накопилось вкладов из этих кассовых остатков, допустим, на 100 милл. рублей, от 1000 предприятий, то из них, в течение дня, могут быть потребованы не больше 4 — 5 — 10 миллионов, да и то, в тот же день другие предприятия будут делать взносы. Банк оставляет у себя в кассе, в качестве неприкосновенного фонда, допустим, 5—6 миллионов рублей, и спокойно пускает в оборот остальные 95 миллионов рублей. Мы не будем останавливаться здесь подробно на природе вкладов, так как нам на этом вопросе придется остановиться специально в одной из последующих глав. Укажем лишь, что для вкладчиков-предпринимателей суммы, состоящие на текущих счетах в банке, это деньги, мало чем отличающиеся от тех денег, которые они держат в своих кассах. Для банка же эти суммы — капитал, мало чем отличающийся от всего прочего капитала, который к нему поступает. Банк распоряжается этими кассовыми остатками так же, как он распоряжается собственными капиталами, срочными вкладами и прочими поступлениями. Он распределяет их между различными предприятиями, отдает их в кредит, получает на них проценты. Уплачивая вкладчикам определенный процент, он взимает с предприятий, которым передает капитал, на несколько процентов годовых больше. Разница составляет его доход.

В результате этого создается такое положение. Кассовые остатки из различных предприятий — от клиентов банка, клиентов по пассивным операциям, поступают в банк, а банк передает их, в свою очередь, в разные предприятия, своей клиентуре по активным операциям. Но связь предприятий с банком, обыкновенно, бывает двусторонняя. Те предприятия, которые пользуются кредитом в каком-либо банке, обычно в этом же банке держат свои кассовые остатки, в нем же имеют свой текущий счет. В конце концов ока-

зывается, что банк передает суммы, составляющиеся из кассовых остатков в *те самые предприятия*, которые эти суммы ему внесли. Получается некоторое отступление от общей концепции кредита, которую мы изобразили выше. Капиталы поступают в общий резервуар денежного рынка, чтобы отсюда уйти *не в чужие предприятия*, а в те самые предприятия, откуда они пришли. Кредит, в этой форме, оказывается не обращением капитала в чужом предприятии, а, как это ни звучит парадоксально, обращением капитала в собственном предприятии. Предприятие передает банку свой капитал, чтобы из рук того же банка получить этот же капитал обратно, но только под иным титулом. Банк остается должен предприятию известную сумму по текущему счету, он обязан ее выдавать по первому требованию. Предприятие в то же время должно банку, быть может, ту же сумму, но на других условиях, с выплатой ее только в известный срок,

Разумеется, так представляется дело в схематическом виде. На самом деле, редко случается, чтобы долг банка предприятию по текущему счету совпадал с долгом того же предприятия тому же банку по различным обязательствам. Одно предприятие может иметь на текущем счету — меньшую сумму, чем оно должно банку, другое — большую. Предприятие может иметь большой текущий счет в том банке, который его мало кредитует, и, наоборот, может оказаться задолженным на большую сумму банку, в котором у него на текущем счету денег нет. Предприятие может сегодня иметь на текущем счету такую же сумму, какую оно должно банку по его обязательствам, а завтра сумму в два раза меньшую, или наоборот. Словом, и здесь кассовые остатки одного предприятия, сплошь и рядом, служат для обращения в другом предприятии. Банк выполняет уравнительную функцию, берет деньги там, где они в избытке, и отдает их туда, где в них ощущается недостаток. Но если отобрать группу предприятий и группу банков, противопоставить одну группу другой, и подвести итог их взаимным операциям, то в конце концов может оказаться, что через посредство банков капиталы данной группы предприятий всту-

пают в обращение в эти же самые предприятия. Мы видели раньше, при изучении товарного кредита, что одно и то же предприятие может выступать одновременно и в роли кредитора и в роли должника по отношению к двум различным предприятиям, получать капитал от одних и давать его другим. Оптовый торговец получает капитал от фабриканта и дает его розничному торговцу. Мы видим теперь, что в области кредита создаются и более сложные положения. Предприятие может отдавать свой капитал другому предприятию, банку и получать, для обращения у себя, капитал из того же предприятия, банка. Надо только иметь в виду что это сложное отношение, о котором мы еще будем говорить в дальнейшем, вызывается условиями денежного обращения. Оно становится возможным потому, что капитал, передаваемый предприятием банку, в виде взноса на текущий счет, продолжает фигурировать в предприятии, как деньги, как денежные знаки. Впрочем, поскольку банк платит проценты по текущему счету, суммы на текущем счету выступают для предприятия, как мы увидим дальше, в двойном качестве, и как денежные знаки, и как капитал.

§ 9. С природой капиталов, приливающих в резервуар денежного рынка в качестве кассовых остатков и поступающих на текущие счета коммерческих банков и других учреждений коммерческого кредита, имеет много общего природа тех сумм, которыми располагает денежный рынок в форме *выпуска банкнот.* Выпуском банкнот, или банковых билетов, о которых мы будем говорить подробнее в другом месте, занимаются, в настоящее время, специальные банки, которые называются эмиссионными. Банкнота возникла исторически так же, как и чек. Она развилась из договора хранения. Средневековые купцы, передавая свои деньги на хранение банкирам, получали от этих последних расписки. По мере того, как росла популярность банкиров, эти расписки стали переходить из рук в руки, как деньги. Расписки популярных банкиров стали служить орудием платежа, заменять собою деньги и при расчетах между купцами, жившими в разных городах. Торговцы стали брать эти расписки с собою на ярмарки вместо денег, чтобы тем застраховать

себя от весьма частых в те времена ограблений во время путешествия. Таким путем расписки банкиров стали циркулировать вместо денег, а самые деньги оставались в кладовых банкира.

Это назначение расписок потребовало изменения их конструкции, приспособления их к нуждам оборота, что постепенно и произошло. Расписки стали выдаваться на предъявителя, а не именные, они стали выписываться на круглые, более или менее однородные суммы. Они стали заполняться более или менее однородным текстом, знакомым всему торговому миру и не возбуждающим сомнений относительно готовности банкира уплатить предъявителю обозначенную на расписке сумму. Им стали придавать более солидную внешнюю форму, писать их на хорошей бумаге, снабжать знаками, удостоверяющими их подлинность и гарантирующими от подделки. Постепенно рынок произвел и некоторый отбор расписок. Приниматься стали только расписки наиболее солидных банкиров, известных далеко за пределами своего города. Эти отобранные расписки получили хождение повсюду, стали бумажками международного значения. *Расписка банкира превратилась в банковый билет, в банкноту, особого рода денежный знак.*

До тех пор, пока банк держит у себя в кладовой те металлические деньги, против которых он выдал расписки, и на полную сумму этих расписок, банкнота является документом безразличным для денежного рынка, как рынка движения ссудных капиталов. Она относится тогда всецело к сфере денежного обращения, представляя собою особый денежный знак, заменяющий металлические деньги. Однако, такое положение продолжается недолго. Банкир, убедившись, что его расписки переходят из рук в руки, оставаясь в обороте, и что они предъявляются ему для платежа лишь изредка, вскоре приступает к извлечению дохода из этого факта. Он пускает в оборот часть металлических денег, отданных ему на хранение, путем помещения их в своих торговых или промышленных предприятиях, или путем обращения их в чужие предприятия, за известный процент. Из банкнотной операции вырастает кредитная операция. На денежном рынке

оказывается тогда новый ссудный капитал, ищущий помещения в чужих предприятиях.

Допустим, напр., что какой-либо банкир, или, применительно к современным условиям, эмиссионный банк получил вкладов металлическими деньгами в указанной форме, т.-е. против своих расписок — банкнот на 100 миллионов рублей. Допустим, что он решается использовать это обстоятельство для того, чтобы пустить сверх того в оборот еще на 50 милл. рублей капитала. Он может поступить двояко. Он может взять из металлического запаса 50 милл. рублей и раздать их в ссуду различным предпринимателям. В этом случае у него в кладовой будет на 50 милл. рублей металла, между тем, как расписок его будет обращаться на 100 милл. рублей. Мы будем говорить тогда, что его билеты *покрыты металлом* на 50%; в остальной сумме их обеспечением служат долги тех предприятий, куда были отданы для временного обращения 50 милл. рублей. Но банк может поступить и несколько иначе. Он может оставить неприкосновенным тот металлический фонд в 100 милл. рублей, который у него образовался от взносов, но подписать (либо напечатать) и выпустить в обращение, т.-е. раздать в ссуду тем же предпринимателям, на 50 милл. рублей своих банкнот сверх тех 100 милл. рублей, которые он роздал приносителям металлических денег. В этом случае у него окажется в кладовой на 100 милл. рублей металлических денег, но его расписок-банкнот будет в обращении на 150 милл. рублей. Банкноты будут обеспечены металлом на две трети. В том и другом случае, банк, пользуясь доверием к его распискам, „создал" на 50 милл. руб. несуществующего капитала, пополнил на 50 милл. руб. общую сумму имеющихся в резервуаре денежного рынка ссудных капиталов.

Мы будем говорить дальше о деятельности эмиссионных банков и о том, как происходит, в современных условиях, выпуск банкнот. Поскольку мы заняты сейчас выяснением тех источников, откуда притекают капиталы на денежный рынок, мы должны установить, что выпуск банкнот является одним из этих источников.

Чтобы правильно понимать природу этого источника, не следует, однако, поддаваться иллюзии, будто бы банки, в данном случае, на самом деле „создают“ капитал. Из ничего капитал делать нельзя. Банк ничего не создает. Он, в этом случае, является таким же посредником в кредите, как и во всяких других. Банк, выпустивший на 50 милл. рублей своих билетов сверх металлического своего запаса, и передавший эти 50 милл. рублей в разные предприятия, выступает, по отношению к этим предприятиям, в качестве кредитора, но он выступает в качестве должника по отношению к тем лицам, которые в данный момент держат у себя на руках его билеты. Нетрудно при этом видеть, что самая возможность для банка „создавать капитал“ или „создавать кредит“, увеличивать сумму ссудных капиталов, имеющихся на денежном рынке, базируется на двойной роли банкноты, а именно на том, что в хозяйстве банка, да и в хозяйстве его непосредственного заемщика, она фигурирует, *как капитал*, а в хозяйстве лица или предприятия, у которого она оседает, она фигурирует, *как денежный знак*. Заемщики, получившие от банка 50 милл. рублей, смотрят на эти 50 милл. рублей, как на ссудный капитал. Они берут эти суммы не как денежные знаки, а как капитал, берут их потому, что они могут на них получить те вещные виды капитала, которые им нужны. Но у кого-то, где-то, эти банкноты осядут. В каких-то хозяйствах, быть может, в хозяйствах потребителей, эти банкноты будут фигурировать, как денежные знаки и только как денежные знаки. При помощи выпуска банкнот, банк, таким образом, как бы насильно извлекает вещный капитал из хозяйства лиц, у которых его билеты в конце концов осядут, и передает этот капитал в хозяйство своего непосредственного заемщика. *При помощи выпуска банкнот создается, таким образом, фактически обращение капитала в чужих предприятиях, обращение капитала держателя банкнот в предприятии заемщика банка.* Но держатель банкноты до поры до времени, смотрит на банкноту, как на денежный знак, и не замечает своего положения, кредитора.

Нетрудно видеть, что капиталы, образующиеся на денежном рынке вследствие выпуска банкнот, имеют сходство с капиталами, образующимися от притока текущих счетов, ибо и те, и другие базируются на потребности населения в денежных знаках, и *их образование связано с явлениями денежного обращения.* Разница между тем и другим источником ссудных капиталов заключается в том, что банкноты имеют очень широкое распространение и фигурируют в кассах самых разнообразных групп населения, между тем как банковские депозиты складываются обыкновенно из касс предприятий. Превращение кассовых остатков в ссудный капитал, как мы показали, приводит к тому, что на денежный рынок приливают средства активных капиталистов, что ссудные капиталы поступают в обращение в те же предприятия, откуда они пришли. Выпуск банкнот создает несколько иные отношения. Здесь ссудный капитал базируется, в конце концов, на кассах всех самостоятельных лиц и учреждений, а не только на кассах одних лишь активных капиталистов, хотя и эти кассы, несомненно, берут значительную часть выпущенных банкнот.

§ 10. Подводя итоги, мы видим, что ссудные капиталы приливают на денежный рынок из самых разнообразных источников, при чем по своему происхождению эти капиталы могут быть разбиты на следующие группы:

1) Капиталы рантье, т.-е. лиц, которые не имеют склонности заниматься хозяйственной деятельностью.

2) Капиталы учреждений и обществ разного рода и, на первом плане среди них, капиталы религиозных объединений, церкви, монастырей и т. д.

3) Капиталы трудовых классов и лиц интеллигентных профессий.

4) Капиталы лиц, меняющих сферу своей деятельности.

5) Бюджетные остатки государственного казначейства, „свободная наличность".

6) Свободные капиталы, образующиеся в предприятиях, в виду смены сезонов.

7) Свободные капиталы, накопляющиеся в предприятиях в ожидании расширения таковых.

8) Капиталы, переходящие из предприятия в предприятие в форме товарного кредита.

9) Капиталы, образующиеся из кассовых остатков, поступающих на текущие счета и

10) Капиталы, образующиеся от выпуска банкнот.

При этом капиталы, притекающие из первых пяти источников, приходят на денежный рынок как бы извне. из сфер, которые стоят в стороне от непосредственного хозяйствования, капиталы же, притекающие из последних пяти источников, являются для торгово-промышленной среды, в той или иной степени, своего рода внутренними капиталами.

Однако, это разнообразие источников, откуда притекают капиталы, ни в какой мере не нарушает единства денежного рынка. Он остается единым и неразрывным, ибо все капиталы, откуда бы они ни приходили, перемешиваются в его общем резервуаре, обезличиваются, принимают денежную форму и уже отсюда, определенным образом, распределяются по всему народно-хозяйственному организму.

Наша ближайшая задача и будет заключаться в том, чтобы выяснить, как это распределение происходит, по каким каналам растекаются ссудные капиталы с денежного рынка и каким законам подчиняются они в этом своем движении.

Литература к гл. III.

1. *Р. Гильфердинг.* Финансовый капитал. Гл. IV.

2. *К. Маркс.* Капитал. Т. II, гл. 1—5, 17, 20, 21

3. *М. И. Туган-Барановский.* Периодические промышленные кризисы. 3-е изд. П. 1914. Гл. VI.

4. *И. И. Кауфман.* Кредит, банки и денежное обращение. П. 1876. Гл. V.

5. *H. von Beckerath.* Kapitalmarkt und Geldmarkt. Jena. 1916. II. Hauptabschn.

6. *G. Motschmann.* Das Depositengeschäft der Berliner Grossbanken. Münch. und Leipz. 1915. II Teil.

ГЛАВА IV.

Распределение ссудных капиталов.

§ 1. Экономическая и формально-техническая сторона распределения ссудных капиталов. § 2. Претенденты на ссудные капиталы. — Государство, как заемщик. § 3. Рост государственного долга в разных странах в связи с последней войной.—Государственный долг Соед. Штатов, Англии, Франции, Италии. — Государственный долг и обесценение валют. — Междусоюзнические долги. § 4. Коммунальный кредит. § 5. Потребительский кредит § 6. Частно-хозяйственный кредит. — Торговый кредит. — Железнодорожный кредит. — Городское строительство. § 7. Сельскохозяйственный кредит. - Экономическая природа ипотечного кредита. § 8. Мелиоративный и сельскохозяйственный кредит. § 9. Спрос на ссудные капиталы со стороны кооперации. § 10. Классификация кредита по хозяйственному признаку. § 11. „Борьба за деньги".

§ 1. Ссудные капиталы, собирающиеся в общем резервуаре денежного рынка, расходятся отсюда по разным предприятиям. На них постоянно существуют претенденты-заемщики, которые забирают их в свои предприятия. Но разные претенденты различно подходят к ссудным капиталам. Бывают разные категории заемщиков, цели которых не во всем совпадают. В результате этого спрос на капитал оказывается столь же разнообразным по своему характеру, как и предложение таковых. Распределение ссудных капиталов можно представить себе, как расхождение их с денежного рынка по стройной сети каналов. Из общего резервуара денежного рынка ссудные капиталы расходятся по нескольким большим магистральным каналам, отводящим эти капи-

талы в отдельные большие отрасли народного и государственного хозяйства; из больших каналов отходят более мелкие разветвления и т. д., пока самые мелкие разветвления не приносят капитал в то или иное предприятие.

Рядом с этой сетью существует, конечно, другая, отводящая „отработавшие“ ссудные капиталы, по миновании сроков, обратно на денежный рынок.

Основная задача изучения спроса на ссудные капиталы и заключается в том, чтобы разобраться в особенностях различных категорий заемщиков, в характере тех или иных путей, по которым капиталы растекаются с денежного рынка. Мы сказали бы, что в этом — сущность *экономической* стороны проблемы. Но спрос на ссудные капиталы не только исходит от разных категорий заемщиков. Этот спрос предъявляется в разных формах. Вернее, денежный рынок передает капитал в чужие предприятия на разных условиях. Получается чрезвычайное разнообразие кредитных сделок с *формально-технической* точки зрения. Отсюда проистекает двоякая классификация спроса на ссудные капиталы, *экономическая* и *формально-техническая.*

Рассмотрим раньше всего экономическую сторону проблемы распределения ссудных капиталов, чтобы затем подойти к ее формально-технической стороне.

§ 2. Итак, кто выступает в роли претендентов на ссудные капиталы? Какие существуют категории заемщиков?

Одним из главных заемщиков, от которого исходит постоянный спрос на ссудные капиталы, является *государство.* Государство — вечный должник на денежном рынке, поглощающий все новые и новые массы ссудных капиталов Государственный кредит занимает во многих странах первое место в ряду различных видов кредита.

Спрос государства на ссудные капиталы вызывается двумя различными обстоятельствами. Во-первых, государство, в особенности, современное государство капиталистических стран выполняет целый ряд таких хозяйственных функций общенационального значения, которые требуют крупных и длительных затрат. На государстве обычно лежит обя-

занность по подготовке новых районов для колонизации, по мелиорации неудобных земель, по регулированию рек. Государство заботится о путях сообщения, проводит шоссейные и железные дороги, устраивает порты. Государство сосредоточивает в своих руках и другие отрасли, имеющие значение для всей страны. Оно строит крупные электрические станции, устраивает элеваторы и т. п. Государство регулирует денежное обращение, заботится о почтовой и телеграфной связи. Словом, государство выполняет целый ряд хозяйственных работ, потому ли, что эти работы непосильны для частных предприятий, или потому, что им придается значение общенациональных работ и их не желают предоставлять частной инициативе. На все эти работы нужны капиталы, но государство не располагает свободными капиталами. Правда, в его руках во всех странах обыкновенно сосредоточиваются большие земельные пространства с крупной номинальной стоимостью. Реализация этих земельных имуществ не всегда, однако, возможна и не всегда желательна с точки зрения общих задач государства и в странах с частной собственностью на землю. В то же время постоянные доходы государства, получения от налогов и др. сборов не таковы, чтобы из них могла уделяться достаточная часть для покрытия потребности в основном капитале. Для государства остается одна возможность для получения средств: обратиться к общим ресурсам денежного рынка.

Спрос на ссудные капиталы для указанных целей вызывается, таким образом, потребностями производительного характера. Эти капиталы не пропадают даром. Они фактически обращаются в чужих предприятиях. В роли чужого предпринимателя выступает в данном случае по отношению к денежному рынку государство. Капитал обращается в государственных железных дорогах, в государственных портах и т. д. Здесь же создается и тот добавочный доход, который дает государству возможность платить проценты на занятый капитал и погашать взятую ссуду. На-ряду с этим государство, однако, издавна предъявляет постоянный спрос на ссудные капиталы для ведения войн. Войны всегда поглощали громадные капиталы. Содержание армий, людей,

отвлеченных от хозяйственного труда, снаряжение их, изготовление военных орудий, постройка и содержание военного флота, — все это требует колоссальных затрат капитала. Затраты эти относятся к разряду непроизводительных в хозяйственном отношении, ибо в результате войны все военное имущество расстреливается, рушится и портится без всякой пользы для хозяйства. Необходимые для ведения войны капиталы государство также заимствует из общего резервуара денежного рынка. Оно берет эти капиталы в ссуду, гарантируя их владельцам уплату процентов и постепенную выплату основного долга.

Кредит принимает в данном случае несколько своеобразную, мы бы сказали, *фиктивную* форму. Кредитор бросает свой капитал в общий резервуар денежного рынка для того, чтобы он отсюда поступил для обращения в чужое предприятие. Когда государство берет этот капитал в ссуду для производительных целей, оно выполняет это условие. Но когда капитал берется для ведения войны, никакого обращения его в чужом предприятии не получается. Капитал в данном случае берется не для обращения, а для уничтожения, не для создания новых материальных ценностей, а для уничтожения ценностей, ранее созданных. Капитал этот не создает источника для оплаты процентов. Проценты оплачиваются государством не из дохода от растраченного без остатка капитала, а из тех же сборов и налогов, которые служат для покрытия обыкновенных государственных расходов. Обеспечением занятого капитала служит не предприятие, а налоговая платежеспособность населения [1]). Истинное значение, которое имеет эта часть государственного кредита, скрывается, однако, тем *обстоятельством*, что непроизводительный государственный кредит сливается воедино с кредитом производительным, и что на денежном рынке государство всегда выступает не только как организация, ведущая войну, а как целостная хозяйственная еди-

---

[1]) Подробнее о государственном кредите, на котором мы здесь подробно не останавливаемся, см. в нашей книжке: „Война и финансово-экономическое положение России", 1917 г., стр., 22 и след. См. также: *В. Н. Твердохлебов*, Государственный кредит, Л. 1924.

ница, имеющая свое имущество, свои предприятия и свои доходы. Тем не менее, для правильного понимания структуры государственного кредита надо всегда иметь в виду двойственность целей, ради которых государства берут ссудные капиталы, и преобладающее значение в этом смысле военных задач.

Чтобы дать представление о роли государства, как заемщика на денежном рынке, приведем несколько относящихся сюда фактов и цифр. Уже в средние века, государства, или вернее, короли и князья постоянно делали позаимствования на денежном рынке. Развитие крупных итальянских банкирских домов, а также германских и голландских банкиров XVI—XVIII в.в. было тесно связано с кредитами, которые они оказывали суверенам того времени. Эти кредиты давали им привилегированное положение в государстве, открывали различные возможности по эксплоатации тех или иных отраслей хозяйства. Медичи, Фуггеры, Гопе, Ротшильды, — все это были раньше всего банкиры „их высочеств". *Эренберг*, автор известной книги о „веке Фуггеров", показывает, как тесно был связан этот знаменитый банкирский дом XVI в. с финансовыми операциями тогдашних Габсбургов. При общем активе в 3 миллиона гульденов, этот дом имел в 1527 г. долгов за разными лицами в 1.650.000 г. В том числе 712 тыс. г. состояло за королем, впоследствии римско-германским императором Фердинандом, 17 тыс. дукатов состояло за королем Португалии, 14½ т. дукатов — за вице-королем Неаполя, 21 тыс. гульд. — за папой и т. д.[1]). История денежного рынка в начале 19-го века есть в значительной мере история обращения за ссудными капиталами со стороны многих государств, среди которых на-ряду со старыми странами фигурируют молодые, недавно получившие самостоятельность, .осударства. Достаточно, напр., сказать, что в период 1818—1825 г.г. на одном лишь Лондонском рынке заключили займы следующие государства: Пруссия, Австрия, Испания, Португалия,

---

[1]) *Richard Ehrenberg*, Das Zeitalter der Fugger. Geldkapital und Kr ditverkehr im XVI Jahrhnndert, I-er B., Iena 1896, стр. 123.

Россия, Неаполь, Дания, Колумбия, Чили, Перу, Греция, Бразилия, Мексика, Гватемала и др. [1]).

О значении государственного кредита в новое время мы можем отчасти судить по приведенным уже ранее цифрам распределения портфеля ценных бумаг, находящихся во Франции. Из общей суммы французских ценностей, имевшихся в стране к 1906—1910 г.г., определяемой в 77,3 миллиарда франков, на долю государственной ренты, как мы могли видеть, приходилось 26 миллиардов, а из суммы в 33 милл. иностранных бумаг, состоявших во владении французов, государственных бумаг было на 26 милл. Из общей суммы ссудных капиталов, которую Франция предоставила иностранцам в форме покупки ценных бумаг, около 78% дано было правительствам разных государств.

В 1911 г. относительное значение выпусков государственных займов в общем выпуске ценных бумаг выражалось в таких цифрах.

Выпущено государственных займов [2]):

	Всего на сумму.	В т. ч. займов своего государства	В т. ч. займов иностр. государств.	При общей сумме выпуска ценных бумаг.
В Германии (в милл. мар.)	505	239	266	2420
„ Англии (в милл. ф. ст.)	26,7	2,5 [2])	24,2	199,7
„ Франции (в милл. фр.) .	996	7,1	988,9	4696
Голландии, (Амстердаме), (в милл. гульденов) ..	87,2[3])	—	—	273

[1]) См. *С. К. Hobson*, The Export of Capital. L. 1914, стр. 101.

[2]) Вычислено на основании цифр, приводимых *Лифманом* в его „Beteiligungs und Finanzierungsgesellschaften", 1913, стр. 33—35.

[3]) Сюда входят и долги городов.

Постоянное обращение государств за ссудными капиталами вызвало рост государственного долга во всех странах. Перед войной, на 1 января 1913 г., долг различных государств выражался в следующих цифрах [1]).

	Всего (в тыс. рублей).	На одного жителя (рублей).
Во Франции	11.685.750	295
„ Германии	9.559.712	146
„ России	8.957.875	53
„ Австро-Венгрии .	6.960.794	135
„ Англии	6.795.786	148
„ Италии	5.036.010	145
„ Испании	3.524.790	179
„ Португалии . . .	1.766.399	296
„ Бельгии	1.644.639	215
„ Голландии	920.412	210

Долг отдельных государств вырос из указанных двух частей. Так, русский довоенный государственный долг приблизительно на половину представлял собою результат производительных затрат, расходов на постройку железных дорог и портов, на установление золотой валюты и т. д., а в другой половине явился результатом войн прошлого столетия. В составе его еще имелись займы, заключенные при Александре I для ликвидации последствий войны с Наполеоном. Французский долг в 11—12 миллиардов рублей—

[1]) Цифры взяты из „Статист. Ежег. на 1914 г.“ Сов. Съезд. Промышленности и Торговли, II. 1914, стр. 829.

носил явные следы своего происхождения. Франция платила проценты за 5-миллиардную контрибуцию 1871 г.

§ 3. Однако, в результате последней войны государственный долг различных стран получил совершенно иной вид. Громадные суммы, израсходованные всеми странами на войну 1914—1918 г.г., были взяты из общего резервуара денежного рынка. Государственный долг участвовавших в войне государств возрос настолько, что по сравнению с ним уже оказались ничтожными долги довоенного времени. В то же время в составе нового государственного долга уже совершенно теряются, как незначительные, те части, которые составились в результате производительных затрат на хозяйственные цели.

Для оценки той роли, которую играют государственные долги после мировой войны, необходимо, однако, учесть следующие *три* обстоятельства. Во-первых, надо принять во внимание, что Советское правительство аннулировало долг старой России и отказалось платить как по внутренним, так и по внешним долгам. Во-вторых, надо учесть то обстоятельство, что в ряде стран государственный долг оказался аннулированным полностью или в части в результате бумажно-денежной инфляции. Так, в результате обесценения марки, Германия фактически аннулировала весь свой внутренний государственный долг, который на 31 марта 1918 г., т.-е. незадолго до окончания войны, когда марка сохраняла еще значительную часть своей покупательной силы составлял около 100 миллиардов марок. Во Франции, Италии и др. странах, где денежная единица не обесценилась окончательно, а лишь потеряла $^3/_4$, или $^4/_5$ своей прежней покупательной силы, внутренний государственный долг испытал крупное уменьшение. Наконец, в-третьих, необходимо учесть тот факт, что почти все государства, принимавшие участие в войне, и в том числе Франция и Италия — фактически не платят процентов по своим военным займам. Правда, Соединенные Штаты, которые являются главным кредитором этих стран, отнюдь не проявляют склонности простить своим бывшим союзникам эти долги. Однако в результате этого разногласия мы имеем сейчас в ряде государств скорее

„проблему междусоюзнических долгов“, чем реальные государственные долги. Последние остаются на бумаге: их „признают“, да и то не вполне, но по ним не платят.

Состояние государственного долга отдельных стран в последние годы представлялось в следующем виде.

В *Соединенных Штатах Сев. Ам.* государственный долг составлял до войны около 1,2 милл. дол. Во время войны этот долг сильно возрос и выражался в следующих цифрах (в милл. дол.) [1].

на 31 авг. 1919 г.	26.349
„ 30 апр. 1921 „	23.760
„ 31 окт. 1923 „	21.800

Из последней суммы приходится на задолженность:

до 1 года	1.683 милл. дол.	от 2 до 5 л. . .	5.967 милл. дол.
от 1 до 2 лет . . .	1.026 „ „	свыше 5 л. . . .	13.124 „ „

Государственный долг *Англии* развивался следующим образом. Он составлял на 31 марта (в милл. ф. ст.) [2]:

в 1913 . . .	711	в 1920 . . .	7.876
„ 1914 . . .	706	„ 1921 . . .	7.623
„ 1915 . . .	1.162	„ 1922 . . .	7.721
„ 1916 . . .	2.190	„ 1923 . . .	7.813
„ 1917 . . .	4.064	„ 1924 . . .	7.707
„ 1918 . . .	5.921	„ 1925 . . .	7.708
„ 1919 . . .	7.481		

Из общей суммы государственного долга Англии на 31 марта 1925 г. в 7.708 милл. ф. ст. главные статьи приходились на:

	В милл. ф. ст.
$3^1/_2$ % конверт. заем	712
$4^1/_2$ % „ „	210
4% и 5% „военные“ облигации .	2.017

---

[1]) Последние данные взяты из официального отчета английского: „Department of overseas trade“: „Report on the Finance, industry and Commerce of the Un. St. of America“, L. 1924, стр. 29.

[2]) Цифры взяты из „Stat. Abstract for the Un. Kingdom“, № 68, L. 1924, стр. 10, и из „Economist'a“ от 25/IV 1925.

	В милл. ф. ст.
„Национ." воен. облигации . . .	813
4% „фундир." заем	396
4% облигации займа „Победы" .	314
Казнач. облиг. (Treasury bonds)	496
„Прочие" долги (в том числе долг америк. правительству)	1.132
Национ. сберегательные сертификаты (Nat. Saving Certific) . .	367
Казначейские векселя (Treasury Bills)	576
Временные авансы	167

Как видно из этих данных, государственный долг Англии увеличился за время войны более, чем в 10 раз. С 1920 г. он установился на уровне 7,7—7,8 миллиардов фунтов стерлингов.

Государственный долг Франции составлял после войны — на 31 декабря 1919 г. — 219,4 миллиардов франков, при чем он распадался на следующие части [1]):

Внутренний консолидированный [2]) .	109,3	милл. фр.
„ неконсолидированный .	76,4	„ „
Внешний	33,7	„ „
Всего . . .	219,4	„ „

В последующие годы внутренний долг Франции, выраженный в бумажных марках, продолжал возрастать в своем номинальном выражении, между тем как его реальное выражение падало вследствие падения курса французского франка. Внешний долг, выраженный в золотых франках, продолжает оставаться приблизительно на том же уровне.

На 30 апреля 1923 г. государственный долг Франции складывался из следующих статей (в миллиардах фр.) [3]):

[1]) Цифры основаны на матер. Лиги наций. См. нашу статью „Финансовое положение Европы", „Вестн. Н. К. В. Т." 1921 г. № 1.

[2]) О делении государственных долгов на внутренние и внешние, а также на консолидированные и неконсолидированные, у нас будет речь в одной из последующих глав.

[3]) Цифры взяты из книги *A. Revai*, „Die ausländischen Wechselkurse in Frankreich seit 1914", M. 1925, стр. 76—77.

Внешний		35,5
Внутренний	консолидированный	148,4
„	краткосрочный	23,3
„	неконсолидирован. (текучий) . .	60,3
„	у банков	22,5

Таким образом, к этому времени государственный долг Франции достиг *290 миллиардов фр.*, из которых внутренний долг в бумажных франках составлял 254,5 милл. фр., а внешний — в золотых франках 35,5 милл. фр. Из этого последнего долга в частности приходилось на долг Англии, — правительству и Английскому банку, — 16,3 миллиарда фр., и на долг американскому правительству — 15,2 миллиарда фр.

ВЫДАНО ССУД: Кем: / Кому:	Соедин. Штатами.	Англией.	Францией	ВСЕГО.
Англии	842	—	—	842
Франции	550	508	—	1.058
Италии	325	467	35	827
России	38	568	160	766
Бельгии	80	98	90	268
Сербии и Юго-Славии . .	20	20	20	60
Проч. союзникам	35	79	50	164
Всего: . .	1.890*)	1.740	355	3.985*)

*) У Кейнса показан неверный итог в 1.900 вместо 1.890 и 3.995 вместо 3.985.

Государственный долг *Италии* составлял на 31 июня 1924 г. — 115,9 миллиарда лир, при чем внешний долг в золотых лирах достигал в том числе 22,7 милл. лир, а остальные 93,2 миллиарда лир представляли собою внутренний долг в бумажных лирах [1]).

Не останавливаясь подробно на проблеме взаимной задолженности стран Антанты, приведем таблицу междусоюзнических долгов, которую дает *Кейнс*. По данным Кейнса, относящимся к 1919 г., взаимная задолженность союзников, возникшая во время войны, составляла приблизительно следующие суммы (в миллионах фунтов стерл.) [2]) (см. таблица на стр. 106).

По более поздним данным, приводимым *Г. Фиском*, общая задолженность различных стран Соедин. Штатам составляла на 15 ноября 1923 г. — 11,8 миллиарда долларов. в т. числе:

задолженность	Англии	4,6	м-ард. дол.
„	Франции	3,99	„ „
„	Италии	2	„ „
„	России	0,242 [3])	„ „

Англия, по данным того же автора на 31 марта 1923 г., была должна всего 5,6 миллиарда долларов, в т. числе 4,88 миллиарда долларов Соед. Штатам [4]). В свою очередь Англия числила на 1923 г. долг:

за Францией	2,93	м-арда долл.
„ Италией	2,57	„ „
„ Россией	3,35	„ „ [5])

Эти данные в достаточной мере объясняют, почему проблема „междусоюзнических долгов" упирается в Соед. Штаты. Соед. Штаты дали союзникам около 20 миллиардов рублей золотом, которые они и хотят получить. Англия на

[1]) Цифры взяты из статист. сб.: „Piccolo annuario Statistico Italiano. 1925". Roma. 1925, стр. 207.

[2]) См. *J. M. Keynes*, The economic consequences of the peace, L. 1920, стр. 254.

[3]) Г. Фиск, Междусоюзнические долги, М. 1925, стр. 140—141.

[4]) Там же, стр. 154.

[5]) Там же, прил. табл. XVII.

бумаге имеет за своими заемщиками больший долг, чем тот, который она сама должна уплатить Соед. Штатам. Но так как ее главными должниками являются Россия, Франция и Италия, от которых она слабо надеется получить долги, между тем как она должна платить Соед. Штатам, то Англия в конце концов заинтересована в том, чтобы междусоюзнические долги были аннулированы. Само собою разумеется, что в таком решении вопроса в особенности заинтересованы Франция и Италия. Вот почему в этих странах, насколько известно, идея о необходимости аннулирования этих долгов весьма популярна [1]).

§ 4. На-ряду с государством крупный спрос на ссудные капиталы предъявляют органы местного самоуправления, *города*, *земства*, *сельские* общества и т. д. Кредит, оказываемый этим организациям, объединяется понятием *коммунального* кредита. В особенности значителен спрос на капиталы со стороны городов. Города выступали в качестве заемщиков уже много веков тому назад. Среди должников упомянутого нами средневекового банкирского дома Фуггеров в 1553 г. числился, между прочим, город Антверпен. Город Париж выступал во время великой революции в 90-х годах XVIII века в качестве постоянного соискателя ссудных капиталов. Он выпускал свои векселя-боны, которые пользовались временами даже бо̀льшим доверием, чем боны государства. В те времена города нуждались в деньгах и часто брали таковые для таких же непроизводительных целей, как и короли. Эти последние нередко заставляли города давать за них гарантию банкирам и добывать капитал для финансирования их же военных мероприятий.

В новое время спрос на ссудные капиталы со стороны городов принял гораздо большие размеры и стал вызываться уже исключительно производительными потребностями. По мере роста городов органы местного самоуправления стали брать на себя выполнение целого ряда чисто-хозяйственных

---

[1]) Подробнее о проблеме межсоюзнических долгов см. в цит. книге *Г. Фиска*, Междусоюзнические долги, М. 1925.

функций общего значения, сделались предпринимателями в обычном значении этого слова. Города стали сосредоточивать в своих руках бойни, помещения для рынков, предприятия по канализации, водопроводу, снабжению жителей газом, электричеством, стали проводить трамваи и т. д. Города занялись постройкой жилищ по известному плану с целью облегчения жилищной нужды малосостоятельных слоев населения и предоставления ему здоровых помещений. Движущий мотив этого предпринимательства иной, чем у частных лиц. Он лежит не в стремлении к накоплению прибылей, а в желании облегчить положение потребителя путем предоставления ему известных услуг по более дешевой цене, в стремлении к разрешению некоторых социальных проблем. Но по отношению к народному хозяйству в целом города выступают в качестве обыкновенных предпринимателей. Они руководствуются в своей предпринимательской деятельности хозяйственным принципом, стремятся получить максимум результатов с минимумом затрат, стремятся вести предприятия так, чтобы они не давали убытка и оправдывали затраченный на них капитал. Они покупают нужное им сырье и рабочую силу, продают свои продукты, словом, ведут свое хозяйство на общепринятых началах. Для организации всех этих предприятий и для их ведения нужны крупные капиталы. Речь идет во всех этих случаях о громадных сооружениях. Города же еще в меньшей степени, чем государство, располагают собственными капиталами. Им приходится поэтому обращаться к общим ресурсам денежного рынка и брать оттуда те средства, которые им нужны.

О размерах капиталов, которые берут города и другие органы местного самоуправления на денежном рынке, можно судить по следующим данным.

В *Германии* выпущено было коммунальных займов на номинальную сумму [1]).

в 1908 г.	536	милл. марок.
» 1909 »	395	» »
» 1910 »	245	» »
» 1911 »	304	» »

[1]) См. *R. Liefmann.* Beteil. und Finanzierungsgsl J. 191 стр. 33.

В Великобритании задолженность городов и других органов местного самоуправления выражалась в таких цифрах:

К концу	1901—1902	бюджетного года	—	406,5	милл.	ф.	ст.
» »	1905—1906	» »	—	557,0	»	»	»
» »	1909—1910	» »	—	620,3	»	»	»
» »	1913—1914	» »	—	651,8	»	»	»

Если сопоставить эти цифры с данными о государственном долге, то окажется, что до войны долг коммунальных учреждений в Великобритании в совокупности достигал почти того же размера, что и долг государства. Из общей суммы долга великобританских городов и провинций в 651,8 милл. ф. ст. на долю местных органов Англии и Уэльса приходилось 562,6 милл. ф. ст., при чем из этой последней суммы 310 милл. ушло на устройство бань, кладбищ, снабжения электричеством, газовых заводов, ночлежных домов, пристаней, доков, каналов и набережных, рынков, трамваев и водных сооружений, а 252,5 милл. ф. ушло на другие нужды[1]).

В России из местных коммунальных учреждений крупным строительством до войны занимались только города. Сельская жизнь еще не развилась настолько, чтобы самоуправляющаяся деревня могла обзаводиться своими водопроводами, электрическими станциями, телефонами и т. д. Земства также прибегали к кредиту сравнительно редко. Русские города фигурировали в качестве заемщиков на денежном рынке и не только внутреннем, но и международном. До 1913 г. займы выпустили: Петербург на 53,4 милл. р, Москва — на 153,9 м. р., Баку — на 27,0 м. р., Киев — на 7,4 м. р., Одесса — на 23 м. р. и т. д.

Общая задолженность русских городов по облигационным займам составляла на 1 января 1913 года 445 милл. рублей [2]).

Кроме выпуска долгосрочных займов, многие города постоянно брали средства с денежного рынка и в краткосрочной форме, кредитуясь в различных банках.

---

[1]) Цифры взяты из статистического сборника: „Statistical Abstract of the United Kingdom". 1901—1915. L. 1917, стр. 53.

[2]) „Русск. бирж, ценн. 1914—1915". П. 1915, стр. 41.

§ 5. Вслед за государственным и коммунальным кредитом мы отметим, как *третье* направление, по которому идут ссудные капиталы с денежного рынка, *потребительский* кредит. Нам приходилось уже в 1-й главе говорить о спросе на ссудный капитал для потребительских целей. Мы указывали на подчиненное значение этого вида кредита и на возможность рассматривать его с известной точки зрения, как вид производственного кредита. С этими оговорками мы можем выделить ссудные капиталы, направляющиеся для удовлетворения потребительских нужд, в особую группу. Надо, однако, иметь в виду, что кредит на потребление, оторванный от производственных задач хозяйства, занимал большое место в общей системе хозяйства лишь в отдаленные времена, при слабом развитии кредита вообще и крупной роли ростовщичества. Сейчас с развитием кредитных отношений, с устранением ростовщиков, при помощи организации учреждений мелкого кредита, нужда в чистом потребительском кредите оказывается минимальной. Конечно, еще и теперь бывает, что крестьянин берет в кредитном товариществе ссуду для устройства свадьбы и т. п., но эти случаи тонут в общей массе крестьянских ссуд, которые в громадном большинстве случаев имеют то или иное производственное назначение. Выдача чистых продовольственных ссуд упадочным хозяйствам в моменты общественных бедствий, недородов и т. п. все более и более перестаетбыть кредитной операцией и приобретает характер операции благотворительной, или меры социального обеспечения. Такого рода ссуды государство выдавало у нас в России в больших размерах из особого „продовольственного капитала“, на который в моменты неурожаев отпускались крупные суммы из общегосударственных средств. В 1891—92 г.г., напр., на эту цель было отпущено 146,5 милл. р., в 1906—1907 г.г.— 170 милл. руб., а всего за 1891—1911 г.г. — 613,3 милл. р. [1]). Из этой суммы значительная часть числилась „долгом“ за населением и рассматривалась как потребительский кредит. Но долг этот оставался на бумаге, погашение

---

[1]) См. нашу книгу: „Мелиорации и т. д.“, 4-е изд. М. 1922, стр. 191.

поступало очень слабо, и на самом деле раздачу этих денег надо рассматривать как пособие, а не как кредит.

§ 6. *Четвертый* поток ссудных капиталов идет в сферу частного хозяйства, поступает в частно-хозяйственные предприятия различного рода. Этот поток, пожалуй, нельзя назвать самым обильным, ибо общая сумма чужих капиталов, помещенных в частных предриятиях, едва ли больше суммы, помещенной в государственном кредите. Но поток этот является наиболее бурным. Здесь идет постоянная смена взаимоотношений, здесь капиталы чаще всего возвращаются из чужих предприятий в резервуар денежного рынка, здесь постоянно меняются формы кредита и условия, на которых этот кредит оказывается.

Магистральные каналы, по которым ссудные капиталы несутся с денежного рынка в чужие предприятия, имеют, как мы сказали, свои разветвления. Та часть средств, которую денежный рынок уделяет частному хозяйству, распределяется по разным отраслям. Это дает основание разбить частнохозяйственный кредит на отдельные составные части, наметить внутри его ряд делений.

Раньше всего ссудные капиталы, поступающие в частные предприятия, разбиваются на две части по двум большим ветвям хозяйства. Одна часть питает торговлю и промышленность, другая питает сельское хозяйство. Отсюда частнохозяйственный кредит делится на:

1) *Торгово-промышленный (индустриальный)* и

2) *Сельскохозяйственный* кредит.

Далее, суммы, направляющиеся в сферу торговли и промышленности, поступают здесь в разные отрасли хозяйства. Каждая отрасль вырабатывает свои особые отношения денежному рынку, каждая из них получает кредит на особых более или менее своеобразных условиях. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток на различные части торгово-промышленного кредита, дает основание говорить о многих из них, как об отдельных видах кредита. Наибольшие требования на ссудные капиталы предъявляют обыкновенно следующие отрасли торговли и промышленности.

В области торговли наибольший спрос предъявляет, раньше всего, *торговля, связанная с реализацией урожаев*. Периоды реализации урожаев зерновых продуктов, хлопка, льна и т. д. вызывают сильные требования на деньги со стороны торговых предприятий, скупающих эти продукты у сельских хозяев. Производители стремятся обыкновенно продать свои продукты немедленно после сбора. Оптовые торговцы в эти месяцы сосредоточивают в своих руках громадные товарные ценности, которые они потом постепенно распродают в течение года различным торговцам, промышленникам и потребителям. Такая сконцентрированная потребность в деньгах, естественно, не может удовлетворяться собственными капиталами этих предприятий, и они вынуждены прибегать к временному позаимствованию чужих капиталов. Требование на ссудные капиталы со стороны указанной группы оптовых торговцев бывает настолько велико, что оно сильно отражается на состоянии денежного рынка в его целом. Периоды реализации урожаев, перехода продуктов от сельских хозяев к торговцам, приходящиеся большею частью на осенние месяцы, бывают периодами наибольшего спроса на ссудные капиталы и наиболее высокого процента. Значительный спрос на ссудные капиталы предъявляют затем и прочие отрасли *оптовой торговли*, но этот спрос в его целом более равномерно рас пределяется по отдельным периодам года. Оптовая торговля принимает в свои склады фабричные товары в течение всего года по мере их выработки. У нее также бывают свои сезоны, но в разных отраслях эти сезоны приходятся на разные времена года, и потому напряжение кредита для этой цели оказывается не столь сильным. *Розничная торговля* также предъявляет требования на ссудные капиталы. Отдельные требования носят здесь случайный характер. Для розничной торговли требуются не очень крупные капиталы. Многие торговцы этого рода ведут предприятия на собственные средства, не прибегая к кредиту. Но в массе своей спрос, идущий от этой группы предприятий, имеет не малое значение на денежном рынке.

В области промышленности главные массы ссудных капиталов приливают в следующие отрасли. Во-первых, — в отрасль *железнодорожного строительства*. Мы видели, что железнодорожное строительство является одним из оснований для обращения к денежному рынку со стороны государства. Но по разным причинам постройкой и эксплоатацией дорог занимаются в разных странах не только государство, но и частные предприятия, преимущественно акционерные общества. Частными компаниями построены громадные железнодорожные пути в Северной Америке, многие железные дороги в России, Франции и др. странах. Постройка железных дорог требует, однако, исключительно крупных затрат, которые не могут оказаться под силу отдельным группам предпринимателей. Достаточно, напр., сказать, что у нас в России постройка Московско-Казанской ж. д. обошлась приблизительно в 200 милл. руб., постройка Московско-Киево-Воронежской — в 250—275 милл. р., Московско-Виндаво-Рыбинской — в 200 милл. р., Волго-Бугульминской — в 50 милл. руб. и т. д. Для выполнения таких крупных построек приходится при этом прибегать к общим рессурсам денежного рынка. Кредит на постройку железных дорог со средины 19-го века играет крупную роль среди операций этого рынка. С этими постройками было связано развитие некоторых кредитных учреждений. Чрезмерное увлечение этим видом кредита нередко приводило и к краху таких учреждений. Особенно громкую славу оставил по себе в этом отношении знаменитый французский банк: „Crédit Mobilier", основанный в 1852 г. известными последователями Сен-Симона, братьями Перейра, на деятельности которого мы остановимся в дальнейшем. Этот банк в 50-х годах финансировал постройку ряда железных дорог во Франции и свыше 10.000 килом. путей в разных других странах. Банк был заинтересован и в делах „Главного общества российских железных дорог" [1]). Частный железнодорожный кредит нередко комбинируется с государствен-

---

1) См. об этом: „*E. Kaufmann.* Das französische Bankwesen", Tübingen. 1911, стр. 13 и сл., а также *И. И. Левин.* Акционерные коммерческие банки в России. П. 1917. Гл. III.

ным кредитом в той форме, что государство принимает на себя *гарантию* за облигационные займы, выпускаемые частными железнодорожными компаниями. Эта система широко практиковалась у нас в России. На 1 января 1913 г. таких гарантированных нашим правительством облигаций железнодорожных обществ оставалось в обороте на 1.595 милл. р.

Значительные средства поступают, затем, с денежного *рынка на городское строительство.* Развитие промышленности тесно связано с ростом городов. Этот рост вызывает необходимость в быстром возведении построек как для размещения торговых и промышленных предприятий, складов и контор, так и для размещения сосредоточивающихся в городах громадных масс рабочих и служащих. Сооружение домов — гигантов — обычный тип современного городского строительства. Эта отрасль приобрела крупно-индустриальный характер. Отсюда вытекает потребность в крупных капиталах для строительства. О размерах тех сумм, которые взяты были в России владельцами городской недвижимости на постройку домов и торговых помещений, можно судить по тому, что задолженность их ипотечным банкам и городским кредитным обществам выражалась в таких цифрах [1]):

на 1 января 1885 г.	453	милл. р.
» 1 » 1895 »	600	» »
» 1 » 1905 »	1.294	» »
» 1 » 1915 »	1.812	» »

Но кроме этих сумм на городской недвижимости лежали крупные долги по частным закладным и разные долги краткосрочного характера.

Из остальных отраслей промышленности большой спрос на ссудные капиталы предъявляет *металлургия, электрическая промышленность, химическая промышленность* и некоторые другие. Во всех этих отраслях оборудование предприятий требует больших затрат и организаторы таковых широко используют для этой цели средства денежного рынка.

---

[1]) См. „Статист. ежег. Сов. Съезд. предст. пром. и торг." на 1914 г. П. 1914, стр. 572 и „Стат. Сб." за 1913—1917 г.г., изд. Ц. С. У. Вып. II. Отд. „Деньги и кредит", Табл. X.

Мы говорили до сих пор преимущественно о тех капиталах, которые нужны для постройки и оборудования предприятий, о капитале, который известен под названием *основного*. На ряду с этим предприятия нуждаются в капитале для ведения дел, т. наз. *оборотном*. Спрос на капиталы для этой цели исходит от самых различных отраслей и носит более или менее однородный и равномерный характер.

Среди частнохозяйственных предприятий, предприятий, предъявляющих спрос на ссудные капиталы, особую группу составляют *мелкие предприятия*. Несмотря на преобладание в современном хозяйстве крупного предпринимательства и концентрацию капиталов, в целом ряде отраслей сохранили свою жизнеспособность самостоятельные мелкие предприниматели, *ремесленники и кустари*. Путем настойчивого труда, при помощи кооперации, они стараются отстоять себя против натиска крупного капитала и нередко в этом успевают. Но и мелкие предприятия, для правильного своего функционирования, нуждаются в капитале и сплошь и рядом получают его при посредстве кредита. Поддержка самостоятельных мелких предприятий ремесленников и кустарей часто рассматривается как мера социальной политики, как средство для смягчения социального неравенства. Поэтому задачу организации кредита для мелких предпринимателей нередко берут на себя правительства и органы местных самоуправлений.

§ 7. Обращаясь к рассмотрению характера ссудных капиталов, обслуживающих *сельское хозяйство*, мы должны сказать, что и здесь мы наблюдаем распадение общего потока средств на несколько ветвей, что дает основание различать несколько видов сельскохозяйственного кредита. Сельскохозяйственный кредит в широком смысле этого слова распадается на три части, а именно, на кредит:

1) *Ипотечный, поземельный,*

2) *Мелиоративный* и

3) *Сельскохозяйственный*, в более узком смысле слова.

Под ипотечным поземельным кредитом, который часто называется просто *ипотечным надо понимать те ссуды, которые берутся собственниками земель сельскохозяйствен-*

ного значения под залог их имений. Этот вид кредита, который, разумеется, имеет место только в тех странах, в которых сохранилась частная собственность на землю, принято отличать, главным образом, по его формальному признаку, а именно по тому, что обеспечением взятой ссуды служит залог земли, и что данный кредитор в случае невзноса причитающихся ему платежей получает право продать заложенную землю (продажа эта обставлена разными формальностями, наполняющими так-наз. „ипотечное право“) и получить преимущественное перед другими кредиторами удовлетворение из вырученной суммы. Общность этого признака у поземельного кредита с некоторыми другими видами кредита (под городскую недвижимость, под залог судов) дает основание соединять все эти виды получения ссудных капиталов под общим титулом ипотечного кредита. Разные виды ипотечного кредита объединяются и тем признаком, что этот кредит — выдается на долгий срок (в наших б. земельных банках он выдавался на срок до 66 лет на условии постепенного погашения). Но поскольку нас интересуют сейчас не формальные, а хозяйственные признаки отдельных видов кредита, мы не должны смешивать ипотечный поземельный кредит с другими формами ипотечного же кредита.

Хозяйственная особенность ипотечно-поземельного кредита заключается в том, что он направляет ссудные капиталы в распоряжение землевладельцев—руководителей сельскохозяйственных предприятий. В России до революции этим видом кредита пользовались преимущественно крупные землевладельцы. Крестьянские земли были свободны от залога, за исключением части тех 25—30 милл. десятин, которые крестьяне прикупили через посредство Крестьянского банка. Наш ипотечно-поземельный кредит был поэтому, главным образом, помещичьим кредитом. (Заметим, кстати, что в виду некоторых особенностей нашего залогового права наш поземельный кредит несколько отличался от принятых в западно-европейских странах форм ипотечного кредита. Он фигурировал в законодательстве и на практике под видом „долгосрочного кредита под залог недвижимости“).

Но в других государствах ипотечные ссуды получают не только крупные, но и мелкие землевладельцы.

Ипотечная форма поземельного кредита — очень старого происхождения. Зачатки ее относятся к началу 18-го века. В Пруссии первые учреждения ипотечного поземельного кредита были организованы в 70-х и 80-х годах 18-го столетия. С течением времени этот вид кредита получил очень большое распространение. В некоторых районах Германии и б. Австро-Венгрии почти не оказалось земель, которые не состояли бы в залоге. Количество ссудных капиталов, взятых частными землевладельцами под залог их земель, оказалось громадным. По мере роста ипотечного долга, возрастала и сумма средств, которую землевладельцы должны были ежегодно выплачивать своим кредиторам в виде процентов и погашения. Всякая заминка в сельскохозяйственном производстве, падение цен на сельскохозяйственные продукты, ставила задолженных землевладельцев в тяжелые условия. Так, возникла особая социальная проблема об облегчении участи ипотечных должников, проблема сильно занимавшая Европу в течение 2-й половины 19-го века, в особенности в 70-х и 80-х годах, когда обнаружился упадок цен на зерно. Эта проблема в период мировой войны разрешилась, однако, весьма благополучно для землевладельцев в большинстве европейских стран, ибо обесценение денег привело в одних странах (Германия, Австрия) к полному аннулированию этих долгов, а в других (Франция, Италия) к уменьшению их в несколько раз. Вместо проблемы облегчения участи ипотечных должников выдвинулась противоположная проблема об облегчении участи кредиторов, владельцев облигаций: возник вопрос о той или иной частичной компенсации владельцев ипотечных облигаций.

Чтобы получить представление о количестве ссудных капиталов, которое взяты были земельными собственниками под залог имений, достаточно обратить внимание на следующие цифры, относящиеся к Германии. На 1 января 1913 г. у акционерных ипотечных банков Германии оставалось долга по ссудам под залог недвижимости на сумму около $11^1/_2$ миллиардов марок, у обществ взаимного позе-

мельного кредита (Landschaften) — около 4 миллиардов марок. Кроме того, ипотечные ссуды выдавались и другими организациями (напр., страховыми обществами), так что общая сумма ипотечных долгов в Германии до войны, впрочем, со включением долгов под городскую недвижимость, оценивалась не менее, чем в 50 миллиардов марок [1]).

В России задолженность частного землевладения по ссудам, взятым под залог земли в кредитных учреждениях разного рода, достигала следующих размеров [2]).

на 1	января	1885 г.	652	милл.	р.
» 1	»	1890 »	979	»	»
» 1	»	1895 »	1.252	»	»
» 1	»	1900 »	1.674	»	»
» 1	»	1905 »	2.202	»	»
» 1	»	1910 »	2.773	»	»
» 1	»	1915 »	3.689	»	»
„ 1	»	1916 »	3.724	»	»

Из последней цифры в 3.724 милл. рублей долги крестьян по ссудам, взятым в Крестьянском банке, составляли 1.398 милл. р., а долг помещиков составлял около 2,3 миллиардов рублей. Для оценки приведенных цифр интересно еще отметить, что на 1 января 1915 г. остаток долга в 3.689 милл. руб. приходился на 553.617 заложенных имуществ, при чем в залоге состояло 66,9 милл. десятин земли, оцененных в общей сложности в 6.075 милл. р., так что при оценке десятины в среднем в 91 рубль, сумма долга на десятину составила 59 рублей. На заложенных землях лежал, таким образом, долг в 65% *стоимости земли*. Но этим не исчерпывалась ипотечная задолженность частного землевладения, ибо, помимо долгов кредитным учреждениям, на землевладельцах состояли долги по ссудам, полученным по вторым и третьим закладным от частных лиц.

---

[1]) См. *G Obst.* Geld-Bank-und Börsenwesen. 6-te Aufl. L. 1910, стр. 171—172.

[2]) Цифры до 1910 г. взяты из Стат. Ежег. Сов. Съезд. Пром. и Торговли за 1914 г., стр. 571, а за 1915 и 1916 г.г. из „Стат. Сб. за 1913—1917 г.г." Ц. С. У. М. 1922, стр. 103.

В идее ссудные капиталы, поступающие к частным землевладельцам под залог земли, должны были бы рассматриваться, как обыкновенные капиталы, обращающиеся в чужих предприятиях. Они должны были бы исполнять в хозяйствах землевладельцев такие же функции, какие исполняют чужие капиталы в торговых и промышленных предприятиях, т.-е. повышать производительность предприятия, создавать добавочные ценности и добавочные прибыли, создавать тот источник, из которого могли бы оплачиваться проценты. Сельскохозяйственное предприятие нуждается в капитале не меньше, чем промышленное. Для правильного ведения сельского хозяйства необходимо производство земельных улучшений — мелиораций, осушения или орошения, культивирования неудобных земель. Для рационального ведения сельскохозяйственного предприятия необходимо устройство тех или иных подсобных технических заведений, которые позволили бы сельскому хозяину произвести у себя первые процессы переработки добываемого продукта. Сельскохозяйственное предприятие должно снабжаться машинами и орудиями и т. д. Словом, сельскохозяйственному предприятию необходим капитал. Только приложение капитала может освободить хозяйство от рутинных приемов, повысить его урожайность и рентабельность, его „американизировать". Естественно думать, что суммы, получаемые в ипотечных банках частными владельцами, и исполняют эту задачу. Но в теории кредита давно установлено, что это обычное представление покоится на заблуждении. Уже более полвека тому назад знаменитый экономист *Родбертус* выставил утверждение, что ссудные капиталы, поступающие из учреждений ипотечного кредита в распоряжение землевладельцев вовсе не служат для улучшения и расширения сельскохозяйственных предприятий, не остаются в этих предприятиях и не приводят к повышению их доходности. Существует, говорил Родбертус, четыре причины, которые заставляют землевладельцев обращаться за ссудными капиталами и обременять залогом свои имения, а именно:

1) Бесхозяйственность,

2) Несчастные случаи,

3) Производство мелиораций и

4) Изменения владения (продажи или выделы наследников).

Из этих четырех причин первые три играют небольшую роль и преобладающая масса ипотечных долгов есть результат четвертой причины, перехода земли из рук в руки, или, как теперь говорят, мобилизации земельной собственности и выдела наследников, т.-е. факторов не хозяйственных, а чисто юридических, связанных с правом частной собственности на землю [1]). Когда какое-либо лицо, обладающее капиталом в 100.000 руб., желает купить имение, стоющее 500.000 рублей, оно обращается в земельный банк, берет ссуду в 400 т. р. под залог покупаемого имения и, присоединяя эти 400 т. р. к своим собственным 100 т. р., расплачивается со старым владельцем и вступает в свои права. Когда после смерти землевладельца, имение которого оценивалось в 500 т. р., один из четырех наследников сыновей желает остаться его единственным владельцем, он закладывает имение, берет под него в банке 375 т. р. и, расплатившись с братьями, остается единоличным владельцем. Двух таких продаж или двух последовательных выделов наследников, говорил Родбертус, достаточно, чтобы на имении оказался долг, превышающий его фактическую стоимость.

Целый ряд статистических обследований, произведенных впоследствии, вполне подтвердил взгляд Родбертуса. Так, обследование ипотечной задолженности владений в 37 сельских обществах в Бадене показало, что из общей суммы долга приходилось на долги, сделанные для покупки земли—44,8%, на долги по выделу наследников—28.1%, на долги по постройке жилья — 5,1%, а на все прочие долги — 22,0%. В герцогстве Ольденбургском, на основании материалов 1894—1895 г.г., причины ипотечной задолженности получили следующее выражение в цифрах: уплата денег при покупке земли вызвала 43,0% всего долга, наследственные выделы—41,4%, мелиорации и покупка инвентаря — 2,6%, хозяйствен-

---

[1]) *Rodbertus — Jagetzow.* Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. 2-te Aufl. B. 1893. стр. 6—63.

ный упадок — 3,8%, спекуляция — 2,0%, неизвестные причины и т. д. — 2,2% [1]).

Ипотечный кредит выступает, таким образом, перед нами в форме своеобразного хозяйственного отношения. На первый взгляд кажется, что ссудные капиталы идут в распоряжение землевладельцев для обращения в их предприятия. На самом же деле никакого обращения этих капиталов в предприятиях заемщиков-землевладельцев не получается. Новые землевладельцы берут ссуды не для своего собственного употребления, а для передачи их другим лицам — старым, уходящим землевладельцам, выделяемым наследникам. Правда, эти ссудные капиталы дают возможность землевладельцу эксплоатировать большую площадь земли, вести более обширное предприятие, нежели это позволяли бы ему его собственные средства. Но в *самое предприятие*, как таковое, ничего из этих ссудных капиталов не поступает. *Окончательное* назначение этих ссудных капиталов — не обращение в сельскохозяйственных предприятиях, а употребление на те цели, которые ставят себе уходящие от земли бывшие владельцы или выделяемые наследники.

Мы можем представить себе *троякое* направление этих капиталов. Лица, которым заемщики-землевладельцы передают полученные под землю ссудные капиталы, могут применить их в каких-либо своих предприятиях. Если бывший землевладелец обзаводится в городе торговым предприятием или фабрикой, он может в них и применить полученный за землю капитал, в том числе и тот ссудный капитал, который заимствован на денежном рынке. Ссудный капитал, как будто направившийся в сельскохозяйственное предприятие, на самом деле будет применяться в торговом или промышленном предприятии. Возможен другой случай, о котором мы уже упоминали раньше, что бывший землевладелец выбросит полученную от покупателя сумму на денежный рынок, превратившись в рантье. В этом случае взятая из общего резервуара денежного рынка сумма быстро вернется в тот же резервуар. В ситуации денежного рынка

[1]) См. нашу книгу: „Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России", 1-е изд. М. 1910, стр. 317.

изменится только то, что на нем прибавится кредитор (старый землевладелец) и заемщик (новый землевладелец) на одинаковую сумму. Возможен, наконец, третий, кстати сказать, очень распространенный случай, составляющий известную разновидность второго случая, а именно, что бывший владелец или выделяемый наследник оставит у себя закладную на имение, от которого он уходит. Здесь фактически никакого переноса реального капитала не произойдет, а лишь создастся новое и *непосредственное* кредитное отношение между старым и новым землевладельцем.

Во всех трех случаях, однако, движение ссудных капиталов, вызывающее рост ипотечного долга, не изменяет размеров занятого в данном сельскохозяйственном имении реального капитала. Ссуда непосредственно на хозяйстве не отражается. Хозяйство продолжает вестись с прежним размером капитала, прежними приемами. При прочих равных условиях оно должно давать прежний чистый доход. Но землевладелец выступает по отношению к денежному рынку в качестве заемщика. На нем лежит капитальный долг, и он ежегодно, впредь до наступления срока, должен платить в банк или другому ипотечному кредитору проценты, а также известную сумму на погашение основного долга. Проценты на погашение могут им быть взяты только из общего дохода по имению. Таким образом, землевладелец, получивший ипотечную ссуду, должен делить свой доход с кредитором, капитал которого в самом предприятии не остался. Расчет землевладельца, как мы говорили, заключается в том, что он, благодаря кредиту, имеет возможность эксплоатировать более обширную площадь земли, чем это позволили бы ему его собственные средства. Мы видели из вышеприведенных примеров, что лицо, обладающее капиталом в 100 тыс. рублей, получает возможность при помощи кредита купить имение за 500 тыс. рублей. Наследник, доля которого в наследстве составляет 125 т. р., получает возможность путем выдела братьев оставить в своем распоряжении все имение. В этом смысле, можно сказать, что в их распоряжение, действительно, поступает чужой капитал. Расчет этот, однако, оказывается правильным лишь при

условии роста цен на продукты сельского хозяйства и, следовательно, роста валового и чистого дохода с земли, или по крайней мере при неизменности цен. При падении же цен и, вообще, при малейшем расстройстве хозяйства, расчет оказывается обманутым. Для покрытия процентов и погашения заемщику приходится отдавать подчас весь чистый доход с имения, и его собственный капитал не дает ему никакой прибыли. Кроме того, крупная задолженность, образовавшаяся при вступлении данного хозяина во владение имением, лишает его возможности доставать дополнительный ссудный капитал для фактического применения в предприятии. Ипотечная задолженность затрудняет, таким образом, применение рациональных приемов и конкуренцию с более передовыми предприятиями, обладающими большими капиталами. Отсюда проистекает упадочность задолженного землевладения.

Не подлежит сомнению, что закон Родбертуса находит подтверждение и в истории ипотечного долга бывшего русского помещичьего землевладения. В самом деле, если бы бывшие русские помещики, получившие из ипотечных кредитных учреждений под свои земли до 1915 г. около $2^1/_4$ миллиардов рублей, употребили хотя бы часть этой суммы на расширение и улучшение своих предприятий, помещичье хозяйство не распадалось бы с такой быстротой, как это происходило на протяжении последних десятилетий до революции. Но так как лишь незначительная часть взятых в банках сумм оставалась в сельскохозяйственных предприятиях, а долг сильно возрастал, то и хозяйство не могло устоять против малейших неблагоприятных поворотов хозяйственной конъюнктуры.

§ 8. Отмеченные особенности ипотечного кредита вызвали в средине 19-го века в Западной Европе течение в пользу организации нового вида кредита для поддержания сельского хозяйства, кредита *мелиоративного*. Задача мелиоративного кредита заключалась в том, чтобы создать фактический прилив капитала в сельскохозяйственные предприятия, а не одну лишь видимость такового, и при этом прилив для специальной цели — облегчения производства коренных, преимущественно почвенно-водных мелиораций. С этой целью в Англии (в 1846 г.), в Саксонии (в 1861 г.),

в Баварии (в 1884 г.), в Австрии (в 1884 г.), в России (в 1896 г.) и др. странах были учреждены при том или ином содействии правительств мелиоративные фонды и банки („Landeskultur-Rentenbanken"), которые и занялись выдачей мелиоративных ссуд. Особенность мелиоративного кредита заключается в предметности ссуд, т.-е. в том, что взятые из мелиоративно-кредитного учреждения суммы должны итти на то именно улучшение, на которое они взяты. Некоторые учреждения ограничивают выдачу мелиоративных ссуд мелиорациями в собственном смысле слова, т.-е. почвенно-водными улучшениями, к разряду которых относятся такие работы, как осушение, орошение, укрепление песков и оврагов, урегулирование рек, водоснабжение и т. п. Другие, как, напр., Саксонский мелиоративный банк, выдавали ссуды и на другие крупные работы, как, напр., на устройство технических помещений для сельскохозяйственных рабочих и т. п. Мелиоративные ссуды обыкновенно выдаются в долгосрочной форме с постепенным погашением (амортизацией). Они также сопровождаются залогами земли, но некоторые законодательства представляют долгам по мелиоративной ссуде преимущество (приоритет) перед всеми другими долгами, лежащими на имуществе. Предметность ссуд осуществляется при помощи установления специального контроля за заемщиком. От него требуется предварительное представление планов и смет предполагаемых работ, а кроме того, устанавливается последующий контроль за употреблением ссуды.

Мелиоративный кредит получил за границей значительное развитие, хотя ссудные капиталы, прилившие к сельскому хозяйству в этой форме, очень невелики по сравнению с размерами ипотечного кредита. Так, Саксонский Landeskultur-Rentenbank выдал за 1862—1912 г.г. 42 тыс. ссуд на общую сумму 53,7 миллионов марок. Баварский банк за 1884—1912 г.г. выдал ссуд на 53 милл. мар. В Англии за 1847—1912 г.г. выдано было всего мелиоративных ссуд на 18.567.000 ф. ст. В России за 1897—1915 г.г. выдано было ссуд на 11.363.000 рублей[1]).

[1]) Подробнее о мелиоративном кредите см. в моей книге: „Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России", изд. 4-е. М. 1922.

Мелиоративный кредит имеет в виду снабжать сельских хозяев капиталом для производства в хозяйстве коренных улучшений, так или иначе связанных с изменением природных условий и требующих крупных затрат. На ряду с этим сельское хозяйство нуждается в капитале и для других целей как для введения улучшений не мелиоративного типа, как, напр., на покупку сельскохозяйственных машин, разведение племенных животных и т. д., так и для пополнения оборотных средств, напр., на покупку семян. Эти потребности обслуживаются *сельскохозяйственным* кредитом в узком смысле этого слова. К этому виду кредита чаще всего прибегает мелкое крестьянское хозяйство и потому сельскохозяйственный кредит выступает большей частью в форме мелкого сельскохозяйственного кредита.

§ 9. Среди различных категорий заемщиков, предъявляющих постоянный спрос на ссудные капиталы, особое место занимает *кооперация*. Кооперация выполняет в большинстве случаев те же хозяйственные операции. что и частные предприниматели. Она занимается реализацией урожаев (сельскохозяйств. кооперация), ведет крупную оптовую и розничную торговлю (потребительская кооперация), строит дома в городах (строительная кооперация), имеет свои промышленные предприятия. Она испытывает поэтому такую же нужду в капитале, как и частный предприниматель, и получает сплошь и рядом ссудные капиталы из общего резервуара денежного рынка на общих основаниях. Но кооперация руководится в своей хозяйственной деятельности мотивами, во многом отличными от мотивов частного предпринимателя. Ее главная задача — поддержание хозяйства и увеличение доходности большой массы мелких и средних хозяев. Ведя крупное предприятие, кооперация стремится не к накоплению прибылей данного предприятия, а к повышению доходности тех многочисленных мелких хозяйств, которые она снабжает своими товарами, или товары которых она реализует на рынке. Это обстоятельство дает основание выделять в отдельную группу ссудные капиталы, притекающие в кооперативные предприятия, хотя бы эти предприятия производили такие же хозяйственные

операции, что и все прочие предприятия этого рода. О кооперативных предприятиях приходится говорить, как об особом виде заемщиков, кредитные операции которых отличаются в хозяйственном отношении от кредитных операций всех прочих предприятий.

Поток ссудных капиталов, направляющихся в кооперированное хозяйство, имеет, однако, свои разветвления. Спрос на ссудные капиталы со стороны кооперации в ее целом не вполне однороден. Мы наметили бы *три* отдельных вида этого спроса, отличающихся один от другого по некоторым хозяйственным признакам. *Во-первых*, кооперативные организации предъявляют спрос на ссудные капиталы для ведения предприятий не кооперативного типа, обслуживающих широкие слои потребителей. Кооперативный момент в самом спросе на капитал в этих случаях слабо выражен, и заемщик-кооператив выступает на денежном рынке, как обыкновенное юридическое лицо. Мы имеем здесь в виду раньше всего те случаи, когда кооператив, или союз кооперативов, преъявляет спрос на капитал для оборудования и эксплоатации какой-либо фабрики, вырабатывающей продукты широкого потребления. *Ссудные капиталы поступают здесь в предприятие кооператива, как объединение, а не в предприятие тех отдельных хозяев, которые в это объединение входят.* Это обстоятельство имеет крупное значение для денежного рынка, ибо специфические кооперативные задачи заемщика здесь как бы скрываются, отступают на задний план и заемщик фигурирует в качестве обычного предпринимателя. Сюда же можно отнести и весь торговый спрос на капиталы, предъявляемый потребительской кооперацией. Правда, круг покупателей потребительского кооператива часто бывает ограничен, и покупателями являются только его члены, но круг этот обыкновенно бывает столь обширен, что в конце-концов для денежного рынка торговое предприятие потребительского кооператива мало чем отличается от торгового предприятия частного лица. К тому же типу спроса на ссудные капиталы надо отнести и спрос, предъявляемый кооперативными объединениями на предмет реализации урожаев. Этот вид спроса на ссудные

капиталы мы назовем *кооперативно-предпринимательским*. Ко *второй* группе спроса на ссудные капиталы со стороны кооперации мы отнесли бы спрос, предъявляемый кооперативом для устройства и эксплоатации чисто-кооперативного предприятия, обслуживающего небольшой круг объединенных в данном кооперативе хозяев. Здесь ссудный капитал непосредственно вступает в предприятие членов кооператива. Назовем этот вид спроса — *кооперативно-хозяйственным*. Сюда относится, напр., кредит на постройку кооперативного дома, кооперативного маслодельного завода, мельницы, на производство мелиоративным товариществом какого-либо земельного улучшения на участке членов. Сюда же можно отнести и кредит для кооперативно-закупочных операций, обслуживающих объединенные в данном кооперативе хозяйства. Во всех этих случаях самое предприятие, в которое должны вступить ссудные капиталы для обращения, имеет своеобразную кооперативную форму, отличную от обычных форм частно-хозяйственных предприятий. Это обстоятельство не безразлично для денежного рынка, который учитывает в данном случае не только особенности юридической конструкции кооператива, как такового, но и хозяйственные особенности самого кооперативного предприятия. Наконец, к *третьей* группе спроса на ссудные капиталы, предъявляемого кооперацией, надо отнести спрос, идущий от кредитной кооперации. Это, собственно, спрос не самостоятельный, а *посреднический*. Кредитные кооперативы, поскольку они ведут кредитные операции, берут ссудные капиталы не для нужд кооперации, как таковой, а для передачи их в хозяйства своих членов— мелких и средних хозяев-предпринимателей. В этих хозяйствах ссудные капиталы могут исполнять самые различные функции: они могут обслуживать сельское хозяйство, ремесло, кустарничество, строительные надобности или даже надобности потребления. По своему окончательному назначению эти ссудные капиталы распределяются, таким образом, между всеми типами и видами кредита, о которых мы говорили выше. Но поскольку эти капиталы проходят через кооперативные учреждения, мы можем говорить о спросе на них, как о спросе со стороны кооперации.

§ 10. На этом мы можем закончить рассмотрение отдельных видов кредита и анализ тех путей, по которым ссудные капиталы распределяются по народному хозяйству. Подводя итоги, я прихожу к заключению, что распределение ссудных капиталов, рассматриваемое с чисто экономической точки зрения, без учета формально-технических моментов, и различаемое, главным образом, по тем целям, которые преследуют заемщики, дает основание для следующей классификации кредита [1]).

Кредит делится на:

I. Государственный.

а) для производительных целей,

б) для военных целей.

II. Коммунальный.

III. Потребительск

---

[1]) Предлагаемая мною классификация кредита, продуманная с точки зрения той цели, которой служит ссудный капитал, не охватывает всех тех и чисто экономических моментов, которые могли бы служить основанием для классификации. Я попытался остановиться на том моменте, который мне казался наиболее существенным. Из существующих в литературе классификаций кредита следует отметить классификацию *Маклеода.* Маклеод делит кредит на *торговый* (Mercantile Credit) и *банковый* (Banking Credit). Установив это деление, он однако тут же оговаривается, что эти два вида кредита, в Великобритании так тесно связаны друг с другом, что их трудно даже разделить, и говорить о каждом отдельно почти невозможно. не вдаваясь в повторения". (См. *Г. Д. Маклеод.* Основания политической экономии. П. 1865, стр. 256—257). Гильфердинг („Финанс. Капитал", гл. 5-я) также делит кредит на *оборотный* („Zirkulationskredit") и *капитальный* („(Kapitalkredit"), при чем под оборотным он понимает кредит, который производительные капиталисты оказывают другдругу, т.-е. очевидно, то, что Маклеод называет *„торговым"*, и что я дальше называю *товарным* кредитом, а под капитальным—приток капиталов к классу капиталистов извне, т.-е. очевидно, главным образом, банковский кредит. Такое деление проводить, конечно, можно, но оно, по моему мнению, не охватывает всех существенных моментов классификации кредита. О классификациях кредита в старой литературе см. у *A. Wagner'a*: „Der Credit und das Bankwesen", „Schönberg's Handbuch der Pol. Oek." 2-e Aufl. Tub. 1885. VIII, I, 2.

IV. Частно-хозяйственный:

а) Торгово-промышленный (индустриальный).

А) Торговый:

1) на реализацию урожаев,
2) на оптовую торговлю,
3) на розничную торговлю.

б) Крупно-индустриальный основной:

1) на железнодорожное строительство,
2) на городское строительство,
3) на металлургию и пр. отрасли.

в) Крупно-индустриальный оборотный.
г) Мелко индустриальный:

1) ремесленный,
2) кустарный.

Б) Сельскохозяйственный:

1) ипотечный,
2) мелиоративный,
3) (мелкий) сельскохозяйственный.

V. Кооперативный:

а) предпринимательский,
б) хозяйственный,
в) посреднический.

На основании этой классификации распределение ссудных капиталов может быть изображено в виде следующей схемы (см. стр. 131).

§ 11. Наличность большого числа претендентов на ссудные капиталы, постоянно предъявляющих спрос на таковые, создает на денежном рынке своеобразное явление *борьбы за деньги*. За исключением периодов хозяйственного кризиса или депрессии во все остальные моменты каждое предприятие постоянно стремится к расширению, к применению возможно большего количества капитала. Каждое

предприятие старается поэтому получить для себя из общего резервуара денежного рынка возможно бо́льшую долю. От того, какую долю оно получит, сплошь и рядом зависит его

Общий резервуар денежного рынка. КРЕДИТ:																		
Государственный.				**Частно-хозяйственный.**												**Кооперативный.**		
				Торгово-Промышленный (индустриальный).									Сельско-хозяйственный.					
				Торговый			Крупно-индустриальный (основной).				Мелко-индустриальный							
На производительные цели.	На военные цели.	Коммунальный.	Потребительский.	На реализацию урожаев.	Оптовый.	Розничный.	На жел.-дор. строительство.	На городское строительство.	На металлургию и пр. отрасли.	Крупно-индустриальный оборотный	Ремесленный.	Кустарный.	Ипотечный.	Мелиоративный.	(Мелкий) сельско-хозяйственный.	Предпринимательский.	Хозяйственный.	Посреднический.
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19

способность выдерживать конкуренцию с другими предприятиями, устоять в жестокой хозяйственной борьбе. Борьба за деньги ведется по всем направлениям. Раньше всего на международном денежном рынке идет борьба между разными странами. Каждая страна стремится получить возможно больше „иностранных капиталов“. Мы наблюдаем яркое проявление этой борьбы в настоящее время, когда в результате мировой

войны вся Европа лежит истощенная с изношенными и расстроенными железными дорогами, разрушенными шахтами, испортившимися машинами и фабричным оборудованием. Редкая европейская страна не смотрит сейчас с вожделением в эту общую точку, на международный денежный рынок, главным образом, на богатые капиталами Соединенные Штаты, в надежде, что она получит именно оттуда нужный ей капитал. Далее в пределах национального денежного рынка каждая отрасль стремится урвать себе возможно бо́льшую часть. Железнодорожная отрасль, городское строительство, металлургия, коммунальное хозяйство, — все хотят получить возможно большую часть, чтобы развить *свои* предприятия, удовлетворить свою потребность в капитале. Наконец, внутри отдельной отрасли каждое предприятие старается получать свою долю, чтобы в процессе расширения операций не отстать от других и не быть побитым конкуренцией.

В этой борьбе за ссудные капиталы, как и во всякой борьбе, побеждают сильнейшие, наиболее в данном отношении приспособленные. В общем и целом, на международном рынке кредит получают те страны, у которых имеются благоприятные условия для хозяйственного развития, где капитал обещает дать наибольший доход и где менее всего шансов, что он может погибнуть в процессе хозяйства. На национальном рынке побеждают те отрасли, которые являются наиболее в данное время жизненными. Внутри отдельной отрасли наибольший приток капиталов идет в наиболее солидные предприятия. Мы сказали „в общем и целом“, ибо указанное правило допускает немало исключений и ошибок. История кредита знает немало случаев, когда с международного денежного рынка капиталы шли в такие страны, где не было достаточных условий для их рационального применения, когда в пределах национального рынка ссудные капиталы направлялись не в те отрасли, куда их следовало направить, а в пределах отдельных отраслей капиталы поступали в руки легкомысленных предпринимателей. Это те многочисленные случаи, когда неправильное направление ссудных капиталов приводило к частичным, а иногда и к общим кризисам.

В борьбе за деньги выработались некоторые особые приемы. Соискатели ссудных капиталов могли убедиться в том, что наибольшим успехом пользуются те, кто ближе стоит к денежному рынку, кто теснее связан с его аппаратом и находящимися в центре его банками. Отсюда—стремление претендентов на ссудные капиталы связаться с теми или другими банками, иметь своих агентов в центре денежного рынка. Отдельные отрасли хозяйства стараются обзавестись собственными банками, которые стояли бы твердой ногой на денежном рынке и добывали оттуда средства для этой именно отрасли. Крупные американские тресты учреждают с этой целью свои банки. С той же целью старается обзавестись собственными центральными банками и кооперация. Тесная связь отдельных отраслей хозяйства и отдельных предприятий с банками имеет, однако, как мы увидим дальше, и свою оборотную сторону. Она создает ту зависимость предприятий от банков, которая позволяет банкам руководить целыми отраслями хозяйства, направлять их по своему усмотрению и извлекать выгоду из своего положения на денежном рынке. В капиталистических странах это нередко приводит к сосредоточению господства над индустрией в руках небольших групп капиталистов.

Литература к главе IV.

1. *В. Н. Твердохлебов.* Государственный кредит. Л. 1924.

2. *Его же.* Новейшие финансовые проблемы. П. 1924.

3. *Гарвей Фиск.* Междусоюзнические долги. М. 1925.

4. *З. С. Каценеленбаум.* Война и финанс.-экон. положение России. М. 1917.

5. *Его же.* „Финансовое положение Европы", в „Вестн. Н К. В. Т., за 1921 г. № 1.

6. *Его же.* Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиор. кред. в России. 4-е изд. М. 1922. Гл. I и VIII.

7. *Rodbertus-Jagetzow.* Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. 2-te Aufl. B. 1893.

8. *М. Я. Герценштейн.* Ипотечные банки и рост больших городов в Германии. П. 1902.

9. *Его же.* Новейшие течения в учении о поземельном кредите в Германии. М. 1904.

10. *A. Wagner.* „Der Credit und das Bankwesen", в „Schönberg's Handb. d. Pol. Oek.", 2-te Aufl. Tüb. 1885. VIII, I, 2.

ГЛАВА V.

Распределение ссудных капиталов. *(Продолжение).*

§ 1. Распределение ссудных капиталов с точки зрения формально-технических моментов. — Сроки ссуд. — Классификация государственных займов. — Конверсия, унификация и консолидация. § 2. Рост текучего государственного долга во время мировой войны. — Консолидация государственного долга в Англии в 1921—1923 г.г. — Сроки при других видах кредита. § 3. Относительность понятий долгосрочного и краткосрочного кредита. — Превращение краткосрочного кредита в долгосрочный и обратно. § 4. Способ обеспечения. — Личное доверие. — Письменное обязательство. — Поручительство. — Акцепт. — Залог. — Ломбардный и ипотечный кредит. — Порядок ипотеки. — Старшинство закладных.

§ 1. В предыдущей главе мы описали распределение ссудных капиталов с точки зрения экономического момента и дали классификацию кредита, основанную на этом моменте. Теперь нам предстоит заняться теми различиями в кредитных сделках, которые проистекают от разнообразия формально-технических условий.

В этом отношении раньше всего надо остановиться на различии в *сроке*, на который даются ссудные капиталы. В этой области мы наблюдаем на денежном рынке большое разнообразие условий. Для каждого отдельного вида кредита установились свои сроки самой различной продолжительности и в результате этого получается крайне пестрая картина. Если взять денежный рынок в его целом, то можно сказать, что *сроки кредитных сделок колеблются от нескольких часов до бесконечности.*

Государство обыкновенно берет ссудные капиталы на долгие сроки. Распространенным видом государственного займа является заем в форме *бессрочной* (*„вечной“*) *ренты*. Государство в этом случае берет у заемщика деньги как бы навсегда. Заемщик никогда не имеет права требовать от правительства возврата ссуды. Ему лишь гарантируется определенный непрерывный доход в виде процента. Но правительство оставляет за собой право погасить свой долг или путем покупки билета (облигации) займа на рынке, или путем тиража. Для кредитора, таким образом, это — отдача капитала в ссуду на вечные времена, а для заемщика — государства — получение бессрочной ссуды. Получая деньги на таких условиях, государство не имеет в виду вечно пользоваться этим ссудным капиталом. Оно предполагает рано или поздно погасить долг и для этого гарантирует себя известной оговоркой. Но не будучи связано определенным сроком, оно может производить погашение в наиболее удобный для себя момент. Рентная форма займов, как наиболее удобная для правительства, была очень частой до войны. Многие страны старались перевести свои государственные долги в эту форму. В частности, в России, на 1 января 1913 г. из общей суммы бывшего государственного долга в 8.858 милл. р. бессрочные долги в форме ренты составляли 3.322 милл. р.

Другим распространенным типом государственного займа является заем на несколько десятков лет. В составе нашего бывшего довоенного государственного долга были займы на 39, 48, 81 год. Во время последней войны многие государства выпустили более краткосрочные займы. Между прочим и Россия выпустила ряд займов на 10 лет, а именно $5^1/_2$%-ные займы 1915 и 1916 г.г. в общей сложности на 6 миллиардов рублей. Долгосрочные государственные займы обыкновенно заключаются на условии постепенного погашения. Существуют две системы такого погашения: система *тиража* и система *срочных рент*. При первой системе государство, начиная с известного срока, (в последнее время — спустя 10 лет после заключения займа), погашает ежегодно часть долга путем выкупа соответствую-

щего количества облигаций по номинальной цене. Номера облигаций, подлежащих погашению, определяются ежегодно посредством жребия или тиража. Для выкупа выходящих в тираж билетов при выпуске займа образуется специальный *погасительный фонд*, в который ежегодно отчисляется известная сумма. Так, напр., при выпуске „2-го внутреннего 5% займа 1905 г.“ было установлено, что для погашения облигаций этого займа „по нарицательной цене в течение сорока восьми лет образуется особый погасительный фонд посредством отчисления ежегодно 0,531843% нарицательной суммы займа, с присовокуплением пяти процентов на все погашенные облигации“. Отметим, между прочим, что погашение долгосрочных государственных займов при тираже производится по *номинальной* (нарицательной) цене. Кредитор государства, имеющий облигацию государственного займа в 1.000 р., получает за нее при тираже 1.000 рублей. Но с этой номинальной ценой не совпадает цена *выпускная* т.-е та сумма денег, которую государство получает от своих кредиторов при заключении займа. Выпускная цена обыкновенно бывает несколько ниже номинала. За облигацию в 1.000 р. ее держатель мог заплатить при выпуске 940 р. или еще меньше. Тираж заключает в себе, таким образом, скрытую премию для держателя облигаций, сверх обычного процента. Система срочных рент заключается в том, что ежегодно к процентам присоединяется погасительная часть основного капитала, так что к концу известного времени долг оказывается погашенным. Здесь в области государственного кредита применяется принцип, который, как мы увидим дальше, лежит в основании практики долгосрочного поземельного кредита.

Долгосрочные займы, которые заключает государство, делятся на *внутренние и внешние* в зависимости от того, берет ли государство ссудные капиталы внутри страны, или на международном рынке. В случаях заключения внутреннего займа государство обычно выпускает обязательства в своей собственной валюте и обязуется в этой же валюте оплачивать проценты. При выпуске же внешних займов государство обозначает сумму займа не только в своей валюте, но в валютах и других стран и обязуется

платить проценты своими или иностранными деньгами, внутри страны или за границей, по желанию кредиторов. При этом заранее устанавливается *паритет*, т.-е. обусловливается, скольким франкам, маркам, фунтам стерлингов будет равняться один рубль. Чтобы нагляднее показать отличие в этом отношении внешних займов от внутренних, приведем для примера соответствующие тексты из условий бывших русских $4^1/_2$%-ного внешнего займа 1905 г. и 5%-ного внутреннего займа того же года. В условиях выпуска $4^1/_2$%-ного займа было сказано, что облигации этого займа выпускаются „достоинством в 500, 1.000, 2.000 и 5.000 имперских германских марок, считая каждые 1.000 имперских германских марок = 463 рублям = 588 голландским гульденам = 48 фунтам стерлингов 15 шиллингам" и что „уплата процентов и выплата капитала как по вышедшим в тираж, так и по заявленным к выкупу облигациям производится в России рублями — в учреждениях государственного банка, в Германии — имперскими германскими марками, в Голландии — голландскими гульденами и в Англии — фунтами стерлингов в местах, министром финансов для сего назначенных". В условиях же выпуска внутреннего 5%-ного займа 1905 г. было сказано, что облигации займов выпущены „достоинством в 100, 200, 500, 1.000 и 5.000 рублей" и что доход по облигациям уплачивается" в конторах и отделениях государственного банка, в казначействах тех городов, где не имеется учреждений государственного банка, и в других местах, министром финансов для сего назначенных". В составе русского довоенного государственного долга, на 1 января 1914 г., внешних займов было всего на 4.360 милл. р., считая в том числе долги по гарантиям за железнодорожные облигации в 1.672 миллиона руб., а внутренних — на 4.465 милл. р. За время войны, как уже было упомянуто, наш внешний долг возрос на сумму около 7—8 миллиардов рублей по золотому паритету, так что декрет об аннулировании займов относится к внешнему долгу в сумме около 12 миллиардов рублей.

Деление долгов на внутренние и внешние имеет крупное хозяйственное значение. Внешняя задолженность всегда

устанавливает известную зависимость страны должника от страны кредитора. Эта зависимость сказывалась и в отношениях России и Франции до войны, она, быть может, сыграла свою роль в ряду факторов, приведших к мировой войне. Но для фиска в узком смысле это различие в периоды устойчивости денежной единицы не имеет особого значения. До войны, Россия, например, должна была платить в виде процентов по своим займам около 400 мил. рублей в год. Эта сумма распадалась приблизительно поровну между процентами, которые приходилось платить по внутренним и внешним займам, в рублях и в иностранной валюте. Иностранную валюту русское казначейство получало по тому же приблизительно паритету, который был предусмотрен при заключении займов. Потеря или выигрыш на курсе могли быть очень невелики. Но фиск оказывается в совершенно ином положении, когда валюта страны начинает колебаться в сторону понижения. Тогда между внутренними и внешними займами наступает большое различие. По внутренним займам казначейство должно платить проценты обесцененными внутренними деньгами, а по внешним—ему приходится платить иностранными деньгами, курс которых по отношению к внутренней денежной единице повышается.

Мы указали на то, что государство при выпуске долгосрочного займа всегда сохраняет за собой право досрочного погашения долга. Этим правом государства пользуются часто для операции известной под названием *конверсии*. Конверсия имеет целью понизить процент, который государство платит по займу. Для достижения этой цели государство, выбрав подходящий момент, когда на рынке наблюдается большое предложение ссудных капиталов, предлагает своим кредиторам на выбор или получить обратно взятые у них суммы, или получать впредь пониженный процент. Иными словами, объявляется выпуск нового займа с пониженным процентом и предлагается кредиторам получать вместо старых облигаций новые, или же получить наличные деньги. Если в это время финансовое положение государства, прибегающего к конверсии, благоприятно, то громадное большинство кредиторов обычно

соглашается на обмен, предпочитая получить облигации с пониженным процентом, чем наличные деньги, которые в моменты обилия ссудных капиталов трудно поместить. Конверсия оказывается удачной. В России широкие конверсионные операции были проведены Вышнеградским в 1888—1893 г.г.

Конверсии обыкновенно сопровождаются двумя другими операциями по урегулированию государственного долга, а именно *унификацией* и *консолидацией*. Разнообразие сроков различных займов представляет значительные технические неудобства для государства и в удобные моменты руководители финансов стараются унифицировать долг, привести его по возможности к единой форме, к одному типу займов.

Затем, как нам уже приходилось упоминать, государство, на ряду с долгосрочными ссудами часто берет ссуды и на более короткие сроки, иногда на несколько месяцев. К такому виду кредита часто прибегает английское казначейство, учитывающее в банках свои краткосрочные векселя-боны. Такой же характер позаимствования денег на короткие сроки носили и выпуски т. наз. *краткосрочных обязательств государственного казначейства*, которые широко практиковали во время войны различные страны, в том числе и Россия. Промежуточную форму между займами на десятки лет и получением денег по краткосрочным обязательствам на несколько месяцев составляли у нас в России займы в форме выпуска билетов государственного казначейства или т. наз. *серий*. Серии выпускались у нас государством на 4-х летний срок и давали держателям 3,6—4% годовых. Особенность серий заключалась в том, что они имели некоторые черты денежных знаков. Они принимались наравне с деньгами во всякие платежи государственному казначейству и Государственному банку. Серии и их купоны, действительно, в некоторых районах и в оптовой торговле ходили как деньги. До войны у нас было в обороте на 150 милл. руб. серий. Во время войны, их было выпущено вновь на 850 милл. руб. Все эти виды краткосрочных займов, заключающихся в составе государ-

ственного долга, известны под именем *текучих* или *неотвержденных* государственных долгов („dette flottante"). Они накопляются особенно часто в периоды войны и вообще в моменты финансовых затруднений, когда государство, нуждаясь в средствах и не имея возможности получить их в привычной и удобной для себя форме долгосрочного кредита, вынуждено брать деньги на короткие сроки. Но неотвержденные долги, заставляющие государство постоянно возобновлять свои обязательства, вносят расстройство в государственные финансы. Вот почему при наступлении периода мирного развития, когда государство приступает к урегулированию своего долга, оно старается избавиться от своих краткосрочных долгов. Это достигается *консолидацией*, или „отверждением" текущего долга, т.-е. превращением краткосрочного долга в долгосрочный. Консолидация, связанная с унификацией и конверсией, устраняет чрезмерное разнообразие сроков и некоторых других условий отдельных государственных займов, приводит государственный долг к более однородной форме. Долг приведенный в единую форму сам получает нередко название консолидированного долга. Отсюда же и название английского государственного долга — „консоли", (сокращенное „concolidated stocks").

§ 2. Мировая война 1914—1918 г.г., как мы могли видеть из приведенных выше данных, привела к увеличению *текучего* государственного долга европейских стран. Так мы могли видеть, что в Англии на 31 марта 1925 г., из общего государственного долга в 7.708 милл. фун. ст. на *текучий* долг („floating debt") приходилось 742 милл. фун. ст., т.-е. около 10%; в том числе „казначейские векселя" („Treasury Bills") циркулировали на сумму 576 милл. ф. ст. После окончания войны размеры текучего долга Англии были значительно больше, но с 1921—1922 г. эта часть долга стала усиленно погашаться. Это можно видеть по следующим данным. В составе государственного долга Англии имелось (в милл. ф. ст.) [1]).

---

[1]) По данным „Economist'a" от 25 апр. 1925

Годы.	Казнач. векселя. (Treasury Bills).	Времен. авансов.	Всего „текучего" долга.	Общий госуд. долг.
на 31 марта 1921	1.121	154	1.275	7.623
„ „ 1922	878	147	1.025	7.721
„ „ 1923	616	194	810	7.812
„ „ 1924	588	186	774	7.707
„ „ 1925	576	167	743	7.708

Таким образом, при том же приблизительно общем государственном долге за период времени с 1921 г. до 1925 г. количество „Treasury Bills" сократилось на 545 милл. ф. ст. Это сокращение произошло, главным образом, в течение 1921—1923 г.г., и было проведено в порядке консолидации. С 1922 г. в составе английского государственного долга появляется $3^1/_2\%$ „конверсионный заем", на котором к 31 марта 1923 г. уже числится 684 милл. ф. ст. Заметим, кстати, что консолидация текучего долга, или выкуп „казначейских векселей" некоторыми рассматривалось в Англии, как изъятие „денежных знаков" и расценивалась, как явление дефляции [1]).

Кроме Англии к консолидации текучего долга, образованного во время войны, приступили также и Соед. Штаты.

На 31 авг. 1919 г. Соед. Штаты имели обязательства на срок до 1 года на сумму 4,2 миллиарда долларов, а на 31 окт. 1923 года этих обязательств было уже только на 1,7 миллиарда дол. [2]). Значительный текучий долг образо-

[1]) В этом отношении интересны взгляды Mac-Kenna. См. его речь на год. собрании акционеров Midland-Bank в 1923 г. в „Bankers Magazine", 1923 г. March.

[2]) См. цит. „Report", „Department'a of overseas trade". L. 1924, стр. 29.

вался во время войны во Франции, Италии и др. странах.

Так обстоит дело со сроками в области государственного кредита. В области других видов кредита мы также наблюдаем разнообразие сроков. *Коммунальный кредит* в большей своей части имеет долгосрочный характер. Городские займы выпускаются на таких же началах, что и долгосрочные государственные займы, на много десятков лет с постепенным погашением посредством тиража. Но на ряду с этим органы местного самоуправления берут кредит на несколько месяцев. В сфере *торгово-промышленного кредита* мы имеем дело большей частью с кредитными сделками на короткие сроки. Три, шесть, девять месяцев — обычные сроки возникающих здесь обязательств. Нередко ссудные капиталы берутся здесь и на более короткие сроки, на недели и даже дни. В крупных промышленных и торговых центрах, где пульс денежного рынка бьется особенно сильно, как, например, в Лондоне, Нью-Иорке, нередки случаи, когда торговцы и промышленники берут в банках деньги на 1 день, т.-е. фактически на несколько часов. Это бывает в дни так наз. *ультимо*, в конце месяцев, когда наступают сроки всякого рода обязательств. В такие дни, предприятия, которые с одной стороны имеют большие обязательства, а с другой стороны ожидают больших поступлений от своих должников, берут утром в банках деньги в ссуду и погашают на следующий день эту ссуду из тех поступлений, которые у них в течение дня должны были накопиться. В то же время торгово-промышленный оборот знает не мало случаев более долгосрочного кредита. Отдельные клиенты банка нередко пользуются его деньгами значительно дольше 9 месяцев — год, два и более. Некоторые промышленные предприятия кроме того делают и такие долгосрочные займы, которые напоминают по своему характеру займы государства и городов. Мы имеем в виду *облигационные займы* промышленных предприятий, заключаемые в форме выпуска специальных билетов-облигаций, постепенно погашаемых и обеспечиваемых недвижимостью. Сюда относятся не только займы на городское и железнодорожное строительство, для которых долгосрочно-

облигационная форма является типичной, но и облигационные займы других промышленных предприятий, металлургических, угольных и т. д. Такой способ получения ссудных капиталов промышленными предприятиями сравнительно редко встречался в России, но он был очень распространен в Германии и др. иностранных государствах.

Обращаясь к сельско-хозяйственному кредиту, мы видим и здесь то же разнообразие сроков. *Ипотечный кредит* есть по преимуществу кредит долгосрочный. Бывшие русские земельные банки выдавали ссуды под залог земли на сроки от 9 лет и 10 месяцев до 66 лет и 2 месяцев. Эти ссуды выдавались на условии постепенного погашения, так что заемщики ежегодно должны были вносить в банк кроме процентов еще добавочную сумму на погашение ссуды (от $^1/_8$% до 4% в год в зависимости от срока ссуды). Однако, и земельные банки на ряду с долгосрочными ссудами выдавали под залог земли и ссуды, называвшиеся „краткосрочными“, на сроки от 1 до 3 лет. Денежный рынок знал, однако, ссуды под залог земель на значительно более короткие сроки. Таковы ссуды, получавшиеся от частных лиц по частным закладным. Эти частные закладные нередко делались на срок 9 или 6 месяцев и даже меньший. *Мелиоративные ссуды* выдавались на разные сроки в зависимости от характера того улучшения, на которое выдавалась ссуда. В практике русского мелиоративного кредита максимальный размер ссуд колебался в пределах от 5-ти до 30-ти лет. *Мелкий сельско-хозяйственный кредит* имеет по преимуществу краткосрочный характер. Ссуды из учреждений мелкого сельскохозяйственного кредита выдавались до революции большей частью на сроки от 6 до 9 месяцев, но часть ссуд выдавалась и на более продолжительный срок—до 5 лет.

§ 3. Итак, сроки, на которые ссудные капиталы поступают в предприятия заемщиков, отличаются большим разнообразием. Как мы уже сказали, эти сроки колеблются от 1 дня до бесконечности. При таких условиях очень трудно провести резкую грань между двумя кредитными сделками на основании одного лишь различия в сроке, на который

даются деньги. Трудно сказать, какие кредитные сделки следует считать долгосрочными и какие краткосрочными. Конечно, кредит в форме государственной ренты или в форме займа в земельном банке на срок 66 лет и 2 месяца есть кредит долгосрочный, а кредит на 1 день при наступлении ультимо есть кредит краткосрочный. Но относительно большинства промежуточных форм возникают сомнения. Для акционерного коммерческого банка кредит на 9 месяцев есть кредит сравнительно долгосрочный, между тем, как земельные банки называют ссуды на 3 года ссудами краткосрочными. В каком-либо русском провинциальном городе кредит на 9 месяцев мог быть обычной формой краткосрочного кредита, между тем, как в Лондоне кредитование на срок 9 месяцев считается уже относительно долгосрочным помещением капитала. Словом, установить строгое различие между долгосрочным и краткосрочным кредитом очень трудно. Трудно сказать, где кончается одна форма и где начинается другая. В лучшем случае можно говорить о делении кредита на относительно долгосрочный и относительно краткосрочный, как делении, которое может помочь разобраться в многообразии кредитных форм, но которое не устанавливает логической грани между различными хозяйственными явлениями.

Во всяком случае, срок есть формально-технический признак и на основании одного лишь различия в сроке двух кредитных сделок, различия, которое позволяет одну из них назвать долгосрочной, а другую краткосрочной, нельзя сказать, что та и другая сделка имеют различное экономическое содержание, преследуют разные хозяйственные цели. Между тем, в экономической литературе все еще широко распространен взгляд, что деление кредита на долгосрочный и краткосрочный есть основное *экономическое* деление кредита. Рынок долгосрочный и рынок „краткосрочных помещений“ противопоставляются друг другу, как две отдельные части денежного рынка. Сторонники этого взгляда представляют себе, повидимому, дело так, что существуют двоякого рода ссудные капиталы, капиталы, идущие от лиц, которые хотели бы дать им „долгосрочное помещение“, и капиталы,

идущие от лиц, которые хотят их поместить на короткий срок. Первые вручают свои капиталы государству, городам, ипотечным заемщикам, учреждениям и лицам, как раз и нуждающимся в кредите на очень долгий срок, на десятки лет или даже на вечные времена. Лица, же склонные лишь на краткосрочное помещение своих свободных средств, ищут соответствующих заемщиков и находят их в торговцах, промышленниках и др. предпринимателях, которые берут капиталы только на несколько месяцев. Эта же концепция, которая связана с отвергаемым мною делением денежного рынка на „рынок денег“ и „рынок капиталов“, лежит в основе уже упомянутого в главе о денежном рынке исследования немецкого экономиста *Беккерата*. Беккерат устанавливает три понятия рынков: кредитный рынок (Kreditmarkt), рынок капиталов (Kapitalmarkt) и „денежный“ рынок (Geldmarkt). Кредитным рынком он называет то, что мы называем денежным рынком, т.-е. тот единый рынок, на котором встречаются спрос и предложение ссудных капиталов. Но этот единый рынок Беккерат считает возможным делить на два рынка, из которых „рынок капиталов (Kapitalmarkt) охватывает долгосрочные кредитные сделки, при которых идет речь о создании долгосрочных потребительных благ для хозяйства заемщика, а денежный рынок (Geldmarkt) есть рынок краткосрочного кредита, при помощи которых заемщик добывает потребительные блага и деньги для непосредственного потребления, для получения услуг и дальнейшего оборота“ [1]).

Бесспорно то, что предпринимателям деньги бывают нужны как для строительства, так и для оборота, что им нужен основной капитал и оборотный капитал. Из общего резервуара денежного рынка и идут ссудные капиталы, как для той, так и для другой надобности. Отсюда, как мы показали в предыдущей главе, и проистекает деление индустриального кредита на основной и оборотный. Можно ли, однако, утверждать что деньги, нужные для первой

[1]) *Herbert von Beckerath.* Kapitalmarkt und Geldmarkt. Jena 1916, стр. 52.

цели, предприниматель получает на одном рынке от одних кредиторов, а деньги для второй — на другом рынке и от других кредиторов? Можно ли утверждать, что это различие в источниках как раз совпадает с различием в сроках? Никто, конечно, не станет отрицать, что такое совпадение может произойти, но является ли это совпадение обязательным? Связано ли оно с сущностью долгосрочной и краткосрочной формы кредита?

Стоит внимательно присмотреться к жизни денежного рынка, к тем мотивам, которые руководят кредиторами и заемщиками, чтобы ответить на эти вопросы отрицательно. Формальный характер деления ссуд на краткосрочные и долгосрочные выясняется из того, что *один из этих видов кредита сплошь и рядом превращается в другой*. Когда банк дает своему клиенту фабриканту или крупному торговцу ссуду на срок 6 месяцев, то мы формально имеем дело с краткосрочной ссудой, но, по существу, за этой формой сплошь и рядом скрывается долгосрочный кредит. Как мы увидим дальше, связь банков с кредитуемыми ими предприятими имеет длительный характер. Капитал банка обращается в предприятии заемщика годами. Временами задолженность предприятия банку возрастает, временами она падает, но за предприятием всегда состоит известный остаток долга. Эта длительная связь проходит. однако, в форме краткосрочного кредитования. По наступлении срока заемщик переписывает свои векселя, дает вместо вексельного обеспечения товарное, словом, подставляет одну форму кредитных отношений вместо другой. Кредит формально „краткосрочный" оказывается по существу долгосрочным. Он длится нередко все то время, пока данное предприятие связано с данным банком. Под сделкой краткосрочного кредита скрывается длительное помещение капитала в чужом предприятии.

Бывают, однако, и обратные случаи. В форме долгосрочного кредита сплошь и рядом выступает кредит на короткий срок. Мы можем это видеть на примерах государственных займов. Когда государство выпускает заем на 99 лет и какой-либо капиталист покупает облигацию этого займа,

мы формально имеем дело с очень долгосрочной ссудой. Но только—формально. Ибо наивно было бы думать, что капиталист, покупающий такую облигацию, на самом деле имеет серьезное намерение отдать свои деньги государству на столь долгий срок, отказываясь за себя и за свое потомство от права распоряжения своим капиталом. В действительности он строит свой расчет совсем на другом. Он знает, что на облигации государственных займов, на государственную ренту существует постоянный спрос на рынке, что всегда есть люди, готовые помещать свои капиталы в этих бумагах. Он смело покупает бумагу на срок 99 лет, иногда не имея в виду держать ее у себя и 99 дней, и предполагая продать ее тогда, когда ему понадобятся деньги. После продажи, кредитором государства окажется уже новое лицо, а первый покупатель получит обратно свой капитал. Если облигация займа за 99 лет своего обращения переменит, таким образом 198 владельцев, у каждого из которых она будет находиться по полгода, то это будет означать, что все 198 лиц оказывали государству краткосрочный кредит при самой долгосрочной форме. Если первый покупатель облигации, имея свободный капитал, обратил его на покупку облигации, а не передал его в чужое предприятие в другой форме, то у него могли для этого быть разные мотивы, но он не обязан был принимать в расчет долгосрочный характер данной кредитной сделки. И не только для кредитора, но и для заемщика—государства долгосрочная форма ссуды является в данном случае в большей или меньшей степени лишь формой. Государство, принимая деньги на долгий срок, как мы видели, сохраняет за собой право досрочного выкупа займа, и, действительно, нередко этим правом пользуется. Такое же право досрочного погашения ссуды имеет и земельный собственник, взявший долгосрочную ипотечную ссуду.

Невозможность строгого отграничения долгосрочных ссуд от краткосрочных, трудность установления той границы, где кончаются одни и где начинаются другие, возможность превращения одного вида кредита в другой и выступление долгосрочного кредита под видом краткосрочного, а кратко-

срочного — под видом долгосрочного, заставляет отнести различие кредита по сроку к различиям формально-технического характера. Это различие ни в какой мере не разбивает того единства денежного рынка, о котором мы говорили в одной из предыдущих глав. Оно не создает двух типов заемщиков и двух типов кредиторов, противостоящих один другому. Все поступающие на денежный рынок ссудные капиталы превращаются там в единообразную массу, в которой долгосрочные и краткосрочные средства не лежат отдельно. Ссудные капиталы, на какие бы сроки они ни брались, берутся в конце концов из единого источника.

§ 4. Другим формально-техническим признаком, по которому различаются разные категории кредитных сделок, является *способ обеспечения*. Мы указывали уже на то, что в современном хозяйстве кредит редко бывает основан на одном лишь доверии кредитора к заемщику. Кредитор большей частью старается получить гарантию в том, что заемщик, действительно, вернет ему в срок занятый капитал и будет аккуратно выплачивать обусловленные проценты. Кредитный оборот выработал разные формы такой гарантии.

В общем, кредитные сделки по способу обеспечения могут быть разбиты на следующие четыре группы:

1) Сделки, основанные на личном доверии,

2) Сделки, обеспечиваемые письменными обязательствами,

3) Сделки, обеспечиваемые поручительством,

4) Сделки, обеспечиваемые залогом.

Последний вид кредита принято называть *реальным* (вещным), в противоположность которому остальные виды кредитных сделок относятся к кредиту *личному*.

Сделки, основанные на личном доверии, на словесном обещании заемщика вернуть занятую сумму, т.-е. сделки, в сущности необеспеченные, встречаются, как сказано, редко. Они имеют место между близкими людьми, связанными родственными или дружескими отношениями. Несколько чаще мы встречаем эту форму в отношениях тесно связанных между

собою торговых фирм, оказывающих друг другу поддержку в моменты финансового напряжения.

Сделки, обеспечиваемые письменными обязательствами, приходится отделять от первой группы сделок. Правда, на первый взгляд письменное обязательство заемщика само по себе еще не может служить обеспечением возврата ссуды. В случае нежелания, или невозможности для заемщика выполнить обязательство его письмо или расписка как будто не могут иметь значения. Но дело в том, что современное законодательство придает кредитным обязательствам некоторую особую силу, ставит их владельца в привиллегированное положение по сравнению с прочими кредиторами данного заемщика. Наиболее распространенным видом письменного обязательства является *вексель*, документ, написанный на особой бумаге и в определенной форме. Если к заемщику одновременно являются за получением взятых ссуд разные кредиторы, то раньше всего имеют шансы получить удовлетворение те, у которых есть векселя данного заемщика, ибо вексель считается бесспорным документом, и суды без особых формальностей присуждают в пользу вексельных кредиторов взыскиваемые ими суммы. Выдача векселя, благодаря особенностям современного права, оказывается, таким образом, формой обеспечения. Вексель является, однако, не единственным письменным обязательством, дающим заемщику известные гарантии. К тому же разряду документов относится банкнота, облигация государственного займа и т. д.

Другой формой обеспечения является *поручительство*. Кредитор может не вполне доверять добросовестности заемщика, может сомневаться в солидности его предприятия, но он оказывается более склонным дать ссуду, когда помимо заемщика за нее отвечает еще кто-либо. Поручительство в свою очередь бывает различное. Так, одним из видов поручительства является *поручительство частного лица*. За одного предпринимателя ручается другой предприниматель, за промышленника — торговец за розничного торговца — оптовый, или наоборот. Этот вид поручительства мы имеем в современной организации

вексельного кредита. Векселя, находящиеся в обороте, сравнительно редко бывают с одной подписью (соло-векселя). В центре денежного рынка, в банках такие векселя в учет не принимаются, или принимаются лишь в отдельных случаях в виде исключения. Банк при выдаче ссуды требует, чтобы вексель, представленный ему в обеспечение, имел не менее 2-х подписей, т.-е. чтобы за взятую ссуду отвечали не менее двух лиц или предприятий. Это достигается тем, что заемщики банка представляют в банк не свои собственные векселя, а векселя своих заемщиков-покупателей, снабжая эти последние векселя своей подписью (бланком). Торговец покупает у владельца фабрики товар на 100.000 руб. на срок 6 месяцев. Он выдает владельцу фабрики на этот срок вексель, т.-е. расписку-обязательство в том, что по наступлении срока он уплатит фабриканту 100.000 р. Владелец фабрики делает на обороте векселя переуступочную надпись в пользу банка и тогда банк дает ему ссуду в 100.000 р. Перед банком оказываются ответственными два лица, и непосредственный заемщик — владелец фабрики и заемщик владельца фабрики („векселедатель") — торговец Ответственность торговца-векселедателя является по существу дополнительной гарантией, хотя, по установившейся практике, банк обращается раньше всего с требованием о возврате долга к векселедателю, а уже в случае неуплаты требует взноса от своего непосредственного заемщика (называемого в этом случае *бланконадписателем*). Другим видом поручительства является гарантия *государства*, или других союзов. Типичным случаем кредита, обеспечиваемого гарантией государства, являются упомянутые уже нами выпуски железнодорожных займов, гарантированных правительством. Третьим видом поручительства является *взаимное ручательство* группы физических или юридических лиц за каждого из своих членов. Эта форма, известная под названием *круговой* поруки, часто встречалась у нас раньше на практике в применении к различного рода ссудам, выдававшимся крестьянским обществам. Ответственность по этим ссудам возлагалась на все крестьянские дворы, входившие в состав данного общества. Эта форма обеспечения встречалась и на практике нашего мелиоративного

кредита. Взаимное ручательство, как форма обеспечения, известно и в области ипотечного кредита. Наконец, как отдельную форму поручительства, следует упомянуть очень распространенное *банковое* поручительство, о котором нам еще придется говорить в дальнейшем при рассмотрении операций банков. В виду особого положения, занимаемого в современном хозяйстве банками, относительно большего доверия, которым пользуются эти учреждения на денежном рынке, частные лица сплошь и рядом требуют от своих заемщиков гарантии того или иного известного банка. Банки дают такие гарантии за своих клиентов, за лиц и фирмы, с которыми они имеют дело, и с делами которых они ближе знакомы, чем частные кредиторы. Банки в свою очередь берут от лиц, за которых они выдают гарантию, разного рода обеспечения. Гарантия банков, как форма обеспечения, встречается особенно часто в сфере международного кредитного оборота. Здесь большую роль играют так наз. банковские *акцепты*. Когда русское предприятие покупает хлопок в кредит у американского экспортера, этот кредит нередко сопровождается гарантией какого-либо первоклассного банка в Лондоне. Экспортер выставляет вексель на какой-либо банк, а банк по поручению покупателя акцептует этот вексель, то-есть снабжает его своей подписью. По наступлении срока покупатель хлопка вносит в банк сумму по векселю, которую банк уплачивает экспортеру или тому лицу, к которому вексель за это время перешел.

Наконец, особой формой обеспечения является *залог*. Заемщик отдает кредитору в залог какую-либо реальную ценность с тем, что, в случае невзноса в срок платежей, кредитор имеет право продать заложенную ценность и получить удовлетворение из вырученной суммы. Заложенная ценность как бы изъемлется из общей имущественной массы заемщика, хотя она и остается его собственностью. В случае банкротства заемщика и обращения взыскания на его имущество со стороны различных его кредиторов, заложенная ценность не входит в состав того имущества, из которого могут получить пропорциональное возмещение все

кредиторы. Она раньше всего обеспечивает того кредитора, у которого находится в залоге, и только в случае, если вырученная от продажи залога сумма превышает долг залогодержателя, остаток поступает в общую имущественную массу заемщика для удовлетворения всех кредиторов. В зависимости от характера той ценности, которая поступает в обеспечение ссуды, можно различать при кредите четыре вида залогового обеспечения, а именно:

1) залог недвижимости,
2) залог товаров,
3) залог ценных бумаг и
4) залог вещей.

Кредит под залог товаров, ценных бумаг и вещей в заграничной практике носит название *ломбардного* кредита, в отличие от *ипотечного* кредита, когда залогом служит недвижимость. Ипотечный кредит отличается, однако, от ломбардного не только тем, что первый дается под обеспечение недвижимости, но также и тем, что при залоге недвижимости заложенная ценность фактически остается в распоряжении заемщика, а при залоге движимости заложенная вещь передается в распоряжение кредитора на все время течения кредитной сделки. Бывают, впрочем, случаи, что и при ломбардном кредите заложенная ценность остается в фактическом распоряжении заемщика. Она в этих случаях как бы вверяется заемщику со стороны кредитора. Мы наблюдаем такие случаи при подтоварном кредите. Банки нередко выдают ссуды под товар, который находится на складе заемщика. Заемщик в некоторых случаях сохраняет даже право брать со склада известные количества заложенного товара, и ввозить на склад тот же товар с тем, однако, чтобы общая масса находящегося на складе товара в каждый данный момент соответствовала размеру взятой ссуды Во всех этих случаях заложенный товар является для заемщика как бы чужой вещью, а продажа его помимо воли кредитора рассматривается как растрата и карается в уголовном порядке. Заемщик, однако, всегда остается собственником заложенной вещи в том отношении, что всякие изменения в ценности этой вещи идут за его счет: в случае

повышения цены заложенного товара пользу от этого извлекает залогодатель и он же теряет, если цена заложенной вещи понижается.

Ломбардная форма залога, при котором заложенная вещь передается кредитору, представляется простейшим видом залогового обеспечения. Кредитор в случае неаккуратности заемщика, легко может наложить свою руку на заложенную вещь. Сложнее обстоит дело при ипотечном кредите. Передача заемщиком своей недвижимости в залог с одновременным сохранением права на распоряжение ею оказывается возможной, благодаря сложной системе юридических норм, т. наз. ипотечному праву.

В западно-европейских законодательствах, где ипотечное право получило наибольшее развитие, основанием этой системы служат *земельные книги* („Grundbuch"), в которые вносятся все недвижимые владения данного округа. Для каждой недвижимости отводится отдельная страница, на которую заносится описание земельного участка и имя владельца. В эту же страницу вносятся всякие изменения в праве собственности на данный участок, переход по наследству, по продаже, дробление и т. д. Обеспечение кредитной сделки залогом недвижимости осуществляется в этих странах внесением соответствующей отметки в земельную книгу. Эта отметка вполне гарантирует кредитора. В случае неаккуратности заемщика он представляет свое требование в суд и получает право преимущественного удовлетворения от продажи заложенной земли. Заемщик-землевладелец никак не может обойти это право своего кредитора. Если бы он захотел продать заложенный участок, получить под него новую ссуду и т. д., новый приобретатель или кредитор, справившись в земельной книге, сразу убедился бы в существовании долга на данном участке.

В России не существовало земельных книг, в которые были бы занесены все участки земли, и залоговое право осуществлялось несколько иначе. А именно, кредитор обеспечивал свое право путем совершения крепостного акта залога у старшего нотариуса. Старшие нотариусы, которые имелись в каждом судебном округе, вели две книги: крепост

ную и реестр крепостных дел. Передача в залог недвижимости требовала утверждения старшего нотариуса, который делал об этом акте отметку в своих книгах и налагал „запрещение" на заложенную землю. При продаже земли, при дарении, залоге и т. д. старший нотариус всегда обязан бывал справляться со своими книгами, с реестром и указателем к ним. Если данный участок был в залоге и на нем было „запрещение" в пользу кредитора, то этот факт сразу обнаруживался и становился известным новым приобретателям. Покупщик знал, что на участке лежит долг в таком то размере, такому то лицу и он должен был считаться с этим при заключении сделки. В то же время в старом русском законодательстве существовал ряд положений об удовлетворении кредитора из заложенной недвижимости в том случае, когда заемщик не уплачивал в срок взятой ссуды и процентов по ней. Эти положения предусматривали особый порядок продажи недвижимости с торгов. Все эти положения давали кредитору, обеспеченному залогом, полную гарантию в удовлетворении из заложенного имущества, несмотря на то, что имущество оставалось в распоряжении должника.

В странах, где существует частная собственность на землю, и где земельная сельскохозяйственная, а также городская недвижимость служит объектом залога, часто случается, что заемщик берет несколько последовательных ссуд под обеспечение одного и того же участка земли в сельскохозяйственном имении или под обеспечение городской недвижимости. Под участок, стоющий, допустим, 500 т. р., его владелец может взять сначала ссуду в 200 т. р., потом— у другого кредитора—ссуду в 100 т. р., у третьего—100 т. р., и т. д. Получается несколько залоговых прав на одну и ту же недвижимость. Ипотечное право устанавливает в этом случае *очередь* закладных, так наз. право *приоритета* для кредитора, раньше получившего участок в залог. Залоговые права вносятся в земельную книгу по очереди, и если современем приходится продавать имущество из-за неаккуратности заемщика, то из вырученной суммы раньше всего получает полное удовлетворение первый кредитор, из

остатка — второй, из дальнейшего остатка — третий и т. д. Эта система стремится к тому, чтобы ни один из кредиторов не пострадал от того, что земля будет обременяться долгами по последующим ипотекам. Русское дореволюционное законодательство и практика также знали систему множественности закладных (первая, вторая, третья и т. д. закладные). Существовал у нас также порядок *старшинства* закладных, в соответствии с которым распределялась выручка от продажи заложенной земли.

Литература к главе V.

1. *В. Н. Твердохлебов.* Государственный кредит. Л. 1924.
2. *Гарвей Фиск.* Междусоюзнические долги. М. 1925.
3. *R. Knauss.* Die deutsche, englische und französische Kriegsfinanzierung. B u. L. 1923.
4. *С. Ю. Витте.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. 2-е изд. П. 1912. Госуд. хоз. Лекц. XII и XIII.
5. *A. Nussbaum.* Deutsches Hypothekenwesen. Tüb. 1913.
6. *В. Судейкин.* Очерк организаций поземельного кредита в Англии, Германии, Австро-Венгрии и Франции. П. 1888.

ГЛАВА VI.

Кредитные документы.

§ 1. Понятие кредитного документа. § 2. Вексель. § 3. Облигация. § 4. Акция. — Экономическая природа акции. — Есть ли акция кредитный документ? — Движение акционерного капитала. — „Активные" и „пассивные" акционеры. § 5. Закладная. — Закладной лист. § 6. Денежно-кредитные документы. § 7. Статистика эмиссий. § 8. Экономическая сущность эмиссий. — Эмиссия не—накопление капитала. § 9. Обращение кредитных документов, как движение ссудных капиталов.

§ 1. В предыдущей главе мы указали на то, что в некоторых случаях кредит открывается на-слово и кредитная сделка не сопровождается получением от заемщика какого-либо специального обязательства. На ряду с этим, как мы видели, существуют сделки, сопровождающиеся передачей кредитору особых обязательств со стороны заемщика. Обязательства эти объединяются общим понятием *кредитных документов*. В предыдущих главах нам приходилось уже попутно упоминать о некоторых из этих документов: векселе, серии, облигации. Вопрос о кредитных документах заслуживает, однако, специального рассмотрения, хотя бы и пришлось при этом несколько повторяться, ибо и в этой области мы встречаемся с большим разнообразием в формально-технической постановке кредита, с наличностью целого ряда юридических и экономических особенностей. В то же время я считаю необходимым остановиться на анализе сущности отдельных кредитных доку-

ментов в связи с проблемой распределения ссудных капиталов, — до того, как мы перейдем к изучению *организации* денежного рынка и роли банков. Кредитные документы выделяются в обороте из ряда обычных обязательств. Каждый из них имеет свою историю, свою особую юридическую и экономическую природу.

Мы остановимся в дальнейшем на характеристике только главных видов кредитных документов.

§ 2. *Вексель*. Проф. *Шершеневич* определяет вексель, как „основанное на договоре и выраженное в письменной форме абстрактное обязательство заплатить денежную сумму“ [1]). Определение Шершеневича характеризует вексельное обязательство, как а) договорное, б) абстрактное, в) одностороннее, г) формальное и д) денежное. Из этих особенностей векселя объяснения требует его качество *абстрактности*. Под абстрактностью юристы понимают тот факт, что в векселе не указывается основание, из которого возник долг. Владелец векселя, требующий по нему уплаты, не обязан доказывать, что он в свое время фактически передал должнику ценность в размере долга. Наличность векселя в его руках есть достаточное доказательство правильности его претензии. В этом отношении вексель, как документ, написанный в определенной форме, отличается от простого заемного обязательства, по отношению к которому должник может доказать „безвалютность“. Вексель имеет некоторые процессуальные преимущества перед прочими заемными письмами. В случае неуплаты денег по векселю, кредитор может *протестовать* вексель. Операция протеста заключается в следующем. Держатель векселя — „векселедержатель“ — посылает его к нотариусу с предложением взыскать по нему деньги. Нотариус посылает должнику повестку с предложением внести деньги, и если это требование не исполняется, он составляет об этом специальный акт — акт протеста — и публикует о том во всеобщее сведение. Происходит как бы

---

[1]) Проф. *Г. Ф. Шершеневич*. Курс торгового права. Т. III. Изд. 4-е Спб. 1909, стр. 22.

публичное шельмование неплательщика. Иски по протестованным векселям рассматриваются судами в упрощенном порядке и взыскание по векселю в большинстве законодательств легче взыскания по другим обязательствам. Особенностью векселя, как уже было упомянуто, является то, что он может переходить от одного лица [1]) к другому, путем простой переуступочной подписи, которая делается на обороте и называется *индоссаментом* (от итальяского слова indosso). В случае перехода векселя из рук в руки и наличности на нем ряда подписей, ответственным за платеж является не только лицо, выдавшее вексель, называемое *векселедателем*, но и все сделавшие на нем подписи, индоссанты.

Векселя бывают *простые* и *переводные*. Простой вексель заключает в себе обещание одного лица — векселедателя — заемщика — заплатить другому лицу — векселеполучателю — кредитору — или кому оно прикажет в определенном месте определенную сумму денег в известный срок или по первому его требованию. В этой сделке участвуют, таким образом, два лица. Только в том случае, если первый кредитор учтет этот вексель, т.-е. сам получит по нему в кредит означенную на нем сумму от второго кредитора, сделав на векселе переуступочную надпись, или, как говорят, „поставив свой бланк", вексель явится уже документом, в котором участвуют 3 лица. *Переводный* же вексель, или *тратта*, представляет собою приказ одного лица другому об уплате третьему лицу, или предъявителю, известной суммы денег. Тот, кто выдает переводный вексель называется *трассантом*, тот, на кого вексель выписан, кто должен произвести уплату — *трассатом*, а лицо, которому сумма должна быть выплачена — *ремитентом*. Переводный вексель получает полную силу вексельного требования по отношению к трассату только после того, как он снабдит вексель своей подписью и тем признает правильность вы-

---

[1]) Под „лицом" здесь и в дальнейшем надо понимать лицо физическое или юридическое.

ставленного на него приказа и свое согласие его исполнить. Это признание переводного векселя со стороны лица, на которое он выставлен, носит название *акцепта*. Переводные векселя являются одной формой векселя в области международного оборота.

§ 3. *Облигация*. Поскольку вексель является наиболее распространенным типом кредитного документа в области краткосрочного кредита, постольку же облигация есть основной кредитный документ в сфере долгосрочного кредита. Облигацию обыкновенно дает и государство своим кредиторам в подтверждение того, что оно взяло у них деньги и обязуется выплачивать им капитал и проценты. Вследствие этого самое заключение займа часто называется *выпуском облигаций*. Облигация представляет собою долговой документ, на котором обычно обозначены сумма долга, размер процента, условия погашения. Облигации выпускаются на круглые суммы (100, 500, 1000, 5000 руб.). Они могут быть именные и на предъявителя. К облигациям присоединяется лист с купонами. По наступлении срока купона владелец облигации может отрезать таковой и, предъявив его в кассах должника (или его представителя — того или иного банка), получить проценты (отсюда—выражение: „стричь купоны", характеризующее рантье). Обычно проценты по облигациям уплачиваются два раза в год. В купонном листе имеются по два купона на сроки каждого года.

В обороте имеются различные виды облигаций, соответствующие разным видам операций долгосрочного кредита. Наиболее распространенными являются облигации государственных займов. В зависимости от характера займа эти облигации выпускаются или в бессрочной форме (ренты), или в срочной. В России на бывших облигациях ренты был обозначен капитальный долг и процент, который она приносила. Во Франции же рента выпускается без обозначения капитального долга. Английская система „консолей" заключается в том, что государство ведет долговую книгу, куда записываются все продажи консолей. Каждому кредитору открывается отдельная страница, куда вписывается его

имя и фамилия, сумма внесенного капитала и размер процента. При продаже консолей одним лицом другому должна быть сделана отметка в долговой книге. При выпуске государственных займов, как нам уже приходилось указывать, облигации обыкновенно продаются ниже номинальной цены. На ряду с номинальной ценой существует, таким образом, цена выпускная. Из отдельных видов государственных облигаций следует еще упомянуть о *лотерейных* облигациях, или как они у нас назывались, выигрышных билетах, которые помимо процента дают владельцу известный шанс на выигрыш той или иной суммы. Кроме государственных облигаций существуют облигации коммунальные, как, напр., облигации городских займов, облигации железнодорожные, гарантированные правительством и негарантированные и облигации частных промышленных предприятий. Общим для всех облигаций является то, что они приносят их держателям твердо фиксированный доход в виде определенного процента на затраченный капитал.

§ 4. *Акция.* Акция представляет собою документ, удостоверяющий, что его держатель участвовал в составлении акционерного капитала какого-либо предприятия путем соответствующего взноса и тем приобрел известные права на участие в предприятии. Раньше, чем мы перейдем к рассмотрению той роли, которую играют акции в современном обороте, нам необходимо остановиться на выяснении экономической природы акции и ее отношения к денежному рынку.

Как известно между акцией и облигацией существует коренное различие. Облигация представляет собою долговое обязательство, акция есть удостоверение об участии в предприятии. Облигационер стоит в стороне от самого предприятия, акционер может непосредственно участвовать в руководстве им. Обладание известным минимумом акций дает право на участие в общем собрании акционеров, где выбирается правление акционерного общества, где устанавливается план ведения предприятия. Владелец облигации получает за свой капитал, переданный в предприятие, твердый доход, заранее обусловленный процент

чаще всего 4—6—8 процентов годовых, акционер получает *дивиденд*, т.-е. пропорциональную часть чистого дохода предприятия. Этот дивиденд, который выдается из остатка чистой прибыли после вычета всех расходов, а в том числе и расхода на уплату процентов облигационерам, в зависимости от результатов операций, может оказаться ниже дохода, получаемого владельцем облигации, может даже в течение ряда лет равняться нулю, но он может быть во много раз больше процента на облигации, доходить до 100 и более процентов на капитал. Облигационер, за исключением случаев покупки бессрочной ренты, передает свой капитал в предприятие на срок, акционер передает его на все время существования предприятия. В случае неудачного ведения предприятия и вынужденной его ликвидации раньше всего удовлетворяются облигационеры и уже из остатка получают удовлетворение акционеры. Словом, *облигационер есть кредитор предприятия, а акционер его хозяин.*

Между облигацией и акцией с формально-юридической точки зрения оказывается, таким образом, коренное различие. Больше того, можно сказать, что между ними нет ничего общего, если не считать того, что оба документа имеют некоторые черты внешнего сходства, оба выписываются на круглые суммы и т. п. При таких обстоятельствах возникает сомнение, в какой мере акция, вообще, может рассматриваться как кредитный документ. Имеет ли движение акционерного капитала какое-либо отношение к денежному рынку и к движению ссудных капиталов? Имеет ли какое-либо отношение к денежному рынку владелец акции, как участник и хозяин предприятия?

На все эти вопросы приходится ответить утвердительно и вот почему. При внимательном наблюдении над деятельностью современных акционерных обществ обнаруживается, что *движение акционерного капитала в громадном большинстве случаев есть форма движения ссудных капиталов.* Для большинства акционеров передача капитала в предприятие для составления его основного акционерного капитала является по существу передачей капитала в *чужие предприятие.* Являясь формально хозяевами предприятия, большин-

ство акционеров стоят в стороне от него, не принимают никакого участия в управлении им и смотрят на предприятие, акциями которого они владеют, как на предприятие чужое. Внося свои деньги на составление акционерного капитала, акционеры, или вернее, громадное большинство из них, вовсе не смотрят на эту операцию, как на организацию *своего* дела, помещение в нем своего капитала навсегда. Для них покупка акций есть временное помещение в предприятии своих свободных средств. В той мере, в какой акция приняла форму „ценной бумаги", большей частью предъявительской, которую всегда легко купить и продать на бирже, всякое лицо, приобретающее акцию, знает, что оно всегда может взять свой капитал из предприятия путем продажи акции и подстановки вместо себя другого капиталиста. Различие между акцией и облигацией, между отношением к денежному рынку акционера и облигационера в значительной мере стирается, когда мы от формально-юридического анализа переходим к анализу экономическому. *Акция с экономической точки зрения оказывается, кредитным документом удостоверяющим временную передачу капитала в чужое предприятие*[1]). Акционер выступает в роли рантье, который не хочет принимать активного участия в хозяйстве, уступает свой капитал другим, желая получить известный доход. Различие между ним и облигационерами в их отношениях к денежному рынку есть различие „темпераментов". Облигационер это рантье, который удовлетворяется небольшим, но верным доходом, который может принести передача капитала в. чужое предприятие на условии получения заранее определенного процента. Акционер—рантье, который не прочь рискнуть, готов не получать никакого дохода и даже потерять свой капитал в случае неудачного хода предприятия, но зато хочет сохранить за собою шансы на получение более крупного дохода в случае благоприятного оборота дела. Самое предприятие его интересует лишь постольку, поскольку оно дает дивиденд

---

[1]) На этой точке зрения стоял *Ad. Wagner*. См. „Der Credit und das Bankwesen", цит. соч., § 21, стр. 416. Возражения против этого *H. Sattler'a* („Die Effectenbanken", L. 1890, стр. 5) мало убедительны.

и поскольку размеры этого дивиденда отражаются на биржевой цене акций. Таков, напр., был тип русского капиталиста, обладавшего акциями различных предприятий „брянских", „рыбинских", „мальцевских" и т. д., который сплошь и рядом затруднялся бы сказать, где было расположено и чем занималось то предприятие, „хозяином" которого он являлся.

Но если для большинства акционеров предприятия, акциями которых они владеют, являются „чужими предприятиями", то для кого они „свои"? Кто является фактическим хозяином акционерного предприятия, тем предпринимателем, кому это большинство акционеров передает свои капиталы для обращения, кто выступает по отношению к ним в роли заемщика? На это приходится ответить: меньшинство акционеров. И даже не меньшинство, а просто небольшая группа наиболее крупных акционеров. Обыкновенно в каждом крупном акционерном обществе имеется такая „компактная" группа фактических руководителей, объединяющая нескольких крупных акционеров. Сосредоточивая в своих руках „пакет" акций, эта группа получает большинство на общих собраниях, выбирает в члены правления своих ставленников, решает по своему желанию все вопросы, словом, оказывается в роли фактического хозяина предприятия. Для деятельности современных акционерных компаний во всех капиталистических странах характерно, однако, то, что в руках руководящих групп обыкновенно сосредоточивается лишь небольшая часть всех выпущенных данным обществом акций. Группа акционеров-руководителей обладает подчас небольшой долей всего акционерного капитала. Ее влияние основано, однако, на ее организованности, с одной стороны, и главное, на неорганизованности большинства акционеров. Эта последняя неорганизованность, как мы видели, — явление не случайное. Она проистекает из отношения большинства лиц, покупающих акции, к этого рода помещению своего капитала. Акционер, имеющий известный минимум акций, чаще всего 10, обладает правом голоса на общем собрании. Но он туда не идет, ибо это его не интересует. А если он случайно забредет на собра-

ние, то его голос затеряется среди голосов группы руководителей. Распыленная масса акций, находящаяся в руках громадного числа мелких и средних капиталистов, не представляется на общее собрание и дела вершит группа акционеров - руководителей. В результате этого оказываются две группы акционеров: одна—маленькая по своей численности и небольшая по количеству сосредоточенного в ее руках капитала группа *активных* акционеров и другая большая группа акционеров—*пассивных*. Первые являются фактическими хозяевами предприятия. Вторые, хозяева по названию, на самом деле хозяйских функций не исполняют. Между первыми и вторыми устаиавливается то же отношение, которое существует между заемщиками и кредиторами.

Нарисованная сейчас картина характеризует одну из форм концентрации капиталов в капиталистическом хозяй стве. Она объясняет одну из причин господства небольших групп капиталистов в предприятиях, имеющих акционерную форму. Забегая несколько вперед, отметим, что руководящие группы акционерных компаний в последнее время становятся все более и более „компактными" и хозяйственная власть сосредоточивается в руках все меньших и меньших групп капиталистов благодаря той роли, которую играют на денежном рынке коммерческие банки. Коммерческие банки. как мы увидим позже, в ряду других операций занимаются, между прочим, выдачей ссуд под залог ценных бумаг, акций и облигаций. Они кроме того прииимают ценные бумаги на храиеиие от частиых лиц. У иих поэтому всегда находится в портфеле большая масса акций самых различных предприятий, из которых лишь часть прииадлежит им на праве частной собствеиности. Другая часть принадлежит их клиентам и иаходится в баиках в виде залога или на хранении. На обших собраниях акционеров банки и представляют все эти акции как свои, так и чужие, т.-е. принадлежащие их клиентам, от своего имени, или от имеии близких к банку лиц, своих директоров и т. д. При представлении в общие собрания акционеров акций своих клиентов банки иногда испрашивают разрешения последних, но часто,

повидимому, делают это без всякого их разрешения, не доводя даже об этом до их сведения. Использование банком акционерного права клиентов не вызывает возражения со стороны последних,ибо каждый из них имеет обыкновенно лишь несколько голосов, которые не могли бы дать ему влияния на общем собрании, и большинство, как мы говорили, этим вопросом не интересуется. Кроме того акционеры, акции которых заложены в банках, не всегда и могли бы помешать этой практике банков, так как банк, как кредитор, выдавший им ссуду, является до некоторой степени как-бы фактическим соучастником во владении акции. Таким образом, банки фактически выступают на общих собраниях акционеров, как самые крупные владельцы акций. Распределяя известным образом акции между близкими к банку лицами, банки и образуют ту послушную себе группу акционеров, которая решает все дела. Они проводят своих людей в правление акционерного общества и являются фактическими его хозяевами. Таким образом, имея сравнительно небольшое количество собственных акций, банки сплошь и рядом являются хозяевами крупнейших акционерных предприятий, в особенности тех, акции которых находятся в руках очень многих капиталистов, распылены в обороте и, вообще, часто переходят из рук в руки. Крупные банки делят между собою „сферы влияния". Один сосредоточивает в своих руках одни отрасли хозяйства: угольную промышленность, нефтяную промышленность; другой — другие: металлургию, текстильную промышленность; третий интересуется преимущественно железнодорожными предприятиями и т. д. Один банк наиболее „заинтересован" в одном районе, другой — в другом. Главнейшие капиталистические предприятия оказываются поделенными между несколькими небольшими группами людей, концентрирующимися вокруг крупных банков. В их руках все нити хозяйства. Это—haute finance—крупная финансовая буржуазия. Она играет руководящую роль не потому, что в ее руках сосредоточивается большая часть национального капитала. Наоборот, ее собственные капиталы сравнительно очень невелики. Но она держит в своих руках аппарат

денежного рынка, банки и биржи, она действует организованно, умело использует чужие капиталы. Среди этих чужих капиталов большое место занимает акционерный капитал громадной неорганизованной массы мелких, средних, а нередко и крупных капиталистов. Они подпирают организацию крупно-капиталистического хозяйства и деятельность крупно-финансовой олигархии, но их самих эта последняя держит в почтительном отдалении от фактического руководства предприятиями.

В иностранной экономической литературе последнего десятилетия до войны был собран богатейший материал, иллюстрирующий роль банков, главным образом, немецких, как руководителей акционерных компаний, их „связь с индустрией", тот „контроль" над деятельностью предприятий, который они проводят, пользуясь сосредоточивающимися в их руках чужими капиталами [1]). Нам придется еще вернуться к этой проблеме позднее, когда мы будем говорить о коммерческих банках. Отметим здесь, однако, что указанный материал дал многим авторам основание усматривать в этой роли банков новую фазу капиталистического развития. Лифман предложил назвать эту фазу „капитализмом ценных бумаг" („Effektenkapitalismus"). Гораздо больший успех имели авторы, связывавшие это усилившееся влияние банков с картельным движением, с монополистическими тенденциями и некоторыми политическими идеями, и характеризовавшие новейшую стадию капитализма, как „империализм" [2]).

Мы не станем приводить здесь материала, относящегося к иностранным государствам, но приведем для иллюстрации несколько взятых из газет извлечений из отчетов об общих собраниях бывших русских акционерных обществ, относящихся к 1916—1917 г.г.

---

[1]) Наиболее интересный материал имеется в книгах *Jeidels*'а: „Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie mit besonderer Berücksichtigung der Eisenindustrie", 2-te Aufl. 1913, *Liefmann*'а: „Beteiligungs—und Finanzierungsgesellschaften", 2-te Aufl. 1913, *Riesser*'а: „Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration", 4. Aufl. 1912 и др.

[2]) См. *R. Hilferding*. Das Finanzkapital. Wien. 1910, а также очерк *Н. Ленина*. Империализм, как новейший этап капитализма. Изд. 2-е М. 1919.

Вот отчет о собрании акционеров Южно-Русского Днепровского Металлургического Общества, состоявшемся 29 нояря 1916 г. Акционерный капитал общества составлял в это время 15 милл. руб., разделенных на 60.000 акций. В общем собрании приняли участие 32 акционера, представившие всего 6.437 акций, т.-е. около $^1/_{10}$ части всех акций, имевшихся в обращении. Из представленных 6.437 акций—3.000 акций представил Русский для внешней торговли банк, 500—один из директоров Правления этого банка и т. д.

22 ноября 1916 г. состоялось общее собрание акционеров общества Верх-Исетских заводов. Из 64.000 акций на собрание представлено 50.057 акций. В числе последних 23.500 акций представил Азовско-Донской Банк, 1.500 акций—один из директоров этого банка, 1.400—другой директор, 1.000—член ревизионной комиссии того же банка.

23 ноября 1916 г. состоялось собрание акционеров Северо-Донецкой дороги. Из 100.000 акций в собрание было представлено 27.600 акций. Из них представил Петроградский Международный банк—4.000 акций, Торгово-Промышленный—3.000, Азовско-Донской—2.000, Банкирский дом „М. Нолькен"—1.750, Петроградский Частный банк—1.505, Русско-Азиатский—1.100 и два частных лица—3.775 и 6.160 акций. В собрании участвовало 24 акционера.

В собрании акционеров Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества 30 ноября 1916 г. приняли участие 25 акционеров. Из 200.000 акций этого общества, которые были в обращении, в собрание было представлено 31.387 акций, при чем из этих последних Петроградский Международный банк представил 15.408 акций, два его директора 550 и 400, Русско-Азиатский банк—900 акций и т. д.

В собрании акционеров о-ва Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода 7 декабря 1916 г. участвовал 31 акционер. При общем числе акций общества, которое к этому времени выражалось в цифре 411.750, в собрание представлено было 24.082 акции, т.-е. около 5%. Из этого числа представили: Русско-Азиатский банк—7.000 акций, Петроградский международный—6.300, Азовско-

Донской—4.000, банкирские дома Волков и Джамгаров—по 1.000 и т. д.

Мы ограничимся этими выдержками [1]). Отчеты об общих собраниях сотен других крупных акционерных компаний носят тот же характер. Повсюду мы наблюдаем одну и ту же картину. На общее собрание являлись два-три десятка человек. Они представляли некоторое число акций, составляющее ничтожную часть всего того количества акций, которое находилось на руках. Когда же мы присматриваемся поближе к тем акционерам, которые являлись на все общие собрания, то обнаруживаем, что это все одни и те же лица. Это десяток крупных банков и банкирских контор и пара десятков их директоров. Тысячи и десятки тысяч капиталистов, на руках которых находились главные массы акций, на собрания не являлись. Они относились к разряду пассивных акционеров.

Но, быть может, эти пассивные акционеры ничего, в конце концов, от своей пассивности не теряют? Быть может, они, в конце концов, все же являются „хозяевами" предприятия, так как участвуют в получении дивиденда и используют, таким образом, благоприятные результаты операций так же, как и акционеры активные? Если бы это было так, то пассивных акционеров пришлось бы все-таки считать фактическими участниками предприятий. На самом деле, это, однако, далеко не так. Группа активных акционеров, фактические хозяева, всегда может использовать свое положение и обойти пассивных акционеров. В их распоряжении—десятки способов для того, чтобы сначала извлекать из предприятий пользу для себя и уже потом удовлетворять пассивных капиталистов. На первом плане они пользуются для этого „дивидендной политикой". Дивиденды выдаются не по мере роста прибылей и не в соответствии с этим ростом, а в соответствии с видами фактических хозяев. Когда желают, чтобы акции поднимались в цене, когда собираются увеличивать акционерный капитал, вы-

---

[1]) Большой материал по этому вопросу собран в книге *Н. Ванага.* „Финансовый капитал в России накануне мировой войны". М. 1925.

даются повышенные дивиденды. Когда дела идут хорошо, и руководители хотят приобрести побольше акций для своей, группы они задерживают выдачу дивиденда. Активные акционеры занимают для себя и своих ставленников все места в правлениях, в советах и получают таким образом большие добавочные доходы. Кроме того данное акционерное предприятие сплошь и рядом ведется так, чтобы прибыль оставалась не в нем, а в другом предприятии, которому оно сбывает свои продукты, или от которого оно приобретает сырье, если в этом другом предприятии заинтересована руководящая группа данного предприятия. Словом, активные акционеры при желании всегда могут вести дело так, чтобы сливки доставались им, а не пассивным акционерам, несмотря на то, что последние имеют одинаковое с ними право на дивиденд. Активные акционеры, действительно, всегда в той или иной мере ведут такую политику, лишающую пассивных акционеров всяких „хозяйских" прерогатив. Они превращаются в простых кредиторов предприятия, поскольку предприятие является для них „чужим".

Вот те обстоятельства, которые заставляют относить обращение акционерного капитала в массе своей к движению ссудных капиталов, а акцию, с экономической точки зрения, рассматривать как кредитный документ.

Здесь требуется, однако, одна оговорка. Та характеристика деятельности акционерных обществ, которую мы дали, относится отнюдь не ко всем акционерным обществам. Она захватывает область крупной промышленности и торговли, область, правда, самую обширную, которая тесно связана с кредитом и банками. На ряду с этим существует, однако, немало акционерных обществ, большей частью среднего масштаба, организованных совсем на иных началах. Мы имеем в виду те многочисленные акционерные общества, незадолго перед тем образовавшиеся из единоличных предприятий, которые еще не выпустили своих акций на биржу. В этих акционерных обществах все акции находятся в руках небольшого числа лиц, часто членов одной семьи, большинство которых принимает фактическое участие в ведении предприятия. Здесь нет еще расслоения акционеров на актив-

ных и пассивных. В этих предприятиях все акционеры чувствуют себя хозяевами, и было бы большой натяжкой рассматривать их как кредиторов предприятия. Акции этого рода не могут считаться кредитными документами. Существование такого рода акционерных обществ заставляет считать экономическую природу акции в некотором смысле двойственной. Акция может быть кредитным документом, но она может выступать и как документ, удостоверяющий право на участие в предприятии.

§ 5. *Закладные.* Кредитные документы, которые заемщик выдает кредитору при обеспечении ссуды залогом недвижимости, носят название закладных. Надо различать два вида закладных: *частные закладные и закладные листы.*

Мы говорили уже в предыдущей главе о тех особых условиях, которыми обставлен кредит, обеспеченный залогом недвижимости, и о преимуществах, которыми пользуется залогодержатель. Нам остается лишь охарактеризовать внешние особенности ипотечных документов, которые, впрочем, поскольку речь идет о России, относятся к области истории. Частная закладная, или, как она называлась у нас, „закладная крепость на недвижимое имение" было обязательство, выдававшееся заемщиком частному кредитору, которое являлось у старшего'нотариуса. В закладной указывались сроки, в которые должны были быть уплачены деньги, размер процента и точно обозначалось то недвижимое имущество, которое служило обеспечением ссуды. Частные закладные, по самому свойству частных ипотечных долгов, могли выдаваться на любые суммы и на разные сроки. В большинстве случаев частные закладные не отличались длинными сроками. Деньги под такие закладные брались нередко на срок 6—9 месяцев. В соответствии с принципом о преимуществе более ранних закладных перед более поздними, („старшинство закладных"), частные закладные различались по занимаемой ими очереди. Бывали первые, вторые, третьи и т. д. закладные.

Иной характер имеют *закладные листы*, обязательства, выдаваемые своим кредиторам ипотечными банками и другими учреждениями ипотечного кредита. Как мы увидим дальше, ипотечные банки, выдавая ссуды землевладель-

цам или владельцам недвижимости в городах, в свою очередь, обращаются за кредитом к денежному рынку. Этот кредит они получают под закладные листы, особый вид долгосрочных обязательств. Эти обязательства имеют много общего с облигациями государственных займов и часто называются просто „облигациями". Закладные листы сходны с облигациями долгосрочных государственных займов, раньше всего в том отношении, что они вступают в оборот в форме „выпусков", т.-е. все закладные листы данного банка имеют одинаковый внешний вид, выписываются в одинаковых круглых суммах; в России они выписывались в 100, 500, 1000, 5.000, и 10.000 рублей. Они представляют собою не индивидуальный долговой документ, вроде векселя или частной закладной, а „ценную бумагу", документ родовой. Они печатаются по особой форме. На каждом листе обозначается нарицательный капитал, размер процента, номер, время выпуска и способ погашения. Закладные листы погашаются при посредстве тиража так же, как и облигации некоторых государственных займов. К ним также приложен лист с купонами, по которым владелец закладного листа и получает обусловленные проценты.

Закладной лист представляет собою обязательство выпускающего его банка или другого учреждения ипотечного кредита. Он обеспечивается раньше всего капиталами выпустившего его учреждения. Но вместе с тем он обеспечивается и всеми теми имениями, которые находятся в залоге у данного кредитного учреждения. В этом смысле закладной лист есть обязательство, обеспеченное недвижимостью. Он отличается, однако, от частной закладной тем, что обеспечением его служит не конкретная недвижимость, а совокупность всех заложенных в данном банке земель. В случае неаккуратности или банкротства того кредитного учреждения, которое выпустило закладные листы, владелец этих листов не может предъявить взыскание к какому-либо определенному участку, состоящему в залоге у банка. Он может лишь получить пропорциональную часть из общей конкурсной массы, наравне со всеми остальными владельцами закладных листов. Его претензия обеспечена землей лишь в той

мере, в какой конкурсная масса обанкротившегося земельного банка включает в себя ряд земельных участков, состоявших у этого банка в залоге. Мы имеем здесь дело, таким образом, с косвенным, а не прямым обеспечением недвижимостью.

§ 6. *Денежно-кредитные* документы. Особую группу кредитных документов составляют обязательства, которые стоят на грани между кредитным оборотом и денежным обращением, являются, с одной стороны, действительно, кредитными документами, а с другой — исполняют роль денежных знаков. Их называют часто *суррогатами* денег. Но некоторые из этих суррогатов фактически являются нередко главными денежными знаками страны, составляют один из важнейших сортов денег. Все эти документы можно назвать *денежно-кредитными* документами, отдавая себе, однако, должный отчет в сущности этих документов. Мы не станем сейчас останавливаться подробно на анализе экономической природы всех этих бумаг, ибо это относится больше к другой части книги, учению о денежном обращении. Здесь же ограничимся кратким перечнем главнейших видов этих документов. К денежно-кредитным документам надо отнести *банкноты*, билеты выпускаемые эмиссионными банками, о которых нам приходилось уже говорить в одной из предыдущих глав, *чеки*, *серии и краткосрочные обязательства*, а также *купоны* различного рода облигаций, поскольку они не предъявляются к платежу по наступлении их срока и остаются в обороте.

§ 7. Мы рассмотрели разные типы кредитных документов. Из сделанного обзора мы могли видеть, что эти документы бывают двух родов. Одни из них, как векселя, частные закладные, а из денежно-кредитных документов — чеки, имеют *индивидуальный* характер. Эти документы выписываются на самые различные суммы, на разные сроки. Передача их в руки кредиторов не связана каким-либо определенным периодом, и в каждый данный момент в оборот может вступит только один документ этого рода. На ряду с этим некоторые кредитные документы, как обли-

гации, акции, закладные листы, а из денежно-кредитных— банкноты, имеют как бы *родовой* характер. Они вступают в оборот не в одиночку, а пачками (сериями). Целые группы этих документов, иногда десятки тысяч, имеют совершенно однородный вид, выписываются в одинаковой круглой сумме, на одинаковый срок, и иногда отличаются один от другого только номером. Они обыкновенно имеют печатную форму и заготовляются под контролем государства. Вступление целых серий этих документов в оборот происходит одновременно, в течение строго ограниченных периодов.

Своеобразный характер кредитных документов последнего типа, отсутствие у них индивидуальных черт, придает самой кредитной сделке, связанной с передачей заемщиком этих документов кредиторам, особую форму. Переход ссудного капитала от кредитора к заемщику выступает в форме *продажи* кредитного документа заемщиком кредитору. Кажется будто кредитор просто покупает облигацию, акцию или закладной лист как вещь, как ценность. Кредитная основа сделки скрывается за внешней видимостью продажи документа. Отсюда самое заключение займа получает название *выпуска* в обращение или *эмиссии*. Вместо того, чтобы говорить о получении ссудных капиталов, удостоверяемом передачей кредитору облигаций, акций, закладных листов, говорят о выпусках, об эмиссии облигаций, акций, закладных листов, или, что еще проще, об *эмиссии ценных бумаг*".

Особенности ценных бумаг, о которых мы сейчас говорили, и своеобразные условия вступления их в оборот, облегчают их регистрацию и дают возможность вести статистику эмиссий. Такая статистика и ведется в большинстве капиталистических стран. Она дает богатый материал об общей сумме выпускавшихся в разных странах облигаций, акций и закладных листов, по которому можно судить о значении каждого из этих кредитных документов. Приведем некоторые данные этой статистики, относящиеся к последним годам до войны.

О мировой эмиссии ценных бумаг за период 1903—1912 г.г. дает представление следующая таблица.

Выпущено ценных бумаг за 1903—1912 г.г.[1]).

ГОСУДАРСТВА.	Государствен., городск., провинц. займов.	Банковых ценностей.	Промышл. и железнодор. ценностей.	ИТОГО.	% отношение итога к общей сумме эмиссий.
	Миллионы рублей.				
С.-А. Соед. Шт.	1,084	75	13,642	14,801	22,4
Германия	4,740	2,795	3,382	10,917	16,6
Англия	3,242	856	5,687	9,785	14,8
Россия	3,519	397	1,030	4,946	7,6
Франция	880	1,167	2,855	4,902	7,5
Австро-Венгрия	1,071	332	138	1.541	2,3
Италия	251	128	66	445	0,6
Проч. государства . . .	9,305	2,267	6,886	18,458	28,2
ВСЕГО . . .	24,092	8,017	33,686	65,795	100

Общая сумма выпусков за 10-летие достигла громадной суммы в 65,8 миллиардов рублей.

В частности в Англии, Франции, Германии, Соед. Штатах и России было выпущено ценностей в отдельные годы [2]):

[1]) См. „Ежегодник Сов. Съезд Пром. и Торг." на 1914 г. Спб, стр. 830.

[2]) Кроме Ежег. „Сов. Съезд Пром. и Торг." см. *Liefmann*: „Beteiligung und Finanzierungsgesellschaften", 2-te Aufl. Стр. 35, а также изд. Мин. Финансов. „Народное хозяйство в 1914 г." П. 1916, стр. 441.

ГОДЫ.	Англия. (милл. ф. ст.)	Франция. (милл. фр.)	Германия. (милл. мар.)	Соед. Шт. (милл. дол.)	Россия. (милл. р.)
1908 . . .	192,2	3,480	3,342	—	646
1909 . . .	182,4	4,294	3,232	1,544	450
1910 . . .	267,7	5,611	2,671	1,093	715
1911 . . .	191,7	4,696	2,392	781	980
1912 . .	210,8	5,012	2,426	—	898
1913 . . .	195,5	4,928	2,433	—	—

О распределении этих выпусков по отдельным видам бумаг можно судить по следующим данным, относящимся к 1911 году.

В 1911 г. из общей суммы эмиссии приходилось:

В Англии — на займы госуд., город. и графств Великобритании . . . . 2,5 м. ф. ст.
„ „ британ. колоний и иностран. корпораций . . . 17,8 „ „ „
„ „ иностранных государств . 24,2 „ „ „
„ „ британ. и иностран. железных дорог . . . . . . 69,2 „ „ „
„ выпуски промышл. и торговли . 78,0 „ „ „

Итого . . . 191,7 „ „ „

Во Франции — на государственные и городские займы . . . . 996 м. фр.
„ акции . . . . 1,655 „ „
облигации . . . . 2,045 „ „

Итого . . . 4,696 „ „.

В *Германии* — из общей суммы внутренних ценных бумаг, выпущенных в 1911 г. на 1,979 милл. марок, пришлось:

на государственные займы	238,9	м. мар.
„ коммунальные	303,9	„ „
„ закладные листы	650,0	„ „
„ железнодорожные облигации	23,5	„ „
„ промышленные „	190,2	„ „
„ железнодорожные акции	4,4	„ „
„ банковские „	137,9	„ „
„ разные „	14,7	„ „
„ промышленные „	315,8	„ „

Что касается русских ценностей, то о распределении их эмиссии по отдельным категориям можно судить по следующим цифрам.

За 5-летие 1908—1912 г.г. выпущено было русских ценностей (в милл. рубл.):

КАТЕГОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ.	В России.	Заграницей.	ВСЕГО.	% отношение к общей сумме эмиссии.
Государственных займов	200	175	375	} 12,0
Городских займов	65	200	265	
Закладных листов государственных ипотечных банков	882	100	982	} 44,0
Закладных листов частных земельн. банков	1,311	—	1,311	
Акций коммерческих и земельн. банков	350	64	414	
Акций и облигаций железн. дорог	170	558	728	8,0
Акций промышленных предприятий	684	369	1,053	14,0
Облигаций промышл. предприятий	27	48	75	22,0
ИТОГО	3,689	1,514	5,203	100,0

Все эти данные не могут считаться вполне точными. Некоторые особенности подсчета приводят к тому, что одни и те же бумаги учитываются статистикой двух и даже более стран, как выполненные в этих именно странах. В цифрах мировой эмиссии возможны поэтому преувеличения. Тем не менее, они дают достаточно яркую характеристику роста эмиссии ценных бумаг. Мы видим, что даже в такой сравнительно отсталой стране, как Россия, выпуски превышали в последние годы до войны миллиард рублей в год. Из приведенных таблиц выясняется, между прочим, относительное значение отдельных эмиссий. За пятилетие 1908—1912 г.г. в России первое место занимала эмиссия закладных листов, второе—выпуск акций промышленных предприятий, третье—выпуск акций коммерческих и земельных банков, а четвертое — выпуск государственных займов. Война 1914—1918 г.г. совершенно изменила картину эмиссий, и не только в России, но и во всем мире. Как нам уже приходилось указывать, в эти годы все ссудные капиталы забирало государство, и выпуски государственных облигаций повсюду превзошли во много раз выпуск всяких других бумаг.

§ 8. Мы могли бы закончить на этом рассмотрение вопроса о кредитных документах и о значении их в народном хозяйстве, если бы перед нами не стояла задача рассеять здесь одно из многих заблуждений, связанных с явлениями кредита. Мы тем более имеем основание заняться сейчас этим заблуждением, что после всего того, что нами было высказано в предыдущих главах о кредите и денежном рынке, после того, как мы выяснили природу кредитных документов, оно как-будто без труда может быть устранено.

Речь идет о следующем.

В публике и в известной части экономической литературы очень распространен взгляд, будто рост эмиссий ценных бумаг есть рост национального богатства. Писатели, придерживающиеся этого взгляда, рассуждают так. В какой-либо стране, допустим в Германии, за последние годы до войны выпускалось на 2—3 миллиарда марок в год ценных бумаг. Ежегодно 2—3 миллиарда марок „помеща-

лось" в ценных бумагах. Значит в стране были люди, которые могли купить ежегодно на такую сумму новых ценностей. Значит, эти люди ежегодно „сберегали" 2—3 миллиарда марок. Эти „сбережения" есть новый капитал, накопленный страной в течение года. Рост выпусков, поглощаемых рынком, есть рост „сбережений", а рост „сбережений" есть рост национального капитала. На основании этих рассуждений статистика эмиссий кладется в основу всякого рода подсчетов о росте капитала и богатства. Такой ход мыслей мы встречаем нередко у писателей, которые считаются специалистами в вопросах кредита и финансов. Этот взгляд лежит, например, в основе рассуждений автора известных статистических работ о выпусках ценных бумаг A. Heymarck'a [1]).

Нетрудно, однако, видеть, что все это рассуждение основано на весьма некритическом подходе к вопросу. Авторы этого взгляда не замечают, что *выпуски ценных бумаг есть не что иное, как передача заемщиками кредиторам различного рода кредитных документов.* Эти выпуски — обратная сторона движения ссудных капиталов. Ссудные капиталы идут от кредиторов к заемщикам. Ценные бумаги идут в обратном направлении, от заемщиков к кредиторам. Размер выпусков есть размер ссудных капиталов, перешедших от кредиторов к заемщикам. Сумма выпусков, сделанных в данной стране в течение года, есть сумма кредита, сумма ссудных капиталов, перешедших за это время в чужие предприятия; при том—не вся сумма ссудных капиталов, а только та их часть, которая пошла против так наз. „ценных бумаг". Но сумма кредита, сумма ссудных капиталов, перешедших из рук в руки в течение года, не есть накопленный в течение этого года капитал. Ссудный капитал, притекающий на денежный рынок, может составляться как из старого капитала, так и из капитала вновь созданного. Новый капитал может оставаться в тех предприятиях, где он создан, и может искать помещения в чужих предприятиях. Словом, процесс накопления капи-

[1]) См. его „Finances contemporaines. VII. L' Epargne française et les valeurs mobilières. 1872—1910" Paris. 1911.

тала и процесс движения ссудных капиталов совпадать не должны. Денежный рынок питается не одними „сбережениями", и „сбережения" не всегда идут на денежный рынок. В виду этого движение эмиссий нельзя смешивать с накоплением и ростом богатства.

Само собой разумеется, что этому не противоречит возможный параллелизм обоих процессов. Рост национального богатства может сопровождаться ростом и развитием кредита. В этом случае рост эмиссий, действительно, будет итти параллельно с ростом накопления. Мы могли бы тогда смотреть на рост эмиссии, как на известный признак роста богатства. Но и в такой мере этот параллелизм необязателен, ибо всегда возможны и обратные положения. Рост богатства может не сопровождаться ростом кредита, упадок богатства может итти рядом с ростом кредита. Последнюю картину мы могли наблюдать во время войны во всех воюющих государствах. Мы повсюду видели невероятный рост эмиссий, но повсюду же шел хозяйственный развал и обнищание. Говорить об эмиссиях, как о накоплении капитала, значит называть капиталом то, что на самом деле не есть капитал.

Мы указывали, однако, выше, что некоторая часть акций не может быть отнесена к разряду кредитных документов. Это — те акции, которые остаются в руках членов одной семьи или вообще тесно связанной между собою группы лиц в акционерных обществах средних размеров, акции, которые не вступают в оборот, и владельцы которых принимают непосредственное участие в ведении предприятия. Быть может, эти акции, как не принадлежащие к кредитным документам, составляют исключение? Быть может, выпуски этих акций представляют собою накопление капитала? На этот вопрос приходится ответить отрицательно, ибо выпуск этих акций еще меньше связан с накоплением капиталов, чем эмиссия прочих ценностей. Дело в том, что рост выпусков акций вызывается во всех странах не только тем, что существующие акционерные предприятия стараются привлечь к себе новые капиталы, но и тем, что целый ряд единоличных фирм, торговых домов и т. д. переходит

в последние десятилетия к акционерной форме. Предприятие продолжает вестись так же, как оно велось и раньше, но оно переходит к вновь учрежденному акционерному обществу, передает ему „весь актив и пассив“. Но поскольку акции остаются в руках прежнего владельца, эта перемена имеет лишь чисто юридическое значение. А между тем статистика эмиссий должна учесть этот новый выпуск акций. Происхождение эмиссий от этой причины, от перехода единоличных предприятий и торговых домов в акционерные общества чаще всего имеет место в средних предприятиях. Эти акции, как мы сказали, не подходят к типу кредитных документов, выпуск их не есть движение ссудных капиталов, но он еще менее представляет собою накопление богатства.

Отличительной чертой кредитных документов является их постоянное движение, их постоянный переход из рук в руки. Этим свойством отличаются не все имущественные документы. Документы, удостоверяющие право собственности, напр., купчие крепости дореволюционного времени, редко служат предметом оборота. Только документы о праве собственности на товары, как складочные свидетельства (варранты) товарных складов, дубликаты железнодорожных накладных, коносаменты пароходных обществ составляют в этом отношении исключение. Кредитные же документы все служат постоянно предметом самого оживленного оборота. *Обращение кредитных документов* как будто связано с самой сущностью этих бумаг.

В общем, можно различить *три* наиболее характерные для денежного рынка формы перехода кредитных документов из рук в руки. Это — учет, продажа и залог. Учет есть форма перехода, которая чаще всего имеет место по отношению к векселям. Особенностью вексельного кредита является то, что проценты за деньги уплачиваются заемщиком вперед, в момент заключения займа и выдачи вексельного обязательства. Если по истечении некоторого времени кредитор желает уступить свое право требования по векселю другому лицу, получив от нового кредитора авансированную сумму, то очевидно, этот новый кредитор не может упла-

тить всю сумму, обозначенную на векселе. Он должен вычесть те проценты, которые ему причитаются за время до наступления срока, т.-е. произвести операцию, называемую *дисконтом* или *учетом*. Владелец ценной бумаги, акции, облигации, закладного листа получает, как мы видели, проценты (или дивиденд) не в момент заключения займа, а позднее, в определенное время. Если владелец облигации желает передать свое право другому лицу, то он должен передать новому кредитору лишь самую облигацию с текущим купоном. Кроме того, ценные бумаги, как мы увидим позже, переходят из рук в руки не по номинальной их цене, а по рыночной, называемой их *курсом*. Переход ценных бумаг принимает, таким образом, форму обычной продажи. Впрочем, различие между учетом и продажей не всегда проводится достаточно строго. Часто говорят о покупке и продаже векселей, в особенности в сфере обращения международных векселей. Иногда можно говорить и об учете облигаций, как, напр., в том случае, когда облигация продается без текущего купона.

Третьей формой обращения кредитных документов, как было сказано, является залог. Залог применяется, как по отношению к документам индивидуального типа, векселям, так и по отношению к документам родовым, акциям, облигациям, закладным листам.

Во всех трех случаях перехода кредитных документов от одних лиц к другим этот переход совершается так как если бы объектом его служила подлинная реальная ценность. Способы перехода чрезвычайно упрощены. Вексель, как мы видели, переходит из рук в руки путем индоссамента, снабжения его на обороте переуступочной надписью. Облигация и акция покупаются и продаются так, как продается всякий другой товар, фунт сахара, кусок мыла. Лишь в тех случаях, когда эти документы являются именными, а не предъявительскими, их переход связан с некоторыми формальностями. Наконец, залог векселей и ценных бумаг и получение ссуды под них мало чем отличается от залога товаров и других движимых вещей. В то же время залог кредитных документов сливается в обороте с залогом доку-

ментов, которые не могут быть относимы к разряду кредитных. Так, коммерческие банки сплошь и рядом проводят по одной статье и на одинаковых основаниях выдачу ссуд под обеспечение векселями, бесспорно кредитными документами и под обеспечение складочными товарными свидетельствами или коносаментами, т.-е. документами, которые кредитными не являются. Все это придает кредитным документам характер вещи, ценности самой по себе.

Такое представление о кредитных документах, как о вещи с самостоятельной ценностью, представление, отчасти культивируемое теми юридическими нормами, которыми обставлено в капиталистическом хозяйстве их обращение, неприемлемо, однако, для экономиста. Те экономические теории, которые рассматривают эти кредитные документы, как самостоятельную ценность (этим грешит в особенности теория Маклеода), должны быть признаны ошибочными. Это представление скрывает истинную экономическую природу кредитных документов, как обязательств, сопровождающих переход ссудных капиталов в чужие предприятия. Оно скрывает кредитную природу этих документов и истинное значение перехода их из рук в руки. А значение этого перехода заключается в том, что оно производит дальнейшее движение ссудных капиталов из предприятия в предприятие. Если А дал Б 10.000 рублей в ссуду на 6 месяцев и получил от него вексель на этот срок, если затем спустя 2 месяца А переучел этот вексель у В, то это означает, что сначала в течение 2-х месяцев в предприятии Б обращался капитал А, а затем А взял свой капитал обратно из чужого для него предприятия Б, в которое взамен этого вступил для обращения капитал В. Если А вместо того, чтобы дать свои деньги в ссуду против векселя, приобрел у государства его долгосрочные обязательства на те же 10.000 рублей, а затем спустя 2 месяца продал эти облигации В, то это означает, что в течение 2 месяцев в предприятиях государства обращался капитал А, а затем спустя 2 месяца А взял свой капитал обратно, а вместо того в предприятие государства вступил капитал, принадлежащий В. Если, наконец, А, учтя вексель Б на 10.000 р. или купив облигаций государства на ту же сумму,

через 2 месяца пожелал бы взять из чужого предприятия не весь свой капитал, а только половину, если бы он явился в банк и взял бы ссуду под вексель Б или облигации государства в 5.000 рублей, то это означало бы, что с этого момента в предприятии Б или предприятиях государства станет обращаться капитал на 5.000 рублей, принадлежащий А, и капитал на 5.000 рублей принадлежащий банку. Словом, *обращение кредитных документов есть обратная сторона обращения ссудных капиталов*. Переход кредитных документов из рук в руки означает изъятие из чужих предприятий ссудных капиталов, принадлежащих одним лицам, и вступление туда ссудных капиталов, принадлежащих другим. Обращение кредитных документов, с экономической точки зрения, должно поэтому рассматриваться, как явление кредита, хотя бы оно формально и выступало, как купля — продажа, или залог самостоятельных ценностей.

Литература к главе VI.

1. *Р. Гильфердинг.* Финансовый капитал. Гл. 7, 8 и 14.

2. *Н. Ленин.* Империализм, как новейший этап капитализма. 2-е изд. М. 1919.

3 *R. Liefmann.* Beteiligungs und Finanzierungsgesellschaften. 2-te Aufl. Jena. 1913.

4. *O. Jeidels.* Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie. 2-te Aufl. 1913.

5. *Н. Ванаг.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М. 1925.

6. *Г. Д. Маклеод.* Основания политической экономии. П. 1865. Гл. III, отд. I.

ГЛАВА VII.

Организация денежного рынка. Банки и их операции.

§ 1. Банки и биржа, как посредники на денежном рынке. — § 2. Классификация кредитных учреждений. — Группировка кредитных учреждений по их задачам.—Группировка по формально-организационному признаку.—§ 3. Эмиссионные и коммерческие банки, как основные кредитные учреждения. — § 4. Операции коммерческого банка. — § 5. Пассивные операции. — Собственные капиталы. — Вклады и текущие счета. — Чековая система. — Рассчетные палаты. — Переучет и перезалог. — Корреспонденты. — Акцепты. § 6. Активные операции. — Три группы активных операций. — Вексельные операции. — Учет векселей. — Специальный текущий счет под векселя (on-call). — Экономическая сущность вексельной операции. — Товарный вексель и его истинное значение. — Товарные операции — Операции с ценными бумагами. — Их связь с биржевой игрой. — Их экономическая сущность. — Другие активные операции. — § 7. Комиссионные операции. — Переводная операция. — Инкассовая операция. — Товарные аккредитивы. — Покупка и продажа ценных бумаг. — Эмиссия ценных бумаг. — Проблема „регулярных“ и „иррегулярных“ операций банков. — Комиссионная покупка и продажа товаров. — Покупка и продажа драгоценных металлов и иностранной валюты. — Торговля иностранными девизами. — Другие комиссионные операции. — § 8. Операции эмиссионных банков. — Выпуск банкнот. — Металлический фонд. — Казначейско-кассовые операции. — § 9. Прибыли банков. — Процент. — Комиссия. — Другие источники прибыли. — Прибыль эмиссионного банка.

§ 1. Приток ссудных капиталов на денежный рынок и распределение их по различным предприятиям осуществляется с помощью специальных посредников. Участие посредников в деятельности денежного рынка вызывается тем же обстоятельством, что и их участие на всяких других

рынках: с одной стороны, большим разнообразием вкусов и потребностей лиц, предлагающих товар, и таким же разнообразием вкусов и потребностей лиц, спрашивающих тот же товар, а с другой стороны — постоянной разобщенностью спроса и предложения. Лица, имеющие свободный капитал, не могут знать всех тех лиц, которые склонны взять этот капитал для применения в своих предприятиях. Контрагенты могут жить в разных городах, в разных странах. Но поскольку они и знают друг друга, непосредственная передача ссудных капиталов одними контрагентами другим была бы затруднена. Каждый кредитор имеет определенную сумму капитала, желает отдать ее на определенный срок, под определенное обеспечение, за определенный процент. Он должен выбрать среди многочисленных соискателей ссудных капиталов предпринимателя, потребности и пожелания которого вполне совпали бы с его потребностями и пожеланиями. Такие непосредственные встречи заемщиков с кредиторами могут, однако, иметь место лишь в ограниченных пределах. Широкое развитие кредита при таких условиях было бы невозможно. Оно осуществляется при помощи организации посредничества.

Посредническую функцию на денежном рынке исполняют *биржа* и *банки*. Банки играют на денежном рынке ту же роль, что торговцы на всяком другом рынке. Они берут, „покупают" ссудные капиталы у тех, кто их предлагает, и отдают, „продают" их тем, которые их спрашивают. В этом смысле *банки „торгуют" ссудными капиталами*. Как всякие торговцы, они берут „товар" от продавцов в те моменты, в тех количествах и на тех условиях, какие этим продавцам подходят, и передают его покупателям в другие моменты, другими количествами и на других условиях, соответствующих вкусам и потребностям этих покупателей. Как всякие торговцы, банки стремятся купить дешево и продать дорого, т.-е. получить ссудные капиталы за возможно более низкий процент и поместить их из более высокого процента. Как и у всяких торговцев, у них прибыль составляется из разницы между продажной и покупной ценой, между процентом, который они получают от заемщиков и процентом, который они платят кредиторам.

Биржа представляет собою параллельную с банками организацию посредничества по размещению ссудных капиталов, организацию, которая стремится облегчить встречу кредиторов с заемщиками, согласовать их пожелания, облегчить им заключение сделок, путем устройства собраний в специальном помещении, установления ряда специальных правил („узансов") по торговле ссудными капиталами и, как разновидностью их, ценными бумагами, путем публикования цен на все эти предметы торговли. Биржа имеет своих агентов, посредников-маклеров, которые облегчают встречу заемщиков с кредиторами и помогают осуществлению кредитных сделок.

Формально банки, как мы покажем далее, составляют, собственно, лишь часть биржевой организации. Они являются членами биржи, на ряду с другими представителями торговли и промышленности. Они выступают на бирже со спросом и предложением ссудных капиталов и кредитных документов, которые вливаются в общий спрос и предложение. Они являются посредниками на бирже на ряду с прочими посредниками. Они, наконец, руководствуются в своей деятельности по торговле ссудными капиталами и кредитными документами теми правилами, которые биржа устанавливает для всего денежно-кредитного оборота. Словом, в общей структуре аппарата денежного рынка банки логически играют как бы подчиненную роль по отношению к бирже, составляют как бы ее агентов. Так оно и было на практике в старое время в 16—17 в.в., когда создались первые мировые биржи, и когда банковый промысел не был слишком концентрирован, а банковые операции производил по преимуществу частный банкир. Банкир был тогда, действительно, одним из агентов биржи, хотя, быть может, наиболее сильный и „почтенный" ее агент, целиком опиравшийся в своей деятельности на биржевую организацию. Но в 19-м веке, по мере того, как банковое дело стало концентрироваться и сосредоточиваться в руках небольшого числа крупных банков, организованных в акционерные компании, по мере того, как стал сходить со сцены частный банкир, взаимоотношения банков и биржи изменились. Из а ентов биржи банки превратились в ее фактических хозяев. Роль биржи

стала бледнеть перед ролью банков. Крупные банки стали обходиться в своей деятельности без биржи. Они обзавелись своими маклерами, сосредоточили вокруг себя большую, тесно связанную с ними клиентуру, стали производить крупнейшие посреднические операции по торговле ценными бумагами у себя в своих помещениях. Каждый крупный банк стал самостоятельной биржей. Роль биржи, как центра посредничества по спросу и предложению ссудных капиталов, заметно стушевалась. За биржей сохранились по преимуществу формальные функции: установление курсов (котировка), арбитраж и т. п.

Мы остановимся в дальнейшем на организации биржевого аппарата. Сейчас же перейдем к рассмотрению деятельности банков. В ближайших главах мы будем говорить, главным образом, о деятельности банков в капиталистических странах и о старых русских банках, действовавших до национализации банков, происшедшей в 1917 г. О новых кредитных учреждениях, возникших в СССР с 1921 г., мы будем говорить особо в специальной главе.

§ 2. Для того, чтобы охарактеризовать деятельность банков и ту роль, которую они играют на денежном рынке, необходимо раньше всего установить *классификацию* кредитных учреждений, выяснить, какие существуют *типы банков*. Есть несколько признаков, по которым принято отличать один вид банков от другого. Так, их различают по способу, каким они привлекают средства, по операциям, которые являются у них преобладающими, по срокам, на которые они выдают ссуды, по обеспечению, которое они берут от заемщиков и т. д., словом, по всем тем экономическим и формально-техническим моментам, которые отличают один вид кредита от другого. Но класть в основу классификации слишком много признаков — это значит запутывать классификацию. Кроме того, не все из перечисленных признаков являются одинаково существенными и характерными. Вот почему я считаю правильным выдвинуть два наиболее существенных признака и по ним попытаться построить классификацию банков, или, шире говоря, кредитных предприятий. (Не все виды кредитных предприятий,

занимающихся посредничеством по спросу и предложению ссудных капиталов, принято называть „банками“. Они все объединяются более широким понятием „кредитных учреждений“). Такими наиболее существенными признаками я считаю, во-первых, хозяйственный признак, а именно задачу, — в более узком смысле слова, — которую преследует тот или иной банк, ту сферу хозяйства, которую он обслуживает, и, во-вторых, *формально-организационный* признак, а именно, самый способ организации кредитного предприятия. В частности, первый признак относится больше к области *активных* операций банков, операций по распределению ссудных капиталов, а второй больше к области *пассивных* операций, операций по собиранию капиталов.

По задачам, которые преследуют кредитные учреждения, по сфере хозяйства, которая ими обслуживается, они могут быть разделены на следующие 8 разрядов:

I. Эмиссионные,

II. Коммерческие (торгово-промышленные; их называют также „кредитными“, „депозитными“ банками, или „банками краткосрочного кредита“):

а) общие,
б) специальные (учетно-ссудные, валютные, финансово-индустриальные, товарные).

III. Ипотечные,

а) земельные,
б) строительные (городские).

IV. Мелиоративные,

V. Муниципальные,

VI. Кооперативные,

VII. Мелкого кредита,

а) сельскохозяйственного,
б) кустарного,
в) ремесленного,
г) общего (ломбарды).

VIII. Потребительского кредита (продовольственного).

Нам не приходится останавливаться на определении каждого из этих типов, ибо они, в общем, соответствуют тем видам кредита, о которых мы говорили на предыдущих страницах. Укажем лишь, что к числу *эмиссионных банков* относятся банки, которые выпускают свои банковые билеты. В большинстве стран, как мы увидим дальше, дело выпуска банкнот сосредоточено в руках одного или нескольких банков, являющихся, таким образом, центральными банками. Банковые билеты, выпускаемые эмиссионными банками, исполняют роль денежных знаков, и деятельность эмиссионных банков, таким образом, с одной стороны, соприкасается со сферой денежного обращения. Одной из основных задач эмиссионных банков является поэтому регулирование денежного обращения. Этим эмиссионные банки отличаются от других видов банков, в задачи которых вопросы денежного обращения не входят, хотя, как мы увидим дальше, в последнее время и коммерческие банки весьма близко соприкасаются со сферой денежного обращения. Отличаясь от других кредитных учреждений своим правом выпуска банкнот, эмиссионные банки в остальной своей деятельности принадлежат к тому же типу кредитных учреждений, что и банки коммерческие, занимаясь предоставлением кредита крупному торгово-промышленному обороту, и практикуя те же операции, что и коммерческие банки.

Далее мы должны отметить, что под *муниципальными* кредитными учреждениями мы понимаем здесь такие учреждения, которые ставят себе задачей снабжать ссудными капиталами города, коммуны и вообще органы местного хозяйства, а под кооперативными — такие, которые заняты специально снабжением средствами кооперативов. Мы отнесли к учреждениям мелкого кредита ломбарды, т.-е. те кредитные учреждения, которые выдают ссуды под залог вещей, ибо, как мы увидим дальше, их главная роль — в обслуживании мелкого производителя. Но так как ломбарды отчасти снабжают средствами и потребителей, то их можно было бы при желании отнести к учреждениям потребительского кредита. Наконец, нам следует упомянуть особо, если угодно, как 9-й тип кредитных учреждений, „сберегательные кассы“,

которые не вполне укладываются в только что приведенную схему, так как они снабжают средствами и государство, и муниципальные учреждения, и частные предприятия, но составляют особый хозяйственный тип банков, поскольку они привлекают свободные средства мелких капиталистов.

По *формально-организационному* признаку, или, говоря иначе, по тому, как составился основной капитал предприятия и кто является его хозяином, можно также различать 8 типов кредитных учреждений, а именно:

I. Государственные,
II. Коммунальные (городские, земские, волостные),
III. Сословные и профессиональные,
IV. Взаимные,
V. Кооперативные,
VI. Акционерные,
VII. Единоличные,
VIII. Благотворительные.

Подробное определение каждого из этих типов не требуется. Оно заключается уже в их названии. Укажем лишь, что под государственными кредитными учреждениями надо понимать не только те, которые действуют исключительно на средства государства и ему же отдают всю свою прибыль, как, напр., наш Государственный банк, но и те, в управлении которыми государство принимает активное участие, как старый германский Рейхсбанк и т. п. Под „взаимными“ кредитными учреждениями надо понимать те, которые организованы на началах взаимного ручательства группы лиц, хозяев предприятия. К благотворительным мы относим кредитные предприятия, основной капитал которых составился из пожертвований, и которые преследуют в своей деятельности не извлечение прибыли, а снабжение дешевыми ссудными капиталами мелких предпринимателей.

Намеченные две группировки кредитных учреждений, группировка по задачам, которые они себе ставят, и по принципам, на которых они организованы, комбинируются одна с другой. Так, учреждения коммерческого кредита бывают государственные, коммунальные, взаимные, коопера-

тивные, акционерные, единоличные учреждения; мелкого кредита знают также государственную, коммунальную, кооперативную, сословную, благотворительную форму. Ломбарды бывают государственные, коммунальные, акционерные, и т. д. Комбинация двух группировок и дает в результате *систему* кредитных учреждений, ряд типов отдельных банков. Если включить в эту классификацию все виды кредитных учреждений, которые имеются в разных странах, то мы насчитали бы, вероятно, не менее 100 отдельных видов предприятий. Что касается России, то мы насчитали 52 отдельных типа банков и других кредитных учреждений, которые функционировали здесь до октябрьской революции 1917 г.

§ 3. В современном хозяйстве как за границей, так и в СССР центральное место в кредитной системе занимают два типа банков: *эмиссионные банки* и (*акционерные*) *коммерческие банки*. (Последние называются в Германии: „Kreditbanken", или „Depositenbanken", в Англии: „Joint Stock Banks"). Это не значит, что эмиссионные и коммерческие банки по размеру своих операций всегда бывают больше, чем банки других типов. Иногда может быть и обратное соотношение. Так, например, в России до революции отдельные ипотечные банки были крупнее по своим операциям, чем многие коммерческие банки, а накануне войны во всей системе русского ипотечного кредита было завязано больше ссудных капиталов, чем в системе акционерных коммерческих банков. Тем не менее эмиссионные и коммерческие банки все же стоят в центре денежного рынка, и такое же центральное положение занимали старый русский Государственный банк и бывшие акционерные коммерческие банки. Это объясняется в значительной степени тем, что ипотечные банки, как и некоторые другие типы кредитных учреждений, являются *специальными* банками Они имеют особые специальные задачи и производят специальные операции. Ипотечные банки сами нуждаются в услугах коммерческих банков для размещения своих закладных листов, и система ипотечного кредита оказывается обыкновенно в зависимости от коммерческих банков так же, как

в зависимости от них оказывается другие предприятия, как, напр., система железнодорожных предприятий. Роль эмиссионных и коммерческих банков на денежном рынке, как мы это увидим дальше, определяется не размерами их капиталов и операций, а их центральным положением, их способностью привлекать к себе в первую очередь, ссудные капиталы путем выпуска банкнот и аккумуляции вкладов.

Эмиссионные и *коммерческие банки,* — а в последнее время, по мере того, как эмиссионные банки также превращаются в особый вид „специальных" банков — только коммерческие банки (преимущественно акционерного типа) и *являются собственно банками в настоящем смысле этого слова.* Все прочие виды банков являются специальными кредитными учреждениями. Когда говорят о банках, вообще, обыкновенно имеют в виду коммерческие банки. В то же время *теория банкового кредита*, на которой мы остановимся в дальнейшем, есть также теория кредита эмиссионных и коммерческих банков.

В виду той роли, которую играют эмиссионные и коммерческие банки в кредитной системе, мы сосредоточим сейчас главное наше внимание на изучении этих кредитных учреждений, а работы других типов банков коснемся в одной из последующих глав.

§ 4. Как мы установили, банк выполняет на денежном рынке функцию посредника в кредите. Он сосредоточивает, аккумулирует ссудные капиталы, которые ищут временного помещения в чужих предприятиях, и эти аккумулированные ссудные капиталы направляет в те предприятия, которые в них в данный момент нуждаются. Банк выступает, таким образом, одновременно в качестве заемщика по отношению к владельцам ссудных капиталов и в качестве кредитора по отношению к тем предпринимателям, которым он эти капиталы передает.

Чтобы понять истинную природу банка, необходимо раньше всего уяснить себе, *как* выполняет банк указанную выше функцию. Иначе говоря, необходимо уяснить себе, каковы те *операции*, которые производит банк. Мы остановимся поэтому на *операциях коммерческого банка.*

Но, приступая к рассмотрению основных операций банка, я должен, однако, оговориться, что не имею в виду давать исчерпывающий обзор этих операций, и тем менее вдаваться в технические подробности, так как это должно служить предметом особого изучения. Я остановлюсь на банковских операциях лишь постольку, поскольку это необходимо для уяснения природы банковского кредита в целом, и постараюсь, главным образом, вскрыть экономическую сущность этих операций.

Для того, чтобы иллюстрировать значение тех отдельных операций, о которых мы будем говорить, приведем для примера баланс, или состояние счетов одного из бывших русских акционерных коммерческих банков.

Состояние счетов Волжско-Камского Коммерческого банка на 1 янв. 1913 г. (в тыс. рублей).

А К Т И В.

1. Касса		8.343
2. Тек. счета.	в Государственном банке	7.927
	В частных кредитных учреждениях	411
3. Итог кассы и текущих счетов		16.681
4. Ценные бумаги		18.668
5. Тратты и векселя на загран. места		183
6. Горн. ассигн. золотом и серебром		—
7. Учет.	Векселя с 2-мя и более подписями	135.222
	Проч. учетн. операции	3.654
8. Ссуды под залог.	Ценных бумаг	5.238
	Товаров, тов. докум. и пр.	1.345
9. Спец. тек. счета обеспеч.	Ценными бумагами	92.949
	Векселями, товарами и пр.	31.079
10. Корресп. Loro.	Кредит., обеспеч. ценн. бумаг.	3.345
	Товарами и товарн. док.	612
	Векселями и торг. обяз.	7.557
	Бланковый кредит	2.223
11. Корресп. Nostro.	Свободн. суммы банка	2.973
	Векселя у корреспонд.	10.124
12. Протест векселей		1.218
13. Текущие расходы		3.295
14. Недвижимое имущество		4.534
15. Счета с Правлениями и Отделен.		27.312
16. Векселя и товары на комиссии		27.967
17. Переходящие суммы и др.		7.066

П А С С И В.

1. Основной капитал			18.000
2. Запасный капитал			13.000
3. Прочие капиталы			7.921
4. Вклады.		На текущий счет	167.713
		Бессрочные	4.359
		Срочные	70.786
5. Переучет и перезалог			7.366
6. Корресп.	Loro.	Свобод. суммы в распор. К-ов	28.463
		Векселя на комиссии	33.066
	Nostro.	Суммы, остающиеся за банком.	236
7. Получ. %% и комиссия			9.675
8. Счета с Правлен. и Отделениями			34.606
9. Акцепт. тратты и перев. к оплате			—
10. %% подл. уплате по вкладам			4.340
11. Остатки от прежних лет			—
12. Переходящие суммы и др. пассивы			3.784
13. Итого прочие пассивы			—
		Баланс	403.345
Ценности на хранении			19.109

§ 5. Операции коммерческаго банка делятся на *пассивные* и *активные*. К пассивным относятся операции по привлечению средств, к активным — операции по их размещению. На ряду с этим банки производят третий вид операций, *комиссионные*, такие посреднические операции, которые по своей природе не должны обязательно вызывать затрату капиталов со стороны банка или прилива к нему средств. В тех же случаях, которые, впрочем, преобладают, когда комиссионные операции связаны с движением ссудных капиталов, они могут быть как активными, так и пассивными. Одни комиссионные операции (напр., переводы) вызывают временный прилив в банки свободных средств, другие (напр., комиссионная продажа ценных бумаг) связаны для банков, наоборот, с временным помещением капиталов в предприятиях клиентов.

Остановимся сначала на изучении *пассивных* операций коммерческих банков, тех операций, при помощи которых банк привлекает средства. Сюда относятся следующие главнейшие операции:

1) *Собственные капиталы*. В составе тех средств, которыми оперируют банки, известное место занимают

собственные капиталы. К ним относится раньше всего *основной акционерный капитал*, образующийся из тех взносов, которые делают акционеры при учреждении банка, и пополняемый затем путем дальнейшего выпуска акций и привлечения в дело новых капиталов, и новых „хозяев-акционеров". Затем, к собственным капиталам банка относятся *запасные* или резервные капиталы. Резервные капиталы образуются из ежегодных отчислений от прибылей банка. Но иногда в резервный капитал зачисляются курсовые разницы, получающиеся от продажи на бирже новых выпусков акций. Формально собственные капиталы банка представляют собою основной фонд предприятия, тот базис, на котором зиждется прочность банка. Они должны гарантировать от убытков тех лиц, которые вручают банку свои капиталы для помещения их в чужих предприятиях. Закон, регулирующий деятельность коммерческих банков, заботится о том, чтобы эти капиталы имелись в значительном количестве. Так, уставы бывших русских акционерных банков предусматривали, чтобы сумма вкладов, которые банки принимали от посторонних лиц, не превышала более чем в 5 раз их основные и запасные капиталы (в уставах некоторых банков была предусмотрена другая пропорция, а именно, требовалось, чтобы сумма всех обязательств банка не превышала более, чем в 10 раз собственные капиталы). По мере роста чужих капиталов в составе пассива, по мере прилива вкладов, банки оказываются вынужденными „выравнивать фронт" своих основных капиталов, приводить их в соответствие с установленной пропорцией. Для этой цели они выпускают новые акции, привлекают новые акционерные капиталы, хотя для старых акционеров это увеличение акционерных капиталов не всегда выгодно по следующей причине. Такое увеличение приводит к необходимости делить прибыль банка между большим числом акционеров, а так как прибыль составляется из торговли „чужими" деньгами, то при прочих равных условиях рост акционерного капитала может привести к уменьшению доли прибыли, приходящейся на каждую акцию, или дивиденда.

Надо, впрочем, сказать, что на самом деле роль собственных капиталов коммерческих банков вовсе не так значительна, как это вытекает из формальных требований уставов и они служат слабым резервом. Вливаясь в общую массу тех средств, которыми оперируют коммерческие банки, собственные капиталы подвергаются тем же рискам, что и „чужие деньги“. В случаях неосторожных операций банков, их убытки, как это показал опыт многочисленных крахов, часто составляют сумму, в несколько раз превышающую их собственные капиталы, и потери распространяются не только на акционеров, но и на вкладчиков. Кроме того, надо иметь в виду, что при той роли, которую играют крупные банки в современном хозяйстве, банковые крахи опасны не только тем, что их вкладчики или акционеры несут известные потери, а тем, что они вносят расстройство в положение многочисленных предприятий, связанных с данным банком, и тем могут привести к общему кризису. От этого не может спасти то, что в составе средств, размещенных банком в чужих предприятиях, часть относится к его собственным капиталам. Наконец, для оценки того значения, которое имеют собственные капиталы в составе пассивных операций акционерных коммерческих банков, необходимо иметь в виду еще следующее обстоятельство. Акционерные банки являются не только банками, но и акционерными предприятиями. К ним относятся все те положения, которые мы высказывали выше о характере современных крупных акционерных компаний, и об отношениях, которые в них устанавливаются между акционером и предприятием. И в акционерных коммерческих банках существует деление акционеров на активных и пассивных. И здесь для громадного большинства акционеров банк является не своим, а „чужим“ предприятием, а помещение капитала в акции является видом кредита, передачей капитала чужому предприятию. И здесь руководство делом сосредоточено в руках незначительных групп, обладающих небольшим количеством акций. Между акционером банка и его вкладчиком оказывается, таким образом, не столь большая разница, как это может казаться с первого взгляда. Для той небольшой

группы акционеров, которые являются хозяевами банка, привлечение средств в банк при помощи увеличения акционерного капитала может явиться сплошь и рядом формой привлечения „чужих“ денег, на ряду с привлечением вкладов. Хозяйственное значение „собственных“ капиталов в пассиве банка не столь велико, как это вытекает из уставов. Значительная их часть вместе с вкладами и некоторыми другими статьями составляет „чужие деньги“. Прочность банка зависит не от размеров его основного капитала, а от характера его активных операций. Впрочем, поскольку широкая публика, которая и создает настроение рынка, слабо разбирается в назначении и смысле основных капиталов, и всегда находится под гипнозом больших цифр, рост „собственных“ капиталов широко используется банками в рекламных целях. Путем больших цифр своих основных капиталов банки стараются убедить публику в своей невероятной „прочности“. А поскольку публика верит в прочность банка, основывает на этом свои хозяйственные расчеты, и работает так, как если бы банки на самом деле обладали абсолютной несокрушимостью, рост собственных капиталов банков может действительно, иметь известное хозяйственное значение.

2) *Вклады* и *текущие счета*. Главной пассивной операцией коммерческого банка является операция по привлечению *вкладов*. Из вкладов, называемых иначе *депозитами*, составляются главные массы тех средств, которыми оперируют коммерческие банки. Вклады, в отличие от акционерного и резервного капиталов, рассматриваются как „чужие деньги“.

Вклады, или депозиты, в широком смысле слова, делятся на: а) вклады срочные, б) вклады бессрочные и в) вклады на текущие счета, или, как их обыкновенно называют, просто „текущие счета“. Текущие счета, в свою очередь, делятся на: а) простые и б) условные. *Срочным вкладом* называется такой вклад, который клиент вносит в банк на определенный срок из обусловленного процента. Вкладчик может получить вклад обратно только полностью по наступлению срока. Банки допускают выдачу срочных

вкладов и ранее наступления срока, но в этом случае они уплачивают вкладчику пониженный процент. *Бессрочный* вклад отличается от срочного тем, что вкладчик сохраняет за собою право истребовать его в любое время, но и бессрочный вклад обычно возвращается полностью. Вклады *на текущие счета* представляют собою такой вид бессрочнаго вклада, при котором вкладчик может в любое время потребовать из банка по своему усмотрению либо весь вклад полностью, либо часть его, а с другой стороны, может в любое время увеличивать свой вклад дополнительными взносами. По операции текущих счетов банк платит клиенту обусловленные проценты не за определенную заранее установленную сумму, а за ту сумму, которая фактически в данный день находится в его распоряжении. Банк ведет у себя счета вкладчиков, списывает те суммы, которые они берут, и записывает на их счет суммы, которые они вносят, начисляя им ежедневно проценты за тот фактический остаток, который в течение данного дня был в распоряжении банка. *Под условными текущими счетами* понимаются такие счета, которые обставлены разными дополнительными условиями в отношении получения денег, чаще всего условием о том, что вкладчик должен предупредить банк за 5—7 дней о своем намерении истребовать какую-либо сумму.

Вклады на текущие счета представляют для вкладчика ряд удобств по сравнению со срочными вкладами. Он может брать деньги из своего вклада частями и в любое время, не теряя при этом процентов на остающейся в банке части его вклада. В соответствии с этим для банка более выгодно получение вклада на определенный срок. Эти различия компенсируются разницей процентных ставок, и по срочным вкладам банк платит обыкновенно более высокий процент, чем по текущим счетам.

Операция текущих счетов связана с *чековой операцией*. Лица, имеющие в банках вклады на текущих счетах, могут получать нужные им суммы, выписывая специальные приказы. Такие приказы, выписываемые в определенной форме на особых бланках, получаемых вкладчиком

от банка, называются *чеками* [1]). Чеки выписываются на предъявителя и банк уплачивает истребуемую сумму тому лицу, которое предъявляет ему чек. Благодаря этому чеки становятся орудием денежного обращения [2]). Если какое-либо лицо А должно уплатить Б 10.000 рублей из суммы, находящейся у него на текущем счету в банке, он, в случае согласия на то Б, вручает ему приказ на банк, или чек, на 10.000, по которому Б уже сам получает следуемую сумму. Б мало выигрывает от этой операции, если он сам не имеет текущего счета в банке, а эти 10.000 рублей ему нужны для расплаты с лицами, которые потребуют от него наличные деньги. Ему в этом случае пришлось бы самому отправиться в банк за деньгами. Он сделал бы это вместо плательщика А, только, быть может, несколько позже. Чек в данном случае лишь на некоторое время отсрочил бы вступление в оборот денежных знаков. Но если Б имеет также текущий счет в том же банке, если ему получаемые от А 10.000 рублей в данное время не нужны, то чек целиком заменяет собою деньги. Без чека операция должна была развернуться следующим образом. А должен был бы отправиться в банк утром, до прихода к нему Б, и получить там со своего счета 10.000 рублей. Б, получив днем от А эти 10.000 рублей, должен был бы вечером внести их в тот же банк на свой счет. При посредстве чека та же операция завершается иначе. А вручает Б чек на

---

[1]) Текст чека обыкновенно гласит так:

Р. 10.000

„Текущий счет № . . .

Фамилия, имя и отчество вкладчика.

Дата выписки чека.

Название банка.

Прошу уплатить предъявителю сего десять тысяч рублей .... и списать таковую сумму с моего текущего счета.

Подпись вкладчика.

№ чека.

Чек признается действительным в течение пяти (десяти) дней со дня выдачи".

[2]) Подробнее о чеках, как орудии обращения, см. в первой части книги.

10.000 рублей. Б вносит его в банк на свой текущий счет, то-есть, предъявляя его банку, просит взять со счета А и положить на его — Б — счет 10.000 рублей. Результат в конце дня в том и другом случае окажется один и тот же. Кассовая наличность банка останется такой же, какой она была утром до прихода А, или до выписки чека. Остаток счета А в банке уменьшится на 10.000, а остаток счета Б увеличится на те же 10.000. Но в первом случае *в течение дня* будут гулять на 10.000 рублей денежные знаки, переходя из кассы банка в бумажник А, из бумажника А в бумажник Б и из бумажника Б обратно в кассу банка. Во втором случае расчет между А и Б закончится без всякого участия денег, путем обращения чека и списания известной суммы со счета на счет в книгах банка. Чек в этом последнем случае выполнил *зачетную* функцию, фигурировал в качестве денежного суррогата, заменил собою другие сорта денег. Чек, в известных случаях, выступает, таким образом, в роли денег, а зачетная его деятельность дает возможность банку держать у себя в кассе соответственно меньшую наличность и использовать в виде ссудных капиталов соответственно большую часть из поступающих к нему вкладов.

В нашем примере чек мог выполнить свою зачетную функцию и заменить собою деньги в виду того, что Б имел текущий счет в том же банке, что и А. Представим себе, однако, такой случай, что Б имеет счет в другом банке. Ему предстояло бы тогда явиться с чеком в банк А, получить там деньги и внести их на свой счет в свой банк. Деньги в этом случае все же циркулировали бы в обороте некоторое время. Зачетная функция чека не осуществилась бы на том. Это затруднение в современном денежно-кредитном обороте устраняется путем организации *расчетных палат* („clearing-houses"). Все крупные банки каждого города заключают между собою соглашение о взаимном признании каждым из них чеков, выписанных на каждый другой банк. В нашем примере Б не должен получать в банке А деньги по его чеку, чтобы вносить их на свой счет. Он является с чеком А в свой банк, и если банк А состоит

в указанном соглашении с, его Б, банком, то этот последний принимает от него чек и записывает ему на счет 10.000 рублей, как если бы А имел счет в этом же банке. В результате этого взаимного признания обязательств или вернее приказов, в конце дня в портфеле каждого банка накопляется ряд чеков на все другие банки. Банки сходятся раз или два раза в день в расчетной палате, здесь предъявляют друг другу накопившиеся у них чеки и производят взаимный расчет. Вкладчики всех банков объединяются таким образом в один общий круг. Все расчеты между ними могут происходить при помощи чеков, без участия других денежных знаков.

Ограничиваясь здесь этим кратким анализом функции чека и роли расчетных палат, как вопросов, на которых мы останавливаемся более подробно в первой части книги, трактующей о денежном обращении, мы должны, однако, подчеркнуть следующее обстоятельство. В практике современных банков обращение чеков, основанное на системе расчетных палат, теснейшим образом связано с операцией текущих счетов. Однако, было бы неправильно считать, что текущие счета *логически* неотделимы от чекового обращения. Напротив, операция текущих счетов имеет вполне самостоятельное значение, совершенно независимо от чека. Она вполне может существовать без чекового обращения, как это и имело место, напр., в старых русских сберегательных кассах. Центр тяжести операции текущих счетов лежит в приливе к банкам временно свободных капиталов разных лиц и предприятий и в том числе, как мы выяснили в одной из предыдущих глав, в приливе *кассовых остатков* предприятий, для которых суммы на текущих счетах, как мы это подробнее покажем дальше, являются деньгами. Прилив этих кассовых остатков основан на обязательстве банков выплачивать внесенные суммы по первому требованию. Это обязательство банка, его готовность выплачивать деньги с текущих счетов по первому требованию, является, действительно, логической предпосылкой всей операции. Она и делает эту операцию возможной. Кассовые остатки никогда не могут понадобиться

предприятию целиком. Известная часть их всегда должна оставаться неприкосновенной. Отсюда вытекает уверенность банка в том, что вклады не могут у него быть востребованы сразу. Отсюда—и открывающаяся для него возможность использовать суммы, поступающие на текущие счета, как ссудные капиталы, пустить их в чужие предприятия, оставив у себя в кассе для удовлетворения текущих требований небольшую сумму. В этом—сущность операции текущего счета, ее экономический базис. По отношению к этому базису, чековое обращение не более, чем „надстройка". Употребление чека, возможность для предприятия использовать свои суммы на текущих счетах даже без посылки в банк своего кассира путем простого выписывания приказа, облегчает ведение кассы, дает предприятию возможность держать у себя в кассе еще несколько меньшую сумму, чем при отсутствии этого условия. Обращение чеков, система расчетных палат, дает возможность и банкам помещать в чужие предприятия несколько большую часть приливающих к ним ссудных капиталов, чем они это могли бы сделать при отсутствии чековой системы. Чек, таким образом, углубляет и расширяет возможности, связанные с системой текущего счета. В этом его экономическое значение.

Мы говорили о том, что банковские вклады делятся на срочные и текущие счета. Надо, однако, сказать, что в чужих капиталах, которыми оперируют коммерческие банки, срочные вклады занимают незначительное место, в то время как текущие счета являются главной статьей пассива. Достаточно, например, сказать, что по сводному (т.е. общему) балансу 50 бывших русских акционерных банков на 1 января 1916 г. при общей сумме пассива в 8.434 миллионов рублей, при собственных капиталах банков в 931 милл. р., сумма вкладов достигала 3.931 милл. р. При этом из последней суммы на срочные вклады приходилось 543 милл. р., на бессрочные—не в форме текущих счетов— 90 милл. р., а текущие счета—3.298 милл. р. Тоже соотношение мы можем в частности усмотреть из приведенного выше баланса б. Волжско-Камского банка на 1 января 1913 г.

В то время как суммы на текущих счетах достигали в этом банке к началу 1913 г.—168 милл. р., срочные вклады составляли лишь 71 милл. р., а бессрочные вклады 4 милл. р. Суммы на текущих счетах составляют, таким образом, главную часть тех капиталов, которыми оперируют коммерческие банки.

Мы выяснили выше экономическую природу операции текущего счета, ту предпосылку, которая лежит в основе принимаемого на себя банками обязательства, а именно обязательства о выплате поступающих на текущие счета сумм по первому требованию. Но составляя свой операционный капитал из бессрочных вкладов, банки с своей стороны дают ссуды на срок. Получая от вкладчика на текущий счет допустим 100.000 рублей, банк обязуется выплатить ему эти 100.000 рублей по первому требованию. Но когда банк затем передает эти 100.000 рублей в какое-либо предприятие, учитывая вексель сроком на 6 месяцев, он не связывает заемщика возвратом долга по первому требованию. Напротив, он на 6 месяцев отказывается от этого капитала. Между обязательством, которое банк на себя принимает по отношению к своему кредитору, и обязательством, которое он в свою очередь берет от своего заемщика, оказывается, таким образом, явное несоответствие. Из невинного посредника на денежном рынке банк превращается в посредника весьма своеобразного. Юрист должен был бы сказать, что банк выдает неосуществимое обязательство, а вместе с тем обязательство фиктивное. Но экономист должен подойти к этому несоответствию несколько иначе. Для экономиста должна быть ясна фикция текущего счета, но вместе с тем для экономиста должны быть ясны те моменты денежно-кредитного оборота, которые позволяют банкам принимать на себя такие обязательства. Каждый отдельный вкладчик может неожиданно истребовать свой вклад, но одновременное массовое истребование вкладов всеми вкладчиками мало вероятно. По отношению ко всей массе вкладчиков банк может принять обязательство о выдаче вкладов по первому требованию, в расчете, что в этой массе отдельные требования будут теряться.

Мы ограничимся пока этими соображениями о значении операции текущих счетов и вернемся к этому вопросу в дальнейшем в связи с анализом общей теории банкового кредита.

3) *Переучет и перезалог.* В составе капиталов, которыми оперируют коммерческие банки, дальнейшую крупную статью представляют суммы, полученные от *переучета и перезалога.* Приток капиталов в форме вкладов представляет собою постепенный процесс, подчиненный своим законам. Банк может иногда, путем повышения процентов, увеличить приток этих капиталов в его кассу. Но эта мера не всегда возможна. Между тем, иногда наступают моменты, когда банку сразу оказываются нужны крупные суммы для оплаты каких-либо срочных обязательств или для активных операций. Тогда банк прибегает к единовременному позаимствованию средств у какого-либо другого банка или кредитного учреждения. Чаще всего коммерческие банки обращаются за такими позаимствованиями к центральным эмиссионным банкам. У нас в России частные коммерческие банки до войны всегда бывали должны Государственному банку крупные суммы. Эти позаимствования делаются обыкновенно в форме переучета тех векселей, которые накопляются в портфеле данного банка, или перезалога находящихся у него в залоге процентных бумаг.

4) *Корреспонденты.* Корреспондентами банка обыкновенно называются другие банки или предприятия, с которыми банк состоит в постоянных деловых отношениях, основанных на взаимности услуг. Начало *взаимности услуг,* преимущественно по выполнению тех или иных банковских операций, отличает корреспондентов банка от его клиентов по активным или пассивным предприятиям. Чаще всего банки связаны корреспондентскими отношениями с другими банками, находящимися в других городах или за границей. Корреспонденты выдают друг на друга переводы, исполняют один за счет другого платежные поручения и т. д. Корреспондентские отношения приводят к тому, что у каждого банка в каждый данный момент имеются известные суммы, принадлежащие корреспондентам и им еще не упла-

ченные. Сюда относятся инкассо, переводы и т. д. Впредь до расчета эти суммы сливаются с прочими капиталами данного банка и служат для его активных операций. Нередко между корреспондентами существует соглашение о том, что на эти суммы не начисляются проценты, или что задолженность по счету может доходить до известного размера.

Надо, однако, иметь в виду, что в балансах банков на „корреспондентских“ счетах очень и очень часто скрываются суммы, которые к корреспондентским отношениям в том виде, как мы их охарактеризовали, никакого отношения не имеют. Корреспондентские счета—удобная статья для фиктивных записей и сокрытия того, чего нельзя показать в надлежащем месте. Больше всего это относится к активным корреспондентским счетам. Сплош и рядом банки скрывают на счетах „корреспондентов“ затраты на какие-либо сомнительные операции, участие в предприятиях и тому подобные помещения капитала, которые в себе ничего корреспондентского не заключают. Но и в пассиве на корреспондентские счета сплошь и рядом заносятся операции по позаимствованию средств одними банками у других. В частности в практике русских банков до войны очень большое место занимали постоянные позаимствования средств у заграничных „корреспондентов“, у заграничных, германских, австрийских, французских банков на короткие сроки в форме так-наз. „пансионов“, т.-е. под залог векселей и ценных бумаг. Это была операция по переучету и перезалогу, по привлечению иностранных капиталов в русские банки, а через них в русские предприятия. Но долг по этим „пансионам“ числился долгом „корреспондентам“, хотя эти „корреспонденты“ были на самом деле не столько корреспондентами, сколько кредиторами русских банков.

5) *Акценты.* В ряду пассивных операций коммерческих банков видное место занимает *акцептная операция.* Эту операцию практикуют преимущественно английские банки. В практике бывших русских коммерческих банков она почти не встречалась. Сущность ее сводится к следующему. По поручению клиента, которому открыт

акцептный кредит, обычно покупателя какого-либо товара, банк акцептует выставленный на него — банк — со стороны продавца вексель-тратту на определенную сумму, то-есть принимает на себя обязательство оплатить этот вексель в срок. Это значит, иными словами, что банк выдает свой вексель за купленный товар вместо своего клиента. Выдав этот вексель, акцептовав тратту, банк-акцептант записывает в своем активе долг за своим клиентом, который ко времени наступления срока обязан внести в банк соответствующую сумму на оплату тратты. Вместе с тем у банка-акцептанта в пассиве возникает долг по отношению к предприятию, выставившему на него тратту. Если банк, акцептовавший тратту, пользуется на данном рынке хорошим именем, то акцептованная тратта без всяких затруднений может затем быть учтена в любом банке, у которого имеются свободные деньги. Поэтому, продавцы товаров, в особенности в международной торговле, охотно соглашаются принимать в уплату за товары вместо наличных денег акцепты первоклассных банков, главным образом, английских. Английские банки и банкирские дома, акцепты которых принимаются в уплату за товары, получают благодаря этому возможность открывать кредиты своим клиентам, давая им свои акцепты, или подписи на векселях. Этим самым расширяется их способность открывать кредиты. Нетрудно, однако, видеть, что банк-акцептант не вкладывает в акцептную операцию наличных денег. Если, напр., русский трест купил у американской фирмы хлопок и заплатил ей акцептом какого-либо английского банка, то банк, который дал свой акцепт, не вложил своих средств в финансирование данной покупки хлопка. Финансирование операции по покупке хлопка в конечном счете произведет тотбанк, который учтет акцептованную тратту и выплатит деньги продавцу. Роль банка, акцептовавшего тратту, есть роль гарантирующего учреждения. Он принял на себя обязательство оплатить через 3 или через 6 месяцев вексель с тем, что деньги, необходимые на оплату этого векселя ему к тому времени доставит покупатель хлопка, в нашем примере, русский трест.

Из этих особенностей акцептной операции вытекает, что она является для банка двусторонней, т.-е. одновременно активной и пассивной. По каждому акцептованному векселю для банка-акцептанта возникает в пассиве долг по отношению к тому предприятию, которое выставило на него вексель, и в то же время у него в активе возникает на равную сумму право требования к тому клиенту, которому он открыл акцептный кредит, по поручению которого он акцептовал вексель, и который обязан к моменту наступления срока векселя внести банку сумму на его оплату. На балансе банка, обязательства его по акцептам должны поэтому всегда в точности совпадать с теми обязательствами, которые имеют по отношению к нему по акцептам его клиенты и которые записаны на активе.

О месте, которое занимает акцептная операция в пассиве английских банков, можно судить по следующим цифрам. У крупнейшего депозитного банка Англии „Midland Bank'a" обязательства „по акцептам и ангажементам за счет клиентов" составляли на 31 дек. 1924 г. — 39.203.319 фунтов стерл. (против них банк имел на то же число в активе в точности такую же сумму по статье „обязательства клиентов за акцепты и ангажементы" при сумме депозитов в 356 милл. ф. ст. [1]). У некоторых банкирских домов, специализировавшихся на акцептной операции, последняя играет относительно более крупную роль. Так, у банкирской фирмы „Baring Broth. & Co", акцепты достигали на 31 дек. 1924 г. — 8,9 милл. ф. ст., в то время, как вклады и текущие счета дали в распоряжение этого дома на то же число 20,3 милл. ф. ст. [2]).

Акцептная операция дает возможность английским банкам выступать в качестве посредников по кредиту по торговым операциям, которые производятся между различными странами, без помещения в этих операциях своих средств.

Акцептная операция — одна из тех, которая делает Англию мировым банкиром. Но нельзя упускать из виду,

---

[1]) См. „Report от directors and Balance—Sheet 31 Dec. 1924".

[2]) Цифры взяты из „Economist'a" от 9 мая 1925 г.

что акцептный кредит не представляет собою законченной кредитной операции. Для того, чтобы операция была закончена, акцептованный вексель должен еще быть учтен. Готовность продавцов товаров брать в платеж акцепты английских банков объясняется, как мы сказали, тем, что они их могут легко учесть. Базой для акцептной операции английских банков является в конечном счете лондонский денежный рынок, лондонские же банки, помещающие деньги в векселях, на которых имеется английский акцепт. Надо еще иметь в виду, что банки могут сами учесть те векселя, которые они акцептовали [1]).

§ 6. Переходя к рассмотрению отдельных *активных* операций банков, т.-е. тех операций, при помощи которых банки размещают сосредоточивающиеся у них ссудные капиталы, я должен раньше всего высказать, что с точки зрения их *экономической сущности* все активные операции правильнее всего разбить на 3 категории, а именно на:

а) вексельные,
б) товарные и
в) операции с ценными бумагами.

По некоторым техническим различиям, о которых будет речь ниже, каждая из указанных трех операций делится в свою очередь на 2 части.

В результате этой группировки мы получаем следующие 6 основных активных операций коммерческого банка:

1) учет векселей,
2) выдача ссуд под векселя,
3) срочные ссуды под товары,
4) ссуды под товары до востребования (on call),
5) покупка ценных бумаг за счет банка,
6) ссуды под ценные бумаги до востребования (on call),

на анализе которых мы и остановимся в первую очередь.

---

[1]) В этом случае одна и та же операция дважды отражается на балансе банка.

1) *Вексельные операции. Учет векселей.* Вексельные операции занимают обыкновенно главное место в активных операциях коммерческих банков. Они распадаются на 2 крупные операции: *учет векселей и ссуды под векселя до востребования* (*„on call“*).

Операция *учета векселей*, как известно, заключается в том, что банк выплачивает заемщику сумму векселя за вычетом процентов до срока. Обычно по операции учета векселей банк принимает от заемщика векселя не менее чем с 2 подписями и на срок не свыше 9 месяцев. Клиент может, таким образом, учесть в банке лишь вексель, полученный им от кого-либо другого, по которому векселедателем является другое лицо или предприятие, и по которому он—заемщик—является бланконадписателем. По производству учета векселя, банк записывает долг по данному учету за своим непосредственным заемщиком, которому он выдал деньги, за „предъявителем“ векселя. Однако, по наступлении срока банк, естественно, требует уплаты по векселю от того лица, которое обязано платить, т.-е. от векселедателя.

Если векселедатель оплатил вексель в срок, то банк больше ни в какие отношения со своим непосредственным заемщиком не вступает, и лишь списывает с него долг по своим книгам. Только в случае, если векселедатель не оплачивает векселя в срок, банк предъявляет требование о взносе суммы к своему заемщику.

Из сказанного видно, что при правильном ходе операции, отношения банка и предъявителя векселя заканчиваются в момент учета векселя и выдачи денег, и лишь в книгах банка продолжает числиться долг за заемщиком. Это обстоятельство дает некоторым экономистам основание рассматривать операцию по учету, как „покупку векселей“ [1]). Такая трактовка этой операции, однако, является ошибочной, и затемняет истинную сущность кредита. Как нам уже приходилось указывать, экономическая сущность учета векселя заключается в том, что капитал банка вступает в пред-

---

[1]) См. *Маклеод.* Основ. Полит. Экон. П. 1865, стр. 263—267.

приятие его заемщика. Если до этого капитал заемщика банка—бланконадписателя—вступил в предприятие его контрагента — векселедателя, — то теперь, когда вексель учтен, капитал бланконадписателя, работавший раньше в предприятии векселедателя, замещается в нем капиталом банка. То обстоятельство, что банк по наступлении срока векселя требует платежа от векселедателя, не меняет существа отношения, ибо это можно рассматривать, как инкассирование банком денег за счет своего клиента.

На-ряду с учетом векселей банки практикуют в широком объеме операции по выдаче ссуд под векселя. Среди них наиболее крупной является в последнее время операция *специального текущего счета обеспеченного векселями* („*on call*"). Отличие специального текущего счета под векселя от учета заключается в следующем. При учете векселей клиент получает от банка в ссуду всю сумму представленных векселей, а при получении ссуды по „специальному счету" выдается лишь часть суммы („валюты"), обычно 70—75%. При учете банк удерживает проценты вперед, при „специальном счете" проценты прибавляются к капитальной сумме долга по истечении известного срока (обыкновенно 4 раза в год по кварталам и при заключении счета). По „специальному счету" клиент может брать суммы частями, а также вносить их обратно на счет частями, при чем по „специальному счету", так же, как и по простому текущему счету, расчет процентов производится по дням: иными словами, клиент платит банку проценты за ту сумму, которой он фактически в данный день пользовался. Банк иногда дает клиенту чековую книжку специального счета и он может брать суммы с этого счета при помощи чеков.

С другой стороны, по операции специального текущего счета банк сохраняет за собою право в любое время потребовать от клиента погашения всего долга или части его. Поэтому операция и носит название счета „on call", т.-е. до востребования.

Операция „специального текущего счета под векселя" представляет, таким образом, как для банка, так и для заемщика, с одной стороны, ряд преимуществ, а с другой — ряд

неудобств по сравнению с операцией „учета векселей“. В зависимости от обстоятельств клиенты пользуются той или другой формой, хотя чаще всего предприятие, пользующееся в банке вексельным кредитом, имеет 2 счета, один по учету векселей, а другой — „on call“. Нередко вексельный портфель предприятия разбивается на две части: векселя лучшего сорта предъявляются к учету и по ним получают ссуду в размере 100%, а векселя „второсортные“, которые банк не склонен учитывать, идут в обеспечение счета „on call“, для получения под них 70—75%.

О том месте, которое вексельные операции занимают в работе коммерческих банков, можно судить по тому, что, напр., во всех бывших русских акционерных коммерческих банках на 1 янв. 1914 г. было помещено в учете векселей с двумя и более подписями (не считая учета „соло-векселей с обеспечением“ и некоторых других документов)—1.499 милл. рубл. при общей сумме активных операций в 6.233 милл. р. В операции специального текущего счета, обеспеченного векселями (вместе с торговыми обязательствами) было помещено на то же число 298 милл. р. У б. Волжско-Камского банка, баланс которого мы привели выше, было помещено в учете векселей с двумя и более подписями 135 милл. р., а в „спец. текущ. счетах“ под векселя, товары и т. д. — 31 милл. р. У английского Midland-bank'a на 31 дек. 1924 г. в учете векселей было помещено 50,8 милл. ф. ст. при общем балансе в 420,5 милл. ф. ст.

Выше я указал, что по своей экономической сущности активные операции банков следует делить на вексельные, товарные и операции с ценными бумагами. В чем же экономическая особенность вексельной операции, отличающаяее от операций товарных и от операций с ценными бумагами?

Эту особенность, или, если можно так выразиться, экономическую базу вексельной операции надо видеть в том, что при помощи ее происходит по преимуществу *кредитование торговли и снабжение промышленности оборотными средствами.* Те средства, которые банки помещают в учете векселей и ссудах под векселя, идут, в общем и целом, в указанные отрасли. Векселя с двумя подписями. которые являются

объектом банковских операций, в принципе являются товарными векселями, и могут возникать лишь тогда, когда произошла продажа какого-либо товара. Вексель при своем естественном движении выдается покупателем товара продавцу, отпустившему ему товар в кредит, и если затем продавец, снабдив вексель своей — второй — подписью, учитывает его в банке, то ссудный капитал банка фактически вступает в область торговли. То же отношение создается, если розничный торговец выдал вексель оптовому, а этот передал его со своим бланком комиссионеру, и лишь последний, снабдив вексель своей—уже 3-й подписью—учел его в банке. Вексель может возникнуть и в отношениях между владельцем промышленного предприятия и оптовым торговцем. Оптовый торговец может выдать промышленнику (текстильному тресту или арендатору текстильной фабрики) вексель за купленный у него товар. Промышленник в свою очередь может приобрести у оптового торговца в кредит нужный ему для производства товар, сырье, топливо и т. п. и выдать ему вексель. Если этот вексель будет учтен в банке, то ссудный капитал банка фактически поступит в промышленное предприятие. Но так как банки учитывают только краткосрочные векселя, то банковский кредит, в принципе, через вексельный учет может питать промышленное предприятие лишь оборотными средствами.

Так обстоит дело в принципе. На практике, однако наблюдается ряд отклонений от этого принципа и по вексельным операциям ссудные капиталы сплошь и рядом идут и на другие нужды, и раньше всего на снабжение предприятий *основным капиталом.* Нам уже отчасти пришлось коснуться вопроса об условности кредитных форм, когда мы говорили о сроках кредита. Я указывал, что краткосрочный кредит при помощи отсрочек—пролонгаций—сплошь и рядом превращается в долгосрочный. Если промышленное предприятие пользуется в банке кредитом по специальному счету под векселя, и остается всегда в дебете (т.-е. должником банка) на определенную сумму, заменяя в своем обеспечении одни векселя другими, то краткосрочная форма кредита фактически превращается в долгосрочную, и сред-

ства, полученные в банке, могут быть употреблены не только на расширение оборотного капитала, но и на увеличение капитала основного.

Кроме того, среди векселей с 2 подписями, предъявляемых в банки для учета, всегда имеется известное количество таких, которые вовсе не проистекают из торговой сделки, не имеют товарной „основы". Являясь по внешности „товарными" эти векселя бывают на самом деле „дружескими", „финансовыми", или как их называют на банковском жаргоне „бронзовыми". Предприниматель, желающий получить в банке ссуду, может попросить своего приятеля, у которого он ничего не купил и которому ничего не продал, выдать ему вексель (для взаимности он выдает приятелю такой же вексель), снабдить его своим бланком, и предъявить этот вексель в банк для учета. Банк, учитывая такой „дружеский" вексель, выполняет все требующиеся формальности. Перед ним оказываются ответственными два лица, заемщик и его приятель. Но в качестве „приятеля" может фигурировать лицо совершенно не кредитоспособное, а если даже векселедатель и лицо кредитоспособное, то все же в этом случае не имеется налицо товарной основы векселя.

Наличность в вексельном портфеле банка известного количества „финансовых" векселей может явиться результатом того, что заемщики злоупотребили доверием банка. Однако, такие случаи бывают сравнительно редко, ибо ввести банк в обман не легко. Стоя в центре торгово-промышленной жизни, имея возможность проникнуть в тайны громадного числа предприятий, располагая сетью агентур, и пользуясь услугой контор о кредитоспособности, банки всегда хорошо осведомлены о взаимоотношениях разных коммерсантов. Опытный заведующий учетной операцией в крупном банке, взглянув на вексель, сразу может сказать, какого он происхождения, товарного или приятельского. Если тем не менее в составе векселей, принимаемых банками к учету, имеется немало „финансовых", то это происходит большей частью не против желания банков, а с их согласия. Снабжая своих клиентов средствами на различные дела, подчас не соответствующие уставам, банки сплошь и рядом скрывают

эти кредиты под видом учета векселей. Они в этих случаях не обращают внимания на „дружеское“ происхождение представляемого им „вексельного материала“ и наполняют таким образом свои портфели финансовыми векселями.

Но даже в том случае, когда вексель, учтенный банком имеет безусловно товарное происхождение и возник в результате товарной сделки, то *это отнюдь не значит, что данному векселю еще где-то соответствует тот товар, который вызвал его к жизни.* Этот товар мог давно выйти из сферы товарооборота, перейти к потребителю и даже быть потребленным, между тем как срок векселю еще не наступил, и капитал банка продолжает оставаться в предприятии векселедателя. На это обстоятельство правильно указал *Маклеод.* [1]). Маклеод правильно отмечает также, что от движения одного и того же товара могут возникнуть два или более векселей на ту же сумму [2]). В самом деле, допустим, что какой-нибудь текстильный трест продал Центросоюзу партию мануфактуры на 100.000 рублей на срок 6 месяцев. Центросоюз мог выдать тресту вексель на эту сумму. Допустим теперь, что спустя месяц Центросоюз продал ту же партию мануфактуры какому-нибудь Губернскому Союзу потребительских обществ („Губсоюзу“) и получил от него в свою очередь вексель на 100.000 р. на 5 месяцев. Оба векселя будут товарными. Оба они могут быть предъявлены в банк для учета. Банк, таким образом, выдаст против 2 векселей 100.000 рублей Тресту и 100.000 рублей Центросоюзу, между тем как обоим векселям соответствует только одна партия товара на 100.000 рублей. Где же в таком случае будет обращаться капитал банка? Очевидно, что одни 100.000 рублей будут находиться в предприятии Губсоюза, где капитал банка заменил собою капитал треста, а другие 100.000 рублей будут находиться в предприятиях Центросоюза. Однако, у Центросоюза капитал банка уже будет помещаться не в том товаре, которому соответствовал учтенный в банке вексель, а в какой-нибудь другой ценности. Отсюда также

---

[1]) См. *Маклеод,* цит. соч., стр. 270

[2]) Там же, стр. 269.

следует, что за вексельной операцией даже при строгом соблюдении принципов правильного учета, при учете только товарных векселей, легко может скрываться помещение капиталов банка и не в товарных операциях.

Высказанные соображения показывают, что не следует, как это часто делается, слишком преувеличивать значение вексельной операции, как операции, которая больше всего гарантирует банк от всяких рисков и убытков. Риск, который банк несет при выдаче ссуды, при учете векселей несколько уменьшается в виду того, что перед банком несут коллективную ответственность 2 или более лиц и предприятий, поставивших свои подписи на векселе. Это обстоятельство, действительно, несколько уменьшает риск потери капитала. Но оно слабо гарантирует банк от неаккуратности в поступлении платежей от заемщиков. Если даже в основе операции лежит движение товара, и если даже этот товар где-то существует, то всякая задержка в его реализации, или реализация с убытком может привести к тому, что векселедатель окажется не в состоянии оплатить вексель в срок. В таком же положении может оказаться и бланконадписатель — заемщик банка, ибо полученную от банка сумму он, конечно, употребил на покупку другой партии товара, или, быть может, на какое-либо другое предприятие, и в случае заминки в делах и он не всегда может покрыть долг. Торговый кризис, застой в делах, не может поэтому не отразиться на поступлении в банк долгов по учету. Наличность на векселе 2 подписей не спасает в этих случаях банк от убытков.

2) *Товарные операции.* К числу товарных операций банков относятся: а) *ссуды срочные под товары и товарные документы* и б) *специальные текущие счета под товары и товарные документы* („*on call*").

Сущность первой операции заключается в том, что банк выдает заемщику ссуду на определенный срок, приняв от него в обеспечение товар в качестве залога. Залогом может служить как реальный товар, который в этом случае передается в распоряжение банка, так и товарный документ, чаще всего документ на товар, находящийся в пути (жел.-дор. дубликат, коноссамент, квитанция транспортного общества).

Передача товара в распоряжение банка происходит или путем помещения его на складе банка, или путем передачи ему документа на хранение товара в каком-нибудь другом складочном помещении. (Иногда банк оставляет заложенный у него товар у заемщика на его „ответственном хранении". В этом случае заемщик не имеет права распоряжаться заложенным товаром и в случае нарушения этого обязательства отвечает в порядке общих законов, как за растрату). В случае, если клиент не уплачивает долга в срок, банк, как и при всякой залоговой операции, имеет право продать на рынке заложенный товар, и обратить выручку от продажи в первую очередь на погашение долга, отдав клиенту остаток от вырученной за товар суммы, если таковой окажется.

Операция „специального текущего счета под товары и товарные документы до востребования (on call)" представляет собою операцию ссуд под товары, которая в отношении получения и взноса денег, начисления процентов и т. п., имеет те же черты, что и описанная выше операция „on call" под векселя. Клиент, которому банк открыл „специальный текущий счет под товары" может в пределах имеющегося у него обеспечения брать деньги из банка полностью или частями и вносить на погашение долга любые суммы. Он также может иметь чековую книжку и снимать суммы со счета при помощи чеков. Проценты также начисляются по дням на остаток задолженности каждого дня и присоединяются к капитальному долгу 4 раза в год. Банк в любое время может потребовать от клиента погашения долга по счету, полного или частичного. Подтоварные ссуды, как срочные, так и до востребования, выдаются не в полной стоимости заложенного товара, а лишь в части, обыкновенно в пределах 60—75%. Выдача в ссуду лишь части стоимости товара имеет целью застраховать банк от риска на случай падения цены. При ссудах до востребования (on call) банк, в случае падения цен заложенного товара, может потребовать от заемщика погашения части долга.

Операция подтоварных ссуд, которая в операциях банков не занимает такого места, как вексельное, имеет свое экономическое основа ие Она является естественной операцией при

финансировании закупок хлеба от производителей, при скупке промышленного сырья, и, вообще, при реализации продуктов сельскохозяйственного урожая. Дело в том, что при указанных операциях, когда предприятие оптовой закупки приходит в непосредственное соприкосновение с многочисленными мелкими хозяйствами производителей хлеба, хлопка, льна и т. д., оптовые торговцы бывают вынуждены платить наличными деньгами. В виду того, что мелкие хозяйства не втянуты в должной мере в кредитный оборот, они не могут брать от оптовых торговцев векселя и предъявлять их к учету в банках. Таким образом, эта стадия оборота товаров, переход товаров от мелкого производителя к первому оптовому скупщику не сопровождается возникновением векселя. Финансирование этой операции не может поэтому происходить в форме вексельного кредита и для него более естественным является подтоварный кредит.

3) *Операции с ценными бумагами.*

К операциям с ценными бумагами, — под ценными бумагами надо понимать акции, облигации, закладные листы ипотечных банков и т. п., — относятся: а) *покупка банками ценных бумаг за свой счет* и б) выдача ссуд под ценные бумаги. Выдача ссуд под ценные бумаги обыкновенно производится в форме *специального текущего счета до востребования* (*on call*) под *ценные бумаги.* (На специальных биржевых операциях, как „репорт", „депорт", которые практикуются некоторыми заграничными банками, мы останавливаться не будем). Операция „онколя" под ценные бумаги, которая носит те же черты, что и операция „онколя" под товары, является нервом биржевой игры. Лица, оперирующие с биржевыми бумагами, стараются получить кредит в банке в форме „специального счета" Банки, заинтересованные в распространении биржевых бумаг, обычно охотно открывают такие счета, мало интересуясь личностью заемщика. Заемщик вносит в банк в обеспечение счета пакет акций и облигаций и получает под него ссуду в размере 70—75% его биржевой стоимости. Чаще всего операция начинается с того, что клиент поручает банку купить на бирже те бумаги, которые затем поступят в обеспечение

его счета. В этом случае он вносит в банк наличными 25—30% стоимости бумаг, а остальную сумму банк затрачивает из своей кассы, записав ее долгом за данным лицом. Затем дальнейшие отношения между банком и заемщиком зависят от движения биржевого курса заложенных бумаг. Если курс бумаги повышается, заемщик получает возможность брать из банка добавочную ссуду. Он может вернуть себе те 25—30%, которые он внес наличными, и получать дальнейшие суммы. Он может обратить эти суммы на приобретение новых акций и облигаций, под которые он вновь получит ссуду в размере 70—75%. Если же цены акций и облигаций начинают падать, банк начинает требовать от заемщика дополнительных взносов наличными для того, чтобы удержать разницу между рыночной стоимостью бумаг и долгом клиента на прежнем уровне 25—30%. Если у клиента нет наличных денег для взноса в банк, банк приступает к „экзекуции", то-есть к самостоятельной продаже бумаг на бирже и погашению своего долга из выручки от их реализации. Сплошь и рядом курсы падают так быстро, что банк не успевает во-время продать бумаги, продает их по такому курсу, при котором выручка не погашает полностью долга клиента, и несет убытки.

Биржевой ажиотаж, которым обычно бывают окружены операции банков с ценными бумагами, не должен, однако, препятствовать пониманию экономической сущности этих операций. Эта *экономическая сущность операций с ценными бумагами заключается в том, что при их посредстве банки направляют свои средства на пополнение основных капиталов предприятий.* Поскольку акционерные капиталы и капиталы, полученные от выпуска облигаций промышленных предприятий, обычно идут на образование основных капиталов, постольку те средства, которые банки затрачивают на покупку ценных бумаг за свой счет, как и те средства, которые они дают в ссуду под ценные бумаги, представляют собою суммы, которые в значительной своей части идут на снабжение предприятий долгосрочным кредитом. Конечно, здесь требуется ряд оговорок. Во-первых, в составе портфеля ценных бумаг акционерных банков большое место занимают облигации

государственных займов, закладные листы ипотечных банков и некоторые другие бумаги, которые не имеют отношения к промышленности или транспорту. Помещение банковских средств в таких бумагах не может рассматриваться, как помещение их в основных капиталах промышленности. Затем, капиталы, привлекаемые предприятиями при помощи выпуска акций, не всегда идут на пополнение основных капиталов: они могут итти также и на увеличение оборотных капиталов. Но если и сделать эти оговорки, то все же можно оказать, что в общем и целом, *операции с ценными бумагами противостоят вексельным операциям: первые направляют средства банков на пополнение основных капиталов предприятий, а вторые направляют средства банков на пополнение их оборотных капиталов.*

Крупная функция, которую исполняют операции с ценными бумагами в работе банков, объясняет нам, почему эти операции достигают столь больших размеров. Об этих размерах можно судить по тому, что, напр., бывшими русскими акционерными банками, судя по их сводному балансу, было помещено на 1 января 1914 г. в операциях с ценными бумагами (собственные ценные бумаги, ссуды под залог ценных бумаг, спец. текущ. счета, обесп. ценными бумагами и „корреспонденты Loro", обесп. ценными бумагами), всего 1.979 милл. р., между тем как в учете векселей с 2-мя и более подписями и онколе под векселя и др. документы ими было помещено на то же число, как мы видели, 1.797 милл. р. т.-е. несколько меньше [1]).

Мы остановились с некоторой подробностью на основных активных операциях банков и не будем останавливаться детально на остальных. Из других операций упомянем о *„корреспондентах"* „Лоро" и „Ностро", о которых нам уже приходилось говорить при рассмотрении пассивных операций. Как мы уже отметили, на этих счетах, главным образом, на „корреспондентах Лоро" часто скрываются операции по финансированию промышленности. Упомянем,

---

[1]) Кроме того на „корр. Лоро", обеспеченных „векселями и торг. обязат." числилось 316 милл. р.

наконец, об операции *бланковых кредитов.* Под бланковыми кредитами понимается операция, по которой банк не берет никакого обеспечения, кроме расписки или соло-векселя (т.-е. векселя с одной подписью). Такие кредиты в общем должны составлять исключение. Однако, они в практике старых русских банков достигали значительных размеров. На сводном балансе бывших акцион. коммерческих банков на 1 янв. 1914 г. бланковые кредиты числились в сумме 205 милл. рубл.

§ 7. Переходим к *третьей* группе банковских операций — *комиссионным.*

1) К числу комиссионных операций банков относится, во-первых, *переводная операция*, прием денег для перевода в другие города и в иностранные государства. Эта операция служит для банков источником ссудных капиталов. Дело в том, что переводная операция не сопровождается для банков пересылкой денег в натуре. Она осуществляется при помощи корреспондентских связей между банками путем соглашения, по которому банки взаимно выплачивают один за другой выставленные на них переводы. Если банк в Москве принял 1000 р. для перевода в Одессу, он не посылает этих денег в Одессу, а дает приказ банку в Одессе, являющемуся его корреспондентом, выплатить эту сумму за его счет („выдает перевод" на банк в Одессе). Зато, с другой стороны, если кто-либо внесет в Одессе 1.000 рублей для перевода в Москву, то Одесский банк даст такой же приказ на своего Московского корреспондента. Банки, таким образом, не пересылают денег в натуре, выплачивают переводы друг за друга, а затем между собой рассчитываются. Но между днем взноса денег в банк для перевода в одном городе и днем выплаты их в другом, проходит известное время, и в течение этого времени деньги находятся в распоряжении того или иного банка, и банк, пуская их в свои активные операции, получает на них проценты.

2) Другой крупной комиссионной операцией является операция по *инкассо.* Клиенты передают банкам векселя, и т. д., по которым они должны

получать платежи, чаще всего в другом городе, и банк, отсылая их своему корреспонденту, „инкассирует“ их, т.-е. получает по ним деньги, которые и передает своим клиентам. За исполнение этих поручений банк взимает с клиентов небольшую комиссию, хотя в то же время он и по инкассовой операции, так же, как и по переводной, иногда пользуется некоторое время беспроцентно деньгами клиентов.

3) К числу комиссионных операций относится, далее, операция *товарных аккредитивов*. Она сводится к следующему. Клиент, купивший товар, который должен быть отправлен из другого города, вносит в банк причитающуюся с него сумму и поручает ему уплатить ее в другом городе и получить товар или, что чаще бывает, транспортный документ на товар. Банк осуществляет это поручение через своего иногороднего корреспондента. Эта операция часто сопровождается получением в банке ссуды под отправленный товар. В этом случае она является активной операцией. Операция товарного аккредитива в области международной торговли, где она бывает связана с акцептной операцией, носит название *рамбурского кредита*.

4) *Покупка и продажа ценных бумаг.* Следующей крупной комиссионной операцией банков является покупка и продажа ценных бумаг, акций, облигаций и т. д. Банки производят такие покупки и продажи биржевых ценностей по поручению своих клиентов. Они берут за исполнение этих поручений особую комиссию, или оставляют в свою пользу некоторую разницу в курсе. Эта операция тесно связана с активной операцией банков по ценным бумагам, с помещением со стороны банка в ценных бумагах своих средств. Эта операция в то же время связывает банк с биржей. Она приобретает особенно большие размеры тогда, когда банк принимает на себя и *эмиссию ценных бумаг*, выпуск новых акций и облигаций. Эмиссия ценных бумаг является собственно для банка тоже комиссионной операцией, выполняемой им по поручению акционерного общества, но и она тесно связана с активными операциями банков, так как банк, принимающий на себя поручение по выпуску каких-либо

новых акций, обыкновенно помещает в этих акциях, по крайней мере на первое время, часть собственных средств путем покупки их за свой счет и в порядке выдачи под них „онкольных“ ссуд.

Участие в биржевых операциях, как в форме активных операций, покупки ценных бумаг и выдачи ссуд под них, так и в форме операций комиссионных, покупки и продажи ценных бумаг за счет клиентов и эмиссии новых акций и облигаций, занимает в операциях некоторых банков столь крупное место, что оно оттесняет у них на второй план все другие операции, как учет векселей и т. д. В то же время эти операции приводят банки к той тесной связи с промышленностью, о которой мы говорили в одной из предыдущих глав. При помощи участия в выпуске новых акций какого-либо предприятия, при помощи выдачи ссуд под акции данного предприятия, банки получают в свое распоряжение „контрольные пакеты“ акций и превращаются в истинных хозяев предприятий. Банки, которые широко практикуют эти операции, в сущности перестают быть „кредитными банками“ и приобретают характер специальных биржевых банков, или, как их иногда называют, „банков ценных бумаг“ („Effectenbanken“)[1]). К этому типу банков принадлежал французский „Crédit Mobilier“, о котором нам придется упомянуть в дальнейшем.

В этой связи необходимо отметить, что крупное участие банков в промышленных и других предприятиях не всегда укладывается в рамки обычных, так называемых *регулярных* банковских операций: учета векселей, подтоварных ссуд, ссуд под ценные бумаги. Тогда у банков появляются операции, которые принято называть *„иррегулярными“*. К числу иррегулярных операций банков относятся некоторые из тех, о которых мы уже говорили, а именно покупка ценных бумаг за свой счет, и операции по выпуску акций. Но кроме того к числу „иррегулярных“ операций относятся разные

---

[1]) См. об этих банках специальное исследование H. *Sattler'a*: „Die Effectenbanken“, L. 1890.

открытые и замаскированные формы бланковых кредитов. Немецкие банки показывают свое участие в разных предприятиях, на-ряду со статьей „собственных ценных бумаг", также по статье „длительных участий в чужих предприятиях" („Dauernde Beteiligungen bei fremden Unternehmungen"). Бывшие русские акционерные банки большей частью маскировали свое участие в предприятиях в форме уже упомянутых нами активных „корреспондентских" счетов.

Вопрос о „регулярных" и „иррегулярных" операциях банков служит предметом спора в экономической литературе. Спор ведется в плоскости того, *надлежит ли коммерческим банкам, как посредникам, которые оперируют чужими деньгами, заниматься иррегулярными операциями*, принимать слишком близкое участие в торговых и промышленных предприятиях. Склонность к „иррегулярным" операциям появляется у банков из стремления к увеличению прибыли. „Иррегулярные" операции, удачные спекуляции по размещению новых выпусков акций, крупные доходы от собственных предприятий и т. д. сулят большие барыши. Но „иррегулярные" операции связаны со значительно бо́льшими рисками, чем обычные банковские операции. При крупном портфеле собственных ценных бумаг банк может понести большие потери в случае падения курсов. Помещение слишком больших капиталов в отдельных предприятиях может привести к затруднениям для банка в случае плохого уклона дел в этих предприятиях. Отсюда возникает вопрос, следует ли коммерческим банкам, как работающим с чужими капиталами, стоять несколько в стороне от непосредственных колебаний промышленной и торговой конъюнктуры, заниматься осторожными операциями по учету и выдаче ссуд под солидное обеспечение, или же им надо итти, хотя бы и с известным риском, на широкое финансирование промышленности и торговли?

Этот вопрос, как мы увидим дальше, когда мы будем говорить о положении банков в отдельных странах, получил различное разрешение. В одних странах (в Англии, отчасти Франции) депозитные банки держатся несколько в стороне от „иррегулярных" операций, в особенности от операций по

эмиссии ценных бумаг, а в других (Германия) они широко практикуют эти операции [1]).

5) Возвращаясь к рассмотрению отдельных комиссионных операций, мы должны сказать, что в некоторых странах крупную роль в ряде этих операций играет *комиссионная покупка* и *продажа товаров*. Из этой операции иногда вытекает операция по торговле за свой счет, которая относится уже к категории „иррегулярных“ операций банков [2]).

6) Далее крупной комиссионной операцией является у некоторых банков операция *по покупке и продаже драгоценных металлов* и *по торговле иностранной валютой*, главным образом, в форме иностранных девиз, чеков, векселей и т. д. Торговля иностранными векселями и чеками, которая принадлежит к числу основных операций банков, также часто бывает связана с помещением в этих операциях средств банка. Покупка „иностранного векселя“ по существу часто является учетом этого векселя.

Наконец, к числу комиссионных операций банков надо отнести *прием на хранение ценных бумаг*, *сдача в наем стальных ящиков* (*сейфов*) и некоторые другие.

§ 8. Мы рассмотрели основные операции коммерческих банков. Как мы указали, операции эмиссионных банков, в общем, аналогичны операциям коммерческих банков. Это не значит, что эмиссионные банки производят все перечисленные выше операции, которые обычно практикуются коммерческими банками. Напротив, некоторые операции не входят в круг деятельности главнейших эмиссионных банков. В частности большинство эмиссионных банков стоят в стороне от так называемых „иррегулярных“ операций. Но основные банковские операции по учету и ссудам эмиссионные банки

---

[1]) Подробнее о вопросе относительно „регулярных“ и „нерегулярных“ банковых операциях см. в нашей книжке: „Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции“. М. 1912. Гл. V. В немецкой литературе вопрос хорошо освещен у *A. Weber*'а: „Depositenbanken und Speculationsbanken“, 3-te Aufl. M. 1922, стр. 225—294 и у *Schulze-Gaevernitz*'а: „Die deutsche Kreditbank“, Tüb. 1922, II, VII.

[2]) О торгово-комиссионной операции банков см. мою книжку: „Коммерческие банки и т. д.“.

производят на тех же началах, что и банки коммерческие. В то же время эмиссионные банки по самому характеру своей деятельности производят некоторые операции, которые не практикуются коммерческими банками. Сюда относятся, главным образом, две операции: а) *выпуск банковых билетов* и б) *накопление металлического фонда.* Об этих операциях нам пришлось уже говорить в первой части настоящего курса и мы на их анализе здесь больше останавливаться не будем.

Мы должны, однако, упомянуть еще о третьей операции, или вернее группе операций, которая свойственна, правда не всем эмиссионным банкам, но которая играет крупную роль в работе Английского банка и некоторых других эмиссионных банков. Мы имеем в виду выполнение эмиссионным банком функции *кассира государственного казначейства.* В Англии, как отчасти и у нас, эмиссионный банк концентрирует у себя все поступления по государственным доходам, и в то же время производит по поручению казначейства оплату государственных расходов.

§ 9. Чтобы закончить анализ операций эмиссионных и коммерческих банков, нам остается еще остановиться на вопросе о *прибылях* этих учреждений. Прибыль банка складывается, главным образом, из двух статей: 1) процентов и 2) комиссии. У некоторых банков, в особенности у тех, которые ведут большие операции с ценными бумагами, имеется еще третий источник прибыли в виде курсовой разницы, получающейся от покупки и продажи бумаг [1]). Первая статья—проценты—оставляют в пользу банка всю ту разницу между процентами, которые он получает по своим активным операциям, и процентами, которые он платит по своим пассивным операциям. Проценты, которые банк взимает по разным операциям, бывают различны. По учету векселей банк взимает другую процентную ставку, чем по „онколю“ под векселя и т. д. Проценты, которые банк платит по пассивам

---

[1]) Для получения чистой прибыли приходится из указанных доходов вычесть текущие расходы, убытки по протестованным векселям и некоторые другие статьи.

также различны для разных операций. Но, в общем, между ставками по активам и по пассивам всегда существует разница в 1—2—3%, которая и составляет главный доход банка. Комиссия, которую получает банк, составляется главным образом из поступлений за комиссионные поручения, переводы и инкассо и т. д. Но в состав банковской „комиссии" входят иногда и проценты, ибо банки по установившейся практике нередко по обычным активным операциям взимают „комиссию" в дополнение к процентам, при чем в этих случаях комиссия представляет собою лишь замаскированное повышение процента.

Поскольку прибыль банка определяется, главным образом, разницей между получаемыми и уплачиваемыми процентами, прибыль бывает тем больше, чем меньше банку приходится платить процентов за свой капитал. Эмиссионный банк находится в этом отношении в лучшем положении по сравнению с коммерческим банком, ибо ему обычно почти не приходится платить процентов по своим пассивам, или приходится платить их очень мало. Суммы, получаемые эмиссионным банком от выпуска банкнот, являются беспроцентными. Некоторые эмиссионные банки не платят также процентов по своим текущим счетам. Другие (как, напр., старый русский Государственный банк) хотя и платят проценты по текущим счетам, пользуются беспроцентно свободными суммами казначейства. Но в то же время надо иметь в виду, что эмиссионный банк имеет в свою очередь одну „беспроцентную" активную операцию. Я имею в виду операцию по накоплению металлического фонда, который служит обеспечением банковых билетов. Те средства, которые эмиссионный банк обращает на образование этого фонда, ему никакого дохода не приносят. При оценке прибылей эмиссионного банка, необходимо поэтому иметь в виду, что „беспроцентной" является для него только та часть эмиссии банкнот, которая не имеет металлического покрытия.

Литература к главе VII.

1. *Е. Эпштейн.* Банковое дело. Лекции. Изд. 3-е. М. 1913.

2. *З. С. Каценеленбаум.* Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М. 1912.

3. *G. v. Schulze-Gaevernitz.* Die dentsche Kreditbank. Tüb. 1922.

4. *Ad. Weber.* Depositenbanken und Speculationsbanken. Dritte Aufl. M. u. L. 1922.

5. *H. Sattler.* Die Effektenbanken. L. 1890.

6. *T. Hankey.* The principles of banking. 1887.

7. *G. Obst.* Das Bankgeschäft L. 1914.

ГЛАВА VIII.

Теория банкового кредита [1]).

§ 1. Два направления в теории банкового кредита. — Кредитная теория классиков. — Взгляды Рикардо на кредит. — Взгляды Сэ.—Взгляды Маркса на рол ьбанка. — § 2. Второе направление в теории кредита вообще и банкового в частности: Джон Ло, Цешковский, Коклен. — Кредитная теория Маклеода.— Три идеи Маклеода относительно кредита: а) кредит есть капитал, б) кредит создает капитал, в) банк создает кредит. — Отражение взглядов Маклеода в новой литературе: Уитерс, Шумпетер. — § 3. Банковая теория Альберта Гана. — § 4. Наш взгляд на банковый кредит. — Банк, как посредник в кредите. — Природа эмиссионного банка.— Эластичность потребности в денежных знаках и ее значение для кредитной деятельности эмиссионного банка.— § 5. Природа депозитного банка.—Двойственная природа банковского депозита. — Депозит, как деньги и как капитал, приносящий проценты. — Своеобразные черты депозита в его роли денег и в его роли капитала, приносящего проценты. — Значение этих особенностей для природы депозитного банка. — Выводы. § 6. Взаимоотношения эмиссионных и коммерческих банков. — Падение роли эмиссионных банков и превращение их в банки банков. — Связь этого явления с развитием депозитной операции. § 7. Процент, как цена ссудных капиталов. — Высший и низший пределы колебания процентной ставки.—.Средний процент.—Официальный и частный дисконт. § 8. Колебания процента.—Страны „дорогих" и „дешевых"денег. — Сезонные колебания. — Процент и промышленная коньюнктура. — § 9. Дисконтная политика.—Различия в практике английского и французского банка.

§ 1. В предыдущих главах мы осветили общее значение банков в кредитной системе. С точки зрения нашего

---

[1]) Эта глава представляет собою сжатое изложение моей работы. „Некоторые проблемы теории кредита. К вопросу о сущности банкового депозита" (доклад в Инстит. Экономики в Москве), к которой я отсылаю читателя, желающего более подробно ознакомиться с этой проблемой.

понимания кредита банки, вообще, являются посредниками в кредите, центральное же место в качестве таких посредников занимают на денежном рынке эмиссионные и коммерческие банки. Согласно этой концепции для специального учения о банковом кредите в сущности не должно было бы быть места. Банковый кредит является с нашей точки зрения частью кредита в целом и на него распространяются общие экономические законы, относящиеся к кредиту. Однако, в литературе существует, как мы увидим дальше, и другая точка зрения на роль банков в кредитной системе. Кроме того, кредит, оказываемый банками, приобретает некоторые своеобразные черты в тех случаях, когда он входит во взаимодействие с явлениями денежного обращения. Эти обстоятельства делают необходимым специальное изучение *теории банкового кредита*, как части теории кредита, в ее целом. На-ряду с вопросом о том, в чем заключается сущность кредита, вопросом, на который мы ответили в первых главах настоящей книги, мы ставим новый вопрос: в чем сущность банкового кредита?

Итак, я раньше всего должен констатировать, что в вопросе о банковом кредите существуют две точки зрения. Одна точка зрения, которая ведет свое начало от классиков — *Ад. Смита, Рикардо, Дж. Ст. Милля и от Маркса*, точка зрения, которая лежит и в основе моих рассуждений о кредите, считает, что кредит всегда заключается в переносе капитала от кредитора к заемщику. Из этого понимания сущности кредита вытекает, что *кредит не может создавать капитала.* Для того, чтобы кредит мог осуществиться, где-то должен находиться тот капитал, который служит объектом переноса в предприятие заемщика. *Рикардо* следующим образом формулировал свой взгляд по этому вопросу. „Я не думаю, — говорил он — чтобы кредит мог в малейшей степени способствовать производству продуктов. Продукты производятся только при помощи труда, машин и сырых материалов, и если где-нибудь употребляются средства производства, то они необходимо должны быть извлечены из другого места. Кредит является средством передавать от одного к другому и приводить в дей-

ствие наличные капиталы; кредит не создает капиталов, а только определяет то лицо, которое будет приводить их в движение. Перенесение капитала от одного применения к другому может быть столь же полезно, как и вредно" [1]).

В этом же смысле высказывается и *Сэ*. „Кредит не творит капитала, — говорит *Сэ*, — т.-е. если лицо, занявшее для производительного употребления какую-нибудь ценность, приобретает, таким образом, пользование капиталом, то, с другой стороны, лицо, дающее капитал в ссуду, лишает себя права пользования им" [2]).

Маркс следующим образом определяет сущность банкового кредита. „Банковое дело, — говорит он, — состоит в том, что ссудный денежный капитал концентрируется в больших массах в руках банкиров, так что взамен отдельных лиц, ссужающих капиталы, банки противостоят индустриальным и торговым капиталистам в качестве представителей всех заимодавцев. Банкиры становятся общими управителями денежного капитала. С другой стороны, они по отношению ко всем кредиторам концентрируют заемщиков, так как они занимают для всего торгового мира. Банк представляет собой, с одной стороны, централизацию денежных капиталов, кредиторов, а с другой стороны—централизацию заемщиков. Прибыль банка, в общем, состоит в том, что он получает кредит из более низкого процента, чем тот, из которого он дает в ссуду" [3]). Для Маркса не только кредит в целом есть перенос капитала от кредитора к заемщику, но банковский кредит представляет собой то же самое явление, тот же процесс. Банк только стоит в центре, концентрирует ссудные капиталы, поступающие со стороны кредиторов, и раздает их заемщикам.

Тот же взгляд на кредит, вообще, и на банковый кредит, в частности, мы встречаем и у ряда авторов, которые

---

[1]) Цит. в книге А. Миклашевского: „Деньги". М. 1895, стр. 449—450. См. также S. Oppenheim. Die Natur des Capitals und des Credits. 1-er Th. Mainz. 1868, стр. 77, по тексту которого мы внесли небольшие изменения в перевод этой цитаты у Миклашевского.

[2]) См. Коклен. О кредите в банках. СПБ. 1861, стр. 83.

[3]) К. Marx. Das Kapital. B. III. § 25. Изд. 1911 г., стр. 388.

специально занимались вопросом о банках: *Жильбарта* („The history, princeples and practice of banking"), *Ад. Вагнера* („Der Crédit und das Bankwesen" в „Schonberg's Handbuch der Polit. Oekonomie"), *„Schulze-Gaevernitz'a"* (Die Deutsche Kreditbank"), *Маршаля* („Money, credit and commerce"), *E. Cannan'a* и др.

§ 2. Однако, на-ряду с этой концепцией мы на протяжении последних $1^1/_2$—2 веков имеем в экономической литературе другое направление во взглядах на кредит, и, главное, во взглядах на роль банков. Это направление, которое ведет свое начало от *Джона Ло*, и с которым Рикардо, Сэ и другие экономисты всегда резко полемизировали, как с направлением ошибочным, считает, что кредит, и в особенности банковый кредит, отнюдь не сводится лишь к переносу существующих капиталов, но что он в той или иной степени способен *создавать* новый капитал [1]). Такой взгляд на кредит мы после Ло встречаем в 30-х—40-х годах прошлого столетия у французских экономистов *Цешковского* (в книге „Du crédit et de la circulation"), *Коклена* (в книге: „Le crédit et les Banques"). Однако, наиболее яркое выражение эти идеи нашли в работах английского экономиста *Маклеода* (H. D. Mac Leod), на взглядах которого мы остановимся несколько подробнее.

Я считаю, что у Маклеода имеются три основные идеи относительно кредита. Первая идея заключается в утверждении, что кредит есть капитал. Вторая идея, которая в сущности до некоторой степени противоречит первой или во всяком случае с ней не согласуется, заключается в утверждении, что кредит создает капитал. Наконец, третья идея заключается в утверждении, что банк создает кредит.

---

[1]) В „Traité d'Economie Politique" (Paris. 1826. T. II, стр. 319–320), J. B. Say говорит объ этом направлении следующее: „Иногда воображают, что кредит умножает капиталы. Эта ошибка, которая часто воспроизводится во многих работах, основана на абсолютном непонимании природы и функции капиталов. Капитал есть всегда ценность вполне реальная и воплощенная в материи".

Ход рассуждений Маклеода, при помощи которого он старается обосновать первое из вышеуказанных утверждений, следующий. Если торговец взял у кого-нибудь деньги взаймы и дал взамен этого свой вексель, то этот вексель, находящийся в руках кредитора, есть реальный капитал этого кредитора, деньги же, которые кредитор дал заемщику, есть тоже капитал в руках этого заемщика. Таким образом, при кредите появляются новые ценности (векселя и пр.). Эти ценности обращаются и фигурируют в хозяйстве, как реальный капитал.

Приведем относящиеся сюда рассуждения Маклеода. „Кредит есть капитал“, заявляет он в своей книге „Theory and Practice of banking“ (стр. 128). „Кредит во всех его формах и видах есть прибавка к массе другого обмениваемого имущества“ [1]). „Кредит — это название известной формы невещественного имущества (incorporeal property), называемой также долгом (a debt). Это — право требовать известную сумму денег от известного лица в известное время“ [2]). „В Англии имущества, заключающиеся в векселях, банковых билетах и банковых кредитах, составляют свыше 600 миллионов фунтов стерлингов, и вопрос заключается в том: составляет ли эта сумма действительную самостоятельную ценность, или же является ценностью мифической. Все экономисты со времен Тюрго утверждают, что это ничто... Мы, напротив, вопреки всему сонму писателей Англии и Франции, начиная с Тюрго и кончая Миллем, доказываем, что это есть действительная ценность, ценность самостоятельная и независящая ни от денег, ни от товаров, и мы твердо убеждены, что правда на нашей стороне“ [3]).

---

[1]) „Credit in all its shapes and forms is an addition to the mass of other exchangeable property (Dict of Pol Econ)“. Цит. по книге Э. Вредена „Финансовый кредит“, СПБ. 1871, стр. 70.

[2]) Dictionary etc. Цит. по Knies'у „Der Credit“ I—te Hälfte. Berlin. 1876, стр. 70.

[3]) Г. Д. Маклеод. Основ. полит. эконом. Гл. III. Отд. III. § 25. Русск. пер. СПБ. 1865, стр. 343.

Иными словами, по мнению Маклеода, каждое лицо обладает не только капиталом в форме реальных благ, но и кредитом. Получая в банке деньги, заемщик продает банку часть этого своего имущества: продает ему долг. В этом заключается смысл утверждения Маклеода о том, что кредит есть капитал.

Ошибочность этого взгляда Маклеода была в достаточной мере доказана старыми экономистами (Книс), писавшими об этом вопросе. Ошибка Маклеода в данном вопросе, — как это можно считать установленным, — заключается в том, что он смешал кредитный документ с тем реальным капиталом, который этот кредитный документ представляет. Документ на капитал не является сам по себе капиталом и отдельно от вещного капитала этот документ в качестве капитала не существует.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении второй из упомянутых идей, которые Маклеод выдвинул в области кредита, а именно на его утверждении, что кредит создает капитал. В этой части его рассуждения также неубедительны [1]). Для анализа теории банкового кредита, которая нас здесь интересует, наиболее интересно *третье* из положений Маклеода, а именно, его утверждение, что банк создает кредит. На этой мысли интересно остановиться по двум причинам: во-первых, потому, что она встретила меньше всего возражений, как со стороны Криса, так и со стороны других авторов того времени, ибо они, повидимому, не совсем поняли эту мысль Маклеода, а во-вторых, потому, что эта идея очень распространена в современной английской и немецкой литературе о кредите.

Приведем раньше всего те мысли, которые высказывал по этому поводу Маклеод. Каким образом Маклеод приходил к выводу, что банк создает кредит? На этом необходимо остановиться потому, что некоторые новейшие писатели, о которых мы будем говорить в дальнейшем, мало

[1]) Убедительную критику этих утверждений Маклеода дает *Коможинский*. См. Die Nationaloek. Lehre v. Kredit. 2-te Aufl. Innsbruck, 1909, стр. 364 и сл.

ссылаются на Маклеода, между тем как они в сущности лишь повторяют то, что говорил Маклеод 50—60 лет тому назад. Для характеристики относяшихся сюда взглядов Маклеода приведем несколько выдержек из его сочинений. „Банк,—говорит Маклеод,—не есть учреждение для „займа" и „ссуды" денег, это есть фабрика кредита" [1]). „Примерно, до 1772 года",—говорит он в книге „Theory and Practice of banking", — банкиры придерживались первоначального способа выпуска банковых билетов, оплачиваемых предъявителю по его требованию. Но около этого времени они изменили форму покупки векселей. Когда клиенты приносили им векселя для учета, то они, вместо того, чтобы давать им свои банкноты, оплачиваемые предъявителю по требованию, *стали записывать стоимость векселя в кредит счета своих клиентов в своих книгах.* Затем они давали клиентам книжки, которые содержали некоторое количество листов определенной формы. Эти формы стали называться *чеками.* Чеки эти представляют собой не что иное, как векселя на банкира, оплачиваемые предъявителю по требованию... Отсюда следует, что чеки есть не что иное, как замена банкноты. Таким образом, мы видим, что хотя сначала „банковое дело" состояло в том, чтобы выпускать банковые билеты, оплачиваемые по предъявлению, банкиры, однако, придумали способ делать ту же самую вещь в других формах. До того периода, когда были введены чеки, лондонские банки производили очень большой выпуск банковых билетов, но... с того времени лондонские банкиры совсем прекратили выпуск банковых билетов и стали применять чеки, хотя им никогда не запрещали выпускать банкноты до банкового акта 1844 г.... Таким образом, современная система ведения банкового дела при помощи чеков, в принципе, в точности та же самая, что и прежняя система выпуска банковых билетов и лишь несколько отличается по форме. В том и в другом случае банковое дело (banking) состоит в созда-

[1]) См. A. Hahn указ. соч. Tüb. 1920. Эпиграф, а также стр. 52, примеч. 61.

нии обязательств. При первом способе... всем ясно, что банкир создал обязательства против себя учетом векселей. При современной форме все эти обязательства записываются в его книгах, как кредит на такую-то сумму и называются депозитами; эти депозиты образуются путем кредита, который был создан взамен наличных денег, как и взамен векселей; так что кажется и почти всеми признается, что то, что идет под рубрикой депозитов в публикуемых банковских балансах, есть будто бы вклады, которые внесены в банк наличными деньгами; между тем, они представляют собой не что иное, как создание кредита. Само название „депозит" — источник многих недоразумений. Обычно предполагают, что „депозит" в банке представляет собою вещь, которая туда положена. Но это совершеннейшая ошибка. Депозит — есть кредит, созданный взамен той вещи, которая туда положена, и когда банкир учитывает вексель, создавая кредит в своих книгах, то этот кредит является таким же „депозитом", каким является тот кредит, который банк создает взамен наличных денег. Поэтому надо всегда помнить, что, говоря на банковском языке, депозит это есть кредит, созданный в книгах банкира; вещь, которая депонирована, представляет собою актив или обеспечение" [1]).

Приведя слова Мак-Келлоха, который утверждает, что „под депозитными банками надо понимать банки для хранения и применения денег у них депонированных или им доверенных их клиентами или публикой, между тем, как под эмиссионными банками понимают те банки, которые кроме употребления или выпуска денег доверенных им другими, выпускают собственные деньги или банкноты, оплачиваемые по предъявлению"..., Маклеод говорит: „Этот взгляд явно ошибочен. Депозитный банк есть банк, который на подобие Венецианскому, Амстердамскому и Гамбургскому банкам служит только для той цели, чтобы хранить у себя деньги, и у которого созданный кредит совершенно совпадает с суммой депонированных у него наличных денег...

---

[1]) H. D. Macleod. Theory and Practice of Banking. Vol. I. Sec. Ed. L. 1866, стр. 120—122.

Но теперь все банки в Англии, независимо от того, выпускают они банкноты или нет, делают прибавку к сумме денежного обращения при помощи создания кредита, поэтому все эти банки должны рассматриваться в научном смысле слова, как эмиссионные банки"[1]). Маклеод заявляет, иными словами, что не существует разницы между банком эмиссионным и банком депозитным. Эмиссионный банк выпускает банковые билеты, а депозитный банк делает то же самое при помощи чековой системы.

Таким образом, с точки зрения Маклеода банковые учреждения не являются посредниками по кредиту, не представляют собою учреждений, которые должны ожидать, чтобы к ним сначала принесли деньги, для того, чтобы они затем могли давать эти деньги в ссуду. Напротив, дело начинается с другого конца. Банк — есть фабрика кредита, банк создает кредит и, создавая кредит, он этим самым создает депозит.

Итак, мы видим, что в лице Ло, Цешковского, Коклена и Маклеода в экономической науке представлено второе направление во взгляде на кредит, отличное от направления, представленного классиками. Это второе направление, повторяем, считает, что кредит не есть перенос капитала из предприятия в предприятие, что кредит способен создавать капитал. Что же касается банковского кредита, то оно считает, что банки не занимаются посредничеством в кредите, а представляют собой учреждения, создающие кредит. Отсюда вытекает то, что это направление, главным образом в лице Маклеода, считало, что суть банкового дела заключается не в его пассивах, а в его активах, по крайней мере в том смысле, что начало банкового дела лежит в активных операциях. Банк дает кредит, и уже в результате кредита получается депозит. В виду такого характера современных депозитных банков, согласно этой теории, нет принципиальной разницы между этими банками и банками эмиссионными, оперирующими при помощи выпус[illegible]ых ими банкнот.

---

[1]) Там же, стр. [illegible]

Взгляд Маклеода на банк, как на „фабрику кредита“, нашел свое отражение в работах ряда последующих экономистов. Так, мы встречаем ту же точку зрения у *Уитерса*. В своей книге: „The meaning of money“ он пишет: „Большая часть тех денег, которые сосредоточены публикой в банках, состоит из бухгалтерских кредитов, которые предоставлены ей ее банкирами. Обыкновенно предполагают, что банкиры берут деньги от одной группы клиентов и дают эти деньги в качестве ссуды другим клиентам, но в большинстве случаев деньги, полученные одним банком, даны были в ссуду другим“[1]). „Таким образом“, читаем мы дальше, „мы приходим к заключению, что банковские депозиты лишь в небольших размерах возникают в результате взноса наличных денег в кассы банков, в большем, но все же сравнительно малом размере — в результате покупки банками ценных бумаг, которые создают кредит в книгах, и, главным образом — в результате ссуд, полученных от банков, которые так же создают бухгалтерский кредит“ [2]).

Далее Уитерс ставит пред собой вопрос, который отчасти поставил и Маклеод, а именно, вопрос о том, до каких же пределов банк может создавать деньги, до каких пределов можно выдавать ссуды в уверенности, что всякая новая ссуда останется в качестве депозита на вкладах в банке. В старой книге Уитерса: «The meaning of money» мы находим по этому вопросу следующий ответ: „Эту систему можно продолжать до бесконечности... единственная задержка в увеличении банковых денег заключается в недостатке свободного от залога обеспечения“[3]).

В том же смысле высказался по рассматриваемому вопросу немецкий экономист *Шумпетер*. В книге „Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung“, вышедшей в 1912 г., он пишет: „Кто станет отрицать тот факт, что в наиболее развитых в хозяйственном отношении странах три четверти банковских депозитов просто основаны на кредитовой записи,

---

[1]) H. Withers. The meaning of money. 3-е изд. L. 1912 г. стр. 58.

[2]) Там же, стр. 72.

[3]) Цит. кн. стр. 93.

и что коммерсант должен, как общее правило, сначала сделаться заемщиком у банка, для того, чтобы потом стать его кредитором, что он должен сначала „взять в ссуду“ в банке то, что он uno acto депонирует [1]).

§ 3. Указанные выше взгляды на банк, как на учреждение, которое „создает кредит“, нашли в новейшей литературе наиболее яркое выражение в работах немецкого экономиста *Альберта Гана* (A. Hahn), главным образом, в опубликованной им в 1920 г. книге: „Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits“. Книга Гана вызвала в немецкой литературе оживленные отклики и мы считаем, поэтому, необходимым остановиться на его взглядах несколько подробнее.

Ган начинает указанную книгу с постановки вопроса о том, „что представляют собою те „средства“, которые банки, в частности коммерческие банки, дают в ссуду?“ [2]), На этот вопрос, по мнению Гана, существует в литературе пять ответов. Одно мнение говорит, что банк дает в ссуду капитал, другое — что товары, третье — что деньги, четвертое — что права требования (Forderungsrechte), и, наконец, пятое мнение считает, что банк дает в ссуду покупательную силу. Разбирая все эти понятия *Ган* доказывает, что ни одно из них не подходит под понятие тех „средств“, которыми банки на самом деле оперируют. Отсюда он делает вывод о несостоятельности господствующей теории о банковом кредите. По поводу этой критики Гана надо сказать, что ему, действительно, удается показать, что ни одно из перечисленных понятий не представляет собою тех средств, которыми оперируют банки, но в перечне Гана отсутствует тот предмет, который в действительности является объектом кредита, вообще, и банкового кредита, в частности. Этим объектом, как мы показали, является **ссудный капитал**, чужой капитал, а понятие ссудного капитала, как тоже было показано выше, не иден-

---

[1]) *J. Schumpeter.* Theorie der wirtschaftl. Entwickl. Leipzig. 1912, стр. 203—204.

[2]) A. Hahn. Volkswirtsch. Theorie d. Bankkredits. стр. 8.

тично ни с понятием „капитала“, вообще, ни с понятием „товара“, ни с понятием „денег“.

Чем же объясняется, по мнению Гана, то обстоятельство, что банковая теория дает неудовлетворительный ответ на вопрос об объекте кредита? Причина этого, как он думает, заключается в том, что банковая теория сложилась в эпоху обращения наличных денег и что те, которые пишут о банковом кредите, все время имеют в виду такой строй, при котором главным средством обращения являются наличные деньги. С другой стороны, — утверждает Ган, — банковая теория представляет себе дело таким образом, будто бы для того, чтобы банк давал ссуду, он должен иметь у себя запас средств, и она никак не может отделаться от идеи „запасов“[1]). Этим представлениям Ган противопоставляет следующий ход мыслей. Тот строй денежного обращения, который существует в настоящее время, по его мнению, в корне отличен от того строя денежного обращения, который имели в виду экономисты в то время, когда складывалась литература о банковом кредите. Особенность нынешнего строя заключается в слабом значении наличных денег и в преобладании депозитов, в качестве особого вида денег. В этом смысле, продолжает Ган, для того, чтобы избежать ошибок, пожалуй, правильнее — впадая, правда, в другую крайность, исходить при анализе проблемы банкового кредита из представления о таком строе, в котором наличных денег вообще нет, и в котором все товарные обороты совершаются при помощи безденежных расчетов. „Попытаемся—говорит Ган,—получить наши теоретические выводы для такого безденежного хозяйства“ („bargeldlose wirtschaft“), чтобы затем с своей стороны принять во внимание модификации, которые вносятся тем фактом, что деньги на самом деле еще играют известную роль на некоторых рынках“[2]).

Положив в основу своих рассуждений эту гипотезу, Ган затем на протяжении многих десятков страниц рассу-

[1]) Там же, стр. 24.

[2]) Там же, стр. 24—25.

ждает о том, как складываются соотношения при таком хозяйственном строе, в котором совершенно отсутствует циркуляция наличных денег, и в котором весь товарооборот осуществляется при помощи чековой системы и депозитов.

Основной вывод о природе банковского кредита, к которому приходит Ган при анализе строя безденежного хозяйства, он формулирует в следующих словах: „Итак, в противоположность всей, в этом отношении почти единодушной, банковой и кредитной литературе, мы утверждаем, что не пассивная операция банка и, в частности, не депозитная операция является первичной, но что, как в общем, так и в каждом отдельном случае, раньше должна иметь место активная операция какого-нибудь банка для того, чтобы после этого сделалась возможной и была вызвана пассивная операция банка: пассивные операции банков есть не что иное, как рефлекс ранее совершенных операций по предоставлению кредитов“[1]).

По поводу этой формулы я должен раньше всего отметить, что она вовсе не противостоит всей „почти единодушной“ банковой кредитной литературе, как это думает Ган. Это заявление Гана опровергается цитатами из сочинений тех писателей, о которых я упомянул. Маклеод, как мы видели, говорил об этом, приблизительно, в тех же самых выражениях. Ган в примечании к цитированному отрывку усматривает этот взгляд только в „неясных утверждениях Маклеода“ и у Шумпетера. На самом деле Маклеод, как мы видели, высказывал за многие десятилетия до Гана те же мысли с полной ясностью.

Что касается вопроса по существу, то надо сказать, что если исходить из той предпосылки, которую имеет в виду Ган, а именно из представления о таком хозяйстве, в котором совершенно не существует в обращении наличных денег, а имеются только чеки, то утверждение Гана будет

---

[1]) Там же, стр. 29.

до некоторой степени правильно. При таком строе денежного обращения банк, действительно, в состоянии будет создавать кредит. и активные операции банков будут предшествовать пассивным. В самом деле, представим себе, что никто не имеет наличных денег, а все хозяйствующие субъекты имеют текущие счета в банках. Представим себе, что банк открыл какому-нибудь предприятию кредит в 100 т. р. Банк запишет на актив своего баланса долг этого предприятия в 100 т. руб. и в то же время поставит эти 100 т. р. на свой пассив в качестве депозита данного предприятия в этом банке. Допустим теперь, что это предприятие желает купить на деньги какой-нибудь товар. Оно для этого должно выписать чек и вручить его продавцу. Поскольку и у продавца нет возможности получить наличные деньги, а есть только возможность получить этот чек, он и явится временным обладателем депозита. Он может дальше передать этот чек в платеж другому лицу или внести его на свой текущий счет в банк. При всех условиях, что бы ни сделал с чеком продавец товара, получивший его в платеж, депозит останется на пассиве того или другого банка. Таким образом, совершено естественно, что в результате той активной операции, которую совершил данный банк, у этого банка или у другого банка на счету данного предприятия или на счету какого-нибудь другого клиента образуется депозит. Оказывается, действительно, что банк создает свои пассивы при помощи своих активных операций. На первый взгляд это кажется парадоксальным. Но на самом деле в этом утверждении нет ничего парадоксального, именно потому, что т о г и п о т е т и ч е с к о е х о з я й с т в о, к о т о р о е и м е е т в в и д у Г а н, п р е д с т а в л я е т с о б о й н е ч т о и н о е, к а к с х е м у б у м а ж н о-д е н е ж н о г о о б р а щ е н и я с н е о г р а н и ч е н н о й э м и с с и е й. Ибо, что собою представляет система, при которой лицо, получившее чек на банк, ничего не может сделать с этим чеком, как только внести этот чек в качестве вклада в тот же или в другой банк? Это — система, имеющая полную аналогию с системой бумажно-денежного обращения с неограниченной эмиссией, на что, между прочим, указывает Б о р т-

кевич [1]). А так как мы знаем, что в условиях бумажно-денежного обращения, в условиях обращения неразменных банкнот эмиссионные банки имеют возможность создавать кредит, то нас не должен удивлять вывод, что при таком положении вещей, когда циркулировать могут только чеки, которые банк не обязан оплачивать наличными деньгами, банк может „создавать кредит". Разумеется, здесь совершенно не ставится вопрос о том, какие последствия произойдут для банка, если он будет расширять кредит и этим увеличивать свои депозиты или, иначе говоря, не ставится вопрос об инфляции. Ган и сам не предполагает отрицать возможности инфляции. Вопрос идет не о том, какое влияние будет иметь этот процесс, если он будет происходить безостановочно, а лишь о том, могут ли банки это делать, в состоянии ли они открывать кредиты, в предположении, что в результате этих кредитов вклады у них появятся сами собою. Исходя из приведенной гипотезы, а именно из представления о том, что перед нами строй, аналогичный строю бумажно-денежного обращения с неразменной банкнотой и неограниченной эмиссией, мы и должны признать правильным утверждение, что в этом случае для банкиров, действительно, существует возможность увеличивать кредиты. Поскольку Ган остается на позиции „bargeldloser Wirtschaft", его утверждение является правильным. При данной предпосылке получается вывод, против которого не приходится возражать. Надо лишь иметь в виду, что и в этом случае, как мы увидим ниже, пределы эмиссии могут быть ограничены, поскольку клиенты банков начнут погашать свою задолженность при помощи своих депозитов.

Однако, совершенно иное положение получается, когда Ган спускается с небес на землю, когда он от этого воображаемого строя, представляющего полную аналогию со строем бумажно-денежного обращения, подходит к другому строю, в котором на-ряду с депозитами и чеками, исполняю-

---

[1]) См. его статью о Гане в „Weltw. Archiw" пер. русск. в журнале: „Экономич. Строительство", М. 1922 г. № 1, стр. 15.

щими функцию денег, существуют банкноты и металлическое обращение. Тогда он наталкивается на противоречия и вынужден высказывать целый ряд мало обоснованных парадоксов [1]). Однако, на этой части рассуждений Гана мы здесь останавливаться не будем.

§ 4. Не вдаваясь здесь в подробный разбор банковой теории Гана и его предшественников, я попытаюсь, рискуя отчасти повториться, противопоставить ей свою концепцию теории кредита и банкового дела, которая представляет собой развитие взглядов на кредит классической школы. Эта концепция, вместе с тем, должна дать ответ на те вопросы, которые Гану казались неосвещенными.

Раньше всего, как я уже сказал, под кредитом, вообще, я вслед за Марксом понимаю обращение капитала в чужом предприятии. Отсюда следует, что банк, вопреки утверждению Гана, не есть фабрика кредита, а является посредником в кредите. На вопрос о том, чем „торгуют" банки, мы не можем ответить ни что банки торгуют *капиталом*, ни что банки торгуют *товаром*, ни что банки торгуют *деньгами*, но мы должны ответить, что *банки торгуют ссудным капиталом.*

Банк есть посредник в кредите. Тот товар, которым банки торгуют, есть чужой капитал, ссудный капитал, капитал, который ищет помещения в чужом предприятии. Являясь посредниками в кредите, банки выполняют, однако, эту посредническую функцию лишь по отношению к одной части того кредита, который существует в обществе. Во всяком случае, сколько бы кредитных сделок ни проходило через банки, на каждый данный момент банки являются посредниками только в отношении одной части кредита каждой страны, и в каждый данный момент кредитные отношения страны в целом значительно превосходят те кредитные отношения, которые отражаются в операциях банков. Если мы возьмем, например, данные о кредите в России на 1 января 1914 г., то увидим, что в это время состояло

[1]) Более подробно о Гане см. в указанной моей статье: „Некоторые проблемы теории кредита".

в обороте: государственных облигаций—на 7.152 милл. руб. железно-дор. облигаций—на 1.671 милл. руб., закладных листов на 3.600 милл. руб. Иными словами, по этим трем статьям было кредитных отношений на сумму около 12 миллиардов рублей. А, между тем, все эти кредитные отношения не имели прямого отношения к операциям банков, если не считать того, что некоторая часть этих бумаг была заложена в банках (ценные бумаги на хранении нам здесь, конечно, не приходится принимать в расчет).

Капиталы на 12 миллиардов рублей, принадлежавшие одним лицам — держателям закладных листов, облигации государственных займов, ж.-д. облигации находились в руках других предприятий: железных дорог, государства и тех землевладельцев, которые получили деньги из ипотечных банков. На-ряду с этими 12 миллиардами рублей мы имели другую статью--вклады и текущие счета частных коммерческих банков, которые на 1 января 1914 г. достигали приблизительно 2,5 миллиардов рублей и которые были помещены в активах банков.

Таковы были на 1 января 1914 г. в России соотношения между кредитом банковским (депозитных банков) и внебанковским. Правда, отношения здесь несколько переплетаются, ибо часть денег, поступивших в коммерческие банки во вклады и на текущие счета, была ими помещена в ж.-д. облигациях, закладных листах и в облигациях государственных займов, как в форме ссуд под эти ценности, так и в форме покупки их за свой счет. Но если отвлечься от этого момента, то все же останется тот факт, что кредитные отношения, в которых посредниками являлись коммерческие банки, составляли лишь небольшую часть общей массы всех тех кредитных отношений, которые в тот момент существовали в стране. При этом положение не меняется от того, что целый ряд кредитных отношений, которые на 1 января 1914 г. существовали вне банков, в свое время прошли через банки. Так, например, закладные листы могли состоять некоторое время в залоге в том или другом банке и участвовать в образовании его актива, но так как они постепенно выкупались, то в том положении, в котором

мы застаем кредитные отношения на 1 января 1914 г., они уже в банковом кредите не участвовали.

Это обстоятельство имеет коренное значение. Оно показывает, что кредитные отношения страны нельзя сводить к тем лишь кредитным отношениям, которые отражаются на балансах коммерческих банков. Надо помнить, что *банковский кредит есть часть и, пожалуй, небольшая часть кредита всей страны,* и что понятие банковского кредита должно укладываться в общую схему кредита страны в целом. Кредит есть всегда обращение капитала в чужом предприятии. Кредит есть всегда переход ссудных капиталов из предприятия—в широком смысле слова—в предприятие; банковский же кредит есть та часть этого перехода ссудных капиталов, которая осуществляется при помощи банков. Участие банковского кредита в общем кредите страны определяется тем остатком кредита, который числится на балансе банков на каждый данный момент.

Чтобы подойти к правильному пониманию роли современных депозитных банков, я считаю необходимым предварительно вновь остановиться — несколько подробнее — на выяснении роли эмиссионных банков, ибо, соглашаясь в этом пункте с Маклеодом и Ганом, я также думаю, что современные депозитные банки продолжают работу старых эмиссионных банков. В этом смысле депозитный банк можно даже, пожалуй, назвать фигурально таким эмиссионным банком, который занимается „эмиссией“ депозитов или чеков. Надо лишь отдать себе отчет в том, что депозиты, которые „выпускает“ этот банк, как мы об этом скажем дальше, имеют своеобразную природу.

Обращаясь к выяснению природы эмиссионного банка, надо сказать, что эмиссионный банк при выпуске банкнот в известном смысле, действительно, „создает кредиты“, поскольку он при этом выпуске *насильственно* переносит капиталы держателей банкнот в предприятия заемщиков банка. В отличие от того кредитного отношения, при котором кредитор приходит к заемщику и предлагает ему свой капитал, эмиссионный банк передает капиталы креди-

тора, т.-е. держателя банкноты, в предприятие заемщика, не спрашивая кредитора о том, желает ли он эти капиталы передавать или нет. Банк, эмиттируя банкноту, самым фактом размещения своей банкноты производит, конечно, насильственно перенос капитала из предприятия держателя банкноты в предприятие заемщика. На чем базируется, однако, эта способность эмиссионного банка производить подобную насильственную передачу капитала из предприятия держателя банкноты в предприятие заемщика? Она базируется на том, что банкнота играет роль денежного знака или, иными словами, *на денежной природе банкноты.* Тот факт, что держатель банкноты нуждается в деньгах в качестве денежных знаков, и дает возможность эмиссионному банку переносить капиталы из предприятия держателя банкнот в предприятие своего заемщика, и переносить их, как мы сказали, в известном смысле *насильственно.*

Само собой разумеется, что при системе неразменных банкнот эта возможность для эмиссионного банка создавать кредит является очень большой и может в известных случаях быть безграничной. Так бывает при эмиссии бумажных денег. Пределы эмиссии банкнот определяются в этих случаях благоразумием банка, нежеланием его произвести инфляцию, но не тем, что банк не в силах выпустить банкноты дальше этих пределов. Совершенно иначе обстоит дело при разменной банкноте. При разменной банкноте, т.-е. при том условии, когда держатель банкноты имеет возможность потребовать в банке в обмен на банкноту золото, он защищен от чрезмерного выпуска банкнот со стороны банка, ибо он может осуществить свое право, потребовать в банке золото, экспортировать его за границу и обменить его там на товар.

Но я должен обратить внимание на то, что как при разменной, так и при неразменной банкноте существует еще один предел для эмиссии. Дело в том, что как при разменной, так и при неразменной банкноте, возможен обратный приток банкнот в банк и уменьшение в этом порядке кассовых остатков коммерческих предприятий. В этом смысле правильны были доводы школы „Бенкинг“. Если

банкноты выпускаются не для целей финансирования войны, если их получает не государство, а коммерческий оборот, то обращение их может до некоторой степени регулироваться тем, что банкнота может возвратиться в кассу банка для погашения тех долгов, которые предприятие имеет у банка. Таким образом, и с этой стороны существует предел для выпуска банкноты. Это не значит, что правилен также взгляд школы „Бенкинг", будто этот обратный приток банкнот в банк происходит автоматически и что выпуск излишних банкнот, поэтому, вообще невозможен. Этот излишний выпуск, этот „over issue" на самом деле возможен, потому что обратное движение банкнот для погашения задолженности банкам может происходить с большим опозданием. Возврат банковых билетов может произойти после того, как произошла инфляция. Вот почему, я считаю, что эмиссия банковых билетов, как разменных, так и неразменных, *может* произвести инфляцию, но это не изменяет того положения, что держатель банкноты может оказать противодействие дальнейшему выпуску путем обратного предъявления банкноты в банк для погашения своего долга.

Таким образом, мы приходим к заключению, что предел эмиссии разменных банкнот коренится в потребности оборота в денежных знаках. Но в то же время надо признать, что *самая потребность оборота в денежных знаках есть величина в известной мере эластичная.* Отношение между количеством денег и количеством товаров есть отношение эластичное. Оно не является беспредельным, но в известных пределах оно может быть больше или меньше. Иными словами, при одном и том же товарообороте количество денег может быть несколько больше и несколько меньше. *Поскольку имеется известная эластичность в общем соотношении количества денег и количества товаров, которые имеются в данном обществе в данный момент, поскольку между этими величинами нет постоянной пропорции, которую бы можно было установить на основании количества товарооборота и быстроты обращения, постольку эмиссионный банк имеет в известном смысле воз-*

можность создавать кредит [1]). Иными словами, в пределах этой эластичности, размеры которой мы точно определить не в состоянии, эмиссионный банк может создавать кредит. Благодаря указанной эластичности банк может усилить кассовые остатки держателей банкноты или их ослабить и может таким путем усилить или ослабить те средства, которые он дает в ссуду своим заемщикам. Конечно, когда банк переходит за границы этой эластичности, тогда он попадает в полосу инфляции, которая окажется частичной, если оборот заявит протест и сумеет вернуть в банк излишне выпущенные банкноты, или окончательной и полной, если у оборота возможностей для противодействия не имеется.

§ 5. Переходим теперь к вопросу о депозитных банках. Как я уже сказал, депозитный банк отличается по своей природе от банка эмиссионного постольку, поскольку депозиты представляют собой особый вид денег. Для правильного понимания теории банкового кредита в ее отношении к природе современных депозитных банков необходимо поэтому установить, в чем главная особенность природы депозитов. *Чем депозиты, в качестве денег, отличаются от банкнот и какое значение это отличие депозитов от банкнот имеет для всего дела кредитных операций?* Особенность депозитов в интересующем нас смысле заключается, по моему мнению, главным образом в том, что *они имеют двойственную природу*. Как я писал несколько лет тому назад в одной из своих работ, „депозиты являются для вкладчиков потенциальными деньгами. Вкладчик может выписать чек и пустить соответствующую сумму в циркуляцию. Но в то же время „банковые деньги“ приносят процент. Они выступают для вкладчика в двойной роли, в роли денег, с одной стороны, и в роли капитала, приносящего процент—с другой. Используя депозиты в качестве денег, вкладчик лишается возможности получить на них процент, т.-е. использовать их в качестве капитала. Этот

---

[1]) Критику понятия быстроты обращения, см. в нашей статье „Принципы банкнотного обращения“. Социал. Хоз. 1925 г., № 2.

двойственный характер депотитов,—выступление их как в форме денег, так и в форме капитала—создает известное психологическое отличие между отношением хозяйствующего субъекта к депозитам и отношением его к наличным деньгам. Банковые деньги являются отчасти капиталом, не обладают той силой „обращаемости" которая присуща наличным деньгам" [1]).

Я должен подчеркнуть, что это понимание природы депозитов коренным образом отличается от того рассуждения о двояком значении депозитов, которое мы встречаем у Гана и целого ряда других авторов. Они представляют себе дело таким образом, что среди банковских вкладов существуют две части: одна часть—вклады на длительный срок, которые являются капиталом, другая часть—текущие счета—которые являются деньгами, или, иными словами, что одна часть депозитов банка есть капитал, а другая их часть есть деньги. Между тем, необходимо признать, что депозиты являются для вкладчиков и капиталом и деньгами не в том смысле, что в общей сумме депозитов одна часть есть деньги, а другая есть капитал, а в том смысле, что банковские депозиты являются в целом вещью с двойственной природой. *Депозиты являются одновременно и деньгами и капиталом,* они для вкладчика одновременно и денежные знаки и капитал, отданный в ссуду. В то же время, поскольку депозит представляет собой для вкладчика одновременно и деньги и капитал, приносящий проценты, постольку надо сказать, что процент принадлежит к существенным моментам природы депозитов. Утверждение, которое делает между прочим Ган, что процент будто бы не играет существенной роли в природе депозитов, неверно. Не подлежит сомнению, что если бы сейчас во всех странах депозиты были бы объявлены беспроцентными, то размеры их упали бы катастрофически, и они перестали бы играть прежнюю роль в операциях банков.

---

[1]) См. мою статью: „Обесценение бумажных денег на внутреннем рынке" в „Очерках по теории и практике денежного обращения". Л. — М. 1922 г., стр. 39.

Но депозиты не только имеют двойственную природу в том смысле, что они являются с точки зрения вкладчика одновременно и деньгами и капиталом. Они, вместе с тем, выполняют и ту и другую роль, т.-е. и роль денег и роль капитала, приносящего проценты, не в полной мере. От наличных денег, напр., от банкнот их отличает то, что депозит это—деньги, переданные в банк: между тем, ни один банк не может давать вкладчику абсолютную гарантию в том, что деньги по вкладу будут своевременно выплачены. В лучшем случае эту гарантию может давать центральный банк страны, имеющий право выпуска банкнот, но как раз в центральном банке депозиты держат в гораздо меньшей степени чем в других, что, в свою очередь, объясняется низким процентом, который платят эти банки. Кроме того, депозит, как деньги, имеет еще и другое неудобство, заключающееся в том, что депозитом нужно оперировать при помощи чека, который в современных условиях не имеет обязательного хождения и не может циркулировать в обороте целого ряда отраслей и, главным образом, в мелком обороте.

Но депозит имеет для вкладчика то преимущество перед наличными деньгами, что он является в то же время и капиталом, т.-е. что он приносит ему проценты. Это обстоятельство имеет громадное значение. В общем и целом, каждое хозяйствующее лицо всегда стремится к тому, чтобы общий размер его денежной наличности составлял по возможности меньшую часть по сравнению с общим размером его реального капитала. Чем меньше пропорция между денежной наличностью и всем реальным капиталом предприятия, тем меньше у него неиспользованного реального капитала, и тем больше дохода оно должно давать. Но по отношению к той части кассы предприятия, которая лежит в качестве вклада в банке, этот мотив действует с ослабленной силой и не играет столь решающей роли, какую он играет в отношении наличных денег, ибо за деньги, лежащие в банке, предприниматель получает процент, и наличность этих денег не представляет для него чистой потери. В то же время в природе депозита, как

капитала, приносящего проценты, имеется для вкладчика существенный недостаток по сравнению с прочим капиталом, приносящим проценты. *Этот недостаток заключается в том, что депозит приносит пониженный процент* по сравнению с тем процентом, который обыкновенно приносит капитал. Этот пониженный процент—не случайное явление, а существенный момент в природе банка, ибо вся работа банка основана на том, что процент, платимый по депозитам, ниже того процента, который банки получают за помещаемый ими в различных предприятиях капитал. Это обстоятельство делает для вкладчика, который имеет депозит в банке, употребление капитала, как капитала, приносящего проценты, в этой форме менее выгодным, чем прямое помещение капитала в чужом предприятии.

Таким образом, депозиты представляют собой деньги, но деньги своеобразные. Они отличаются от банкноты двойственностью своей природы, заключающейся в том, что вкладчик имеет в них одновременно и деньги и капитал, приносящий проценты. Но, с другой стороны, проценты, которые они приносят вкладчику, *ниже* тех процентов, которые приносит всякий другой ссудный капитал.

Этим характером депозитов определяется и природа современного коммерческого банка. Из двойственности природы депозитов вытекает то обстоятельство, что размеры их определяются двоякого рода причинами. А именно, с одной стороны, размеры депозитов определяются потребностью оборота в денежных знаках. Предел увеличения депозитов упирается в тот факт, что общая масса денежных знаков, необходимых в хозяйстве, есть величина ограниченная. Эта общая масса денег ограничена потребностями кассы и известным соотношением между кассой и реальным капиталом отдельных предприятий. Если банк расширяет кредиты, и, в результате этого, растут его депозиты, то результатом этого роста депозитов должно быть увеличение кассовых остатков отдельных предприятий. Если это увеличение кассовых остатков идет быстрее, чем идет рост реальных капиталов в народном хозяйстве и в отдельных хозяйствах, то кассовые остатки отдельных предприятий должны ока-

заться в избытке. Предприятие тогда начинает терять оттого, что оно имеет избыток кассовых остатков. Этим устанавливается предел для роста депозитов, а, следовательно, и для роста кредитов.

С другой стороны, поскольку мы в депозите имеем вещь с двойственной природой, поскольку существенной особенностью депозита является то, что он есть капитал, приносящий процент, постольку *рост депозитов означает увеличение в каждом отдельном предприятии капитала, приносящего проценты.* Но каждое отдельное предприятие только до известного предела может накоплять капитал, хотя и приносящий процент, но процент *пониженный*. Между тем, в той мере, в какой предприятие желает или вынуждено помещать часть своих капиталов в чужом предприятии и иметь на них постоянный процент, оно это может сделать в двух формах: оно может использовать двойственную природу депозитов, использовать услуги банка, как посредника, и получать пониженный процент на свой капитал или же оно может отказаться от услуг банка, как посредника, не воспользоваться двойственной природой депозита, но помещать свои капиталы в чужие предприятия из обычного рыночного процента. По этой причине и возможность использования этого свойства депозитов, т.-е. их свойства приносить процент, ограничена пределом насыщения отдельных предприятий капиталами, приносящими *пониженный* процент. За известным пределом для предприятия оказывается невозможным помещать свои капиталы в чужом предприятии из пониженного процента. Предприятия могут итти на помещение своего капитала в банках из пониженного процента для того, чтобы иметь в этом капитале одновременно и деньги. Тем не менее, жертва, которую для этой цели может нести предприниматель, не беспредельна. Она теряет для него всякий смысл, когда размер капитала, помещенного таким путем из пониженного процента, доходит до известного максимума.

Тогда должна наступить коллизия между ростом депозитов в банках и ростом операций остального денежного рынка. В самом деле, мы видели, что кредит осуще-

ствляется в двух формах. Есть кредитные отношения, проходящие через банки, и есть кредитные отношения, существующие вне банков. Поэтому, когда капитал, приносящий пониженный процент, достигает у отдельных предприятий известного предела, они бывают вынуждены отказаться от дальнейшего убыточного употребления своего капитала для получения такого же пониженного процента, несмотря на то, что капитал, находящийся в банке, может выступить и в роли денег. Если же у них имеется избыточный ссудный капитал, они в этом случае могут осуществить кредит, обратившись непосредственно к общему денежному рынку и минуя посредничество банка. Иначе говоря, так как на каждом депозите, который лицо имеет в банке, оно теряет известный процент, то эту потерю отдельное лицо или предприятие может себе позволить только до тех пор, пока для него представляется интересным использование двойственной природы депозитов. Как только эта сторона перестает его интересовать, депозиты являются для него излишними. Таким образом, депозит может оказаться излишним в обоих отношениях. Во-первых, он может оказаться излишним для кассы в качестве потенциальных денег, а, во-вторых, он может оказаться излишним, как форма помещения капитала, так как в этом втором качестве капитал можно использовать не только при посредстве банка, помещая его из пониженного процента, но с большей выгодой и при помощи общего денежного рынка [1]).

Теперь перед нами встает другой вопрос. Допустим, что рост вкладов дальше известного предела невыгоден для вкладчиков, что у них имеется стимул, чтобы бороться против слишком большого нарастания их депозитов. Имеют ли они, однако, возможность вести такую борьбу? Есть ли у них возможность защищаться от наплыва депозитов? На этот вопрос приходится ответить утвердительно.

---

[1]) Это обстоятельство, т.-е. конкуренция, которая существует между банковским кредитом, с одной стороны, и между кредитом всей страны — с другой, между прочим, совершенно упускается из виду Ганом, и потому он не замечает того стимула, который имеется у предпринимателя к тому, чтобы защищаться от роста его депозитов.

Основной способ защиты состоит в следующем: в той мере, в какой депозит, который банк создал искусственно при помощи своего кредита, оказывается лишним, клиент предъявляет требование на наличные деньги. Так, в современных условиях при существовании денежного хозяйства, предприниматель может потребовать от банка наличные деньги, купить на них реальные капиталы, реальные услуги, нанять рабочую силу, словом, увеличить свой реальный капитал по сравнению со своим денежным капиталом. В том случае, когда страна не нуждается в наличных деньгах, наступает, в силу экономического закона, установленного Рикардо, вывоз золота за границу и превращение избытка денежных знаков в реальные ценности. Если банк для того, чтобы иметь возможность выполнить требования на эти своеобразные потенциальные деньги, может иметь депозитов только на $2^1/_2$ миллиарда рублей, а он „выпустит“ их на 3,5 миллиарда рублей, т.-е. откроет кредиты и запишет на текущие счета лишний 1 миллиард рублей, то, поскольку у держателей текущих счетов в совокупности нет импульса для того, чтобы держать такие большие кассы, они должны будут потребовать от банка наличные деньги на 1 миллиард рублей. В первую очередь, этот миллиард рублей может пойти в кассы тех лиц и предприятий, которые не держат денег на текущих счетах. Если же мы предположим, что для лишнего миллиарда рублей, вообще, нет места в денежном обращении страны в данный момент, то вкладчики, очевидно, должны будут пополнить свои предприятия реальными продуктами при помощи экспорта золота за границу. В том и другом случае, открытие кредита и повышение депозитов на 1 миллиард рублей окажется невозможным.

Но как мы уже упомянули, существует и другая причина, которая делает невозможным увеличение депозитов дальше известного предела. Мы имеем в виду то обстоятельство, с которым нам уже приходилось встретиться при анализе работы эмиссионных банков и которое заключается в том, что вкладчики депозитного банка, подобно держателям банкнот эмиссионного банка, *могут бороться с искус-*

ственным ростом банковского кредита при помощи погашения своего долга банку. Это, между прочим, является таким моментом, который в одинаковой степени относится как к случаю, когда мы имеем на-ряду с безденежным оборотом наличные деньги, так и к случаю исключительно безденежного обращения. Допустим, что банки имеют дело с клиентурой, которая работает только с текущими счетами и совсем не употребляет в своих оборотах наличных денег. Допустим, что клиенты банка нуждались в депозитах на сумму $2^1/_2$ миллиарда рублей, а банки открыли кредитов на $3^1/_2$ миллиарда рублей, и депозиты в результате этого дошли тоже до $3^1/_2$ миллиардов рублей. Тогда эта клиентура, если даже она не имеет возможности использовать излишние депозиты для получения наличных денег, может, тем не менее, понизить свои депозиты путем погашения своей задолженности банку как до срока, так и в срок. В результате этого погашения понизится как актив, так и пассив банка. Конечно, этот случай борьбы вкладчиков против чрезмерного роста их депозитов отличается от других. В тех случаях, когда банк может опасаться, что у него потребуют больше наличных денег, чем он будет в состоянии предоставить, он оказывается вынужденным во избежание риска просто отказаться от открытия кредитов. В случае, о котором мы сейчас говорим, банку нет надобности справляться со своей наличностью. Он может как-будто открывать кредиты сколько ему заблагорассудится, и открывать новые кредиты после того, как старые погашены. Однако, здесь нет различия по существу, ибо если открытие каждого нового кредита будет сопровождаться погашением какого-нибудь старого, то кредитная работа банка в целом не будет расти, и банк не сможет считать, что он развивает свою кредитную работу.

Вот почему я прихожу к тому заключению, что размер кредита, который банк может оказывать, не определяется волей самого банка и не является такой величиной, которую банк может устанавливать без всякого ограничения. Пределы кредитов, которые банки могут открывать, коренятся в соотношении сторон: кредиторов и заемщиков.

Их соотношение решает вопрос о размере кредитов, которые может открыть банк, в качестве посредника в кредите. Это соотношение зависит, с одной стороны, от обилия свободных ссудных капиталов, а с другой — от потребности заемщика в ссудных капиталах или, иными словами, от соотношения спроса и предложения ссудных капиталов. Но в отношении депозитного банка мы так же, как и в отношении эмиссионного банка,[1] имеем налицо известную *эластичность* в области развития кредитных отношений, и в пределах этой эластичности банки могут расширять кредитные отношения. Возможно, что пределы этой эластичности у депозитного банка шире, чем у эмиссионного банка, вследствие того, что депозитный банк может использовать двойственную природу депозитов или то обстоятельство, что депозиты играют для вкладчика не только роль денег, но и роль капитала. Как бы то ни было, эта эластичность, базирующаяся, как мы выяснили выше, на эластичности потребности оборота в денежных знаках, играет решающую роль в общем размере банковского кредитования. Поэтому было бы неправильно утверждать, что банк абсолютно бессилен расширить размер своего кредитования. Необходимо признать, что *в виду некоторой эластичности, существующей как в области спроса и предложения на денежные знаки, так и в спросе и предложении на ссудные капиталы, проходящие через банки, банк имеет возможность известного расширения своих кредитов*, и в связи с этим может быть вызван, как следствие этого, некоторый рост его депозитов. Но все эти возможности находятся в пределах указанной эластичности и не представляются беспредельными. Само собой разумется, что самый рост кредитов является фактом, который сам по себе приводит к увеличению депозитов, ибо рост кредитов связан с дальнейшим расширением хозяйства, сопровождается увеличением потребности в денежных знаках, а это открывает дальнейшую возможность роста депозитов.

Таким образом, мы установили, что предел роста депозитов коренится не в воле банков, а в условиях, вне их

лежащих. При таком понимании банковского кредита в значительной мере теряет свое значение вопрос о том, что является первичным в банковском деле, актив или пассив, или вопрос о том, с чего банку приходится начать, должен ли он сначала получить депозит, чтобы затем открыть кредит, или же он должен сначала открыть кредит, чтобы затем получить депозит. В самом деле, вопрос о начале и конце банковских операций теряет свое значение потому, что рост активов и пассивов происходит одновременно, но и тот и другой зависят не от банка, а от условий, которые лежат вне банка и которые коренятся в соотношениях между кредиторами и заемщиками, в общих условиях денежного обращения и в условиях движения ссудных капиталов. При этом надо сказать, что, как бы мы ни подходили к этому вопросу, будем ли мы считать, что пассивы стоят над активами или наоборот, мы в том и другом случае будем упираться в один и тот же предел для роста активов и пассивов. Мы можем представлять себе дело так, что сначала пассивы начинают увеличиваться в силу требования на денежные знаки, и вообще, в силу условий, лежащих вне банка, и что в результате этого банк имеет возможность увеличить свои активы. Мы можем, наоборот, представлять себе дело так, что банк, *учитывая лежащие вне его условия, предстоящий рост пассивов*, увеличивает свои активы, которым затем начинает соответствовать рост пассивов. Как то, так и другое представление одинаково правомерно, но оба они должны исходить из того факта, что *размеры операций банка определяются не им самим, а общими условиями денежного рынка, на котором банк является лишь посредником.*

Такое понимание сущности банкового кредита, как мы об этом подробнее говорили в главе II, вовсе не должно, однако, исходить из предположения о наличности каких-то „запасов“ средств, которыми банки должны оперировать. Ссудный капитал не есть такой товар, который имеется где-то в виде запаса и которым банки располагают, заимствуя его из этого запаса. Ссудный капитал — это взаимоотношение между лицами, имеющими капитал

и желающими передать его в чужое предприятие, и между предприятиями, нуждающимися в чужом капитале. Если говорить, о „запасе“ то можно, пожалуй, говорить, выражаясь фигурально, о „запасе склонности“ к передаче капитала в чужое предприятие. Эта склонность в каждый данный момент определяется, в свою очередь, состоянием рынка ссудных капиталов, общим положением хозяйственной конъюнктуры, рыночным процентом, словом, совокупностью фактов. Когда рыночный процент высок и конъюнктура высока, лицо, обладающее капиталом, не имеет склонности передавать его в чужие предприятия, а предпочитает употреблять его в своем предприятии. А когда говорят об обилии ссудных капиталов, то, это означает, что в данный момент конъюнктура такова, что лица, обладающие капиталом, не желают использовать его в своих предприятиях и для них выгоднее передавать капитал в чужие предприятия. Рост и ослабление кредита—это есть рост или ослабление склонности капиталистов передавать капитал в чужие предприятия и склонности у лиц, которым нужно его получить, к получению ссуд.

Итак, банк, учитывая соотношение спроса и предложения ссудных капиталов, отнюдь не имеющихся в „запасе“, открывает кредит. Совершенно не существенно, открывает ли банк кредит после того, как к нему попал депозит, или до того. В том и другом случае он открывает кредит на основании учета кредитной конъюнктуры, состояния денежного рынка. Банк открывает кредиты в определенной сумме, поскольку он, согласно общей оценке денежного рынка и своего положения на нем, имеет основание считать, что в течение данного времени количество ссудных капиталов, которое к нему поступит, будет то, а не иное. Если угодно, можно сказать вместе с Ганом, что банк совершенно свободен в открытии кредитов, но лишь с одной оговоркой: постольку, поскольку он верно учел предложение ссудного капитала, которое будет происходить на протяжении ближайшего периода времени. Банк находится на положении комиссионера, который не имеет собственного склада товаров, но который знает спрос и предложение

этих товаров. Такой комиссионер может запродать товар, которого у него нет, и закупить товар, на который у него лишь со временем будет спрос. Банк есть комиссионер, не имеющий в своем распоряжении ссудного капитала, но он учитывает как предложение, так и спрос на этот капитал. Когда банк правильно учитывает это соотношение, тогда он правильно ведет свое дело. Когда он слишком много „запродал" или „закупил", тогда он оказывается банкротом, и вынужден прибегать к помощи других банков или государства.

Мои выводы относительно природы банкового кредита я резюмировал бы в следующих положениях:

а) банковский кредит есть часть всего кредита страны, и потому банк должен отстаивать свою роль посредника путем конкуренции;

б) фактическим объектом кредита вообще, как и банковского в частности, является ссудный капитал, а деньги служат лишь орудием кредита;

в) размеры кредита определяются в конечном счете *склонностью* кредиторов к передаче капиталов в чужие предприятия и заемщиков к их получению, а не волей банка;

г) эта склонность связана с конъюнктурой, и решающим моментом в ней является процент на капитал;

д) депозитные банки, действительно, по существу продолжают работу эмиссионных банков;

е) существенное отличие депозита от банкноты и других видов денег заключается в том, что депозит *имеет двойственную природу, являясь одновременно деньгами и капиталом, приносящим проценты*;

ж) поскольку потребности оборота в деньгах несколько *эластичны* и при том же товарообороте могут быть больше или меньше, банки, как эмиссионные, так и депозитные имеют некоторые возможности расширять кредит путем увеличения денежной массы, но это расширение не может выйти за известные пределы, и размеры операций банков, поэтому, в конечном счете зависят от их пассивов.

§ 6. Приведенный выше анализ теории банкового кредита дает ключ к пониманию тех изменений, которые про-

изошли в последнее время в положении эмиссионных и коммерческих банков и в установившихся между ними взаимоотношениях. Дело в том, что в первой половине XIX в. главная роль на денежном рынке принадлежала в Англии и в других европейских странах эмиссионным банкам. В частности, видную роль играли повсюду центральные эмиссионные банки. Однако, во второй половине XIX века в этом отношении в крупных европейских странах произошло серьезное изменение. Коммерческие банки, работающие при помощи вкладов, повсюду стали оказывать сильную конкурренцию эмиссионным банкам. Борьба между эмиссионными и коммерческими (депозитными) банками закончилась повсюду оттеснением эмиссионных банков с денежного рынка и переходом центральной роли на этом рынке к банкам коммерческим. Этот процесс особенно усилился к концу прошлого столетия. Оттесненные с денежного рынка центральные эмиссионные банки — к этому времени повсюду завершался процесс концентрации эмиссионных банков — стали менять направление своей работы. Из кредитных учреждений, непосредственно связанных с торгово-промышленными предприятиями и непосредственно снабжающих их кредитом, они стали превращаться в „банки банков", т.-е. в такие банки, которые сами мало связаны с торгово-промышленной клиентурой, а ограничиваются в своей деятельности снабжением средств коммерческих банков и регулированием расчетов между ними. За центральными эмиссионными банками сохранилась еще, кроме того, функция кассиров казначейства Однако, коммерческие банки по мере развития депозитной операции черпали все больше и больше средств из этого источника. Кредит, который они получали от эмиссионных банков, стал играть относительно небольшую роль в их пассиве, он оказался известного рода *резервом*, к которому коммерческие банки могли прибегать в моменты напряжения. Таким образом, во взаимоотношениях между эмиссионными банками, с одной стороны, и коммерческими банками, с другой, произошло значительное изменение. *Если раньше эмиссионные и коммерческие банки находились в состоянии постоянной конкуренции, в состо-*

янии борьбы за клиентуру, то затем между ними установилось своего рода разделение труда. За коммерческими банками осталась основная работа по непосредственному снабжению кредитными средствами торгово-промышленного оборота, а эмиссионные банки превратились в „резервные“ банки, в „банки банков“ и в кассиров государственной казны. Процесс этот в настоящее время еще не повсюду завершился. Наиболее завершенным он оказался в Англии. При этом там, где он завершился или близок к завершению, он привел, как мы сказали, к падению роли эмиссионных банков на денежном рынке. Роль „банка банков“ оказалась в общем, скорее почетной ролью, чем ролью посредников по передвижению ссудных капиталов, и если эмиссионные банки еще играют некоторую роль на денежном рынке, как посредники в кредите, так это происходит больше из-за их функции кассиров казначейства, которая приводит к тому, что в их руках сосредоточиваются крупные суммы. В частности, падение роли эмиссионных банков, как мы увидим дальше, привело к тому, что потеряло свое прежнее значение и их основное орудие воздействия на денежный рынок— дисконтная политика.

В следующих главах, когда мы перейдем к истории банков, мы приведем данные, иллюстрирующие этот процесс падения роли эмиссионных банков на денежном рынке в отдельных странах. Здесь нам остается лишь остановиться на причинах этого явления. После того, что мы говорили выше о роли банкноты и банковского депозита, основная причина перемещения центра тяжести банковской работы от эмиссионных банков к банкам коммерческим должна быть ясна. Она лежит в том процессе перехода в области пассивов от эмиссии банкнот к оперированию депозитами, который, как мы видели, был отмечен Маклеодом еще в 50-х годах прошлого столетия. На протяжении XIX века *основное орудие кредитного посредничества — способность делать деньги—перешло из рук эмиссионных банков в руки коммерческих банков.* В течение первой половины XIX века основными деньгами служили банкноты. Их „делали“ эмиссионные банки, которые и являлись хозяевами пассивов.

Они же, поэтому, держали в своих руках и рынок ссудных капиталов в целом, непосредственно производя учетно-ссудные операции. В течение второй половины XIX века банкнота в сфере денежного обращения была оттеснена на задний план другим денежным знаком, чеком, основанным на депозитах. „Делать деньги“ — стали по преимуществу коммерческие банки. Темп выпуска банкнот замедлился и на сцену выступили „безденежные расчеты“ и чековый оборот. Основной нерв банкового посредничества — пассивы — перешли из рук эмиссионных банков в руки коммерческих банков. Тогда эти последние и стали хозяевами рынка, оттеснив эмиссионные банки от непосредственной связи с торгово-промышленными предприятиями. Последним оставалось перейти на почетную роль „банков банков“.

В этом — основная причина падения роли эмиссионных банков на денежном рынке [1]).

§ 7. Мы осветили три из тех четырех основных проблем кредита, которые были нами намечены в начале главы III, а именно вопрос *о предложении* ссудных капиталов, вопрос *о спросе* на таковые и вопрос *об организации* денежного рынка. Мы остановимся сейчас на четвертой проблеме, а именно на вопросе *о проценте*, чтобы затем, в последующих главах, перейти к истории банков и освещению той роли, которую они играют в отдельных странах.

Процентом, как известно, называется та плата, которую предприниматель уплачивает капиталисту за временное использование его капитала в качестве ссудного капитала. Процент, как плату за чужие деньги, принято выражать в долях

---

[1]) *Sven Helander* в специальной статье, посвященной данному вопросу, приводит несколько других причин, которые, как он думает, привели к упадку роли эмиссионных банков. Он относит сюда концентрацию в банковом деле, перемену в сроках векселей и т. п. (См. его статью: „Das Zurückgehen der Bedeutung der Zentralnotenbanken“ в Jahrb. f. Nationaloek. u Statistik, III. F. 44. B. 1912. 1es u. 2es Heft). По моему мнению эти причины имели второстепенное значение. См. по данному вопросу также книгу *Plienge*. Von der Discontpolitik sur Herrschaft über den Geldmarkt. B. 1913 и *E. Эпштейн*. Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства. М. 1913.

основного капитала, откуда — и самое название процента. Источником процента служит прибыль на капитал. Заемщик потому соглашается платить кредитору за пользование его капиталом, что капитал, применяемый в предприятии, приносит прибыль. Мы не будем заниматься здесь вопросом об источниках самой прибыли, как вида нетрудового дохода Важно то, что прибыль в капиталистическом хозяйстве есть факт. Из этой прибыли заемщик и уделяет кредитору известную часть.

Та часть прибыли, которую предприниматель готов уделить кредитору за пользование его капиталом, или процент, устанавливается в результате столкновения спроса и предложения ссудных капиталов. Заемщик, конечно, стремится уделить кредитору возможно меньше, кредитор стремится получить возможно больше. Размер процента устанавливается при посредстве торга, как устанавливается цена всякого товара.

Колебание процента, как цены за пользование ссудными капиталами, имеет, однако, известные пределы. В особенности важен *высший* предел. Этим пределом является прибыль на капитал. Поскольку процент выплачивается из прибыли, предприниматель не может давать капиталисту больше того, что он сам получает от пользования капиталом. Если капитал, применяемый в данном хозяйстве, дает $10^0/_0$ прибыли, то норма в $10^0/_0$ является, очевидно, предельной нормой процента. Заемщик берет капитал в ссуду для того, чтобы получить известную разницу. Если капитал приносит в его предприятии $10^0/_0$, то для него заем представляется рациональным только при уплате процента меньшего 10-ти. Лишь в исключительных случаях он может отдавать кредитору весь тот добавочный доход, который получается от применения в предприятии чужого капитала. Если же заемщик уплачивает процент превышающий норму прибыли, то в результате эксплоатация чужого капитала должна оказаться для него убыточной и должна повести к упадку его хозяйства. Словом, высшим пределом процента надо считать норму прибыли. *Низший* предел может быть очень мал и даже опускаться до нуля. Возможность таких кредитных сделок, при которых

заемщик ничего не платит кредитору, или платит ему совершенно ничтожный процент за пользование капиталом, также имеет свое объяснение в природе кредита. Дело в том, что передача капитала в чужое предприятие наряду с основной целью — извлечения дохода — имеет и добавочную цель — *сохранение* капитала. Лицо, которое не имеет возможности применить капитал в своем предприятии, не может оставить этот капитал праздным, без применения. Не забудем, что ссудный капитал есть реальный капитал, здания, машины, сырье и т. д. Лишь незначительная часть ссудного капитала реализуется в деньгах. Для всех кредиторов в целом тот капитал, который они передают в чужие предприятия, есть реальный капитал, состоящий из конкретных предметов. Оставить этот капитал праздным значит подвергать его обесценению, подвергать машины и сырье порче, здания — разрушению. Даже капитал, реализованный в деньгах, не обладает достаточной сохранностью в руках неработающего капиталиста. Вот почему лица, имеющие свободные капиталы, бывают вынуждены иногда отдавать их для обращения в чужие предприятия даром, лишь бы гарантировать себе целость капитала, возврат его в полном виде к тому моменту, когда у капиталиста представится возможность применить капитал в своем предприятии или передать его другому предпринимателю на более выгодных условиях.

Итак, процент на ссудный капитал может колебаться в пределах от нуля до нормы прибыли. Но, кроме того, не все хозяйства ведутся и могут вестись рационально, в каждой стране существуют хозяйства, которые вынуждены платить и более высокие проценты, хотя бы это и было для них убыточно. Пределы колебания процента на капитал, таким образом, еще более раздвигаются.

В каждой стране и в каждый данный момент мы наблюдаем чрезвычайное разнообразие процентных ставок. Рядом со сделками, при которых заемщик ничего не платит кредитору за пользование его капиталом, существуют сделки, при которых кредитор получает 5 — 10 — 15 и более процентов в год. У нас в России, напр., банки платили за ссудные капиталы, поступавшие на текущие счета, 3 — 4% годовых

в тех самых городах, где заемщики ломбардов платили за ссуду 18—20 и даже до 30%. И это — проценты в кредитных учреждениях, в сфере организованного кредита. Наряду с этим существует и ростовщический кредит, который обходится заемщикам еще дороже.

Процентная ставка при отдельных сделках бывает различна в зависимости от различных условий. Плата за ссудные капиталы бывает выше или ниже в зависимости: 1) от *солидности* заемщика и риска, связанного с передачей ему капитала, 2) от *срока*, на который передается ссуда, 3) от *способа обеспечения*, 4) от *размеров хозяйства* заемщика, 5) от *рентабельности* хозяйства, 6) от *близости* заемщика к центральным пунктам денежного рынка, 7) от *организации* кредитного учреждения и организации посредничества, 8) от *района*, в котором находится предприятие, 9) от отношения *государства* к данному виду кредита и от многих других обстоятельств. Солидный и хорошо известный заемщик („первоклассная" фирма) платит за деньги дешевле, чем менее известный на рынке и недостаточно зарекомендованный. За вклады, переданные на текущие счета, платится меньше, чем за вклады срочные. За ссуды на 3 года банк платит больше, чем за вклады на 1 год. Мелкое хозяйство платит за ссудные капиталы дороже, чем крупное, что связано с отдаленностью мелкого хозяйства от денежного рынка и от его центрального аппарата, и с большим числом посредников, через руки которых должен пройти ссудный капитал раньше, чем он вступает в предприятие заемщика. В центре кредит дешевле, чем в провинции. Государственный кредит дешевле частного.

При таком разнообразии процентных ставок необходима, однако, известная точка для ориентировки. Надо выбрать какую-нибудь ставку, которая называлась бы процентом по преимуществу, какую-нибудь „среднюю". Эта „средняя" необходима всякому хозяйствующему лицу, оперирующему со ссудными капиталами, который должен иметь какую-нибудь твердую отправную точку для своих хозяйственных расчетов. Эта средняя чрезвычайно важна и для теоретика, который хочет изучить колебания процента и связанные с ним хозяйственные явления. Такие „средние", дей-

ствительно, устанавливаются и с ними принято оперировать. Существуют величины, которые рассматриваются, как средний процент, и к которым сводятся все рассуждения теоретиков и расчеты практиков.

В качестве такого „среднего“ процента принято рассматривать две процентные ставки, а именно ставку, которую взимают центральные эмиссионные банки страны за учет краткосрочных векселей, трех- или шестимесячных, наиболее солидных, так называемых „первоклассных“ заемщиков. и ставку, которую взимают за учет таких же векселей крупнейшие банки данной страны. Первая процентная ставка называется *официальным, или банковским дисконтом,* а вторая — *частным.* Обе ставки отнюдь не являются „средними“ в собственном смысле этого слова. Они не представляют собою арифметических средних. Они не характеризуют собою того процента. по которому совершается большинство кредитных сделок. Тот самый банк, который взимает при учете „первокласных“ векселей $4^1/_2\%$ годовых, может брать с большинства своих клиентов за учет $4^3/_4 — 5\%$, а некоторым учитывать векселя из $4^1/_4\%$. Банк может взимать по другим операциям, как, напр., по ссудам — 6 и 7% годовых. Словом, ставка рыночного дисконта может оказаться не характерной и не типичной даже для одних только активных операций крупного банка. Тем менее она должна быть характерна для кредитного оборота страны в ее целом. Эти две ставки представляют собою поэтому в известном смысле условные величины. Несмотря на этот условный характер процентных ставок, которые называются официальным и частным дисконтом, наблюдение за ними дает, однако, и теоретику и практику ту точку опоры, которая им необходима, так как колебание всех разнообразных учетных ставок, существующих в стране, протекает большей частью параллельно. Если банк повышает ставку за учет первоклассных краткосрочных векселей, то с большой вероятностью можно утверждать, что одновременно с этим повышается и ставка по всем другим его активным операциям и тот процент, который он платит по пассивным операциям. Одновременно повышается и процент, взимаемый в провинциальных банках и в учреждениях

мелкого кредита. Все эти процентные ставки могут подняться не в том размере, в каком поднялась ставка за учет первоклассных векселей, но тенденция в колебаниях процента при прочих равных условиях проявляется одновременно во всех видах кредита и при всех кредитных сделках. В этом сказывается единство денежного рынка, как рынка ссудных капиталов. Этот параллелизм в движении различных процентных ставок и позволяет рассматривать *колебание* официального или частного рыночного процента, как колебание процента вообще.

Существует, однако, и другая причина, которая дает основание рассматривать официальный и частный рыночный процент, как процент вообще. Дело в том, что центральные эмиссионные банки, с одной стороны, и крупные коммерческие банки, с другой, как мы увидим дальше, пользуются часто своим положением на денежном рынке, чтобы вести „дисконтную политику", повышать или понижать взимаемые и платимые ими проценты с целью вызвать то или иное движение ссудных капиталов, усиленный прилив их к денежному рынку или усиленный отлив от него. С этой точки зрения, колебания „банковского" процента могут рассматриваться не только как результат общего изменения „процентной" тенденции, но и как самостоятельный фактор, как исходный пункт для изменения всех прочих процентных ставок.

§ 8. Процент, как цена ссудных капиталов, является результатом „торга" между лицами, ищущими капитал, и лицами, предлагающими таковой, „равнодействующей" спроса и предложения. Отсюда ясно, что колебания процента зависят от взаимоотношения спроса и предложения ссудных капиталов. Когда на рынке оказывается много капиталов, предлагаемых для обращения в чужих предприятиях, и мало предпринимателей, готовых применять этот капитал в своих предприятиях и гарантировать его владельцам уплату фиксированного дохода, процент бывает низок. Когда же, наоборот, на рынке мало охотников отдавать свой капитал в чужие предприятия и много предпринимателей, ищущих чужие капиталы, процент бывает высок.

Различие во взаимоотношениях спроса и предложения приводит к трем различным формам колебания процента.

Во-первых, процент на капитал, „средний“ процент, а вместе с тем официальный и частный процент, оказывается не одинаковым в разных странах. Есть страны „дешевых денег“, где процент всегда бывает низок, и страны „дорогих денег“, где процент на капитал высок. Нетрудно догадаться, что странами „дешевых денег“, по крайней мере до войны, были страны — рантье, Англия и Франция, где всегда было много лиц, готовых передать свои капиталы в эксплоатацию другим предпринимателям, и мало охотников расширять свои предприятия, а странами дорогих денег были страны — „молодые“, Германия, Россия, Соединенные Штаты, где всегда существовал больший спрос на ссудные капиталы и мало свободных капиталов. Действительно, в последние годы до войны частный дисконт опускался в Лондоне до $1^1/_2$—$2^0/_0$ в то самое время, когда бывшие петербургские и московские банки брали по учету векселей 5 — $6^0/_0$ годовых. Этим различием процентной ставки вызывается и постоянное движение ссудных капиталов из стран-рантье в „молодые“ страны. Различие между теми и другими странами сказывается еще и в следующем обстоятельстве. В странах, где деньги дешевы, официальный дисконт всегда бывает выше частного. Происходит это оттого, что в этих странах эмиссионные банки не играют особенной роли в посредничестве на денежном рынке. Вся масса свободных денег приливает в частные банки, которые и ощущают раньше всего обилие ссудных капиталов. Это обилие заставляет их держать низкую учетную ставку. Между тем, эмиссионные банки, в связи с задачами денежного обращения, время от времени повышают дисконт. Так было, напр., в Англии, где дисконт Английского банка всегда бывал выше частного дисконта. В то время, когда частные банки взимали за учет $1^1/_2$ — $2^0/_0$, Английский банк брал 4 или даже $5^0/_0$. Повышение же дисконта Английского банка иногда имело целью вызвать общее удорожание ссудных капиталов в стране и тем задержать отлив их в чужие страны, что, впрочем, как мы увидим дальше, не всегда удавалось. Иначе склады-

ваются в этом отношении обстоятельства в „молодых“ странах. Иным, например, было положение до войны в России. Наш старый Государственный банк занимал видное место на денежном рынке. От него в значительной степени зависели частные коммерческие банки, которые он снабжал ссудными капиталами. Несмотря на значительный непосредственный приток ссудных капиталов в эти банки, они не могли вполне эмансипироваться от влияния учетной политики Государственного банка. Официальный дисконт был поэтому в России дешевле частного.

Вторая разновидность колебания процента заключается в том, что процент изменяется в отдельных странах и на международном рынке в зависимости *от сезонов*. Так, осенью деньги во всем мире бывают дороже, чем, например, летом. Происходит это оттого, что осенью повсюду идет реализация урожаев, переход продуктов сельского хозяйства из рук мелких фермеров и крестьян в руки торговцев. Крупные торговые предприятия в этот период времени должны расширяться. В каждом предприятии временно, впредь до того момента, пока товар перейдет к мелким торговцам и „рассосется“ по стране, должно быть инвестировано очень много капитала. В это время спрос на ссудные капиталы, главным образом, в форме „сезонных денег“ резко возрастает. Но предложение не растет в это время в соответствии со спросом. „Свободные капиталы“, главным образом, в форме денежных знаков, в это время сосредоточиваются в руках сельских хозяев, по преимуществу мелких и средних крестьян. Но эти хозяйства сравнительно слабо связаны с центральными резервуарами денежного рынка. Они слабо пользуются услугами кредитных учреждений и отнюдь не спешат так, как это делают городские предприниматели, нести в банк и помещать во вклады свои свободные деньги. Эти деньги переходят от них в город лишь постепенно, по мере того, как они их тратят на городские продукты. В течение осенних месяцев происходит, таким образом, отток денег в деревню. В центрах денежного рынка наблюдается усиленный спрос на деньги и слабое предложение.

Наконец, *третьей*, наиболее важной формой колебания процента является то колебание его во времени, которое

происходит из года в год и связано не с сезонными изменениями в народно-хозяйственной жизни, а *со сменами промышленной конъюнктуры.* Известно, что хозяйственная жизнь капиталистических стран никогда не находится в состоянии равновесия. Постоянно происходит смена конъюнктур. Хозяйство идет или в гору или под гору. За годами промышленного расцвета, сопровождающегося ростом предпринимательских доходов, рано или поздно наступает кризис, развал хозяйства. За кризисом следуют годы упадка, промышленной депрессии, после которых вновь начинается постепенный расцвет Эта смена хозяйственных конъюнктур, переходы от расцвета к депрессии, от развития к упадку, теснейшим образом бывает связана с колебаниями процента, как цены ссудных капиталов. Изменения процента являются одновременно и результатом смены конъюнктур и причиной дальнейших перемен в народно-хозяйственной жизни.

В периоды промышленного расцвета ссудные капиталы бывают дороги. В эти периоды предприниматели получают большие прибыли. Им выгодно расширять предприятия. Оптимистическое настроение усиливает спрос на ссудные капиталы. Но как раз в это время капиталисты меньше всего проявляют склонность расставаться с капиталами и передавать их в чужие предприятия. Большая доходность капиталов побуждает многих колеблющихся вести собственные предприятия. На рынке ссудных капиталов наблюдается большой спрос и слабое предложение, что приводит к высокому проценту. В моменты промышленного упадка происходит обратное. Убыточность ведения собственного предприятия увеличивает число капиталистов, склонных ликвидировать свои дела, передать свой капитал в чужие „верные“ руки, предпринимателям, которые гарантировали бы им его целость и платили некоторый процент. Но как раз в это время меньше всего охотников расширять свои предприятия, обязываться платежом процентов. Большое предложение ссудных капиталов и слабый спрос на них приводят в эти периоды к установлению низкого процента.

Так влияет промышленная конъюнктура на процент. Но, как мы сказали, процент, в свою очередь, влияет на промы-

шленную конъюнктуру. Когда ссудные капиталы дешевы, предприниматель скорее готов расширять свое предприятие при помощи чужих денег, чем тогда, когда они дороги. В результате взаимодействия между процентом на капитал и промышленной конъюнктурой получается такая картина смены хозяйственных циклов. В начальной стадии периода промышленного оживления деньги бывают дешевы: хозяйство испытывает на себе последствия предыдущего периода застоя. „Дешевые деньги", т.-е. наличность большого предложения ссудных капиталов, создает и усиливает импульс к расширению предприятий. Промышленное оживление растет и ширится, захватывает все новые и новые отрасли хозяйства. Вместе с ростом оживления начинается рост процента. Склонность к передаче капиталов в чужие предприятия ослабевает. С течением времени процент доходит до очень высокого размера. Предприятия начинают ощущать недостаток средств. Этот период является предвестником кризиза. Многие предприятия останавливаются, предприниматели разоряются. Тогда процент на капитал падает. Солидные предприниматели не склонны брать чужие деньги. Наступает период депрессии и дешевых денег. Он продолжается иногда несколько лет, пока хозяйство оправляется от понесенного потрясения; появляются новые предприниматели, или новый „предпринимательский дух", начинается новое течение промышленного цикла.

Такова связь между колебаниями процента на ссудный капитал и сменой хозяйственной конъюнктуры, связь, установленная многими писателями, изучавшими явление кризиса. Мы должны, однако, повторить в этой связи то, что мы уже высказали в главе II, а именно, что нельзя представлять себе дело так, будто в период депрессии происходит „накопление" капиталов, ищущих помещения, будто, в частности, это накопление происходит в банках, будто „накопившиеся" капиталы и создают промышленное оживление. Ссудные капиталы по природе своей не могут „скопляться", и рост кассовой наличности того или иного банка не идентичен с ростом ссудных капиталов. Если же мы говорили, что в период депрессии наблюдается рост предложения ссудных

капиталов, то это нужно понимать, как рост *склонности* со стороны капиталистов передавать свои капиталы в чужие предприятия. Накопление этой „склонности" и вызываемый ею низкий процент может прорвать плотину промышленного застоя. В этом смысле движение ссудных капиталов и процент оказывают влияние на хозяйственную конъюнктуру.

§ 9. Процент на капитал, как мы видели, выступает не только, как *следствие* изменяющихся соотношений в спросе и предложении ссудных капиталов, но он, в свою очередь, может явиться *фактором* для дальнейшего изменения этих соотношений. Отсюда проистекает стремление банков *оказать воздействие* на конъюнктуру денежного рынка при помощи повышения или понижения взимаемой ими процентной ставки. Эта практика банков, известная под названием *дисконтной политики,* особенно широко проводилась центральным эмиссионным банком Англии — „Bank of England". Английский банк еще в 50 — 60 годах прошлого столетия усвоил ту доктрину, что эмиссионный банк не должен ограничиваться только тем, чтобы следить за ходом процента и что его задача заключается, кроме того, в том, чтобы воздействовать на этот процент. При помощи изменения процентной ставки Английский банк стремился, во-первых, регулировать спрос и предложение ссудных капиталов на внутреннем рынке и, во-вторых, регулировать движение золота из Англии в другие страны и обратно. Повышение процентной ставки должно было вызывать уменьшение спроса на ссудные капиталы, и, следовательно, уменьшение требований на кредит со стороны клиентуры и обратно; затем, увеличение процентной ставки должно было вызывать приток иностранных капиталов из других стран в Англию, так как при повышении процентной ставки в Англии другим странам было выгодно помещать свои капиталы в английских траттах, спрос на эти тратты должен был возрасти, а вместе с тем должен был усиливаться приток золота в Англию [1]). Исходя из этих положений Английский банк более полустолетия про-

---

[1]) См. об этом рассуждения *Гешена.* Теория вексельных курсов. Русск. пер. М. 1890. Глава шестая.

водил эту дисконтную политику. Он постоянно менял учетную ставку, производя иногда резкие изменения этой ставки, и считал, что при помощи этих изменений он приводит в движение ссудные капиталы, что этим путем он регулирует спрос и предложение ссудных капиталов и движение золота в Англию и из Англии.

Но в то время, как Английский банк вел активную дисконтную политику, другой крупный эмиссионный банк Европы, а именно Французский банк придерживался в этом отношении других взглядов. „Banque de France" в течение второй половины XIX века проводил тот взгляд, что эмиссионный банк не должен воздействовать на процент. Эта точка зрения нашла яркую формулировку в заявлении одного из директоров Французского банка, *де-Варю*, в 60-х годах прошлого столетия, который определил отношение банка к учетному проценту словами: „Банк не устанавливает процентной ставки, он ее только констатирует" [1]).

Различие в практике Английского банка, с одной стороны, и других банков, в частности Французского, с другой — сказалось в следующих фактах. На протяжении 1894—1903 г.г. Английский банк менял свою процентную ставку 41 раз, в то время, как Французский банк изменил ее только 7 раз, а Германский Рейхсбанк — 36 раз. С 1905 г. по 1909 г. Английский банк изменил свою процентную ставку 28 раз, Французский — всего 4 раза, а Рейхсбанк — 26 раз. В 1910 г. Английский банк за один только год изменил свою процентную ставку 9 раз, Рейхсбанк 3 раза, а Французский банк не изменил ставки ни разу [2]).

Возникает, однако, вопрос, удавалось ли Английскому банку при помощи дисконтной политики достигать тех целей, которые он себе ставил, и является ли эта политика, действительно, средством для воздействия на денежный рынок. На этот вопрос банковая литература в последние годы до войны склонна была ответить отрицательно. В общем, можно

---

[1]) См. *Е. Эпштейн.* Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства. П. 1913, стр. 41. (У Эпштейна неверно написано „де-Валю").

[2]) См. *O. Schwarz.* Discontpolitik. Leipzig. 1911, стр. 27.

считать установленным, что и в более раннюю эпоху Английский банк мало успевал в своих попытках влиять на денежный рынок при помощи дисконтной политики, в последние же десятилетия перед войной, когда его удельный вес на денежном рынке, как мы увидим дальше, вообще, значительно упал, его дисконтная политика оказывалась большей частью бессильной. Отсюда у некоторых европейских эмиссионных банков появилось стремление к тому, чтобы стать ближе к денежному рынку и от дисконтной политики перейти к „овладению денежным рынком" [1]).

Литература к главе VIII.

1. *H. D. Macleod.* Theory and Practice of banking. L. 1866. Vol. I.

2. *A. Hahn.* Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits. Tüb. 1920. (2-е изд. 1925.)

3. *C. Knies.* Der Kredit. I-te Hälfte. B. 1876.

4. *J. Komorzynski.* Die Nationaloekonomische Lehre vom Credit. 2-te Aufl. Innsbruck. 1909.

5. *Г. Д. Маклеод.* Основания политической экономии. Спб. 1865. Гл. III. Отд. III.

6. „Экономическое Строительство". М. 1922. № 1 (ст. Борткевича о Гане.)

7. *З. С. Каценеленбаум.* „Обесценение бумажных денег на внутреннем рынке" в сб. ст.: „Очерки по теории и практике денежного обращения". Вып. I. П.—М. 1922.

8. *З. С. Каценеленбаум.* „Некоторые проблемы теории кредита. К вопросу о природе банковского депозита". (Доклад в Инст. Экономики.)

9. *Sven Helander.* „Das Zurückgehen der Bedeutung der Zentralnotenbanken". „Jahrb. f. Nationalockon. u. Statistik". III. F. 44. B. 1912. H. I—II.

10. *J. Plenge.* Von der Discontpolitik zur Herrschaft über der Geldmarkt. B. 1913.

---

[1]) См. ст. *v. Lumm*: „Discontpolitik" в „Bankarchiv" за 1912 г., стр. 180. *Plenge.* Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt. B. 1913, стр. 32 — 33.

11. *Е. Эпштейн.* Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства. П. 1913.

12. *K. v. Lumm.* Die Stellung der Notenbanken in der heutigen Volkswirtschaft. B. 1909.

13. Его же. Статьи: „Discontpolitik“ в „Bankarchiv“ за 1912 г.

14. *J. Landmann.* System der Discontpolitik. Kiel u. Leipzig. 1900.

15. *R. H. Inglis Palgrave.* Bank rate and the money market. N.-Y. 1903

16. *B. H. Beckhart.* The discount policy of the Federal Reserve System N.-Y. 1924

ГЛАВА IX.

История банков. Эмиссионные банки за границей.

§ 1. Основные моменты в истории банков. — § 2. Банки в древнем мире.—§ 3. Частные банкиры в Италии. — § 4. Первые жиро-банки в Италии и др. странах.—§ 5. Банковое дело в Англии до учреждения Английского банка.—§ 6. Современные эмиссионные банки. — Учреждение Английского банка.—§ 7. Банковый акт Роберта Пиля.—§ 8. Английский банк после 1914 г.

§ 1. В предыдущих главах мы осветили роль банков на денежном рынке и те взаимоотношения, которые существуют в современном народном хозяйстве между двумя основными видами банков — эмиссионными и коммерческими. Остановимся сейчас на истории развития этих учреждений и роли их в отдельных странах.

История банков принадлежит к числу сравнительно хорошо разработанных частей учения о кредите. В течение второй половины XIX столетия и в начале XX был опубликован ряд исследований, в которых тщательно собраны и изучены материалы, относящиеся к истории зарождения и развития этих учреждений. Все эти материалы не оставляют сомнения в том, что банковский промысел был хорошо известен древнему миру и что банковские учреждения играли затем крупную роль в итальянских республиках в средние века, начиная с XIII—XIV столетия. Трудно сказать, в какой мере средневековые итальянские банки, о которых будет речь дальше, восприняли приемы банкиров древнего мира, в частности Греции и Рима. Возможно, что с распадом

Римской Империи банковский промысел исчез и что он возродился только тогда, когда начался хозяйственный расцвет итальянских городов. По крайней мере, мы не располагаем материалами, которые позволяли бы говорить о существовании банков в VIII—X в. в. С другой стороны, можно считать, что с XIII — XIV в. в. развитие банковского дела не прерывается. Итальянские банки служат прообразом для банков более позднего времени, эпохи раннего капитализма, амстердамского и гамбургского, возникших в начале XVII века, из которых последний просуществовал до 1873 г. Несколько особняком шло развитие банкового дела в Англии, где в конце XVII века возник Английский банк.

В кратком очерке развития банков, который мы дадим в дальнейшем, мы, в соответствии с принятой в литературе классификацией, остановимся вначале на истории банков в древнем мире, затем на истории банкового дела в средневековой Италии, на истории Амстердамского и Гамбургского банков и банкового дела в Англии до учреждения Английского банка, чтобы затем перейти к истории развития современных эмиссионных и коммерческих банков в главнейших странах.

§ 2. Банкирский промысел очень стар. Есть сведения, что у халдеев за 2.300 лет до нашей эры существовали торговые компании, которые занимались выдачей ссуд [1]). Центрами кредитных операций, как это можно заключить из законов Хаммураби, в старой *Вавилонии* служили в то время храмы. Хранилища храмов были, во-первых, местом хранения различных ценностей, как, например, зерна, посуды, а также и серебра. В то же время храмы выдавали ссуды из процентов как из собственных средств, так и из депозитов. Ссуда давалась под расписку. Несмотря на то, что эти хранилища ценностей при храмах совершали некоторые банковские операции, Лаум считает, однако, что их нельзя еще назвать банками, ибо все эти операции являлись для них не самоцелью, а лишь средством для облегчения населению уплаты повинностей в пользу государства и храма.

---

[1]) *G. Obst.* Banken und Bankpolitik. L. 1909, стр. 12.

Настоящие банки возникают в Вавилонии, по мнению Лаума, позднее, в VII—V в.в. до нашей эры, когда банковое дело из рук храмов переходит в руки частных банкиров. Документы, найденные в последнее время, дают имена двух банкиров этого периода (Игиби и Мурашу). Эти банкиры занимались приемом вкладов, — и не только на хранение, но и для дальнейшего их размещения. Но наряду с банковскими операциями эти дома занимались арендой больших земельных имений, которые они передавали в субренду небольшими участками, владели стадами скота, судами и т. д., т.-е. представляли собой крупные торгово-промышленные предприятия. Банковые операции стояли у них, однако, на первом плане. Около этого времени в Вавилонии уже существовали и долговые расписки [1]).

В Древней Греции наиболее старыми учреждениями, которые практиковали банковские операции, также были храмы. Некоторые историки говорят, что Дельфийский храм был крупным банком Греции в догомеровскую эпоху [2]). Такую же роль играли Эфесский, Делосский, Самосский и другие храмы. Раньше всего при этих храмах развилась операция хранения ценностей. Храмы являлись долгое время удобнейшим местом для такого хранения, так как воры и грабители относились с известным почтением к алтарям, и к тому же склады ценностей, очевидно, специально укреплялись. Не подлежит сомнению, что служители храмов пускали стекавшиеся к ним деньги в оборот, вели на них разные коммерческие операции и давали их в ссуду под проценты как частным лицам, так и городам. Но, с другой

---

[1]) См. *B. Laum*, ст. „Die Banken im Altertum“ в „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, 4-te Aufl. под словом: „Banken in der Volkswirtschaft“, II, I. *Ch. A. Conant* („A History of modern Banks of Issue“, 4-th Ed. N.-У.—L. 1909, стр. 1—2) утверждает, что в Ассирии в VII и даже IX в. до нашей эры существовали векселя и нечто вроде современных чеков. Эти векселя существовали еще до перехода к чеканенной монете и выписывались на определенное весовое количество серебра или меди.

[2]) См. *I. W. Gilbart* (в переработке A. S. Michie), The History, principles and practice of Banking. Vol. I, L. 1892, стр. 3—4, а также *П. Рот*, История старинных кредитных учреждений (в „Теории и практике банкового дела“ И. И. Куфмана, II, вып. 1-й), П. 1870, стр. 7.

стороны, храмы, повидимому, сами не платили процентов своим вкладчикам. По мере того, как падало уважение к религии, храмы стали терять свою неприкосновенность, стали наблюдаться случаи ограбления храмов, и они потеряли свое значение удобного хранилища ценностей. В связи с этим, а, может быть, и в связи с тем, что храмы не платили вкладчикам процентов, у них появились конкуренты в лице частных банкиров. Частные банкиры древней Греции назывались *трапезитами*. Их название производят от греческого слова — „trapeza" — стол, и оно находится в связи с тем обстоятельством, что трапезиты в первое время были менялами, занимались обменом одних денежных знаков на другие, производя эти операции за столами, на которых они раскладывали разные виды монет. На почве обменных операций трапезита развились затем операции по хранению и операции по приему вкладов и выдаче ссуд. Трапезиты платили проценты за вклады, но имели, очевидно, и беспроцентные вклады. Сведения о трапезитах начинают появляться в источниках, относящихся к V—IV в. в. до нашей эры. История сохранила имя банкира Филостефана, которому Фемистокл передал в Коринфе вклад на хранение в 70 талантов. Крупным афинским трапезитом IV в. до нашей эры был Пазион. Банкирский промысел, как и торговля, вообще, не считались в это время в Греции достаточно почетным занятием, и трапезитами были преимущественно иностранцы, вольноотпущенные рабы. Что касается форм операций, то, по мнению новых исследователей, они оставались, в общем, примитивными. Трапезиты вели книги, в которых вписывались взнос и получение денег. Эти операции совершались при свидетелях, но расписки и письменные поручения не были еще известны [1]). Интересно еще отметить, что трапезит Пазион был не только банкиром, но и промышленником, являясь владельцем фабрики щитов. Но уже в следующем поколении обнаруживается специализация, ибо из сыновей Пазиона один получил фабрику, а другой „трапезу" [2]).

[1]) *B. Laum*, Цит. ст. в H. S. W.

[2]) См. *Laum*, там же.

Гораздо более развито было банковское дело в древнем *Риме*. По крайней мере материалы, которые остались от той эпохи, дают возможность установить, что Риму были известны многие операции современных банков [1]). Банковское дело в Риме находилось в руках частных банкиров, которые раньше назывались греческим словом „трапезиты", а затем стали называться *аргентарии*. Существовали еще разные другие названия лиц, причастных к банковскому делу, но они не всегда обозначали банкиров, а иногда обозначали тех или других их служащих [2]). Первые упоминания об аргентариях относятся к IV—III в.в. до нашей эры. Римские аргентарии, так же как и греческие трапезиты, были раньше всего менялами. Они имели на рынке-форуме свои лавки, в которых производили обмен одних монет на другие, и, очевидно, производили торговлю слитками. Вместе с тем, они принимали вклады и давали деньги в ссуду из процентов. Аргентарии были подчинены известному правительственному контролю. Они обязаны были вести книги, из которых одна составляла нечто вроде нынешней „главной" книги, другая была книгой вкладов, а третья

---

[1]) *П. Рот* (Цит. соч., стр. 20) все же несколько преувеличивает, когда он утверждает, что „почти все существующие ныне кредитные операции были известны римлянам и практиковались ими в особенности путем ассоциации".

[2]) Один автор насчитал более 60 названий различных групп людей, которые были причастны в Риме к денежным делам. (См. Conant, цит. соч. стр. 3). Интересно—разногласие, которое существует в литературе относительно того, что представляли собой mensarii Одни авторы (Obst, цит. соч. стр. 14) считают, что mensarii, название которых происходило от слова—mensa — стол, и являлось, таким образом, переводом с греческого „trapezitai", были те же аргентарии, другие (Lanm. цит. ст.) считают, что mensarii были кассирами банка, а Маклеод утверждал („The theory and practice of banking", Sec. Ed. Vol. I, L. 1866, стр. 286), что частные банкиры в Риме никогда не назывались mensarii, а это последнее название относилось к правительственным чиновникам, которые назначались государством для урегулирования отношений между кредиторами и должниками в моменты, когда плебен оказывались в тяжелом положении под гнетом больших процентов. Менсарии в этих случаях должны были, по словам Маклеода, давать в ссуду гражданам, находившимся в тяжелом положении, деньги из средств казны под различное обеспечение.

составляла нечто вроде „журнала“. *Маклеод* на основании разных мест из сочинений Цицерона и комедий Плавта устанавливает, что римляне практиковали платежи при помощи переноса в книгах банкира, без употребления наличных денег, путем выписки особого приказа, вроде нынешнего чека, и что они, кроме того, практиковали переводную операцию [1]). Ссуды выдавались аргентариями под залог движимости, недвижимости и морских грузов. Из одного письма Цицерона видно, что процент, который взимали в его время известные аргентарии, был ниже 12% годовых [2]).

§ 3. Разложение Римской империи и упадок хозяйства в течение раннего средневековья сопровождается упадком, или даже почти полным исчезновением банкирского промысла. Банкирского дела, в собственном смысле этого слова, как посредничества между спросом и предложением ссудных капиталов, в этот период не существует. Сохраняется профессия менялы, лица, занимающегося обменом одних денежных знаков на другие. Меняльное дело в разных странах теперешней Западной Европы сначала находилось в руках евреев. В XI—XII в.в. евреям начинают оказывать большую конкуренцию итальянцы-ломбардцы, а затем флорентинцы и венецианцы. Менялы производили свои операции на столах, „banco“, откуда, как полагают, они рано стали называться банкирами („banchieri“), а их лавки — банком [3]). Среди про-

---

[1]) *H. D. Macleod.* The theory and practice of banking. Sec. Ed. Vol. I. L. 1866, стр. 286—287.

[2]) См. *П. Рот*, Цит. соч., стр. 25.

[3]) *Macleod* (см. его „Основания политической экон. П. 1865, стр. 296) считает, что слово: „банк“ происходит не от итальянского „banco“, а от английского слова „bank“, которое означало кучу, груду и должно было обозначать собранный в кучу капитал, или общий фонд, то, что соответствует итальянскому слову: „Monte“, которым там обозначали банки благотворительного типа. Это толкование является теперь довольно распространенным (см., напр., цит. соч. Gilbart-Michie, Conant, Ehrenberg). Я думаю однако, что это толкование едва ли правильно, ибо понятие банка ассоциировалось со скамьей или лавкой не только у итальянцев, но и у греков („trapezitai“), римлян („mensarii“) и др. народов. Интересно в этом отношении русское наименование менял „столешниками“, на которое указывает И. И. Кауфман. (Предисловие к кн. П. Рот, стр. XVII.) Утверждение Маклеода, что италья-

мышленных цехов Флоренции в 1266 г. меняльное ремесло было одним из 7 высших ремесл, являясь одной из корпораций буржуазии, и стояло над 14 цехами рабочих [1]). Впрочем, в общем и целом, менялы — евреи и итальянцы — раннего средневековья не пользовались особой популярностью. Их нередко выгоняли из разных городов, а имущество их подвергалось конфискации, в особенности в связи с тем, что они рано стали практиковать отдачу денег в рост. Евреи не выдержали конкуренции других народов и, в общем, были вытеснены из сферы крупноменяльного промысла, сосредоточившегося к XIII—XIV в.в. в руках итальянцев.

К XIV—XV в.в. из итальянских менял выросли крупные банкирские дома, которые в течение XV и XVI в.в. держали в своих руках денежно-кредитное дело большинства тогдашних государств Западной Европы. Из них особенно известны были флорентинские банкиры *Барди, Перуччи,* а позднее *Медичи.* Все эти банки представляли собою частные семейные товарищества, имевшие агентуру в разных странах [2]). Медичи имели в XV столетии не менее 16 заграничных отделений в разных странах. Являясь частными предприятиями, все эти банки находились, однако, под сильным контролем государства.

Основным делом этих банкиров было вначале, как мы сказали, *меняльное дело.* Позднее, впрочем, меняльное дело выделилось из чисто банковского и наряду с „bancherii", в роде Медичи, появились менялы, которые стали называться: „bancharoti". Чтобы отдать себе отчет в значении меняльного дела в ту эпоху, надо иметь в виду сложность и запутанность отношений, которые тогда существовали

сие менялы, как таковые, в средние века никогда не назывались „banchieri", см. Conant, цит. соч., стр. 8), как-будто опровергается документами, опубликованными Lattes'ом. (См. Nasse, „Das venetianische Bankwesen im XIV, XV und XVI Jahrhundert", „Jahrb. für Nationaloek. und Statistik", 34 Band Jena, 1880.)

[1]) Conant, цит. соч., стр. 7.

[2]) О Медичи см. работу *O. Meltzing'a* „Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer", Jena 1906, составленную, впрочем, по второисточникам.

в этой области. *П. Рот* следующим образом описывает эту путаницу: „Римляне после Константина считали деньги на лиры, сольды и динарии; двадцать сольдов составляли одну лиру, а двадцать динариев — сольд. Это наименование монет перешло и в денежную систему средних веков. Но лира, сольд и динарий *не сохраняли неизменно своей стоимости*. Монетные дворы чеканили одни только динарии, притом различной стоимости. Это вызывало различия в стоимости лир и сольдов, сделавшихся только *счетными* единицами... Существовало столько сортов лир и сольдов, сколько сортов динариев вычеканивалось монетными дворами... Но монетных дворов было чрезвычайно много“ [1]). К этому прибавляются злоупотребления королей и феодалов и частые ошибки со стороны чеканщиков. Торговый оборот испытывал большие неудобства от этого разнообразия монет и там, где шла оживленная торговля, на городских площадях, ярмарках появлялись менялы, опытные знатоки монетного дела и счетного искусства [2]).

Каковы же были те банковские операции в современном смысле слова, которые производились итальянскими банкирами? На первом плане здесь стоит *прием денежных вкладов*. Вклады вносились с правом истребования их в любое время и в этом смысле в них были уже элементы наших текущих счетов. Но вместе с тем *Нассе* думает, что закон запрещал вкладчикам получать проценты от банка и вклады были, таким образом, беспроцентные. С другой стороны, вкладчик не платил банку никакой комиссии за сохранение его вклада и управление им, а банки зато имели право употребить часть депонированных у них денег в своих операциях [3]).

Главное значение депозитной операции итальянских банков заключалось, однако, повидимому, в том, что она служила основанием для операции расчетной. *Расчетная операция* широко практиковалась итальянскими банками и служила центром их деятельности. Сущность этой операции,

---

1) См. *П. Рот*, цит. соч., стр. 31—32.
2) Там же, стр. 32—34.
3) *E. Nasse*. Цит. соч., стр. 335—336.

которая позднее стала называться „жиро“, заключалась в том, что два лица, имевшие вклад у одного банкира, расплачивались друг с другом по своим коммерческим сделкам путем переписки суммы в книгах банкира со счета одного лица на счет другого. Эта переписка происходила в присутствии обоих клиентов банка. Иногородние клиенты банка могли располагать своими вкладами при помощи письменных приказов [1]). Удобство расчетов при помощи переноса сумм по книгам банкира заключалось раньше всего в том, что оно устраняло необходимость хранения и счета денежных знаков. Венецианский сенатор Contarini в 1584 г. заявлял: „За продажные товары приходится производить столько платежей, что если бы пожелали, чтобы одна сторона сосчитала монеты, а другая их приняла, то большая часть торговых сделок стала бы невозможна. Между тем как теперь с помощью банка продавец и покупатель удовлетворяются в течение короткого момента, покуда перо движется по книгам: без этой меры не хватило бы целого дня, чтобы осуществить эти коммерческие сделки, в особенности, когда покупная сумма значительна и необходимо пересчитать много монет“ [2]). Производство платежей при помощи переноса сумм по книгам банка имело, однако, не только то значение, что оно избавляло стороны от трудной операции счета монет. Оно кроме того как бы оформляло платеж, совершение которого фиксировалось в книгах банкира. Отсюда вытекало в Венеции требование законодателя о том, чтобы книги банкира всегда велись достаточно точно [3]).

На этой почве развилась далее *переводная* операция. Банкиры разных стран были связаны между собой отношениями, которые мы бы теперь назвали корреспондентскими. Лица, отправлявшиеся в чужие страны, вносили банкиру своего города деньги и получали от него приказ на банкира того пункта, куда они отправлялись. Сохранился следующий документ этого рода, относящийся к началу XIII в.

---

[1]) Там же, стр. 334—335.
[2]) Там же, стр. 331.
[3]) Там же, стр. 331—332.

„Меняла Симон Рози настоящим подтверждает, что он получил 34 генуэзских лиры и 32 динария, за которые его брат Вильгельм в Палермо имеет выплатить предъявителю этого письма 8 марок хорошего серебра“ [1]).

Выдача банкирами взаимных поручений друг на друга привела к необходимости урегулирования расчетов между ними. Ликвидация расчетов производилась на „вексельных ярмарках“, куда съезжались банкиры из разных городов и где они производили зачет взаимных обязательств. Вексельные ярмарки конца XVI в. могут рассматриваться, как зародыши современных „Clearing-House“ [2]).

В составе операций итальянских банков крупную роль играло дальше выполнение поручений по *сбору налогов*. В особенности банки занимались в разных странах инкассированием сборов в пользу церкви. В некоторых странах итальянские банкиры пользовались особым покровительством, как представители римского папы [3]).

В то же время итальянские банкиры вели широкие *активные операции*, пуская в оборот те средства, которые им приносили вкладчики. Можно установить 3 вида этих активных операций. На первом плане стоят ссуды королям, городам, т.-е. то, что соответствует нынешнему понятию государственного кредита. История развития банкирского дела в Италии полна фактов широкого кредитования со стороны банкиров королей и, вообще, органов власти. В ряде случаев это кредитование, повидимому, бывало вынужденным, но во многих случаях оно делалось охотно, ибо кредитование королей открывало банкирам возможности накопления больших богатств. Нередко, однако, владетельные особы отказывались платить свои долги банкирам, и это приводило их к банкротству. Так, неплатеж долгов со стороны двух королей привел в 1345 г. к банкротству два крупнейших банкирских дома во Флоренции — Барди и Перуччи, что в свою очередь повлекло за собой общий кризис [4]). В то же время

---

[1]) См. Obst, цит. соч., стр. 16.

[2]) См. П. Рот, цит. соч., стр. 74—75.

[3]) Conant, цит. соч., стр. 7.

[4]) Macleod, цит. соч., стр. 289—290.

банкиры, по мнению Нассе, не получали процентов по своим ссудам государству, в особенности по краткосрочным. Они получали компенсацию в форме разных льгот—вроде разрешения производить экспортную торговлю [1]).

Другой формой кредитных операций итальянских банкиров являлась выдача ссуд частным торговым фирмам. Ссуды выдавались, очевидно, тем клиентам, с которыми банк был связан по вкладной операции. Эта операция, судя по имеющимся материалам, не носила характера коммерческой операции, приносящей банкиру определенный процент на ссуженный капитал. Она часто выступала в форме одолжения, оказываемого тому или иному клиенту. В виду отрицательного отношения к проценту, которое существовало в то время, банкир не брал процентов за ссужаемые деньги, по крайней мере, не брал их открыто, и до нас не дошло материалов, которые позволяли бы считать эти ссуды процентными. Но банкиры компенсировали себя тем, что они получали от кредитующихся большие депозиты в другие периоды времени, и кроме того являлись участниками предприятий своих заемщиков [2]).

Ссуды эти выдавались в форме личнóго кредита. Учет векселей в современном значении этого слова в то время еще не практиковался, и итальянские банки того времени не были дисконтными банками, по крайне мере в более раннюю эпоху [3]).

Третьей формой активных операций банков было помещение сосредоточивавшихся у них средств в собственных операциях. Пользуясь притекавшими к ним вкладами, банки вели на эти средства широкую *торговлю за свой счет.*

Однако, активные операции банков, в особенности две последние формы их, ссуды частным фирмам и ведение соб-

---

[1]) *Nasse*, там же, стр. 342.

[2]) *Nasse*, цит. соч., стр. 339.

[3]) См. *W. Sombart*, Der moderne Kapitalismus, Dritte aufl. 2-er B. 1-er Halbb, München und Leipz. 1919. Стр. 525 и сл. По мнению Зомбарта до XV в. векселя были только переводные, в XV—XVI ст. появляются товарные векселя, но современный вексель с индоссаментом появляется лишь в XVII столетии.

ственных торговых операций рассматривались в то время, как явления ненормальные. Задача банков, по мнению современников, заключалась в облегчении расчетов. Между тем употребление депонированных у них сумм на различные операции препятствует правильному выполнению этой задачи. Оно в частности ведет к постоянным банкротствам. Этот взгляд современников на задачи банков нашел свое выражение в ряде законодательных актов, которые запрещали банкам открытие кредитов. Этот же взгляд выражен в следующих рассуждениях упомянутого сенатора *Контарини*. Говоря о причинах частых банкротств, Контарини заявляет: „Все те, которые устраивают банки, берут на себя такой труд и идут на тяжелую обязанность быть кассирами всех денег в данном месте не для того, чтобы просто хранить эти деньги, но чтобы ими производить торговлю и получать прибыль. Они помещают одну часть в торговлю со странами Востока, другую в операции со странами Запада, другую еще часть они вкладывают в закупки ржи, другую еще в другие помещения, которые им могут приносить пользу, как, например, в векселя". — „К этому прибавляется то, что банкир имеет возможность прийти навстречу многим друзьям при их нужде в деньгах и получить такими услугами новых друзей, и притом без затраты денег, лишь при помощи короткой записи в своих книгах". — „Без труда, лишь при помощи росчерка пера, приказов, чтобы в их книгах были написаны две строки, банки могут создавать большие денежные суммы" [1]).

§ 4. Расцвет частных банкирских домов в Италии продолжался до XVI в. В течение этого столетия в особенности в конце его начинается упадок этих банков. Contarini в речи, произнесенной в 1584 г. сообщил, что из 103 частных банкирских домов, которые существовали в Венеции, 96 обанкротились и только 7 имели успех [2]). В литературе указывается ряд причин, которые привели к упадку частного банкирского промысла в Италии: притеснения со стороны

[1]) Nasse, цит. ст., стр. 338.

[2]) См. Conant, цит. соч., стр. 9.

законодательства, ссуды государству, которые сплошь и рядом не возвращались, помещения средств в спекулятивные предприятия. Но едва ли не главнейшей причиной было то, что в это время начинается общий упадок итальянских республик. Они перестают быть центром мировой торговли. Этот центр переносится в другие страны, а вместе с тем падает значение банкирских домов, выросших, главным образом, на почве операций, с язанных с мировой торговлей. Это доказывается тем, это частный банкир, вообще, не исчезает в это время с арены денежного рынка. Он занимает на нем господствующее положение в странах Зап. Европы до середины XIX столетия. Только место итальянских Медичи занимают сначала южно-германские банкиры, знаменитые *Фуггеры* [1]), а позднее, когда центр мировой торговли переносится в Голландию, на сцену появляется Гопе. Еще позднее — Ротшильды, Перейра, Беринги и т. д.

Однако, в итальянских республиках в конце XVI столетия в связи с упадком и банкротством частных банкирских домов возникает течение в пользу создания *публичных банков*. Первый банк этого рода был „Banco di Rialto", основанный в Венеции в 1587 г. [2]). В 1593 г. был учрежден такой же банк в Милане под названием „Banco di S. Ambrogio". К 1675 г. относится учреждение публичного банка в Генуе под названием: „Casa di S. Giorgio" [3]). В начале XVII в. учреждены 3 таких же банка в других странах, а именно: „Amsterdamsche Wisselbank" в Голландии в 1609 г., „Hamburger Giro-

---

[1]) См. об этом периоде *R. Ehrenberg*: „Das Zeitalter der Fugger" 1896.

[2]) Долгое время считалось, что венецианский банк был основан в средине XII века. Так, мы находим такое утверждение у Gilbart'a (цит. соч. стр. 10). Однако, в последнее время это предположение отвергается в связи с новыми документами, опубликованными в итальянской литературе в 1869 г. Lattes'ом и в 1871 г. Ferrara. (См. Nasse, цит. ст.). Надо, впрочем, отметить, что еще до этого Macleod настаивал на ошибочности этой даты образования венецианского банка, а также факта раннего учреждения генуэзского банка, и указывал, что первый был основан в 1587 г., а второй- в 1675 г. (См. „The theory and practice of banking", Vol. I. L. 1866, стр. 289—290).

[3]) Время образования Casa di S. Giorgio также представляется спорным. Gilbart считал, что он основан в 1407 г. В других источниках

bank“ в Гамбурге в 1629 г. и „Banco Publico“ в Нюрнберге в 1621 г. [1]).

Венецианский банк, который в 1619 г. назывался уже „Жировым банком“, „Banco del giro“, был учрежден путем взноса денежных вкладов со стороны коммерсантов, которым открыты были в книгах банка кредиты в размере их взносов. Банк находился в управлении специальных „губернаторов“ которые избирались на 3 года из числа частных банкиров сенатом и получали постоянный оклад. Задача банка заключалась только в облегчении платежей путем переноса сумм с одного счета на другой, т.-е. производство операции жиро. Банк не имел права производить операции на депонированные у него деньги. Клиенту не мог быть открыт кредит на сумму, которая превышала бы внесенный им вклад. Банк мог принимать во вклад и выдавать только „хорошие“ деньги. Банковые деньги представляли собою полноценную и однообразную денежную единицу и потому имели лаж против обыкновенной монеты, доходивший, по словам Маклеода, до 9%. Венецианский банк, повидимому, не занимался выдачей ссуд частным фирмам и собственными торговыми операциями. Но зато он широко практиковал первый вид активных операций, которые производили частные банкирские дома, а именно, давал деньги в ссуду государству. Финансирование государства приводило к тому, что этот банк нередко попадал в затрудни-

---

указывается дата 1586 г. *H. Sieveking* в специальном исследовании, посвященном истории Casa di Giorgio, относит учреждение этого института к началу XV в., но он делит историю Casa на три периода: до 1444 г. Casa была жиро-банком и в то же время являлась центральным учреждением по управлению государственным долгом, с 1444 г. до 1586 г Casa не производит никаких банковских операций, ограничиваясь лишь второй функцией, а с 1586 она вновь возобновляет банковские операции, как по производству расчетов, так и по выдаче ссуд из получаемых депозитов правительству и на некоторые строительные работы. Casa di S. Giorgio просуществовала до 1797 г. („Genueser Finanzwesen mit bes. Berücks. der Casa di S. Giorgio. II. Casa di S. Giorgio“. Freibug i. B. 1899).

[1]) См. *W. Sombart,* („Der moderne Kapitalismus“ 3-te Auft., I-er B I-er Hollb. 1919, стр. 425), который насчитывает 9 таких банков в XVI—XVII в.в.

тельное положение. Он просуществовал до 1797 г., когда он был ликвидирован французами в период революции, так же, как и банк Генуи [1]).

Из жиро-банков эпохи раннего капитализма особенно большой известностью пользовались *Амстердамский* („Amsterdamsche Wisselbank") и *Гамбургский* банки. Амстердамский банк был основан в Амстердаме в 1609 г. с той же целью, с какой были раньше основаны венецианский и генуэзский жиро-банки, а именно для облегчения платежей и устранения неудобств, связанных с расчетами при помощи разнообразной и в значительной части испорченной монеты. Эта цель была выражена в уставе банка, в котором говорилось, что банк учреждается для того, „чтобы избавиться от всех монетных неурядиц и создать удобные платежные возможности для тех, которые должны совершать денежные обороты" [2]). Банк был в ведении города, который считался поручителем по его операциям, и находился в управлении четырех ежегодно сменявшихся общинных чиновников. Эти чиновники, как рассказывает Ад. Смит, давший описание Амстердамского банка, при вступлении в должность проверяли кассу, сличали ее с книгами и принимали ее под присягой, а затем по окончании года „с такой же торжественностью и формальностью" передавали кассу новым четырем бургомистрам. Банк давал значительный доход, который поступал в распоряжение города Амстердама. Капитал банка образовался из вкладов, которые вносились коммерсантами различного рода монетой, местной или иностранной. Вся эта монета принималась банком по курсу, который был ниже металлической ее стоимости. Банк принимал во вклад также и слитки золота и серебра, но прием слитков был обставлен несколько другими условиями. На сумму принятого вклада банк открывал вкладчику по своим книгам кредит, который назывался „банковыми деньгами". „Банковый флорин",

---

[1]) См. *Macleod*, цит. соч., стр. 289 и сл., а также его „Основания Полит. Экон." II. 1865, стр. 297, *Nasse* и *П. Рот*, цит. ст. По данным R. Ehrenberg'a (Art. „Banken in der Volksw." в H. S. W. 4-te Aufl.) венецианский „Banco del giro" просуществовал до 1806.

[2]) См. *Sombart*, там же, ст. 426.

который являлся счетной единицей Амстердамского банка, был равен 211,91 ассам чистого серебра. Между тем чеканенные голландские флорины содержали в конце XVII столетия 200,21 ассов чистого серебра. Поэтому „банковые флорины“ Амстердамского банка имели лаж по отношению к чеканенной монете в 5—6%. Банк не платил процентов за вклады. Основное значение вкладов и открытых против них кредитов заключалось в том, чтобы при их помощи производить платежи путем переноса с одного счета на другой. Существовало постановление, согласно которому все векселя, выставленные на Амстердам на сумму, превышавшую 600 флоринов, должны были оплачиваться банковыми деньгами. Банк выдавал свидетельства на принятый вклад. Вкладчик мог поручить банку перечислить часть суммы на имя другого лица. Таким образом, вкладные билеты банка сделались предметом оборота. В первые годы вкладчик мог брать обратно из банка свои деньги, но затем установился такой порядок, что вкладчики не могли взять обратно своих вкладов, и имели возможность реализовать помещенную в банке сумму лишь путем продажи другим лицам своих вкладных билетов. При таком порядке вещей в отдельные моменты мог получиться и, вероятно, получался избыток „банковых денег“. Это не могло не отражаться на их курсе, и должно было влечь за собою уменьшение лажа. Банк, повидимому, принимал меры против такой инфляции. По свидетельству одного наблюдательного современника — Стюарта — банк через подставных лиц скупал собственные вкладные билеты на депонированную у него звонкую монету, когда лаж на его билеты падал ниже желательного для него уровня. Амстердамский банк просуществовал около 200 лет. Основной принцип его работы заключался в том, что депонированные деньги должны были целиком лежать в его кладовых. Банк не имел права пускать их в какие бы то ни было операции. Довольно долго удавалось убеждать публику в том, что банк свято соблюдает этот принцип. Когда в 1672 г. во время вторжения французов возникла паника и публика стала требовать от банка свои вклады, банк удовлетворил все требования, при чем часть выданной

монеты носила следы пожара, случившегося в первые годы после учреждения банка. Таким образом, налицо были все признаки того, что банк не пускает в оборот депонированные вкладчиками деньги. *Адам Смит* склонен был этому верить. Он не допускал возможности, чтобы директора банка из года в год давали ложную присягу, ибо „в этой серьезной и религиозной стране клятвы не потеряли еще своего значения". Проще смотрел на этот вопрос более опытный в таких делах *Джон Ло*, который несмотря на все клятвы директоров высказывал подозрение, что Амстердамский банк пустил часть вкладов в оборот. Это подозрение вполне подтвердилось в 1794 г., когда французы вошли в Амстердам и пожелали проверить дела банка. Оказалось, что банк выдал в ссуду Остиндской Компании и разным городам Голландии около 11 милл. флоринов. Собственно уже до этого в 1790 г. в связи с затруднениями Остиндской Компании банк стал проявлять некоторые признаки неаккуратности и курс его бумаг стал падать. После указанного разоблачения французов в 1794 г. курс его билетов резко упал, а в 1795 г. он приостановил платежи и был ликвидирован [1]).

Гамбургский банк, который был таким же жиро-банком, как и Амстердамский, просуществовал от 1619 г. до 1873 г. Этот банк вел счет в единице, которая называлась „Mark Banko" — „банковая марка" в отличие от общей марки. „Банковая марка" представляла собой абстрактную счетную единицу, которая была равна $1/3$ полновесного талера и соответствовала $8^1/_3$ грам. чистого серебра [2]).

---

[1]) См. *A. Smith.* „Wealth of Nations", B. IV, Ch. III, Part I, Digression (русск. пер. „Богатства народов" П. А. Бибикова, т. II. П. 1866. Стр. 303 и сл.), *Macleod.* „The Theory and Practice of banking", стр. 296—298, *П. Рот,* цит. соч., гл. VI, *Sombart* цит. соч., I. B. I. HB. Стр. 426, *R. Ehrenberg,* ст. „Banken", в H. S. W. 4-te Aufl.

[2]) См. *R. Ehrenberg,* там же. См. также специальное исследование *E. Levy von Halle.* „Die Hamburger Girobank und ihr Ausgang". B. 1891. О Нюренбергском жиро-банке см. ст. *C. L. Sachs*: „Die Nürenberger Girobank (1621 — 1827)". Sonderabdr. aus der Eheberg — Festgabe. Leipz. — Erlangen. 1925.

§ 5. Несколько особняком стоит развитие банкового дела в *Англии*[1]). В эпоху раннего средневековья банкирский промысел находился в Англии в руках *евреев*. Они давали деньги под проценты и испытали в Англии, как и в других странах, результаты недовольства, которое вызывало это занятие, носившее в то время ростовщический характер. В конце XIII века евреи были изгнаны из Англии и их место в качестве менял-ростовщиков заняли итальянцы-ломбардцы. (Отсюда — название центральной улицы лондонского Сити, на которой расположены крупнейшие банки, „Ломбард-стрит"). Однако, позднее, в XVI—XVII в.в. банковое дело сосредоточивается в Англии в руках ювелиров, или *золотых дел мастеров* („Goldsmiths"). Превращение золотых дел мастеров в банкиров в английской литературе обыкновенно изображают следующим образом. Английские купцы имели обыкновение отдавать свои деньги на сохранение на монетный двор в лондонский „Тоуэр" [2]). Но в 1614 г. Карл I, нуждаясь в деньгах, захватил суммы, сложенные в Тоуэре в виде слитков и монеты, всего 120 тыс. ф. стерл. С тех пор лондонские купцы перестали складывать свои деньги в Тоуэре и начали сдавать их на хранение ювелирам, у которых, таким образом, стали сосредоточиваться крупные суммы денег [3]). Однако, нельзя не согласиться с *Эренбергом*, что весь этот рассказ представляет собою не более, чем легенду [4]). В самом деле трудно себе представить, что ювелиры сразу превратились в банкиров в середине XVII в.

---

[1]) О зарождении банкового дела в Англии см. *Gilbart—Michie*, цит. соч. Sect. II, *H. D. Macleod*, The theory and practice of banking, Vol. I, *Conant*, цит. соч., *E. T. Powell*, The evolution of the Money market (1385—1915). L. 1915, *A. Andreades*, Histoire de la Banque d'Angleterre, P. 1901. T. I. P. I., *Ehrenberg*, цит. ст. в H. S. W., *G. Obst*, цит. соч.

[2]) Средневековая крепость в Лондоне.

[3]) См. напр., *Macleod*, который с указанным фактом связывает зарождение банкового дела в Англии, цит. соч., стр. 337 сл., *Gilbart*, цит. соч., стр. 24. Эту же версию поддерживает и *Andreades*. цит. соч., стр. 23 и сл. Кстати, по сообщению Gilbart'а Карлом I захвачено было 200.000 ф. ст., а по данным Andreades'а 130.000 ф. ст. Мы привели цифру, которую дает Маклеод.

[4]) Ehrenberg, H. S. W. Цит. ст.

Представляется более вероятным, что это превращение началось значительно раньше и происходило постепенно. С другой стороны, не подлежит сомнению, что расцвет частного банкирского промысла в Англии произошел, главным образом, во второй половине XVII столетия, в эпоху революции, накануне учреждения Английского банка. Постоянная нужда в деньгах, которую испытывали обе стороны в период гражданской войны, делала для них необходимым обращение к банкирам и влияние последних благодаря этому усилилось. Около этого же времени при Кромвеле евреи добились разрешения вновь поселиться в Англии. Это также усилило роль банкиров, ибо евреи имели банковские связи в Италии и Голландии и их появление в Англии должно было поднять роль Англии на тогдашнем международном денежном рынке.

Число банкиров-золотых дел мастеров было значительно. В 1566 г. в Лондоне было 107 ювелиров, из которых 31 сидели на Ломбардстрите [1]). Совмещение ювелирного дела с банковским продолжалось еще очень долго, и, хотя уже в конце XVII в. кое-кто из банкиров-ювелиров забросил ювелирное дело и стал специализироваться только на банковском деле, однако, эти случаи, в общем, были редки. Среди ювелиров-банкиров были, конечно, и более крупные и менее крупные фирмы. Маклеод говорит, что особенно выдающееся положение занимали 5—6 фирм, которые первые и стали называться банкирами.

Что касается операций, которые производили английские банкиры этого периода, то они во многом сходятся с соответствующими операциями итальянских банкиров. Раньше всего в круг этих операций входило *меняльное дело*. Монетное дело Англии имело в этот период те же недостатки, что и монетное дело других стран. В обороте циркулировали разные монеты — свои и чужие, и коммерческие люди всегда нуждались в обмене одних монет на другие. Эту операцию и совершали в Англии ювелиры, при чем эта операция у них существовала еще до того, как они стали производить другие банковские операции. Затем крупной

---

[1]) *Powell*, указ. соч., стр. 53.

операцией английских банкиров была операция по *приему вкладов*. Вначале эти вклады, повидимому, были беспроцентными, но в XVII в. золотых дел мастера платят проценты за депонируемые у них деньги. По некоторым данным они платили по вкладам до 6% годовых. Вкладчик получал от ювелира квитанцию, в которую вписывалась депонированная сумма. Эта квитанция банкира („*Goldsmith's note*") представляет собою в некотором смысле прообраз нынешней банкноты, однако, она в то время еще, повидимому, не исполняла функций денег и не являлась орудием обращения. Исполнению этими билетами функций денег препятствовала их неоднородность. Для того, чтобы эти расписки превратились в банкноты, потребовалась их „стандартизация", а это произошло лишь в середине XVIII в.[1]). Зато на почве вкладных операций английских банкиров-золотых дел мастеров рано возник *чек*. Вначале вкладчик должен был лично являться в банк для того, чтобы получить свой вклад. Естественно было прийти к выводу, что личный приход вкладчика может быть заменен представлением его письма — приказа о выплате. Наиболее старым документом этого рода является чек, выписанный на ювелира Th. Ffowles и датированный 14 авг. 1675 г. [2]).

Что касается *активных* операций, которые практиковали английские банкиры, то они сводились к выдаче ссуд как государству, так и частным предпринимателям. Английские золотых дел мастера не избежали участи всех средневековых банкиров и оказались широко заангажированными в операциях своего правительства. Они испытали, конечно, также и все последствия, к которым могла привести связь с запутанными государственными финансами. Поскольку речь идет о второй половине XVII века, надо сказать, что уже Кромвель стал пользоваться ссудами от банкиров. Однако, наиболее усиленно использует кредит золотых дел мастеров Карл II. В то же время банкиры брали с него весьма основательные проценты за даваемые ему ссуды. По свидетельству неко-

---

[1]) См. Powell, указ. соч., стр. 99—100.

[2]) Powell, там же, стр. 101.

торых современников этот процент доходил до 20 и даже до 30% годовых. Финансовые затруднения Карла II привели к тому, что в начале 1672 г. правительство оказалось вынужденным прибегнуть к частичному банкротству. Было объявлено, что казначейство приостанавливает платежи на 12 месяцев. В это время король был должен ювелирам свыше 1.300.000 ф. ст., в том числе одному банкиру (R. Wyne) свыше 400.000 ф. ст. Банкиры в свою очередь приостановили платежи и произошел общий кризис [1]).

Кредиты частным предприятиям также оказывались из высокого процента, доходившего до 20—30% годовых [2]).

Деятельность английских частных банкиров - золотых дел мастеров вызывала постоянные нападки со стороны современников. По адресу банкиров раздавался ряд обвинений. Раньше всего их обвиняли в злоупотреблениях с монетой, которая у них скоплялась, и в особенности, повидимому, в операции, которую они, вероятно, действительно широко практиковали, а именно, в переливке в слитки и отправке за границу более полновесной монеты. Далее им ставили в вину необычайно высокий процент, который они не стеснялись брать не только с частных лиц, но и с государства. Интересен, однако, еще один упрек, который делался по адресу банкиров. Противники их утверждали, что в погоне за высокими процентами и быстрой наживой они мало интересуются солидностью своих заемщиков, дают свои деньги недостаточно серьезным клиентам и в виду этого часто несут большие потери. Это, в свою очередь, приводит к частым банкротствам золотых дел мастеров и ставит под угрозу депонируемые у них публикой деньги.

Недовольство, которое вызывала деятельность частных банкиров в Англии, а также тот факт, что отдельные банкиры-ювелиры в конце концов не дошли до ступеней таких международных банкирских домов, какими были итальянские Медичи или германские Фуггеры, создавали почву для организации в Англии публичного банка. На этот путь Англию толкало и то, что она стала конкурировать с тогдаш-

1) *Andréadès*, там же т. I, стр. 52—53.

2) Там же, стр. 45.

ней Голландией за преобладание на мировом денежном рынке. Между тем Голландия имела публичный банк в лице Амстердамского банка и создание такого банка в Англии представлялось естественным. Так, к концу XVII в. была подготовлена почва для возникновения Английского Банка, старейшего из существующих в настоящее время эмиссионных банков.

§ 6. *Английский* банк („Bank of England") был учрежден в 1694 г. [1]). Проект, который получил санкцию парламента, был представлен *Патерсоном*, мало известным шотландцем, который спустя год после учреждения банка должен был уйти из него. Проект Патерсона был, однако, согласован с правительством в лице тогдашнего министра финансов Монтэгю. Проект прошел после усиленной борьбы, ибо он имел как горячих сторонников, так и не менее горячих противников. *Жильбарт* следующим образом формулирует мотивы той и другой стороны. Сторонники банка говорили, что учреждение банка вырвет нацию из рук ростовщиков, понизит процент, поднимет цены на землю, оживит и сорганизует государственный кредит, расширит

[1]) Об Английском банке написано очень большое количество книг и статей. Кроме работ *Gilbart*'a, *Macleod*'a, *Conant*'a, *Powell*'я, *Andreades*'a и др., которые были упомянуты раньше, деятельности этого банка в той или иной степени касается вся богатая английская банковская литература времени Рикардо и периода спора между „currency-school" и „banking-school", т.-е. работы *Оверстона, Тука, Фуллартона, Вильсона*. Английскому банку и его политике посвящены две работы *Ад. Вагнера:* „Beiträge zur Lehre von den Banken", L. 1857, и „Die Geld- und Kredittheorie der Peelschen Bancacte", Wien, 1862. (Имеется новое издание, 1920 г. под. редакц. Пленге.) На русском языке одному из периодов в жизни английского банка посвящена диссертация *И. И. Кауфмана*: „Неразменные банкноты в Англии 1797—1819", (2-е изд. П. 1915 г.). Более позднему периоду посвящена работа *П. Гамбарова*: „По вопросу о выпуске банковых нот. Банковый акт Р. Пиля". Пет. 1875. Упомянем еще следующие книги более позднего времени, которые мы частью использовали в настоящей главе: *Th. Hankey*. „The principles of banking". L. 1887, *Eug. Philippovich*. „Die Bank von England im Dienste der Finanzverwaltung des Staates", Wien, 1885, *W. R. Bisschop* „The Rise of the London Money Market 1640—1826", L. 1910, *Th. W. Huskinson*. „The Bank of England Charters" L. 1912, *P. Aretz*. „Die Entwicklung der Diskontpolitik der Bank von England. 1780—1850". B. 1916, *H. Withers*. „Bankers and Credit", L. 1924, *M. Bouniatian*. Geschichte der Handelskrisen in England. M. 1908.

обращение, а вместе с тем внесет улучшение в область торговли и т. п. Противники проекта говорили, что банк станет монопольным учреждением, которое сосредоточит в своих руках все деньги страны, что он подпадет под влияние правительства и явится в его руках орудием для всякого рода произвола, что вместо помощи он лишь ослабит торговлю, так как будет толкать публику на то, чтобы она извлекала свои средства из торговли и вкладывала их в биржевую спекуляцию, что он вызовет к жизни толпу посредников и маклеров, игру и обман, и тем поведет к падению нравов населения [1]). Чтобы отдать себе отчет в мотивах этой борьбы, надо, однако, принять еще во внимание то обстоятельство, что банк был создан при поддержке либеральной партии — вигов и уже потому встречал противодействие со стороны тори. Тори говорили, между прочим, что такое учреждение, вообще, может существовать только в республике, и что оно несовместимо с монархией [2]).

Учреждение Английского банка не было обставлено особой торжественностью, по крайней мере в области законодательной. Самое положение об учреждении банка было проведено не в виде особого закона, а в виде части длинного закона, устанавливавшего ряд налогов, в частности налоги на тоннаж и на пиво. Новый банк получил название: „Управляющий и компания Английского банка“ („The Governor and the Company of the Bank of England“), а противники называли его в шутку „Тоннажный банк“. Включение закона об учреждении банка в акт, касавшийся разных налогов, однако, не являлось случайностью, ибо для правительства самое учреждение банка было тесно связано с бюджетом, а налоги на тоннаж и на пиво были связаны с деятельностью банка. Условия учреждения банка были следующие. Группа лиц учредителей банка образует путем подписки капитал в 1.200.000 ф. ст. Этот капитал они передают в ссуду правительству, которое обязуется выплачивать им еже-

---

[1]) *Gilbart — Michie*, цит. соч., Vol. I., стр. 30.

[2]) *R. Ehrenberg*, цит. ст. в H. S. W.

годно 100.000 ф. ст. из вышеупомянутых налогов, и за это банк получает право производить целый ряд операций. Группа регистрируется, как корпорация, под указанным выше названием, и ей предоставляется право производить операции с векселями, слитками золота и серебра, давать ссуды под залог товаров и имущества, с правом продажи последних в случае, если ссуда не будет погашена в течение 3 месяцев после срока. Банк может принимать деньги во вклад, но только в пределах суммы, авансированной правительству. Банк может выпускать билеты, но эти билеты должны быть именными и могут переходить из рук в руки по передаточной надписи. Начиная с 1 августа 1695 г. банк может потребовать возврата ссуды, выданной правительству, с предупреждением за 1 год, но в этом случае права компании теряют свою силу.

Интересно отметить, что Английский банк при его возникновении существенным образом отличался от итальянских банков и от Амстердамского банка. Задача регулирования расчетов не являлась центральной его задачей. Он должен был заниматься по преимуществу ссудными операциями. В то же время он не был обязан держать у себя в кладовых депонированные у него суммы и мог ими свободно располагать. Это обстоятельство давало ему возможность платить проценты по вкладам и процентная ставка вначале установилась на уровне 4% годовых. Билеты Английского банка не имели обязательного курса и не являлись объектом большого оборота. В первое время банк платил по своим билетам процент в размере 2 пенсов в день за 100 ф. ст., то-есть около 3% годовых.

Остановимся на основных моментах богатой событиями истории Английского банка, как она изложена в перечисленных выше источниках. Первые шаги нового банка были не вполне удачны. В 1696 г. английское правительство приступило к перечеканке монеты. Было решено изъять и перелить неполноценную монету. Вместе с тем Английский банк оказался вынужденным оплачивать свои билеты полноценной монетой. Но так как он до того принимал легковесную монету то это принесло ему большие потери. Частные банкиры-

ювелиры, стараясь поставить банк в трудное положение, собрали на 30.000 ф. ст. его билетов и предъявили их ему для размена. Банк отказался от размена, хотя продолжал снабжать монетой свою обычную клиентуру. Впоследствии, однако, банк попал в еще более трудное положение и вынужден был объявить, что он платит по своим билетам частями по 3% одновременно. Билеты банка получили дисажио, доходившее до 8—18%. Упали также и акции банка. Однако положение вскоре восстановилось. В 1697 г. банк получил новые привилегии, фактически придавшие ему характер *монопольного* учреждения. Было установлено, что в пределах Англии не может быть допущено учреждение какой бы то ни было корпорации банковского характера. Акт 1697 г. был обусловлен увеличением основного капитала банка на 1.200.000 ф. ст., которые, как и первый капитал банка, были даны правительству в ссуду — из 8% годовых. В то же время банк получил право эмитировать свои банкноты на равную сумму. При возобновлении привилегии в 1742 г. банк выговорил себе дальнейшие права, а именно, что ни одна корпорация с числом членов свыше 6, как существующая, так и имеющая возникнуть в будущем, не может в пределах Англии получать деньги путем выпуска билетов, оплачиваемых по предъявлению или, вообще, в срок менее 6 месяцев. Этим самым была утверждена монополия Английского банка, как банка эмиссионного. За эту привилегию банк обязался выдать правительству новую ссуду в 1.600.000 ф. ст., на этот раз беспроцентную. Долг правительства банку постепенно возрастал и к 1782 г. один лишь долгосрочный долг достиг 11 милл. ф. ст., а сверх этого существовала значительная краткосрочная задолженность банку со стороны казначейства. Проценты вначале начислялись в размере от 8 до 4 годовых, а позднее около 1757 г. процент по долгосрочному долгу был понижен до 3 процентов годовых.

Устранение крупных конкурентов из сферы эмиссии банкнот надолго сохранило за Английским банком преобладающее положение в этой области. В частности банкнота Английского банка почти вытеснила из оборота билет прежних лондонских банкиров золотых дел мастеров. Первоначально

Английский банк выпускал билеты купюрами не ниже 20 ф. ст. С 1759 г. он стал выпускать билеты в 10 ф. ст., а в 1793 г. — в 5 ф. ст. Вместе с тем частные лондонские банкиры сосредоточили все свое внимание на *депозитной операции*, которая как раз мало развивалась в Английском банке. Английский банк уже с 1699 г. перестал платить проценты по текущим счетам и вкладам, между тем как частные банкиры платили проценты не только по вкладам на долгие сроки, но и по текущим счетам, вплоть до второй половины XVIII в., или даже, возможно, до XIX в. Насколько незначительна была роль депозитов в операциях Английского банка показывает, например, тот факт, что в 1797 г. у банка было депозитов на 1—1,5 милл. ф. ст., в то время, когда количество его банкнот в обращении достигало 9,5 милл. ф. ст. [1]). В то же время лондонские банкиры к концу XVIII в. почти перестали выпускать банкноты [2]).

Надо, однако, иметь в виду, что в XVIII веке, в особенности во второй его половине, на английском денежном рынке, наряду с английским банком и лондонским банкиром, наследником старых ювелиров, появляется новый тип банковского посредника, в лице *провинциального частного банкира* („country bank“). Развитие провинциального банкира было связано с общим экономическим ростом Англии в XVIII веке. Провинциальные банкиры выростали из лавочников, откупщиков и т. п. элементов, а также из специальных агентов лондонских банкиров. Они рано стали практиковать выпуск банкнот и в области эмиссионной операции выступили в роли конкурентов Английского банка, конкурентов более серьезных, чем лондонские банкиры. Эти провинциальные банкиры сыграли затем большую роль в XIX столетии при образовании крупных акционерных коммерческих банков. Об их росте и роли в XVIII столетии можно судить по тому, что в 1750 г. их насчитывалось во всей Англии только около дюжины, а к 1793 г. их было уже около 400. К этому времени эмиссия банкнот частных банкиров достигла почти 10 мил. ф. ст.,

---

[1]) См. Bisschop, указ. соч., стр. 119.

[2]) Там же, стр. 157.

в то время, как эмиссия билетов Английского банка выражалась в сумме 12 мил. ф. ст. [1]).

Во второй половине XVIII в. в Англии происходит ряд кризисов: в 1763, 1773, 1783, 1793 г.г. Все эти кризисы сопровождаются теми или иными затруднениями для частных банкиров. В течение последних двух кризисов 1783 и 1793 г.г. частные банкиры бросаются за помощью к Английскому банку. Но Английский банк, сильно заангажированный в операциях казначейства, оказывается не в состоянии прийти им на помощь. В 1793 г. в связи с начавшейся войной с Францией создается паника в провинции, начинается истребование вкладов от частных банкиров („run") и происходит ряд банкротств частных банков. Паника отражается также на делах Английского банка, который оказывается в затруднительном положении. На этот раз его спасает от банкротства решение правительства выпустить „векселя казначейства" купюрами в 100, 50 и 20 ф. на сумму в 5 милл. ф. ст. Этот выпуск, который фактически пришлось сделать лишь на сумму в 2.202 тыс. фун. ст., несколько разрядил атмосферу. Но уже через 4 года, в 1797 г., наступает новый кризис. Провинциальные банки вновь оказываются в крайне затруднительном положении. Они решают коллективно приостановить размен своих билетов на золото. В то же время затруднения провинциальных банкиров отражаются на положении Английского банка, резервы которого начинают падать. Тогда правительство решает освободить Английский банк от обязательства обменивать свои банкноты на золото („Рестрикционный акт" 1797 г.). 27 февраля 1797 г. Английский банк приостановил размен и вступил в полосу бумажно-денежного обращения.

Период бумажно-денежного обращения продолжался с 1797 г. до 1821 г. Мы не станем останавливаться подробно на истории этого периода, которая всесторонне освещена в экономической литературе [2]). Как известно, практика Английского банка за этот период возбудила в экономической

---

[1]) Там же, стр. 171.

[2]) В русской литературе ей посвящена работа *И. И. Кауфмана.* „Неразменные банкноты в Англии 1797 — 1819", 2-е изд. П. 1915.

литературе оживленные споры и разбила экономистов на два лагеря. Одна группа экономистов, среди которых главное место занимал *Давид Рикардо*, считала, что Английский банк, пользуясь неразменностью своих банкнот, злоупотреблял выпусками билетов и этим вызвал падение курса фунта стерлингов. Отсюда эти экономисты делали тот вывод, что эмиссионный банк в отношении выпуска своих билетов должен быть поставлен в строгие рамки. Эту же точку зрения воспринял знаменитый „Bullion Report", „Отчет о слитках", представленный в 1810 г. в Парламент комиссией, которая была назначена для исследования вопроса о причинах лажа на слитки золота. Авторами его были Торнтон, Хорнер и Хескиссон. Идеи Рикардо и авторов „Отчета о слитках" („бульонистов", как их стали называть, производя это слово от английского слова „bullion"—„слиток") позднее легли в основу взглядов так называемой „currency school", которая сделала из них затем практические выводы Другая группа экономистов, *Тук, Фуллартон*, а также — до того, во времена Рикардо — директора Английского банка, доказывали, что падение курса фунта стерлингов, которое в то время и имело место, вовсе не являлось результатом инфляции, или результатом того, что Английский банк злоупотреблял своим правом эмиссии банкнот, а произошло по другим причинам, в частности, вследствие неурожаев. Эти экономисты считали, что выпуск банкнот в избыточном количестве, вообще, невозможен, и в особенности при разменной банкноте—в тех случаях, когда эти банкноты выпускаются для коммерческих целей в порядке учета коммерческих векселей. Они считали что излишне выпущенные банкноты должны вернуться обратно в банк, не вызывая повышения товарных цен. Практический вывод этой группы экономистов, которые позднее стали называться сторонниками „banking principle", заключался в том, что эмиссионный банк должен иметь свободу действий при выпуске своих банкнот, что его не следует обставлять никакими искусственными ограничениями в его эмиссионной деятельности, требуя от него лишь того, чтобы он выпускал свои банкноты только для цели коммерческого кредитования под хорошие векселя.

Этот спор двух направлений в области банковой пол-и тики, на котором мы уже останавливались в первой части нашего курса, в общем и целом, не может считаться решенным и до настоящего времени. Вместе с тем он до настоящего времени не потерял своей актуальности. Перед эмиссионными банками теперь, как и 100 лет тому назад, стоит вопрос о „пределах эмиссии“, вопрос о том, должны ли они ограничивать эмиссию банковых билетов до минимума или же они должны — в целях содействия возникновению новых предприятий и расширению существующих — свободно выпускать банкноты в пределах предъявленного к ним спроса на кредит, заботясь лишь о том, чтобы кредит оказывался под „здоровые“ векселя, и отнюдь не опасаясь произвести инфляцию в уверенности, что если они выпустят банкнот больше, чем это нужно для оборота, то эти банкноты безболезненно вернутся к ним обратно.

Мы не имеем в виду входить здесь в рассмотрение по существу аргументов той и другой школы, о которых нам приходилось уже говорить в другом месте. Отметим лишь, что на практике в Англии восторжествовали идеи Рикардо и его сторонников.

Первое печатное выступление Рикардо, в котором он доказывал, что причиной падения курса банкнот являются излишние выпуски (его „Высокая цена слитков и т. д.“) имело место в сентябре 1809 г. К этому времени курс фунта стерлингов сильно понизился. К концу 1808 г. курс фунта стерлингов на Париж был ниже паритета на 12%, а к концу 1809 г. он был ниже паритета на 25%. Общее количество банкнотного обращения Английского банка и частных провинциальных банков в Англии составляло в среднем следующие суммы (в мил. ф. ст.) [1] (см. табл. на стр. 305).

Наибольшая эмиссия банкнот, как видно из этих данных, приходится на 1808—1809 гг. Приведенные цифры в то же время указывают на рост эмиссии частных банкиров. Период неразменности был вначале очень благоприятен для развития частного банкирского дела. Число частных банкиров стало быстро расти и к 1813 г. дошло до 900.

[1]) По данным, приведенным у *И. И. Кауфмана* указ. соч., стр. 91 и 101.

Годы	Английск. банк	Частные банки	Всего
1797—1799	12,3	—	—
1800—1801	15,5	—	—
1802—1803	16,5	—	—
1804—1805	17,1	—	—
1806—1807	16,7	—	—
1808	17,0	—	—
1809	18,9	17,0	35,9
1810	22,5	21,8	44,4
1811	23,3	21,5	44,7
1812	23,2	19,9	43,2
1813	24,0	22,6	46,6
1814	26,9	22,7	48,6
1815	26,9	19,0	45,9
1816	26,6	15,1	41,7
1817	23,3	15,9	41,2
1818	27,2	20,5	47,7

Но большинство этих провинциальных банков не обладало значительными капиталами и не могло противостоять кризисам. Кризис 1816—1817 г.г. привел к крушению 89 провинциальных банков, что отчасти усилило положение Английского банка. В 1819 г. акт о приостановке размена был отменен с тем, что размен должен был быть восстановлен в 1823 г. Однако Английский банк фактически восстановил размен с 1821 г.

Из периода неразменной банкноты Английский банк вышел, в общем, с ослабленной позицией. Правда, он вос

становил размен по старому курсу и не оказался вынужденным прибегнуть к девальвации. Но все же, повидимому, осталось впечатление, что его директора не всегда были на высоте. Его обвиняли в тех банкротствах среди частных банков, которые становились частым явлением. Началось движение в пользу того, чтобы лишить Английский банк его монопольного положения. Первая серьезная брешь в этой монополии была пробита законом 1826 г., который постановил, что эмиссионные банки с числом участников свыше 6 не могут быть учреждены вблизи Лондона, на расстоянии 65 миль от него, и в этой полосе их банкноты не могли быть выпускаемы или оплачиваемы. За эти пределы монополия Английского банка, таким образом, уже не распространялась. Гораздо большее значение имело, однако, одно „разъяснение“, которое дали официальные юристы относительно банковского акта 1742 г. Как мы видели, этот акт воспрещал образование банковских компаний с числом участников свыше шести. Теперь, через 90 лет юристы разъяснили, что это запрещение относится только к *эмиссионным* банкам, и что закон не запрещает образования крупных компаний, которые занимаются депозитно-банковским делом. При возобновлении в 1833 г. привилегий Английского банка это разъяснение было уже точно формулировано, и в следующем году образовался в Лондоне первый *акционерный банк* „Лондонский и Вестминстерский банк“ [1]). Это обстоятельство имело решающее значение для судьбы Английского банка. Частные банкиры, как провинциальные, число которых дошло до 1.000, так и Лондонские, не могли являться для этого банка серьезными конкурентами до тех пор, пока он один имел возможность использовать свое положение крупного акционерного предприятия, в особенности в Лондоне. С учреждением частных депозитных акционерных банков положение изменяется, и Английский банк начинает постепенно терять свою преобладающую роль на денежном рынке Англии.

---

[1]) См. Blsschop, цит. соч., стр. 199.

Появление на сцене акционерных депозитных банков сразу выдвинуло проблему борьбы между двумя видами денег, банкнотой и депозитом. Английский банк остался главным банком, выпускающим банкноты, но депозитные банки также имели в своих руках одну из разновидностей денег — депозиты. Вопрос был в том, какой вид денег возьмет верх в общем денежном обращении, тот ли, выпуск которого находился по преимуществу в руках Английского банка, или тот, которым оперировали депозитные банки. Современное положение банкового дела в Англии показывает, что жизнь решила этот вопрос в пользу депозитных банков. Депозитные банки, как мы уже указывали, занимают сейчас господствующее положение на денежном рынке Англии, и эмиссионный Английский банк отступил на задний план. В этом процессе оттеснения Английского банка с передовых постов денежного рынка крупную роль сыграл, неожиданно для его авторов, преследовавших совсем иные цели, акт Роберта Пиля 1844 г.

§ 7. *Банковый акт Роберта Пиля 1844 г.* сыграл такую крупную роль в жизни Английского банка, что некоторые авторы делят, вообще, всю историю этого банка на два периода: время до 1844 г. и время после 1844 г. И в самом деле, этот закон поставил работу Английского банка на новых основаниях. Главные принципы, которые были положены в основу этого акта, проведенного через парламент тогдашним премьер-министром Р. Пилем, базировались на положениях „currency-school“, и, в первую очередь, на взглядах Лойда-Оверстона. *Оверстон* формулировал свое отношение к вопросу об эмиссии банкнот следующим образом: „Единственная простая обязанность, которая должна лежать на руководителе денежного обращения, заключается в том, чтобы сделать количество бумажных денег в обращении изменяющимся совершенно так же, как изменялась бы сумма денежного обращения, если бы оно было исключительно металлическим“ [1]). Исходя из этого принципа, банковый акт

[1]) *S. J. Loyd.* Reflections suggested by perusal of Mr. J. Horsley Palmers Pamphlet etc. L. 1837. Стр. 38. См. об этом нашу статью: „Принципы банкнотного обращения“ „Социал. Хоз.“ 1925 г. Кн. II.

1844 г. установил, что Английский банк может выпускать банкноты непокрытые металлом лишь в сумме 14 мил. ф. ст. (эта сумма соответствовала минимальному количеству банкнотного обращения за последние годы до издания закона, составившему в декабре 1839 г. около 14,7 мил. ф. ст.), все же остальные выпуски банкнот должны быть полностью покрыты металлом (золотом, и — до $^1/_5$ части — серебром). Банк обязан давать свои билеты против золота из расчета 3 ф. 17 ш. 9 п. за 1 унцию. Далее, в силу закона 1844 г. Английский банк был разделен на два департамента: эмиссионный („issue department") и банковый („banking department") с отдельными балансами. Эмиссионный департамент должен механически осуществлять принципы закона 1844 г. и давать банковому департаменту билеты против металла на основах этого закона, банковый же департамент должен производить другие разрешенные ему банковые операции на таких же началах, как их производят другие коммерческие банки. В целях ограничения выпуска банкнот со стороны прочих банков было постановлено, что банки, не занимавшиеся эмиссией банкнот до 1844 г., впредь не могут выпускать своих билетов, что же касается тех банков, которые к тому времени производили эту операцию, каковыми являлись, главным образом, провинциальные банки, то они в дальнейшем не могут выпускать банкнот на сумму бо́льшую, чем они имели в обращении в среднем в течение 12 недель до 27 апреля 1844 г. Если же какой-либо из этих банков прекратил бы выпуск банкнот, то он лишается этого права на дальнейшее время. В этом случае Английский банк получает право дополнительного выпуска билетов не покрытых золотом на $^2/_3$ от суммы эмиссии того банка, который прекратил выпуск банкнот.

В 1844 г. в Англии существовало всего 72 акционерных банка и 207 частных банков, выпускавших свои банкноты, за которыми было зафиксировано право эмиссии на общую сумму 8.648 т. ф. ст. Затем эмиссионное право частных банков стало постепенно сокращаться и переходить к Английскому банку. Это происходило отчасти потому, что для частных банков эта операция постепенно теряла интерес, поскольку

они были лишены возможности ее развивать, а отчасти потому, что частные эмиссионные банки, вообще, стали исчезать, постепенно поглощаемые быстро растущими депозитными банками. Последний частный эмиссионный банк, фирма „Fox, Fowler & Co“, исчез в 1921 г. (его поглотил Lloyds Bank) и с этого времени Bank of England остался единственным эмиссионным банком в Англии. Его право на эмиссию непокрытых банкнот составило к этому времени 18.450.000 ф. ст. Он мог бы собственно довести это право до 19,6 мил. ф. ст., но с 1903 г. он перестал пользоваться правом расширения своей непокрытой эмиссии и не присоединял к себе $^2/_3$ от эмиссии постепенно отмиравших других эмиссионных банков [1].

Банковый акт 1844 г. подвергся в экономической литературе ожесточенным нападкам, в особенности, в течение первых десятилетий после его осуществления. Отрицательное отношение к тем принципам, на которых была построена в Англии эмиссия банкнот, сделалось почти общим местом. Главное возражение против акта 1844 г. сводилось к тому, что, благодаря этому закону, размеры денежного обращения были поставлены в очень узкие рамки, и что Английский банк, будучи крайне стеснен в области эмиссии банкнот, лишен возможности притти на помощь своим кредитом другим банкам в моменты напряжения денежного рынка. Эти нападки еще более усилились, когда оказалось, что в моменты напряжения Английский банк не был в состоянии соблюсти требования закона 1844 г. и оказывался вынужденным выпускать непокрытые металлом банкноты на значительные суммы. На протяжении 2—3 десятилетий Английский банк три раза был вынужден отступить в этом смысле от принципов закона 1844 г. Это произошло во время кризисов 1847, 1857 и 1866 гг.[2]). Во всех этих случаях правительство оказывалось вынужденным приостанавливать действие акта 1844 г. и разрешать

---

[1]) См. ст. „Banken in der Volksw.“ в H. S. W. 4-te Aufl. IV. A. 4.

[2]) Во время кризиса 1890 г., связанного с банкротством банкирского дома Бр. Бэринг, не пришлось прибегнуть к приостановке действия акта 1844 г., отчасти благодаря поддержке, которую оказал Английскому банку Французский банк.

банку выпустить некоторое количество непокрытых банкнот, при чем каждый раз после приостановки действия акта 1844 г. наступало некоторое успокоение в кредитном кризисе. Противники акта говорили, что кризис мог бы быть предотвращен, если бы банк мог своевременно приходить на помощь рынку путем некоторого расширения своей эмиссии.

Несмотря на эти нападки, несмотря на то, что слабые стороны акта 1844 г. явно обнаружились во время кризисов 1847, 1857 и 1866 г.г., этот акт остается в силе до настоящего времени. Это не следует приписывать пресловутому английскому консерватизму. Англичане в течение 80 лет, несомненно, сумели бы отменить вредный закон. Тот факт, что банковый акт 1844 г. действует до настоящего времени, объясняется, по нашему мнению, следующими двумя причинами.

Раньше всего, с течением времени, по мере роста депозитных банков и вытеснения банкноты чеком, потерял свою прежнюю остроту вопрос о недостатке банкнот в обращении. Как изменялся в этом смысле состав денежного обращения в Англии, видно хотя бы из следующих цифр. Всего состояло [1] (в мил. ф. ст.) (см. табл. на стр. 311).

Уже ко времени издания акта 1844 г. в английских банках имелись значительные депозиты. Однако, количество их лишь в 3—4 раза превосходило банкнотное обращение Английского банка. В 1890 г. количество депозитов банко Англии и Уэльса [2] превышало банкнотное обращение Английского банка в 14—15 раз, а в конце 1913 г.— в 26—27 раз. Количество банкнот за 68 лет почти не увеличилось, между тем как депозиты возросли во много раз. И даже в самом Английском банке депозитная операция начинает брать верх над эмиссионной. В 1845 г. депозиты составляли 73% к эмиссии банкнот, а в конце 1913 г. они составляли уже 241% к этой эмиссии. Эта перемена, как мы уже отметили. привела к тому, что Английский банк

[1]) Цифры взяты из ст. Lexis'a в H. S. W. 3-te Aufl. Art. „Banken“, V. и из „Economist'a“ от 19 мая 1923.

[2]) В эти данные не входят цифры, относящиеся к Шотландским и Ирландским банкам.

Годы	Количество банкнот Английского банка в обращении	Депозиты Английского банка	Депозиты в крупных акц. банках Англии и Уэльса
1845	22,2 [1])	16,1 [1])	(70) [3])
1850	20,4 [1])	18,4 [1])	—
1860	21,5 [1])	18,8 [1])	(70—80) [4])
1870	25,6 [1])	24,2 [1])	—
1880	26,8 [1])	31,4 [1])	—
1890	24,7 [1])	35,4 [1])	368,7 [2])
1900	29,6 [1])	47,0 [1])	586,7 [2])
1910	28,6 [2])	56,1 [2])	720.7 [2])
1913	29,6 [2])	71,3 [2])	809,4 [2])

потерял свое прежнее преобладание на денежном рынке и уступил свое место депозитным банкам. Он сохранил свое значение лишь постольку, поскольку он является „банком банков“, т.-е. поскольку у него самого развилась депозитная операция из вкладов других банков, и, что не менее важно, поскольку он является банком английского казначейства. Но вместе с тем крупное развитие депозитной операции расширило размеры денежного обращения далеко за те пределы, которые были намечены актом Р. Пиля.

[1]) За 31 августа.

[2]) В конце года.

[3]) Оценка Norman'а в показаниях в парламентской комиссии 1840 г. относящаяся ко всей Англии и Уэльсу (см. *Fullarton*. „On the regulation of currencies“. Sec. Ed. L. 1846, стр. 31).

[4]) Оценка K. D. Hodgson'а в его показаниях перед парламентской комиссией, относящаяся к началу октября 1857 г. и только к депозитам в лондонских банках (см. „Report from the Select Committee on the Bank Acts“ 1858 г., стр. 259.

Другую причину того, что акт Р. Пиля сохраняет свою силу до настоящего времени, надо усмотреть, однако, в том, что вопрос о принципах банкнотной эмиссии в его целом все же до настоящего времени остается спорным. Несмотря на указанную выше критику, в Англии имеется и до настоящего времени много сторонников акта 1844 г. Они считают, что этот акт, в общем и целом, себя оправдал, ибо он раз навсегда покончил со всякого рода инфляционными влияниями банкнотной эмиссии. Сторонники существующего банкового закона приписывают действию этого закона прочность английской валюты и тот факт, что эта валюта во второй половине XIX в. сделалась мировой. Что же касается того обстоятельства, что Английский банк не справился с кризисами 1847, 1857 и 1866 г.г., то сторонники закона 1844 г. склонны возложить вину за это не на закон Р. Пиля, а на действия депозитных банков. Депозитные банки, говорит сторонник этого взгляда, бывший директор Английского банка *Hankey*, отнюдь не должны смотреть на Английский банк, как на такое учреждение, которое обязано снабжать их деньгами в моменты их затруднений. Они сами должны заботиться о себе, держать достаточные резервы и не помещать своих средств в трудно реализуемых активах. И не дело Английского банка вытаскивать их из тяжелого положения, в которое они попадают. „Чем больше ведение дел Английского банка будет сходно с ведением дел всякого другого хорошо управляемого банка в Соединенном Королевстве, тем лучше будет для банка и тем лучше для общества в его целом“ [1]).

§ 8. В 1914 г., когда началась мировая война, Английский банк, так же, как и все прочие эмиссионные банки Европы, приостановил размен своих билетов на металл и вновь вступил в полосу неразменной банкноты. Курс фунта стерлингов стал испытывать резкие колебания. Это продолжалось до апреля 1925 г., когда в Англии были сделаны шаги к восстановлению золотой валюты. Мы не будем останавливаться

[1]) *Th. Hankey* „The principles of banking“. 4-th Ed. revised by C. Wigram. L. 1887. Стр. 30.

здесь на истории Английского банка за этот период, так как нам приходилось уже говорить об этом периоде в первой части книги. Здесь ограничимся лишь указанием, что значение Английского банка в общей банковой системе Англии за это время не упало и, пожалуй, даже несколько возросло. Это можно видеть из следующих сопоставлений. Всего состояло [1]) (в милл. ф. ст.):

В конце года	Банкнот Английского банка в обращении	Депозитов в Английском банке	Металлического покрытия	Депозитов в крупнейших банках Англии и Уэльса	%% отношение суммы банкнот в обращении и депозитов Английского банка к депозитам остальных банков
1913	29,6	71,3	35,0	809,4	12,5
1914	31,1	155,0	69,5	895,6	20,8
1915	35,3	161,6	51,5	992,6	19,7
1916	39,7	178,8	54,3	1.154,9	18,9
1917	45,9	166,2	58,3	1.365,3	15,5
1918	70,3	172,7	79,1	1.583,4	15,3
1919	91,3	199,9	91,3	1.874,2	15,5
1920	132,9	189,9	128,3	1.961,5	16,5
1921	126,5	122,6	128,4	1.974,9	12,6
1922	124,9	133,2	127,4	1.834,0	14,1
1923	128,1	132,5	128,0	1.822,1	14,2
1924	128,3	174,3	128,6	1.813,5	16,7
1925	141,7	169,0	142,8	1.806,8	17,4

[1]) Цифры стр. взяты из „The Economist". „Banking Supplement" от 29 мая 1926 г., данные об Англ. банке — из публикуемых балансов

За период войны и в послевоенные годы металлический запас Английского банка сильно возрос. Его билеты остались попрежнему почти полностью покрытыми металлом. В то же время его депозиты за 1914—1925 г.г. увеличились больше чем вдвое, и одно время их рост был более интенсивен, чем рост депозитов частных банков. Это обстоятельство находит свое объяснение в том, что в эти годы государственные финансы играли более крупную роль, чем в мирные годы, а государственые займы стояли в центре денежного рынка. Эти обстоятельства должны были отразиться на операциях Английского банка, как банка, в котором сосредоточиваются средства и операции английского казначейства.

Литература к главе IX.

1. *П. Рот.* История старинных кредитных учреждений. (В „Теории и практике банкового дела" И. И. Кауфмана. II). Вып. 1. П. 1877.

2. *H. D. Macleod.* The theory and practice of banking. Sec. Ed. L. 1886.

3. *E. Nasse.* „Das venetianische Bankwesen im XIV, XV und XVI Jahrhundert". „Jahrb. für Nationaloek. und Statistik", 34. B. Jena 1880.

4. *R. Ehrenberg.* Das Zeitalter der Fugger. Jena 1896.

5. *A. Andreades.* Histoire de la Banque d'Angleterre. P. 1904.

6. *J. Fullarton.* On the regulation of currencies. Sec. Ed. L. 1846.

7. *Ad. Wagner.* Die Geld - und Kredittheorie der Peel'schen Bancacte. Wien 1862.

8. *И. И. Кауфман.* Неразменные банкноты в Англии 1797 — 1819. 2-е изд. П. 1915.

9. *П. Гамбаров.* По вопросу о выпуске банковых нот. Банковый акт Р. Пиля. П. 1875.

10. *W. R. Bisschop.* The rise of the London money market 1640 — 1826. L. 1910.

11. *H. Withers.* Bankers and Credit. L. 1924.

12. *P. Aretz.* Die Entwicklung der Discontpolitik der Bank von England 1780—1850. B. 1916.

13. *Th. Hankey.* The principles of banking. 4-th Ed. L. 1887.

14. *З. С. Каценеленбаум.* „Принципы банкнотного обращения", ст. в журн. „Социалист. Хозяйство", 1925. Кн. II.

ГЛАВА X.

Эмиссионные банки за границей (*Продолжение.*)

§ 1. Эмиссионные банки в Германии.—Старый Рейхсбанк до 1922—1924 г.г.— Его структура и операции.—§ 2. Состояние Рейхсбанка в момент крушения марки. — Новый германский Рейхсбанк. — § 3. Рейхсбанк и план Дауэса. — Закон 30 августа 1924 г. — Организация нового Рейхсбанка. — Влияние иностранцев. — Новая система покрытия. — Другие стороны организации Рейхсбанка.—§ 4. Развитие операций Рейхсбанка в 1924—1925 г.г.—§ 5. Французский банк („Banque de France“). — Его структура. — § 6. Французская система эмиссии. — § 7. Операции „Banque de France“ до войны. — Период инфляции в деятельности „Banque de France“.—§ 8. Банковая система Соединенных Штатов Северной Америки. — Федеральный резервный акт 1913 г. — Эмиссионный закон федеральной резервной системы. — § 9. Операции федеральных резервных банков в 1914 — 1925 г.г.

§ 1. *В Германии* в настоящее время существует пять эмиссионных банков: один центральный — „Рейхсбанк“ — („Reichsbank“) и четыре местных: Баварский, Саксонский, Вюртембергский и Баденский. Последние четыре местных банка, или, как их называют в Германии, „частные эмиссионные банки“, („Privatnotenbanken“) играют, однако, в области эмиссии банкнот, по сравнению с Рейхсбанком, незначительную роль. Существует еще находящийся в ликвидации Рентный банк, который выпускал банкноты, но он в настоящее время лишен права дальнейшего выпуска билетов. Чтобы осветить положение эмиссионного дела в Германии, мы сосредоточим поэтому свое внимание на Рейхсбанке [1]).

---

[1]) Фактический материал о Рейхсбанке взят нами из ст. *Max Muss*: „Die Banken in Deutschland“, в H. S. W. 4-te Aufl. Art. „Banken in de Volkswirtschaft“, V, A. брош. *A., Schmidt — Essen*: „Die Reichsbank“ M. Gladbach. 1923; работ *W. Spohr*: „Die Neugestaltung der deutschen Reichsbank“. Stuttgart, 1925, *O. Stillich*: „Die Banken“, B 1924

Германский Рейхсбанк был учрежден на основании закона от 14 марта 1875 г. и открыл свои действия 1 января 1876 г. в качестве центрального эмиссионного банка Германии. Учреждение этого банка было связано с фактом происшедшего в 1871 г. объединения Германии. Объединенная Германия, введшая у себя единую денежную единицу — марку, нуждалась в едином денежно-кредитном центре, и роль такого центра и должен был выполнять новый банк. Рейхсбанк не явился, однако, всецело новым учреждением. Он был преобразован путем покупки паев из существовавшего с 1846 г. „Прусского банка", а этот последний, в свою очередь, образовался из старинного „Королевского Жиро-Ссудного Банка" (Königliche Giro- und Lehnsbank"), основанного в 1765 году Фридрихом II. Германский Рейхсбанк имел, таким образом, преемственную связь с более старыми банками, которые также занимались эмиссией банкнот.

В германских государствах, которые образовали современную Германию, к моменту учреждения Рейхсбанка существовало, однако, значительное банкнотное обращение. Кроме Прусского банка, к этому времени имелись еще 32 банка, которые обладали правом эмиссии банкнот. Общая сумма циркулировавших банкнот, не покрытых металлом, достигала к концу 1874 г., приблизительно, 480 милл. марок. Наряду с банкнотами циркулировали еще различные виды бумажных денег, и, в общем, в обращении насчитывалось около 140 сортов бумажно-денежных знаков [1]).

Банковый закон 1875 г., преобразовавший Прусский банк в центральный эмиссионный банк — „Рейхсбанк", не лишил остальные банки права эмиссии банкнот, но обставил их эмиссию рядом ограничений, которые привели к постепенному отказу большинства этих банков от своего эмиссионного права, и к фактическому превращению Рейхсбанка в монопольный эмиссионный банк.

Крушение германской марки, которое произошло в 1922—1923 г.г. в результате инфляции, привело почти к полной ликвидации Рейхсбанка, как и других кредитных учреждений

[1]) *Max Muss*, цит. ст.

Германии. Резкое уменьшение металлического фонда, почти полное аннулирование основных статей актива и пассива, как мы увидим дальше, по существу превратило Рейхсбанк к этому времени в мертвое учреждение. С восстановлением валюты Рейхсбанк должен был начать строиться заново. В то же время Рейхсбанк явился одним из тех германских учреждений, которые Антанта решила использовать в качестве орудия получения репарационных платежей. Он должен был сделаться тем эмиссионным банком, который был предусмотрен „планом Дауэса", как один из моментов решения репарационной проблемы. В результате этих двух причин Рейхсбанк подвергся коренной реорганизации. Первый шаг в сторону реорганизации Рейхсбанка был сделан законом „об автономии Рейхсбанка" от 26 мая 1922 г. Однако, более решительной реорганизации Рейхсбанк подвергся в 1924 г. (закон 30 августа 1924 г.). Новый Рейхсбанк сохранил аппарат старого Рейхсбанка, небольшие остатки его металлического фонда и некоторые черты его организации. Он сохранил формальную юридическую преемственность со старым Рейхсбанком [1]). Но по существу Рейхсбанк с 1924 г. является совершенно новым учреждением. История Рейхсбанка распадается, таким образом, на две части: на период 1875—1924 г.г., время действия старого Рейхсбанка, представляющее собою законченный цикл развития этого учреждения, его рост и упадок (закон 1922 г. об автономии внес в этом отношении мало изменений), и новый период, начинающийся с 1924 г., когда Рейхсбанк стал функционировать на иных основаниях. Мы рассмотрим эти два периода в отдельности.

Германский Рейхсбанк в том виде, в каком он просуществовал с 1875 г. до 1924 г. (или, точнее, до закона об автономии 1922 г.), представлял собою учреждение смешанного типа, частью государственное, частью частнохозяйственное, но с явным преобладанием черт государственного банка. Он был основан с капиталом в 120 миллионов марок,

---

[1]) „Die alte Reichsbank ist nicht liquidiert worden, sondern unter Organisationsänderung, als juristische Person, bestehen geblieben". (*Spoh*, назв. соч., стр. 17).

в качестве акционерного общества, или, вернее, паевого товарищества. В 1899 г. основной капитал банка был повышен до 180 мил. марок и в этом размере он оставался до 1924 г. Капитал был разделен на именные паи по 3.000 и 1.000 марок и принадлежал отдельным пайщикам, которые формально и являлись хозяевами банка. В качестве таковых они раз в год собирались на общее собрание, которое заслушивало отчет правления банка, утверждало баланс и распределение прибыли и в некоторых случаях утверждало изменения в уставе банка. Общее собрание (Generalversammlung) выбирало кроме того постоянную *центральную комиссию* („Zentralausschuss"), которая должна была охранять интересы пайщиков. Эта комиссия состояла из 15 членов и 15 их заместителей, выбиравшихся из числа пайщиков, и должна была собираться не реже одного раза в месяц под председательством председателя правления Рейхсбанка. Ей должны были представляться для рассмотрения недельные балансы банка, сведения о выпуске банкнот, покупке и продаже золота, векселей и ценных бумаг, а также сообщаться общие предположения правления банка об операциях. Члены этой комиссии не получали жалованья.

Однако, роль пайщиков в управлении банком была ограничена во многих отношениях. Раньше всего было ограничено число голосов, которое мог иметь каждый пайщик. Оно не должно было превышать 300, или $^{1}/_{600}$ всех голосов. Управление банком было сосредоточено в руках *правления банка* (Bankdirektorium), которое было подчинено рейхсканцлеру. Это правление, состоявшее из государственных чиновников, и должно было управлять банком и представлять его во вне. Во главе правления банка стояли председатель и вице-председатель, назначаемые правительством. Все служащие банка являлись государственными чиновниками. Для наблюдения над деятельностью банка существовал, кроме того, еще один орган: „Bankkuratorium" в составе 4 членов под председательством рейхсканцлера.

Пайщики банка, таким образом, не имели непосредственного отношения к операциям банка, которые находились в ведении чиновников, назначавшихся правительством.

Распределение прибыли также отражало двойственную природу банка. А именно, до 1914 г. прибыль распределялась следующим образом: 1) раньше всего пайщики получали дивиденд на свой капитал в $4^1/_2$%, 2) из остатка 20% должны были отчисляться в резервный фонд до того момента, пока этот фонд достигнет четвертой части основного капитала, 3) из дальнейшего остатка прибыли половину должно было получать государство, а половину пайщики, поскольку доход пайщиков при этом не превысил бы 8% на капитал, и, наконец, 4) из остатка прибыли, который мог получиться после этого, пайщики должны были получать $^1/_4$, а казначейство — $^3/_4$ [1]).

Если принять во внимание эти моменты, то надо будет признать, что, в общем, германский Рейхсбанк до своего преобразования в 1922—1924 г.г. являлся, по преимуществу, государственным учреждением. Его государственная природа с особенной ясностью выявилась с началом мировой войны, когда он без всяких колебаний стал обслуживать казначейство своей эмиссией. Быть может, правилен, поэтому, встречающийся в литературе взгляд, согласно которому частно-правовые черты были приданы Рейхсбанку лишь с той целью, чтобы оградить его золотой фонд от конфискации со стороны неприятеля в случае войны [2]). Рейхсбанк, действительно, использовал этот момент в послевоенные годы, защищая от Антанты свой золотой фонд на том основании, что он является частным банком, но, в общем, как мы увидим дальше, это не спасло его от того, чтобы его золото не перекочевало постепенно за границу, как и не спасло этот „частный" банк позднее от того, чтобы сделаться орудием выполнения „плана Дауэса" и выкачки средств из Германии.

---

[1]) Начиная с 1914 г. государство получало ежегодно определенную сумму из прибылей Рейхсбанка, при чем эта сумма устанавливалась каждый раз особым законом.

[2]) См. *A. Schmidt-Essen*. Цит. брош., стр. 3, *O. Stillich* цит. соч., стр. 74. *Штиллих* указывает (там же, прим. 35), что эти соображения международного права не помешали самой Германии захватить во время мировой войны ценности румынского Национального банка, который по своему уставу также не являлся государственным предприятием.

Переходя от вопросов организации старого Рейхсбанка к принципам его операций, остановимся раньше всего на тех началах, которыми была обставлена его эмиссионная деятельность, о чем нам уже отчасти приходилось говорить в первой части курса, в главе о банкнотах[1]).

Раньше всего необходимо указать, что германский Рейхсбанк, так же, как и Английский банк, имел право выпустить некоторое количество банковых билетов, не покрытых металлом. Контингент не покрытых металлом банкнот был установлен первоначально для 33-х эмиссионных банков Германии в 385 милл., марок, из которых на долю Рейхсбанка приходилось 250 милл. марок. Затем, по мере того как отдельные эмиссионные банки отказывались от своего права выпуска банкнот, доля Рейхсбанка возрастала. Ряд последующих законов, кроме того, вообще, увеличил общий размер не покрытого контингента. В результате этого контингент не покрытых банкнот Рейхсбанка был повышен в 1899 г. до 450 милл. марок, а с 1 января 1911 г. до 550 милл. марок, при чем с этого времени Рейхсбанк мог выпускать к концу каждого квартала не покрытых металлом банкнот на сумму до 750 милл. марок. В то же время общий контингент не покрытых металлом банкнот для всех эмиссионных банков Германии был установлен для ультимо кварталов в 818,8 милл. марок. Когда началась война, одним из законов 1914 г. указанный контингент был отменен, и Рейхсбанк был освобожден от ограничений в смысле выпуска не покрытых металлом банкнот. Сумма эмиссии банкнот, сверх указанного контингента, должна была быть покрыта полностью. В качестве покрытия, однако, могло служить не только золото в слитках и монете, но также банкноты других банков и другие денежные знаки Германии, в том числе казначейские билеты (Reichskassenscheine). В то же время Рейхсбанку была предоставлена возможность дальнейшей эмиссии банкнот. А именно, банк мог выпускать банкноты, сверх контингента и металлического покрытия, при условии уплаты специального *банкнотного*

---

[1]) **Примеч. ко 2-му изд.** Здесь, как и в других местах настоящего 2-го издания этой части книги, ссылка на первую часть всегда означает ссылку *на 3-е издание* первой части.

налога (Notensteuer) в размере 5%, годовых. Эта льгота должна была дать Рейхсбанку возможность увеличить размеры денежного обращения и расширить свои кредиты в моменты напряжения денежного рынка, когда учетный процент оказывался выше 5% годовых. Наконец, существенным моментом эмиссионного закона германского Рейхсбанка, который действовал вплоть до 1921 года, был принцип так называемого третного покрытия („Dritteldeckung"). Этот принцип заключался в том, что Рейхсбанк был обязан в каждый данный момент иметь в качестве покрытия находящихся в обращении банкнот не менее одной трети в виде золота в слитках, иностранной монеты, казначейских билетов или других ходячих („Kursfähige") германских денег. Что же касается остальных двух третей, то они должны были быть покрыты векселями или чеками сроком не далее трех месяцев и не менее, чем с двумя подписями. Закон о третном покрытии, формально отмененный лишь в 1921 г., фактически, однако, был сведен на нет уже законом от 4 августа 1914 г., который, во-первых, включил в состав покрытия для первой трети наряду с золотом билеты ссудных касс (Darlehnskassenscheine), а, во-вторых, допустил в качестве покрытия для остальных двух третей наряду с векселями также обязательства казначейства[1]).

Из других положений, касающихся эмиссионного права старого Рейхсбанка, отметим, что Рейхсбанк до 1914 г. был обязан обменивать свои банкноты на золотые марки без ограничения при условии предъявления их ему в главных кассах в Берлине. Банкноты Рейхсбанка были объявлены законным платежным средством лишь с 1909 г., а до того времени они были обязательны для приема только в государственных кассах.

Старый германский Рейхсбанк не являлся только эмиссионным банком, но он широко практиковал в то же время кредитные и другие банковские операции. Являясь до известной степени „банком банков", т.-е. снабжая средствами другие банки, Рейхсбанк в то же время вел широкие операции и с другой клиентурой, выступая нередко на денежном

---

[1]) См. *Schmidt-Essen*, цит. брош., стр. 14, *Spohr*, цит. соч., стр. 46.

рынке в качестве конкурента других банков. В ряду операций, которые практиковал Рейхсбанк, одно из первых мест занимал учет краткосрочных векселей. В то же время этот банк производил операции по покупке и продаже ценных бумаг, торговле драгоценными металлами, операции с девизами и т. д. Рейхсбанк, как и другие эмиссионные банки Германии, не имел права акцептовать векселя. Крупное место в операциях Рейхсбанка занимали *расчетные операции* (Giroverkehr), с которыми были связаны большие операции по приему вкладов и текущих счетов. Разнообразие операций Рейхсбанка нашло свое выражение в широком развитии сети его филиалов. Число филиалов Рейхсбанка составляло в конце 1880 г. — 221, в конце 1890 г. — 242, в конце 1900 г. — 330, в конце 1910 г. — 493; в конце 1923 г. Рейхсбанк имел 17 главных контор (Reichsbankhauptstellen), 77 отделений (Reichsbankstellen) и 349 более мелких филиалов (Reichsbank nebenstellen), а всего 443 филиала [1]).

О развитии операций Рейхсбанка можно судить по следующим данным.

Всего было в обращении банкнот Рейхсбанка (в милл марок [2]):

в 1880 г.	735	в 1917 г.	11.468
„ 1890 „	984	„ 1918 „	22.188
„ 1900 „	1.139	„ 1919 „	35.698
„ 1910 „	1.606	„ 1920 „	68.805
„ 1913 „	2.593	„ 1921 „	113.640
„ 1914 „	5.046	„ 1922 „	1.280.095
„ 1915 „	6.918	„ 1923 „ [3])	4.965
„ 1916 „	8.055		

[1]) См. изд. „Die Reichsbank 1876 bis 1910", B. 1912. Tab. I, а также *O. Stillich*, цит. соч., стр. 78.

[2]) За 1880—1910 г.г.—средние за год, взятые из изд. „Die Reichsbank 1876—1910" B. 1912. Tab. 16, за 1913—1922 г.г. данные на конец года из Statist. Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1924/25 г., стр. 315.

[3]) Банкноты в обращении в конце года в квинтиллионах. Полная цифра в миллионах мар. — 496.507.424.771.974. См. „Memorandum sur les banques centrales 1913 et 1918 — 1923", Geneve 1924, стр. 81.

Не останавливаясь здесь на развитии эмиссии банкнот в период инфляции, о которой у нас уже была речь в первой части книги, отметим, что до войны эмиссия банкнот Рейхсбанка заметно развивалась лишь в последние 10—12 лет.

Золотой запас Рейхсбанка (без серебра и проч.) составлял до войны (в конце года) [1]):

в 1910 г.	661	миллион. мар.
„ 1911 „	728	„ „
„ 1912 „	777	„ „
„ 1913 „	1.170	„ „

За время войны золотой запас Рейхсбанка изменялся так. Он составлял в конце года (в милл. марок) [2]):

в 1914 г.	2.093	в 1919 г.	1.090
„ 1915 „	2.445	„ 1920 „	1.092
„ 1916 „	2.521	„ 1921 „	995
„ 1917 „	2.407	„ 1922 „	1.005 [3])
„ 1918 „	2.262	„ 1923 „	467 [4])

Общий размер металлического покрытия составлял к концу 1913 г.—1.447 милл. марок. Если прибавить к этой сумме те 750 милл. мар. которые Рейхсбанк в это время мог выпускать без металлического покрытия, то окажется, что его свободное от налога эмиссионное право составляло к концу 1913 г. около $2^1/_4$ миллиардов марок, и при выпуске в 2.593 милл. мар. он должен был платить налог за часть своих билетов.

Чтобы осветить некоторые другие стороны деятельности Рейхсбанка до войны, приведем его баланс на конец декабря 1913 г. Он представлялся в следующем виде (в милл. мар.) [5]):

[1]) Stat. Jahrb. für das Deutsche Reich, за 1915 г., стр. 74.

[2]) Цифры взяты из „Stat. Jahrbuch etc." за 1924/25 г., стр. 315 и „Memorandum sur les banques centrales 1913 et 1918—1923", стр. 70—71.

[3]) В т. ч. за границей — 50 мил. мар.

[4]) В т. ч. за границей — 21 мил. марок.

[5]) См. Memorandum etc., там же, а также „Stat. Jahrbuch etc., за 1924/25 г., стр. 315.

Актив:		Пассив:	
Металлич. резерв.	1.446,8	Основной капитал	180,0
Другие резервы	59,0	Резервный	80,0
Векселя и чеки	1.497,8	Сч. прибылей и убытк., дивиденд и проч.	39,9
Ссуды	552,5	Банкноты в обращении	2.593,5
Проч. активы	140,2	Текущие счета	793,5
		Проч. депозиты	11,8
		Проч. пассивы	3,7
	Итого 3.703,3		Итого 3.703,3

Как видно из этих данных, текущие счета, хотя и достигали в абсолютных цифрах заметной величины играли, однако, в пассиве банка относительно небольшую роль, составляя менее одной трети эмиссии банкнот. Это интересно сопоставить с тем фактом, что у 160 частных банков Германии „чужие деньги“ („депозиты“ и „кредиторы“) составляли к этому времени около 9,6 миллиардов марок, т.-е. превышали в своей совокупности вклады в Рейхсбанке более, чем в 12 раз. В составе активных операций главную роль играл учет векселей и чеков, в котором к концу 1913 г. было помещено приблизительно столько же средств, сколько в металлическом фонде.

Так называемые частные эмиссионные банки играли в Германии в последние годы до войны второстепенную роль по сравнению с Рейхсбанком. Это можно видеть из следующих данных об их операциях. Перед войной, к концу 1913 г., эти банки имели банкнот в обращении на 160 мил. марок, т.-е. около 6% банкнотного обращения Рейхсбанка, в т. ч. Баварский Банк („Bayerische Notenbank“)—на 66,1 мил. мар., Саксонский („Sächsische Bank“)—на 54,7, Вюртембергский („Württembergische Bank“)—на 21,1 и Баденский („Badische Bank“)—на 17,8 милл. мар. Золотой запас всех 4 банков составлял 74,2 мил. мар. Депозитов они имели всего на 68,2 мил. мар. Главную статью их активов составлял учет

векселей, в котором у всех 4 банков было помещено 132,8 милл. мар. В период войны и в послевоенные годы эти банки также пережили все явления инфляции. В частности и их банкнотное обращение достигло больших размеров. К концу 1922 г. количество банкнот в циркуляции составляло:

У Баварского банка	594,2	милл.	мар.
„ Саксонского банка	465,7	„	„
„ Вюртембергского банка	200,8	„	„
„ Баденского банка	209,2	„	„

Реальная ценность всей этой денежной массы была, однако, незначительна. К концу 1923 г. она составляла всего лишь 78 тысяч золотых марок [1]).

§ 2. Политика инфляции, которую Германия вела с начала войны, но которая приняла особенно резкие формы с 1919 г., привела, как известно, к концу 1923 г. к полному крушению старой германской марки, к ее фактическому аннулированию. На 31 октября 1923 г. сумма обращавшихся банкнот Рейхсбанка составляла по номиналу 2.496.823 триллиона марок, но ценность всей этой бумажно-денежной массы по курсу на доллар составляла лишь 144,6 миллионов марок и была в 18 раз меньше ценности билетного обращения Рейхсбанка конца 1913 года. Ценность всех бумажно-денежных знаков, находившихся в обращении в Германии к концу октября 1923 г. (включая „Notgeld" и пр.), составляла по курсу на доллар всего лишь 176,2 миллионов мар. [2]). Денежное обращение, а вместе с ним и все народное хозяйство находилось в состоянии такого расстройства, которое, по мнению одного немецкого автора, *Вильмерсдерфера*, Германия никогда не забудет [3]).

Но судьба старого германского Рейхсбанка была тесно связана с судьбой старой германской марки, теснее, чем судьба всякого другого предприятия, ибо Рейхсбанк был

---

[1]) Цифры взяты из „Stat. Jahrbuch etc." за 1924/25 г., стр. 315—316.

[2]) Там же, стр. 313 и „Stat. Jahrbuch etc." за 1923 г., стр. 265.

[3]) *E. Wilmersdoerfer*, Das neue Reichsbankgesetz und das Uberweisungssystem nach dem Dawesplan, München, 1925, стр. 3.

тем учреждением, которое в 1922—1923 г.г. выпускало сначала триллионы, затем квадриллионы и под конец квинтиллионы марок. Было бы странно, если бы это учреждение не потерпело крушения, когда рухнула его банкнота. И в самом деле, Рейхсбанк отнюдь не вышел без ущерба из периода крушения его банкноты. Напротив, к октябрю 1923 г., т.-е. к тому моменту, когда обесценение марки достигло высших градусов, *от самого Рейхсбанка, как такового, в сущности осталось очень мало.*

В самом деле, всякий банк, как посредник в кредите,— и эмиссионный банк, как мы показали выше, не составляет в этом отношении исключения, — существует лишь постольку, поскольку у него, с одной стороны, имеются кредиторы, доверившие ему свои капиталы, а с другой — заемщики, которым он эти капиталы передал. Его роль в народном хозяйстве в каждый данный момент определяется размерами тех капиталов, которые через него в таком порядке прошли, и которые числятся в равных суммах на его активе и пассиве. Но если кредиторы и заемщики какого-либо банка в один прекрасный день по тем или иным причинам, даже помимо самого банка, погасили взаимно все свои обязательства и оказались в полном расчете, то и от банка, как такового, ничего не остается: он перестает быть банком и может считаться ликвидированным. А между тем, это приблизительно и произошло в Германии к октябрю 1923 г. с Рейхсбанком, и, как мы увидим дальше, в значительной степени и с другими банками. Вследствие обесценения марки Рейхсбанк почти полностью освободился от своих обязательств по отношению к своим кредиторам. На 31 декабря 1913 г. обязательства Рейхсбанка по отношению к держателям его банкнот и по отношению к его вкладчикам составляли вместе 3.387 миллионов золотых марок, а на 31 октября 1923 г. он должен был по этим двум основным статьям своего пассива по курсу на доллар около 370 миллионов золотых марок. Но зато Рейхсбанк, с другой стороны, к этому времени имел уже очень небольшие суммы и за своими должниками. На 31 октября 1923 г. основными статьями его актива были учет векселей, по которому

значилось 1.058 квадр. марок, что в переводе на доллар составляло около 60 мил. марок золотом, и обязательства казначейства на 6.579 кв. мар., или в переводе на доллар около 380 мил. мар., а всего около 440 мил. мар., между тем как на 31 декабря 1913 г. Рейхсбанк имел в векселях, чеках, ссудах и ценных бумагах 1.989 миллионов марок, т.-е. в $4^1/_2$ раза бо́льшую сумму. Если исключить ссуды казначейству, которые к 15 ноября 1923 года еще более обесценились и в момент стабилизации валюты были определены в сумме 235 миллионов золотых марок, и сопоставить помещения Рейхсбанка в операциях с частным оборотом, то окажется, что к 31 октября 1923 года эти помещения составляли по своей ценности только около $^1/_{32}$ части по сравнению с довоенным временем.

Частный коммерческий оборот к концу октября 1923 г. почти целиком освободился от своей задолженности по отношению к Рейхсбанку, у которого одновременно растаяли и активы, и пассивы. От Рейхсбанка, как посредника в кредите, почти ничего не осталось.

Что же сохранил, однако, Рейхсбанк от периода инфляции? Раньше всего, большую организацию и громадный штат служащих. К концу 1923 г. Рейхсбанк имел 444 филиала.

Затем, как мы видели, у Рейхсбанка сохранились небольшие остатки *золотого фонда* [1]). Золотой фонд Рейсхбанка составлял до войны, на 31 декабря 1913 г. — 1.170 миллионов марок. В период войны Рейхсбанк усиленно стягивал золото из внутреннего оборота и его золотой фонд в первые годы возрастал несмотря на то, что одновременно происходил и вывоз золота для оплаты заграничных заказов. К 15 июня 1917 г. он достиг 2.533 миллионов марок. Но после окончания войны он стал уменьшаться и к концу октября 1923 г. дошел до 455,7 милл. марок [2]). Уменьшение

---

[1]) Цифры о золотом фонде Рейхсбанка взяты из издания Лиги Наций:, „Memorandum sur les banques centrales 1913 et 1918—1923", Géneve 1924, стр. 70 — 74.

[2]) Кроме этого золота в наличности Рейхсбанк на основании специального закона от 4 марта 1922 г. получил право включать в свои балансы депозиты в иностранных центральных банках, поскольку на них нет

золотого фонда Рейхсбанка произошло в результате передачи золота странам-победительницам. Главная передача, в сумме около 1 миллиарда марок, произошла в 1919 г. в качестве компенсации за снабжение Германии продовольствием, в 1921 г. 68 миллионов марок были переданы для покрытия платежей по репарациям и все это золото теми или иными путями попало в Соединенные Штаты.

Небольшие остатки золотого фонда, ничтожная по своей реальной ценности задолженность частного хозяйства, и сравнительно небольшой долг государства, зафиксированный позднее в сумме 235 миллионов золотых марок,—вот все, что осталось к этому времени от актива Рейхсбанка, составлявшего к концу 1913 г. — 3,7 миллиарда золотых марок. Но в то же время Рейхсбанк сохранил еще одну ценность — свою *привилегию на выпуск банкнот.* С открытием в середине ноября 1923 г. действий „Рентного банка", Рейхсбанк отнюдь не лишился своего права выпуска банкнот, и после того, как в ноябре же 1923 г. был объявлен твердый курс марки в долларах в 4,2 биллиона марок за 1 доллар и 1 биллион марок за 1 рентную марку, Рейхсбанк стал продолжать эмиссию *своих банкнот* на новом базисе. Устойчивость курса, которая наступила с этого времени в Германии, дала в распоряжение Рейхсбанка новый источник средств в виде его эмиссии. В то же время казначейство перестало требовать ссуд от Рейхсбанка, так как оно получило средства для покрытия своего бюджетного дефицита в начавшейся одновременно с этим новой эмиссии „рентных марок". Таким образом, Рейхсбанк получил возможность открывать новые кредиты частным предприятиям уже в твердой валюте. Тогда на развалинах старого баланса стал строиться новый баланс, стали создаваться новые активы и пассивы: стал создаваться *новый Рейхсбанк.*

обязательств („unbelastet"). Таких депозитов Рейхсбанк имел к концу 1922 г. на 50 миллионов марок, к концу марта 1923 г.—на 164,9 миллиона мар., к концу апреля 1923 г. — на 217,3 миллиона мар., к концу октября 1923 г. — на 11,3 миллиона марок и к концу декабря 1923 г. — на 21,3 миллиона марок.

Как быстро развивались операции Рейхсбанка на основе новой стабилизированной марки в течение первого года после стабилизации, можно видеть из следующих данных.

Основные статьи баланса Рейхсбанка составляли (в миллионах золотых марок) [1]):

В конце месяца	Актив				Пассив			
	Золотой фонд	Иностран. валюта	Учет вексел. и чеков	„Прочие активы"	Банкноты в обращении	Депозиты государств.	Частные депозиты	„Прочие пассивы"
ноября 1923 г. . .	—	—	—	—	400,3	—	—	—
декабря 1923 г. .	467,0	—	307,5	313,6	496,5	303,1	244,9	62,5
марта 1924 г. . .	464,8	—	1767,4	222,5	689,9	352,4	352,3	168,5
июня 1924 г. . .	462,2	—	1898,0	702,3	1097,3	493,0	280,9	416,6
сентября 1924 г. .	577,9	—	2169,7	842,1	1520,5	307,5	362,6	397,5
октября 1924 г. .	694,2	231,4	2339,7	591,3	1780,9	708,7		1008,1

Количество банкнот Рейхсбанка в обращении, которое к концу октября 1923 г. составляло в переводе на доллары около 144 миллионов марок золотом, поднялось в течение года, к концу октября 1924 г., до 1.781 миллионов марок. Такой приток средств дал возможность банку широко развить активные операции и к концу октября 1924 года мы видим уже у него помещения в учете векселей и чеков в размере 2.340 миллионов марок. За один год Рейхсбанк, таким образом, вновь вырос в крупный кредитный институт. Нетрудно, однако, видеть, что в смысле операций это был уже новый банк, возникший на развалинах старого Рейхсбанка.

---

[1]) Цифры взяты из „Stat. Jahrbuch für das Deutsche Reich" за 1924/25 г.

§ 3. Восстановление германского Рейхсбанка, происшедшее в 1924 г., после валютной реформы, стало возможным благодаря той денежной пустоте, которая образовалась в связи с крушением старой марки. Эта денежная пустота, как мы это могли видеть за год до того на примере русского червонца, открывает большие возможности для эмиссии стабилизированной банкноты и вместе с тем дает в распоряжение эмиссионного банка большой источник средств. В Германии после крушения марки обнаружился ненасытный спрос на денежные знаки и Рейхсбанк сумел в течение года влить в оборот новые денежные знаки на сумму около 1,6 миллиарда золотых марок, несмотря на то, что в тот же период происходил усиленный выпуск нового вида бумажных денег, рентных марок, которых к 31 октября 1924 г. было выпущено также на 1.715 миллионов марок. Эта эмиссия новых банкнот и послужила основой для возобновления деятельности Рейхсбанка в качестве кредитного института. Но в то же время произошли другие события, которые имели крупные последствия для Рейхсбанка. Я имею в виду тот факт, что этот банк сделался предметом особого попечения Антанты и стал одним из основных орудий выполнения плана Дауэса.

Как известно, план Дауэса проявил исключительный интерес к центральному банковому институту Германии. Напомню, что этот интерес был связан с решением комиссии Дауэса отделить один от другого *два* момента репарационных платежей: момент *получения* этих платежей и момент *перевода* полученных платежей странам-победительницам. Необходимость временного помещения в самой Германии части полученных репарационных платежей, с одной стороны, заставляла союзников добиваться того, чтобы Германия сохранила стабильную валюту. С другой стороны, тот же мотив заставлял союзников добиваться контроля над платежным балансом Германии и близкого участия в регулировании ее внутреннего денежного рынка. Все эти мотивы сходились в стремлении к тому, чтобы овладеть центральным эмиссионным банком страны. Исходя из этого, союзники предложили Германии на выбор: преобразование суще-

ствующего Рейхсбанка или учреждение нового эмиссионного банка, который взял бы на себя выполнение задач, намеченных комиссией Дауэса. Однако, поскольку было ясно, что образование наряду с Рейхсбанком нового эмиссионного банка, концентрирующего у себя репарационные платежи, свело бы на нет роль Рейхсбанка, Германия предпочла первый путь. „Организационный Комитет", назначенный комиссией Дауэса для решения этого и некоторых других вопросов, который состоял из одного немца, президента Рейхсбанка *д-ра Шахта* и одного англичанина, члена комиссии Дауэса — *Киндерсле'я* высказался за преобразование существующего Рейхсбанка. В связи с этим союзниками совместно с Германией был разработан проект преобразования Рейхсбанка, основанный на принципах плана Дауэса.

В „Лондонском" протоколе, осуществившем план Дауэса, Германия приняла на себя обязательство провести ряд законов, в том числе новый банковый закон. Банковый закон и был окончательно ратифицирован 30 августа 1924 г. днем ратификации Лондонского протокола. Вместе с тем этот закон, который регулирует сейчас деятельность Рейхсбанка, является частью международного договора и для его отмены или изменения требуется согласие государств, подписавших Лондонское соглашение [1]). Закон 30 августа 1924 г. вступил в силу 11 октября того же года.

Таким образом, германский Рейхсбанк, по существу обновившийся в конце 1923 года, через год получил новое обновление. Это вторичное обновление отразилось раньше всего на его структуре, а затем сказалось и на его операциях

Обращаясь к рассмотрению структуры нового Рейхсбанка, остановимся на законе 30 августа 1924 г. [2]).

---

[1]) См. *H. Neufeld*, Das Bankgesetz. Kommentar. B. 1925, стр. XVIII — XIX.

[2]) Для дальнейшего разбора нового германского банкового закона пользуемся текстом закона от 30 авг. 1925 г. по указ. изд. *Neufeld'a*. Из работ, трактующих о новом германском банковом законе, кроме упомянутых работ *Wilmersdoerfer'a, Stillich'a* и *Spohr'a* назовем еще *Dalberg'a*, Die neue deutsche Währung nach dem Dawesplan. B. 1924.

Мы видели, что старый Рейхсбанк находился под контролем и в управлении германского правительства. Учитывая настроение стран Антанты и их виды на Рейхсбанк, германское правительство еще 26 мая 1922 г. провело закон об *автономии Рейхсбанка*, согласно которому Рейхсбанк должен был стать независимым от правительства. Однако, эта независимость от 1922 г. до 1924 г., повидимому, оставалась больше на бумаге. Совершенно иначе сложились обстоятельства после издания закона, построенного по принципам плана Дауэса. Этот закон вновь резко подчеркнул независимость Рейхсбанка от германского правительства, прямо заявив в первом параграфе: „Рейхсбанк является банком независимым от правительства". Однако, на этот раз этот „независимый" Рейхсбанк целым рядом условий был поставлен под контроль стран-победительниц.

Наиболее ярко это влияние иностранных государств на Рейхсбанк выразилось в создании при Рейхсбанке нового органа в лице Генерального Совета (Generalrat), который не был известен старому Рейхсбанку и, как подчеркивают немецкие авторы, вообще неизвестен никакому другому хозяйственному институту. Генеральный Совет состоит из 14 человек, из которых половина должны быть подданными Германии, избранными германскими акционерами банка, а другая половина должна состоять из иностранцев. Из этих последних 5 членов являются подданными стран-победительниц: Англии, Франции, Бельгии, Италии и Соединенных Штатов, а остальные двое должны быть—один голландцем, а другой швейцарцем. Постановления Генерального Совета являются действительными только при условии, если они принимаются не менее, чем десятью голосами, за исключением некоторых случаев, когда достаточно простое большинство. Таким образом, для осуществления какого-нибудь мероприятия, требующего согласия Совета, необходимо согласие по меньшей мере трех иностранцев. Между тем Генеральному Совету принадлежит решающее влияние на направление дел Рейхсбанка. Наиболее важным его правом является то, что он выбирает президента Рейхсбанка. Президент Рейхсбанка должен быть одним из семи членов Генерального Совета герман-

ских подданых и в то же время он является председателем Генерального Совета. Этим самым Генеральный Совет имеет решающее влияние на другой орган банка, о котором будет речь дальше, на его *Правление* (Reichsbankdirektorium), тем более, что помимо назначения президента Рейхсбанка Генеральный Совет должен утвердить назначаемых этим президентом членов Правления. Мало того, Генеральный Совет имеет право, если у него для того имеются основания, в любой момент отозвать как президента Рейхсбанка, так и любого члена его Правления.

Кроме того, Генеральный совет назначает из числа своих членов-иностранцев *комиссара по выпуску банковых билетов*.

Имея, таким образом, решающее влияние на организацию руководящего органа Рейхсбанка, его Правления, Генеральный Совет, состоящий наполовину из иностранцев, является тем органом, который осуществляет контроль над деятельностью Рейхсбанка. Не менее одного раза в месяц Генеральный Совет должен заслушивать отчеты президента Рейхсбанка и комиссара по выпуску билетов. Остальные его полномочия не определены в законе с достаточной точностью. Говорится только, что он „выносит постановления относительно всех предложений, которые делаются ему со стороны президента и комиссара, с тем однако, чтобы его решения не нарушали прав в области управления банком, которые предоставлены Правлению“ (§ 18). Чрезвычайно существенным является также и то, что Генеральному Совету принадлежит право определять размеры покрытия эмиссии банкнот в тех случаях, когда это покрытие опускается ниже 40. (Об этом мы будем говорить в дальнейшем.)

Повседневное руководство банком находится в руках *Правления* (Reichsbankdirektorium), состоящего из президента, выбираемого, как мы видели, Генеральным Советом — на 4 года, и директоров, число которых не установлено, назначаемых президентом и утверждаемых, как мы указывали, тем же Генеральным Советом. Права и полномочия этого Правления, в общем и целом, являются такими же, какие имел соответствующий орган при старом Рейхсбанке, но, как мы видели, в настоящих условиях Правление в своей

работе оказывается зависимым, главным образом, от Генерального Совета.

Наряду с Генеральным Советом, Правлением и комиссаром по выпуску банковых билетов — существуют еще два органа управления банком, которые, однако не имеют решающего значения. Этими органами являются:

1) Общее собрание пайщиков (Generalversammlung) и

2) Центральная наблюдательная комиссия (Zentralausshuss).

Эти органы, которые имелись и в старом Рейхсбанке, это — представители акционеров, или вернее пайщиков (ибо основной капитал состоит из паев, а не из акций, которые должны изображать из себя хозяев Рейхсбанка, владельцев его основного капитала. Они утверждают ежегодно отчет банка, его баланс и распределение прибыли. Однако, при тех полномочиях, которые имеет Генеральный Совет, значение Общего собрания пайщиков и выбираемого ими органа, Центральной наблюдательной комиссии, является, конечно, ничтожным. Закон, правда, предусматривает одно существенное право Общего собрания, а именно право изменения устава банка, — однако, для этих изменений также требуется согласие Генерального Совета. В то же время в законе предусмотрено (§ 11), что одно лицо не может иметь более 300 голосов в общем собрании. Основной капитал банка по новому уставу должен составить не менее 300 и не более 400 миллионов марок, и состоять из именных паев по 100 марок пай.

К числу лиц, имеющих влияние на дела нового Рейсбанка принадлежит, кроме того *генеральный агент по репарационным платежам*. Генеральный агент по репарационным платежам не принадлежит к числу органов Рейхсбанка, но по плану Дауэса, он должен состоять в постоянном контакте с комиссаром по выпуску банковых билетов, и, как лицо, распоряжающееся главным или, во всяком случае, одним из наиболее крупных счетов Рейхсбанка, не может не иметь определенного влияния на направление дел этого последнего.

Переходя к рассмотрению тех положений, которыми обставлена операционная деятельность нового Рейхсбанка,

мы остановимся раньше всего на положениях, касающихся *эмиссии банковых билетов.*

Авторы плана Дауэса, решив поставить Рейхсбанк в зависимость от стран-победительниц, не ограничились тем, что выговорили для представителей этих стран право контроля над текущей работой банка. Они предписали Германии ту организацию валютного дела, которая соответствовала их задачам. В середине 1924 г., в тот момент, когда было подписано Лондонское соглашение и вступил в действие план Дауэса, Германия, в сущности, имела уже стабилизированную валюту. Как известно, эта валюта в виде рентной марки базировалась не на золоте, а на другом обеспечении, залоге земельных участков и индустриальных предприятий. Однако, союзники, решившись на то, чтобы получать репарационные платежи в германской валюте и оставлять часть этих платежей до поры до времени в Германии, самым категорическим образом отвергли какие бы то ни было номиналистические уклоны в построении германской валюты и потребовали, чтобы Германия без всяких обиняков взяла курс на золото. В связи с этим план Дауэса потребовал *ликвидации Рентного банка,* как банка эмиссионного, постепенного выкупа рентной марки и выпуска Рейхсбанком новой банкноты, основанной на золоте. В этих же целях был лишен эмиссионного права учрежденный за несколько времени до того *Золотой учетный банк.* Рейхсбанк, таким образом, должен был вновь сделаться единственным эмитентом банковых билетов, если не считать не играющих почти никакой роли четырех частных эмиссионных банков (Саксонского, Баварского, Вюртембергского и Баденского).

Но в 1924 г. не могло быть речи о том, чтобы выпускать в Германии банкноту, разменную на золото. Поэтому, в отношении размена германский закон от 30 Августа 1924 г. оказался вынужденным прибегнуть к той же оговорке, которую в конце 1922 г. усвоил русский закон по эмиссии червонцев, т.-е., признать в принципе разменность банкнот, а самый размен отсрочить.

В то же время в новый закон о Рейхсбанке был введен ряд изменений по сравнению с прежним эмиссионным зако-

ном и в настоящее время *система покрытия банковых билетов в германском Рейхсбанке имеет следующий вид, весьма приближающий эту систему покрытия к системе покрытия американских федеральных резервных банков.*

Рейхсбанк обязан иметь в виде обеспечения выпущенных банкнот не менее 40% в золоте и девизах. Золото должно составлять не менее $^3/_4$ всего покрытия. Золото, которое служит покрытием банкнот, может находиться как в кассах Рейхсбанка, так и в свободном распоряжении Рейхсбанка в каком-нибудь иностранном центральном эмиссионном банке. Под девизами понимаются иностранные банкноты, иностранные векселя на срок не свыше 14 дней, чеки и „бессрочные требования" („täglich fällige Forderungen"), т.-е., главным образом, суммы на текущих счетах, все — на какой-либо известный кредитоспособный банк, платежом в иностранной валюте в заграничном финансовом центре. Суммы выпущенных банкнот, непокрытые золотом или девизами, должны быть покрыты учтенными банком векселями или чеками.

Отступления от 40% золотого (и девизного) покрытия допускаются по единогласному решению Генерального Совета, принятому по предложению Правления банка. Понижение процента покрытия на срок более 1 отчетной недели должно сопровождаться уплатой эмиссионного налога в пользу государства. Этот налог составляет 3% годовых при покрытии от 37% до 40%, 5%—при покрытии от 35% до 37%, 8%—при покрытии от $33^1/_3$% до 35%. Если же золотое покрытие опускается ниже $33^1/_3$%, то налог увеличивается на 1% в год за каждый процент покрытия, недостающий до $33^1/_3$%. При понижении степени золотого покрытия ниже 40% учетная ставка должна быть не менее 5% годовых.

Мы видим, таким образом, что новый банковый закон в области покрытия банковых билетов является в некоторых отношениях более строгим, чем старый закон. По старому закону в Германии существовала система третного покрытия, т.-е. Рейхсбанк должен был иметь покрытие в золоте не менее $^1/_3$ выпущенных банкнот, по новому же закону требуется покрытие не менее 40%. Правда, и этот

закон дает возможность уменьшить степень покрытия при соответствующем налоге на эмиссию и при условии, если учетная ставка будет не ниже 5%.

Право, которое имел старый Рейхсбанк, на эмиссию некоторого количества банкнот, непокрытых металлом, в новом законе не предусмотрено.

Интересно подчеркнуть, с другой стороны, что, согласно нового закона, *золотой фонд Германии межет быть помещен не только в золоте, но в размере одной четверти и в иностранных девизах.* Это несколько более соответствует современным условиям международных расчетов и регулирования расчетных балансов, хотя американский закон о Федеральных резервных банках, из которого заимствован ряд положений нового закона, признает в качестве резерва для банкнот только золото, но не девизы. В то же время, если сопоставить указанное право Рейхсбанка на помещение части своих резервов в девизах с тем влиянием, которое имеют на его дела представители стран Антанты, то нетрудно предположить, что золотой фонд германского Рейхсбанка будет частью помещен на текущих счетах иностранных банков и использован для пополнения операционных средств Английского и других центральных банков иностранных государств.

Переходя к тем нормам, которые регулируют другие стороны деятельности Рейхсбанка, мы должны отметить, что хотя Рейхсбанк формально перестал быть правительственным банком, он, тем не менее, сохранил самую тесную связь с германским министерством финансов в качестве центральной кассы германского государства. Он попрежнему должен во всех своих филиалах производить платежи по поручениям правительственных учреждений, бесплатно выполнять некоторые из операций за счет правительства, осуществлять расчетные операции государства и т. д. За Рейхсбанком сохранилось также право оказывать кредит правительству, но этот кредит должен быть краткосрочным на срок до 3 месяцев и не превышать в своем размере 100 миллионов марок. Как мы увидим дальше, Рейхсбанк, действительно, сосредоточил у себя значительную часть операций германского правительства, и, главное, значительную

часть его свободных средств. Это обстоятельство сильно ослабляет независимость Рейхсбанка от правительства, ибо, поскольку правительство является наиболее крупным клиентом банка, оно, разумеется, может оказать на него известное влияние, несмотря на пункт 1-й закона от 30 августа 1924 года.

Строго говоря, новый германский Рейхсбанк, находясь, с одной стороны, в распоряжении стран Антанты и состоя, с другой, в операционной связи с германским правительством, должен оказаться своеобразным учреждением, независимость которого в каждый данный момент должна будет определяться борьбою двух фактических его хозяев: германского правительства и стран-победительниц — в лице иностранных членов Генерального Совета, комиссара по выпуску банкнот и агента по репарациям.

Мы не станем останавливаться на тех положениях нового закона о Рейхсбанке, которые регулируют его *кредитную* деятельность. Они вносят сравнительно мало изменений в прежние принципы деятельности центрального эмиссионого института Германии. Интересно лишь отметить, что германскому Рейхсбанку запрещены некоторые виды операций, в том числе акцепт векселей, выдача ссуд под недвижимости, рудники, нефтяные промысла, а также, за некоторыми исключениями, под акции, покупка и продажа товаров и некоторые другие. В то же время надо отметить, что германский Рейхсбанк попрежнему имеет право работать непосредственно с клиентурой по учету векселей и другим операциям, т.-е. попрежнему должен выступать на денежном рынке не только как банк банков, но и как самостоятельный дисконтер.

§ 4. Посмотрим теперь, как развивались операции Рейхсбанка в течение 1924 — 1925 г.г., после того, как он стал работать на основе нового закона.

Сопоставим для этого балансы Рейхсбанка от 30 сент. 1924 г., 31 дек. 1924 г., от 30 июня 1925 г. и 31 дек. 1925 г.[1]).

---

[1]) Баланс Рейхсбанка на конец сентября 1924 г. мы берем из „Stat. Jahrb. für das deutsche Reich“ за 1924 — 1925 г., баланс за 31 дек. 1924 г. из книги H. Moeller, Die Lehre vom Gelde, L. 1925, стр. 220, за 30 июня 1925 г. из журн. „Die Bank“, 1925, August, а за 31 дек. 1925 г. из журн. „Magazin der Wirtschaft“, 1926, №. 2.

Балансы Рейхсбанка за указанные даты выражались в следующих цифрах:

(в миллионах марок золотом — „Reichsmark")

Актив

Статьи	30 сент. 1924 г.	31 дек. 1924 г.	30 июня 1925 г.	31 дек. 1925 г.
Неоплаченные паи	—	—	—	175,2
Золото	577,9	759,6	1.061,7	1.208,1
Иностран. валюта (Deckungsfähige Devisen).	—	253,2	353,9	402,5
Банкноты других банков .	—	7,6	12,4	11,3
Билеты рентного банка . .	222,5	145,1	—	—
Билонная монета	—	46,4	—	62,5
Векселя и чеки	2.169,7	2.064,1	1.691,4	1.914,8
Ссуды	54,4	17,0	46,4	10,2
Ценные бумаги	78,3	78,0	201,3	231,1
Прочие активы	842,1	1.509,3	639,3	589,5

(Продолжение таблицы см. на стр. 340.)

Порядок составления публикуемых балансов Рейхсбанка за рассматриваемый период времени менялся, и не все статьи могут быть сопоставляемы; однако из этих балансов и некоторых других цифр, опубликованных в разных источниках, все же можно сделать ряд заключений о развитии операций этого банка после вступления в силу нового банкового закона.

Начнем с движения *золотого запаса* Рейхсбанка. Мы видели, что в результате ряда отправок золота странам-победительницам, золотой запас германского Рейхсбанка, к моменту

Пассив

Статьи	30 сент. 1924 г.	31 дек. 1924 г.	30 июня 1925 г.	31 дек. 1925 г.
Основн. капитал оплачен.	—	90	122.8	122,8
„ „ неоплач.	—	—	—	177,2
Резервные капиталы . . .	—	152	185,8	185,8
Банкноты в обращении .	1·520,5	1.941	2.474,4	2.960,4
Депозиты	570,1	81	564,4	697,0
Долги в иностран. валюте	—	108		
Проч. долги (включая выручку от займа Дауэса)	—	946		
Суммы рентн. банка . . .	—	457	—	—
Счет прибылей и убытков .	—	98	—	—
Прочие пассивы	397,5	—	724,1	464,0[1])

стабилизации валюты в конце 1923 года, опустился до 400 — 500 миллионов марок. На этом приблизительно уровне мы застаем его в конце сентября 1924 г., когда он составлял всего 577,9 миллионов. С этого момента начинается быстрое нарастание золотого фонда Рейхсбанка. Он составлял:

	В золоте	В иностр. валюте	Всего
В конце октября 1924 г.	694,2	231,4	925,6 м. м.
„ ноября 1924 г.	695,5	231,8	927,3 „ „
„ декабря 1924 г.	759,6	253,2	1.012,8 „ „

---

[1]) Сверх того „Обязательства по размещенным векселям, с платежом внутри страны“ 473,1 милл. мар., наличность рентных билетов—133,0 милл. марок.

За 3 последних месяца 1924 г. золотой фонд Рейхсбанка возрос, таким образом, на 434 милл. марок. В течение 1925 г. происходит дальнейшее нарастание золотого, или точнее, валютно-металлического фонда Рейхсбанка, и к концу 1925 г. Рейхсбанк имеет уже золота и иностранной валюты на 1.610,6 милл. мар. или на 1.032,7 мил. мар. больше, чем он их имел к концу сентября 1924 г.

В связи с этим следует указать, что рост золотой наличности Рейхсбанка явился в большей своей части результатом 800 миллионного Дауэсовского займа, осуществленного в течение конца 1924 г. и первой половины 1925 г. В то же время, как видно из баланса от 31 декабря 1925 г., значительная часть резервов Рейхсбанка, около 25%, т.-е. почти все то, что допускается по закону, Рейсхбанк держит на счетах иностранных банков и в иностранных краткосрочных векселях.

Перейдем теперь к другой статье операций Рейхсбанка, к его *эмиссии банкнот*.

Банкнотная эмиссия Рейхсбанка составляла (в милл. марок):

30 сентября 1924 г.	1.520,5
31 декабря 1924 г.	1.941,4
31 марта 1925 г.	2.314,6
30 июня 1925 г.	2.474,4
30 сентября 1925 г.	2.649,1
31 декабря 1925 г.	2.960,4

За рассматриваемый период времени банкнотное обращение Рейхсбанка возросло, таким образом, на 1.439,9 милл. марок.

Из других сторон деятельности Рейхсбанка остановимся несколько на операциях *по вкладам и текущим счетам*. Рассмотрение балансов Рейхсбанка обнаруживает в этом отношении любопытный факт, а именно, весьма слабое развитие пассивов Рейхсбанка в течение первого операционного года после издания нового банковского закона. В самом деле, депозиты Рейхсбанка составляли 30 сентября 1924 г. 570,1 милл. мар. в то время, когда банкнот в обращении у Рейхсбанка было на 1.520,5 милл.

марок, а через 15 месяцев, 31 декабря 1925 г., Рейхсбанк имеет депозитов всего лишь на 697,0 милл марок в то время, когда его банкнотное обращение достигло 2.960,4 милл. мар. Процентное отношение депозитов к сумме эмиссии упало, таким образом, за 15 мес. с 37% до 24%. Не изменилось существенно и состояние прочих пассивов, размер которых поднялся за этот год с 397,5 до 429,5 м. м. Ничтожные размеры пассивов Рейхсбанка станут особенно поразительны, когда мы их сопоставим с ростом „чужих денег" в частных банках. Так, у шести берлинских крупных банков сумма кредиторов с 31 декабря 1924 г. до 31 декабря 1925 г. по данным публикуемых ими балансов поднялась с 3.192,5 милл. мар. до 4.519,3 милл. мар. [1]).

Пассивы Рейхсбанка оказываются слабыми и по сравнению с довоенным временем. Так, в конце 1913 года Рейхсбанк имел депозитов на 793,1 м. м. в то время, когда его банкнотное обращение составляло 2.593,4 милл. марок. Между тем Рейхсбанк, как мы видели, является в настоящее время центром сосредоточения средств по репарационным платежам, хранилищем средств казначейства и попрежнему служит крупным центром для расчетов по жирообороту. В конце 1924 г. в Рейхсбанке было 46.380 текущих счетов по жирообороту — Girokonten — против 26.148 счетов, имевшихся у него в конце 1913 г.

Такое слабое состояние пассивов Рейхсбанка дает повод для некоторых небезынтересных выводов. Раньше всего, оно показывает, что агент по репарациям держит в Германии небольшие суммы и действительно сумел перекачать за границу весь миллиард контрибуции, полученной с Германии союзниками в течение первого года после принятия плана Дауэса. Но оно свидетельствует еще об одном интересном факте, а именно о том, что и германское казначейство отнюдь не держит в Рейхсбанке, как оно это делало раньше, всех своих средств, или даже большую их часть, ибо в 1925 г. свободная наличность германского казначейства достигала очень больших размеров, и передача

---

[1]) Данные взяты в журн. „Die Bank", 1926, Mai.

ее на счета Рейхсбанка должна была бы вызвать рост его депозитов.

Своеобразная структура нового Рейхсбанка, его зависимость от иностранцев, очевидно, привела к тому, что германское правительство воздерживается от помещения в нем своих свободных средств. Этим, очевидно, надо объяснить и тот факт, что, в Германии наблюдается в последние годы рост всякого рода *государственных банков*, не обладающих эмиссионным правом, но состоящих в тесном контакте с центральным германским правительством, или с правительствами отдельных германских государств. Германское казначейство при создавшейся ситуации предпочитает, повидимому, помещать свои свободные средства во всех этих банках, чем помещать их в Рейхсбанке, и этим объясняется слабое поступление средств на счета Рейхсбанка.

Таким образом своеобразная „независимость" Рейхсбанка приводит к тому, что из основных функций центрального эмиссионного института у него начинает выпадать функция кассового обслуживания казначейства, которая переходит к другим, чисто государственным банкам. Не надо доказывать, что это своеобразное „разделение труда", которое противоречит практике других стран, где, наоборот, наблюдается тенденция к объединению дела выпуска банкнот и выполнения кассовых казначейских функций в одном и том же центральном эмиссионном институте, ослабляет позицию Рейхсбанка и его роль в народном хозяйстве Германии.

§ 5. *Французский банк* [1]). Во Франции право выпуска банкнот составляет в настоящее время монополию центрального эмиссионного банка: „Banque de France". Французский банк („Banque de France") был учрежден

---

[1]) Из старых работ, посвященных „Banque de France", укажем *A. Courtois-fils*, „Histoire de la Banque de France", P. 1875; из более новых специальных работ назовем *P. Loubet*, „La Banque de France et l'escompte" P. 1910, *G. Schwalenberg*, „Die Bank von Frankreich und die deutsche Reichsbank", Halle a. S. 1904, *A. Snyckers*, „La Reichsbank et la Banque de France", P. 1908, *его же*: „Französische und deutsche Discontpolitik", Leipzig, 1910. Мы пользовались в дальнейшем еще упомянутой раньше работой *Conant'a*, а также ст. *G. Paillard'a* в H. S. W. 4-te Aufl., 26 и 27 Lieferung.

в 1800 г. при содействии Наполеона и явился одним из первых кредитных учреждений, возникших после революции.

Банки стали возникать во Франции еще до революции. Наиболее ярким учреждением кредитного типа был банк, основанный в 1716 г. Дж. Ло, под названием „Banque Generale“ [1]), который выпускал свои билеты. После крушения этого банка в 1720 г. во Франции долгое время не было эмиссионного банка, так как публика относилась недоверчиво к банкнотам. Только спустя полстолетия в 1776 г. при содействии Тюрго был основан эмиссионный банк: „Caisse d'Ecsompte“. Этот банк был учрежден с капиталом в 15 миллионов франков, из которых 10 миллионов франков были даны в ссуду казне. Банк выпускал билеты на предъявителя и перед революцией находился в тесной связи с казной. Наступившая во время революции полоса бумажных денег и обесценение ассигнатов привели, однако, к ликвидации этого банка, который был упразднен специальным декретом в августе 1793 г.

Кредитные учреждения вновь стали возникать во Франции с 1796 г. после ликвидации ассигнатов, при чем новые банки, очевидно, не находились ни в какой преемственной связи с кредитными учреждениями дореволюционной эпохи. Первым банком, возникшим во Франции после революции, был основанный в 1796 г. в Париже банк: „Caisse des Comptes Courants“. Вслед за ним были основаны: „Caisse d'Escompte et du Commerce“ в 1797 г. и „Comptoir Commercial“ — в 1800 г. [2]). Эти 3 банка представляли собою частные кредитные учреждения, которые выпускали свои билеты, но не пользовались никакими специальными привилегиями; в то же время они и не имели большого влияния, так как не обладали большими капиталами.

---

[1]) О банке Дж. Ло см. *I. Sh. Nicholson*, „John Law of Lauriston and the greatest speculative mania on record“ в „A treatise on money and essays on monetary problems“, 6-th Ed., L. 1903, *Горн*, Джон Ло. Пер. И. Шипова с предисл. Н. Бунге, 1895.

[2]) Этими банками, видимо, не исчерпывались все кредитные учреждения, возникшие в эти годы. См. *A. Snyckers*, „Französische und Deutsche Discontpolitik“, стр. 3.

С возникновением в 1800 г. „Banque de France", построенного на других началах, роль этих банков постепенно стала падать и „Banque de France" вскоре занял господствующее положение на денежном рынке. „Banque de France" при своем возникновении получил право выпуска банкнот. В начале это право его не было монопольным. Право эмиссии имели также Caisse d'Escompte и Comptoir Commercial. Однако, Бонапарт, явившийся главным акционером банка, был противником конкуренции в области выпуска банкнот и свободы банкового дела. Он высказался по этому вопросу следующим образом: „Банк принадлежит не только акционерам, но и государству, ибо последнее дает ему право выпускать денежные знаки в обращение... Ничего не было бы опаснее, чем видеть в акционерах единственных собственников банка, так как их интересы часто прямо противоположны интересам учреждения. Я хочу, чтобы банк был подчинен правительству, но не исключительно... Конкуренция этих трех банков, которые одновременно выпускают бумажные деньги, мне не нравится. Единый сильный банк может быть легче контролируем как правительством, так и публикой; каково бы ни было мнение экономистов, я держусь того взгляда, что в этом специальном случае свободная конкуренция не хороша" [1]).

В соответствии с этими взглядами законом 1803 г. „Banque de France" была предоставлена монополия выпуска банкнот, с одной, однако, оговоркой. А именно: правительство сохранило за собою право разрешать учреждение эмиссионных банков в провинции, в тех городах, где нет отделений Французского банка. Накануне революции 1848 г. во Франции было 9 таких провинциальных эмиссионных банков. Однако, в связи с приостановкой размена банкнот во время революции эти провинциальные банки были в 1848 г. слиты с „Banque de France", число отделений которого повысилось вследствие этого с 15 до 24. С этого времени Banque de France становится фактически единственным

[1]) См. *G. Paillard*: „Die Banken in Frankreich", в H. S. W. 4-te. Aufl. Art.: „Banken in der Volkswirtschaft", VIII, I, 1.

эмиссионным банком Франции. Привилегия „Banque de France“ много раз возобновлялась. В последний раз она была продлена до 31 декабря 1845 г. законом 20 декабря 1918 г. [1]).

„Французский банк“ сохранил, в общем, до настоящего времени ту структуру, которую он получил на основании законов начала XIX века (1806 и 1808 г.г.) и в которой воплощена был мысль Наполеона о создании банка, являющегося одновременно и частным и государственным банком. И в самом деле, „Banque de France“ является, с одной стороны, частным банком. Он принадлежит акционерам, которые раз в год являются на общее собрание и здесь выбирают органы управления, утверждают отчет и т. д. Но в общем собрании могут участвовать только 200 акционеров, которые за предшествующие 6 месяцев показали наибольшее число акций. Каждый акционер должен явиться лично и обладает лишь одним голосом. Роль акционеров в управлении банком, однако, сильно ограничена тем обстоятельством, что управляющий банка („Gouverneur“) и два его заместителя назначаются главой правительства, являются чиновниками государства и получают жалованье от этого последнего. Управляющий имеет абсолютное право „veto“ по отношению к решениям всех органов банка.

Управление банком осуществляется Генеральным Советом („Conseil Général“), который состоит из Управляющего, двух его заместителей, пятнадцати регентов („régents“) и трех контролеров („censeurs“) [2]).

Таким образом, „Banque de France“, в смысле административном является по существу государственным учреждением. Государственный характер банка еще усиливается тем, что он безвозмездно выполняет по поручению казначейства кассовые функции [3]).

Связь между Французским банком и государством на протяжении существования этого банка сказалась, далее,

---

[1]) См. *G. Pallard*, там же.

[2]) См. *Snyckers*, „Französische und Deutsche Discontpolitik“, L. 191. стр. 12—17.

[3]) См. об этих функциях подробнее у *E. Servais*, „Banques d'Emission“, Paris, 4-e Edition, стр. 158—159.

в том обстоятельстве, что банк неоднократно открывал кредиты казначейству. Такие кредиты „Banque de France" открыл французскому правительству еще в 1815 и 1840 годах. Затем, в период революции 1848 г., банк открыл правительству кредит в 150 миллионов франков. В 1850 г. этот кредит был уменьшен до 75 миллионов франков. Он должен был быть погашен ежегодными платежами по 5 миллионов франков. На 1857 год за правительством оставался еще долг в 55 миллионов франков. В 1857 г. авансы банка правительству были несколько повышены. Однако, правительство сделало в „Banque de France" более крупные позаимствования в период войны 1870—1871 г., когда авансы банка правительству достигли суммы в 1.530 миллионов франков. Этот долг был затем погашен в 1879 году [1]. После этого задолженность правительства „Banque de France" оставалась сравнительно небольшой до 1914 г., когда началось использование „Французского банка", как орудия финансирования мировой войны.

§ 6. Переходя к рассмотрению отдельных моментов, которые регулируют операционную деятельность „Banque de France", остановимся раньше всего на его *эмиссионном* праве. В области выпуска банковых билетов Французский банк усвоил совершенно иной принцип, чем Английский банк и прочие крупные эмиссионные банки Европы, а именно принцип, по которому *сумма выпускаемых банкнот не ставится в зависимость от наличности золотых запасов банка.* Банк обязан лишь беспрепятственно обменивать свои билеты на металл. В первые десятилетия существования „Banque de France" не существовало никаких правил об ограничении его эмиссии. Позднее считалось, что сумма выпускаемых банкнот не должна превышать собственные капиталы банка (fonds social). Первое ограничение в области выпуска банкнот Французского банка было установлено 15 марта 1848 г. путем фиксирования *максимума*, до которого может быть доведена эмиссия банкнот, в 350 миллионов франков. Уста-

---

[1]) См. *E. Servais,* там же, стр. 156—157, и *J. M. Fachan* „Historique la rente française", P.—N. 1904, стр. 214—217.

новление максимума сопровождалось в 1848 году приданием банкноте Французского банка „обязательного курса“, то-есть признанием ее законным платежным средством. В 1850 г. этот обязательный курс был отменен, а вместе с ним отпал и максимум, установленный для эмиссии банкнот. Обязательный курс был затем снова восстановлен в 1870 г. и вновь был установлен в законодательном порядке максимум для эмиссии банкнот. С 1870 г. этот максимум, или контингент эмиссии, повышался следующим образом. Он составлял [1]):

по закону	12 августа	1870 г.	1,8	миллиард.	фр.
„	14 „	1870 г.	2,4	„	„
„	29 декабря	1871 г.	2,8	„	„
„	15 июля	1872 г.	3,2	„	„
„	изд. в январе	1884 г.	3,5	„	„
„	„ „ „	1893 г.	4,0	„	„
„	„ „ ноябре	1897 г.	5,0	„	„
„	„ „	1907 г.	5,8	„	„

а накануне войны 1914 г. этот максимум составлял 6,8 миллиардов франков. Затем, начиная с 1914 г., контингент эмиссии повышался так:

4 августа	1914 г.	до 12	миллиард.	франк.
11 мая	1915 г.	„ 15	„	„
15 марта	1816 г.	„ 18	„	„
15 февраля	1917 г.	„ 21	„	„
10 сент.	1917 г.	„ 24	„	„
3 мая	1918 г.	„ 27	„	„
7 сент.	1918 г.	„ 30	„	„
25 „	1919 г.	„ 36	„	„
17 июля	1919 г.	„ 40	„	„
1 октября	1919 г.	„ 41	„	„
15 апреля	1925 г.	„ 45	„	„
27 июня	„ г.	„ 51	„	„
4 декабря	„ г.	„ 58	„	„

Отсутствие специального закона, который требовал бы обеспечения выпускаемых билетов металлом, делает фран-

[1]) Данные взяты у *G. Obst.* Banken und Bankpolitik. L. 1909, стр. 177, *Schwalenberg*, цит. кн. стр. 6—7, *A. Revai.* Die ausländischen Wechselkurse n Frankreich seit 1914. M. 1925, стр. 81, „Econ. Franç“, от 13 февр. 1926 г.

цузскую систему эмиссии банкнот более эластичной, чем системы других эмиссионных банков. Противники акта Роберта Пиля и установленной им системы покрытия банкнот противопоставляют неэластичной системе эмиссии Английского банка систему „Banque de France", как лучше приспособленную к потребностям хозяйственного оборота [1]). Вопрос о преимуществах английской или французской системы остается, однако, спорным. Не предполагая вдаваться здесь в рассмотрение этого спора, мы должны, однако, отметить, что практика Французского банка за последнее столетие сама по себе не дает еще никаких оснований для того, чтобы отрицать значение золотого покрытия, как принципа, регулирующего выпуск банкнот, главным образом, потому, что „Banque de France", хотя и не был обязан покрывать свои выпуски банкнот металлом, тем не менее держал большой золотой фонд и увеличивал его по мере выпуска банкнот. Доводы в пользу преимуществ французской системы перед английской обычно усматриваются в том, что Англия неоднократно прибегала к отмене эмиссионного закона, регулирующего выпуск банкнот, а Английский банк не раз оказывался в критическом положении, из которого его выручал, между прочим, Французский банк, между тем, как этот последний таких трудностей не переживал [2]). Но при этом упускается из виду то обстоятельство, что Французский банк обладал металлическим фондом, превышавшим металлический фонд Английского банка и значительно превышавшим тот минимум, который требовался банку для беспрепятственного размена билетов на металл и для регулирования расчетов с заграницей. Преимущества „Banque de France" могли основываться, поэтому, как раз на этом большом металлическом фонде, а не на его большей свободе в области эмиссии.

Из других положений, регулирующих работу „Banque de France", отметим особенность в его учетной операции,

---

[1]) См. эту точку зрения у *Е. Эпштейна*, Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства, П. 1913.

[2]) См. *Е. Эпштейн*, там же, стр. 60.

которая заключается в том, что банк, как правило, принимает к учету векселя не менее, чем с тремя подписями. В отдельных случаях допускается, однако, учет векселей с двумя подписями.

Наконец, надо отметить, что „Banque de France" имеет большое число филиалов. Число этих филиалов около 1920 г. превышало 600 единиц [1]).

§ 7. Переходя к вопросу о развитии деятельности Французского банка, приведем, раньше всего, некоторые данные о движении его банкнотной эмиссии и росте его металлического фонда.

Выпуск банкнот и металлические запасы — в золоте и серебре — у „Banque de France" до войны были следующие (в миллионах франков) [2]):

Годы	Билетов в обращении	Металлический фонд			%-ое отнош. металлическ. фонда к сумме эмиссии
		Золото	Серебро	Всего	
1881	2.516	556	1.214	1.770	70
1885	2.977	1.001	1.028	2.029	68
1890	3.155	1.261	1.242	2.503	80
1895	3.679	1.905	1.235	3.185	87
1910 [3])	5.261	3.279	—	4.106	80
1913 [3])	6.034	3.507	—	4.146	85

Сопоставление этих данных с цифрами эмиссии банкнот Английского банка за тот же период времени показывает, что банкнотное обращение во Франции в это время было значительно больше английского. Это обстоятельство нахо-

---

[1]) См. *E. Servais*, указ. кн., стр. 200.

[2]) Цифры первых 4 граф до 1900 г. взяты у *Schwalenberg'a* цит. кн., стр. 86—87, а за 1910 и 1913 г. из Stat. Jahrbuch für d. Deutsche Reich, за 1915 г.

[3]) В конце года.

дится в связи с крупным развитием, которое получили в Англии банковские депозиты, являющиеся, как мы видели, одной из форм денег, конкурирующей с банкнотой. В то же время мы видим, что на протяжении всего этого времени идет накопление металлического фонда „Banque de France“ в особенности в его золотой части. В связи с этим обеспечение банкнот металлом остается в течение этого периода у Французского банка весьма крупным, несмотря на рост его банкнотной эмиссии.

В области своих активных операций по оказанию кредитов различным предприятиям Французский банк за этот период проделал ту же эволюцию, которую проделали другие эмиссионные банки Европы, и, в частности, Английский банк, а именно, уступил свое преобладающее значение на денежном рынке депозитным банкам.

С начала войны „Banque de France“ вступил в полосу бумажно-денежной инфляции, из которой он до конца 1925 г. не выбрался. Громадные выпуски бумажных денег привели к тому, что курс его банкноты резко упал, понизившись к началу 1926 года (на 7 янв. 1926 г.) до 20,1% довоенного паритета. Не останавливаясь здесь на этом вопросе, который относится к области вопросов денежного обращения, приведем лишь один из последних балансов „Banque de France“, за рассматриваемый период, а именно, его баланс *на 31 декабря 1935 г.* Он имеет следующий вид (в тысячах франков)[1]:

АКТИВ:

Золото в монете и слитках	5.548.091
„ в том числе за границей	1.864.321
Серебро в монете и слитках	321.207
Учет и ссуды	6.705.736
Ссуды правительству	35.950.000

ПАССИВ:

Билеты в обращении	51.085.133
Вклады правительственные	11.904
Вклады частные	3.322.890

[1]) См. „The Economist“ от 9 января 1926 г.

Из этого баланса можно видеть, что из той суммы банкнот в 43,7 миллиардов франков, которые банк выпустил к этому времени в обращение сверх металлического покрытия, почти 36 миллиардов франков им были выданы в ссуду правительству. Остальные операции занимают сейчас в балансе „Banque de France“ второстепенное место. Дальнейшая судьба банка будет зависеть от общего состояния финансов Франции и от судьбы ее валюты.

§ 8. В *Соединенных Штатах Сев. Амер.* выпуск банковых билетов, как и банковая система в ее целом, регулируется в настоящее время законом 23 декабря 1913 г., который носит название *„Федерального Резервного Акта“*, и рядом изданных в развитие этого закона дополнений. Федеральный резервный акт ввел в Соединенных Штатах систему *Федеральных резервных банков*, систему резко отличающуюся от той, которая существовала там до того. Новая система фактически существует с ноября 1914 г., когда открыли свои действия Федеральные резервные банки.

Для того, чтобы понять значение банкового акта 1913 г., надо иметь в виду некоторые особенности банковой системы Соединенных Штатов. В Соединенных Штатах не существует коммерческих банков с отделениями в других городах, как это имеет место в европейских странах. Каждый банк представляет собою самостоятельный институт, работающий в данном центре. Вследствие этого в Соединенных Штатах имеется громадное число банков. Они делятся там на 3 разряда: 1) *национальные банки* (National banks), 2) *Штатные банки* (State banks) и трестовые-компании и 3) *частные банки*. Национальные банки действуют на основании общефедеративных законов, а штатные банки — на основании законов отдельных штатов. Частные банки, к числу которых относятся такие фирмы, как Морган, не подчинены тому контролю со стороны государственных органов, которому подлежат первые две группы банков.

Из указанных трех видов банков до закона 1913 г. правом эмиссии банкнот пользовались все национальные банки. Штатные банки должны были платить за эмиссию банкнот налог в 10 %, таким образом, были лишены фак-

ческой возможности выпускать свои банкноты. Об общем размере эмиссионной и депозитной операции американской банковой системы перед реформой 1913 г. дают представление следующие цифры.

В 1912 г. основные статьи пассивов американских банков составляли: (в милл. доллар.)[1]):

	Число банков	Капитал	Резервы	Депозиты	Банкноты	Всего
у Национ. банков	7.372	1.033	950	5.884	708	8.577
„ Штатных банков и трестов. компаний . . .	17.823	977	1.215	11.198	—	13.391
„ Частных банков	3.800	70	40	470	—	580
	28.995	2.080	2.206	17.552	—	22.548

Как видно из этих цифр, в это время в Соединенных Штатах имелось около 29 тысяч банков, из которых свыше 7 тысяч пользовалось правом эмиссии банкнот.

Так называемая „национальная" банковая система, которая существовала в Соединенных Штатах до 1914 г., была основана на следующих принципах. Группа лиц не менее пяти с разрешения Контролера по денежному обращению („Comptroller of the currency") могла основать национальный банк. Каждый национальный банк, независимо от того, эмиттирует ли он свои банкноты, или нет, был обязан депонировать в казначействе известное количество облигаций государственных займов. Если банк хотел выпускать банкноты, он мог получить таковые от контролера по денежному обращению на сумму депонированных им обли-

[1]) Данные—отчета Контролера по денежному обращению за 1912 г., взяты из работы *R. Hauser'a.* „Die amerikanische Bankreform", Iena 1914, стр. 2.

гаций государственных займов, но не больше, чем на сумму оплаченного основного капитала. В то же время банк был обязан держать в казначействе Соединенных Штатов вклад в денежных знаках, являющихся законным платежным средством, на сумму 5% своей эмиссии на предмет оплаты этих билетов. Национальные банки обязаны были заботиться не только о покрытии эмиттируемых банкнот, но и о покрытии имеющихся у них вкладов. Для покрытия этих вкладов они должны были иметь резерв в законных платежных средствах в размере 15% суммы депозитов. Банки в городах с числом жителей свыше 500 тыс. — такие города назывались „reserve cities" — должны были держать резерв в размере 25% депозитов. С другой стороны, национальные банки могли держать 3/5 своего резерва, т.-е. 9% от суммы депозитов в некоторых банках „резервных" городов, список которых должен был быть одобрен Контролером по денежному обращению, а национальные банки резервных городов, в свою очередь, могли держать половину своего резерва в одном из банков в „Центральном резервном городе" например, Нью-Иорке. Национальные банки подчинены контролю Контролера по денежному обращению. *Штатные* банки также обязаны были держать резервы против депозитов. Размер этого обязательного резерва был различен в разных штатах, но он, в общем, был меньше обязательного резерва национальных банков [1]).

Система крайней децентрализации в деле выпуска банковых билетов имела большие недостатки, которые в особенности давали себя чувствовать в моменты кризисов. Наиболее крупным дефектом этой системы была разбросанность кассовых резервов. Отсутствие крупных центральных банков, к которым местные банки могли бы обратиться за помощью в моменты напряжения денежного рынка, заставляло все 30 тысяч банков держать у себя сравнительно большие кассовые резервы, и общий кассовый резерв страны оказывался, таким образом, крайне распыленным. Концентрация этих резервов, их переброска с места на место,

---

[1]) См. *H. White.* Money and banking, 4-th Ed., 1911. Гл. XIV и XV.

также была затруднена в виду этой децентрализации. В то же время самая эмиссия банкнот была неэластична, так как новые выпуски могли производиться отдельным банком только против депонирования облигаций государственных займов, что для банков часто оказывалось практически невозможным [1]).

Все эти недостатки сказались с особенной силой во время кризиса 1907 г., после которого в Соединенных Штатах началась усиленная работа по пересмотру банкового законодательства. Результатом этой работы явился акт 23 декабря 1913 года.

Основные принципы Федеральной резервной системы сводятся к следующему [2]).

Вся территория Соединенных Штатов, за исключением Аляски, делится на округа, в каждом из которых образуется Федеральный резервный банк („Federal Reserve Bank"). Число округов может быть от 8 до 12.

Задача Федеральных резервных банков заключается в объединении деятельности всех существующих банков. С этой целью устанавливается, что существующие на территории Соед. Шт. банки делятся на 2 категории. К первой категории относятся „национальные" банки, которые пользовались правом выпускать в обращение банкноты, и ко второй категории—все прочие банки („State Banks", „Trust Companies"). Первые, т.-е. каждый национальный банк, обязаны были объявить, что они готовы в течение 60 дней после издания закона вступить в качестве членов в Федеральный банк своего округа. Для остальных банков вступление в Федеральный банк не обязательно, но они имеют на это право. Национальные банки, не вступившие в Федеральный банк в течение полугода, ликвидируются.

---

[1]) О недостатках старой системы эмиссии в Соедин. Штат. см. *E. W. Kemmerer*, The ABC. of the Federal Reserve System. Princeton, 1922. Гл. II — V.

[2]) Для изложения основных принципов "федеральной резервной системы мы пользуемся текстом закона от 23 декабря 1913 г., приложенным к цит. книге *E. W. Kemmerer'a* (Appendix B). Этот текст включает в себя дополнения до 14 июня 1921 г.

Капитал Федеральных банков составляется путем размещения их акций между вступившими в качестве членов банками, при чем банки-члены обязаны вложить в свой Федеральный банк $6^0/_0$ своего основного и резервного капитала. Основной капитал Федерального банка не может быть меньше 4 миллионов долларов. Если эта сумма не составится из взносов примкнувших к Федеральному банку национальных и других банков, то допускается размещение акций Федерального банка в публике путем подписки. Если и этого окажется недостаточным, то недостающая сумма покрывается казначейством Соединенных Штатов. Федеральные банки учреждают по мере надобности в разных пунктах свои отделения.

Управление Федеральным банком сосредоточено в руках Правления, состоящего из 9 членов. Из них 6 выбираются банками-членами Федерального банка, в том числе 3 из лиц, которые к моменту избрания были заняты активно в торговле, сельском хозяйстве или другой хозяйственной области в данном районе, — а остальные 3 назначаются Федеральным резервным советом („Federal Reserve Board"), о котором будет речь дальше. Этот же совет назначает одного из указанных 3 членов председателем правления Федерального банка и одного его заместителем. Председатель правления Федерального банка является в то же время представителем резервного Совета в Резервном банке. В качестве такового он носит название Федерального Резервного Агента („Federal Reserve agent"). Выборы 6 первых директоров от банков-членов происходят по „куриям", а именно для этих выборов все банки-члены делятся на три разряда: крупные, средние и мелкие, и каждая группа банков выбирает 2 директоров.

Федеральные резервные банки подчинены контролю Федерального резервного совета („Federal Reserve Board"), составляющего существенную часть всей Федеральной резервной системы. Федеральный резервный совет представляет собою правительственный орган, не занимающийся непосредственно банковскими операциями, кроме операции по выпуску банкнот, о которой будет речь дальше. „Federal Reserve Board" состоит из 7 членов, а именно, из министра

финансов, контролера денежного обращения („Comptroller of the Currency“) и 5 членов, назначаемых президентом Соединенных Штатов с согласия Сената. Эти 5 членов, из которых, по крайней мере, двое должны быть образованными специалистами банкового дела, назначаются на 10 лет, но с таким расчетом, чтобы каждые два года один из них кончал срок своей службы. Одного из них президент назначает председателем Федерального резервного совета, а одного вице-председателем. Закон предусматривает оклады, которые должны получать члены „Federal Reserve Board“. Последнее имеет право разложить на Федеральные резервные банки расходы по содержанию членов совета и аппарата служащих.

К Федеральной резервной системе относится еще одно учреждение — *Федеральное Совещание* („Federal Advisory Council“).

Это совещание состоит из числа членов, соответствующего числу округов. Для составления Федерального совещания Правление каждого Федерального банка выбирает ежегодно одно лицо из данного округа. Совет собирается в Вашингтоне не менее 4 раз в год.

Вся Федеральная резервная система слагается, таким образом, из банков-членов, Федеральных резервных банков, Федерального резервного совета и Федерального Совещания.

Круг операций Федеральных резервных банков очерчен в законе следующим образом.

Пассивные операции Федерального резервного банка состоят *в выпуске банкнот и приеме вкладов*. Банкнота, которую выпускают Федеральные резервные банки, представляет собою государственный билет, который носит название „Федерального резервного билета“ (Federal Reserve Note) и находится в распоряжении Федерального совета. Эти билеты, выпускаемые купюрами в 5, 10, 20, 50, 100, 1.000, 5.000 и 10.000 долларов, разменны на золото в казначействе Соединенных Штатов в Вашингтоне, а каждый Федеральный резервный банк обязан разменивать их на золото или „законные деньги“ („lawful money“). Сама по себе федеральная банкнота не является законным платежным средством и должна приниматься в платеж только банками-

членами федеральной системы, а также при уплате налогов, таможенных пошлин и других государственных сборов.

Федеральный резервный банк, нуждающийся в банкнотах, обращается за ними к Федеральному совету и получает их от него против равной суммы переданного Федеральному совету обеспечения. Таким обеспечением могут служить всякого рода векселя и акцепты, поступающие в Федеральный банк по его активным операциям, а также золото и золотые сертификаты. Операция передачи банкнот резервному банку и получения от него обеспечения происходит через посредство резервного агента, являющегося, как мы видели, в то же время председателем правления данного банка. Резервный агент может держать в своем банке получаемое обеспечение и поступающие к нему в возврат банкноты. Таким образом, передача банкнот и получение обеспечения технически может сводиться к переносу в книгах резервного агента и в книгах банка. Но Федеральный резервный агент обязан ежедневно сообщать Федеральному резервному совету о сумме переданных им своему резервному банку за день банкнот, или, наоборот, о сумме банкнот, поступивших к нему от банка [1]).

Обеспечение, передаваемое резервным банком Федеральному совету, может состоять как из золота, так и из векселей и других ценностей. Но в то же время Федеральный резервный банк обязан иметь в каждый данный

---

[1]) Наряду с Федеральными резервными билетами—Federal Reserve Notes, которые, как мы увидим дальше, были выпущены в больших количествах, закон предусматривал выпуск Федеральными резервными банками еще одного вида билетов „Федеральных резервных банковых билетов“ — „Federal Reserve Bank Notes“. Эти банковые билеты должны были быть выпущены для того, чтобы ими постепенно заменить имевшиеся в обращении банкноты национальных банков. Однако, эта операция не осуществилась. „Федеральные резервные банковые билеты“ были, действительно, выпущены в 1918 г., и одно время их имелось в обращении около 260 миллионов долларов, но этот выпуск был связан со специальной операцией по продаже Англии серебра для поддержания курса фунта стерлингов по отношению к индийской рупии. (См. *Goldenweiser,* Fed. Res. System in operation. N.-Y. 1925, стр. 77). Впоследствии эти банкноты были изъяты из оборота и к 1 сентября 1925 г. их было в обороте только на 5,6 миллионов долларов.

момент не менее, чем на 40% золота, как резерв против фактически выпущенных банкнот. *Эти 40% и составляют покрытие банкноты.* В состав этих 40% может входить и то золото, которое банк держит у агента, как обеспечение. Федеральный банк обязан держать часть своего золота в виде вклада в казначействе. Эта часть должна составлять не менее 5% от суммы выпущенных банкнот, не покрытой золотом и золотыми сертификатами. Но сумма золота, депонированная в казначействе, может также входить в состав минимума в 40%.

Депозиты, которые поступают в Федеральные резервные банки, частью являются обязательными для вкладчиков. Это те резервы, которые национальные банки раньше обязаны были держать в различных центральных банках, и которые они теперь, в разных %%, обязаны держать в Федеральных резервных банках. Для вкладов на срок свыше 30 дней обязательные резервы составляют для национальных банков 3%, для текущих счетов на срок менее 30 дней % колеблется от 7 до 13. В то же время правительство Соединенных Штатов обязано держать свои свободные средства в банках, принадлежащих к федеральной системе.

Федеральные резервные банки в свою очередь обязаны держать в качестве резерва сумму в размере 35% от суммы депозитов. В отличие от резерва, покрывающего выпуск банкнот, который может состоять только из золота, резерв против депозитов может состоять как из золота, так и из законных платежных средств.

Активные операции Федеральных резервных банков сводятся как к операциям со своими членами, так и к операциям „на открытом рынке". Кредиты, предоставляемые Федеральными резервными банками банкам-членам могут быть двух родов: 1) кредиты по переучету краткосрочных векселей и др. документов, учтенных банками-членами и 2) кредиты под соло-векселя банков-членов срочные до 15 дней, обеспеченные векселями, банковскими акцептами и т. п. документами или облигациями правительства Соединенных Штатов. Операции на открытом рынке могут

сводиться к покупке и продаже переводов (cable transfers), банковских акцептов и векселей, как с бланком банка-члена, так и без такого бланка.

Кроме того, Федеральные резервные банки могут производить операции с золотом в монете и слитках, выдавать ссуды под золото, золотые монеты и золотые сертификаты, производить операции по покупке и продаже государственных ценных бумаг и некоторые другие.

Из чистых прибылей Федерального резервного банка его акционеры могут получать дивиденд в размере 6% на оплаченный капитал. То, что остается сверх этого, должно сначала итти на образование резервного фонда. По достижении этим фондом 100% основного капитала резервного банка, в фонд отчисляется уже только 10% чистой прибыли — за вычетом дивиденда акционеров — а остальная сумма поступает в распоряжение правительства Соединенных Штатов. Эти суммы по усмотрению министра финансов могут употребляться либо на пополнение тех золотых резервов, которые правительство Соединенных Штатов держит против государственных бумажных денег, имеющихся в обращении, либо на погашение задолженности по облигациям Соединенных Штатов.

Федеральный резервный совет может выступать в роли расчетной палаты между резервными банками. Он может также потребовать от этих банков, чтобы они выполняли функции клиринга для своих членов.

Возвращаясь к функциям Федерального резервного совета, надо отметить, что *в области регулирования эмиссии банковых билетов* на него возложена раньше всего уже упомянутая выше обязанность регулирования выпуска банкнот, которое он должен осуществлять при помощи специального бюро, находящегося в департаменте казначейства и подчиненного Контролеру денежного обращения.

Кроме того, совет имеет право приостановить на 30 дней, с возобновлением затем этой приостановки каждые 15 дней, действие законов об обязательном обеспечении. При этом, если обеспечение эмиссии банкнот падает ниже 40%, Федеральный резервный совет должен установить

специальный налог на недостающую сумму обеспечения. Этот налог не должен превышать 1% в год, пока обеспечение падает до $32^{1}/_{2}$%. Если же обеспечение падает ниже $32^{1}/_{2}$%, то установленный налог должен прогрессивно возрастать не менее, чем на $1^{1}/_{2}$% годовых за каждые $2^{1}/_{2}$% или части от $2^{1}/_{2}$% недостающего против $32^{1}/_{2}$% обеспечения. Этот налог уплачивается резервным банком и этим последним в том же размере должен прибавляться к учетной ставке.

Кроме того, Федеральный резервный совет имеет ряд контрольных функций по отношению к резервным банкам и их членам. Совет, если за то выскажется не менее 5 из его членов, может предложить резервным банкам переучесть учтенные документы других резервных банков из процента, устанавливаемого Федеральным советом. Из других полномочий Федерального совета упомянем, что он имеет право—за нарушение банкового закона — приостановить операции резервного банка, вступить в управление таковым, и, когда он сочтет нужным, ликвидировать и реорганизовать его.

Федеральный резервный совет раз в год должен дать полный отчет о своих операциях спикеру палаты депутатов.

Что касается Федерального совещания, то оно может сноситься с Федеральным советом и ставить разные вопросы относительно учетных ставок, эмиссии банкнот, резервов и т. п.

Таковы — в общих чертах — основные принципы новой банковой системы Соединенных Штатов.

§ 9. Федеральные резервные банки, как мы сказали, открыли свои операции в ноябре 1914 г. В настоящее время существует 12 таких банков, а именно: в Бостоне, Нью-Иорке, Филадельфии, Кливлэнде, Ричмонде, Атланте, Чикаго, С.-Луи, Миннеаполисе, Канзас-Сити, Далласе и Сан-Франциско. Кроме того, в разных пунктах имеются 23 отделения этих банков.

За короткое время своего существования Федеральная резервная система пережила в своем развитии ряд периодов, весьма отличных один от другого. Автор обширной работы о федеральных банках *Willis* насчитывает в деятельности федеральной системы до конца 1922 г. целых семь

таких периодов [1]). Но и при менее детальном изучении деятельности американской банковой системы нетрудно видеть, что с момента открытия действий федеральных банков им пришлось пережить 4 — 5 весьма различных периодов. К первому периоду надо отнести время от открытия действия системы в конце 1914 г. до вступления Соединенных Штатов в мировую войну, т.-е. до 6 апреля 1917 г. Второй период, это — время от вступления Соединенных Штатов в войну до перемирия, заключенного 11 ноября 1918 г. Затем, Соединенные Штаты вступили в полосу послевоенной инфляции, явившейся третьим периодом в жизни Федеральной резервной системы. С июля 1920 г. наступает перелом конъюнктуры и страна вступает в новый период, полосу дефляции. К этому периоду Willis относит время до конца 1921 г. С 1922 г. наступает период более спокойного развития деятельности банковой системы Соединенных Штатов.

Необходимо, впрочем, заметить, что как ни отличны были один от другого все эти периоды, как ни отличалась, например, полоса инфляции от полосы дефляции, в общем, все время деятельности федеральной системы протекало до сих пор под влиянием войны и ее последствий. Как правильно отмечает Willis, „в известном смысле история резервной системы в течение восьми лет от 1914 до 1923 г., это—история военного финансирования и военного банкового кредитования“ [2]). И в самом деле, хотя Соединенные Штаты вступили в войну лишь с 1917 г., они уже с 1914 г. стали испытывать на себе влияние войны. Вскоре после начала военных действий они стали крупнейшим военным поставщиком, приспособив к этому свое хозяйство. Вместе с тем они скоро стали стягивать к себе большие количества золота.

Но для того, чтобы понять развитие Федеральной резервной системы в первое десятилетие ее существования, необходимо учесть не только отмеченный Willis'ом факт

---

[1]) См. *H. P. Willis*, The Federal Reserve System, New-York, 1923, стр. 847 — 848.

[2]) См. там же, стр. 849.

военного направления финансового и банкового дела Соединенных Штатов; надо еще кроме того учесть то изменение, которое произошло в течение этого времени в финансовых взаимоотношениях Европы и Соединенных Штатов Северной Америки. Соединенные Штаты, как известно, извлекая громадные прибыли от поставки Европе военных материалов и имея в течение ряда лет очень благоприятный торговый баланс, за эти годы превратились из должника Европы в ее крупнейшего кредитора. Америка не только стянула к себе большую часть золотых резервов Европы, но вышла кроме того из этого периода с большими долговыми требованиями по отношению к европейским странам и, в общем и целом, сильно окрепла в финансовом отношении. Такая обстановка, естественно, была весьма благоприятна для укрепления банковой реформы, которая, как мы видели, была решена накануне войны. Построение системы Федеральных резервных банков проходило, конечно, не без трудностей и при этом построении приходилось решать много сложных и серьезных проблем[1]). Однако, обстановка роста денежного рынка Соединенных Штатов и накопления золотых резервов, в общем, облегчала разрешение этих проблем.

Посмотрим теперь, как выразилось в цифрах развитие Федеральной резервной системы.

Остановимся раньше всего на вопросе о том, какая часть банковой сети Соединенных Штатов оказалась втянутой в систему Федеральных резервных банков. Об этом говорят следующие данные о банковой системе Соединенных Штатов, взятой в целом[2]).

Общее число зарегистрированных акционерных банков составляло в Соединенных Штатах к концу июня 1925 г. —

---

[1]) Не останавливаясь здесь подробно на истории организации Федеральных резервных банков, отсылаем интересующегося этими вопросами читателя к упомянутой книге *Willis'a*, а также к работам *B. H. Beckhart'a*, „The discount policy of the Federal Reserve System, New-York, 1924, *E. W. Kemmerer'a*: „The ABC of the Federal Reserve System" Princeton, 1922; *E. A. Goldenweiser'a*, „Federal Reserve System in operation", New York, 1925.

[2]) См. „Federal Reserve Bulletin", Oct. 1925, стр. 764 — 769.

27.944 банка[1]). Из этого числа членами резервных Федеральных банков состояли 9.538 банков, остальные 18.406 банков не были членами Федеральных банков. Однако, вне Федеральной резервной системы оставались более мелкие банки, что можно видеть из следующих сопоставлений. К концу июня 1925 г. во всех 27.944 банках состояло вкладов, не считая вкладов других банков, на 40.591 миллиона долларов. Из этой суммы на долю 9.538 банков - членов приходилось вкладов на 28.403 милл. долларов, а на долю 18.406 банков - не членов — 12.188 милл. долларов. В соответствии с этим банки-члены имели в учетно-ссудных операциях и других помещениях 29.702 миллиона долларов, а банки-не члены лишь 11.859 миллионов долларов. Таким образом, банки-члены, составляя всего лишь 34,1% по отношению к общему числу банков, имели основных активов 71,5% по отношению к общей сумме помещений. Взаимные сберегательные банки, число которых к концу июня 1925 г. достигало 611, имели всего вкладов на 7.147 миллионов долларов, и средств, инвестированных в учетно-ссудных операциях и других помещениях—7,534 миллионов долларов[2]). Общая сумма средств, вложенная банками Соединенных Штатов в учетно-ссудные операции и другие помещения, составляла, таким образом, к середине 1925 г. около 49 миллиардов долларов.

В составе членов Федеральной резервной системы главное место занимают национальные банки. Из числа штатных банков в состав членов вошла лишь небольшая часть. Это видно из следующих данных[3]).

---

[1]) В это число не входят частные банки, не состоящие под контролем государства, взаимные сберегательные банки (mutual savings banks) и еще 4 банка, о которых не было достаточных сведений.

[2]) См. там же, стр. 766.

[3]) Данные до 1924 г. взяты у *Goldenweiser'a*, указ. сочинен. стр. 124, цифры за 1925 г. из „Federal Reserve Bulletin“ за октябрь 1925 года.

Состояло банков-членов:

	Всего	В том числе национальных	В том числе не национальных
К концу 1914 г.	7.582	7.574	8
„ „ 1916 „	7.614	7.577	37
„ „ 1918 „	8.692	7.762	930
„ „ 1920 „	9.606	8.125	1.481
„ „ 1922 „	6.859	8.220	1.639
В июне 1924 „	9.650	8.080	1.570
„ 1925 „	9.538	8.066	1.472

Как видно из этих данных, в начале членами Федеральной резервной системы состояли почти исключительно национальные банки, для которых вступление в число членов Федеральных банков было обязательно. Число членов из штатных банков стало возрастать только после 1916 г. Это произошло после того, как в 1917 году были внесены изменения в банковый закон, устранившие некоторые препятствия для вступления штатных банков в федеральную систему. В частности, имело значение то обстоятельство, что штатным банкам, присоединившимся к системе, была гарантирована возможность выступить обратно в случае их желания [1]). Тем не менее число штатных банков, вошедших в систему, еще сравнительно незначительно. Вне системы остаются, главным образом, многочисленные более мелкие банки аграрных западных районов. В качестве одной из главных причин, заставляющих штатные банки оставаться вне федеральной системы, обыкновенно указывают тот факт, что Федеральные банки не платят процентов за суммы,

[1]) См *Willis*, указан. сочинен., стр. 1185.

	30 марта 1917 г.	27 декабря 1920 г.	30 декабря 1921 г.	29 декабря 1922 г.	28 декабря 1923 г.	27 декабря 1924 г.	26 декабря 1925 г.
Актив							
Золотые резервы	947.000	2.055.800	2.869.600	3.040.440	3.070.930	2.912.820	2.665.300
Законные платежные средства в билетах и серебро		180.950	122.600	108.400	66.590	84.690	—
Векселя, учтенные от банков-членов	—	2.731.690	1.179.830	629.890	857.150	396.430	764.120
Векселя, купленные на открытом рынке	—	241.170	114.240	246.290	336.420	389.570	369.950
Государственные облигации	—	308.780	241.440	457.880	104.160	564.160	369.510
Прочие активы	—	39.240	63.490	64.970	72.820	85.640	—
Пассив							
Правительственные депозиты	707	26.050	71.630	7.810	42.810	—	2.275.620
Прочие депозиты		1.523.300	1.692.890	1.892.450	1.895.060	2.253.100	
Федеральные резервные билеты в обращении	358.000	3.404.930	2.443.500	2.464.120	2.340.380	1.941.750	1.895.660
Федеральные резервные банкноты в обращении	—	218.830	84.550	10.640	470	—	—
Прочие обязательства	—	119.720	25.320	29.250	26.700	14.410	—
Капитал основной и резервный	—	264.200	317.010	322.650	328.470	332.940	331.810

которые банки-члены обязаны держать у них в качестве депозитов[1]). Однако, кроме того, здесь, повидимому, играет роль то обстоятельство, что более мелкие банки, состоя в корреспондентских отношениях с более крупными банками-членами и пользуясь у них кредитом, имеют возможность косвенно пользоваться преимуществами федеральной системы и получать в случае надобности средства из Федеральных банков через своих корреспондентов[2]). В то же время весьма возможно, что более мелкие банки лучше обслуживаются своими ближайшими корреспондентами, чем они обслуживались бы Федеральным резервным банком непосредственно, и они через своего корреспондента получают лучший доступ к денежному рынку, чем в том случае, если бы они должны были получать кредиты в Федеральном резервном банке непосредственно, конкурируя с более сильными его членами. При таких условиях для них, конечно, невыгодно держать свои резервы на текущих счетах Федеральных банков.

Посмотрим теперь, как развивались операции 12 федеральных банков за рассматриваемый период времени. Для этого сопоставим сводные балансы этих банков за ряд лет.

Основные статьи балансов всех Федеральных резервных банков были следующие[3]) (в тысячах долларов) (см. табл. на стр. 366).

Остановимся на некоторых отдельных операциях Федеральных резервных банков.

Раньше всего нельзя не отметить крупные размеры *золотых резервов* этих банков. Эти резервы, которые перед вступлением Соед. Шт. в войну на 6 апреля 1917 г. составляли 565 миллионов долларов, возросли к концу 1920 г. до 2.056 миллионов долларов, а к концу 1922 г. превысили 3.040 миллионов долларов. Таким образом, Федеральные

---

[1]) См. *Goldenweiser*, указ. сочинен., стр. 133.

[2]) См. там же, стр. 132.

[3]) Данные за 30 марта 1917 г. взяты у *Goldenweiser'a*, указ. сочинен. стр. 3, балансы за остальные годы по данным, публикуемым в английском журнале: „The Economist". Приводимые ниже данные за другие числа взяты из разных балансов, опубликованных в упомянутых выше книгах *Willis'a* и *Kemmerer'a* и из „Federal Reserve Bulletin".

резервные банки стянули за этот период золота на сумму около $2^1/_2$ миллиардов долларов. Такое увеличение золотых резервов Федеральных банков оказалось возможным, в виду общего роста золотых запасов Соединенных Штатов, которые за эти годы не только стягивали вновь добываемое золото, но получили значительные суммы из старых золотых резервов Европы. Крупный рост золотых запасов Федеральных банков привел к тому, что их золотые резервы (включая серебро и другие законные платежные средства), значительно превышали тот минимум обеспечения, в 40% для банкнот и 35% для депозитов, который был установлен в законе. Процент обеспечения, т.-е. отношение суммы всех резервов к банкнотам в обращении и депозитам, у них составлял [1])

	%%
к концу 1920 г.	45,1
„ 1921 г.	71,1
„ 1922 г.	72,1
„ 1923 г.	73,3
„ 1924 г.	70,5
„ 1925 г.	66,1

Таким образом, в Федеральных банках с 1921 г. образовались крупные запасы „свободного золота“, т.-е. золота, остававшегося сверх необходимого покрытия. В течение 1922 и 1923 г.г. оно превышало $1^1/_2$ миллиарда долларов [2]).

В составе золотого фонда резервных банков заметное место занимает „золотой расчетный фонд“ („Gold settlement fund“). Золотой расчетный фонд, в котором на 6 апреля 1917 г. состояло свыше 200 миллионов долларов, на 31 декабря 1921 г. — 465,2 миллиона долларов, а на 16 сентября 1925 г. — 636, 6 миллиона долларов, представляет собою фонд, который служит для взаимных расчетов между Федеральными банками, а также для расчетов между этими банками и казначейством. Фонд этот составился из золотых взносов, которые сделали казначейству Соединенных Штатов отдельные Федеральные банки. Он числится, как

---

[1]) По данным, приводимым в соответствующих номерах Economist'a.

[2]) См. *Goldenweiser* указ. сочин., стр. 89 — 90.

фонд Федерального резервного совета, который этот последний держит по поручению Федеральных банков. На базисе этого фонда Федеральный резервный совет регулирует ежедневно — на основании получаемых им телеграмм — расчеты между отдельными Федеральными банками, перенося суммы этого фонда со счета одного банка на счет другого. Остатки сумм, которые числятся на данный день в кредите того или другого Федерального банка, входят в состав того золота, которое составляет его резерв по обеспечению банкнот и депозитов. При помощи золотого расчетного фонда Федеральные банки имеют возможность осуществлять операции „клиринга“, производить переводы сумм за счет своих банков-членов без пересылки денег в натуре [1]).

Крупному металлическому фонду у Федеральных резервных банков соответствует большое количество банкнот в обращении. Оно достигало к концу 1920 г. 3,4 миллиарда долларов (на 29 октября 1920 г. — оно составляло 3,35 миллиарда долларов), а в течение 1921 г. в период дефляции упало почти на 1 миллиард долларов.

О той роли, которую играют федеральные резервные билеты в денежном обращении Соединенных Штатов, можно судить по следующим данным о распределении денежных знаков в этой стране на 1 июля 1914 г. и на 1 сентября 1925 г. [2]).

Общая сумма денежного обращения Соединенных Штатов слагалась из таких частей. Всего было: (См. табл. на стр. 370.)

Наряду с эмиссией банкнот крупной статьей пассивов Федеральных резервных банков являются депозиты. Депозиты не обнаруживают того падения, которое с 1921 г. наблюдается в сумме выпущенных билетов. Депозиты Федеральных банков состоят в преобладающей своей части из резервов, которые держат у них банки-члены согласно

---

[1]) Подробнее о расчетном золотом фонде см. Kemmerer, цит. соч. стр. 76 — 78.

[2]) „Federal Reserve Bulletin“, Oct. 1925.

	На 1 июля 1914 г.	На 1 сент. 1925 г.
Золота в слитках и монете .	611.515 тыс. дол.	416.348 тыс. дол.
Золотых сертификатов . . .	1.026.149 " "	1.036.243 " "
Серебряных долларов . . .	70.300 " "	54.173 " "
Серебряных сертификатов .	478.602 " "	396.700 " "
Казначейских билетов 1890 г.	2.428 " "	1.381 " "
Билонного серебра	159.966 " "	264.450 " "
Билетов С. Шт. (гринбеки).	337.845 " "	298.493 " "
Федеральных резервных билетов	—	1.629.927 " "
Федеральных резервн. банкнот	—	5.580 " "
Банкнот Национ. банков . .	715.180 " "	680.730 " "
Всего	3.402.015 тыс. дол.	4.784.025 тыс. дол.

банкового закона. Так, из общей массы депозитов на 30 ноября 1921 г. в 1.742,8 миллионов долларов, на долю резервных счетов банков-членов приходилось 1.670,4 миллиона долларов, а из общей массы депозитов на 16 сентября 1925 года в 2.230 миллионов долларов, на долю резервных счетов банков-членов приходилось 2.198 миллионов долларов. Отсюда следует, что рост депозитов в Федеральных резервных банках объясняется ростом депозитной операции в национальных банках и других банках, входящих в состав Федеральной резервной системы.

Для правильной оценки этих обязательных депозитов, состоящих на счетах Федеральных резервных банков, надо иметь в виду, что они в известной мере образуются из тех редитов, которые Федеральные банки открывают своим членам, и которые фигурируют на активе балансов Феде-

ральных резервных банков в приведенных выше сводных балансах, под статьей „векселей, учтенных от банков-членов". Однако, как можно видеть из сопоставления статьи учтенных векселей от банков-членов со статьей депозитов от банков-членов (на 16 сентября 1925 г. — первая составляла 487,9 миллионов долларов, а вторая — 2.197,6 миллиона долларов), банкам-членам лишь в небольшой степени приходится прибегать к кредитной помощи Федеральных резервных банков для того, чтобы ставить у них на счетах обязательные резервы. В виду этого у Федеральных банков образуются крупные свободные средства, которые они частью помещают в операциях „на открытом рынке" и в облигациях государственных займов Соединенных Штатов.

Литература к главе X.

1. *G. Obst*, Banken und Bankpolitik, Leipzig, 1909.

2. *G. Schwalenberg*, Die Bank von Frankreich und die deutsche Reichsbank, H. a. S., 1904.

3. *Dalberg*, Die neue deutsche Währung nach dem Dawes-Plan B. 1924.

4. *W. Spohr*, Die Neugestaltung der Deutschen Reichsbank, St., 1925.

5. *П. Гамбаров*, Двадцать пять лет деятельности Германского Имперского банка, Рига, 1902.

6. *A. Courtois-fils*, Histoire des banques en France, P., 1883.

7. *A. Sayckers*, Französische und deutsche Discontpolitik, L., 1910.

8. *Е. Эпштейн*, Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства, П., 1913.

9. *R. Hauser*, Die amerikanische Bankreform, Jena, 1914.

10. *H. P. Willis*, The Federal Reserve System, N.-Y., 1923.

11. *E. W. Kemmerer*, The ABC of the Federal Reserve System, Printon, 1922.

12. *E. A. Goldenweiser*, Federal Reserve System in operation, N.-Y., 1925

ГЛАВА XI.

Коммерческие банки за границей.

§ 1. Коммерческие банки в Англии. — Концентрация в банковом деле Англии. — Развитие депозитных банков. — Пять больших депозитных банков („The big five"). — § 2. Политика английских депозитных банков. — Теория *Вебера* и *Яффе* о „разделении труда" в английском банковом деле.—Истинные пределы этого разделения труда. — Изменения в кредитной политике английских депозитных банков, связанные с процессом концентрации.— § 3. Участие депозитных банков в финансировании мировой войны. — § 4. Банковая система Франции. — Роль частных банкиров во Франции до середины XIX в. — „Crédit Mobilier". — Три крупных депозитных банка Франции. — Политика этих банков до 1882 г. — Кризис 1882 г. и перемена в политике французских банков. — „Banques d'Affaires". — Влияние мировой войны на положение французских банков. — § 5. Коммерческие банки в Германии до мировой войны. — Процесс концентрации в банковом деле Германии. — Берлинские депозитные банки („Grossbanken"). — Политика германских депозитных банков и ее экономические предпосылки. — Эпоха финансового капитала в Германии. — § 6. Крушение германских банков в период инфляции. — Восстановление германской банковой системы в 1924—1925 г.г.

§ 1. Первый депозитный банк акционерного типа („Joint Stock Bank"), возник, как мы видели, в Лондоне в 1834 г. В провинциальных городах Англии акционерные банки стали возникать несколько раньше, после издания закона 1826 г., при чем провинциальные акционерные банки, Joint Stock Banks, имели и эмиссионное право и в первые годы широко его использовали. Лишь после издания акта 1844 г., когда эмиссионное право этих банков было ограничено, они стали более усиленно развивать свои депозитные опе-

рации и начали превращаться в чисто депозитные банки Акционерные коммерческие банки Англии—Joint Stock Banks—. стали оттеснять на задний план частного банкира, игравшего до того времени крупную роль на денежном рынке, и скоро заняли доминирующее положение в качестве посредников в кредите. Однако, до настоящего времени в Англии наряду с депозитными банками акционерного типа существуют и другие виды банковых посредников.

E. Jaffé делит существующие в настоящее время в Англии банки на следующие категории (банки Шотландии и Ирландии стоят особо) [1]:

1. Депозитные банки [2].
2. Частных банкиров.
3. Банкиров-торговцев („Merchant-bankers“).
4. Колониальные банки („Foreign and colonial Banks“).
5. Филиалы иностранных банков.

Кроме того, банковые операции производят маклерские фирмы: маклера по учету („Bill-Brokers“) и фондовые маклера („Stock-Brokers“).

Главное место среди этих банков, как мы сказали, занимают акционерные коммерческие, или *депозитные банки* („Joint Stock Banks“). Они работают почти исключительно на чужие деньги, на притекающие к ним вклады и текущие счета. Наиболее яркими фактами в развитии банкового дела Англии за последние 50—75 лет являются, с одной стороны, *общий рост операций* этих банков, а с другой—все растущая *концентрация* банковских предприятий.

---

[1] *E. Jaffé.* Das englische Bankwesen. 2. Aufl. L. 1910. См. также его статью: „Das englisch-amerikanische und das französische Bankwesen“ в „Grundriss der Socialökonomik“, V, Abt. II. Tübingen, 1915 и русскую статью: „История и современная организация английских кредитных банков“, в „Банковой энциклопедии“ под ред. Л. Н. Яснопольского, т. I. Киев. 1914 г.

[2] *Jaffé* делит депозитные банки на 3 разряда: лондонские, лондонские с отделениями в провинции и провинциальные. Однако, концентрация банков и постоянные слияния лондонских банков с провинциальными в общем, все больше и больше стирают различия между отдельными видами депозитных банков и приводят к выработке единого типа этого вида кредитных учреждений.

ГОД	Число бан-ков	Число отделений	Капитал и резервы	Депозиты	Пассив в целом	Наличность и суммы до востре-бования	Учет и ссуды	Ценные бумаги (Investments)
1847 [1]) . . .	—	—	—	8,8	—	—	—	—
1872 [1]) . . .	—	—	—	свыше 90	—	—	—	—
1882 [1]) . . .	—	—	—	„ 130	—	—	—	—
1890	104	2.203	67,8	368,7	464,1	84,0	260,5	182,8
1895	99	2.690	69,2	455,6	558,7	111,2	311.7	107,5
1900	77	3.757	78,8	586,7	698,8	144,4	395,3	127,8
1905	59	4.558	82,0	627,5	758,7	179,5	401,5	131,7
1910	45	5.202	80,9	720,7	862,1	199,7	467,9	137,7
1913	43	5.797	82,1	809,4	963,1	236,0	539,8	121,2
1915	37	6.027	81,7	992,6	1.146,8	262,5	503,6	310,8
1918	26	6.285	92,9	1.583,4	1.742,7	481,2	834,7	347,2
1920	20	7.257	128,2	1.961,5	2.200,3	449,2	1.263,1	368,7
1921	20	7.606	129,1	1.974,9	2.185,4	438,5	1.280,2	375,6
1922	20	7.840	129,1	1.834,0	2.056,2	423,1	1.102,6	424,4
1923	19	8.075	129,0	1.822,1	2.069,8	413,5	1.116,9	404,4
1924	18	8.264	132,1	1.813,5	2.085,0	437,9	1.132,1	361,4
1925	18	8.469	124,8	1.836,8	2.073,8	441,8	1.168,0	316,6

[1]) Данные за 1847, 1872, 1882 г.г. взяты из книги *Scharling'a:* „Bankpolitik“, Jena, 1900, стр. 36—37.

Об общем развитии операций депозитных банков Англии говорят следующие данные.

Сводный баланс депозитных банков Англии („Joint Stock Banks") выражался в таких цифрах (в конце года, в милл. ф. ст.) [1]) (См. табл. стр. 374.)

Как видно из этих данных, общее число депозитных банков уменьшилось в Англии с 1890 г. почти в 6 раз и, вместо 104 таких банков, которые там существовали 35 лет тому назад, их имеется теперь всего 18. Но в то же время число отдельных филиалов возросло с 2.203 до 8.469. В 1890 г. на каждый отдельный банк приходилось в среднем 22 филиала, а в 1925 г.—470 филиалов. В период мировой войны и в послевоенные годы процесс концентрации не прекратился. С конца 1913 г. число банков уменьшилось более, чем вдвое [2]).

В то же время мы на основании приведенных данных можем констатировать быстрое развитие операций депозитных банков и, в частности, рост притекающих к ним вкладов и текущих счетов. Общая сумма депозитов английских акционерных банков, которая в конце 40-х годов прошлого столетия составляла еще небольшую величину, выросла к концу 1925 г. до громадной цифры в 1,8 миллиарда фунтов стерлингов. С конца 1890 г. она возросла почти в 5 раз и сейчас превосходит сумму депозитов Английского банка больше, чем в 10 раз. Надо отметить, что в период войны и в первый послевоенный год рост депозитов вызывался в значительной степени моментами инфляции. Это можно видеть из следующего сопоставления. Вклады в депозитных банках Англии возросли в 1908—1913 г.г. с 648,6 м. ф. ст. до 809,4 м. ф. ст., или на 25%, в 1914—1919 г.г. с 809,4 м. ф. ст. до 1.874,2 милл. ф. ст., или на 130%, а в 1920—1925 г.г. они, наоборот, упали с 1.874,2 м. ф. ст. до 1.806,8 ф. ст. [3]) Резкий рост вкладов в годы войны, а затем приостановка их роста на ряд лет были связаны, как мы увидим дальше,

---

[1]) См. „The Economist", Banking Supplement, от 29 мая 1926 г.

[2]) Некоторые подробности о процессе концентрации за последние годы приводит *Fr. Burkart.* Die fünf grossen englischen Depositen-Banken (The big five), Basel, 1925, стр. 31—48.

[3]) Данные взяты из „The Economist" от 29 мая 1926 г., Bank. Suppl.

со специфическими явлениями финансирования войны. Однако, факт общего роста депозитов со второй половины XIX столетия сохраняет свое значение.

Концентрация депозитных банков в Англии, о которой мы говорили, представится в еще более ярком свете, если присмотреться к развитию некоторых отдельных банков этого типа. Дело в том, что в течение последних лет в Англии все более и более усиливается роль *5 крупнейших лондонских банков*, так наз. „big five" („биг-файв"). Эти 5 наиболее крупных банков Англии — следующие:

1) *Мидлэнд-банк* („Midland Bank"),
2) *Ллойдс-банк* („Lloyd's Bank"),
3) *Барклэйз-банк* („Barclay's Bank") и
4) *Вестминстерский-банк* („Westminster Bank") и
5) *Национально-провинциальный банк* („National Provincial Bank").

О месте, которое занимают эти банки в общей кредитной системе Англии, можно судить по следующим данным о состоянии их счетов от 31 декабря 1925 г. (в милл. ф. ст.) [1]:

	Число отделений.	Депозиты	Касса и тек. сч. в Англ. б.	Учет и ссуды	Баланс
Мидлэнд-банк . .	1.855	348,7	70,6	238,6	411,5
Ллойдс-банк . .	1.686	337,2	51,5	225,0	383,7
Барклэйз-банк. .	1.837	306,3	55,5	185,2	348,3
Вестминст. банк .	923	271,4	42,3	166,5	304,8
Национ. провинц. банк.	726	252,7	38,2	169,5	282,6
Итого по 5 банкам	7.027	1.516,3	258,1	984,8	1.730,9
В %,% к сводному балансу по 18 банкам [2]	83%	84%	—	84%	

[1]) Данные — из того же источника.

[2]) Балансы банков Шотландии и Ирландии в эти сводные балансы не входят.

Таким образом, в 5 крупнейших банках Англии к концу 1925 г. сосредоточивалось около 84% тех вкладов и текущих счетов, которые имелись во всех депозитных банках Англии. Каждый из них в отдельности имел значительно больше вкладов, чем Английский банк, а у двух из них, у „Мидлэнд-банка“ и „Ллойдс-банка“, сумма вкладов превосходила сумму вкладов Английского банка и его банкнот в обращении, взятых вместе. В то же время каждый из этих банков имел больше вкладов, чем все депозитные банки Шотландии, где в конце 1925 г. 8 депозитных банков имели вкладов на 240,9 милл. ф. ст., а также больше вкладов, чем банки Ирландии, где в конце 1922 г. 9 депозитных банков имели вкладов на 210,0 милл. ф. ст. [1]).

Бурный рост операций 5 депозитных банков привел к тому, что другие кредитные учреждения Англии, частные банкиры, „Merchants“, колониальные банки, также, в общем, сильно отстают от них в своих операциях и занимают по сравнению с ними подчиненное положение на денежном рынке. Так, достаточно, например, указать, что одна из крупнейших фирм типа „Merchant“, бр. Бэринг, которая сейчас превратилась в акционерный банк и публикует свои балансы, имела к концу 1925 г. вкладов на 26,4 милл. ф. ст., т.-е. в 12 раз меньше, чем средний из „биг-файв“, а из частных банкиров, публиковавших свои балансы, наиболее крупный („Blydenstein & Co“) имел вкладов на 13 милл. ф. ст.

У большинства этих банков, главным образом, у „Merchants“, основной операцией является, однако, операция *акцептная*. Они являются в этом смысле по преимуществу акцептными банками. Но акцептная операция, как мы выяснили выше, есть по существу незаконченная кредитная операция. Акцептные банкирские дома являются лишь гарантийными организациями. Для того, чтобы их акцепты имели хождение, необходимо, чтобы существовали банки, которые бы учитывали акцептованные ими тратты. Роль таких банков выполняют, очевидно, депозитные банки, и деятельность

---

[1]) „The Economist“, там же. Некоторые подробности о развитии „big five“ см. Burkart, цит. соч. стр. 52 сл.

„Merchant-Bankers“ и колониальных банков по акцепту тратт опирается в конечном счете на кредитные операции депозитных банков. Тем не менее интересно отметить, что акцептные операции достигают очень крупных размеров. По одной оценке, общая сумма акцептов лондонских акцептных и колониальных банков достигала накануне мировой войны 300—350 милл. ф. ст. [1]).

Чтобы оценить значение 5 главных депозитных банков в кредитной системе Англии, надо еще принять во внимание следующее обстоятельство. Одной из крупных особенностей кассовой практики английских банков является так наз. *система единого резерва* [2]). Она заключается в том, что банки обыкновенно держат свои свободные средства в Английском банке, и лишь небольшую часть своей кассы они держат у себя в виде наличных денег. Эта система единого резерва вызывает большие возражения, ибо вследствие такой организации кассового дела все банки Англии в случае финансового напряжения имеют только один источник для пополнения своих касс — Английский банк. В результате этой системы депозиты Английского банка складываются из двух частей, из сумм казначейства и некоторых других организаций („Public deposits“) и из „прочих“ вкладов („Other deposits“), при чем в составе этих „прочих“ вкладов главную часть составляют текущие счета банков. На 31 декабря 1924 г., напр., „общественные“ депозиты составляли небольшую сумму в 8,5 милл. ф. ст., „прочие“ же депозиты составили 165,8 милл. ф. ст. Балансы, которые английские банки публикуют, не дают возможности установить, какое место в составе депозитов Английского банка занимают текущие счета других банков. С одной стороны, Английский банк, который до 1875 г. показывал в своих балансах банковские текущие счета отдельно от текущих счетов других своих клиентов, затем отказался от этой практики и показывает их общей статьей. С другой стороны депозитные и другие банки также не отделяют в своих балансах свою наличность от своих текущих счетов

---

[1]) *Burkart*, цит. соч., стр. 23.

[2]) См. об этом у *Jaffé*, цит. сочинения.

в Английском банке. Таким образом, делается все, чтобы замаскировать эту сторону дела [1]). Тем не менее, если сопоставить цифру кассового остатка 5 депозитных банков с депозитами Английского банка, то нетрудно будет видеть, что „биг-файв“ являются главными вкладчиками Английского банка. В самом деле, в конце 1924 г. у этих пяти банков касса и текущие счета в Английском банке составили около 263 милл. ф. ст. Если даже принять, что только половина этой суммы, или около 130 милл. ф. ст. составляла текущие счета в Английском банке, то и тогда можно будет считать, что суммы 5 банков составляли около 4/5 всех депозитов Английского банка, достигавших на 31 декабря 1924 г. около 166 милл. ф. ст. Отсюда нетрудно сделать тот вывод, что Английский банк находится в довольно сильной зависимости от „биг-файв“, которые и являются, повидимому, главными его вкладчиками. Но эта зависимость является двусторонней, ибо и депозитные банки в свою очередь зависят от Английского банка, как последнего резервного источника, из которого они могут пополнять свои кассы. В то же время надо предполагать, что пополнение текущих счетов депозитных банков в Английском банке происходит большей частью при помощи тех кредитов, которые Английский банк открывает депозитным банкам [2]).

---

[1]) См. об этом *H. Withers.* Bankers and Credit. L. 1924. Стр. 29.

[2]) В этом отношении интересные выводы напрашиваются от сопоставления трех еженедельных балансов Английского банка, за 24 декабря и 31 декабря 1924 г. и за 7 января 1925 г. Эти балансы по „Банковому департаменту“ — имели следующий вид (в тыс. ф. ст). (См. табл. на стр. 380.)

Как видно из этих данных, в течение последней недели 1924 г. „прочие“ текущие счета в Английском банке испытали очень резкое повышение. *Они поднялись за одну неделю на 54,5 мил. ф. ст., т.-е. на 49%.* Но если посмотреть на активную сторону баланса, то можно заметить, что этот необычайный „приток вкладов“ почти не отразился на состоянии кассовой наличности „Банкового департамента“, которая возросла всего лишь на 1,5 мил. ф. ст. Почти не изменилось за это время и количество банкнот, выпущенных „Эмиссионным департаментом“, которое составляло по балансу за 24 декабря 1924 г. 146.437 тыс. ф. ст., а за 31 декабря 1924 г. — 146.485 тыс. ф. ст. Зато, с другой стороны, очень возросли 2 статьи актива банкового департамента, а именно, помещения в „Государственных ценных бумагах“ „Government securities“) на 26,7 мил. ф. ст. и помещения в „прочих цен-

Мы привели ряд данных о развитии депозитных бан-

Пассив	от 24 дек. 1924 г.	от 31 дек. 1924 г.	от 7 янв. 1925 г.	Актив	от 24 дек. 1924 г.	от 31 дек. 1924 г.	от 7 янв. 1925 г.
Основной капитал . . .	14.553	14.553	14.553	Госуд. цени. бум. . . .	41.920	68.580	51.665
Резервы	3.338	3.343	3.429	Прочие ценности . . .	83.590	103.600	75.657
Обществен. депозиты („Public deposits") . .	14.852	8.511	12.912	Банкноты	16.685	18.190	18.926
Прочие депозиты („Other deposits")	111.280	165.779	117.170	Золотые и серебряные монеты	1.837	1.824	1.826
Векселя на 7 дней и проч.	9	8	8				
	144.032	192.194	148.072		144.032	192.194	148.072

ков в Англии. Эти данные позволяют сделать тот вывод, что в результате процесса концентрации *банковое посредничество находится в настоящее время в Англии, главным образом, в руках 5 наиболее крупных банков („биг-файв“).*

Обращаясь к вопросу о тех причинах, которые вызвали процесс концентрации в банковом деле и привели к захвату денежного рынка Англии со стороны 5 депозитных банков, надо сказать, что в этом процессе раньше всего играли роль некоторые общие моменты развития народного хозяйства за последние полвека. В области банкового дела Англии, как и в области банкового дела других стран, мы наблюдаем проявление тех тенденций к поглощению крупными предприятиями средних и мелких, которые мы видим и в других отраслях хозяйства. К общим преимуществам крупного предприятия, которые в настоящих условиях дают ему возможность вытеснить мелкое, в банковом деле прибавляется, однако, еще то, что более крупный банк пользуется бо́льшим доверием со стороны вкладчиков. Еще *Жильбарт* указывал, что акционерные банки имеют то преимущество перед частным банкиром, что они дают вкладчикам большую уверенность в сохранности вклада и менее подвержены влиянию па-

---

ностях" („Other securities")—на 20 мил. ф. ст. Отсюда нетрудно сделать тот вывод, что рост вкладов в Английском банке в последнюю неделю 1924 г. являлся результатом кредитов, открытых этим банком своим вкладчикам. Нетрудно также догадаться, что в этой кредитной комбинации играют не последнюю роль депозитные банки, которые заключают свои счета и представляют собранию акционеров свои балансы от 31 декабря. Так как они в своих балансах показывают свои текущие счета в Английском банке, как кассовую наличность, то можно думать, что они и получали ссуды из Английского банка или непосредственно, или через „bill — brokers" для того, чтобы приукрасить свои балансы от 31 декабря, показав большую кассу, и тем доставить удовольствие своим акционерам, а также статистикам, старательно вычисляющим %% отношение „кассы" к обязательствам за 31 декабря каждого года. Нас не должно, конечно, при этом удивлять, что уже в балансе Английского банка от 7 января 1925 г. положение оказывается восстановленным. Вклады „прочие" опускаются до 117,2 мил. ф. ст., т.-е. падают за 1 неделю на 48,5 мил. ф. ст, а две первые статьи актива понижаются на 41,9 мил. ф. ст.

ники. [1]) И в самом деле, каков бы ни был по существу ликвидитет современного депозитного банка, — мы видели, что этот ликвидитет является весьма условным, — вкладчик в наше время более охотно помещает свои деньги в таком банке, чем у небольшого частного банкира. Вследствие этого частные банкиры не сумели выдержать конкуренцию с депозитными банками. Растущие депозиты стали сосредоточиваться в этих последних.

Однако, в Англии имелись еще и некоторые специальные причины, которые стимулировали процесс концентрации в банковом деле. В связи со специальным законодательством, как мы сказали, депозитные банки стали возникать в провинциальных городах Англии раньше, чем в Лондоне. Провинциальные депозитные банки пустили в своих районах глубокие корни. Но они не могли развиваться в достаточной степени в виду того, что они не имели базы в Лондоне. Это лишало их доступа к центру денежного рынка, где происходил сильный рост депозитов, и в то же время они были лишены доступа к лондонской „расчетной палате“ („Clearing-house“). Членами лондонской „расчетной палаты“ являлись старые частные банкиры и лондонские депозитные банки, которые не пускали туда провинциальные банки. Последние оказывались вынужденными производить расчетные операции через какой-либо из „клиринг-банков“. Вследствие этих неудобств, у провинциальных депозитных банков появилось стремление к тому, чтобы обосноваться в Лондоне и получить доступ в расчетную палату. С этой целью они стали покупать фирмы лондонских частных банкиров и небольших банков, владельцы которых под давлением конкуренции депозитных банков соглашались на слияние с провинциальными акционерными банками, отказывались от своей фирмы и стали превращаться из самостоятельных банкиров в акционеров и директоров депозитных банков. В то же время лондонские депозитные банки, по мере роста их операций, не могли удовлетворяться положением столичных банков, отрезанных от периферии. Они стремились к тому, чтобы связаться

---

[1]) Gilbart - Michie, цит. соч. Vol. I. Sect. VI.

с промышленными районами и иметь повсюду свои отделения. Для них было естественным итти к этому путем слияния с провинциальными банками, имевшими глубокие корни в провинции и большие сети филиалов. Стремление к тому, чтобы охватить своими городскими филиалами Лондон, приводило их к скупке оставшихся частных банкирских фирм [1]. Таким образом, Лондон и провинция двигались друг другу навстречу. Ряд слияний привел к образованию нынешних депозитных банков. Это происхождение крупных депозитных банков Лондона сказывается в том, что эти банки находятся и сейчас под известным влиянием провинции [2]. В правлениях лондонских „биг-файв", которые состоят из нескольких десятков человек, как говорят, большую роль играют провинциальные члены правления, представители тех групп акционеров, которые образовались при присоединении к данному банку того или иного провинциального банка.

Насколько интенсивен был процесс объединения банков, можно судить по тому, как строился крупнейший из депозитных банков Англии, — Мидлэнд-банк.

Этот банк, учрежденный в 1836 г. под названием: „Бирмингамского и Мидлэнд-банка", присоединил к себе:

в 1851 г.	—	1 банк	в 1899 г.	—	1 банк
„ 1862 „	—	1 „	„ 1900 „	—	1 „
„ 1883 „	—	1 „	„ 1901 „	—	2 „
„ 1889 „	—	2 „	„ 1905 „	—	1 „
„ 1890 „	—	3 „	„ 1908 „	—	1 „
„ 1891 „	—	2 „	„ 1910 „	—	1 „
„ 1892 „	—	1 „	„ 1913 „	—	2 „
„ 1893 „	—	1 „	„ 1914 „	—	1 „
„ 1894 „	—	1 „	„ 1917 „	—	1 „
„ 1896 „	—	1 „	„ 1918 „	—	1 „
„ 1897 „	—	3 „	„ 1920 „	—	1 „
„ 1898 „	—	2 „	„ 1921 „	—	1 „

---

[1]) Старейшими частными фирмами, которые существовали более 300 лет и дольше других сохранили свою независимость, были по словам Jaffé, „Child & Co" и „Hoare & Co". Child & Co сдалась в 1924 г., продав свою фирму одному из депозитных банков.

[2]) О процессе концентрации банков в Англии см. *Jaffé.* Das englische Bankwesen, 2-te Aufl. 1910. стр. 277 и сл., *Ad. Weber.* Depositenbanken und Speculationsbanken, 3-te Aufl M. u. L. 1922. Стр. 72 и сл., а также ст. *Ad. Weber*'а в H. S. W. 4-te Aufl. „Banken in der Volksw". IV. B.

а всего он проглотил за этот период 33 банка, при чем в связи с этими слияниями банк за это время 4 раза менял свое название. Другой депозитный банк, „Ллойдс-банк", с 1865 г. до 1924 г. присоединил к себе 53 банка, в том числе значительное количество лондонских банкирских домов. В 1923 г. с этим банком слились 2 частных банка [1]).

§ 2. Английская банковая система отличалась до последнего времени той особенностью, что депозитные банки занимались в Англии так наз. регулярными операциями, учетными и ссудными, и стояли в стороне от „иррегулярных" операций, грюндерства, учреждения новых предприятий и выпуска для этой цели акций и облигаций. Эти последние операции, которые производятся, как мы увидим дальше, в Германии депозитными банками, находятся в Англии в руках специальных „финансовых обществ", которые производят эмиссии и проводят ценные бумаги в публику через биржевых маклеров и так наз. promoters.

Вследствие этого обстоятельства, а также в связи с некоторыми другими моментами в немецкой банковой литературе— в особенности *Ад. Вебером* и *Э. Яффе* — проводится взгляд о существовании резкого различия между двумя банковыми системами, *английской* и *германской*. Английская система, говорят указанные авторы, это — система *разделения труда* в банковом деле. Депозитные банки сосредоточиваются здесь только на учетно-ссудных и акцептных операциях и занимаются лишь снабжением торговли и промышленности краткосрочным кредитом и оборотными капиталами. Операции долгосрочного промышленного кредита, снабжение предприятий основными капиталами, учреждение новых предприятий и расширение старых, все те операции, которые производятся при помощи выпуска акций и облигаций, и которые в Германии и в других странах осуществляются депозитными банками, в Англии, по мнению указанных авторов, до настоящего времени происходят помимо депозитных банков. Новые предприятия, говорят они, обычно возникают в Англии путем размещения акций среди пред-

[1]) Ст[illegible]

приятий, заинтересованных в получении соответствующих заказов. Так, напр., для того, чтобы могло возникнуть акционерное общество, которое имеет в виду организовать хлопчатобумажную фабрику, акции нового предприятия расписывают между собою фирма, занимающаяся постройкой, машиностроительное предприятие, которое занимается снабжением фабрики машинами, и, возможно, комиссионер, который занимается продажей изделий хлопчатобумажной фабрики. Эти лица и предприятия вкладывают свои капиталы в новое предприятие, чтобы обеспечить себе соответствующие заказы. А поскольку в том или ином случае приходится выпускать акции и облигации на широкий рынок, это осуществляется через упомянутые выше финансовые общества.

Яффе в одной из позднейших своих работ следующим образом описывает эту особенность английской и вместе с тем и амерканской банковской системы: „В Англии, как и в Соединенных Штатах,—говорит он,—опасностям, проистекающим от операций по выпуску ценных бумаг, естественно, выступающим в более сильной степени для банков, которые работают чужими деньгами, противодействовали тем, что эти банки ограничили свою деятельность исключительно предоставлением краткосрочного торгово-промышленного оборотного кредита, а образование основных капиталов промышленности, равно, как операции по иностранным и более рискованным займам, были предоставлены другим инстанциям. Это оказалось возможным потому, что на лондонской, как и на нью-иорской фондовых биржах существуют самостоятельные рынки капиталов, которые в большой мере функционируют независимо от банков и которые сами могут, таким образом, удовлетворить спрос на заемные средства путем непосредственного привлечения публики, чем, впрочем, объясняются крупные неустройства в англо-американском эмиссионном деле“ [1]).

В то же время, как указывает Яффе, депозитные банки Англии не занимаются финансированием операций по внешней

---

[1]) *E. Jaffé*. „Das englisch-amerikanische und das französiche Bankwesen“. Grundriss der Socialökonomik. V. II. Tüb. 1915. Стр. 196.

торговле, и это дело сосредоточено в руках „Merchants“ и специальных колониальных банков [1]).

По поводу всей этой концепции о „разделении труда“ в английском банковом деле и о полной противоположности между практикой английских и германских депозитных банков, я хотел бы, однако, высказать следующее. Бесспорным, повидимому, является тот факт, что в тот период, о котором идет речь, т.-е. в последние 1—2 десятилетия перед мировой войной, английские депозитные банки, действительно, старались держаться несколько в стороне от биржевой спекуляции, и не занимались непосредственно организацией новых предприятий и всякого рода грюндерством, оставляя эту деятельность на долю специальных финансовых обществ. Верно, повидимому, и то, что английские банки, в отличие от германских, не стремились к тому, чтобы овладевать промышленными предприятиями и выступать открыто в качестве их хозяев. В этом смысле между практикой английских и германских депозитных банков, действительно, существовало коренное различие.

Несмотря на это, едва ли, однако, было бы правильно думать, что современные английские депозитные банки стоят, вообще, в стороне от промышленности и не снабжают ее основными капиталами и долгосрочными кредитами. Идиллическое представление об английских депозитных банках, которые идут будто бы только на верные дела и ограничиваются исключительно операциями по снабжению предприятий краткосрочным оборотным кредитом, быть может, правильно характеризует лондонские депозитные банки 70-х и 80-х годов прошлого столетия, т.-е. того периода, когда эти банки не занимали еще доминирующего положения на денежном рынке, и когда наряду с ними крупную роль играли частные банкиры и провинциальные банки. Однако, для последних 2—3 десятилетий, когда процесс концентрации сделал такие крупные шаги и банковое дело стало сосредоточиваться в руках „биг-файв“, эта картина едва ли в достаточной мере точна. Скорее можно думать, что, по мере роста английских депо-

---

[1]) Там же, стр. 200—202.

зитных банков, они все больше и больше стали заниматься операциями по снабжению промышленности долгосрочными кредитами для образования основных капиталов предприятий и что в настоящее время они не меньше заинтересованы в делах промышленности, чем современные депозитные банки других стран. Их отличие от германских депозитных банков заключается, как я думаю, не столько в том, что они воздерживаются от помещения своих средств в промышленных предприятиях, сколько в том, что они помещают средства в промышленность в нескольких иных формах, чем это делают германские депозитные банки. Такой вывод, раньше всего, напрашивается из ряда фактов, сообщаемых самим же Яффе, а также Ад. Вебером, и в особенности подсказывается следующими двумя моментами. Во-первых, Яффе указывает, что принцип „разделения труда" в полной мере практиковался лишь лондонскими депозитными банками. „В противоположность лондонским банкам, — читаем мы у него: — которые всегда ссужали свои деньги лишь под верное обеспечение, именно провинциальные банки ближайшим образом содействовали развитию экономической предприимчивости населения и путем развития сссудной операции по текущему счету (контокоррент), отчасти путем предоставления бланковых кредитов (overdrafts, cash-credits) — дали возможность и менее состоятельным промышленникам и купцам обосноваться и расширить свои предприятия" [1]. „Причину различного направления банковой политики нужно прежде всего, искать в том, что при менее развитом разделении труда в провинции, где недостаточно специальных банковых учреждений, как Foreign Banks — ведущих дела с заграницей, Merchant-Bankers — обслуживающих торговлю и т. п., — функции этих учреждений приняли на себя депозитные банки, между тем как в Лондоне имеет место соответственное разделение труда, при чем рискованные операции выпадают на долю тех, которые, работая больше собственным капиталом, могут взять на себя и более значительный риск" [2].

[1] *E. Jaffé*. „История и соврем. орган. английских кредитных банков". Банковая Энциклопедия. Т. 1. Киев. 1914. Стр. 61.

[2] Там же, стр. 62.

Однако, как мы видели выше, процесс концентрации привел к объединению лондонских и провинциальных банков. Вместе с тем, он должен был устранить различие между двумя направлениями в политике английских депозитных банков. Какая же политика взяла верх при процессе слияний? Есть все основания предполагать, что верх взяла политика провинциальных банков и что во всяком случае в провинциальных отделениях депозитных банков продолжается та же политика в области кредита, которая там велась тогда, когда провинциальные депозитные банки существовали самостоятельно. Английская промышленность сосредоточена, главным образом, в провинции и на финансовых отношениях с промышленностью не может не сказываться политика провинциальных отделений банка. Один из 5 больших депозитных банков Англии. „Мидлэнд-банк", имел к концу 1924 г. около 1400 отделений в провинции, и потому можно думать, что значительная часть тех 191 м. ф. ст., которые значились на его балансе от 31 дек. 1924 г. в виде „ссуд клиентам и разных счетов", является ссудами промышленным предприятиям.

С другой стороны, нельзя не отметить, что и биржевые операции отнюдь не проходят без участия депозитных банков. Правда, депозитные банки в Англии не занимаются операциями по выпуску акций и облигаций, и это дело находится в руках специальных посредников („Jobbers" и „Brokers"), но эти посредники широко пользуются кредитами в банках под залог этих ценностей. Таким образом, депозитные банки помещают свои деньги в ценных бумагах через посредство биржевых маклеров. *Яффе* сам указывает, что связь между банками и фондовой биржей по мере слияния лондонских и провинциальных банков становится все теснее и что эти операции колоссально растут в виду того, что банки ищут помещения для растущих депозитов и не могут удовлетвориться только теми возможностями, которые им дает операция по учету векселей. Он приводит ряд выдержек из „Economist"'а и других английских изданий, в которых указывается на участие банков в биржевых операциях [1]).

[1]) *E. Jaffé*. Das englische Bankwesen. 2-te Aufl. L. 1910. Стр. 122.

Он отмечает, что и при учреждении новых акционерных предприятий акционеры закладывают свои акции в банках [1]. И в этом случае образование основного капитала происходит, таким образом, при помощи банковского капитала. Между тем, Яффе не дооценивал все эти факты и не замечал того, что они все *указывают на участие английских депозитных банков в снабжении промышленности основными капиталами* и в предоставлении ей долгосрочных кредитов.

В то же время едва ли можно думать, что английские депозитные банки сейчас, так же как 20—30 лет тому назад, стоят в стороне от финансирования внешней торговли Англии. Удельный вес специальных банков, „Foreign banks", „Merchant Bankers" и т. д. на денежном рынке Англии уже не настолько велик, чтобы они могли справиться с этим основным делом Англии без помощи депозитных банков. Да это и не согласуется с рядом известных фактов об участии „big five" в финансировании отдельных отраслей внешней торговли Англии. В то же время вся акцептная операция „Merchant"ов, как мы уже отмечали, базируется на депозитных банках. Векселя, акцептованные этими банками, учитываются, несомненно, в большей своей части в депозитных банках, и деньги этих последних в конечном счете идут на финансирование внешней торговли.

Вот почему, я думаю, что „разделение труда" в банковом деле Англии относится к области более или менее отдаленного прошлого и что в настоящее время депозитные банки Англии помещают свои капиталы как в краткосрочных учетно-ссудных операциях, так и в более долгосрочных операциях по снабжению промышленности основными капиталами, а также в операциях по внешней торговле, хотя и проводят эти последние операции частью в форме финансирования посреднических брокерских фирм.

§ 3. Для оценки современного положения английских депозитных банков необходимо еще иметь в виду, что эти банки, как и депозитные банки других стран, отдали дань военному хозяйству и завязали значительные средства в опе-

---

1) Там же, стр. 129.

рациях по финансированию войны. Общий размер средств, помещенных 18 депозитными банками в ценных бумагах, как можно видеть из таблицы на стр. 374, составлял:

31	дек.	1913	г. —	121,2	мил.	ф.	ст.
„	„	1915	„ —	310,8	„	„	„
„	„	1918	„ —	347,8	„	„	„
„	„	1922	„ —	424,4	„	„	„
„	„	1923	„ —	404,4	„	„	„
„	„	1924	„ —	361,4	„	„	„
„	„	1925	„ —	316,6	„	„	„

Портфель собственных ценных бумаг непрерывно возрастал до 1922 г. Затем он стал сокращаться в связи с политикой дефляции, т.-е. выкупа части краткосрочного долга, которую проводило английское правительство [1]). Преобладающая часть портфеля ценных бумаг, находящихся в депозитных банках, приходится на английские займы, главным образом, военные. Так, по балансам от 31 дек. 1924 г. из общей суммы ценных бумаг в 361,4 мил. ф. ст. на долю займов британского правительства приходилось не меньше 298,6 мил. ф. ст. [2]). В частности у „Мидлэнд-банка" по балансу от 31 дек. 1924 г. из общей суммы ценных бумаг в 42,7 мил. ф. ст. числились на 41,5 „военного займа, военных облигаций и прочих краткосрочных бумаг британского правительства", у „Westminster Bank" на то же число по статье „военный заем и другие ценности Британского правительства или им гарантированные" значилось 51,8 мил. ф. ст. из общей суммы 53,3 мил. ф. ст., помещенных в ценных бумагах [3]).

Как видно из этих данных, суммы, помещенные в облигациях военных займов и других бумагах английского правительства составляли к концу 1924 г. около 300 мил. ф. ст., т.-е. около 15% сводного баланса и около 27% сумм, помещенных в ссудах. Однако, можно думать, что и в составе ссудных операций часть средств была также помещена в опера-

---

[1]) См. речь *Мак-Кенна* на общем собрании акционеров Мидлэнд-банка в 1923 г. Bankers Magazine, 1923, March.

[2]) См. „Economist" от 9 мая 1925 г.

[3]) Цифры взяты из балансов соответствующих банков.

циях с ценными бумагами. Общее участие депозитных банков в финансировании английского казначейства было, таким образом, к этому времени еще более значительным.

§ 4 [1]). Во Франции современное банковое дело ведет свое начало от Наполеона I, ибо кредитные учреждения дореволюционного времени погибли в период ассигнаций. В качестве эмиссионного банка, как мы видели, сейчас во Франции занимает монопольное положение „Французский банк". Наряду с ним до середины XIX века видное положение в качестве посредников в кредите занимали частные банкиры. В Париже существовало около 40—50 банкирских домов, среди которых главную роль играли Ротшильды. В 20—40-х годах XIX столетия *Ротшильды* и другие банкиры принимали деятельное участие в организации предприятий, в частности по постройке железных дорог, разработке руд и т. д., вели широкие операции по размещению государственных займов, французских и иностранных. Они составляли своего рода финансовую олигархию („Haute Banque"), которая держала в своих руках финансы страны. В 30-х годах стали появляться небольшие учетные конторы, которые, однако, погибли во время революции 1848 г.

В 50-х годах прошлого столетия во Франции начался период бурного промышленного подъема и усиленного железнодорожного строительства. Потребовалась мобилизация громадных капиталов. Частные банкиры, в том числе Ротшильды, не обладали такими средствами, которые соответствовали бы новым потребностям хозяйства. Кроме того, они, вообще, после некоторых неудач держались в стороне от железнодорожного и промышленного грюндерства. Потребовались новые формы банковой организации. В этой обстановке *братья Эмиль и Исаак Перейра*, известные как последователи

---

[1]) О французских банках см. *B. Mehrens:* „Die Entstehung und Entwicklung der grossen französischen Kreditinstitute", St. u. B. 1911., *Eug. Kaufmann:* „Das französische Bankwesen", Tüb., 1911., *C. Hegemann:* „Die Entwicklung des französischen Grossbankbetriebes", Münster i. W. 1908., *W. Huth:* „Die Entwicklung der deutschen und französischen Grossbanken", B. 1918; на русском языке—*E. Kaufmann:* „Депозитные и финансовые банки во Франции", в „Банковой Энциклопедии", Киев, 1914. т. I.

Сен-Симона, основали в 1852 г. специальный банк „Crédit Mobilier" („Société générale du Crédit Mobilier"), который послужил образцом для ряда учреждений этого рода.

„Crédit Mobilier" был учрежден в качестве акционерного банка с весьма крупным по тому времени основным капиталом в 60 мил. фр. Предполагалось, кроме того, выпустить облигации на 600 мил. фр., но на это не было получено разрешения правительства. Задача банка заключалась в том, чтобы содействовать учреждению новых предприятий и оказывать им финансовую поддержку. Банк и занялся широким учредительством, финансированием железнодорожного строительства во Франции и за границей. До 1860 г. Crédit Mobilier участвовал в финансировании постройки железных дорог за границей свыше, чем 10.000 километров; в том числе банк участвовал в „Российском Обществе железных дорог". В конце 1855 г., когда Crédit Mobilier был в периоде своего высшего расцвета, портфель его собственных ценных бумаг достигал 101 мил. фр., при общей сумме помещений в 193 мил. фр., а в 1862 г. собственные бумаги достигли уже суммы 143 мил. фр. при акционерном капитале в 60 мил. фр.[1]). В то же время Crédit Mobilier не обращал особого внимания на банковские операции в собственном смысле слова: он не развивал ни депозитную операцию, работая на акционерные капиталы и на свободные средства связанных с банком обществ, ни учетно-ссудные операции. Прибыли банка также получались, главным образом от „иррегулярных операций".

Как видно из вышесказанного, „Crédit Mobilier" *представлял собою тип банка, прямо противоположный английскому депозитному банку того времени*, поскольку последний работал почти исключительно на чужие средства и держался в стороне от грюндерства, занимаясь лишь регулярными операциями по краткосрочному кредиту.

„Crédit Mobilier" просуществовал недолго. В первые годы его дела шли блестяще, он выдавал громадные дивиденды, но затем наступила заминка. В 1867 г. банк приостановил платежи, и обратился за помощью к „Banque de France".

---

[1]) *Eug. Kaufmann.* Das französische Bankwesen. Tüb., 1911. Стр. 14—15.

Последний пришел ему на выручку, но потребовал ухода братьев Перейра. Crédit Mobilier, как крупный финансовый институт, перестал существовать. В 1871 г. произошла реорганизация этого учреждения, но и в новом виде банк не имел успеха, а в 1902 г. он был окончательно ликвидирован [1]).

Причина неуспеха Crédit Mobilier лежала, несомненно, в том, что он поместил в долгосрочных операциях слишком большую часть своих средств и не позаботился должным образом о ликвидности своего актива. Но наряду с этим известную роль в этом неуспехе, повидимому, сыграли отдельные неудачные операции. Наконец, не последнюю роль во всем этом играла конкуренция частных банкиров и, в первую очередь, Ротшильдов, которые вели против этого банка упорную кампанию.

Неудача Crédit Mobilier не приостановила процесса организации других учреждений этого рода как во Франции, так и в других странах.

Во Франции в конце 50-х годов и в начале 60-х годов XIX столетия возник ряд банков двоякого типа. К первому типу относятся банки, которые включали в круг своей работы почти исключительно регулярные банковские операции и хотели итти по пути английских депозитных банков. К этому типу банков относится основанный в 1859 г. банк „Crédit Industriel & Commercial" и созданный при его содействии в 1863 г. банк: „Société de Depôts et Comptes Courants". Наряду с этими банками около того же времени возникло несколько банков другого типа, которые хотели руководиться в своей деятельности принципом работы „Crédit Mobilier". Эти банки, к числу которых относится *„Société Générale* pour favoriser le developpement du commerce et de l'industrie en France" (сокращенно называемый: „Société Générale"), основанный в 1864 г., *Лионский кредит* („Crédit Lyonnais"), основанный в 1863 г., поставили перед собой двойную задачу: они, с одной стороны, желали концентрировать в своих руках депозиты и произво-

---

[1]) **Там же**, стр. 16. См. также специальное исследование о Crédit Mobilier *J. Plenge*, Die erste Anlagebank. Gründung und Geschichte des Crédit Mobilier. Essen a. d. Ruhr. 1921. (1-е изд. 1903).

дить обычные учетно-судные операции, а, с другой стороны, хотели вести широкие операции по учреждению и поддержке всяких предприятий[1]).

Последние два банка: *„Societé Générale“* и *„Credit Lyonnais“*, а также третий банк, основанный несколько раньше при поддержке правительства и лишь затем освободившийся от связывавших его по уставу ограничений, „Comptoir d'Escompte“ (в настоящее время *„Comptoir National d'Escompte de Paris“*), постепенно развиваясь, захватили центральное место на денежном рынке Франции и представляют собой сейчас 3-х китов французской банковой системы. Эти 3 банка занимают, в общем, такое же положение во Франции, какое занимает в Англии „big five“. Вместе с тем, история развития этих трех банков является в значительной степени историей развития коммерческого кредита Франции в целом.

„Société Générale“ и „Лионский Кредит“, из которых первый банк возник отчасти, как конкурент „Crédit Mobilier“, уже терявшего к этому времени почву, хотели быть банками „смешанного“ типа и заниматься как регулярными, так и иррегулярными банковскими операциями. В отличие от „Crédit Mobilier“, они не хотели ставить свои регулярные операции в подчиненное положение по отношению к грюндерству, а в частности придавали большое значение привлечению вкладов и текущих счетов. Такую линию проводил, в особенности, „Лионский Кредит“. Его руководитель *Анри Жермен* заявлял, что этот банк только в том случае может развиваться, если ему будет обеспечено постоянное количество нормальных банковских операций[2]). Однако, в работе этих банков брала верх то одна, то другая сторона их двойственной природы. В первое время в их деятельности преобладали учетно-ссудные операции. Операции с ценными бумагами сводились, главным образом, к выпуску облигаций государственных и коммунальных займов. К концу 70-х годов положение изменилось. В это время, в течение 1879—1881 г.г., Францию охватила грюндерская горячка, и банки приняли очень деятельное участие в общем биржевом ажиотаже. У „Лионского Кре-

[1]) *Mehrens.* указ. соч., стр. 106 и сл.

[2]) Там же, стр. 122—123.

дита" ценные бумаги на собственном счету составляли на балансе к концу 1878 г. — 1,7 милл. фр.; к концу 1879 г. они выросли до 22,5 милл. фр., а к концу 1881 г.— до 48,5 милл. фр. За 2 года, с апреля 1879 г. до марта 1881 г., этот банк увеличил свой основной капитал с 75 милл. фр. до 200 милл. фр. и в то же время его резервы выросли в результате курсовых разниц с 25 милл. фр. до 80 милл. фр.[1]).

Грюндерская горячка этого периода закончилась во Франции в 1882 г. грандиозным крахом, который оказал серьезное влияние на дальнейшее развитие банковского дела. Толчком к краху послужило банкротство одного из крупных спекулятивных банков, основанного в 1878 г. „Union Générale". Это банкротство, связанное со спекуляцией на собственных акциях, вызвало резкое падение курса биржевых бумаг. В один день, 19 января 1882 г. курсовая стоимость бумаг, котировавшихся на парижской бирже, упала более, чем на 4 миллиарда франков. На этом очень сильно пострадали также банки „Лионский Кредит" и „Société Générale", которые потом в течение ряда лет должны были списывать убытки от этих операций [2]).

Крах 1882 г. вызвал серьезную перемену в политике „Crédit Lyonnais" и „Société Générale", которые с того времени решили вступить на путь добродетели и держаться подальше от грюндерских операций, сосредоточив свою деятельность на регулярных банковских операциях. Эта перемена нашла свое отражение в ряде заявлений руководителей этих банков. Так, в отчете „Crédit Lyonnais" за 1901 г. было сказано: „Нам часто рекомендуют участвовать в промышленных предприятиях. Это было бы, действительно, хорошо, но даже наилучше задуманные, наилучше управляемые промышленные предприятия несут с собой известный риск, который мы бы считали несовместимым с безопасностью, необходимой при помещении капиталов депозитного банка. С другой стороны, для того, чтобы промышленное предприятие стало на ноги и начало давать те доходы, которые от него можно

---

[1]) Там же, стр. 184—185.

[2]) *C. Hegemann.* „Die Entwicklung des französischen Grossbankbetriebes". Münst. i. W. 1908. Стр. 17—19.

ожидать, необходимо всегда более или менее продолжительное время. Нельзя рассчитывать на возможность реализации актива какого-либо промышленного предприятия для покрытия требований по бессрочным вкладам“ [1]).

Председатель „Société Générale“ на общем собрании акционеров 1904 г. высказался приблизительно в том же смысле: „Мы уже много лет,—сказал он,—держимся того взгляда, что если не единственная, то во всяком случае главная задача нашего банка заключается в производстве банковских операций. банковских в собственном смысле этого слова“ [2]).

Третий крупный французский банк „Comptoir d'Escompte“ вышел из кризиса 1882 г. без убытков, но он позднее занялся весьма рискованными спекуляциями с оловом и медью и в результате этого в 1889 г. оказался не в состоянии выплачивать вклады. Банкротство этого банка было предотвращено благодаря вмешательству министра финансов Рувье, который предложил другим банкам притти на помощь „Comptoir d'Escompte“. „Banque de France“ дал „Comptoir d'Escompte“ на выплату депозитов 140 милл. фр. под гарантию других банков. „Comptoir d'Escompte“ потерял на операциях с медью 155 милл. фр. и на операциях с оловом — 22 милл. фр. В связи с этими событиями, „Comptoir d'Escompte“ был реорганизован, получил новое название: „Comptoir National d'Escompte“ [3]). После реорганизации этот банк стал также держаться несколько в стороне от промышленного грюндерства, сосредоточившись на регулярных банковских операциях.

Чтобы правильно оценить политику трех крупных французских депозитных банков за последние десятилетия до мировой войны, необходимо, однако, иметь в виду, что эта политика определялась в значительной мере общим развитием хозяйственной жизни Франции за этот период. Народное хозяйство Франции развивалось за это время очень медленно. Промышленность находилась в стационарном положении. Капиталы помещались преимущественно в государственных

---

[1]) Там же, стр. 51. См. также нашу книжку: „Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции“. М. 1912. Стр. 132 и сл.

[2]) *Hegemann*, стр. 51.

[3]) *Mehrens*, стр. 202—208.

бумагах. В таких условиях и депозитные банки не занимались помещением своих средств в основных капиталах промышленности. Они также интересовались, главным образом, облигациями государственных и коммунальных займов и вели свои операции с ценными бумагами преимущественно в этой области. Дело было, поэтому, не столько в принципах банковой политики, сколько в обстановке хозяйственного развития страны. Там, где промышленность слабо растет, у банков нет импульсов к тому, чтобы итти к ней со своими капиталами. Этим и объясняется, что французские банки стояли несколько в стороне от промышленного грюндерства, хотя, с другой стороны, весьма возможно, что и политика банков могла являться одной из причин слабого развития французской промышленности в эти годы.

Указанные 3 депозитных банка: „Société Generale", „Crédit Lyonnais" и „Comptoir National d'Escompte", как мы сказали занимают в настоящее время главное место в банковой системе Франции. Их политика, политика относительной осторожности и производства по преимуществу регулярных банковских операций накладывает главный отпечаток на банковую систему Франции. Однако, необходимо иметь в виду, что наряду с этими депозитными банками, работающими, главным образом, с чужими капиталами, во Франции и в настоящее время имеется и другой тип банков, более приближающийся по своему характеру к типу старого „Crédit Mobilier". Это так называемые „*Banques d'affaires*". Наиболее значительными из них являются: „*Banque de Paris et des Pays Bas*", „*Banque de l'Union Parisienne*" и „*Banque Française pour le Commerce et l'Industrie*". Эти банки работают преимущественно с собственными капиталами и производят в широких размерах операции по выпуску ценных бумаг.

Для характеристики банкового дела Франции приведем некоторые данные о развитии операций 3-х депозитных банков. (См. след. стр.).

Как видно из этих данных, общая сумма депозитов в 3-х крупнейших французских банках составляла к концу 1913 г. около 5.446 милл. фр. Они превосходили собственные капиталы этих банков почти в 5,5 раза. Иной вид имеют

Состояло в конце года (в милл. фр.) [1]):

	Crédit Lyonnais:		Société Générale:		Comptoir National:	
	Собств. капит в.	Депозитов.	Собств. капит-в.	Депозитов.	Собств. капит-в.	Депозитов.
1880 . .	80	384	73	334	100	235
1890 . .	159	677	73	358	42	210
1900 . .	350	1.177	99	597	166	526
1909 .	390	1.851	263	1.380	234	1.102
1913 . .	415	2.221	374,5	1.811	238	1.414
1918 . .	425	2 725	—	—	—	—
1923 .	450	5.380	—	—	322,5	4.130

балансы банков другого типа, так наз. „Banques d'affaires". Так, второй по величине из этих банков: „Banque de l'Union Parisienne" при общем балансе от 31 дек. 1923 г. в 854 милл. фр. имел собственный капитал в 242 милл. фр., а вкладов всего на 529 милл. фр. Его вклады превышали, таким образом, его собственные средства лишь в 2—2,5 раза.

Война и связанная с нею инфляция задержали развитие французских депозитных банков и ухудшили их положение. Это можно видеть из данных о развитии операций „Лионского кредита". Общий баланс этого банка составлял [2]):

31 дек. 1913 г. . . . . 2.834 милл. фр.
„ „ 1915 г. . . . . 2.258 „ „
„ „ 1917 г. . . . . 2.986 „ „
„ „ 1919 г. . . . . 4.940 „ „
„ „ 1921 г. . . . . 5.278 „ „
„ 1923 г. . . . . 5.989 „ „
„ „ 1924 г. . . . . 5.872 „ „

Баланс банка, таким образом, возрос с 1918 г. до 1925 г. почти вдвое, при чем этот рост приходится, главным образом, на

[1]) Данные за 1880—1909 г. взяты из книги *Kaufmann'a* „Das franz. Bankwesen", стр. 356, за 1913 г.—из H. S. W. 4-te Aufl. „Die Banken in d. Volksw." VIII, II, за 1918 и 1923 г.—из „The Statist" от 8 ноября 1924 г.

[2]) Данные взяты из Statist'a от 8 ноября 1924 г. и от 7 ноября 1925 г.

1918—1921 г.г., т.-е. на годы сильного обесценения франка. Но все же рост операций банка в бумажных франках сильно отстал от падения курса самого франка, который за это время уменьшился в 3—3,5 раза, и общие размеры баланса „Лионского Кредита", выраженные в золоте, таким образом, значительно сократились. Однако, еще большее значение в смысле ухудшения положения французских банков имеет другой факт, который, правда, нельзя установить на основании публикуемых в балансах цифр, но который, повидимому, тем не менее имел место. Мы говорим о факте переполнения портфеля депозитных банков облигациями долгосрочных и краткосрочных военных займов. Мы видели, что в английских депозитных банках в конце войны застряло значительное количество этих бумаг. Не подлежит сомнению, что и во французских банках бумаги этого рода составляют большую часть учетного материала. Но если в Англии в виду восстановления бюджетного равновесия и восстановления курса валюты это обстоятельство не представляет особенной угрозы для положения банков, то во Франции дело обстоит иначе. Судьба французского франка еще пока не определилась, а, вместе с тем, остается неопределенной и судьба депозитных банков, портфели которых заполнены облигациями государственных займов.

§ 5. Германия имела перед мировой войной очень развитую систему коммерческого кредита [1]). Наряду с эмиссионными банками, о которых у нас была речь выше, и 40 ипотечными банками в Германии в конце 1913 г. было 160 коммерческих банков („Kreditbanken"), в том числе 9 берлинских и 151 провинциальный банк. В Германии рано начался процесс концентрации в банковом деле, который продолжался и во время войны. В результате этого процесса число банков

---

[1]) Из обширной литературы о германских банках назовем, кроме упомянутых уже в настоящей главе книг, *работы G. v. Schulze-Gaevernitz'а* „Die deutsche Kreditbank", Tüb. 1922, *Riesser'a:* „Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Grossbanken", 2-е изд., Jena, 1906, *O. Jeidels'a*: „Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie", 2-te Aufl., 1913, *H Sattler'a*: „Die Effektenbanken", 1890, *L. Metzler'a*: „Studien zur Geschichte des deutschen Effektenbankwesens", L. 1911, *J. Loehr'a*: „Das deutsche Bankwesen", M. 1921.

во время войны сильно сократилось. К концу 1920 г. в Германии было уже только 105 коммерческих банков, в том числе 8 берлинских крупных банков („Grossbanken").

Эти 8 банков: 1) Deutsche Bank, 2) Disconto-Gesellschaft, 3) Dresdner Bank, 4) Bank für Handel und Industrie („Darmstädter Bank"), 5) Commerz-und-Privat Bank, 6) Nationalbank für Deutschland, 7) Berliner Handelsgesellschaft и 8) Mitteldeutsche Creditbank — занимали в Германии главное место на денежном рынке [1]). Их положение приблизительно соответствовало положению, какое занимали в Англии „биг-файв" и во Франции 3 крупнейших депозитных банка, хотя на долю провинциальных банков приходилось в Германии сравнительно больше операций, чем в Англии. Это можно видеть по следующим данным.

К концу 1913 г. всего состояло (в миллионах марок) [2]):

	В 9 берлинских банках („Grossbanken")	В 151 провинциальных банках:
акционерных капиталов	1.250	1.748
резервных капиталов	385	356
на счетах кредиторов	2.894	2.355
депозитов	2.254	2.138
всего чужих денег	5.148	4.493

Таким образом, накануне войны 9 берлинских „Grossbanken" имели в своем распоряжении приблизительно столько же средств сколько 151 провинциальный банк.

За последние 10 лет до войны чужие средства, которыми оперировали депозитные банки Германии, нарастали

[1]) В 1921 г. „Bank für Handel und Industrie" слился с „Nationalbank für Deutshland" под общим названием „Darmstädter und Nationalbank".

[2]) Эти данные, как и приводимые ниже, взяты из издания журнала „Der deutsche Economist": „Die deutschen Banken im Jahre 1920".

следующим образом. Они составляли (по статьям депозитов и кредиторов, в милл. мар.):

	По всем банкам:	В том числе по берлинским банкам:
В конце 1901	4.356,0	2.642,7
„ „ 1905	5.298,4	3.212,5
„ „ 1906	6.304,8	3.739,5
„ „ 1907	6.625,5	3.669,6
„ „ 1908	7,256,1	3.699,8
„ „ 1909	8.112,7	4.173,3
„ „ 1910	9.123,1	4.881,9
„ „ 1911	9.413,1	4.969,3
„ „ 1912	9.360,0	4.919,6
„ „ 1913	9.641,6	5.148,6

Как видно из этих данных, общая сумма чужих средств, которыми оперировали германские банки, увеличилась за это десятилетие более, чем вдвое, при чем провинциальные банки за этот период, в общем, не отставали от берлинских банков в области привлечения средств.

Необходимо еще отметить, что в составе берлинских банков в свою очередь выделялись 4 банка, которые были известны под названием „D“-Banken (их названия начинались с буквы „Д“). Это — „Deutsche Bank“, „Disconto-Gesellschaft“, „Dresdner Bank“ и „Bank für Handel und Industrie („Darmstädter Bank“).

Первые германские депозитные банки („Bank für Handel und Industrie“, „Disconto-Gesellschaft“) возникли в 50-х годах прошлого столетия. Расцвет этих учреждений приходится, однако, на период 70-х и 80-х годов, когда в Германии после франко-прусской войны начался общий подъем промышленности. Германские депозитные банки, в общем, на протяжении всего периода времени своего существования до начала мировой войны придерживались принципа комбинации регулярных и иррегулярных операций („Arbeitsvereinigung“). Они производили в широком размере операции по учету векселей и выдаче ссуд, но, вместе с тем, вели широкую работу по выпуску ценных бумаг, организации и расширению промышленных предприятий. В этом смысле, как мы уже отмечали, практика германских депозитных банков противопо-

ставлялась практике английских депозитных банков, т.-наз „разделению труда“ в банковом деле. Придавая большое значение депозитной операции, стараясь привлекать возможно больше чужих денег, германские банки в то же время открыто помещали значительную часть этих денег в основных капиталах промышленных, транспортных и других предприятий, в форме контокоррентных кредитов, всякого рода „участия“ в предприятиях, оставления за собою пакетов ценных бумаг и т. д. Эта политика германских депозитных банков вызывала серьезные нарекания. Противники такой политики, которая являлась до некоторой степени воплощением принципов старого „Crédit Mobilier“, считали, что депозитный банк не должен итти на такие операции, ибо он обязан в первую очередь заботиться о своем ликвидитете, помещать свои средства лишь в такие краткосрочные операции, из которых их можно было бы всегда легко извлечь. Но в то же время с этой политикой германских депозитных банков было тесно связано все экономическое развитие Германии в последние 2—3 десятилетия до войны. Бурный рост промышленности, успешное грюндерство, экспансия германского капитала за пределы страны, — все это было тесно переплетено с политикой германских депозитных банков. „Смелая“ политика германских банков являлась в значительной степени следствием промышленного развития Германии за эти годы, как „более осторожная“ политика французских депозитных банков отражала хозяйственный застой, наступивший в этой стране в последние десятилетия до войны. Вот почему политика германских депозитных банков имела немало сторонников [1]). В то же время эта политика привела к тому, что депозитные банки не только оказали содействие развитию промышленности, но и овладели этой промышленностью. „Современное развитие промышленности“, писал *Jeidels*: „ставит перед банками, которые проделывают, между прочим, внутренний процесс концентрации, новую задачу. Если в прежние периоды банки стремились развить индустрию, то теперь они стараются овладеть ею. Не создание, а захват

---

[1]) См. нашу книжку: „Коммерческие банки и т. д.“, стр. 135—140.

и руководство массами капиталов со стороны банков является для этого периода наиболее характерным"[1]). В результате этого процесса в Германии накануне мировой войны создалось положение, которое было охарактеризовано *Гильфердингом*, как эпоха финансового капитала. Промышленный капитал попал в зависимость от капитала банкового. Банки стали хозяевами промышленных предприятий и захватили в свои руки руководство народным хозяйством страны.

§ 6. Вся эта грандиозная система, однако, не выдержала испытания войны и бумажно-денежного хозяйства и рухнула вместе с маркой. Уже в первые годы войны, когда марка еще сохраняла значительную часть своей ценности, положение германских банков начало ухудшаться потому, что их портфели стали заполняться всякого рода обязательствами казначейства. Позднее, в 1921—1922 г.г., когда началось стремительное падение марки, сила депозитных банков стала быстро таять. Их балансы стали быстро расти в бумажных марках, но их рост сильно отставал от обесценения марки, а вместе с тем падал удельный вес банков в народном хозяйстве. Так, напр., баланс крупнейшего из депозитных банков, „Deutsche Bank", изменялся следующим образом.

Он составлял (в милл. марок)[2]):

за 31 дек. 1913 г. —	2.246	за 31 дек. 1919 г. —	15.792
„ „ „ 1915 г. —	3.159	„ „ „ 1920 г. —	22.929
„ „ „ 1916 г. —	4.077	„ „ „ 1921 г. —	40.139
„ „ „ 1917 г. —	6.310	„ „ „ 1922 г. —	617,848
„ „ „ 1918 г. —	7.833	„ „ „ 1923 г. —	350[3])

Текущие счета в этом банке составляли по балансу (в милл. марок)[4]):

за 31 дек. 1913 г. —	1.580	за 31 дек. 1921 г. —	38.617
„ „ „ 1918 г. —	6.740	„ „ „ 1922 г. —	607.143
„ „ „ 1919 г. —	13.822	„ „ „ 1923 г. —	349[3])
„ „ „ 1920 г. —	21.580	„ „ „ 1924 г. —	846[5])

Соответственно с этим изменялись и активы.

[1]) *O. Jeidels.* Das Verhältniss u. s. w. Стр. 108–109.

[2]) См. „The Statist" от 8 ноября 1924 г.

[3]) В биллионах. опущено 18 нулей.

[4]) Данные взяты из годового отчета „Deutsche Bank" за 1924 г.

[5]) В миллионах золотых марок.

В конце 1922 г., когда баланс „Deutsche Bank“ дошел до 618 миллиардов бумажных марок, он в переводе на золото составлял всего лишь около 600 милл. марок, т.-е. был меньше баланса от 31 дек. 1913 г. в 3—4 раза. В соответствии с этим должны были упасть как активы, так и пассивы банка, и удельный вес банка в народном хозяйстве Германии должен был сильно пошатнуться. Это обстоятельство отмечает отчет „Deutsche Bank“ за 1924 г. „Банкам в течение переходного 1924 г., —читаем мы в этом отчете,—было очень трудно выполнять свои задачи вследствие того, что они вследствие инфляции потеряли большую часть своей субстанции (den grössten Teil Ihrer Substanz verloren hatten)“ [1]).

Обесценение пассивов и активов вследствие обесценения денежной единицы само по себе не должно было повлечь за собой убытков для банка. Потери на активах в этих случаях компенсируются выгодами от обесценения пассивов, и в конце концов *коммерческий банк перелагает весь убыток от обесценения денег на вкладчика.* Но сила банка, его удельный вес в народном хозяйстве, его влияние на заемщиков зависит от того, какое место занимает его капитал в общих средствах предприятия и *каково отношение между капиталом банка и собственными средствами заемщика.* Обесценение марки приводило к постепенному падению доли заемного капитала в составе средств предприятий, к постепенному освобождению промышленности и торговли от их задолженности банкам. И несмотря на то, что этот процесс происходил не столько за счет акционеров банка, сколько за счет его вкладчиков, роль банков должна была катастрофически падать. В результате этого процесса промышленность постепенно эмансипировалась от влияния банков.

Сила германских банков была в их депозитах. При помощи этой „валюты“ они держали в своих руках промышленность и торговлю. С крушением марки погибла и эта валюта, а вместе с тем потеряли свое значение и германские депозитные банки.

---

[1]) „Geschäftsbericht des Vorstands der Deutshen Bank für das Jahr 1924“ стр. 21.

С конца 1923 г. с стабилизацией германской марки, германские банки начинают возрождаться. Они вновь начинают строить депозитную систему и к концу 1925 г. представляют уже собою довольно значительные учреждения. Но они по существу являются новыми кредитными учреждениями. От старого периода они сохранили некоторые реальные капиталы как в виде акций некоторых предприятий, так и в виде иностранной валюты, застрявшей у них за границей, которую им приходилось и отчасти и сейчас приходится скрывать от Антанты. В виду этих обстоятельств сейчас еще трудно судить о положении этих банков. Согласно балансам, которые они теперь публикуют в золоте оно представляется в следующем виде.

Основные статьи баланса по 7 берлинским банкам („Deutsche Bank", „Disconto-Gesellschaft", Dresdner Bank", „Darmstädter und Nationalbank", „Commerz und Privatbank", „Mitteldeutsche Creditbank", и „Berliner Handelsgesellschaft") изменились следующим образом. Всего было (в миллионах марок) [1]: (См. табл. стр. 406.)

Как видно из этих данных, общий баланс берлинских „Grossbanken" составлял к началу 1924 г. лишь около 21% по сравнению с балансом от 31 дек. 1913 г., депозиты же их упали до ничтожной величины в 14—15% по сравнению с довоенным временем. В соответствии с этим упали и активные операции. В течение 1924 г. начинается процесс восстановления. Депозиты быстро нарастают и достигают к концу года 59% довоенного уровня, а вместе с тем растет учет векселей и счет дебиторов. К марту 1926 г. размер депозитов уже почти достигает довоенного уровня.

Однако, в положении германских банков произошли изменения, которые не нашли достаточного отражения в балансах и о которых мы узнаем отчасти из их отчетов. Так, раньше всего необходимо отметить, что в составе текущих счетов большое место занимают иностранные депозиты, или,

---

[1]) Данные взяты из статьи A. L. „Die Berliner Grossbanken im Jahre 1924" в „Die Bank", 1925, Mai, а за 1925—1926 г.г. из журн. „Magazin der Wirtschaft" за 1926 г., № 14.

	Баланс	Актив. Учет векселей и беспроц. обяз. казначейства	Собств. ценн. бумаги	Дебиторы по контокорренту	Репорт и ссуды под ценн. бум. [1]	Участ. в предприятиях (Konsortialbet)	Пассив. Акцион. капитал	Резервный капитал	Депозиты	„Прочие" кредиторы
31 дек. 1913 г.	8.390	1.880	439	3.192	760	373	1.250	385	2.254 [2]	2.120 [3]
1 янв. 1924 г.	1.751	40	62	534	17	82	474	174	33 [2]	135 [3]
31 дек. 1924 г.	4.056	890	61	1.539	42	77	474	174	1.328 [2]	1.076 [3]
31 дек. 1925 г.	5.995	1.372	72 [4]	2.458	—	64 [4]	474	195	2.195 [4]	1.405 [4]

[1]) По 6 банкам без „Berl. Handelsges".
[2]) „Kreditoren in provisionsfreier Rechnung"—по 6 банкам без „Berl. Handelsges."
[3]) „Sonstige Kreditoren", по 6 банкам без „Berl Handelsg".
[4]) За 28 февраля 1926 г. по 6 банкам без „Berl. Handelsg".

точнее говоря, кредиты, которыми германские банки пользуются в заграничных банках. „Die Bank“ определяет долю иностранных средств у берлинских банков в конце 1924 г. в 25% по отношению к общей сумме чужих денег [1]).

В области активных операций можно отметить восстановление учетной операции. Учет к концу 1925 г. дошел приблизительно до 73% от довоенного. Самый характер вексельного портфеля, однако, изменился к худшему. Значительную его часть составляют векселя казначейства, а затем в его составе имеется большая часть финансовых векселей [2]). В то же время операции с собственными ценными бумагами и „участие в предприятиях“, которые, как мы видели, играли крупную роль в балансах германских банков до войны, и определяли собою их влияние на промышленность, занимают к концу 1924 г. в операциях банков второстепенное место. К концу 1913 г. по двум статьям: „ценным бумагам“ и „участию в предприятиях“ было помещено берлинскими банками 812 милл. марок, или около 36% по отношению к депозитам, а в начале 1926 г. (на конец февраля, по 6 банкам) — 136 милл. марок или около 6% [3]).

Таковы те перемены, которые произошли в положении германских депозитных банков в процессе инфляции. Вместе с обесценением марки эти банки потеряли почти всякое значение, но с восстановлением валюты начинается и их быстрое восстановление.

Литература к главе XI.

1. *E. Jaffe.* Das englische Bankwesen. 2. Aufl. L. 1910.

2. *Его же.* „Das englicsh-amerikanische und das französische Bankwesen“. „Grundriss der Socialökonomik“, V. Abt. II. Tüb. 1915.

3. *Fr. Burkart.* Die fünf grossen englischen Depositen-Banken. (The big five.) Basel. 1925.

---

[1]) „Die Bank“, 1925, Mai, цит. ст., стр. 265.

[2]) Там же, стр. 267—268.

[3]) Возможно, что эти цифры не вполне точно отражают положение, если ценные бумаги еще не переоценены в полной мере. Однако, в общем, они дают основание сделать вывод об ослаблении связи банков с индустрией

4. *H. Withers.* The meaning of money. (Рус. пер. *Г. Витгерс.* **Денежный рынок.** Одесса. 1914.)

5. *Его же.* Bankers and Credit. L. 1924.

6. *Ad. Weber.* Depositenbanken und Speculationsbanken. 3-te Aufl. M u. L. 1922.

7. *B. Mehrens.* Die Entstehung und Entwicklung der grossen französischen Kreditinstitute. St. u. B. 1911.

8. *Eug. Kaufmann.* Das französische Bankwesen. Tüb. 1911.

9. *W. Huth.* Die Entwicklung der deutschen und französischen Grossbanken. B. 1918.

10. *D-r Riesser.* Zur Entwicklungsgeschichte der Deutschen Grossbanken 2-te Aufl. Jena. 1906.

11. *G. v. Schulze-Gaevernitz.* Die deutsche Kreditbank. Tüb. 1922.

12. *O. Jeidels.* Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie. 2-te Aufl. 1913.

13. *R. Hilferding.* Das Finanzkapital. Wien. 1910.

14. *J. Loehr.* Das deutsche Bankwesen. M. 1924.

15. Verhandlungen des VI. allgemeinen deutschen Bankiertages zu Berlin. B. u. L. 1925.

16. „Банковая Энциклопедия“ под. ред. Л. Н. Яснопольского. Т I. Киев. 1914. Статьи *E. Jaffe, Eug. Kaufmann'a* и др.

17. *З. С. Каценеленбаум.* Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М. 1912.

ГЛАВА XII.

Банки в России до 1917 года.

§ 1. Старые кредитные учреждения. — Монетная Контора. — Дворянские банки. — Банк для купечества. — Ассигнационные банки. — Сохранные казны и Приказы Общественного Призрения. — Государственный Заемный банк. — Учетные Конторы. — § 2. Учреждение Государственного Коммерческого банка. — Государственные кредитные учреждения в период 1817—1860 г.г.—Кредит в условиях крепостного права.—Политика Канкрина в банковском вопросе. — Операции Коммерческого банка и его взаимоотношения с Заемным банком.—Инцидент со вкладами в конце 50-х годов.—§ 3. Обстановка на денежном рынке накануне отмены крепостного права.—Ликвидация старых банков. — Учреждение Государственного банка. — § 4. Государственный банк в 1861 — 1917 г.г. — Два периода в его деятельности. — Слабое развитие учетно-ссудных операций в течение первого периода. — Причины этого.—Ликвидация долгов старых банков. — Накопление золотого фонда.— § 5. Государственный банк после введения золотой валюты. — Учетно-ссудные операции. — Счет казначейства. — Взаимоотношения с частными банками.—Государственный банк во время мировой войны.— Государственный банк после Октябрьской революции.—Образование Народного банка.— Учреждение Бюджетно-Расчетного Управления и ликвидация Государственного банка.

§ 1. Русский экономист середины XIX века *Е. И. Ламанский*, исследования которого о старых русских банках остаются до сих пор лучшим источником по этому вопросу, считает первым учреждением, производившим в России кредитные операции, основанную при Петре II *Монетную Контору*. Монетная Контора являлась по существу административным учреждением, которое ведало монетное дело, но вместе с тем ей было разрешено выдавать краткосрочные

ссуды под залог золотых и серебряных вещей. Первые сведения об этих банковых операциях Монетной Конторы относятся к 1729 году [1]). Позднее, в 1733 г. правительство, имея в виду „совершенное отсутствие кредитных учреждений и огромное, вследствие этого, лихоимство ростовщиков“, решило выдавать ссуды из Монетной Конторы из 8% годовых под залог золота и серебра в размере $^3/_4$ стоимости залога, исходя из указной цены. Однако, эти операции, повидимому, не получили значительного развития и скоро были прекращены [2]). В 1754 г. были учреждены первые банки, а именно *Государственные Заемные банки для дворянства* в Москве и Петербурге и *Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции и купечества* в Петербурге. „Дворянские Банки“, сообщает Гурьев, „выдавали ссуды не более 10.000 рублей в одни руки из 6% на год под залог: 1) золота, серебра, алмазных вещей и жемчуга—в размере $^1/_3$ стоимости и 2) недвижимых имений, сел и деревень с людьми и со всеми угодьями, полагая по 500 рублей на 50 душ. Указом 11 декабря 1766 г. разрешено было выдавать ссуды по 20 рублей на крестьянскую душу“ [3]). „Банк для купечества“ выдавал ссуды из 6% годовых под залог товаров [4]).

В этих банках мы имеем, таким образом, зародыши двух форм кредита: *ипотечного и коммерческого.* В области ипотечного кредита уже в то время был установлен тот принцип выдачи ссуды из расчета крепостных „душ“, который просуществовал в практике нашего поземельного кредита до 1859 года.

---

[1]) *Е. И. Ламанский*, „Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г.“, „Сборник статистических сведений о России“, Кн. II, СПБ., 1854, стр. 99.

[2]) См. *А. Гурьев.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПБ., 1904, стр. 1.

[3]) Там же, стр. 2. См. также *Я. И. Печерин,* Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России, СПБ., 1904, Гл. I.

[4]) Там же, стр. 3.

Несколько позднее, в 1769 г., т.-е. при Екатерине II, были учреждены в России первые *эмиссионные* банки, а именно *ассигнационные банки* в Москве и Петербурге.

Ассигнационные банки сразу развили крупную деятельность. К 1785 г. они успели уже выпустить ассигнаций до 50 миллионов рублей [1]). Затем, выпуски ассигнаций стали производиться усиленным темпом и Россия на несколько десятилетий вступила в период бумажно-денежного обращения. Нам приходилось уже говорить об этом периоде в первой части курса. Напомним, что число ассигнаций в обращении дошло к 1796 г. до 157,7 миллионов рублей, к концу 1800 г. — до 212,7 миллионов рублей, к концу 1810 г. — до 577,8 миллионов рублей, а к концу 1817 г. — до 836,0 миллионов рублей.

Деятельность *дворянских* банков, как и деятельность *купеческого* банка, протекала далеко не успешно. В указе Петра III от 26 июля 1762 г. работа этих банков нашла свою оценку в следующих словах: „Учрежденные для дворянства и купечества здесь и в Москве банки, — говорится там, — имели служить для вспоможения всему обществу, но Нам известно, что следствие весьма мало соответствовало намерению, банковые деньги остались по большей части в одних и тех же руках, в кои розданы с самого начала; сего ради повелеваем: в розданных в заем деньгах отсрочек более не делать, но все оные надлежало собрать и ожидать Нашего дальнейшего указа“ [2]). Однако, и в последующие десятилетия эти банки не играли значительной роли. Стараясь усилить приток денежных средств к землевладельцам, правительство Екатерины II организовало ряд других учреждений ипотечного кредита, развивших впоследствии довольно значительные операции. Такими учреждениями явились открытые в 1772 г. в ведомстве „Опекунских Советов“ при Воспитательных Домах в Петербурге и Москве *„Сохранные Казны“*. Сохранные Казны принимали процентные вклады и выдавали ссуды под залог не-

---

[1]) *Е. И. Ламанский,* Там же, стр. 137.

[2]) *А. Гурьев,* Там же, стр. 4.

движимых имений на сроки от одного до пяти лет. Через несколько лет, в 1775 г., право приема вкладов и выдачи ссуд под недвижимое имущество было предоставлено *Приказам Общественного Призрения*. Эти „Приказы" были учреждены при образовании губерний во всех губернских городах и имели своей главной задачей выполнение различных благотворительных функций [1]). Надо еще упомянуть, что, одновременно с Сохранными Казнами были учреждены в Петербурге и Москве *Ссудные Казны*, т.-е ломбарды, для выдачи ссуд под залог золота, серебра и т. п. на срок от 3 до 12 месяцев из 6% годовых. Ссудные Казны не имели собственных средств и пользовались для своих операций средствами Сохранных Казен, которым они платили за деньги 5% годовых [2]).

В 1786 г. произошло преобразование кредитных учреждений. А именно, дворянские банки были преобразованы в один *Государственный Заемный банк*, который должен был выдавать ссуды землевладельцам, а прежние два Ассигнационные банка были слиты в один *Государственный Ассигнационный банк*. Затем, в 1797 г. при Ассигнационном банке были учреждены *Учетные* или *Эсконтные Конторы*. В уставе Учетных Контор было сказано, что они учреждаются „к усилению и вспомоществованию ремесл и торговли преимущественно российским купцам, заводчикам и фабрикантам" [2]). Учреждение Учетных Контор должно было положить начало организации правильного краткосрочного кредита, т.-е. повторить попытку 1754 г. по организации банка для купечества. Однако, в связи с общим состоянием денежного обращения попытка эта не могла в то время иметь большого успеха. „К сожалению, — говорит Е. И. Ламанский, — существование ассигнаций делало невозможным у нас в то время учреждение настоящих Джиро-Банков с собственными банковыми билетами" [3]). „Вообще

[1]) *А. Гурьев*, там же, стр. 7—8, а также *Е. И. Ламанский*, „Статистический обзор государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени", „Сборник статистических сведений о России", Книжка II, СПБ. 1854, стр. 162—163.

[2]) *А. Гурьев*, там же, стр. 10.

[3]) *Е. И. Ламанский*, „Статистич. Обз. и т. д.", там же, стр. 166.

обороты банков того времени,— отмечает он дальше,—были весьма ограничены как по незначительности капиталов, так и по самому нахождению многих из банковых операций в отдельных учреждениях“ [1]).

§ 2. Новый период в истории русских кредитных учреждений начинается с 1817 года. Окончание войны с Наполеоном дает возможность приостановить дальнейший выпуск ассигнаций. Валюта несколько стабилизировалась, а вместе с тем открылась возможность для развития ипотечного и коммерческого кредита. В это время правительство произвело новую, несколько более существенную, реорганизацию кредитной системы. Эта реорганизация выразилась раньше всего в том, что из Учетных контор Ассигнационного банка был образован новый банк краткосрочного кредита, *Государственный Коммерческий Банк*, которому был дан „новый Устав, более соответствовавший нуждам торговли“ [2]). Затем, для управления кредитными учреждениями был образован *„Совет Государственных Кредитных Установлений“*, который должен был состоять из 15 членов, а именно: из трех непременных членов: Председателя Государственного Совета, Министра Финансов и Государственного Контролера, 6 членов от дворянства и 6 членов от купечества. Под наблюдением этого Совета находились 3 государственных банка: Ассигнационный (эмиссионный), Заемный (ипотечный) и Коммерческий (краткосрочного кредита). Кроме того, ему была подведомственна Комиссия погашения долгов [3]).

Со времени образования Совета государственных кредитных установлений стали публиковаться подробные отчеты о деятельности трех государственных банков. История этих банков за период от 1817 г. может, поэтому, быть лучше освещена. Надо, впрочем, сказать, что Сохранные Казны и Приказы Общественного Призрения остались вне сферы наблюдения Совета.

---

[1]) Там же, стр. 167.

[2]) *Ламанский*. Цит. соч., стр. 171.

[3]) Там же, стр. 170—171.

С прекращением выпуска ассигнаций роль *Ассигнационного* банка свелась к механической задаче обмена ветхих билетов на новые и размена крупных билетов. Этот банк был упразднен в 1848 г., когда его функции по обмену ветхих билетов были переданы Экспедиции заготовления государственных кредитных билетов [1]).

Заемный и *Коммерческий* банки просуществовали до конца 50-х годов прошлого столетия, когда в связи с отменой крепостного права в России произошла новая, на этот раз более радикальная реорганизация кредитных учреждений. Время 1817—1860 г.г. представляет собою, таким образом, особый период в истории кредита в России, на характеристике которого необходимо несколько остановиться.

Чтобы понять развитие операций кредитных учреждений в России в течение этого периода, надо иметь в виду ту обстановку, в которой находилась в то время наша страна. Господствующим типом предприятия было помещичье крепостное хозяйство. Промышленность находилась еще в зачаточном состоянии, и промышленные предприятия обслуживались также трудом крепостных крестьян. Лишь к концу этого периода начинается более интенсивное промышленное учредительство [2]). Такая обстановка была мало благоприятна для развития правильного краткосрочного кредита. Наши исследователи отмечают, однако, еще другой фактор, наложивший свой отпечаток на развитие наших банков в это время: а именно, крайне реакционные взгляды тогдашнего министра *гр. Канкрина*, стоявшего во главе русских финансов с 1823 по 1844 г.

Канкрин, который написал две книги по политической экономии, был противником учения Ад. Смита о народном богатстве. В противоположность Смиту он считал целью народного хозяйства не рост чистого дохода, а стабилизацию его на умеренном уровне. Из этого взгляда проистекало отрицательное отношение Канкрина ко всяким новшествам и всякому хозяйственному прогрессу. Отсюда же вытекало

---

[1]) См. *В. Судейкин*, „Государственный банк“, П., 1891, стр. 104—105.

[2]) См. *И. И. Левин*, „Акционерные коммерческие банки в России“ Т. I. П. 1917, стр. 115.

его отрицательное отношение к железным дорогам и к банкам. Возникновение банков он считал опасным, потому что, как он выражался, „они порождают умственный капитал, могущий быть употребленным для разных предприятий и оборотов. Против сего, однако, можно сказать, что всякое умственное богатство ведет за собою большие опасности, ибо увлекает, так сказать, в горячку предприятий“ [1]). Впрочем, надо сказать, что эти взгляды обнаруживаются у Канкрина, главным образом, в отношении проектов организации частных банков. Он находит, что „частные банки (не банкиры), выпускающие какие бы то ни было кредитные бумаги, не должны быть даже терпимы правительством, подобно шарлатанам, универсальным врачебным средствам и прочим художествам, спекулирующим на легковерии публики“[2]). Банки же, не выпускающие собственных кредитных бумаг, Канкрин рассматривал, как „совершенно бесполезные учреждения“ [3]).

Общая народно-хозяйственная обстановка и связанная с нею политика правительства определили направление работы кредитных учреждений в России в течение 1817—1860 г.г. Раньше всего, для этого периода, как и для периода ему предшествовавшего, оказалось характерным преобладание на денежном рынке *государственного* кредита. Частный капитал. в это время уже принимал некоторое участие на денежном рынке, но лишь в форме частного банкирского дома. Первые сведения о существовании частных банкирских домов в России относятся к концу 18 века. По сообщению Ламанского, в 1798 году в Петербурге основано было торговое общество для развития торговых сношений с иностранными государствами под фирмой „*Воут, Велио, Раль и Ко.*“, которому было предоставлено исключительное право переводить казенные капиталы „за границу в векселях“, „поддерживать курс нарочным трассированием денег“, производить банкирские переводы, известные под именем арби-

---

[1]) Цит. по В. Судейкину, указ. соч., стр. 114.

[2]) Цит. у И. И. Левина, указ. соч., стр. 51.

[3]) См. там же, стр. 51.

тражей и т. д. [1]). Позднее, в 20-х — 30-х годах XIX столетия крупную роль играл банкирский дом „Барон Штиглиц и Ко“ и некоторые другие [2]). Однако, все эти частные банкиры занимались, повидимому, преимущественно иностранными операциями и на внутреннем денежном рынке их удельный вес был невелик. Здесь господствовали государственные банки в различных формах.

Наиболее интересной чертой в развитии кредитных учреждений в течение этого периода явилась, однако, та своеобразная связь, которая установилась между двумя государственными банками: Заемным и Коммерческим. Коммерческий банк имел своей задачей снабжение оборота краткосрочным кредитом. Для этой цели он производил операции по учету векселей и выдаче ссуд под товары. Однако, *эти операции*, наиболее свойственные банку краткосрочного кредита, *составляли незначительную часть его активов. Главную массу притекавших к нему средств Коммерческий банк помещал в виде вкладов в Заемном банке*, задача которого заключалась в предоставлении средств под залог недвижимостей. Но и Заемный банк отнюдь не ограничивался выполнением прямой своей задачи и, в свою очередь, лишь частью помещал свои средства в ссудах помещикам. Большую же часть своих средств, получаемых от Коммерческого банка и из других источников, он передавал в виде ссуды казначейству. Таким образом, Коммерческий банк оказывался банком скорее по названию. По существу же он играл, в общем, ту самую роль, которую позднее стали играть сберегательные кассы, аккумулируя у себя средства и передавая их через посредство Заемного банка казне.

Этот своеобразный характер Коммерческого и Заемного банков и установившихся между ними взаимоотношений обнаруживается из следующих данных об их операциях.

---

[1]) *Е. И. Ламанский*, Статистический обзор и т. д. Там же, стр. 167.

[2]) См. *И. И. Левин*, Акционерные коммерческие банки в России. Т. I, П. 1917, стр. 10 и сл.

В Государственном Коммерческом банке состояло вкладов (в миллионах рублей серебром) [1]):

К началу		1822 г.	10,8
"	"	1825 "	28,1
"	"	1830 "	43,9
"	"	1835 "	56,9
"	"	1840 "	89,2
"	"	1845 "	123,1
"	"	1850 "	166,9
"	"	1852 "	182,6
"	"	1855 "	204.4
"	"	1856 "	216,0
"	"	1857 "	241,1
"	"	1858 "	240,1
"	"	1859 "	240,3

[1]) Данные за 1822—1852 г.г. взяты нами из таблиц *Е. И. Ламанского* „Статистический Обзор и т. д." там же, стр. 229—232, а за 1855—1859 г.г. из „Отчетов" Государственных Кредитных Установлений за соответствующие годы. Мы воспользовались данными Ламанского за старые годы, так как он произвел работу по переводу на серебряные рубли статистических данных, которые в официальных отчетах до 1840 г. выражались в трех единицах по счету на золото, серебро и ассигнации и были, поэтому, недостаточно сравнимы (см. там же стр. 172—173).

Данные о движении вкладов в бывшем Государственном Коммерческом банке за 1818—1859 г.г., которые имели значение для правильного понимания событий на нашем денежном рынке за эти годы и в частности для понимания той истории с отливом вкладов к концу 50-х годов, о которой у нас будет речь дальше, к сожалению, воспроизводятся у нас в ряде работ в недостаточно ясном виде. *В. Судейкину* пришла в голову мало удачная мысль дать таблицу оборотов по вкладам Коммерческого банка (по данным Ламанского и „Отчетов" Государственных Кредитных Установлений) по пятилетиям не в виде средних, а полной суммой, и при этом *суммировать не только прилив и отлив вкладов, но и остатки их на 1-е января каждого года.* У него получилась следующая таблица („Государственный банк", стр. 117), которую мы приводим в миллионах рублей, опуская некоторые графы: (См. табл. стр. 418.)

В таком виде эта таблица воспроизводится затем у *Печерина* (цит. соч., стр. 112), *Л. Н. Яснопольского* („Банковая Энциклопедия", т. I, стр. 274—275), *И. И. Левина* (цит. соч. стр. 7). Между тем эта таблица может подать повод к недоразумению, в особенности, когда она воспроизводится, как, например, у *И. И. Левина* без оговорок, ибо под остатком вкладов естественно понимать остаток к концу периода, а не сумму

О размещении средств Коммерческого банка можно судить по следующим данным.

Годы	Принято	Возвращено	Остается капиталу
1818—22 г.	71,8	58,5	55,7
1823—27 „	99,5	79,9	136,9
1848—52 „	278,6	239,1	867,7
1853—57 „	370,8	317,2	1036,0
1858—59 „	177,8	219,6	438,4

остатков за ряд лет, и тогда может показаться, что в 1858—1859 г.г. произошло резкое падение вкладов в Коммерческом банке. На самом же деле, как видно из приведенных нами в тексте данных, никакого понижения вкладов в Коммерческом банке за эти годы не произошло. Тот отлив вкладов из казенных кредитных учреждений, который в действительности происходил в эти годы, был, как мы увидим дальше, гораздо слабее, и отразился на вкладах Заемного банка и Сохранных Казен. Падение же цифры остатка вкладов в таблице Судейкина с 1036,0 миллионов руб. до 438,4 милл. руб. является просто результатом того, что 1036,0 милл. руб. есть сумма остатков вкладов на 1-е января за 5 лет, а 438,4 миллионов рублей—лишь за 2 года. Этого, повидимому, не заметил *проф. М. И. Боголепов*, который, рассказывая об отливе вкладов из казенных банков в конце 50-х годов и пользуясь, очевидно, теми же данными Судейкина, уверяет, что вклады уменьшились на „огромную сумму“ и говорит, что „в 1853—57 г.г. их было на 1.035 милл., а в следующем пятилетии уже только на 438 милл.“ (См. его статью: „Государственный банк и коммерческий кредит“—в „Банковой Энциклопедии“, Т. I. Киев, 1914, стр. 288.) На самом деле, как мы видели, цифра 438 милл. руб. относится *не к пятилетию, а к 2 годам*, а вся таблица Судейкина относится ко вкладам одного Коммерческого банка, а не ко вкладам всех казенных кредитных учреждений. Интересно, что проф. *Л. Н. Яснопольский* (цитир. ст., стр. 274—275. Примеч.), воспроизводя ту же таблицу Судейкина, сопровождает ее замечанием, что она возбуждает „ряд недоумений“, и „не соответствует данным проф. Мигулина“. Возможно, что часть недоумений проф. Яснопольского также была вызвана тем, что „остаток“ вкладов в таблице Судейкина представляет собою сумму остатков за весь период. В частности данные Мигулина, на которые ссылается

Общая сумма векселей, учтенных Коммерческим банком в течение года, была невелика. Она составляла [1]):

в 1822 г.	29,8 мил. р.	в 1840 г.	12,8 мил. р.
„ 1825 „	34,2 „ „	„ 1845 „	12,2 „ „
„ 1830 „	13,7 „ „	„ 1850 „	21,7 „ „
„ 1835 „	9,2 „ „	„ 1855 „	17,8 „ „
		„ 1858 „	28,5 „ „

Еще меньше были суммы, отпускавшиеся в порядке ссуд под залог товаров и некоторых других ценностей. Так, например, в 1855 г. было выдано „под залог товаров, банковых билетов, облигаций, сельских произведений и т. д." 7,8 мил. руб. [2]).

Остатки средств, помещенных Коммерческим банком во всех видах учетно-ссудных операций, а именно—в учете векселей, ссудах под товары и другие ценности и выдачах под драгоценные металлы по квитанциям Алтайского и Уральского горных правлений, составляли ничтожные суммы. Эти остатки достигали, например: [3]).

к 1850 г.	15,9 мил. р.
„ 1856 „	19,7 „ „
„ 1859 „	32,4 „ „

Наряду с таким незначительным помещением средств в учетно-ссудных операциях Коммерческий банк помещал крупные суммы во вклады в Заемном банке. Всего в Заемном банке состояло вкладов Коммерческого банка [4]):

Яснопольский, как-будто вовсе не расходятся с данными Судейкина, ибо в таблице Судейкина речь идет о вкладах Коммерческого банка, а у Мигулина о вкладах всех государственных кредитных учреждений.

[1]) Данные до 1850 г. взяты у *Е. И. Ламанского*, там же, стр. 247 и сл., а за 1855 и 1858 г.г. из „Отчета Гос. Кредит. Учрежд." за соответствующие годы..

[2]) „Отчет" за 1855 г.

[3]) Данные из „Отчетов" Гос. Кред. Уст. за соответствующие годы.

[4]) Данные до 1850 г. взяты у Ламанского (Цит. соч., стр. 215—216), а за последующие годы из соответствующих „Отчетов" Гос. Кред. Установл. Для периода 1830—1850 г.г. мы взяли цифры из той таблицы Ламанского, которая показывает распределение *пассивов* Заемного банка.

К началу	1830 г. . . .	25,7 мил. р.	К началу	1855 г. . . .	203,3 мил. р.
„ „	1835 „ . . .	41,6 „ „	„ „	1856 „ . . .	212,4 „ „
„ „	1840 „ . . .	78,9 „ „	„ „	1857 „ . . .	220,0 „ „
„ „	1845 „ . . .	103,3 „ „	„ „	1858 „ . . .	229,4 „ „
„ „	1850 „ . . .	159,2 „ „	„ „	1859 „ . . .	212,6 „ „

Как видно из этих данных, операции Коммерческого банка по учету и ссудам почти не развивались. В то же время, если сопоставить те суммы, которые этот банк помещал в виде вкладов в Заемном банке, с приведенными выше цифрами о размере вкладов, которые Коммерческий банк получил от своей клиентуры, то оказывается, что *почти все притекавшие к нему средства Коммерческий банк помещал в Заемном банке.*

Посмотрим теперь, как развивались операции Заемного банка.

Заемный банк, как мы видели, был основан еще в 1786 г. для выдачи ссуд под залог недвижимости. Источником для производства этих операций служили притекавшие к банку вклады. Однако, в связи с плохими делами банка в 1812 г. выдача ссуд из него была прекращена и стала производиться лишь в исключительных случаях. Операции банка по выдаче ссуд возобновились затем по предложению Канкрина с 1824 г.[1]). С этого времени операции Банка состояли, как выражается Ламанский, „в двух оборотах“, а именно: „1) во *вкладах* капиталов для обращения из процентов, 2) в *ссудах* капиталов под различные законом допускаемые обеспечения“ [2]). По новому положению (1824 г.), Заемный банк выдавал ссуды на 8, 12 и 24 года. Ссуды выдавались под залог: 1) недвижимых населенных имений, 2) домов каменных в С.-Петербурге, 3) фабричных строений и крестьян, к ним приписанных, 4) крестьян, к горным заводам приписанных [3]). С 1830 г. Заемный банк платил по вкладам 4%, а получал от заемщиков 5% годовых, т.-е. оставлял в свою пользу разницу в 1% [4]).

[1]) См. *Судейкин*, цит. соч., стр. 115, *Печерин*, там же, стр. 6—7.

[2]) *Ламанский*, цит. соч., стр. 208.

[3]) *Печерин*, стр. 7.

[4]) *Ламанский*, стр. 208. Позднее он платил Коммерческому банку $4\frac{1}{2}$% годовых.

Вклады Заемного банка росли следующим образом. У него состояло вкладов (в миллионах рублей серебром)[1]:

К началу	Казенных	В том числе вкладов Коммерческого Банка	Частных	Всего[2])
1820 г.	5,5	—	29,2	34,7
1825 „	6,0	—	25,3	31,3
1830 „ . . .	42,9	25,6	30,6	73,5
1835 „	64,2	41,6	35,8	100,0
1840 „	111,1	78,9	39,7	150,8
1845 „	148,8	103,3	44,5	193,3
1850 „	218,7	159,2	56,5	275,2
1855 „	—	203,3	59,9	349,4
1858 „	—	229,4	—	412,8
1859 „	—	212,6	—	378,4

Как видно из этих данных, вклады Коммерческого банка составляли главную часть пассивов Заемного банка.

Перейдем теперь к активным операциям Заемного банка. Мы видели, что этот банк по своему уставу мог выдавать ссуды под залог помещичьих населенных имений,

[1]) Данные до 1850 г. взяты у *Ламанского*, там же, стр. 209—210, а за последующие годы—из „Отчетов“ Гос. Кред. Установл.

[2]) Итоги за время до 1850 г. подведены нами по таблице Ламанского, приводимой им на стр. 209—210, из которой взяты цифры 1 и 3 колонок. За 1825, 1830 и 1845 г. они не совпадают с итогами вкладов в Заемном банке, которые Ламанский приводит на стр. 215—216. Ламанский дает там же для 1825 г. итог вкладов в 32,079 тыс. р., для 1830 г.—в 74.117 т. р., а для 1845 г. в 198,262 т. р. В цифре 1845 г. у Ламанского имеется опечатка, в данных за 1825 г. и 1830 г. расхождение получается, очевидно, потому, что для этих годов у него были разные цифры.

фабричных и горнозаводских имений и под каменные дома в Петербурге. Однако, наряду с этим банк широко практиковал еще одну операцию, а именно выдачу ссуд „по особым высочайшим повелениям", под которыми фигурировали, главным образом, ссуды казне [1]).

О развитии этих операций говорят следующие цифры. Всего у Заемного банка оставалось в ссудах (в милл. руб.) [2]).

	Под залоги	„По особому высоч. повелению"	Итого
1820 г.	9,7	23,4	33,1
1830 „	35,5	43,8	79,3
1840 „	46,9	110,1	157,0
1850 „	49,0	234,3	283,3
1855 „	49,3	334,7 [3])	387,7
1858 „	49,9	320,3 [3])	374,6
1859 „	52,8	326,6 [3])	386,1

Как видно из этих данных, выдача ссуд под залог недвижимости, которая составляла прямую задачу банка, играла в его операциях подчиненную роль. К 1855 году, например, в них было помещено 49 мил. руб. из общей суммы в 387,7 мил. руб., помещенных в ссудах, т.-е. около

[1]) *Ламанский*, стр. 218—219.

[2]) Там же, стр. 217—218, а за 1855, 1858, 1859 г.г.—по данным „Отчетов" Гос. Кред. Уст.

[3]) Итог 4 статей баланса: счета „сумм, выданных в ссуду Государственному Казначейству", счета „сумм, выданных в ссуду Государственной Комиссии Погашения Долгов", счета „сумм, выданных разным казенным местам без залога", и счета „сумм, выданных в ссуду разным казенным местам с залогом".

13%. Главная масса средств была роздана „по особым высочайшим повелениям". В частности, к 1855 г. в таком порядке были розданы: 292,8 м. р. в виде ссуд Государственному Казначейству, 15,3 м. р. в виде ссуд Комис. Погаш. Госуд. Долгов, 21,9 м. р. под рубрикой счета сумм, выданных „разным казенным местам без залога", а 4,7 м. р. „разным казенным местам с залогом" [1]).

Небезынтересно отметить, что в составе залога, который обеспечивал ссуды Заемного банка, к 1859 г. числилось:

домов	1.037
фабрик и заводов	84

и наряду с этим

„населенных имений . . . 654.800 душ" [2]).

Ближайшее рассмотрение операций двух государственных банков: Коммерческого и Заемного приводит, таким образом, к заключению, что оба они не выполняли своего прямого назначения. При этом эти банки не только не занимались предоставлением кредита промышленности и торговле, но даже в более или менее значительной степени не обслуживали кредитом и помещичье хозяйство. Однако, для того, чтобы получить правильное представление о кредитном обороте этого времени, надо вспомнить, что наряду с этими банками существовали еще кредитные учреждения ведомства Опекунских Советов: Сохранные Казны и Приказы Общественного Призрения. Ближайшее рассмотрение данных об их операциях показывает, что Приказы Общественного Призрения, т.-е. местные кредитные учреждения, не развили больших операций, но *Сохранные Казны играли крупную роль на денежном рынке и являлись главным источником по снабжению средствами помещичьего хозяйства.*

Об этом говорят следующие цифры об операциях этих учреждений.

Вклады в Сохранных Казнах составляли (в мил. руб.) [3])

К 1850 г.	378,1 м. р.	К 1858 г.	475,0 м. р.
„ 1856 „	460,7 „ „	„ 1859	447,9 „ „

[1]) См. „Отчет" за 1855 г.

[2]) „Отчет Государств. Кредитн. Установлен." за 1858 г., стр. 9.

[3]) По „Отчетам Госуд. Кред. Устан." за соответствующие годы.

Вклады Сохранных Казен, в которых сосредоточивались мелкие сбережения, и где накоплялись безвозвратные вклады, сиротские капиталы и т. п., превышали, таким образом, почти в $1\frac{1}{2}$ — 2 раза вклады Заемного банка.

Из этих средств Сохранные Казны около $\frac{1}{4}$ поместили в государственных обязательствах, а остальную сумму они роздали в ссуду помещикам и на городское строительство. По данным Ламанского, относящимся к 1852 — 1853 г. г., общий размер ссуд Сохранных Касс достиг в то время $463\frac{1}{2}$ мил. р., в том числе срочные долги Коммиссии Погашения Долгов (т.-е. казны) составляли 110,9 мил. руб., а остальная сумма числилась за помещиками и домовладельцами. Сохранные Казны имели к этому времени в залоге имений с населением в 5.202.114 ревизских душ, и каменных домов числом 372 [1]).

Судя по количеству числившихся в залоге „ревизских душ" Сохранные Казны выдали помещикам в 7 — 8 раз больше средств, чем Заемный банк.

Об общем размере тех средств, которыми располагала система государственных кредитных учреждений в последнее десятилетие перед отменой крепостного права, дает представление следующая таблица о движении вкладов по всем этим учреждениям.

Всего состояло вкладов (в милл. рубл.) [2]): (См. табл. на стр. 425).

Таким образом, вся система государственных учреждений располагала во второй половине 50-х годов вкладами на сумму около 1 миллиарда рублей, из которых свыше половины числилось за „казенными местами", а остальная часть была роздана в ссуды помещикам и в некоторой части фабрикантам и домовладельцам [3]).

---

[1]) См. *Ламанский*. Там же, стр. 292.

[2]) Таблица составлена по „Отчетам" Госуд. Кред. Уст. за соотв. годы. Цифра итога за 1855 г. взята у *Бунге* (см. А. Вагнер. Русск. бум. деньги, стр. 154.) Вклады—повсюду только процентные.

[3]) Из общего итога вкладов, имевшихся к 1858 г. в сумме 1012,9 мил. р было израсходовано на нужды казны 521 мил. р., а за частными заемщиками состояло 427 м. р. (См. *И. И. Кауфман*, цит. ст., стр. 586).

К началу	В Государ. Заемн. Б-ке (не считая вклад. Ком. Банка)	В Коммерческом Банке (процентн.)	В Сохранных Казнах	В Сберегательных Кассах	В Приказах Обществен. Призрения	Итого во всей системе
1850 г. . . .	116,0	166,9	378,1	1,2	59,4	721,6
1855 „ . . .	146,1	204,4	—	2,5	2	872
1856 „ . . .	156,7	216,0	460,7	2,8	88,5	924,7
1857 „ . . .	178,1	241,1	478,3	3,8	101,7	1002,6
1858 „ . . .	183,4	240,1	475,0	3,5	110,9	1012,9
1859 „ . . .	165,8	240,3	447,9	3,5	113,1	970,7

Слабое развитие учетно-ссудных операций Коммерческого банка, которое, само по себе, находило свое объяснение в общих условиях народного хозяйства и в политике правительства по отношению к торговле (в частности и в отсутствии хороших векселей), делало весьма острой проблему размещения вкладов. Не находя для вкладов хорошего помещения, Коммерческий банк без особого удовольствия смотрел на приток их в его кассы. Между тем вклады притекали не только извнутри страны, но и изза границы. Ламанский отмечает, что в числе вкладов в Коммерческом банке были значительные иностранные капиталы. „Назначенные Банком 4%“, говорит он, „сравнительно с существующим в других государствах промышленным процентом, представляют весьма порядочный доход для свободных капиталов, которым высматривается, между тем более выгодное помещение“ [1]). Поэтому мы в течение рассматриваемого периода неоднократно встречаемся с весьма своеобразным явлением *борьбы против прилива вкладов* в государственные кредитные учреждения. Эта своеобразная борьба против притока вкладов велась Коммерческим банком в 20-х годах. Управляющий Коммерческим банком писал в то время министру финансов, что „накопление столь зна-

[1]) См. *Ламанский*, там же, стр. 236—237.

чительного капитала и непрестанно увеличивающийся платеж процентов за вносимые в больших суммах вклады подвергает банк чувствительному убытку"[1]).

Сам министр финансов Канкрин смотрел на этот прилив вкладов, как на крупную неприятность для банка. На заседании Совета государственных кредитных установлений в 1826 г. он сказал: „Движение вкладов для приращения процентами увеличивается постепенно... Остается надеяться, что этот прилив должен уменьшиться по мере расширения способов к употреблению их в частном обороте"[2]). В целях борьбы с притоком вкладов Канкрин в 1830 г. понизил процент по вкладам с 5% до 4% годовых, при чем эта мера тогда не вызвала никаких затруднений[3]).

Борьба против прилива вкладов в банки приняла особенно острые формы в конце 50-х годов. В этот период она закончилась инцидентом, который представляет собою интересный эпизод в истории наших кредитных учреждений и который увековечил имя тогдашнего министра финансов Брока, как бездарнейшего из министров. Был ли Брок на самом деле наиболее бездарным из министров того времени, мы решать не беремся, но в инциденте со вкладами ему, действительно, не повезло.

Сущность этого инцидента, о котором часто упоминает наша банковская литература, заключалась в следующем. Во второй половине 50-х годов прилив вкладов в государственные кредитные учреждения, как мы видели, значительно усилился. Остаток вкладов, который составлял к 1850 г. — 721,6 мил. руб., возрос к 1855 г. до 872 мил. р., к 1856 г. — до 924,7 мил. р., а к 1857 г. — до 1.002,6 мил. р. Причиной роста вкладов являлась, повидимому, инфляция, которая было вызвана крупными выпусками кредитных билетов, произведенными в 1854 — 1856 г. г. для финансирования Крымской войны[4]). Между тем, размещение этих

---

[1]) См. *Судейкин*, Цит. соч., стр. 121.

[2]) *Ламанский*, стр. 221.

[3]) *Судейкин*, стр. 122—123.

[4]) См. *Н. Бунге*, Приложение переводчика в книге: А. Вагнер, Русские бумажные деньги, стр. 154.

средств наталкивалось на затруднения, так как к финансированию торговли и промышленности банки не были достаточно приспособлены, а финансирование помещичьего хозяйства являлось, с точки зрения банков, весьма нецелесообразным, поскольку помещичьему хозяйству предстояли трудные времена в связи с наметившейся неизбежностью отмены крепостного права. Тогда министр финансов Брок решил повторить ту операцию, которую в 1830 г. провел Канкрин, а именно понизить проценты, которые банки платили по вкладам. Эта мера была проведена указом от 30 июня 1857 г. Проценты были понижены для частных лиц с 4% до 3% годовых, а для казенных учреждений, до 1½%. В то же время был понижен и процент, который банки взимали по ссудам, с 5% до 4%, т.-е. сделана льгота для помещиков, которые являлись заемщиками банков. В речи, которую произнес Брок вслед затем в заседании Совета государственных кредитных установлений в августе 1857 г., он сообщил, что понижение процентов было предпринято „для устранения предвидимого для банковых установлений ущерба от скопления в оных весьма значительных капиталов, которым Установления сии, по свойству их оборотов, не могут доставить надлежащего движения, равно с целью дать праздным капиталам направление, более соответствующее пользам государства“ [1]).

Однако, мера, которая прошла благополучно при Канкрине, на этот раз оказалась неудачной. Вкладчики проявили большую чувствительность к понижению процентов и стали требовать свои вклады из банков [2]). Но вклады,

---

[1]) См. „Отчет“ Госуд. Кред. Устан. за 1856 г., стр. 7—8. По мнению *П. Мигулина*, неофициально здесь имелась в виду другая цель. А именно, правительство хотело направить капиталы на покупку акций и облигаций учрежденного в начале 1857 г. группой русских и иностранных капиталистов, во главе с известными банкирами того времени, Перейрами, Гопе, Берингом и Штиглицом, Главного Об-ва Российских жел. дор. (См. *П. Мигулин*, Наша банковая политика, Харьков, 1904, стр. 62).

[2]) „Маневр заправил Главного Общества“, говорит Мигулин, „удался даже лучше, нежели можно было ожидать. Понижение процентов по вкладам вызвало среди владельцев их настоящий переполох... Вклады стали отливать из казенных банковых установлений с необычайной быстротой (и, между прочим, действительно были помещены в акции облигации Главного Общества)“. Там же, стр. 62

как мы видели, были размещены в ссудах казне и помещикам, т.-е. в весьма неликвидных активах, и банки оказались в затруднительном положении. Правительству пришлось принять ряд экстренных мер для того, чтобы спасти банки от краха. В конце 1858 г. правительство решило негласно „затруднить сколько возможно производство ссуд под залог недвижимых имуществ", а для того, чтобы капиталы не находили для себя более выгодного помещения „приостановить на некоторое время разрешение новых акционерных обществ" [1]).

Далее, было решено „вменить кредитным установлениям в обязанность, в порядке взыскания долгов по ссудам из кредитных установлений, строго наблюдать установленные на сей предмет правила. Затем никаких рассрочек и отсрочек в платежах не допускать и просьбы об этом заемщиков оставлять без последствий" [2]). Затем, в 1859 г., была окончательно прекращена выдача ссуд под залог недвижимости из Заемного банка, Сохранных Казен и Приказов Общественного Призрения. Эту меру преемник Брока на посту министра финансов *Княжевич* объяснил тем, что для производства ссуд под „населенные имения" составлены „новые правила для сих ссуд не по числу душ, как было доселе, а по количеству удобной земли, находящейся в имении; до окончательного же рассмотрения и утверждения сих правил высочайше повелено производство ссуд из Заемного Банка, Сохранных Казен и Приказов Общественного Призрения под населенные имения, равно перезалог сих имений, приостановить" [3]).

Однако, все эти меры оказались паллиативными и для облегчения положения банков правительство оказалось вынужденным прибегнуть к ряду кредитных операций в пользу банков. С этой целью правительство, во-первых, разрешило банкам „заимствовать суммы из Запасного Капитала Экспедиции кредитных билетов", т.-е. прибегло

[1]) *Печерин*, там же, стр. 14.

[2]) Там же, стр. 15.

[3]) См. речь министра финансов на заседании Совета государств. кредитн. установлений 15 июня 1859 г. в „Отчете" за 1858 г., стр. 5.

к эмиссии бумажных денег для удовлетворения вкладчиков банков, и в таком порядке было отпущено в 1859 г. 40 милл. руб. [1]). Наряду с этим были проведены две операции *консолидации* вкладов, которые оказались интересны не столько в смысле достигнутых ими непосредственно результатов, сколько в том отношении, что они *положили начало организации внутреннего Государственного кредита* в России. [2]). Эти операции заключались в предложении вкладчикам, взамен их вкладов, долгосрочных процентных бумаг и выразились в выпуске в 1859 г. 4% непрерывно-доходных билетов, и в выпуске затем в том же 1859 г. 5% банковых билетов. 4-х процентные непрерывно-доходные билеты были выпущены в 250, 500, 1.000 и более рублей, именными и на предъявителя. Способ и порядок выкупа этих билетов должен был быть установлен через 20 лет [3]). Размещение непрерывно-доходных билетов достигало к концу 1861 г. 147,0 милл. руб. [4]). Вторая операция заключалась в предложении держателям вкладных билетов Заемного и Коммерческого банков, Сохранных Казен и Приказов Общественного Призрения получить *5-ти процентные банковые билеты* с ежегодным погашением с 1861 г. в течение 37 лет. Эти билеты имели большой успех. На 1 января 1861 г. они были размещены на сумму 264,9 милл. руб. [5]). Всеми этими мерами правительству удалось разрешить кризис и в то же время значительно уменьшить долг казны кредитным учреждениям. По данным *В. Гольдмана* из 967,1, милл. руб., значившихся, по его сведениям, на 1 января 1859 г. в пассиве банков было:

возвращено вкладчикам	197,4 м. р.
превращено в 5-ти процентные билеты .	272,6 „ „
превращено в 4-х процентные билеты .	54,8 „ „
переведено на Госуд. Казначейство .	20,9 „ „
предъявлено к превращению в 4-х и 5-ти процентные билеты	92,9 „ „

[1]) *Печерин*, стр. 15.

[2]) Это обстоятельство отметил *И. И. Кауфман*. (См. его статью „Государственные долги России“, там же, стр. 613).

[3]) *Печерин*, стр. 14—15.

[4]) *И. И. Кауфман*, цит. соч., стр. 587.

[5]) *Печерин*, стр. 17.

т.-е. всего было списано за 1859 г. 638,6 мил. руб. и осталось вкладов на 328,5 мил. р. В течение следующего года погашение вкладов продолжалось и на 1 января 1861 г. их осталось на 191,9 мил. р. [1]).

§ 3. Обстановка, которая создалась в области народного хозяйства в 50-х годах прошлого столетия, а в особенности в последние годы этого десятилетия после Крымской войны, делала существовавшие тогда банки явно непригодными для выполнения задач кредита. Начавшееся развитие промышленности, организация акционерных компаний, развитие биржевых операций, строительство железных дорог, словом, разложение помещичье - феодального строя и развитие индустриального капитализма — делали совершенно необходимым создание таких кредитных учреждений, которые могли бы снабжать краткосрочным кредитом торгово-промышленный оборот. В то же время в стране стали накопляться ссудные капиталы, которые настойчиво искали помещения, и с которыми не могли справиться старые кредитные учреждения. Мы видели, что эти банки еще в конце 50-х годов вели упорную борьбу против наплыва вкладов, не будучи в состоянии найти для этих притекающих к ним капиталов подходящего помещения. Временный выход, как мы видели, пытались найти в понижении процентов по вкладам, повлекшем затем выпуск 4% и 5% билетов. Однако, было ясно, что надо было искать более длительных форм для приспособления организации денежного рынка к новым условиям экономики. В то же время, в связи с подготовлявшейся отменой крепостного права, очевидно, была неизбежна реформа ипотечного кредита. Как мы видели, правительство уже в 1859 году должно было отказаться от „ревизских душ“, как объекта обеспечения выдававшихся землевладельцам ссуд. Помещичье хозяйство, которому предстояло лишиться дарового труда, на ближайшее время

[1]) *В. Гольдман.* Русские бумажные деньги, СПБ., 1866, стр. 106. Подробный расчет казны с банками за этот период см. у *И. И. Кауфмана* (там же, стр. 587—588). Как видно из этих данных, погашение вкладов произошло в своей главной массе не в 1857 и 1858 г.г., а в следующие 2 года—1859 и 1860 г. (См. выше примеч. на стр. 417.)

вступало в такую полосу, когда оно не могло быть особенно интересным клиентом для ипотечного банка.

И. И. Кауфман следующим образом оценивает то влияние, которое должна была оказать на старые банки предстоявшая отмена крепостного права. „Раз стали возникать толки об упразднении крепостного права,—говорит он,— деловой мир не мог ведь не истолковать их в смысле наступающей зари некоторой свободы и для него. Ведь закрепощен был в пользу казны и помещиков не только труд, но и капитал. Система Екатерининских казенных банков, особенно в том виде, как она была усовершенствована Канкриным, только то значение и имела, что она была превосходно приспособлена к особенностям русского государственного и народного хозяйства: казенные банки были искусственными банками для закрепощения капитала, — для принуждения его служить главнейшим образом, даже почти исключительно, нуждам казны и помещиков. Это свое назначение они исполняли очень хорошо, пока под ними была прочная почва: пока крепостное право стояло незыблемо. Но раз это основание начало расшатываться, банки неминуемо должны были рухнуть“ [1]).

В этих условиях правительство решилось на сравнительно радикальную реформу банкового дела. *Эта реформа, проведенная в 1860 году, состояла в ликвидации старых государственных кредитных учреждений, Государственного Коммерческаго и Государственного Заемного банков и в организации нового государственного кредитного учреждения, „Государственного банка“.* Дела Коммерческого банка были переданы в новый Государственный банк, а дела Заемного банка — в Петербургскую Сохранную Казну. В то же время Сохранные Казны и Приказы Общественного Призрения должны были прекратить банковые операции и ограничиться лишь расчетом со своими прежними заемщиками. Поступавшие к ним суммы они должны были передать в Государственный банк. На Государственный банк была возложена

---

[1]) *И. И. Кауфман*, „Государственные долги России“, „Вестник Европы“ 1882 г., II, стр. 584

обязанность ликвидировать — за счет казначейства — счета старых кредитных учреждений, т.-е. инкассировать суммы, которые имели поступить от заемщиков этих учреждений, и рассчитаться с их вкладчиками, в виду чего на его счета были перенесены вклады и активы этих учреждений [1]).

Государственный банк, открывший свои действия в июле 1860 г., был учрежден, как сказано было в его уставе (от 31 мая 1860 г.), „для оживления торговых оборотов и для упрочения денежной кредитной системы". Ему было предоставлено право производить следующие операции: „а) покупку и продажу золота и серебра, б) учет векселей и других срочных бумаг, в) получение платежей по векселям и другим срочным документам в счет доверителей, г) прием вкладов: 1) на хранение, 2) на текущий счет и 3) на обращение из процентов, д) выдачу ссуд и е) покупку и продажу государственных бумаг в счет доверителей и на свой счет в пределах собственных капиталов" [2]).

В то же время в Государственный банк перенесена была из Экспедиции государственных кредитных билетов эмиссионная операция.

Таким образом, Государственный Банк был учрежден, как банк эмиссионный и коммерческий.

Государственный Банк (старый) просуществовал до 1917 года, когда он подвергся реорганизации, а вскоре и ликвидации в связи с декретом о национализации банков. На протяжении 57 лет существования Государственного банка в народном хозяйстве России произошли, как известно, крупные перемены. За это время была построена большая сеть железных дорог, выросла промышленность. В сельском хозяйстве также произошли коренные изменения. Помещичье хозяйство постепенно сдало свои позиции хозяйству крестьянскому. Крестьянское хозяйство, остававшееся долгое время преимущественно зерновым, в последние десятилетия начало постепенно перестраиваться в сторону

[1]) См. *А. Гурьев*, там же, стр. 48—49, а также юбилейное издание „Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 г." П. 1910, стр. 1—2.

[2]) Юбилейное издание „Государственный банк", стр. 1—2

усиленного разведения интенсивных технических культур, в сторону выработки продуктов животноводства. Словом, Россия за этот период превратилась из чисто аграрной страны в страну аграрно-индустриальную.

Деятельность Государственного Банка протекала, таким образом, на протяжении всего этого периода времени в обстановке серьезного переворота в экономике страны. Но необходимо напомнить, что за это время в стране произошел ряд других событий, которые не могли не отразиться на положении центрального банка. Россия за эти годы вела три больших войны: войну с Турцией в 1877 — 1878 г.г., войну с Японией в 1904 — 1905 г.г. и войну с Германией и ее союзниками в 1914 — 1917 г.г., и в ней произошли три революции: революция 1905 г. и февральская и Октябрьская— 1917 г. Затем на протяжении этого времени страна неоднократно переживала промышленные кризисы. Большие перемены произошли за это время и в сфере денежного обращения. Наиболее важными фактами в этой области была инфляция 1877 — 1878 г.г., переход к золотой валюте в 1897 году и новый переход к бумажным деньгам в начале мировой войны. Наконец, крупные перемены весьма существенные для работы Государственного банка произошли в кредитной системе, взятой в целом. В первые десятилетия Государственный банк продолжал занимать господствующее положение на денежном рынке. Но затем начали возникать частные коммерческие банки и с 80 — 90 г.г. они выступили в качестве серьезных конкурентов Государственного банка и стали постепенно оттеснять его на роль „банка банков“. В частности, известное значение для жизни банка имело изменение его устава, которое произошло в 1894 г. Устав 1894 г., введенный взамен старого устава 1860 г., открыл для банка некоторые более широкие возможности в предоставлении кредитов торгово-промышленному обороту[1]).

Все эти события не могли не отразиться на ходе операций Государственного банка, который не только воспри-

[1]) Подробности об изменении устава см. у *А. Гурьева*, „Очерк развития кредитных учреждений в России“, стр. 75

Актив:

На 1-е января	Золота в России и за границей	В учетно-ссудных операциях	В том числе: В учете и спец. тек/сч. под векселя	В том числе: В ссудах и спец. тек/сч. под %% бумаги	%% бумагах, принадлежащих банку	На счетах казны	Беспроцентн. долг Госуд. Казн-ва за кредитн. бил.	Прочих активов
1861 г.	81.743	45.925	32.142	10.642	925	6.872	602.838	8.258
1865 „	71.557	44.015	23.418	16.659	4.357	193.779	572.485	7.641
1870 „	201.163	99.593	50.918	44.818	8.669	163.127	513.406	1.630
1875 „	309.603	116.461	70.954	35.296	10.916	117.950	486.045	6.812
1880 „	276.110	264.642	96.445	155.417	30.229	68.954	815.301	2.989
1885 „	303.374	222.145	104.922	92.520	23.951	79.221	694.385	4.599
1890 „	475.185	259.704	152.465	69.236	33.372	1.816	575.633	41.598
1895 „	911.563	362.964	217.809	69.360	44.822	10.505	320.116	34.429
1900 „	843.035	406.178	260.878	73.039	51.571	8	50.000	24.814
1905 „	1.031.567	410.363	190.268	110.587	61.859	11,247	—	34.420
1910 „	1.414.592	466.246	225.506	88.651	70.746	2.591	—	21.530
1914 „	1.695.234	1.071.987	595.660	202.589	107.933	54.262	—	50.413
1915 „	1.732.496	1.123.130	618.808	254.068	149.196	1.078.198	—	120.508
1916 „	2.260.150	1.235.812	382.232	635.054	271.712	1.873.620	—	92.603
1917 „	3.624.540	7.796.980	—	—	132.086	—	—	—
1 окт. 1917 г. .	3.605.092	16.268.538	—	—	192.754	—	—	—

Пассив.

На 1-е января	Баланс	Кредитных билетов в обращении	Капитал банка	Средств казны	В том числе: На текущ. сч. Департ. Госуд. Казначейства	В том числе: Специальных средств и депозитов	Вкладов срочных и бессрочных и текущих счетов (разных лиц и учреждений)	На текущем счете сберегательных касс	Прочих пассивов	Вкладов на хранении (вне баланса)
1861 г. . .	798.561	712.976	16.000	30.313	—	—	31.981	—	7.291	2.951
1865 „ . .	907.140	664.075	18.000	40.333	—	—	164.280	1.509	18.943	75.491
1870 „ . .	1.009.246	694.388	23.000	62.470	—	—	198.759	396	30.233	268.053
1875 „ . .	1.061.782	763.936	23.000	30.265	—	—	224.693	721	19.167	531.235
1880 „ . .	1.462.964	1.129.922	28.286	42.114	—	—	224.781	818	37.043	1.012.902
1885 „ . .	1.331.642	899.761	28.286	65.946	24.755	25.668	230.721	754	46.156	1.526.956
1890 „ . .	1.393.400	928.426	28.548	162.000	69.881	61.053	224.602	2.696	47.128	1.890.993
1895 „ . .	1.691.107	1.047.681	29.193	331.232	176.565	134.135	197.724	50.663	34.614	2.336.989
1900 „ . .	1.432.679	491.163	53.086	594.028	449.453	144.575	195.568	23.006	75.826	3.018.072
1905 „ . .	1.629.110	853.713	55.037	351.194	174.172	177.022	255.142	43.695	70.329	3.806.623
1910 „ . .	2.046.060	1.173.785	55.000	427.195	174.248	251.601	273.710	37.710	78.660	4.658.883
1914 „ . .	3.040.503	1.664.652	55.000	951.216	607.898	343.318	263.110	13.859	92.666	5.546.244
1915 „ . .	4.248.455	2.946.583	55.000	602.179	229.685	370.369	478.076	45.174	121.443	5.917.567
1916 „ .	7.773.694	5.616.824	55.000	794.092	271.174	429.443	954.276	86.893	266.609	7.021.451
1917 „ . .	11.952.843	9.097.393	55.000	—	244.620	587.963	1.659.826	—	—	9.273.118
1 окт. 1917 г.	22.425.024	17.290.079	55.000	—	210.539	692.306	2.539.897	—	—	11.918.761

нимал влияния всех этих перемен, но и, в свою очередь являлся одним из факторов в развитии народного хозяйства. Просуществовав 57 лет в эпоху, богатую событиями, эпоху, которая, взятая в целом, может рассматриваться, как эпоха промышленной революции в России, Государственный банк, естественно, прошел через различные стадии как в смысле направления своей политики, так, главным образом, в смысле своего положения на денежном рынке.

Я не имею в виду, однако, останавливаться здесь подробно на анализе той эволюции, которые пережил за эти годы Государственный банк, и ограничусь лишь краткой характеристикой развития его операций [1]).

Чтобы подойти к оценке отдельных сторон деятельности Государственного банка, приведем, раньше всего, таблицу, характеризующую развитие отдельных операций этого банка на протяжении 1860 — 1917 г.г.

По балансам Государственного банка числилось (в тыс. руб. [2]). (См. таблицу на стр. 434—435.)

§ 4. Ближайшее рассмотрение данных о движении счетов Государственного банка за период 1861 — 1917 г.г. раньше всего позволяет констатировать, что в направлении деятельности банка в конце 90-х годов произошел значительный перелом, перелом, который позволяет делить историю Государственного банка на два резко отличающихся один от другого периода. А именно, эти данные показывают, что *до конца 90-х годов прошлого столетия Государственный банк сосредоточивал центр тяжести своей работы на операциях по регулированию денежного обращения и по обслуживанию нужд казны и слабо участвовал в финансирова-*

---

[1]) Деятельность Государственного банка за первые 30—40 лет его существования обстоятельно освещена в интересной статье *И. И. Кауфмана* „Государственные долги России“, „Вестник Европы“, 1885 г., Кн. I—II), работах *В. Судейкина* („Государственный банк“, П. 1891) и *М. Мигулина* („Наша банковая политика“, Харьков, 1904).

[2]) Цифры за 1861—1916 г.г. взяты из юбилейного издания „Государственный банк“ и из отчетов Государственного банка за 1914 и 1915 г.г., цифры за 1917 г,—по данным „Статист. Сборн. за 1913—1917 г.г.“, вып. 2-й Труды ЦСУ М. 1922, глава „Деньги и кредит“. Глава эта составлена под нашим руководством.

нии коммерческого оборота, и лишь в течение последних 15 — 20 лет своего существования он сделался более или менее значительным фактором в области кредита.

Этот вывод напрашивается из сопоставления двух операций банка: операций по накоплению золотого фонда и операций по учету и ссудам. За время с 1861 г. до 1895 г. золотой фонд банка возрос с 82 мил. руб. до 912 мил. руб., т.-е. увеличился на 830 мил. руб., между тем, как учетно-ссудные операции возросли за этот же период с 46 мил. р. до 363 мил. р., т.-е. увеличились лишь на 317 мил. руб.

Если разбить весь рассматриваемый период по 5-летиям и вывести среднюю из остатка помещений средств в учетно-ссудных операциях за каждое 5-летие (по данным на 1 января), то мы получим такую картину.

Всего было помещено в учетно-ссудных операциях к началу года в среднем:

За 1861—1865 г.г.	49,1 м. р.	За 1891—1895 г.г.	248,0 м. р.
„ 1866—1870 „	79,6 „ „	„ 1896—1900 „	348,1 „ „
„ 1871—1875 „	92,8 „ „	„ 1901—1905 „	483,5 „ „
„ 1876—1880 „	203,9 „ „	„ 1906—1910 „	568,2 „ „
„ 1881—1885 „	230,7 „ „	„ 1911—1914 „	726,0 „ „
„ 1886—1890 „	234,8 „ „		

Как видно из этих данных, в течение первого периода более или менее заметный рост учетно-ссудных операций произошел лишь во второй половине 70-х годов, когда средняя остатка помещений поднялась с 92,8 мил. р. в 1871—1875 г.г. до 203,9 мил. р. в следующем пятилетии. Но затем до 1891—1895 г.г. средний остаток средств, помещенных в учетно-ссудных операциях, остается почти неизменным [1]). Со сле-

[1]) *Судейкин*, (цит. соч., стр. 478), сопоставляя помещения Государственного банка за период 1860—1888 г.г. по 5-летиям приходит к заключению, что в ряду затрат банка „крупную роль играют строго коммерческие помещения, увеличивающиеся в объеме с каждым пятилетием“. Этот вывод, однако, не точен и он в такой форме не вытекает ни из цифр, приводимых Судейкиным, ни из таблицы, приводимой нами в тексте. Коммерческие операции, действительно, увеличиваются в объеме из пятилетия в пятилетие, но до второй половины 70-х годов их общий размер остается незначительным и они отнюдь не играют крупной роли в его операциях. После некоторого подъема в конце 70-х годов движение коммерческих операций банка затем вновь почти приостанавливается.

дующего пятилетия начинается более или менее постоянный рост этих операций.

Как мы увидим дальше, сопоставление учетно-ссудных операций Государственного банка за эти периоды с учетно-ссудными операциями частных коммерческих банков не дает основания считать, что Государственный банк имел на денежном рынке в 80—90-х годах прошлого столетия меньшее значение, чем в последние десятилетия его существования. Относительно его роль тогда была даже крупнее. Но это объясняется тем, что частные банки стали возникать лишь в 60—70-х годах и операции их были в те годы еще относительно очень невелики.

Правительство отдавало себе отчет в недостаточном развитии учетно-ссудных операций банка. Однако, официальные источники склонны были приписывать это явление недостаткам его устава. Так, комиссия, которая была образована по инициативе Витте в 1892 году при министерстве финансов для пересмотра устава банка, следующим образом подошла к этому вопросу. Комиссия эта, как сообщается в одном официальном издании, „приняла на вид, что Государственный банк учрежден в 1860 году взамен упраздненного в то время Коммерческого банка „для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы", при чем на него возложена была сложная задача — ликвидация бывших кредитных установлений и значительная часть выкупной операции", и отметила, что „эта последняя задача к началу 90-х годов оказалась уже выполненною почти в полном объеме", но что меры, принятые в направлении «„оживления торговых оборотов и упрочения денежной системы" имели непосредственное отношение лишь к вопросу о курсе нашего кредитного рубля». В связи с этим, комиссия, оценивая „коммерческую деятельность банка, которая, собственно, и должна содействовать упрочению бумажной денежной единицы... признала, что поставленная банком задача „оживлять торговые обороты страны" понималась им в тесном и слишком узком смысле. Во все время своего существования банк содействовал преимущественно развитию торгового кредита, но не кредита промышленного в широком

смысле слова, включая сюда и кредит сельскохозяйственный"[1]) Признавая такое положение вещей ненормальным. комиссия выдвинула следующие меры для устранения недостатков в работе банка в этом отношении: а) расширение операций по учету векселей и возможное облегчение подтоварного кредита; б) введение в круг операций банка промышленного кредита и в) усиление средств банка при помощи эмиссии кредитных билетов[2]).

Истинная причина слабого развития учетно-ссудных операций Государственного банка лежала, однако, не в недостатках устава. Трудно предположить, чтобы на протяжении 40 лет банк вел такую линию только потому, что он „слишком узко" понимал возложенные на него задачи по оживлению торговых оборотов. Это мало вероятно уже потому, что, ведь, самое учреждение Государственного банка, который должен был заменить старый коммерческий банк, мотивировалось необходимостью создать кредитный институт, обслуживающий нужды торговли и промышленности. На самом деле, слабое развитие учетно-ссудных операций Государственного банка объяснялось не столько недостатками его устава, сколько более глубокими причинами. Указание на эти причины мы находим в работе того же Гурьева, которым написана глава о кредитных учреждениях в цитированном нами сейчас официальном издании. „Государственный банк, — читаем мы здесь,—имевший по уставу 1860 г. ближайшим своим назначением оживление торговых оборотов и упро-

---

[1]) См. юбилейное издание, „Министерство Финансов", 1802—1902. Часть II, П. 1902, стр. 48.

[2]) Там же, етр. 49. Критику введенного в 1894 г. нового устава банка в части расширения операций по учету векселей см. у *М. В. Бернацкого* в ст. „Русский Государственный Банк, как учреждение эмиссионное", „Известия СПБ. Политехнического Института", за 1910 г., гл. III. См. также об уставе 1894 г. у *Мигулина*: „Наша банковая политика", Харьков 1904 г., стр. 242 и след. *Мигулин* весьма неодобрительно отзывается об этом уставе. „Устав был встречен,—говорит он,—обществом и печатью очень сочувственно. Столкновение с живой действительностью сейчас же однако обнаружило несостоятельность нового устава и полное незнакомство с правильной постановкой банкового дела со стороны составителей этого устава". Там же, стр. 253.

чение денежной кредитной системы, мог лишь в слабой степени удовлетворять поставленной ему задаче. Главной причиной, стеснявшей деятельность Государственного банка, был недостаток денежных средств. Значительная часть средств банка, которая могла бы быть обращена на оживление торговых оборотов путем развития коммерческих операций, затрачивалась на операции за счет казны, как, например: на ликвидацию долгов старых казенных кредитных учреждений" [1]). Такое же мнение высказывает и Мигулин. „Государственный банк, — говорит он, — с самого начала... располагал совершенно ничтожными средствами для развития своих коммерческих операций, так как вынужден был большую часть своих капиталов и вкладов частных лиц употреблять на расчеты по ликвидации старых кредитных установлений и, отчасти, на поддержание частных коммерческих банков, векселя которых Государственный банк переучитывал. Банк по преимуществу служил как бы отделением государственного казначейства для производства за счет последнего известных расходов" [2]).

Итак, надо притти к выводу, что слабое развитие учетно-ссудных операций Государственного банка до конца 90-х годов объяснялось, главным образом, тем, что банк в течение первых десятилетий своего существования был слишком связан операциями по регулированию государственного долга и по подготовке денежной реформы. Только после 1897 г., когда была завершена реформа денежного обращения, а вместе с тем наступило улучшение в положении казначейства, банк изменил свою политику и стал более решительно заниматься операциями по оказанию кредита коммерческому обороту.

Останавливаясь на первом периоде деятельности Государственного банка, т.-е. на том времени, когда он обслуживал преимущественно операции казначейства, мы коснемся *двух* операций, проведенных банком в этот период, а именно:

---

[1]) *А. Гурьев*, Очерк развития кредитных учреждений в России П. 1904, стр. 70—71.

[2]) *Мигулин*, цит. соч., стр. 209.

ликвидации расчетов старых кредитных учреждений и подготовки золотого фонда.

По передаточному балансу 1860 года Государственному банку были переданы,—повидимому, на особый счет—следующие активы и пассивы ликвидированных кредитных учреждений, Заемного и Коммерческого банков и банковых операций Сохранных Казен и Приказов Общественного Призрения (в милл. руб.) [1]).

ПО ПАССИВУ:

Процентные вклады	288,5
Проценты по вкладам	13,6
5% банковые билеты	149,6
4% непрерывно-доходные билеты	32,5
Разные суммы	0,7
Итого	484,9

ПО АКТИВУ:

Долги частных лиц и обществ	232,8
Долг Государственного казначейства	252,1
Итого	484,9

Государственный банк, таким образом, должен был выплатить 484,9 мил. руб., в том числе свыше 300 мил. руб. по вкладам и процентам по ним, не консолидированным в процентные бумаги. Против этого он получил долгосрочные и мало ликвидные активы в виде долга за „частными лицами и обществами", т.-е., главным образом, за помещиками в 232,8 мил. руб. и долга за казной в 252,1 мил. р. Вкладчики старых банков продолжали требовать возврата своих вкладов. Часть этих вкладов, правда, переписывалась в виде вкладов же на счета самого Государственного банка [2]). Но большую часть вкладов приходилось выплачивать наличными деньгами. Между тем поступления по активам шли туго. Казна скоро погасила свой долг. На 1 января 1866 г. долг казны составил уже только 58,8 мил. р., а на 1 января 1871 г.—2,7 мил. руб. Но поступления по долгам „частных лиц и обществ" притекали слабо. Часть

[1]) Юбилейное издание „Государственный банк 1860—1910", стр. 105.

[2]) См. *И. И. Кауфман*, цит. ст., стр. 588.

долгов помещиков была переведена на крестьян по выкупной операции, а сроки платежей крестьян банку не совпадали со сроками платежей самого банка по пассивам. Все это вместе взятое привело к тому, что Государственный банк в первые годы был вынужден затрачивать на ликвидацию долгов старых кредитных учреждений крупные суммы из своих оборотных средств. Затраты эти составляли:

На 1 января 1862 г. . . .	73,7	На 1 января 1880 г. . . .	68,9
„ 1 „ 1864 „ . . .	165,2	„ 1 „ 1885 „ . . .	75,3
„ 1 „ 1872 „ . . .	159,8	„ 1 „ 1886 „ . . .	4,8 [1])
„ 1 „ 1878 „ . . .	105,3		

Наивысшего размера эти затраты достигали (по данным на 1 января) к началу 1864 г. Затем они до 1878 г. не опускались ниже 100 мил. руб. (за исключением 1867 г., когда они на 1 января составили 95,0 мил. руб.); в течение 1880—1885 г. они составляли меньше 100 милл. руб., и, наконец, они исчезли в 1886 г. Уменьшение этих затрат стало происходить по мере того, как начали накопляться проценты по ссудам, переведенным на крестьян. Эти проценты были настолько высоки, что они дали возможность закончить к 1886 году ликвидацию долгов прежних кредитных учреждений с крупной прибылью. „Счет ликвидации" был закрыт и передан в казну постановлением правительства от 19 декабря 1886 г., при чем казне было передано:

ПО ПАССИВУ:

Вклады и проценты по ним	14,1
Счета с Приказами и Сохранными Казнами .	11,0
5% банковые билеты 1-го выпуска	131,9
Прибыли по ликвидации	150,6
Итого	307,6

ПО АКТИВУ:

Долги частных лиц и обществ	30,0
Долги, переведенные на крестьян	261,8
Счеты с Приказами	6,1
Итого . . .	297,9

[1]) Юбилейное издание „Государственный банк", стр. 14.

Таким образом, правительство получило по этой операции прибыль в 150,6 мил. руб., за счет которой оно потом имело возможность понижать, а впоследствии и отменить выкупные платежи крестьян [1]). Но, хотя операция закончилась для банка и без убытков, она, однако, должна была тяжело отразиться на его деятельности в течение первых двух десятилетий его существования, ибо ему пришлось поместить в этой операции большую часть своих свободных средств. На 1 января 1870 г. банк имел вкладов на 261,6 мил. руб. Но к этому времени у него было завязано в затратах по ликвидации старых кредитных учреждений — 158,8 мил. руб., а в учетно-ссудных операциях—было помещено всего 99,6 мил. руб.

Подготовка золотого фонда явилась второй крупной операцией Государственного банка за рассматриваемый период времени. Рост золотого фонда приходится, впрочем, главным образом, на последнее десятилетие до реформы 1897 года. История золотого фонда вкратце такова. К 1 января 1861 года золотой фонд Государственного банка составлял 81,7 мил. руб. Ему в это время противостояли кредитные билеты в обращении на сумму 713,0 мил. руб. Несмотря на столь небольшой металлический фонд, правительство в 1862 году сделало попытку открыть размен кредитных билетов на золото и серебро в слитках и монете из расчета в 5 р. 70 к. — 5 р. 60 к. за золотой полуимпериал и 1 р. $10^1/_2$ к. — 1 р. $08^1/_2$ к. за 1 серебряный рубль. Для подкрепления металлического фонда был заключен $5^0/_0$ заем на 15 мил. фунтов стерлингов. Попытка эта оказалась, однако, неудачной, и в 1863 году размен пришлось приостановить. При этом металлический фонд Государственного банка уменьшился, несмотря на то, что в пополнение его поступила выручка от внешнего займа [2]). Одновременно с этим

[1]) Там же, стр. 107. Разница в 9,7 мил. руб. была зачислена наличными на счет государственного казначейства в Банке.

[2]) См. Юбилейное издание „Государственный банк", стр. 6—7. Из этого же издания взяты и приводимые ниже данные об операциях Государственного банка там, где нет особой оговорки. О попытке возобновления размена в 1862—1863 г.г. см. у *В. Гольдмана*, Русские бумажные деньги, СПБ. 1866, стр. 134 и след.

уменьшилось, однако, и обращение кредитных билетов. На 1 января 1864 г. золотой фонд банка составлял уже только 64,9 мил. руб. против 636,5 мил. руб. кредитных билетов в обращении. После этого золотой фонд медленно увеличивался до 1876 г. На 1 января 1876 г. он составлял 310,1 мил. руб., а количество кредитных билетов в обращении дошло к этому времени до 751,6 мил. руб. Таким образом, в течение 1864 — 1875 г.г. золотой фонд банка возрос больше, чем на сумму увеличившейся эмиссии. Но в 1876 г. происходит резкое уменьшение золотого фонда. На 1 января 1877 г. он составляет уже только 186,5 мил. руб., и затем золотой фонд до 1885 г. остается на уровне 200 — 300 мил. рублей. Между тем, в течение 1877 — 1878 г.г., в связи с войной с Турцией, произошли усиленные выпуски бумажных денег. На 1 января 1879 г. количество кредитных билетов в обращении достигло 1.152,5 мил. руб. при золотом фонде в 229,9 мил. руб. „Временный выпуск“ кредитных билетов составил 417 мил. руб. Из них затем было изъято 87 мил. руб. и осталось в обращении 330 мил. руб. [1]). Вновь выпущенные кредитные билеты пошли на финансирование войны и повлекли за собой рост беспроцентного долга казны Государственному банку. Этот беспроцентный долг государственного казначейства за кредитные билеты числился на балансе банка к началу 1876 года в сумме 467,4 мил. руб., а затем достигал: к началу 1877 г. — 561,7 мил. руб., к началу 1878 г. — 805,8 мил. руб., к началу 1879 г. — 959,7 мил. руб., на 1 января 1880 г. — 815,3 мил. руб., а на 1 января 1881 г. — 839,9 мил. руб. При таких условиях восстановить размен оказалось невозможным, и правительство для перехода на твердую валюту стало усиленно накоплять золотой фонд, передавая золото в Государственный банк. Со второй половины 80-х годов золотой фонд Государственного банка возрастал следующим образом. Он составлял (в мил. рубл.):

На 1 января 1885 г.	303,4	На 1 января 1888 „	389,9
„ 1 „ 1886 „	366,5	„ 1 „ 1889 „	429,9
„ 1 „ 1887 „	382,0	„ 1 „ 1890 „	475,2

[1]) Юбилейное издание „Государственный банк“, стр. 9.

На 1 января 1891 г. . .	575,8	На 1 января 1895 „ . .	911,6
„ 1 „ 1892 „ . .	642,2	„ 1 „ 1896 „ . .	963,8
„ 1 „ 1893 „ . .	851,8	„ 1 „ 1897 „ . .	1.095,5
„ 1 „ 1894 „ . .	894,8	„ 1 „ 1898 „ . .	1.184,6

На протяжении 13 лет золотой фонд был увеличен таким образом, почти на 900 мил. руб. Этот фонд, как мы видели в первой части курса, был передан казначейством Государственному банку „в погашение долга“, и послужил основанием для проведения денежной реформы 1897 г. Роль Государственного банка, в общем, была в этом деле пассивной. Золотой фонд по существу был накоплен из бюджетных остатков и от выручки от государственных займов. Но передача этого фонда Государственному банку заметно улучшила, конечно, его баланс. Мы видели, что на 1 января 1881 г. беспроцентный долг казначейства банку за кредитные билеты возрос до 839,9 мил. руб. Затем, этот долг начал уменьшаться. Он составлял:

На 1 января 1885 г.	694,4	мил. руб.
„ 1 „ 1890 „	575,6	„ „
„ 1 „ 1895 „	320,1	„ „
„ 1 „ 1898 „	175,0	„ „
„ 1 „ 1900 „	50,0	„ „

а на 1 января 1901 г. он совсем исчезает из баланса Государственного банка.

§ 5. Выше мы указали, что со второй половины 90-х годов прошлого столетия Государственный банк вступает в несколько иную полосу. В центре его работы становятся коммерческие операции, операции по учету векселей, по выдаче ссуд под векселя, товары, %% бумаги и т. п. Из приведенных выше данных можно было видеть, что в среднем за 5-тилетие в учетно-ссудных операциях Государственного банка было помещено (по данным на 1 января) в 1911—1914 г.г. 726,0 мил. руб. против 568,2 мил. руб., помещенных в этих операциях в среднем за 1906—1910 г.г., и 438,5 мил. рублей за 1901—1905 г.г. На протяжении 10—15 лет учетно-ссудные операции банка возросли, таким образом, в среднем на 65,6%. В частности, движение размера по-

мещений в учетно-ссудных операциях Государственного банка за последнее 10-тилетие до войны выражается в таких цифрах [1]).

За время 1904—1909 г.г. максимальный размер сумм, помещенных в учете и ссудах, по балансам на 1-е число каждого месяца, составлял (в мил. р.):

в 1904 г.	488,3
„ 1905 „	563,9
„ 1906 „	764,0
„ 1907 „	537,8
„ 1908 „	561,5
„ 1909 „	501,5

А в 1910—1913 г.г. максимальный и минимальный размер помещений в учетно-ссудных операциях по еженедельным балансам составлял (в мил. руб.):

	максим.	миним.
1910 г.	686,0	380,4
1911 „	930,4	501,8
1912 „	965,8	594,1
1913 „	1.093,8	824,9

Кредиты, которые открывал Государственный банк торгово-промышленному обороту за этот период, таким образом, заметно росли. В то же время Государственный банк все более и более переходил на роль „банка банков“. Это выражалось в том, что Государственный банк значительную часть своих средств размещал через „посредников“, в качестве каковых фигурировали частные банки, учреждения мелкого кредита и др., и лишь частью кредитовал торгово-промышленный оборот непосредственно. О той роли которую играли „посредники“ в операциях банка в последние годы до войны, можно судить по следующим данным.

Всего в Государственном банке состояло за посредниками [2]):

На 1 января 1907 г.—114,5 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер. . . . . в 530,5 м. р., или 21,6%

На 1 января 1908 г.—138,3 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер. . . . . в 565,8 „ „ „ 24,4%

[1]) Цифры взяты из „Отчетов“ Государственного банка за соответствующие годы.

[2]) По данным „Отчетов“ Государственного банка.

На 1 января 1909 г.—113,4 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер.	в 501,6	„ „	22,7%
На 1 января 1910 г.— 96,6 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер.	в 466,3	„ „	20,7%
На 1 января 1911 г.—247,0 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер.	в 667,1	„ „	37,0%
На 1 января 1912 г.—429,7 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер.	в 924,1	„ „	46,5%
На 1 января 1913 г.—458,0 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер.	в 966,6	„ „	47,4%
На 1 января 1914 г.—487,7 м. р., при общ. остатке по учетно-ссудн. опер.	в 1.072,0	„ „	45,5%

Таким образом, в 1906—1909 г.г. Государственный банк выдал банкам, учреждениям мелкого кредита и др. кредитным посредникам около 20—25% средств, помещенных в учетно-ссудных операциях, а в 1910—1913 уже разместил в таком порядке почти половину средств и лишь около половины роздал в ссуду непосредственно.

Мы не будем останавливаться на разборе отдельных операций Государственного банка за рассматриваемый период [1]). Считаем, однако, необходимым отметить то обстоятельство, что, как это видно из балансов банка, *основным источником средств, на котором базировалось развитие активных операций Государственного банка в течение 1895—1914 г.г., явились средства казны.* Достаточно привести для примера состояние основных счетов банка на 1 января 1914 г. К этому времени при общем балансе на 3.040 мил. руб. в активе банка значилось:

Золота	на 1.695	мил. руб.
Помещенных в учетно-ссудных операциях	„ 1.072	„ „
Процентных бумаг, принадлежащих банку	„ 108	„ „
На счетах казны	„ 54	„ „
и прочих активов	„ 50	„ „

Этому соответствовало в пассиве:

Кредитных билетов в обращении	на 1.665	мил. руб.
Капиталов банка	„ 55	„ „

[1]) Отсылаем к работе *М. Мигулина*, „Наша банковая политика". Харьков, 1907. Гл. III, стр. 275—288, и к ст. *М. И. Боголепова*, „Государственный банк и коммерческий кредит" в „Банковой Энциклопедии", Т. I, Киев 1914 г., стр. 283—330.

Средств казны (на т/счете Департамента госуд. казнач. и спец-средств и депоз.) .	„	951 мил. руб.
Текущий счет сберегат. касс	„	14 „ „
Прочих вкладов и текущ. счетов	„	263 „ „
и прочих пассивов	„	93 „ „

Таким образом, кредитные билеты в обращении вместе с основным капиталом были почти целиком помещены в золотом фонде. Источником для учетно-ссудных операций, превышавших 1 миллиард рублей, служили вклады и текущие счета. Но из общей суммы вкладов и текущих счетов в 1.228 мил. руб. — 955 мил. руб., или 81,0% составляли средства казны и сберегательных касс. Государственный банк оперировал, таким образом, всеми свободными резервами, которые стали накопляться в этот период у казны, в том числе так наз. „свободной наличностью“ государственного казначейства.

Начавшаяся в конце июля 1914 г. война внесла серьезные изменения в направление деятельности Государственного банка. Нам приходилось уже говорить об этих изменениях в первой части книги в связи с анализом тех перемен, которые наступили в 1914 г. в денежном обращении (гл. XVIII), и мы не станем повторять приведенных там фактов. Напомним лишь, что в операциях Государственного банка в связи с войной произошел серьезный перелом. Государственный банк превратился в эти годы в основной центр по финансированию войны, и он осуществлял это финансирование при помощи выпуска неразменных билетов и передачи их казне в порядке учета краткосрочных обязательств государственного казначейства. В виду этого у Государственного банка появился новый должник — казна, уже к концу июня 1915 г. задолжавший банку в два раза большую сумму, чем все остальные должники вместе взятые. Этот долг казны, который выражался на балансе в учете краткосрочных обязательств государственнаго казначейства, продолжал возрастать и в последующие годы, и по последнему балансу, опубликованному до Октябрьской революции, а именно по балансу на 23 октября 1917 г. он составлял 15,5 миллиардов рублей при общей сумме средств, помещенных к этому времени

в учетно-ссудных операциях, в 19,0 мил. руб. и превосходил, таким образом, все прочие долги в 4—5 раз [1]).

В то же время, как мы увидим дальше, произошли изменения во взаимоотношениях между Государственным и частными банками.

Октябрьская революция и последовавшее за ней финансовое законодательство Советской власти повлекли за собою ряд изменений в положении Государственнаго банка. Декрет о национализации банков, принятый ЦИК 14 декабря 1917 г., слил с Государственным банком все частные акционерные банки и банкирские конторы. Последующие 2—3 года явились годами постепенной ликвидации Государственного банка. Нам придется еще коснуться этого процесса ликвидации в следующей главе, когда мы будем говорить об истории частных банков. Здесь же мы ограничимся лишь указанием, что Государственный банк, переименованный в *Народный банк*, просуществовал в форме банка еще около двух лет и был упразднен в январе 1920 г., когда его остатки были влиты во вновь образованное в составе Народного Комиссариата Финансов Бюджетно-Расчетное Управление [2]).

Литература к главе XII.

1. *Е. И. Ламанский*, „Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г." „Сборник статистич. сведений о России", Книжка II, СПБ. 1854.
2. *Е. И. Ламанский*, „Статистический обзор государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени", „Сборн. статист. сведений о России", Книжка II, СПБ. 1854.
3. *В. Судейкин*, Государственный банк, П. 1891.
4. *М. Мигулин*, Наша банковая политика, Харьков, 1904.
5. *А. Гурьев*, Очерк развития кредитных учреждений в России, СПБ, 1904.

[1]) Подробнее о финансировании войны и роли в нем Государственного банка см. в моих работах: „Война и русский рубль" (в „Трудах Комис. по изуч. соврем. дороговизны" при О-ве имени Чупрова, Вып. III, М. 1915); „Война и финансово-экономическое положение России" (М. 1917).

[2]) См. об этом доклад *Е. С. Лурье*, „Из истории идеологии и законодательства о денежном обращении РСФСР" „Денежное обращение и кредит в России и за границей", Т. I, П.—М. 1922, стр. 444 и сл.

6. *Я. И. Печерин,* Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России, СПБ. 1904.
7. *Л. Н. Яснопольский,* „Зачатки коммерческого банкового кредита в России", „Банковая энциклопедия", Т. I, Киев, 1914.
8. *М. И. Боголепов,* „Государственный Банк и коммерческий кредит", „Банковая энциклопедия", Т. I, Киев, 1914.
9. „Отчеты" Государственных кредитных установлений.
10. „Отчеты" Государственного банка.
11. *В. Гольдман,* Русские бумажные деньги, СПБ. 1866.
12. *И. И. Кауфман,* „Государственные долги России", „Вестник Европы", 1885, Кн. I—II.
13. Юбилейное издание „Министерство Финансов, 1802—1902", СПБ. 1902, Ч. I—II.
14. Юбилейное издание „Государственный банк 1860—1910", СПБ. 1910.
15. *М. В. Бернацкий,* „Русский Государственный банк, как учреждение эмиссионное", „Изв. СПБ. Политехн. Института" за 1910 г.
16. *Е. С. Лурье,* „Из истории идеологии и законодательства о денежном обращении РСФСР" в сборнике „Денежное обращение и кредит в России и за границей", Т. I, П. М. 1922.
17. *З. С. Каценеленбаум,* „Война и русский рубль". „Труды Комиссии по изучению современ. дороговизны. при О-ве имени Чупрова", Вып. III, М. 1915.
18. *З. С. Каценеленбаум,* Война и финансово - экономическое положение России, М. 1917.

ГЛАВА XIII.

Банки в России до 1917 г. (Продолжение).

Акционерные коммерческие банки.

§ 1. Акционерные коммерческие банки. — Общий ход развития системы акционерных коммерческих банков. § 2. Основные этапы в развитии акционерных коммерческих банков. — Коммерческие банки до начала 90-х годов. — Коммерческие банки в период подъема 1893—1899 г.г. — Коммерческие банки во время кризиса 1899—1902 г.г. и последующей депрессии. — Коммерческие банки в 1907—1913 г.г. — Коммерческие банки во время войны. § 3. Пассивы акционерных коммерческих банков. — Роль собственных капиталов, депозитов, переучета и перезалога, корреспондентских счетов. — Средства казны в пассивах банков. — Иностранные капиталы в пассивах банков. § 4. Активные операции банков. — Вексельные операции и операции с ценными бумагами. — „Регулярные“ и „иррегулярные“ операции и связь с индустрией. § 5. Учетная ставка в коммерческих банках. § 6. Активные операции коммерческих банков в 1914—1917 г.г. — Ухудшение, наступившее в положении банков в связи с их участием в финансировании войны. — § 7. Национализация банков. — Декрет от 14 дек. 1917 г. — Ход ликвидации акционерных коммерческих банков.

§ 1. Из учреждений краткосрочного кредита наряду с Государственным банком наиболее крупную роль на денежном рынке России играли акционерные коммерческие банки. Акционерные коммерческие банки, тот тип кредитных учреждений, который соответствовал английским „Joint Stock Banks“ или германским „Depositenbanken“, стал возникать в России сравнительно поздно, лишь после отмены крепостного права. При крепостном праве существовали, правда,

частные кредитные учреждения в виде городских общественных банков и банков, учрежденных частными лицами, но они не играли никакой роли. По сообщению Н. Х. Бунге, в 1857 году существовал всего 21 такой банк, при чем их основной капитал в совокупности едва превышал полмиллиона рублей. „Государство,— говорит Бунге,— сохраняло за собою вполне банковую монополию и относительно выпуска кредитных орудий обращения и относительно производства банковых операций“, но независимо от банковой политики правительства частные акционерные банки не могли развиваться вследствие ряда других причин, в частности, вследствие ограничений в области обращения векселей (обязываться векселями могли только лица „торгового звания“)[1].

Первый акционерный коммерческий банк — Петербургский Частный Коммерческий — возник в 1864 г., при чем правительство приняло участие в образовании его основного капитала[2]. В 1866 г. был основан первый акционерный коммерческий банк в Москве — Московский Купеческий. Затем в 1868 г. возникли два банка: Харьковский Торговый и Киевский Частный Коммерческий; в 1869 г. — 3 банка, в 1870 г. — 5 банков. В 1871 г. были утверждены уставы 1 банков, в 1872 г. — 10 банков, а в 1873 г. — 6 банков[3]) Не все эти банки, однако, открыли свои действия и к началу 1874 г. всего существовало 39 банков с 49 отделениями[4]).

[1]) *Н. Х. Бунге.* „Банковые законы и банковая политика“. „Сборник Государственных Знаний“, под ред. В. П. Безобразова. Т. I. СПБ. 1874 г., стр. 71.

[2]) *Е. И. Ламанский* во вступительной речи, произнесенной при открытии I съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита в 1873 г., следующим образом рассказывает об этом: „В 1864 г. образовался Петербургский Частный Коммерческий Банк, и до такой степени предприятие это казалось смелым, что банк не дерзал явиться прямо, без некоторого содействия правительства: правительство приняло известное участие в создании основного капитала этого банка“. (См. „Отчет о трудах первого съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита“. СПБ. 1875 г., стр. 9.)

[3]) Отчет о трудах первого съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита, стр. 9—10.

[4]) Об истории возникновения коммерческих банков см. работу *И. И. Левина.* Акционерные коммерческие банки в России. Т. I. П. 1917.

В начале 70-х годов правительство начинает чинить препятствия возникновению новых банков и их отделений. Опасаясь, что дальнейший рост банковской сети создаст конкуренцию между банками и вызовет повышение процента, который они платят по вкладам, а вместе с тем и удорожание кредита, правительство в 1872 г. издало закон о приостановке „впредь до особого разрешения" учреждения акционерных коммерческих банков „в столицах и тех городах, в коих существует хотя один из таких акционерных банков", и этот запрет был снят лишь в 1883 г.[1]). В результате этой политики рост банковской сети приостановился почти на 2 десятилетия.

Новый рост сети коммерческих банков начинается с 1892—1893 г., при чем растет, главным образом, сеть отделений. Число банков до 1912 г. колеблется в пределах 30—40.

В последние годы существования акционерных коммерческих банков число их вновь начинает расти. Так, всего имелось банков[2]):

к 1 января 1912 г.	34	с 691[3])	отдел.
„ 1 „ 1913 „	45	„ 732	„
„ 1 „ 1914 „	47	„ 743	„
„ 1 „ 1915 „	50	„ 762	„
„ 1 „ 1916 „	50	„ 782	„
„ 1 „ 1917 „	53	—	—

После Октябрьской революции акционерные коммерческие банки, как известно, были национализированы декретом от 14 декабря 1917 г. и с этого времени перестали существовать, как самостоятельные кредитные учреждения. История коммерческих банков в России охватывает, таким образом, период времени с 1864 по 1917 г. Как нам уже при-

---

[1]) См. ст. *А. Н. Зака*: „Акционерные коммерческие банки" в изд. „Нар. Хоз." в 1916 г. Вып. 2. П. 1920 г., стр. 28. О законе 1872 г. см. *Левин*. Акционерные коммерческие банки. П. 1917 г., стр. 199 сл.

[2]) Данные до 1916 г. взяты из записки Комитета съездов Представителей Акционерных Коммерческих банков: „О желательных изменениях в постановке акционерного банкового дела в России". П. 1917.

[3]) Сведения об отделениях за 1912 г. — на 1 февраля.

ходилось подчеркивать, эти 5—6 десятилетий были периодом коренных изменений в хозяйственном строе России, своего рода хозяйственной революции, превратившей страну из чисто-аграрной в аграрно-индустриальную. Деятельность коммерческих банков, как центрального аппарата денежного рынка, была, естественно, тесно связана с этим переворотом. Можно различно оценивать взаимоотношения наших бывших коммерческих банков с промышленностью и с общим развитием народного хозяйства. Во всяком случае бесспорно то, что между развитием операций банков и общими изменениями в народном хозяйстве за это время существовала теснейшая связь. Историю коммерческих банков за этот период, строго говоря, следует изучать в связи с общей историей экономической эволюции страны. Мы не имеем, однако, возможности ставить здесь этот вопрос во всей его широте и должны поэтому ограничиться тем, чтобы охарактеризовать основные моменты в деятельности коммерческих банков, как таковых.

Остановимся раньше всего на процессе развития банковской сети. Как мы уже отметили, рост числа коммерческих банков приостановился в начале 70-х годов прошлого столетия и вновь возобновился лишь в последние годы перед войной. Но в течение 1900—1910 г.г. число банков не только не росло, но даже значительно сократилось. К началу 1900 г. их было 39, а к началу 1910 г. — только 31. Это объяснялось наметившимся в указанный период процессом концентрации банков. Наиболее крупными фактами концентрации банков были: слияния трех „поляковских“ банков (Моск. Междун. Торг., Южно-Русского Промышл. и Орловского Комм.) в Соединенный банк (в 1909 г.), слияние „Северного банка“ с „Русско-Китайским“ в „Русско-Азиатский банк“ (в 1910 г.), поглощение Минского коммерческого банка в 1909 г. и позднее Киевского Частного коммерческого банка Азовско-Донским банком и т. д.[1]). Вместе с тем, в это десятилетие прекратили свое существование некоторые про-

[1]) О процессе концентрации банков см. *I. Lewin.* Der heutige Zustand Aktienhandelsbanken in Russland. Fr. i. Br. 1912, стр. 17—18 и 131 сл.

винциальные банки, в том числе обанкротившийся Харьковский Торговый банк. С 1910 г. число банков увеличивается. К началу этого года их было — 31, к началу 1913 г. — 45, к началу 1917 г. — 53. Это произошло отчасти в результате возникновения нескольких новых банков, отчасти же вследствие того, что несколько частных банкирских домов преобразовались в акционерные коммерческие банки. К числу этих последних превращений относится преобразование банкирской конторы Юнкер в Москве в Московский Промышленный банк, банкирской конторы бр. Рябушинских в Московский банк и некот. др.

К началу 1917 г., как мы сказали, в России действовали 53 акционерных банка, в том числе 15 петроградских (т.-е. правления которых находились в б. Петрограде) [1], 8 московских [2] и 30 провинциальных. О значении этих 3 групп на денежном рынке можно судить по следующим данным, относящимся к началу 1914 г. На 1 января 1914 г. имелось (в мил. руб.) [3]:

	Собствен. капиталов.	Вкладов и тек. счетов.	Помещений в учете и ссудах.
У петербургских банков . .	544,9	1834,0	2102,6
„ московских „ . .	151,7	467,1	695,3
„ провинциальных „ . .	139,8	237,9	354,0

Провинциальные банки, как видно из этих данных, играли небольшую роль на денежном рынке. Центральное

[1]) Азовско-Донской, Волжско-Камский, Петроградский Международный, Петроградский Торговый, Петроградский Учетно-Ссудный, Петроградский Частный Коммерческий, Русский для Внешней Торговли, Русский Торгово-Промышленный, Русско-Азиатский, Русско-Английский, Русско-Голландский, Русско-Французский, Сибирский, Лионский Кредит (отделение), Союзный.

[2]) Московский, Московский Купеческий, Московский Народный, Московский Промышленный, Московский Торговый, Московский Учетный, Московский Частный Коммерческий, Соединенный.

[3]) По данным „Сводного баланса акционерных банков коммерческого кредита, действующих в России“, изд. Ком. съездов представителей акц. коммерч. банков, на 1 января 1914 г. Это изд. мы цитируем дальше сокращенно: „Сводн. баланс“.

место занимали на нем петроградские банки, а затем московские. По размерам своих операций накануне революции — на 1 января 1917 г. — крупнейшими были [1]):

	в мил. руб.
Русский для Внешней Торговли с помещен. в уч.-ссудн. операц. в . .	608,7
Азовско-Донской „ „ „ „ „ . .	560,1
Русско-Азиатский „ „ „ „ „ . .	540,5
Волжско-Камский „ „ „ „ „ . .	526,7
Московский Купеческий „ „ „ „ „ . .	458,4
Петроградский Международный „ „ „ „ „ . .	440,6
Русский Торгово-Промышлен. „ „ „ „ „ . .	342,9
Сибирский Торговый „ „ „ „ „ . .	298,7
Соединенный „ „ „ „ „ . .	238,2

§ 2. Переходя к рассмотрению операций акционерных коммерческих банков и их роли в народном хозяйстве, мы должны раньше всего отметить, что за 54 года своего существования эти банки пережили в своем развитии несколько стадий.

В течение первых 25—30 лет своего существования до начала 90-х годов прошлого столетия акционерные коммерческие банки не были достаточно сильными учреждениями и не играли особенно крупной роли в народном хозяйстве. Удельный вес этих банков на денежном рынке по сравнению с Государственным банком в это время был относительно невелик. На 1 января 1890 г. у всех акционерных коммерческих банков в совокупности имелось вкладов и текущих счетов на 230,1 мил. руб. и в учете и ссудах ими было помещено 323,2 мил. руб. [2]). К этому времени вклады и текущие

[1]) По данным „Сводного баланса“ на 1 января 1917 г.

[2]) Эти, как и последующие данные об операциях акц. коммерч. банков основаны на официальных материалах „Сводн. балансов“. Они взяты нами за время до 1914 г., главным образом, из записки Ком. Съездов представителей акционерных коммерческих банков: „О желательных изменениях в постановке акционерного банкового дела в России“. П. 1917, стр. 76—77, а также из „Статистического Ежегодника“ Сов. Съезд. Промышлен. и Торг. на 1914 г. Приводимые ниже сведения за 1914—1917 г. взяты из составленного на основании тех же материалов „Сводных балансов“ раздела „Деньги и кредит“ в „Статистическом Сборнике за 1913—1917 г.г.“. Изд. ЦСУ Вып. 2.

счета, не считая вкладов казны составляли в Государственном банке 389,3 мил. руб., т.-е. превышали вклады в коммерческих банках, а учетно-ссудная операция была в Государственном банке лишь на 60—65 мил. руб. меньше этой операции по всей системе коммерческих банков в совокупности. В то же время на протяжении 18—19 лет, а именно с 1874—1875 г.г. до 1891—1892 г.г. операции коммерческих банков почти не развивались.

Это видно из следующего сопоставления. Всего состояло:

	На 1 янв. 1865 г.	На 1 янв. 1870 г.	На 1 янв. 1874 г.	На 1 янв. 1880 г.	На 1 янв. 1890 г.	На 1 янв. 1892 г.
Число банков	1	6	39	33	34	34
„ отделений	—	—	49	38	47	64
	В миллионах рублей.					
Капиталы	2,0	15,7	103,5	95,2	133,3	145,7
Вклады и текущ. счета	1,4	77,7	274,5	197,0	230,1	319,5
Учетно-ссудн.операц.	2,2	52,1	337,7	251,2	323,2	345,8
Баланс	—	—	517,6	431,4	575,3	698,9

Как видно из этих данных, в учете и ссудах у банков было помещено на 1 января 1874 г. — 337,7 мил. руб., а на 1 января 1892 года — 345,8 мил. руб. Даже сводный баланс коммерческих банков, отражающий целый ряд оборотных статей, возрос за это время лишь с 517,6 мил. руб. до 698,9 мил. руб. На протяжении 18—19 лет банковская система как бы застыла. Она не получала нового притока средств и не могла расширять своих кредитов.

Значительный сдвиг в развитии коммерческих банков наступает в 1893—1894 г.г., когда Россия вступила в полосу хозяйственного подъема, продолжавшегося, как известно, до

1899 г. [1]). На протяжении этого периода времени операции коммерческих банков быстро развиваются, как это видно из следующих сопоставлений. Всего состояло:

	На 1 янв. 1893 г.	На 1 янв. 1895 г.	На 1 янв. 1897 г.	На 1 янв. 1899 г.
Число банков	34	35	35	38
„ отделений	73	167	203	232
	В миллионах рублей.			
Капиталы	148,4	174,1	226,2	264,8
Вклады и текущ. счета	285,4	307,7	354,0	551,3
Учетно-ссудн. операц.	401,0	461,7	543,8	760,4
Баланс	728,7	864,7	1084,7	1382,9

На протяжении 6 лет коммерческие банки получают таким образом, возможность влить в оборот в порядке учета и ссуд новые средства на сумму около 360 мил. руб. Их капиталы, вклады, их общий баланс возрастают почти вдвое. Между тем, коммерческие операции Государственного банка за те же 6 лет остаются почти на одном и том же уровне. В учетно-ссудной операции Государственного банка было помещено: на 1 января 1893 г. — 167,3 мил. руб., на 1 янв. 1895 г. — 362,0 мил. руб., на 1 янв. 1897 г. — 373,1 мил. руб., а на 1 янв. 1899 г. — 274,8 мил. руб. К началу 1899 г. удельный вес на денежном рынке в области коммерческого кредита явно передвигается в сторону акционерных коммерческих банков. На 1 янв. 1899 г. ими помещено в учетно-ссудных операциях почти в 3 раза больше средств, чем Государственным банком.

В 1899 г. в России наступил общий торгово-промышленный кризис, продолжавшийся до 1902 г. и перешедший затем

[1]) О хозяйственном подъеме 1893—1899 г.г. см. *С. Первушин.* Хозяйственная конъюнктура. М. 1925 г., *А. Финн-Енотаевский.* Капитализм России. М. 1925 г., стр. 67 сл., *И. И. Левин.* Акц. ком. банки в России. 1917 г., стр. 257 сл.

в длительную депрессию, которая тянулась до 1908 г. Кризис 1899—1902 г.г., который сопровождался, между прочим, и кризисом на бирже, нанес сильный удар развитию акционерных коммерческих банков. Это раньше всего сказалось в приостановке роста их активных операций. Об этом говорят следующие сопоставления. Всего состояло [1]):

	На 1 янв. 1899 г.	На 1 янв. 1902 г.
Число банков	38	37
„ отделений	232	234
	В миллионах рублей.	
Капиталы	264,8	272,1
Вклады и текущ. счета . .	551,3	544,9
Учетно-ссудн. операции . .	760,4	748,3
Баланс	1382,9	1385,3

Балансы банков, движение их основных капиталов вкладов и текущих счетов и учетно-ссудных операций в течение этих 3 лет вновь как бы застывает. Но коммерческие банки не отделались одной лишь стабилизацией своих балансов. Ряд банков потерпел крупные убытки и оказался в очень затруднительном положении. Последующие правительственные ревизии выявили крайне нездоровую политику ряда крупных банков и их руководителей. В отдельных случаях выхода из затруднений не оказалось и дело закончилось крахом. Так было с Харьковским Торговым банком, где орудовал известный в то время делец Алчевский [2]). В ряде случаев банки были спасены от крахов в виду того, что им пришла на помощь казна через Государственный банк. *И. И. Левин* приводит ряд интересных выдержек из

[1]) Цифры взяты из той же таблицы записки „О желательных изменениях и т. д.".

[2]) История этого краха освещена у *М. Я. Герценштейна*. Харьковский крах. СПБ. 1903. Алчевский в 1901 г. покончил самоубийством.

материалов „Кредитной Канцелярии" Министерства Финансов, основанных на упомянутых выше ревизиях, по поводу того положения, в котором оказались в это время коммерческие банки [1]). Так, ревизия Русского Торгово-Промышленного банка показала, что „собственные средства банка более чем исчерпаны совершенно неподвижными помещениями и поддающиеся реализации активы должны сполна (рубль за рубль) отвечать за востребуемые вклады... При усиленном востребовании вкладов по тем или другим причинам, банк должен испытать серьезные стеснения" [2]). Ревизия Петербургского Международного банка определяла размер убытков этого банка в $4^1/_2$ мил. руб., высказав, что это „наименьший предел убытка... так как следует ожидать потерь на реализации бумаг, находящихся в портфеле банка, а также на бланковых кредитах банка финансируемым предприятиям" [3]). Наиболее яркую картину представляли собою в этом отношении так наз. „поляковские" банки, т.-е. банки, которые находились в руках бывш. московского банкирского дома *Л. С. Полякова.* „Самым крупным и наиболее пострадавшим в то же время из поляковских банков", говорит *И. И. Левин*: „был Московский Международный Торговый банк. Ужасаешься при виде картины использования его Поляковыми. Потери банка правительственным уполномоченным определялись в сумме около 13,5 мил. руб. Эта сумма составилась, главным образом, из долгов Персидского Товарищества, в сумме 4.700 тыс. руб. при наличности имущества предприятия на 200—330 тыс. руб., Персидского Страхового О-ва (сумма неизвестна), Перловской мануфактуры, „которая в действительности никогда не существовала" — около 1 мил. руб., на финансирование фабрик в Ревельском районе... свыше 2 мил. руб.... по товарным операциям за собственный счет в отделениях Челябинском, Либавском, Пензенском, Евпаторийском — до 600 тыс. руб.... и т. д.,

---

[1]) См. *И. И. Левин.* Акционерные коммерческие банки в России Т. I П. 1917, стр. 268 сл.

[2]) Там же, стр. 269.

[3]) Там же, стр. 270.

и т. д. Все эти операции были друг с другом обычно перепутаны и связаны, большинство предприятий принадлежало Полякову, который передавал их банку, соединял, разъединял, расширял, сокращал, ликвидировал..."[1]). По сведениям правительственного уполномоченного „сам Поляков, на правах полного и бесконтрольного хозяина банка, задо.. ..л ему до 8 миллионов рублей"[2]).

Удар, который был нанесен коммерческим банкам торгово-промышленным кризисом 1899—1902 г.г., привел в то же время к изменению их взаимоотношений с Государственным банком и к падению их относительной роли на денежном рынке. Между тем как активные операции коммерческих банков остаются в эти годы стационарными, учетно-ссудная операция Государственного банка обнаруживает как раз за это время быстрый рост. У Государственного банка было помещено в учете и ссудах (в мил. руб.):

На 1 янв. 1899 г.	274,8	На 1 янв. 1901 г.	479,8
На 1 янв. 1900 г.	406,2	На 1 янв. 1902 г.	561,1

Известная часть этого роста операций Государственного банка приходится на те кредиты, которые Государственный банк был вынужден открыть коммерческим банкам[3]). Но общая сумма задолженности коммерческих банков по переучету и перезалогу возросла с 1 янв. 1899 г. до 1 янв. 1902 г лишь с 47,0 мил. руб. до 90,4 мил. руб. Из этого видно, что Государственному банку пришлось, повидимому, употребить для дополнительного кредитования банков в эти годы лишь несколько десятков миллионов рублей. Между тем,

[1]) Там же, стр. 275.

[2]) *Там же*, стр. 275. Долг *Л. С. Полякова* другому банку — Южно-Русскому Промышленному — составлял на 1 января 1903 г. 7.700 тыс. руб. (Левин, там же, стр. 276.)

[3]) „В 1901 г. наступил не только биржевой, но и промышленный кризис,— читаем мы в одном официальном издании, — во время которого Государственный Банк, конечно, не мог придерживаться сдержанного направления в развитии коммерческих операций, особенно же учета и, в частности, должен был оказывать поддержку частным банкам, находившимся в затруднительном положении". Юбилейное Издание „Государственный Банк 1860—1910" П. 1910, стр. 39.

его учетно-ссудные операции возросли за те же годы почти на 100 мил. руб. Это, очевидно, указывает на то, что Государственный банк в этот период, вообще, более широко развивал свои коммерческие операции. К началу 1902 г. помещения коммерческих банков в учетно-ссудных операциях превышают соответствующие помещения Государственного банка уже не в 3 почти раза, как это было перед кризисом, а всего лишь в $1^1/_2$ раза.

В течение 1902—1903 г.г. операции коммерческих банков несколько развиваются, но затем банки до 1906 г. вновь попадают в полосу застоя. Соответствующие данные для этого периода — следующие:

	На 1 янв. 1902 г.	На 1 янв. 1904 г.	На 1 янв. 1906 г.	На 1 янв. 1907 г.
Число банков	37	37	35	35
„ отделений	234	278	327	339
	В миллионах рублей.			
Капиталы	272,1	268,6	272,7	295,9
Вклады и текущ. счета	544,9	722,1	671,4	760,9
Учетно-ссудн. операц.	748,3	983,7	978,5	977,5
Баланс	1385,3	1773,7	1913,8	1883,6

Хозяйственная депрессия закончилась в 1908 г. По мнению исследователей конъюнктуры, новый подъем начинается с 1909 г.[1]), но в области развития операций коммерческих банков полоса подъема начинается несколько раньше (как это, между прочим, было отчасти и перед подъемом 90-х годов). Уже с 1907 г. возобновляется рост учетно-ссудных операций банков, прилив вкладов, общий рост балансов и т. д. *С этого времени до начала войны акционерные коммерческие банки переживают полосу исключительно быстрого развития.* В это время они вырастают

[1]) См. *С. Первушин*, указ. соч., стр. 164.

в мощные институты. О ходе их развития в этот — наиболее благоприятный для них — период говорят следующие сопоставления:

	На 1 янв. 1907 г.	На 1 янв. 1909 г.	На 1 янв. 1911 г.	На 1 янв. 1913 г.	На 1 янв. 1914 г.
Число банков	35	34	33	45	47
„ отделений	339	403	643	732	743
	В миллионах рублей.				
Капиталы	295,9	312,0	443,2	740,9	836,5
Вклады и текущ. счета	760,9	976,8	1675,0	2293,3	2539,0
Учетно-ссудн. операц.	977,5	1196,9	2075,9	2890,0	3161,9
Баланс	1883,6	2250,0	3825,4	5498,0	6233,0

За рассматриваемый 7-летний период акционерные коммерческие банки, как видно из этих данных, сильно развили свои операции. Вклады и текущие счета возрасли в них за это время в 3 раза с лишком. Настолько же приблизительно возрасли и их учетно-ссудные операции. Собственные капиталы банков также увеличились почти в 3 раза.

В этот же период произошло решительное изменение во взаимоотношениях Государственного банка и акционерных коммерческих банков и в их относительном удельном весе на денежном рынке, тот сдвиг, о котором нам уже приходилось говорить в предыдущей главе. Государственный банк был оттеснен от непосредственного кредитования торгово-промышленного оборота, и это кредитование сосредоточилось, главным образом, в руках акционерных коммерческих банков. Значительную часть тех средств, которые Государственный банк вливал в коммерческий оборот, он проводил через те же коммерческие банки. Об этом сдвиге говорят следующие цифры. На 1 января 1914 г. всего было помещено в учетно-ссудных операциях (в мил. р.):

по Государственному банку 1.672,
в том числе в его непосредственных операциях 584,3
по акционерным коммерческим банкам 3.161,9
по обществам взаимного кредита и городским общественным банкам . 962,8

Таким образом, *к этому времени учетно-ссудные операции акционерных коммерческих банков превосходили соответствующие операции Государственного банка по непосредственному кредитованию торгово-промышленного оборота почти в $5^1/_2$ раз.* В то же время операции коммерческих банков по учету и ссудам в 3 с лишком раза превосходили соответствующие операции других учреждений краткосрочного кредита.

Начавшаяся в 1914 г. война не приостановила роста операций коммерческих банков. Лишь в первые месяцы после объявления войны банки оказались вынужденными прибегнуть к усиленному позаимствованию средств из Государственного банка, так как вслед за объявлением войны произошел некоторый отлив вкладов из коммерческих банков. Но уже в последние месяцы 1914 г. прилив вкладов в частные банки возобновляется, и в течение 1915 г., и в особенности в течение 1916 и 1917 г., он происходит в усиленных размерах. В связи с этим акционерные банки получают возможность усилить помещение средств в учете и ссудах и их операции продолжают быстро расти.

Этот рост можно видеть из следующих сопоставлений:

	На 1 янв. 1914 г.	На 1 июля 1914 г.	На 1 янв. 1915 г.	На 1 янв. 1916 г.	На 1 янв. 1917 г.	На 1 апр. 1917 г.
Число банков .	47	48	50	50	53	50
„ отделен. .	743	—	762	782	—	—
	в миллионах рублей					
Капиталы . . .	836,5	897,3	906,1	930,6	993,6	1.089,9
Вклады и т/сч .	2539,0	1.807,8	1.873,2	3.931,1	6.747,6	1.548,4
Уч-ссуд. опер. .	3161,9	3.180,3	3.190,1	3.711,5	5.491,5	6.326,5
Баланс	6233,0	6.381,8	6.521,4	8.434,0	13.051,3	14.461,0

Несмотря, однако, на то обстоятельство, что операции коммерческих банков в течение 1914—1917 г.г. продолжают

расти, было бы неправильно рассматривать этот период в деятельности коммерческих банков, как простое продолжение периода подъема 1907—1913 г. г., ибо между этими двумя полосами в развитии комерческих банков существует лишь внешнее сходство. Развитие операций коммерческих банков в период войны имело в своей основе явление бумажно-денежной инфляции. Рост оборотов, рост депозитов и активных операций представляли собой по существу нездоровое разбухание, а отнюдь не процесс нормального развития. Кроме того, как мы увидим дальше, в течение этого периода положение коммерческих банков крайне осложнилось, с одной стороны, вследствие того, что они были втянуты в процесс финансирования войны и их портфели переполнились облигациями военных займов, а с другой—вследствие того, что они, имея активы, выраженные в обесценивавшихся бумажных деньгах, имели у себя на пассиве крупную задолженность иностранным банкам в более стабильных валютах. Вот почему положение коммерческих банков накануне Октябрьской революции было по существу далеко не блестяще, несмотря на внешнее благополучие большие прибыли, выраженные в бумажных деньгах, и рост курсов их акций. Октябрьская революция и последовавшая за ней национализация банков избавили русские акционерные коммерческие банки от необходимости подсчитать результаты своих номинальных прибылей и подвести итоги тем изменениям, которые внесла в их положение бумажно-денежная инфляция. Но на основании того, что произошло под влиянием той же бумажно-денежной инфляции с депозитными банками Германии, которые уже сделали указанные подсчеты, а также с банками Италии и Франции, у которых этот подсчет еще впереди, можно с определенностью сказать, что к августу—сентябрю 1917 г. русские коммерческие банки потеряли значительную часть своих средств и уже далеко не имели того удельного веса в народном хозяйстве, который они имели накануне войны.

§ 3. Мы осветили основные этапы в развитии деятельности акционерных коммерческих банков. Остановимся теперь несколько подробнее на отдельных операциях этих

банков и посмотрим, откуда они черпали средства для своих операций и как они эти средства размещали. Мы остановимся при этом, главным образом, на последних двух периодах в развитии деятельности этих банков, то-есть на времени 1907 — 1917 г. г.

Пассивы русских коммерческих банков складывались из 4-х основных групп: *собственных капиталов, вкладов и текущих счетов, переучета и перезалога и сумм, принадлежавших корреспондентам.* Чтобы ближе познакомиться с характером этих 4 групп пассивов, приведем данные о размерах, которых они достигали перед войной. На 1 января 1914 г. по сводному балансу акционерных коммерческих банков числилось (в мил. рубл.):

собственных капиталов	836,5
в т. ч. основных	585,0
„ „ „ запасных	189,4
„ „ „ прочих	62,1
вкладов	2539,0
в т. ч. текущ. счетов	1786,1
„ „ „ срочных вкладов	683,3
„ „ „ бессрочных вкладов	69,6
переучета и перезалога	334,7
на корреспондентских счетах	1458,1
в т. ч. по счетам Лоро	1003,0
„ „ „ „ Ностро	455,1

Собственные капиталы банков, как мы видели, выросли главным образом, в последние два периода, в 1907—1914 г.г. и в 1914 — 1917 г.г. На 1 января 1907 г. они составляли лишь 295,9 м. р., на 1 января 1914 г. они дошли до 836,6 м. р., а на 1 января 1917 г. выросли до 993,6 м. р. Для оценки этого роста собственных капиталов, в составе которых главную часть играли капиталы основные, надо иметь в виду, что этот рост был связан с ростом вкладов и текущих счетов и в некоторой мере оказывался вынужденным. Дело в том, что в старом законе, регулировавшем деятельность коммерческих банков, имелось ограничение по отношению к пассивам банка. Относившаяся сюда статья (Свод. Зак. Т. XI. Устав Кред. Разд. X, ст. 21), гласила: „Сумма обязательств банка не должна превышать складочный

и запасный капитал более, чем в пять раз". Эта статья, введенная в 1883 г., [1]), заставляла банки увеличивать свои основные капиталы по мере роста вкладов и текущих счетов.

Основной статьей пассивов акционерных коммерческих банков являлись вклады и текущие счета. Эта статья дала в распоряжение коммерческих банков к началу 1914 г. свыше $2^1/_2$ миллиардов рублей. В период 1907—1914 г. г. приток депозитов выразился, главным образом, в форме прилива текущих счетов. На 1 января 1914 г. банки имели депозитов в виде текущих счетов на 1.786 мил. р., а в виде срочных вкладов — на 683 мил. р., т.-е. сумма текущих счетов превышала сумму срочных вкладов более чем в $2^1/_2$ раза. В период войны соотношение складывалось еще более благоприятно для текущих счетов. На 1 января 1917 г. сумма текущих счетов составляла у всех акционерных коммерческих банков в совокупности — 6.069,5 мил. р., сумма срочных вкладов — 595,2 м. р., а сумма бессрочных вкладов — 82,9 мил. р. Таким образом, сумма текущих счетов к этому времени превышала сумму срочных вкладов более, чем в 10 раз. Такое преобладание текущих счетов в общем составе депозитов коммерческих банков создалось, однако, лишь в последние десятилетия. Как отмечает *Е. Эптейн*, до 90-х годов прошлого столетия депозиты имели по преимуществу характер срочных вкладов, и сумма срочных

---

[1]) До 1883 г. существовало другое отношение 1 : 10, при чем банки, уставы которых были утверждены до этого, очевидно, сохранили за собой право принимать на себя обязательства в 10-кратном размере по отношению к своим основным и запасным капиталам. Так, например, в уставе Волжско-Камского банка, изданном в 1908 г., этот пункт гласит: „Общий итог принятых банком и его отделениями сумм во вклады и на текущий счет, переучтенных ими векселей и всяких других принятых на себя денежных обязательств не должен ни в каком случае превышать более чем в десять раз собственные капиталы банка запасный и складочный". (§ 23). В том же смысле этот пункт редактирован и в уставе Русского для Внешней Торговли банка (издания 1909 г.). Московского Купеческого банка (издания 1908 г.) и др. С другой стороны, в уставе Северного банка, утвержденном в 1901 г., и в уставе Русского Торгово-Промышленного банка, утвержденном в 1889 г., предусмотрена пропорция 1 : 5.

вкладов превышала сумму текущих счетов[1]). Это изменение в составе депозитов коммерческих банков имеет большое значение, ибо оно указывает на то, что в последнее десятилетие перед войной в России стал также наблюдаться тот процесс вытеснения банкноты со стороны депозита, о котором нам приходилось говорить в одной из предыдущих глав.

В составе статьи „переучета и перезалога", на которой значилось на 1 января 1914 г. 334,7 мил. р., часть суммы должна быть отнесена на счет взаимных позаимствований средств одними банками у других, а другая часть представляет позаимствования коммерческих банков у Государственного банка. Размеры этого последнего позаимствования, на котором мы еще остановимся ниже, приходится определять на основании данных отчетов Государственного банка.

Четвертая большая группа пассивов охватывает, как мы видели, корреспондентские счета. По существу, корреспондентские счета должны были бы отражать, как в пассиве, так и в активе, взаимные расчеты кредитных учреждений между собой, а не прилив средств к данной кредитной системе со стороны. Однако, на самом деле, как нам уже приходилось отмечать при анализе банковских операций дело обстоит несколько иначе. Под флагом „корреспондентских" отношений банки фактически проводят отношения чисто кредитного характера.

В частности, корреспондентские счета в пассиве русских коммерческих банков по существу отражали в значительной мере *задолженность русских банков иностранным „корреспондентам"*, т.-е. иностранным банкам, и по этой статье проходили те суммы, которые иностранные банки помещали в русских банках в порядке кредита. *Е. Эпштейн* думает, что из общей суммы корреспондентских счетов на 1 января 1914 г., которые составляли 1.741 мил. р. по активу и 1.458 мил. руб. по пассиву, лишь около $^1/_5$, т.-е. около 300 милл. руб. составляли сальдо действительных взаимных расчетов по корреспондентским операциям, остальные же $^4/_5$, т.-е. около 1.200 мил. р., как по пассиву, так и по активу,

[1]) *E. Epstein.* Les banques de commerce russe. Paris. 1925, стр. 29

по существу, имели совершенно иной характер. Что касается этой суммы в 1.200 мил. р. по пассиву, то она, как говорит Эпштейн, „должна была бы скорее фигурировать среди текущих счетов до востребования. Эти суммы принадлежали в большей своей части крупным промышленным и торговым предприятиям и иностранным клиентам банка, которые либо хотели этим путем извлечь выгоду из русского денежного рынка, где процентные ставки были выше, либо хотели запастись резервными суммами в рублях для оплаты импорта русских сырых материалов“ [1]).

Мы рассмотрели группировку пассивов акционерных коммерческих банков с формально-технической точки зрения, т.-е. с точки зрения того, как они отражались на балансах. Интересно, однако, выяснить, как группируются эти источники с народно-хозяйственной точки зрения. Подходя к вопросу с этой стороны, мы должны сказать, что, в общем и целом, *коммерческие банки получали средства из трех источников, а именно: с внутреннего денежного рынка, с иностранного денежного рынка и из рессурсов казны.*

К сожалению, те материалы, которыми мы располагаем, не дают пока возможности установить с достаточной точностью удельный вес каждого из этих 3 источников в общей сумме пассивов коммерческих банков. Что касается рессурсов казны, то, как мы видели, они поступали в распоряжение коммерческих банков в порядке открытия им переучетных и перезалоговых кредитов со стороны Государственного банка. Этими кредитами коммерческие банки пользовались в значительной мере по расчетному отделу Государственного банка. Мы приводим выше данные о размере тех кредитов, которые Государственный банк проводил через всех своих посредников. На основании этих данных, а также данных балансов коммерческих банков, можно считать, что задолженность коммерческих банков Государственному банку по переучету и перезалогу к началу 1914 года составляла около 300 мил. руб.

---

[1] Там же стр. 24.

Наряду с этим средства казны поступали в распоряжение коммерческих банков и по другим путям. *Раньше всего, казна держала в заграничных отделениях русских банков значительные суммы в виде вкладов.* Суммы казны в отделениях русских банков за границей составляли на 1 января 1912 г. — 226,1 мил. р., на 1 января 1913 г. — 191,5 мил. р., а на 1 января 1914 г. — 202,6 мил. р. [1]).

Кроме того, казна держала в банках значительные суммы в виде железнодорожных вкладов, размеры которых к началу 1914 г. составляли 333,6 мил. руб. [2]). Общая сумма средств, предоставленная казной и Государственным банком частным банкам, к началу 1914 г. определялась в 754,8 мил. р. [3]).

Во время войны взаимоотношения частных коммерческих банков с Государственным банком, как нам уже приходилось отмечать в первой части книги, подверглись изменениям. В первый месяц позаимствования частных банков в Государственном банке значительно усилились, что нашло отражение

---

[1]) По материалам Особенной канцелярии по кредитной части, приводимым *С. Рониным*. („Иностранный капитал и русские банки" М. 1926, стр. 88). Эти цифры, недавно опубликованные С. Рониным, из которых видно, что на 1 января 1914 г. министерство финансов держало в заграничных отделениях русских банков значительные суммы, интересно сопоставить с рассуждениями изданной в 1914 г. записки Особенной канцелярии по кредитной части: „К вопросу о «русском золотом запасе за границей»", в которой доказывалось, что если накоплять валютные запасы за границей, то их следует держать в иностранных банках, а не в русских. В подтверждение этого взгляда в записке приводится следующая выдержка из журнала комитета финансов от 1 марта 1913 г.: „Останавливаясь на сумме в 700 мил. р., как нормальном запасе иностранной валюты, Комитет Финансов вместе с тем принял во внимание, что наличность эта достаточна лишь при условии полной ее несвязанности. Между тем обычно некоторые вклады за границей помещаются в отделениях русских банков и в особых случаях иностранная валюта предоставляется также и правлениям в России. При наступлении осложнений в политическом положении или хозяйственном обороте России суммы эти едва ли могут быть срочно востребованы без ущерба экономическим интересам страны. Посему, кредитование русских банков золотом должно производиться с особой осторожностью" (стр. 68—69).

[2]) *С. Ронин*, там же, стр. 89.

[3]) Там же, стр. 91.

на счете „переучета и перезалога“. Остаток задолженности банков по этому счету, составлявший к началу 1914 г., как мы видели, 335 мил. руб., к 1 августа 1914 г. поднялся до 536 мил. руб. Затем этот остаток стал падать, и к началу 1915 г. он вновь почти вернулся к уровню начала 1914 г., опустившись до 363 мил. р. В течение 1915, 1916 и начала 1917 г. г. счет этот колебался в пределах 300—400 мил. руб., и удельный вес его, в виду общего нарастания балансов банков, стал падать. Больше того, в течение 1915—1916 г. г., как мы увидим дальше, *коммерческие банки из должников казны превратились в ее кредиторов*, так как они поместили крупные суммы из притекавших к ним вкладов в облигациях государственных займов и краткосрочных обязательствах казначейства. Однако, во второй половине 1917 г. частные банки вновь оказались вынужденными прибегнуть к помощи Государственного банка, главным образом, в связи с тем, что у них застрял в портфеле выпущенный Временным правительством „Заем Свободы“. Задолженность акционерных коммерческих банков по переучету и перезалогу, составившая на 1 марта 1917 г. — 329,0 мил. руб., на 1 октября 1917 г. выразилась в сумме 1.000,4 мил. руб.[1]).

Иностранные капиталы приливали в кассы акционерных коммерческих банков в разных формах. Раньше всего, в руках иностранных банков и иностранных капиталистов находилась значительная часть *акций* ряда русских коммерческих банков. Иностранный капитал, иначе говоря, участвовал в составлении основного капитала коммерческих банков. Главная масса иностранных капиталов притекала, однако, в русские банки через иностранные банки, которые помещали в русских банках значительные суммы в форме краткосрочных ссуд под залог векселей (так наз. „пансионов“) или в других формах. Эти суммы фигурировали на тех корреспондентских счетах, о которых мы говорили выше, и входили в состав того 1,2 милли-

---

[1]) Данные на 1 октября 1917 г. — по статье *Г. Я. Сокольникова*. „К вопросу о национализации банков“ в книге „Финансовая полит. революции“, Т. I. М. 1925, стр. 46.

ардов рублей, которые по оценке *Е. Эпштейна* по существу представляли собой текущие счета [1]).

Вопрос об участии иностранных капиталов в русском народном хозяйстве и в частности вопрос о роли иностранных средств в составе тех рессурсов, которыми оперировали русские коммерческие банки, давно служит у нас предметом внимательного изучения. По этому вопросу создалась довольно значительная литература, которая в последнее время обогатилась рядом материалов, почерпнутых из архивов бывшей „Кредитной Канцелярии" Министерства Финансов, ведавшей делами коммерческих банков [2]). Но, несмотря на обилие интересных фактов, которые устанавливают крупное участие иностранного капитала в русских банках и, главное, крупное влияние его на направление деятельности этих банков, мы все же не располагаем пока достаточно точными цифровыми материалами *о размерах* тех средств, которые иностранцы держали в русских банках. Здесь можно говорить только о приблизительных оценках. Что касается участия иностранных капиталов в образовании основных капиталов банков, то здесь можно исходить из цифры *П. В. Оля*, который считает, что участие это для всех кредитных учреждений перед революцией выражалось в сумме 237,2 мил. руб., из которых около 200 мил. руб. приходится на участие в акциях коммерческих банков [3]). Что же касается тех капиталов которые были даны иностранными банками русским коммер-

---

[1]) Иностранные средства могли фигурировать в операциях русских банков и по рубрике обыкновенных текущих счетов и даже, может быть, по счету „переучета и перезалога".

[2]) Из старых работ назовем книгу *Б. Ф Брандта.* Иностранные капиталы. СПБ. Ч. I. 1898, Ч. II. 1899; из более новых работ — *И. И. Левин.* Германские капиталы в России. СПБ. 1914, *А. Н. Зак.* Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности. СПБ. 1914, *П. В. Оль.* Иностранные капиталы в России. П. 1922. По материалам „Кредитной канцелярии" написаны недавно вышедшие работы: *Н. Ванаг.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М. 1925 г. и *С. Ронин.* Иностранные капиталы и русские банки. М. 1926. Ту же тему трактует написанная перед войной книга *E. Agahd.* Grossbanken und Weltmarkt. Berlin, 1914.

[3]) *П. В. Оль.* Иностранные капиталы в России. П. 1922, стр. 8—30 64, 77 и 117.

ческим банкам в форме „пансионов“ и в других формах таркосрочного кредита, то оценку их давать трудно, но мы хотели бы подчеркнуть, что размеры их не следует преувеличивать. Надо иметь в виду, что в главной своей массе они составляли лишь часть той суммы „корреспондентских“ счетов, которая притекала в банковскую систему со стороны.

Выше мы видели, что общие ресурсы акционерных коммерческих банков составляли перед войной — на 1 января 1914 г. — около 5 миллиардов рублей. Как бы мы ни оценивали размеры той части ресурсов, которая приходилась на иностранные капиталы, не подлежит сомнению, что средства казны вместе с иностранными капиталами не превышали в этих ресурсах 1½ — 2 миллиардов рублей. *Главная масса средств, которыми оперировали в это время акционерные коммерческие банки, в 3 — 3½ миллиарда рублей, представляла собою средства, полученные ими из третьего из указанных выше источников, т.-е. из ресурсов внутреннего денежного рынка.*

§ 4. Посмотрим теперь, как размещали коммерческие банки имевшиеся в их распоряжении средства. Чтобы подойти к рассмотрению этого вопроса, т.-е. к анализу *активных операций* банков, приведем, раньше всего, некоторые детали о распределении основных активов коммерческих банков за последние два периода их деятельности.

По сводным балансам акционерных коммерческих банков в основных активах этих банков состояло (в мил. руб.)[1]: (См. табл. на стр. 474.)

Как видно из этих данных, при общей сумме основных активов, достигавшей к началу 1914 г. 4.741 мил. руб., коммерческие банки поместили к этому времени в учете векселей и друг. документов[2] — 1.546,5 мил. руб., т.-е. около 32,6%

[1]) Данные за 1909 г. — по изданию: „Статист. краткосрочн. кредита“, Т. II. СПБ, стр. 335.

[2]) К числу упоминаемых нами „других документов“ относятся торговые обязательства, соло-векселя, обеспеченные недвижимыми имуществами, и т. п. которые в своей совокупности играли незначительную роль в общей массе учета по сравнению с векселями с двумя подписями.

	На 1 янв. 1909 г.	На 1 янв. 1914 г.	На 1 янв. 1917 г.
В учете векселей и др. документ. .	715,8	1546,5	2991,5
„ ссудах под залог ценных бумаг . .	64,1	56,1	226,7
„ „ „ „ товаров		28,1	115,0
„ спец. тек. счете под ценные бумаги .		941,9	1230,2
„ „ „ „ „ векселя и торг. обяз.	417,1	298,4	416,0
„ спец. тек. счете под товары и тов. докум.		290,9	512,0
„ корреспонд. Лоро, обеспеч. цен. бумаг.		665,6	2142,3
„ корреспонд. Лоро, обеспеч. товарами и тов. док.	332,7	77,8	98,3
„ корреспонд. Лоро, обеспеч. векс. и торг. обяз.		316,2	551,3
„ корреспонд. Лоро в форме бланк. кред.		204,7	207,9
„ ценных бумагах на собствен. счетах банков	114,1	314,9	866,1

в специальных текущих счетах — 1.531,2 мил. руб., или около 32,3%, и в корреспондентских счетах — 1.264,3 мил руб.[1]), или около 26,7%.

Выше мы указывали, что под корреспондентскими счетами у русских акционерных коммерческих банков фигурировали в главной своей массе чисто-кредитные операции. На корреспондентских счетах в пассиве, как мы видели, числились краткосрочные вклады. Что касается корреспондентских счетов „Лоро" в активе, то на них в большой части стояли те суммы, которые банки давали связанным с ними промышленным и торговым предприятиям, и которые по тем

[1]) Сюда входят только суммы корреспондентов Лоро. На корреспондентских счетах Ностро, кроме того, числилось на 1 января 1914 г. „свободных сумм" банков на 122,7 мил. руб. и по „вексел. у корреспондентов" 8[illegible],2 мил. руб.,

или иным причинам банкам было неудобно проводить в порядке обычного учета векселей или различного рода ссуд. Сюда входили, главным образом, авансы, связанные с выпуском новых акций. В одной из официальных записок „Комитета Съездов“ представителей акционерных коммерческих банков характер этих операций изображен следующим образом: „Развитие активного счета корреспондентов Лоро, — читаем мы в этой записке, — обозначает, между прочим, широкое участие банков в размещении фондовых и дивидендных ценностей, в предоставлении промышленным предприятиям предварительного, так сказать, промышленного кредита — до консолидации такового в форму акционерного или облигационного выпуска, подлежащего размещению при участии банков, и, наконец, в ссудах — более обычного вексельного кредита — долгосрочных, но экономически обоснованных реальными потребностями промышленного предприятия“ [1]).

Выше, в главе VII, при анализе экономической сущности банковских операций мы отметили основное различие между вексельными операциями и операциями с ценными бумагами. Мы указали там, что, в общем и целом, с известными оговорками можно считать, что вексельные операции, как и операции товарные, отражают направление средств на пополнение оборотных капиталов предприятий, а операции с ценными бумагами — направление средств на пополнение их основных капиталов. С этой точки зрения представляет большой интерес вопрос о том, какая часть средств коммерческих была помещена в вексельной операции, какая в товарной, и какая — в операции с ценными бумагами. Если с этой точки зрения сгруппировать приведенные выше данные, то

[1]) Записка „О желательных изменениях в постановке акционерного банкового дела в России“. П. 1917, стр. 40—41. На этот характер главной массы корреспондентских счетов — $^1/_5$ общей суммы — указывает и *Е. Эпштейн*, который отмечает, что по этим счетам фактически проводились такие же операции, какие фигурировали в активе по счетам различных ссуд, но что их проводили под флагом корреспондентских отношений „по причинам, коренившимся в ограничительных постановлениях банковского закона и уставов русских банков“ (E. Epstein, там же, стр. 24—25).

мы для начала 1914 и 1917 г. г. получим следующие результаты. Было помещено (в мил. руб.):

	На 1 янв. 1914 г.	На 1 янв 1917 г.
В учете векселей (и др. докум.)	1546,5	2991,5
„ спец. текущ. счете под векс. и др. докум. .	298,4	416,0
Итого по вексельной операции . .	1845,9	3107,5
„ ссудах под залог товаров	28,1	115,0
„ спец. текущих счет. под товары	290,9	512,0
Итого в товарн. операции	329,0	627,0
„ ссудах под залог ценных бумаг	56,1	226,7
„ специальном текущем счете под цен. бум. .	941,9	1230,2
„ Корресп. Лоро, обеспечен. цен. бумаг . . .	665,6	2142,3
„ ценных бумагах на счетах банков	314,9	866,1
Итого в операциях с цен. бумаг. .	1978,5	4165,3

Как видно из этих данных, главное место в активных операциях банков перед войной *занимали операции с ценными бумагами*, в которых было помещено на 1 января 1914 г. около 2 миллиардов рублей. В составе этих ценных бумаг, в которых банки поместили свои средства в порядке покупки их за свой счет, выдачи под них ссуд и т. д., небольшую часть составляли так назыв. „гарантированные“ ценные бумаги, т.-е. облигации государственных займов, железнодорожные облигации, гарантированные правительством, и т. п. В составе тех 1.978.5 мил. руб., в которых ценные бумаги фигурировали в помещениях банков на 1 января 1914 г., было помещено в ценных бумагах „гарантированных“ всего 389,2 мил. руб., или [illegible]. Остальная сумма приходится на помещения в железнодорожных ценностях, не гарантированных прави-

тельством, закладных листах ипотечных банков, акциях промышленных предприятий и т. д. Это и есть те помещения, которые давали коммерческим банкам возможность оказывать влияние на промышленные предприятия и выступать сплошь и рядом в роли их фактических хозяев. Нам приходилось уже приводить некоторые иллюстрации того, как наши коммерческие банки пользовались сосредоточивавшимися у них ценными бумагами для того, чтобы руководить промышленными предприятиями [1]). Мы не будем останавливаться здесь на большом вопросе о том, каковы были взаимоотношения наших коммерческих банков с индустрией, с которым связан и вопрос о влиянии иностранного капитала на наши банки, а также и на вопросе о „регулярных" и „иррегулярных" операциях наших банков [2]). Мы хотели бы лишь отметить, что в политике бывших коммерческих банков наблюдались в этом отношении *две* различные тенденции. Одна часть банков, к которой принадлежало меньшинство банков, как Московский Купеческий, Московский Учетный и некоторые другие, старались держаться в рамках „регулярных" операций, приближаясь в этом отношении к типу английских депозитных банков. Другая же часть банков, к которой принадлежало большинство наиболее крупных банков, и в том числе главные петербургские банки — Русский для Внешней Торговли, Азовско-Донской, Петербургский Международный и т. д., шли в этом отношении по пути германских банков. Они широко практиковали „иррегулярные" операции, принимали активное участие в учреждении и направлении работы промышленных предприятий, широко финансировали эти предприятия, выдавая им различного рода бланковые ссуды, и, вместе с тем, принимали самое активное участие в выпусках акций этих предприятий. В то же время эти банки широко практиковали торгово-комиссионные операции [3]). Уставы

---

[1]) См. выше, стр. 167 сл.

[2]) См. об этом в нашей книжке: „Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции". М. 1912, гл. V, а также упомянутые выше работы *Гиндина* и *Ронина*.

[3]) Об этих операциях см. указанную выше нашу работу: „Коммерч. банки и их торг.-комиссион. операции". М. 1912.

банков оказывались узки для такого направления политики, и банки проводили большую часть этих операций под флагом „корреспондентских“ счетов. Эта вторая группа банков была значительно сильнее первой, и ее политика наложила свой отпечаток на общий характер старой русской банковской системы.

§ 5. Для оценки операций коммерческих банков следовало бы осветить еще вопрос о движении в России учетного процента, об отношениях на нашем денежном рынке официального дисконта Государственного банка и частного дисконта коммерческих банков, а также провести параллель между движением учетного процента в России и за границей [1]). Мы не имеем, однако, возможности останавливаться здесь на этой проблеме во всей ее широте и ограничимся немногими замечаниями.

Общую картину движения учетной ставки в России и в некоторых европейских странах за последние 10 лет до войны дает следующая таблица [2]).

Средний годовой учетный процент составлял:

Год	В Лондоне		В Париже		В Берлине		В Петрограде	
	Офиц.	Частн.	Офиц.	Частн.	Офиц.	Частн.	Офиц. [3])	Частн. [4])
1904	3,30	2,70	3,00	2,19	4,22	3,14	5,38	—
1905	3,01	2,66	3,00	2,10	3,82	2,[illegible]5	5,64	—
1906	4,27	4,05	3,00	3,72	5,15	4.04	7,27	—
1907	4,93	4.53	3.46	3,40	6,03	5.12	7,12	—
1908	3,01	2,31	3,04	3,25	4,76	3,52	5,[illegible]9	—
1909	3,10	2,31	3,00	1,79	3,93	2,87	4,9[illegible]	—
1910	3,72	3,18	3.00	2,44	4,85	3,54	4,50	—
1911	3,47	2,94	3,14	2,61	4,10	3,54	4,50	5³/₄—6³/₄
1912	3.77	3,64	3,38	3 16	4,[illegible]5	4,22	5,06	5[illegible]—6[illegible]
1913	4,77	4,37	4,00	3,87	4,81	4,75	6,00	6¹/₄—6[illegible]

---

[1]) Об официальном и частном дисконте см. выше, гл. VIII.

[2]) Данные взяты из изд. „Русские биржевые ценности 1914—15 г. г.“ П. 1915, стр. 136 и 146.

[3]) Учетный % Государственного банка по 3-месячным векселям.

[4]) Для первоклассных векселей. Для средних векселей ставка выше на ¹/₂—³/₄%.

Как видно из этой таблицы, процент в России все время был выше, чем в Лондоне, Париже и Берлине. В особенности в России стоял значительно выше частный процент, который взимали коммерческие банки. Напр., в 1913 г. этот процент был почти в два раза выше частного учета в Париже и на $1^1/_2$—$2^0/_0$ выше берлинской ставки. К этому надо добавить, что русские коммерческие банки не довольствовались получением за оказываемые ими кредиты формальной ставки по учету, а брали, сверх этого, добавочную „комиссию", которая представляла собою не что иное, как замаскированную добавку к процентной ставке. В особенности значительная комиссия, нередко в 1—$1^1/_2$—$2^0/_0$, взималась по статьям, по которым проходили „иррегулярные" операции. Можно, поэтому, считать, что в 1913 г., например, при открытой ставке в 6—$7^0/_0$ деньги на самом деле обходились клиентам банков в 8—$9^0/_0$ годовых. Получая сравнительно крупные проценты со своей клиентуры, русские банки имели возможность платить значительные проценты за помещаемые у них иностранными банками средства, которые, поэтому, в последние годы стали усиленно притекать в Россию в этой форме.

§ 6. Мы осветили общий характер активных операций коммерческих банков в последние довоенные годы. Переходя теперь к рассмотрению их активных операций за последний период их деятельности, за 1914—1917 г. г., надо сказать, что за эти годы характер операций коммерческих банков коренным образом изменился, ибо, как нам уже приходилось отметить, банки были втянуты в процесс финансирования войны. Вместо того, чтобы направлять притекавшие к ним средства, как они это делали до войны, в торгово-промышленный оборот, на финансирование торговли, промышленности и транспорта, они пошли по тому же пути, по которому, как мы видели, пошли в годы войны и банки Англии, Франции и Германии, а именно стали помещать свои средства в облигациях государственных займов и — позднее — в краткосрочных обязательствах государственного казначейства. Эта перемена в направлении средств явилась, конечно, результатом той общей перемены в обстановке денежного рынка, которая была вызвана войной и наступившей в связи с ней бумажно-

денежной инфляцией. Коммерческие банки пошли по пути широкого помещения средств в государственных займах не только потому, что на этот путь их толкал вынужденный патриотизм и что этого требовало от них правительство, но также и потому, что облигации государственных займов и краткосрочные обязательства казначейства являлись в эти годы основным „материалом“ для учета и ссуд, вне которого банки не были бы в состоянии разместить притекавшие к ним в большом количестве вклады. Частный коммерческий оборот не был бы в состоянии поглотить все эти средства. Но, каковы бы ни были те причины, которые толкали банки на помещение средств в военных облигациях, необходимо констатировать, что этот процесс резко изменил характер банковских операций. Эта перемена не получила достаточно ясного отражения на балансах коммерческих банков, но она без труда устанавливается на основании некоторых косвенных признаков.

Из общих итогов балансов мы узнаем лишь, как это видно из приведенных выше цифр, что с 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. средства, помещенные коммерческими банками в учете, увеличились с 1.546,5 мил. руб. до 2.991,5 мил. руб., средства, помещенные в ссудах, выросли с 1.615,4 мил. руб. до 2.500,0 мил. руб., средства, числившиеся на счетах корреспондентов Лоро, увеличились с 1.264,3 мил. руб. до 3.002,8 мил. руб., а суммы, помещенные в принадлежащих банкам ценных бумагах, увеличились с 314,9 мил. руб. до 866,1 мил. руб. Отсюда как-будто еще нельзя сделать вывода о перемене в составе активов банков. Но уже в балансах банков бросается в глаза относительный рост „гарантированных“ бумаг. Мы видели, что по сводному балансу на 1 января 1914 г. из общей суммы средств, помещенных в той или иной форме в ценных бумагах, в 1.978,5 мил. руб., на ценные бумаги гарантированные приходится 389,2 мил. руб., или 19,7%. На 1 января 1917 г. в ценных бумагах (принадлежащих банку, принятых в обеспечение ссуд и т. д.) помещено всего 4.465,3 мил. руб., а в том числе — в ценных бумагах гарантированных 2.371,5 мил. руб., или 53,1%. К этому времени уже около $2^1/_2$ миллиардов рублей помещено в „гаран-

тированных“ ценных бумагах. Но, кроме того, государственные бумаги фигурируют на 1 января 1917 г. в большой сумме и по статье „учета векселей“, ибо банки рассматривали векселя казначейства, т.-е. краткосрочные обязательства казначейства, как обыкновенные векселя, и показывали помещенные в них средства по статье учета векселей. С другой стороны, из материалов о размещении краткосрочных обязательств казначейства известно, что на 1 января 1917 г. в портфелях одних лишь петроградских частных банков этих обязательств имелось на 1.229 мил. руб. [1]), т.-е. на 59,4% той суммы, которая к тому времени была этими банками помещена в учете. Если считать, что и у московских и провинциальных банков обязательства составляли такой же процент к общей сумме учета, то можно будет определить общий размер средств, помещенных всеми акционерными банками в обязательствах казначейства, в 1.777 мил. руб. Если мы затем прибавим эту сумму к тем 2½ миллиардам руб., которые были помещены в „гарантированных“ ценных бумагах, то можно будет исчислять общую сумму средств, которые у коммерческих банков завязли в операциях с казной к началу 1917 г. — в 4 миллиарда с лишком, т.-е. в 45—50% всех их помещений в основных активных операциях. К моменту Октябрьской революции положение в этом отношении едва ли изменилось к лучшему [2]).

Мы уже знаем из истории коммерческих банков в Германии, Франции и, отчасти, Англии, как действует на положение банка помещение его средств в государственных облигациях в период бумажно-денежной инфляции. По аналогии можно утверждать, что и нашим бывшим коммерческим банкам эти операции ничего хорошего не дали. Вдобавок, необходимо отметить, что убытки, которые проистекали для банков от переполнения их портфелей обесценивавшимися военными облигациями, убытки, которые бы рано или поздно обнару-

[1]) См. Отчет Государствен. банка за 1916 г., стр. X.

[1]) *Г. Я. Сокольников* считал, что „в общей сумме учета к концу 1917 г. казначейские обязательства составляли 75%, а собственные векселя — 25%“. (Там же, стр. 47.)

жились, если бы банки дожили до „перевода на золото“ своих балансов, лишь в одной части могли бы ими быть переведены на их кредиторов, а именно лишь в той мере, в какой этими кредиторами были обладатели вкладов и текущих счетов в русской валюте. Но мы видели, что часть своих пассивов банки получили в форме „пансионов“ в иностранной валюте. Долг по этим кредитам далеко не обесценивался в той мере, в какой обесценивались активы банков, и „золотой баланс“ коммерческих банков к октябрю 1917 г., и даже к началу этого года, едва ли имел бы достаточно благоприятный вид.

§ 7. История русских коммерческих банков, как и история всей старой кредитной системы, закончилась декретом ЦКИ о национализации банков от 14 декабря 1917 г. Этот декрет гласил (собр. Узакон. за 1917 г. № 10):

„В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковой спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплоатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов единого народного банка Российской Республики, ЦИК постановляет:

1) Банковое дело объявляется государственной монополией.

2) Все ныне существующие частные акционерные банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком.

3) Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком.

4) Порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом.

5) Временно управление делами частных банков передается совету Государственного банка.

6) Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены“.

В дополнение к этому декрету 26 января 1918 г. был издан другой декрет, которым устанавливалась полная конфискация всех капиталов бывших частных банков, аннулиро-

вались все банковские акции и запрещалась всякая выплата по ним дивидендов [1]).

В день издания декрета от 14-го декабря акционерные коммерческие банки были взяты представителями Советской власти в непосредственное управление и было приступлено к постепенной передаче их активов и пассивов в Государственный банк, который затем, в 1918 г., был переименован в Народный Банк республики. При каждом из ликвидировавшихся коммерческих банков были образованы Ликвидационно-Технические Коллегии, и для объединения работы всех этих Коллегий при конторе бывш. Государственного банка был образован „Совет Экспертов". Национализированные банки были превращены в „филиальные" отделения Народного банка и в них в течение 1918—1919 г.г. еще производились некоторые операции, а именно операция текущих счетов, переводная и — в сравнительно ограниченных размерах — операция по товарному кредитованию. В апреле 1919 г. было издано постановление о кредитах на заготовку продовольствия и некоторое время эти операции развивались в довольно широких размерах, но осенью того же года выдача продовольственных кредитов была прекращена. К декабрю 1919 г. из 340 отдельных учреждений бывших коммерческих банков, поддерживавших связь с центром, поступило 230 ликвидационных балансов и на баланс Народного банка перешло 12,7 миллиардов банковых ценностей, или 94,1% суммы балансов частных банков. В связи с этим, официальное издание НКФ, составленное в середине 1920 г., из которого мы заимствуем эти сведения, отмечало, что „дело по национализации коммерческих банков в настоящее в[illegible] закончено полностью" [2]).

---

[1]) См. издание НКФ „Социальная революция и финансы". М. 1921 г., с.р. 72.

[2]) Там же, стр. 74—78.

Литература к главе XIII.

1. *И. И. Левин.* Акционерные коммерческие банки в России. Т. I. П. 1917.

2. *Его же.* Доклад „Основные тенденции в развитии акционерных коммерческих банков в России". В „Известиях Общества Финансовых реформ". № 6, декабря 1912.

3. *Его же.* (I. Lewin). Der heutige Zustand der Aktienhandelsbanken in Rus la d. Freiburg i Br. 1912.

4. *Н. Х. Бунге.* „Банковые законы и банковая политика", „Сборник Государственных Знаний", под ред. *В. П. Безобразова.* Т. I. СПБ. 1874.

5. *З. С. Каценеленбаум.* Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М. 1912.

6. *Его же.* Статья „Война и русский рубль". В „Трудах" Чупровского О-ва. Вып. III. М. 1915.

7. *Его же.* Война и финансово-экономическое положение России. М. 1917.

8. *А. Финн-Енотаевский.* Капитализм в России (1890—1917). Т. I. М. 1925.

9. *Е. Эпштейн.* Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства. СПБ. 1913.

10. *Н. Ванаг.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М. 1925.

11. *С. Ронин.* Иностранный капитал и русские банки. М. 1926.

12. *Г. Я. Сокольников.* Финансовая политика революции. Т. I. М 1925. 1, 2.

ГЛАВА XIV.

Банки в России до 1917 г. *(Продолжение).* Биржа.

§ 1. Общества взаимного кредита. — Особенности их устройства. — Их операции. — Городские общественные банки. — § 2. Акционерные земельные банки. — Их устройство. — Их операции. — „Иррегулярные" операции земельных банков. — § 3. Мелкий кредит. — Два типа учреждений мелкого кредита. — § 4. Крестьянские общественные учреждения мелкого кредита. — Земские кассы мелкого кредита. — Кредитная кооперация. — Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. — Их устройство. — Их операции. — § 5. Ломбарды. — § 6. Биржа. — Организация посредничества на бирже. — Маклеры. — Котировка. — Взаимоотношения биржи и банков. — Биржевые сделки.

§ 1. *Общества взаимного кредита* являлись в России наряду с акционерными коммерческими банками вторым типом коммерческих банков, игравшим известную роль на денежном рынке, в особенности в провинциальных городах. Они организованы были не на акционерных началах, а на началах *взаимности.*

Особенности организации обществ взаимного кредита, которые стали возникать в России одновременно с акционерными коммерческими банками [1]), заключались в следующем.

Собственный капитал общества взаимного кредита образовывался из вступительных взносов, которые делали члены.

---

[1]) Первое общество взаимного кредита — Петербургское — возникло в 1864 г. (см. *А. Гурьев.* Очерк развития кред. учр. в России. П. 1904, стр. 59–60).

Этот капитал носил название „оборотного“. Но каждый член принимал на себя ответственность за дела общества в 10-кратном размере своего вступительного взноса. В случае убытков общество могло потребовать от членов дополнительных взносов в пределах этого обязательства. Наряду с фактически внесенным „оборотным“ капиталом образовывался, таким образом, превышающий его в 10 раз, не внесенный капитал, „капитал гарантии“. Кредитом в обществе могли пользоваться только его члены, при чем каждый из членов мог получить кредит, не превышающий 10-кратный размер его вступительного взноса, или иными словами размер „капитала гарантии“. Органы управления у обществ взаимного кредита были те же, что и у акционерных обществ: общее собрание, состоявшее из всех членов общества, совет, правление, ревизионная комиссия. Наряду с этим общества взаимного кредита имели добавочный орган, „приемный комитет“, который рассматривал прошения о вступлении в члены, проверял „благонадежность“ вступающих лиц, оценивал представляемые ими в обеспечение обязательств гарантии и т. д. Начало „взаимности“ проявлялось также в способе распределения прибыли. В отличие от акционерных обществ обычного типа общества взаимного кредита распределяли пропорционально участию в оборотном капитале не всю чистую прибыль: пропорционально взносу распределялась между всеми членами только часть дивиденда (обычно 6% после отчисления в запасный капитал и т. п.), а то, что оставалось сверх этой части, составляло „операционную премию“. Эта премия должна была распределяться только между членами, фактически производившими в отчетном году операции в обществе, и пропорционально размеру полученных и уплаченных ими процентов. Здесь применялся, таким образом, тот же принцип, что в потребительных обществах, т.-е. часть прибыли возвращалась членам в виде „скидки“ с уплаченных цен.

При этих особенностях в организации общества взаимного кредита по характеру своих операций с формальной стороны мало отличались от акционерных коммерческих банков. Они выполняли по существу ту же функцию посредничества

между лицами, предлагавшими ссудные капиталы, и лицами искавшими таковые, оперировали по преимуществу с „чужими деньгами“, получаемыми в большей части в виде вкладов на текущие счета, производили те же активные операции, учет, выдачу ссуд под залог ценных бумаг и товаров. Наконец, они обслуживали приблизительно ту же сферу хозяйства, торговлю и промышленность, и в провинции их клиентура совпадала с клиентурой местных отделений коммерческих банков.

Тем не менее общества взаимного кредита занимали на денежном рынке совершенно иную позицию, чем акционерные коммерческие банки. Можно было бы сказать, что *акционерные банки снабжали капиталами крупную и среднюю промышленность и торговлю, а общества взаимного кредита — только среднюю и отчасти мелкую*. Отсутствие больших собственных капиталов, отсутствие филиалов, невозможность завязать непосредственные связи с заграничными банками для получения оттуда кредита, сделало из них маленькие — по преимуществу провинциальные — банки. Сплошь и рядом они сами получали кредит в акционерных коммерческих банках и должны были взимать со своих клиентов более высокие проценты, чем эти последние. При таких условиях они, в общем и целом, ограничивались „регулярными“ банковскими операциями и остались в стороне от того процесса овладения и руководства промышленностью, который проделали их старшие братья по профессии, — акционерные коммерческие банки. Однако, и они нередко проявляли склонность к „иррегулярным“ операциям. Не имея возможности участвовать в крупных спекулятивных операциях, они ограничивались участием в более мелкой биржевой игре. Построенные на широких началах „взаимности“ и „кооперации“, имея „строгие“ уставы, они, тем не менее, сплошь и рядом попадали в руки небольших групп членов, которые, опираясь на общий закон „пассивности“ большинства акционеров, в данном случае — членов общества, умели при помощи разных обходов выкачивать из них капиталы на весьма сомнительные дела. Банкротства обществ взаимного кредита сделались у нас в 90-х годах прошлого столетия

и позже „бытовым“ явлением. Тем не менее, этот тип банков выжил и сохранил за собою известную позицию в посредничестве по кредиту до момента национализации.

О месте, которое занимали общества взаимного кредита в системе нашего кредита, можно судить по следующим данным о развитии этих учреждений за последние годы. Всего имелось [1]):

На 1-е января.	Число обществ, давших сведения.	Число членов в них.	Оборотные капиталы (в мил. руб.).	Вклады (включая текущ. сч.) (в мил. руб).	Выдачи под векселя; на срок и on-call (в мил. руб.).	Выдачи под $^0/_0{}^0/_0$ бумаги; на срок и on-call (в мил. руб.).
1913 г.	932	580.232	117.8	545.2	574.7	121.6
1914 „	1.108	634.355	126.9	595.4	604.2	133.8
1915 „	1.072	588.335	118.8	540.2	515.6	123.3
1916 „ [2])	888	484.519	105.3	772.5	451.0	113.8
1917 „	795	422.940	101.1	991.0	472.9	140.5

Добавим еще, что на 1 января 1917 г. всего действовало в России 1.031 общество взаимного кредита.

По своему значению на денежном рынке от обществ взаимного кредита сравнительно мало отличались *городские общественные банки*. Это—небольшие провинциальные банки которые стали возникать еще в начале XIX в. [3]), учреждавшиеся часто на пожертвованные капиталы и состоявшие в ведении городских управ. Они принимали вклады на срок и на текущие счета и оказывали кредит средней торговле и промышленности в форме обычных „регулярных“ банковских операций. Они

---

[1]) Статист. сб. за 1913—1917 г. г. ЦСУ. Т. II. Разд. „Деньги и кредит“. Из этого источника взяты и последующие балансовые сведения об операциях кредитных учреждений, приводимые в этой главе, в том числе и сведения об операциях учреждений мелкаго кредита, там, где нет особых ссылок.

[2]) На 1 июля 1916 г.

[3]) Первый банк этого типа „Общественный банк на правах Заемного банка и учетных контор“ был учрежден в 1809 г. в г. Слободском Вятской губ. на деньги, пожертвованные купцом Анфилатовым. См. об этом банке ***В. Т. Судейкин***. Наши общественные городские банки. П. 1884, стр. 15 сл., **а также *И. И. Левин***. Акц. комм. банки в России. П. 1917, стр. 17 **сл.**

практиковали, впрочем, и выдачу ссуд под городскую недвижимость. К их „иррегулярным" операциям относилось то, что они иногда попадали в руки местных „общественных деятелей" и занимались слишком усердным финансированием городских заправил и их друзей. К 1 января 1916 г. в России было 50 общественных банков в губернских городах и 293—в уездных. Основной капитал всех этих банков составлял 49,2 мил. руб., запасный — 14,2 мил. руб., вкладов у них было всего на 262,0 мил. руб., в том числе на текущих счетах — 130,0 мил. руб. При общем активе в 347,6 мил. руб. ими было помещено в учете векселей с двумя подписями—105,1 мил. руб., в срочных ссудах под городскую недвижимость—96,5 мил. руб., ссудах городам и земствам — 11,0 мил. руб., а в ссудах под %% бумаги — 10,0 мил. руб.

„С уничтожением крупнейших частных коммерческих банков,—говорится в цитированном выше издании Нар. Ком. Финансов [1]),—не могло быть места и для существования более мелких общественных кредитных учреждений, какими являлись общества взаимного кредита и городские общественные банки", и в 1918 году были изданы постановления о ликвидации этих учреждений, а именно, 10 октября 1918 г. — циркуляр Нар. Комиссариата Финансов о ликвидации обществ взаимного кредита и 2 декабря 1918 г. — постановление Нар. Ком. Финансов — о ликвидации городских общественных банков.

§ 2. Мы выяснили выше экономическую природу ипотечного кредита. После всего сказанного там нам остается мало добавить, чтобы охарактеризовать организацию и деятельность ипотечных кредитных учреждений, или, как их называли у нас, учреждений долгосрочного земельного кредита.

Центральное место среди кредитных учреждений этого рода в России занимали *акционерные земельные банки*, которых у нас всего имелось 10 [2]). Основные черты их организации сводились к следующему.

---

[1]) „Социальн. революция и финансы". Стр. 72 — 73.

[2]) Харьковский, Полтавский, Петроградско-Тульский, Московский, Бессарабско-Таврический, Нижегородско-Самарский, Киевский, Виленский, Ярославско-Костромской, Донской.

Банк учреждался на акционерных началах. Его основной, или, как он у нас назывался, складочный капитал, составлялся из взносов акционеров, которые и управляли предприятием че[illegible]бщее собрание. Органы управления у земельных банков были несколько иные, чем у других акционерных обществ. Наряду с правлением и ревизионной комиссией общее собрание выбирало *оценочную комиссию*, на обязанности которой было оценивать принимаемые в залог имения.

Главным источником средств акционерного земельного банка являлся выпуск долгосрочных облигаций или *закладных листов*. Закладные листы, как и другие долгосрочные обязательства, выпускались в круглых суммах, печатались по особой форме. В России они печатались в Экспедиции заготовления государственных бумаг. К ним был приложен лист с купонами, по которым держатель закладного листа получал два раза в год проценты. Русские земельные банки могли выпускать два сорта закладных листов: 5% и $4^1/_2$%-ные, т.-е. приносившие доход в 5% или $4^1/_2$% в год. Земельный банк был обязан ежегодно выкупить часть выпущенных им закладных листов, вернув занятый капитал, или, как принято говорить, „погасить" часть закладных листов. Часть подлежавших ежегодно погашению закладных листов была строго фиксирована. Она определялась той суммой погасительных взносов, которую банк в течение данного года получал от своих заемщиков, т.-е. от лиц, которым он выдал долгосрочные ссуды. Банк мог погасить свои закладные листы двояким способом, либо путем тиража, т.-е. путем определения по жребию номеров листов, подлежавших погашению, и выплаты их владельцам нарицательной цены бумаги, либо путем покупки закладных листов на бирже по вольной цене. Как бы то ни было, банк ежегодно должен был погасить и уничтожить публично, в присутствии специально выбранных для этого „депутатов", листов на такую сумму, сколько он получил денег на погашение долгов. Таким образом, задолженность банка по закладным листам подвергалась постоянным колебаниям. Если банк в течение года выпустил больше листов, нежели поступало к нему денег на погашение старых долгов, задолженность его по закладным листам, или, как можно

выразиться иначе, сумма остававшихся в обращении его облигаций возрастала и наоборот.

Основная активная операция акционерных земельных банков заключалась в выдаче землевладельцам и домовладельцам долгосрочных ссуд под залог недвижимости, т.-е. под залог земельных угодий сельскохозяйственного значения вне городов и городской недвижимости, земли и строений, в городах. Ссуды выдавались на разные сроки на условии постепенного погашения, т.-е. на том условии, что заемщик обязан был ежегодно вносить известный процент со взятой ссуды на погашение основного долга, так что к моменту наступления срока долг, таким образом, должен был погашаться целиком. Наши земельные банки могли выдавать ссуды под залог земель на сроки от 9 лет и 10 месяцев, до 66 лет и 2 месяцев, а под залог городских недвижимых имуществ — на сроки от 10 лет до 38 лет и 4 месяцев. Размер процента, который заемщик должен был вносить в погашение основного капитала ссуды, был, конечно, тем меньше, чем ссуда была продолжительнее. При ссудах, взятых на 66 лет и 2 месяца, приходилось платить „погашения“ — $^1/_8$% каждые 6 месяцев, а при ссудах на 9 лет и 10 месяцев — 4% каждые 6 месяцев.

Что касается процентов, уплачивавшихся заемщиком за пользование деньгами банка, то размер их вполне совпадал с размером процентов, которые банк, со своей стороны, платил своим кредиторам по закладным листам. Если банк для выдачи данной ссуды выпускал 5%-ные закладные листы, то и заемщик платил банку ежегодно 5%, а если банк выпустил закладные листы $4^1/_2$%-ные, то и заемщик платил $4^1/_2$%. Прибыль банка составлялась не из разницы между процентом, который он получал от своего должника, и процентом, который он сам платил, как это имеет место в коммерческих банках, а от специального взноса, назначенного „на составление запасного капитала банка, на выдачу дивиденда и на расходы по управлению банка“, вносившегося заемщиком каждые полгода в размере от $^1/_4$% до $^1/_2$% капитального долга.

Таким образом, земельные банки выступали в роли „весьма скромных“ посредников между лицами, предлагав-

шими ссудные капиталы, и лицами, желавшими получить таковые. Они передавали заемщикам ссудные капиталы на тех же, совершенно, условиях, на которых они, с своей стороны получали их на денежном рынке. Они выпускали свои обязательства, закладные листы, гарантировали лицам, которые передавали им свои ссудные капиталы, твердый доход. С другой стороны, они гарантировали себе аккуратное поступление платежей от заемщиков приемом в залог их недвижимости, наложением на нее запрещения и продажей ее с торгов в случае непоступления взносов. Их доход составлялся из небольшой комиссии, которую заемщик уплачивал им за посредничество. Выступление земельного банка в роли „честного" маклера усиливалось еще от одной детали, которая была очень характерна для операций этих банков. Дело в том, что *земельные банки выдавали своим заемщикам долгосрочные ссуды не наличными деньгами, а закладными листами*. Вместо того, чтобы самому получить деньги от своих кредиторов и вручить их своим должникам, банки передавали закладные листы заемщикам и предоставляли им самим продавать их, т.-е. получить против них ссудные капиталы. Иными словами, банк при выдаче ссуды даже и не должен был пропустить через свою кассу ссудный капитал. Этот капитал прямо поступал от кредитора к заемщику. Посредничество банка сводилось к тому, что он выдавал кредитору свое как бы коллективное обязательство, гарантированное всеми его капиталами и всей заложенной у него недвижимостью, и уже сам получал от заемщика индивидуальное обязательство. По особому соглашению с заемщиком земельный банк мог взять на себя продажу закладных листов по вольной цене, но он это делал, как обыкновенный маклер, за особое комиссионное вознаграждение.

Эта, на первый взгляд невинная деталь в операциях земельных банков имела, однако, громадное значение для всей их деятельности. Дело в том, что закладные листы, как всякая ценная бумага, имели свой курс, менявшийся изо-дня в день. Этот курс устанавливался на бирже и находился в зависимости от учетного процента. Чаще всего курсы закладных

листов бывали ниже их номинала. Это обстоятельство имело двоякое последствие. Во-первых, низкий курс закладных листов оказывался невыгодным для заемщика. Землевладелец, получивший, предположим, ссуду закладными листами на 100.000 рублей номинальных, при цене закладного листа в 80 рублей за 100, выручал за них на бирже фактически 80.000 рублей. Но проценты и погашение он должен был платить по номиналу, т.-е. за 100.000 рублей. Таким образом, ссуда фактически могла обойтись ему не в 5 или $5^1/_2$% годовых, а в 7, 8 и более процентов. Понижение курса закладных листов вело, следовательно, к удорожанию ипотечного кредита. При слишком резком понижении этих курсов начинала наблюдаться заминка в развитии операций банков. С этой стороны понижение курсов закладных листов было невыгодно не только для заемщиков, но и для банка. Но земельный банк мог иногда извлекать и некоторую выгоду из понижения курсов его закладных листов. Как мы отметили, банк мог погашать свои закладные листы или путем тиража, или покупкой на бирже. Если биржевая цена бывала ниже номинала, то банку не было расчета прибегать к тиражу. Он мог купить нужное ему для погашения количество листов на вольном рынке и выгадать разницу в курсе. Пусть, напр., земельный банк получил в течение года от своих заемщиков погасительных взносов на 1.000.000 рублей. Если курс его листов стоял на уровне 90%, то он мог купить на бирже нужные ему на *номинальную* стоимость в 1 мил. руб. облигации за 900 тыс. руб., и 100 тыс. руб. составили бы его чистую прибыль.

Наряду с выдачей долгосрочных ссуд русские земельные банки практиковали еще и выдачу т. наз. *краткосрочных ссуд*, хотя эта операция и не получила у них особого развития. На 1 июля 1917 г. всего было выдано таких ссуд всеми земельными банками на 21 мил. руб., между тем, как долгосрочных ссуд ими выдано было к тому же времени на 1.307,2 мил. руб. Краткосрочные ссуды выдавались на срок от 1 до 3 лет. Они также обеспечивались недвижимостью и в этом отношении были приравнены к ссудам долгосрочным. Но эти ссуды выдавались наличными деньгами из свободных оборотных средств банков, а размер процентов по ним

и условия возврата капитала устанавливались правлениями банков.

Позиция, которую занимали бывшие русские земельные банки на денежном рынке в качестве посредников по снабжению известной группы хозяев долгосрочными ссудами, как и позиция заграничных банков этого типа, как мы сказали, делает их роль как будто весьма скромной. Они оказываются в стороне от торговли и промышленности, работают как маклеры за небольшую комиссию в узкой сфере земельного кредита. Они должны как-будто стоять вне тех грандиозных промышленных комбинаций, к которым по роду своей деятельности оказываются близки коммерческие банки. Но широкие комбинации всегда обладают притягательной силой. И история ипотечного кредита говорит нам, что в эти комбинации нередко втягиваются и земельные банки. Крахи земельных банков в прошлом во Франции, Германии, России были явлением, пожалуй, не более редким, чем банкротства коммерческих банков. Земельные банки знают такие же увлечения грандиозными спекуляциями, „иррегулярными“ операциями, как и банки краткосрочного коммерческого кредита. Раньше всего, для земельных банков открываются большие возможности в этом отношении благодаря тому, что у них всегда образуются свободные средства, которые они не могут направить в свои „регулярные“ операции. „Регулярные“ операции земельных банков, как мы видели, не требуют от них затрат собственных капиталов. Эти операции производятся на закладные листы и только по мере их реализации. Но у земельных банков есть основные капиталы, постепенно пополняемые по мере роста операций. У них постепенно накопляются прибыли, из которых образуются „запасные“ и всякие другие капиталы. Все эти средства ищут помещения. Часть их согласно требования устава идет в государственные займы, но значительная часть всегда может служить для помещения в акциях и облигациях разных предприятий, для финансирования промышленности и участия в тех грандиозных операциях, которые с этим финансированием связаны. Наличность у земельных банков свободных капиталов ведет к тому, что ими всегда сугубо интересуются коммерческие банки.

Между земельным банком и каким-либо коммерческим банком устанавливается известная связь. Земельный банк передает свои средства в распоряжение коммерческого и при желании всегда может за спиною коммерческого банка участвовать своими капиталами в тех или иных финансовых комбинациях. Но и в узких пределах операций по выдаче долгосрочных ссуд земельный банк может проводить рискованные спекуляции. Дело в том, что в случае назначения в продажу с публичного торга заложенной недвижимости и неудачи торгов банк оставляет недвижимость за собой. Он становится ее собственником, реализует ее затем за свой счет. Это обстоятельство открывает перед земельными банками большие возможности по спекуляции недвижимостями. Под видом выдачи ссуд подставным лицам они скупают таким путем дома и свободные участки земли с целью их последующей перепродажи. Из скромного маклера, получающего небольшую комиссию за свое посредничество, земельный банк превращается в крупнейшего земельного спекулянта. Результатом этого превращения являются нередко большие барыши для банка и его заправил, но оно же ведет часто и к крушению банка. Целый ряд банкротств земельных банков имел место в последние десятилетия в Германии. В 1901—1902 там прекратили платежи 4 земельных банка. *М. Я. Герценштейн* следующим образом описывает ту деятельность этих 4 банков, которая привела их к банкротству: „Все эти четыре банка,—говорит он,—были связаны с разнообразными торговыми, промышленными, землевладельческими и домовладельческими обществами и под различными благовидными предлогами производили операции, убытки от которых ничего не имеют общего с земельным кризисом. Они принимали в залог в больших размерах пустопорожние земли, спекулировали на строительные участки в окрестностях городов, открывали кредит машиностроительным заводам, мельницам, выдавали ссуды под торфяники, открывали ничем не обеспеченный кредит спекулянтам, производившим разнообразные биржевые операции. Земельные банки затрачивали на эти операции свои капиталы и терпели на них огромные убытки[1]“. Такого же

[1]) *М. Я. Герценштейн.* Харьковский крах. СПБ. 1903. Стр. 15.

рода операциями был вызван уже упоминавшийся нами знаменитый „Харьковский крах“ в 1901 г., т.-е. заминка в делах Харьковского земельного банка, объявление несостоятельным должником связанного с ним Харьковского Торгового банка и банкротство ряда других предприятий.

После „Харьковского краха“ в течение последнего 10-летия до войны русские земельные банки, насколько известно, стояли в стороне от крупных финансовых комбинаций и вели более или менее осторожную политику. Однако, прибыли их составлялись далеко не из одной комиссии по долгосрочным операциям. Это можно видеть хотя бы из следующих цифр, относящихся к 1913 г., последнему году до войны.

Общая валовая прибыль 10 акционерных земельных банков за 1913 г. в 21.187.700 рублей состояла из следующих статей [1]):

%% по процентным бумагам, прибыли при продаже и комиссия	8.006.095	руб.
%% по вкладам, текущим счетам и разные	1.778.947	„
%% по краткосрочным ссудам	1.497.681	„
фонд запасного капитала, дивиденда акционерам и на расходы банка	8.390.801	„
фонд на возмещение издержек по производству оценки и т. п.	1.197.479	„
пени	3.316.697	„

Проценты на свободные капиталы, не помещенные в долгосрочных ссудах, прибыли при продаже, комиссия и т. д. дали банкам крупную часть их прибылей. Значительной статьей дохода являлись также из года в год „пени“ за просрочку, с внешней стороны представлявшие собою как-будто карательную меру по отношению к неаккуратным плательщикам, а на самом деле являвшиеся ничем иным, как замаскированным повышением процента по ссудам.

Чтобы дать представление о размерах, до которых дошли операции бывших русских земельных банков, приведем следующие цифры, относящиеся к последнему году их существования.

1) По данным „Статистики долгосрочного кредита в России“, изд. „Комит. Съезд. предст. учреждений русск. земельн. кред.“.

На 1 января 1917 г. у 10 акционерных земельных банков состояло:

Складочных капиталов	на	91.6	м. р.
Запасных „	„	51.5	„
Особых резервных капиталов	„	11.7	„
Закладных листов в обращении	„	1.371.9	„
Долгосрочных ссуд под залог земли	„	946.7	„
„ „ „ „ город. строений	„	357.7	„
Краткосрочных „ „ „ „ „	„	19.0	„

Кроме акционерных земельных банков, выдачей долгосрочных ссуд с выпуском облигаций занимались в России три государственные ипотечные учреждения: *Дворянский и Крестьянский банки*, тесно связанные со старым режимом и его земельной политикой, на деятельности которых мы здесь не станем останавливаться[1]), и учрежденная в 1913 г. Касса городского и земского кредита, имевшая целью снабжение долгосрочным кредитом земств и городов. Заметную роль на денежном рынке в области выдачи долгосрочных ссуд под недвижимость играли, кроме того, *городские и губернские кредитные общества*. Городские кредитные общества существенно отличались от акционерных земельных банков по своей организации. В этой организации заключалась комбинация принципов взаимности, на которых основаны общества взаимного кредита, и „коммунальности", которые характеризуют городские общественные банки. Городские кредитные общества состояли при городских самоуправлениях, под их контролем. В то же время хозяевами общества являлись его члены, а членами состояли все владельцы имуществ, заложенных в обществе. Члены общества, т.-е. заемщики избирали раз в три года собрание уполномоченных, которое и выступало в качестве высшего органа общества. Собрание

[1]) Интересующихся историей Крестьянского банка отсылаем к книге *А. Н. Зака:* „Крестьянский позем. банк". М. 1911 г. См. также *Д. А. Батуринский.* Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М. 1925. О деятельности Дворянского банка некоторые сведения имеются в I издании нашей книги: „Мелиорации", М. 1910. Гл. VI. Балансовые сведения об операциях Крестьянского и Двор. банков за 1913—1917 г.— в цит. Стат. Сб. ЦСУ.

уполномоченных выбирало правление. Однако, по характеру своей деятельности городские кредитные общества мало отличались от земельных банков. Основное различие между ними в этом отношении заключалось в том, что земельные банки выдавали ссуды, как под залог сельскохозяйственных имений, так и под залог городской недвижимости, при чем эти последние ссуды они могли выдавать только в пределах $^1/_3$ общего итога оставшихся неоплаченными ссуд, а городские кредитные общества выдавали ссуды исключительно под залог городских земель. Во всем остальном кредитное общество являлось маленьким, а иногда даже и большим земельным банком. Оно выпускало свои закладные листы (облигации), выдавало ими ссуды из того же процента, какой оно само платило по облигациям, ежегодно погашало часть облигаций и т. д. На 1 июля 1916 г. в России было 36 городских кредитных обществ, из которых, впрочем, 12 находилось в Польше. К этому времени у них состояло капитальных долгов за заемщиками по ссудам всего на 1.361 мил. руб.

В заключение приведем цифры о распределении общего количества находившихся в обращении закладных листов различных русских учреждений ипотечного кредита на 1 января 1917 года.

Состояло в обращении закладных листов (облигаций):

Госуд. Двор. земельного банка	на	919,2	м. р
„ Крестьянского поземельн. банка . . .	„	1.348,6	„
„ Кассы Город. и Земск. кредита	„	39,9	„
Земского банка Херсонской губ.	„	197,6	„
Акционерных земельных банков	„	1.313,9	„
Городских кредитных обществ [1])	„	968,3	„
Ипотечных учреждений Польши	„	411,3	„
„ „ Прибалтийского края .	„	212,6	„
„ „ Кавказа	„	110,7	„

Общий итог обращавшихся облигаций составлял, таким образом, 5.977 мил. руб., а за вычетом польских бумаг— 5.166 мил. руб.

---

[1]) Не считая польских, курляндских и кавказских.

После Октябрьской революции система ипотечного кредита также была ликвидирована. При этом первым из относящихся сюда актов явился декрет от 25 ноября (7 декабря) 1917 г. об упразднении Дворянского и Крестьянского банков, изданный за несколько недель до декрета о национализации банков от 14 (27) декабря 1917 г. Затем был издан декрет СНК от 24 декабря 1918 г. о ликвидации частных земельных банков и декрет от 17 мая 1919 г. — о ликвидации городских и губернских кредитных обществ [1]).

§ 3. Снабжение кредитом *мелкого хозяйства* составляет одну из серьезных задач кредитной политики большинства современных государств. Мы могли видеть, какую роль играют ссудные капиталы в развитии отдельных отраслей хозяйства, отдельных предприятий. На чужих деньгах зиждется расцвет крупной промышленности и торговли. Развитие хозяйства проходит под знаком „борьбы за деньги". В этой борьбе за деньги мелкое хозяйство, предоставленное своим собственным разрозненным силам, не имеет шансов на успех. Несмотря на то, что в общем притоке ссудных капиталов на денежный рынок немалое место занимают капиталы мелких капиталистов, мелкое хозяйство не может выдержать конкуренцию с крупным в области распределения ссудных капиталов, в борьбе за деньги. В значительной мере это объясняется тем, что крупное хозяйство в тех или иных случаях является экономически более рациональными и при данной обстановке более жизненным. Но во многих случаях победа крупного хозяйства над мелким в сфере борьбы за деньги не может объясняться хозяйственными преимуществами крупного производства. Мы могли это видеть на примере взаимоотношений нашего бывшего помещичьего хозяйства и хозяйства крестьянского. Крестьянское хозяйство за последние 3—4 десятилетия до революции в достаточной мере показало свою живучесть и свое хозяйственное превосходство над помещичьим хозяйством. Достаточно объективным доказательством этого может служить факт распада помещичьего хозяйства и утверждения на его месте крестьянского, факт перехода десятков

[1]) „Социальн. револ. и фин." М 1921, стр. 72—73.

миллионов десятин из рук помещиков в руки крестьян. Между тем, в борьбе за ссудные капиталы, в общем и целом, помещичье хозяйство все время оказывалось в лучшем положении. Из общей массы ссудных капиталов, вступивших в чужие предприятия, помещики получили несравненно больше, чем крестьяне. В победе крупного хозяйства над мелким в области борьбы за ссудные капиталы, очевидно, наряду с фактором хозяйственного преимущества играют крупную роль и другие моменты. К ним относится раньше всего момент организационный. Крупное хозяйство гораздо ближе стоит к аппарату денежного рынка, к бирже и банкам, нежели мелкое. Оно теснее с ними связано, состоит с ними в постоянных взаимоотношениях, а потому имеет возможность в гораздо большей степени пользоваться притекающими на денежный рынок ссудными капиталами. Однако, и мелкое хозяйство иногда не может обойтись без чужих денег. Тогда оно обращается к тем посредникам по кредиту, которые стоят вне организации денежного рынка, к ростовщикам. Оно платит за ссудные капиталы громадные проценты в то время, когда крупное хозяйство имеет к своим услугам дешевый кредит, и благодаря этому мелкое хозяйство еще больше уступает крупному свои хозяйственные позиции. Процесс концентрации капиталов и пролетаризации мелких хозяев делает вследствие этого дальнейшие успехи.

Такое положение вещей было в особенности ненормально для таких стран, как Россия, где мелкое крестьянское хозяйство является преобладающим типом предприятий. Но если разрозненные мелкие хозяйства не могут занять подобающего положения на денежном рынке и вести успешную борьбу за ссудные капиталы, то, очевидно, нужны были какие-то особые выходы, особые пути для организации мелкого кредита.

Таких путей в практике кредита наметилось два: или мелкий кредит организуется при помощи государства, или органов самоуправления, на их средства или с их поддержкой, или он организуется путем свободной кооперации самих мелких хозяйств. Отсюда и учреждения мелкого кредита, которые известны в практике иностранных государств и были

известны в старой русской практике, делятся на два разряда: учреждения *государственные*, *земские* и т. п. и учреждения *кооперативные*. Учреждения первого рода преобладают во Франции, Германии, где идея поддержания средних классов („Mittelstandspolitik") давно была включена в правительственные программы. Это включение не всегда было искреннее, и лицемерная заботливость о мелком хозяйстве нередко прикрывала собою по существу служение крупному землевладению и крупной индустрии. Но тем не менее и при этих условиях мелкому хозяйству многое перепадало и организация мелкого кредита получала значительное развитие. В России, наоборот, из учреждений мелкого кредита до революции наибольшее развитие получили кооперативные учреждения. Наш старый режим не скрывал своих симпатий, открыто поддерживал крупное землевладение, создал для него два больших банка, Дворянский и Крестьянский, оба по существу дворянские, и очень мало заботился о мелком кредите, лишь иногда отпуская для него ничтожные суммы. Бесконечные рассуждения о мелком кредите в печати, в различных правительственных и земских комитетах, комиссиях, совещаниях звучали, в общем, несколько комично рядом с теми успехами, которые делал в то же время крупно-земельный и крупно-индустриальный кредит. Зато кооперативные учреждения мелкого кредита, правда, значительно позднее, получили большое развитие и сделались серьезным фактором в области снабжения ссудными капиталами мелкого хозяйства.

§ 4. В России до 1917 года существовали три типа учреждений мелкого кредита: 1) *крестьянские общественные учреждения* мелкого кредита, к которым относились вспомогательные и сберегательные кассы, волостные и сельские общественные сберегательные кассы, волостные и сельские банки, мирские заемные капиталы и нек. др., 2) *земские кассы мелкого кредита*, и 3) *кредитные кооперативы двух типов*, а именно *кредитные товарищества и ссудосберегательные товарищества*. К учреждениям мелкого кредита надо отнести кроме того *государственные* („ссудные казны") и *городские ломбарды*.

Все три типа учреждений, крестьянские общественные, земские и кооперативные обслуживали приблизительно один и тот же круг хозяйств: мелкие и средние хозяйства крестьян в деревнях и хозяйства ремесленников и мелких торговцев в городах. Они выдавали ссуды на хозяйственные улучшения, на покупку инвентаря, на покупку сырья, необходимого для хозяйства, и тому подобные надобности. Ссуды выдавались или по личному доверию, или под поручительство, или же под заклад. Иногда ссуды выдавались и под обеспечение недвижимостью. В большинстве случаев ссуды выдавались на сроки от 9 до 12 месяцев, но известная часть ссуд выдавалась и на более продолжительные сроки, до 5 лет. Все учреждения мелкого кредита работали как с собственными капиталами, так и с чужими деньгами, составлявшимися частью из вкладов, частью из заемных средств. Эти последние они получали у частных лиц, у общественных организаций или в других кредитных учреждениях.

Крестьянские общественные учреждения мелкого кредита представляли из себя маленькие кассы с капиталом в несколько тысяч, редко в несколько десятков тысяч рублей, состоявшие в распоряжении органов крестьянского самоуправления, волостей, мира и т. п. Число их было велико. На 1 января 1914 года в России насчитывалось 4.724 действовавших учреждений этого рода. Но значение их в хозяйстве страны было ничтожно. Достаточно сказать, что к тому же времени у них состояло в ссудах всего 100,5 мил. руб. *Земские кассы мелкого кредита* состояли при губернских и уездных земствах. Их основные капиталы составлялись из ассигнований земских учреждении и пособий, которые выдавало на эту цель правительство. Кроме того, они принимали вклады. Их операции имели больший объем, чем операции крестьянских учреждений. На 1 января 1916 г. в России было 247 земских касс с собственным капиталом в 3.164.000 рублей. К этому времени у земских касс помещено было в ссудах всего 59,9 мил. руб.

Кредитные кооперативы стали возникать у нас в России в 60-х годах прошлого столетия. Первое ссудо-сберегательное товарищество было учреждено (братьями Святославом и Вла-

димиром Лугиниными, в с. Дороватове, в Костромской губ.) в 1865 г. Затем число их стало расти следующим образом. Всего действовало кредитных кооперативов[1]):

в 1865 г.	1
„ 1870 „	12
„ 1875 „	568
„ 1880 „	902
„ 1885 „	988
„ 1890 „	826
„ 1900 „	785
„ 1905 „	1.629
„ 1910 „	6.693
„ 1914 „	14.562
„ 1915 „	15.450
„ 1916 „	16.055
„ 1917 „	16.477

Наибольший рост этих учреждений приходится на период после 1905 г.

Ссудо-сберегательные и кредитные товарищества были организованы на следующих началах.

Хозяевами товарищества являлись его члены, которые управляли его делами через общее собрание и его органы: правление и совет. Только члены товарищества могли пользоваться в нем кредитом. Товарищества имели основной капитал, который у ссудо-сберегательных и кредитных товариществ составлялся различно, в чем и заключалось, между прочим, и основное различие между этими двумя типами кредитных кооперативов. Ссудо-сберегательное товарищество имело *паевой* капитал, составлявшийся из взносов отдельных членов товарищества. Каждый член товарищества обязан был внести одинаковый для всех пай или при вступлении в товарищество, или путем последующих взносов. По старым уставам этот пай не мог быть выше 100 и ниже 10 рублей. Наряду с паевым капиталом товарищество могло имет в составе своего основного капитала и другие суммы, а именно, суммы пожертвованные, или специально занятые для этой цели.

---

[1]) См. *М. Хейсин*. Очерки по истории кредитной кооперации в до Октябрьской России. 3-е изд. Л. 1925. стр. 17—18.

Таким образом, товарищество, кроме паевого капитала имело *собственный* капитал, составлявшийся не из паев, и *занятый* капитал. С течением времени у товарищества образовывались из отчисления от прибылей еще *запасный* и другие *специальные* капиталы. Кредитное товарищество не обязано было иметь паевого капитала. Члены его не делали обязательных взносов. Его основной капитал, который не должен был быть меньше 1000 руб., мог быть составлен из занятых сумм, с одной стороны, и из сумм, пожертвованных и отчисленных из прибылей, с другой. Таким образом, и основные капиталы кредитных товариществ делились на *собственные* и *занятые*. Надо заметить, что в случае ликвидации товарищества, суммы, занятые для составления основных капиталов, должны были быть возвращаемы заемщикам лишь после того, как выплачивались все прочие долги товарищества: по вкладам, займам на оборотные нужды и т. п. Члены кредитных кооперативов, помимо взносов, которые они делали, несли и некоторую дополнительную ответственность за дела товарищества. Эта ответственность могла быть неограниченной или ограниченной. В последнем случае она не могла быть меньше двойной суммы того максимального кредита, который был определен для данного члена. Таким образом, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, помимо основных капиталов, которые фактически в них образовывались, имели еще дополнительный *капитал гарантии*. Кредитные кооперативы оперировали „чужими деньгами" в собственном смысле слова, а не только собственными капиталами. Они принимали срочные и бессрочные вклады и заключали краткосрочные займы.

В области своих активных операций кредитные и ссудо-сберегательные товарищества отличались раньше всего тем, что размер кредитов, которые они могли отпускать отдельному члену, у них был ограничен. По старым уставам предельный кредит не мог превышать 300 рублей и лишь в отдельных случаях доходил до 1000 рублей на одного члена. Кроме того, их активные операции были связаны *предметностью* ссуд, т.-е. они могли выдавать ссуды только на определенные надобности: „для хозяйственных оборотов и улучшений в хозяйстве, а также на покупку орудий, инстру-

ментов, скота и всякого нужного для сельского хозяйства или иного промысла имущества (инвентаря)". Это ограничение имело в виду, чтобы ссуды не шли на чисто потребительские нужды. Каждый заемщик должен был указывать, для чего им испрашивается ссуда. Однако, на практике это ограничение, надо думать, не могло иметь особого значения, и, вероятно, сводилось к простой формальности. Кредитные кооперативы выдавали двоякого рода ссуды: краткосрочные, на срок до 1 года, и долгосрочные, на срок до 5 лет.

Кооперативный принцип был проведен в ссудо-сберегательных и кредитных товариществах в области распределения прибылей, хотя в этом отношении имелось существенное различие между двумя типами кооперативов. А именно, ссудо-сберегательное товарищество могло выплачивать дивиденд на пай, но не выше 10%, кредитное же товарищество никакой прибыли своим членам не выплачивало. Вся прибыль кредитного товарищества и прибыль ссудо-сберегательного товарищества, за вычетом дивиденда, должна была итти на образование и пополнение собственных капиталов и могла быть употреблена товариществом сверх того на благотворительные и т. п. цели. Товарищество, таким образом, после известного времени оказывалось не слишком заинтересованным в накоплении прибылей. Его политика должна была тогда сводиться, главным образом, к возможному удешевлению того кредита, который оно оказывало своим членам.

Чтобы закончить характеристику наших старых кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, мы должны еще добавить, что они не являлись чисто кредитными учреждениями, ибо наряду с кредитными функциями они исполняли посреднические функции по продаже товаров своих членов и закупке для них сырья и материалов. У многих кредитных кооперативов эти товаро-посреднические операции занимали более видное место, чем операции чисто кредитные.

В последние годы до революции, в связи с ростом числа кредитных кооперативов и развитием их деятельности, стала наблюдаться тенденция к объединению кредитных коопервовти одного района или губернии *в союзы кредитных*

кооперативов или так наз. *кредитные кооперативы 2-й степени.* Вся эта система кооперативного кредита оказалась связанной в единую цепь, когда в Москве был учрежден центральный банк кооперативного кредита в лице *Московского Народного банка.*

О деятельности кредитных и ссудо-сберегательных товариществ за последние годы до революции дают представление следующие данные.

Сводные балансы кредитных и ссудо-сберегательных товариществ выражались в таких цифрах (в тыс. руб.):

	Число товариществ, вошедших в сводный баланс.	Число членов в них.	Паевые (собственные) капиталы.	Вклады.	Ссуды.
На 1 января 1913 года.					
Кредитные товарищества . .	7.964	4.870.351	—	113.477	184.527
Ссудо-сб. „ . .	3.062	1.740.229	—	170.205	212.750
На 1 октября 1915 года.					
Кредитные товарищества . .	11.344	7.784.361	20.235	253.982	355.423
Ссудо-сб. „ . .	4.005	2.317.864	48.726	206.686	269.[illegible]44

О проценте, который кредитные и ссудо-сберегательные товарищества платили своим вкладчикам, можно судить по следующим данным, относящимся к началу 1915 г.[1]).

До 4%	платили	34	кред.	тов. и	48	ссудо-сб.	тов
„ 5%	„	245	„	„	389	„	„
„ 6%	„	1.416	„	„	953	„	„
„ 7%	„	3.457	„	„	873	„	„
Свыше 7%	„	5.099	„	„	1.263	„	„

Большинство товариществ платило, таким образом, по вкладам 7 и более процентов, т.-е., по крайней мере, на 3—4 процента больше, чем коммерческие банки. При таких условиях кредитные кооперативы взимали со своих заемщиков 9—10 и более процентов.

---

[1]) Стат. сб. за 1913—1917 г. г. ЦСУ, там же, табл. XXIV.

Вклады притекали преимущественно от частных лиц. Из общей суммы вкладов, которыми располагали кредитные кооперативы на 1 января 1915 г., поступило [1]):

	У кредитн. товар. (в милл. руб.)	У ссудо-сберг. товар. (в милл. руб.)
от частных лиц	196,0	199,2
„ частных банков	0,1	0,08
„ учрежд. мелкого кредита.	3,4	1,6
„ земств	0,03	0,01

Мероприятия Советского правительства по ликвидации банков не распространялись на учреждения мелкого кредита кооперативного типа. Напротив, еще в начале 1919 г. было издано постановление (Нар. Комиссара Финансов — от 12 февраля) о регистрации уставов кредитных кооперативов, требовавшее представление на регистрацию уставов вновь возникающих кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и их союзов, и предусматривающее, что „уставы утвержденные или зарегистрированные в установленном порядке до 25 октября 1917 г. обязательному преобразованию и вторичному утверждению и регистрации не подлежат" [2]). Тем не менее, кооперативные кредитные учреждения в течение 1918—1919 г. г., в связи с прекращением свободного товарооборота и резким обесценением валюты, фактически перестали играть какую бы то ни было роль. Декрет от 27 января 1920 г. об объединении всех видов кооперативных организаций постановил „кредитные и ссудо-сберегательные кооперативные товарищества, а равно их районные, губернские и областные союзы влить в находящиеся в тех местах потребительские общества и их союзы, передав последним их актив и пассив, техническое оборудование и наличный персонал" [3]).

§ 5. Чтобы закончить очерк организации и деятельности главнейших видов старых кредитных учреждений, остановимся в нескольких словах на *ломбардах*. Мы указали

---

[1]) Там же, табл. XXIV.

[2]) Сб. декретов и распор. по финансам. Т. II. 1919—1920. П. 1920, стр. 19—20.

[3]) Там же, стр. 188—189.

выше, что к учреждениям, снабжающим ссудными капиталами мелкие предприятия, должны быть отнесены ломбарды, в особенности государственные („ссудные казны“) и городские, учреждения, выдающие ссуды под заклад вещей. Это указание могло вызвать некоторое сомнение, так как с ломбардом обычно ассоциируется представление об учреждении, оказывающем в тяжелые минуты чисто потребительский кредит лицам, стоящим вне производственно-хозяйственной деятельности. При ближайшем рассмотрении это представление оказывается, однако, неверным. Лица, закладывающие в ломбарде свои вещи, чтобы их потом, быть может, никогда не увидеть, вовсе не типичны для клиентуры ломбардов. Во всяком случае, они составляют лишь небольшое меньшинство. Большинство же заемщиков ломбарда — это мелкие торговцы, ремесленники, кустари, мелкие предприниматели, обращающиеся в ломбард не за потребительским кредитом, а за ссудными капиталами для обычных производственных целей. Они используют кредит, который можно получить в ломбарде, как кредит гораздо более дешевый, нежели тот, который им могут дать ростовщики. Необходимость закладывать вещь для получения кредита представляет для них, конечно, известное неудобство, но они идут на это за неимением других источников кредита, более приспособленных к их нуждам.

Два факта подтверждают высказанное сейчас положение. Во-первых, его подтверждают материалы отдельных анкет, произведенных ломбардами для определения физиономии своих клиентов. В этом отношении весьма показательна анкета, произведенная Батумским городским ломбардом в 1911 г. [1]). В течение этого года в Батумском ломбарде получили ссуду 4366 лиц. Из них часть отказались дать о себе сведения. Остальные распределялись по роду занятий следующим образом [2]):

---

[1]) См. книжку *И. Кириллова:* „Городские ломбарды“, М. 1914, стр. 47—48. Оттуда заимствованы нами и некоторые другие данные о ломбардах, приводимые ниже.

[2]) У Кириллова указано, что число лиц, давших сведения, составляло 4.343, но итог приводимых ниже цифр составляет лишь 4.293. Очевидно, в источнике — какая-то неточность или опечатка.

Мелкие торговцы	— 780	чел.
Служащие в различных учреждениях	— 704	"
Мастеровые и ремесленники	— 654	"
Чернорабочие	— 653	"
Домохозяйки	— 362	"
Помещики и домовладельцы	— 298	"
Лица свободных профессий	— 221	"
Прислуга	— 139	"
Безработные	— 134	"
Приказчики и конторщики	— 117	"
Земледельцы	— 101	"
Учащиеся	— 63	"
Промышленники	— 42	"
Духовенство	— 15	"

Главный контингент заемщиков составили, таким образом, мелкие торговцы, мастеровые и ремесленники, т.-е. мелкие предприниматели, которые обращались за кредитом, конечно, по преимуществу для хозяйственных целей.

Другой факт, который доказывает производственное, по преимуществу, назначение ломбардных ссуд, заключается в той связи, которая отмечена многими исследователями между развитием операций ломбардов и хозяйственной конъюнктурой. Один из директоров парижского ломбарда писал: „Когда дела идут хорошо, мелкие торговцы и мелкие производители идут в ломбард за капиталами, в которых они ощущают надобность. Можно сказать, что операции этого учреждения стоят в прямом отношении с состоянием хозяйственной сферы и в обратном — со степенью бедности“ [1]). Это, разумеется, не могло бы иметь места, если бы кредит ломбардов обслуживал по преимуществу потребительские нужды. Тогда в моменты застоя и ухудшения экономической конъюнктуры должно было бы, наоборот, наступить оживление в деятельности ломбардов.

За границей ломбарды („Monts de Piété“) принадлежат к числу стариннейших кредитных учреждений. Открытие первых ломбардов относится к XVI и XVII в. в. В Париже ломбард открыт был в 1777 г. В России городские ломбарды стали основываться лишь в последние 2—3 десятилетия перед

---

[1]) Там же, стр. 16.

войной. Первый городской ломбард был устроен в Вологде в 1888 г. В Москве городской ломбард был основан в 1896 г. До того времени дело выдачи ссуд под заклад вещей находилось в руках частных лиц. Это была излюбленная форма ростовщичества. Перед открытием городского ломбарда в 1880—1886 г. г. в Москве функционировали 51 частная ссудная касса. Произведенная ревизия установила, что из них: 2—брали 36% годовых, 1—48% годовых, 46—60% годовых и 2 кассы—72%. Городские ломбарды ставили себе целью дать дешевый кредит. Это им, однако, у нас не вполне удалось. Помимо процентов за ссуды ломбарды взимали особые сборы за хранение и страхование вещей. Это удорожало кредит и доводило размер процентов в большинстве городских ломбардов до 18—20% годовых, а в некоторых—даже до 30%. Пассивная операция наших городских ломбардов также была поставлена недостаточно удовлетворительно. Ломбарды, как и другие кредитные учреждения, действовали частью со своими, частью с чужими капиталами. Основные капиталы ломбардов составлялись из ассигнований городских самоуправлений. Эти ассигнования не могли быть значительны. Кроме того, в состав основных капиталов ломбардов входили также „занятые“ капиталы, позаимствованные большей частью из всякого рода специальных городских средств. Дальнейшим источником средств для операций ломбардов служили *займы* как краткосрочные у частных лиц и у других кредитных учреждений, так и облигационные. Облигационный заем для пополнения оборотных средств ломбарда был выпущен городом Москвой. Операция приема вкладов до последнего времени русскими городскими ломбардами не практиковалась, хотя некоторые попытки в этом направлении были сделаны.

На 1 января 1917 г. в России было 109 городских ломбардов. Их основной капитал составлял 12.560 тыс. рублей, в том числе—собственный капитал 6.001 тыс. руб., а занятый 6.559 тыс. руб. Кроме того, ломбарды имели долгов по займам различного рода—на 9.178 тыс. руб. А в ссудах ими было помещено к этому времени—13.753 тыс. руб.

Мы закончили очерк организации отдельных кредитных учреждений и освещение их роли на денежном рынке. Чтобы полнее представить себе картину деятельности нашего кредитно-банковского аппарата, надо еще иметь в виду, что весь он находился под „контролем" бдительного ока начальства. За крупными банками имела специальный надзор „Особенная канцелярия по кредитной части" и за мелким кредитом „Управление по делам мелкого кредита". Оба учреждения, на обязанности которых лежало „наблюдение" и „попечение", мало наблюдали и плохо пеклись. К заслугам их относится то, что они вели недурную статистику кредита, на материалах которой частью основаны приведенные выше цифры.

§ 6. Вторую часть аппарата денежного рынка, как было сказано, составляет *биржа*. Биржа представляет собою, однако, не только организацию посредничества между спросом и предложением ссудных капиталов. Понятие биржи шире. Ибо наряду *с фондовой, вексельной и валютной* биржей, органами денежного рынка, существуют многочисленные *товарные* биржи, как-то: хлебные, хлопковые, мясные, чайные и т. д., представляющие собою органы посредничества по покупке и продаже этих товаров. Поскольку нас интересует здесь движение ссудных капиталов, мы и займемся в дальнейшем только фондовыми, вексельными и валютными биржами, которые, впрочем, не повсюду дифференцированы и сплошь и рядом имеют общее название *фондовых* бирж. При этом мы будем говорить о биржах в том их виде, в каком они существуют в иностранных государствах и в каком они существовали у нас до Октябрьской революции.

С представлением о бирже связано раньше всего представление о *биржевом здании*, как месте встречи людей, производящих биржевые операции. Биржевое здание, как основа биржевой организации, действительно, имеет известное значение. Это не значит, конечно, что все биржевые сделки должны иметь место в этом здании, что при закрытии здания биржевой торг не может происходить. Но все-таки наличность в городе определенного пункта, где в известный час встречаются *все* торговцы ссудными капиталами, где в этот час, за редким исключением, можно увидеть представителя каждого

банка и каждой фирмы, оперирующей на денежном рынке, создает существенное облегчение в производстве торговли. Почта, телеграф, телефон, самые совершенные аппараты связи не могут заменить этой непосредственной встречи торговых людей и дать ту экономию времени и труда, которая дается этой встречей.

Но, само собою разумеется, что представлением о биржевом здании отнюдь не исчерпывается понятие биржи. С понятием биржи связано, раньше всего, понятие о биржевой организации, известном порядке устройства самой биржи и производства операций. Существенными элементами биржевой организации являются: 1) устройство биржи, 2) биржевые посредники, 3) биржевые правила („узансы"), 4) биржевые суды и 5) биржевая котировка.

Биржа принадлежит к числу старейших учреждений денежного рынка. Первая биржа была основана в Антверпене в XVI в. К XVI в. относится учреждение бирж в Лондоне, Гамбурге, Кельне, Лионе. В XVII в. основаны биржи в Амстердаме, Любеке, Кенигсберге, Франкфурте, Лейпциге, в XVIII в.—в Париже, Берлине, Вене, Петербурге. На устройстве бирж, естественно, сказались индивидуальные особенности отдельных стран, их различное отношение к торговле. Можно различать две системы устройства биржи: английскую и континентальную. Английская система сводится к тому, что биржа представляет собою частное учреждение. Помещение Лондонской биржи принадлежит частной акционерной компании („The London stock Exchange C° Ld."). Самая фондовая биржа имеет корпоративное устройство. Она управляется комитетом, который избирается ежегодно на общем собрании членов биржи. Комитет избирает новых членов, издает биржевые правила, разбирает споры по биржевым сделкам и т. п. Во Франции биржи находятся под сильным контролем государства. Только правительство имеет право учреждать биржи. Управление делами бирж возложено на торговые палаты, а за внешним порядком следит биржевая полиция, подчиненная префекту. Еще дальше в смысле вмешательства в биржевую жизнь пошла Германия. Здесь биржа не имеет автономии, и биржевая жизнь регулируется специаль-

ными „биржевыми законами". В области организации посредничества мы также наблюдаем существенное различие между устройством Лондонской биржи, с одной стороны, и континентальных,—с другой. Начать с того, что в Лондоне публика („outsiders") не допускается на биржу. На бирже фигурируют только посредники. Французские и германские биржи в этом отношении более либеральны. Здесь на биржу, помимо посредников, имеет доступ всякий, кроме несостоятельных должников, приговоренных к „позорящим" наказаниям. несовершеннолетних и некоторых других категорий. Не допускаются на биржи женщины [1]).

Затем, на разных биржах существуют следующее деление посредников на группы. На лондонской бирже посредники делятся на две, строго отграниченные одна от другой группы *маклеров* („brokers") и *торговцев* („dealers" или „jobbers") Маклер имеет лишь право выполнять поручение на покупку и продажу ценных бумаг за чужой счет. Он посредник-комиссионер. Заключать сделки за свой счет он не может. „Торговец", наоборот, имеет право покупать и продавать биржевые ценности только за свой счет. Ему запрещено принимать поручения от третьих лиц. Таким образом, получается следующее устройство посредничества. Публика („outsiders"), не имеющая права входа на биржу, передает свои поручения на покупку и продажу бумаг маклеру, а этот последний выполняет это поручение у торговца. Задача этого отделения маклера от торговца заключалась в том, чтобы оградить интересы публики, поставить между нею и торговцем незаинтересованного посредника. Это деление биржевых агентов составляет своеобразную особенность Лондонской биржи. Но и на Парижской бирже мы встречаем деление посредников на две категории, хотя и по другому принципу А именно, здесь существует, с одной стороны, группа привилегированных, легальных маклеров, числом не более 70, „agents de change", а с другой—громадное число полуле-

[1]) См. *Ю. Д. Филиппов.* Биржа. П. 1912. Гл. II, VI. Об устройстве бирж см. также *О. Штиллих.* Биржа и ее деятельность. Изд. Брокгауз Ефрон. 1912.

гальных посредников „coulissiers". Первая группа маклеров известна под именем „*паркета*" (по месту, занимаемому ею на бирже), а вторая называется „*кулисса*". Раньше кулисса не пользовалась правами легальных маклеров, но с течением времени она получила такое громадное влияние на бирже, что с нею стали считаться, как с значительной силой. В настоящее время обе группы маклеров живут „в ладах" и оба рынка признаются легальными [1]). Деление маклеров на легальных и нелегальных существовало и на других биржах, в частности и в России („биржевые маклера", с одной стороны, и „биржевые зайцы" — с другой).

Биржевые правила, или биржевые узансы представляют собою неотъемлемую часть биржевой организации. Они регулируют взаимоотношения лиц, принимающих участие в биржевой торговле, устанавливают порядок выполнения биржевых сделок и т. д. Они имеют гораздо большее значение для биржевого оборота, чем нормы общего законодательства. То же самое следует сказать о третейских судах, устраиваемых биржей („арбитражах"). Их постановления часто не обладают обязательной силой судебных решений, но тем не менее лицо, участвующее в биржевой торговле редко осмелится им не подчиниться, ибо оно рискует в этом случае тяжелыми последствиями „изгнания" из биржи.

Биржа, через своих маклеров, выполняет, наконец, еще одну работу, чрезвычайно существенную для денежного рынка, а именно работу по установлению и публикованию *котировки*. Цена биржевых товаров, в частности процентных бумаг, подвергается на бирже постоянным колебаниям. Учесть все это разнообразие колебаний представляется, конечно, невозможным. Каждая сделка на ту или иную бумагу совершается по своей цене. Но лица, заинтересованные в делах денежного рынка, выступающие в качестве продавцов или покупателей ценных бумаг, должны знать цены, по которым совершены сделки на бирже. Эти цены являются для них исходным пунктом для их дальнейшей позиции на рынке. Биржа и берет на себя выполнение *двойной* функции в этом отношении.

---

[1]) Ю. Д. Филиппов, там же, гл. VI.

Она, во-первых, систематизирует тот материал, который накопляется у нее в течение дня, старается найти в нем опорные пункты, вывести те или иные средние, определить „настоящую“ цену бумаг, или их *курс*. Она затем публикует этот курс во всеобщее сведение. Бюллютень биржи, в котором отмечаются курсы данного дня, и носит название котировки.

Вопрос об установлении курса ценных бумаг в биржевой котировке принадлежит к числу интересных теоретических проблем. Он связан с вопросом о том, что такое, вообще, средняя цена. Мы не станем здесь на этом вопросе останавливаться. Укажем лишь, что биржевая практика выработала ряд систем по установлению курса. Лондонская биржа отмечает две цены: цену покупателей и цену продавцов. Парижская — публикует четыре цены: первый курс, последний курс, высший и низший, а иногда выводит еще и средний. Берлинская — придерживается метода единого курса: на основании всех сделок, имевших место в течение дня, выводится известная средняя, которая и считается курсом данной бумаги.

Биржа, обслуживающая денежный рынок, выполняет различные операции по посредничеству между лицами, имеющими ссудные капиталы, и лицами, ищущими таковые. Движение ссудных капиталов, как мы уже указывали, нередко принимает на рынке форму покупки и продажи кредитных документов. Торговля кредитными документами и составляет круг операций биржи: торговля внутренними векселями — вексельной, торговля иностранными векселями — валютной, торговля ценными бумагами, облигациями (фондами), акциями и т. д. — фондовой — в узком смысле слова. Однако, этими же операциями занимаются и банки. Выше мы говорили уже о тех взаимоотношениях, в которых находятся в капиталистическом хозяйстве банки и биржа. Возвращаясь к этому вопросу, укажем, что он привлек в последнее время к себе большое внимание. *М. И. Туган-Барановский*, в одной из интереснейших статей, которые написаны о бирже, сделал попытку разграничить роль банков и биржи на денежном рынке. Он говорит, что „банк является резервуаром, в котором скопляется капитал, ищущий временного помещения“, в то время, как

„биржа есть резервуар, в котором концентрируется предложение капиталов, ищущих помещения постоянного“ [1]). По поводу этого рассуждения Туган-Барановского надо высказать, что установление такой строгой логической грани между двумя органами денежного рынка, действительно, было бы очень заманчиво, но от этого определения, тем не менее, приходится отказаться, потому что оно проводит различие там, где оно на самом деле не существует. Раньше всего Туган-Барановский упускает из виду, что наряду с биржей ценных бумаг существует и вексельная биржа, где капиталы помещаются на короткие сроки. А затем, банки, ведь, сами выступают в качестве посредников по размещению ценных бумаг. Поскольку они принимают от своих клиентов приказы, как на покупку, так и на продажу бумаг, и компенсируют взаимные поручения, они помимо биржи выполняют посредничество по размещению „долгосрочных“ капиталов. Кроме того, в разграничении, устанавливаемом Туган-Барановским, придается преувеличенное значение делению ссудных капиталов на долгосрочные и краткосрочные, неправильность чего мы показали в одной из предыдущих глав.

Взаимотношение банков и биржи, как мы уже отчасти говорили, надо себе представлять иначе. Логически банки представляют собою часть биржевой организации. Они являются ее агентами, одной из категорий посредников. Но фактически банки в новейшее время настолько выдвинулись в ряду биржевых посредников, сосредоточили в своих руках такую часть операций, что они эмансипировались от влияния биржи. Каждый крупный банк стал маленькой биржей. Агенты биржи, стоящие вне банков, потеряли свое прежнее влияние. Они сплошь и рядом стали агентами банков, посредниками между ними и публикой. У биржи остались только те функции, которые не захвачены банками.

Если с этой стороны подойти к вопросу, то нетрудно видеть, что, во-первых, от биржи постепенно отходят к банкам все те операции по посредничеству, которые не связаны

---

[1]) *М. И. Туган-Барановский.* „Значение биржи в современном хозяйственном строе“, в „Банковой Энциклопедии“, Т. II. 1916. Стр. 38.

с движением кредитных документов, которые не принимают формы покупки и продажи ценных бумаг. Да и покупка и продажа ценных бумаг все больше и больше сосредоточивается в банках. Однако, биржа продолжает выполнять одну часть функции посредничества по покупке и продаже ценных бумаг, которая недоступна для отдельного банка: а именно, *согласование спроса и предложения отдельных банков*. На бирже торгуют банки с банками. Биржа превращается, таким образом, в своего рода расчетную палату по ценным бумагам. Поэтому еще до сих пор сохраняется значение биржи, ее правил, ее котировки, ее суда, несмотря на упадок ее фактических операций и на сосредоточение этих последних в крупных банках.

Главным объектом биржевого оборота, как сказано, являются в новое время различные виды ценных бумаг, облигации, закладные листы, акции и их разновидность „шеры", под которыми у нас в России понимали мелкие акции иностранных компаний. Особенностью биржевой торговли является то, что ценные бумаги не фигурируют на самой бирже. Здесь только заключаются сделки, а их исполнение происходит вне биржи. Чаще всего исполнение биржевых сделок происходит при посредстве банков. Покупатели и продавцы ценных бумаг, в особенности те, которые занимаются этими операциями, как профессией, обычно имеют счета у банков, держат у них на хранении или в залоге свои бумаги, и при продаже или покупке поручают банкам „сдать" или „принять" то или иное количество бумаг по определенной цене. Если и покупатель и продавец имеют счета в банках, то исполнение сделки сводится к тому, что один банк „сдает" бумаги другому банку. Ценности переходят в данном случае из одной банковской кладовой в другую. Так как количество бумаг, подлежащих „сдаче" и „приемке" в течение дня очень велико, то это дает основание для взаимной компенсации встречных поручений. В некоторых городах (напр., в Берлине) существуют специальные „фондовые расчетные палаты", где банки в конце дня предъявляют друг другу взаимные требования на ценные бумаги, вытекающие из накопившихся у них в течение дня приказов на сдачу и приемку бумаг, компенсируют

встречные требования, и сдают друг другу только остатки. Эти расчетные палаты организованы на тех же началах, что и чековые расчетные палаты, и они дают большую экономию времени, избавляя банки от излишней пересылки ценных бумаг.

Биржевые сделки бывают двух родов: кассовые и срочные. Кассовые сделки, или сделки за наличные предполагают немедленное исполнение. Обычно, продавец обязан сдать проданные бумаги в течение трех дней. Срочные сделки заключаются с условием, что продавец обязан сдать бумаги к известному сроку. Срочные сделки составляют на заграничных биржах основную операцию, в которой происходит биржевая игра. Впрочем, биржевая игра имеет достаточный простор и при кассовых сделках. Биржевая практика выработала много различных форм срочных сделок с бумагами (сделки с премией, репорт и депорт и т. д.), на которых мы, однако, не станем здесь останавливаться, как на вопросах, которые относятся к области биржевой техники.

Литература к главе XIV.

1. *А. Гурьев.* Очерк развития кредитных учреждений в России. П. 1901.

2. *П. П. Мигулин.* Наша банковая политика (1729—1903). Харьков 1904.

3. *В. Т. Судейкин.* Наши общественные городские банки. П. 1884.

4. *Его же.* Очерк организации поземельного кредита в Англии, Германии, Австро-Венгрии и Франции. П. 1888.

5. *М. Я. Герценштейн.* Кредит для земств и городов. М. 1892.

6. *Его же.* Ипотечные банки и рост больших городов в Германии. П. 1902.

7. *А. Н. Зак.* Крестьянский поземельный банк. 1883—1910. М. 1911.

8. *Д. А. Батуринский.* Аграрная политика царского правительства и Крестьянский позем. банк. М. 1925.

9. *З. С. Каценеленбаум.* Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России. 1-е изд. М. 1910, 4-е изд. М. 1922.

10. *Его же,* „Сельско-хозяйственный кредит в России". „Социалист. Хозяйство". 1923. № 6—8.

11. *М. Хейсин.* Очерки по истории кредитной кооперации в до-Октябрьской России. 3-е изд. Л. 1925.

12. *В. А. Косинский.* Учреждения для мелкого кредита в Германии. Т. I. М. 1901.

13. *В. Я. Железнов.* „Теория мелкого (кооперативного) кредита". „Курсы по кооперации", под ред. *А. А. Мануилова.* Т. I. 3-е изд. М. 1918.

14. *А. Н. Анцыферов.* „Современное положение кооперативного кредита в странах Западной Европы". В том же издании.

15. *Г. В. Вольф.* Народные банки. Перев. с английского. М. 1915.

16. *Ю. Д. Филиппов.* Биржа. П. 1912.

17. *О. Штиллих.* Биржа и ее деятельность. Изд. „Брокгауз-Ефрон". 1912.

18. „Банковая Энциклопедия" под редакцией проф. Л. Н. Ясиопольского. Т. II. Биржа. Киев. 1916.

19. *M. Fürst.* Die Börse. Leipzig 1913.

20. *W. Prion.* Die Preisbildung an der Wertpapierbörse. Leipzig. 1910.

ГЛАВА XV.

Кредитная система СССР [1]).

§ 1. Новая экономическая политика и восстановление кредитной системы. — Новый Государственный банк. — § 2. Работа Государственного банка в условиях падающей валюты. — Проблема страховки капитала. — § 3. Госбанк после перехода на червонцы. — Операции Госбанка в 1923—1925 г.г.— Основные источники средств. — Собственные капиталы. — Эмиссия. — Депозиты. — § 4. Активные операции. — Валютно-металлический фонд. — Кредитные операции. — § 5. Основные моменты политики Госбанка. — Валютная политика.—Кредитная политика.—Дисконтная политика.—Кредитные планы.— § 6. Другие кредитные учреждения. — § 7. Кредитная система СССР, взятая в целом —Ее развитие в 1923—1925 г.г.—Взаимоотношения Госбанка и прочих кредитных учреждений.

§ 1. Финансовая политика Советского правительства в первые годы после Октябрьской революции, в эпоху так называемого „военного коммунизма“, завершилась, как мы видели, в области кредита ликвидацией старых кредитных учреждений. На основании декрета от 14/27 декабря 1917 г. о национализации банков и ряда последующих постановлений акционерные коммерческие банки, общества взаимного кредита и другие кредитные учреждения были слиты со старым Государственным банком, переименованным в 1918 г. в Народный банк, но затем и Народный банк был ликвидирован и

---

[1]) Цифровые данные о Госбанке — по балансам, отчетам и др. материалам Правления Госбанка. Цифры о других кредитных учреждениях взяты из балансов и отчетов этих последних, частью по «Вестнику Финансов».

слит на основании декрета от 19 января 1920 г. с другими органами Нар. Ком. Финансов в „Бюджетно-Расчетное“ управление. Единственным учреждением, которое сохранилось в форме банка, по крайней мере по своему внешнему характеру, был так называемый „Кооперативный Отдел“ Наркомфина, образованный из бывшего кооперативного Московского Народного банка. Но и это учреждение, сохранившее некоторую — весьма слабую — связь со старой кредитной системой, было ликвидировано в начале 1922 г.

По мере ликвидации кредитных учреждений из хозяйственной системы выпадали объекты кредитного оборота. Вексель, чек, ценная бумага, переводный билет и т. д., — все это были элементы, о которых у большинства занятых в хозяйстве людей к 1921 г. осталось смутное воспоминание. Финансирование национализированных предприятий производилось, как известно, в плановом бюджетном порядке, путем выдачи им через органы казначейства — „Центрокассу“ — и местные финансовые учреждения — Финотделы — безвозвратных дотаций, которые компенсировались безвозмездной же сдачей государственным органам продукции этих предприятий. В частном обороте, поскольку таковой сохранился, сделки могли совершаться только за наличные как в виду отсутствия занонов, регулирующих кредитный оборот, так и в виду непрерывного обесценения денежной единицы. В отношении хранения денег и их пересылки вернулись к примитивным формам.

Изменение экономической политики Советского правительства, переход к НЭП'у не мог не вызвать перемены в отношении правительства к кредиту. Стало ясно, что в новых условиях снабжение крупных предприятий средствами не может дальше производиться в полной мере в порядке бюджетных ассигнований, и что национализированные предприятия должны постепенно вернуться к системе пополнения оборотных капиталов в кредитном порядке. В то же время с образованием товарного рынка и допущением частного капитала к торговой и отчасти промышленной деятельности возникла потребность в восстановлении кредитной системы, как аппарата, облегчающего совершение кассовых операций.

Наряду с этим определился поворот во взглядах на денежное обращение. Вместо господствовавшего раньше воззрения о необходимости упразднения денежной системы появилась мысль о восстановлении этой системы и упорядочении денежного обращения, что также было невозможно при полном отсутствии в стране кредитных отношений. По всем этим соображениям необходимость восстановления кредитной системы стала очевидна.

В этих условиях и возникла мысль об учреждении Государственного банка. Надо было строить кредитную систему на пустом месте, и по общей обстановке того времени эту постройку можно было начать только с верхушки. В Нар. Ком. Финансов остановились на мысли об организации специального банка, которому и решено было дать прежнее название Государственного банка. В течение сентября 1921 г. был спешно разработан проект положения о новом банке, который после обсуждения его в нескольких комиссиях был 3 октября одобрен ВЦИК. Затем 12 октября был принят декрет Сов. Нар. Ком. об учреждении Государственного банка РСФСР,—переименованного потом по образовании Союза Советских республик в Государственный банк СССР, — а несколько позднее ВЦИК окончательно утверждено „Положение о Государственном банке". Еще 8 октября состоялось первое заседание вновь назначенного правления банка, а 16 ноября 1921 г. банк открыл свои действия в Москве, сразу же приступив к организации отделений и в других городах. На 1 января 1922 г. банк открыл на местах 21 контору и отделения. Основная задача нового учреждения была определена 1-й статьей „Положения", в которой говорилось, что Государственный банк организуется с целью „способствовать кредитом и прочими банковыми операциями развитию промышленности, сельского хозяйства, товарооборота, а также с целью концентрации денежных оборотов и проведению других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения".

§ 2. Деятельность Госбанка прошла через *два* сильно отличающихся один от другого периода. В течение первого периода, охватывающего приблизительно и первый год дея-

тельности банка, Госбанк работал в условиях резко обесценивающейся валюты — при напряженной эмиссии бумажных денег. С конца 1922 г. Госбанк вступает в новую полосу. Он превращается в эмиссионный банк, и приступает к выпуску своих билетов — червонцев. Выпуск червонцев является вместе с тем первым этапом стабилизации валюты, и с этого времени Госбанк работает уже в иной обстановке.

Интенсивный рост Госбанка начался только с конца 1922 г., с того момента, как он получил возможность эмитировать свои билеты на более или менее устойчивой базе. Первый год его работы может рассматриваться до некоторой степени, как подготовительный период. Этот период интересен в том отношении, что особые условия, в которых находилось в то время денежное обращение (за 1922 г. количество денежных знаков в народном обращении поднялось с 17.5 милл. р. по счету 1923 г. до 1.994,5 милл. р., увеличившись в 113 раз, а ценность денежной единицы уменьшилась в соотношении с товарами в 72 раза) поставили перед Государственным банком проблемы, которые едва ли когда-либо в истории хозяйства стояли до того перед каким-нибудь кредитным учреждением, по крайней мере в такой острой форме [1]. Дело в том, что Государственный банк в начале своей работы натолкнулся на трудности в виду *необходимости изыскания мер для охраны капиталов банка от обесценения.* Так как орудием обращения был только обесценивавшийся советский рубль, в котором велись и все расчеты, то всякая ссуда, выданная даже на самый короткий срок в номинальных рублях, возвращалась в банк значительно уменьшившейся в своем реальном содержании. При

[1]) Эти вопросы не могли возникнуть в ту классическую эпоху обесценения бумажных денег, в период французских ассигнатов, с которой наша эпоха имеет так много общих черт, ибо во Франции новые кредитные учреждения, насколько известно, стали возникать уже после того, как металл вернулся в оборот и хозяйство ассигнатов было ликвидировано. Только позднее во второй половине 1922 г. и в 1923 г. в аналогичное с русским Государственным банком положение попали банки Австрии и Германии, которые могли уже отчасти руководствоваться в своей деятельности русским опытом. Неудивительно, что вопрос о работе банков в условиях резко обесценивающейся валюты не был освещен в литературе.

своем возникновении Государственный банк не получил от казначейства основного капитала в металле или других реальных ценностях. Ему был ассигнован для оборотов капитал в бумажных рублях — на сумму в 2 триллиона рублей номинальных. Насколько быстро обесценивался этот капитал, видно из того, что, когда эти 2 триллиона рублей были ассигнованы, их стоимость в золоте составляла около 50 миллионов рублей довоенных, а в тот момент, когда банк открыл свои действия и эти деньги были переданы в его кладовые, они стоили в золоте уже только около 14 милл. р. Если бы банк роздал эти деньги в ссуды определенной группе клиентов из обычных процентов в начале 1922 г., то он через 3—4 месяца получил бы от этих клиентов обратно только 1—2 милл. р. золотом. Для клиентов банка такая ссуда фактически явилась бы подарком, а банк, потеряв на этой операции свой реальный капитал, был бы лишен возможности продолжать свою деятельность по кредитованию торгово-промышленного оборота.

Такое состояние денежного обращения заставляло Госбанк усиленно искать выхода в области построения кредитных операций. В поисках этого выхода *банк стал применять ряд паллиативных приемов, которые в своей совокупности должны были служить средством для „страховки" его капиталов от курсовых потерь* и в то же время препятствовать превращению банковских ссуд в безвозвратные пособия. Меры по „страховке" капитала заключались в *начислении высоких процентов, участии банка в разнице цен товаров, выдаче ссуд экспортерам с возвратом в иностранной валюте, выдаче ссуд в золотом исчислении.*

Мы не станем здесь останавливаться на оценке того значения, которое имел каждый из этих приемов в отдельности [1]). В общем и целом, они оказались достаточными для того, чтобы предотвратить обесценение собственных капиталов Госбанка. Курсовые потери, которые банк понес

---

[1]) Подробно об этих мерах см. в нашей книжке: „Денежное обращение России. 1914—1924". М.-Л. 1924, стр. 144—148. См. также нашу статью: „Первый год работы Государственного банка". „Нар. Хоз.", 1922, № 9—10.

на активных операциях, производившихся по счету на советские рубли без страховки или с неполной страховкой, частью компенсировались прибылями от финансирования экспорта, но, главным образом, покрывались за счет „чужих денег", т.-е. за счет обесценения текущих счетов и вкладов, принадлежавших почти целиком государственным учреждениям и предприятиям. В общем, курсовые потери оказались покрытыми со значительным избытком. Мы упомянули о том, что первоначальный капитал, полученный Госуд. банком от правительства, составлял по расчету на золото около 14 милл. р. В течение 1922 г. Госуд. банку были отпущены для операций значительные добавочные суммы. По некоторым приблизительным подсчетам все суммы, полученные Государственным банком от казначейства в его оборотные капиталы, составили около 50 милл. р. золотом по курсу дня. При окончательном перечислении на золото баланса банка, а именно на 1 октября 1923 г., в распоряжении его оказалось, однако, собственных средств на бо́льшую сумму.

Но если Государственный банк и вышел из первого операционного года без убытков, или, точнее говоря, переложил убытки от обесценения своих активов на вкладчиков, в том числе, главным образом, на те же государственные организации, питавшиеся из бюджетных источников, то все же общие условия денежного обращения в течение 1922 г. препятствовали его развитию. *По мере обесценения бумажно-денежного знака происходило обесценение баланса банка*, и хотя падение ценности активов сопровождалось одновременным обесценением пассивов, и убытки от этого обесценения, как мы сказали, перекладывались в большой степени на вкладчика, *общие балансы банка нарастали очень медленно*. Вместе с тем и удельный вес Госбанка в народном хозяйстве страны не был достаточно заметен. Госбанк выдавал заемщикам в ссуду советскими рублями значительные по своей ценности суммы, но спустя месяц — другой долг заемщика по отношению к банку составлял гораздо меньшую реальную величину и роль капитала банка в оборотном капитале заемщика оказывалась небольшой. О том, как изменялись в теченее 1922 г. балансы Государствен-

ного банка в их реальном значении, говорят следующие цифры.

Итоги сводных балансов Государственного банка в 1922 г. составляли:

Дата.	В тысяч. рублей дензн. 1923 г.	В тыс. товарных рублей по бюджетному индексу	В тысяч. золотых рублей по курсу вольного рынка
На 1 января 1922 г.	4.764	19.850	—
„ 1 февр. „	4.596	8.189	—
„ 1 марта „	9.792	9.415	—
„ 1 апр. „	18.629	8.354	18.629
„ 1 мая „	28.980	6.300	—
„ 1 июня „	57.974	13.673	—
„ 1 июля „	135.279	30.400	70.275
„ 1 авг. „	272.925	45.336	—
„ 1 сент. „	400.628	73.510	—
„ 1 окт. „	588.348	79.506	111.009
„ 1 ноября „	723.345	57.729	—
„ 1 декабря „	945.588 + 295 т. ч.	61.370	72.063

Как видно из этих данных, в течение первой половины 1922 г. реальные итоги баланса, вообще, были незначительны. С июня по август 1922 г. балансы нарастали, но с сентября—октября этот рост приостановился и даже обнаружилось падение реальной ценности пассива. Правда, в активе имелись скрытые резервы в виде иностранной валюты, товаров и „застрахованных“ ссуд, но и на 1 января 1923 г., когда

баланс был перечислен в червонцы, он выразился в небольшой сравнительно сумме в 131,3 милл. черв. руб., лишь в $2^1/_2$ раза превышавшей собственный капитал банка. Балансы Государственного банка в течение первого года его деятельности разделили участь бумажно-денежной массы. *Точно так же, как выпуски бумажных денег не приводили к увеличению ценности бумажно-денежной массы, и непрерывный прилив новых денег в кассы Государственного банка не приводил к росту его ресурсов и к увеличению его удельного веса, как посредника в кредите.*

Однако, в течение первого операционного года были подготовлены те условия, которые открыли возможность для более быстрого развития банка в последующий период. Наибольшее значение имело восстановление кредитных форм введение в оборот векселя, введение переводной и аккредитивной операции и других институтов кредитной связи, восстановление чековой системы и образование расчетных отделов, упорядочение валютного рынка и системы котировок, установление корреспондентских связей с заграничными банками и т. д. Вместе с тем быстро развивалась сеть филиалов банка.

Нарастание сети филиалов Госбанка шло следующим образом. Всего имелось:

	Контор	Отделений	Агентств	Всего
На 1 января 1922 г. .	3	1	—	4
„ 1 июля 1922 г. .	13	58	7	78
„ 1 января 1923 г.	23	89	56	168
„ 1 июля 1923 г. . .	25	101	103	229
„ 1 января 1924 г. .	28	108	168	304
„ 1 июля 1924 г. .	27	126	198	351
„ 1 января 1925 г. .	28	131	246	405
„ 1 июля 1925 г. .	28	152	257	437
„ 1 января 1926 г. .	32	170	277	479

Как видно из этих цифр, процесс организации основных филиалов, контор и отделений, был, в общем, завершен к началу 1923 г. К этому времени учреждения банка имелись уже почти во всех губернских городах и в некоторых уездных. В течение 1923—1924 г.г. строится, главным образом, более мелкая сеть — агентств.

В то же время с первых дней деятельности Государственного банка был поставлен вопрос о мерах по регулированию денежного обращения, и с лета 1922 г. в банке начались работы по подготовке эмиссии банковых билетов А в конце 1922 г. Госбанк приступил к выпуску своих банковых билетов — червонцев.

§ 3. В первой части (гл. XVIII — XIX) [1]) при рассмотрении перемен *в денежном обращении СССР* мы осветили основные моменты, связанные с выпуском червонца. Мы изложили там основные принципы декрета Совета Народных Комиссаров от 11 октября 1922 г., которым Государственному банку было предоставлено право выпуска банковых билетов, некоторые положения изданного в дополнение к этому декрету „Наказа“ от 19 октября 1922 г. и привели данные о последующем ходе эмиссии банкнот. Не повторяя этих данных, мы постараемся сосредоточить здесь свое внимание на том значении, которое переход на червонцы имел для работы Госбанка, как кредитного учреждения, чтобы по выяснении этого вопроса перейти затем к несколько более подробному анализу операций Госбанка за 1923—1925 г.г.

Переход на червонцы имел для Государственного банка раньше всего то значение, что он дал ему возможность окончательно *перевести свои активные операции на твердовалютное исчисление*. Элементы этого исчисления имелись в операциях Государственного банка и в течение 1922 г.: в счетах в иностранной валюте, в ссудах с частичным „золотым исчислением“ и т. п. Перевод операций на твердовалютное исчисление приостановил процесс обесценения балансов Госбанка и с 1923 г. начинается быстрое их нарастание. Вместе с тем стал расти удельный вес банка

[1]) 3-е издание.

в народном хозяйстве страны. Об этом общем росте банка дают представление следующие цифры.

Активы Госбанка составляли (в тыс. черв.):

На 1 января 1923 г.	13.127
„ 1 апреля „	28.553
„ 1 июля „	51.602
„ 1 октября „	83.655
„ 1 января 1924 г.	109.368
„ 1 апреля „	136.720
„ 1 июля „	157.480
„ 1 октября „	161.883
„ 1 января 1925 г.	205.418
„ 1 апреля „	245.942
„ 1 июля „	278.563
„ 1 октября „	351.343
„ 1 января 1926 г.	393.548
„ 1 апреля „	388.829

Как видно из этих данных, в течение 1923—1925 г.г. баланс Госбанка непрерывно растет. К началу 1924 г. он превышает 1 миллиард рублей, за 1924 г. он почти удваивается, за 1925 г. он вновь почти удваивается, и к началу 1926 г. приближается к 4 миллиардам рублей.

Другое значение перехода на червонцы для работы Госбанка заключалось в том, что *выпуск банковых билетов* явился сам по себе новым источником для пополнения его рессурсов. В течение первого года своей деятельности Государственный банк работал почти исключительно на средства казны и на суммы, поступавшие во вклады и на текущие счета, которые, однако, также состояли, главным образом, из средств казначейства. При всем том, как мы могли видеть из приведенных выше цифр оценки балансов Госбанка в золоте, общие размеры средств, которыми оперировал банк в течение этого периода, были невелики. С 1923 г. положение резко изменилось. Эмиссия банкнот явилась сама по себе очень крупным рессурсом для Госбанка, рессурсом, который к началу 1926 г. предоставил в его распоряжение средства на сумму в 781 милл. руб.

Наконец, переход на червонцы вызвал значительный прилив вкладов в Государственный банк. Введение текущих счетов в червонцах устранило то препятствие, которое до того времени задерживало прилив „чужих денег“

Всего у Госбанка (

	А К Т И В				
	Касса	Валютно-металлич. фонд	Учетно-ссудные операции	Между-конторн. расчеты	В собст товара (хлебе) и ценны бумага
	1	2	3	4	5
На 1 января 1923 г.	—	3.148	3.075	1.688 [2])	—
„ 1 апреля „	—	6.481	7.420	3.058 [2])	—
„ 1 июля „	—	9.154	17.049	5.357 [2])	—
„ 1 октября „	—	15.828	28.240	17.401	5.805
„ 1 января 1924 г.	3.629	21.349	28.892	22.674	—
„ 1 апреля „	3.541	30.086	34.966	27.962	—
„ 1 июля „	4.212	30.372	46.653	33.307	—
„ 1 октября „	5.506	29.721	59.846	—	6.671
„ 1 января 1925 г.	5.376	34.436	76.078	—	—
„ 1 апреля „	6.212	33.459	86.889	—	—
„ 1 июля „	7.967	27.168	100.399	—	—
„ 1 октября[3] „	8.776	29.807	142.505	—	15.353
„ 1 января 1926 г.	—	23.978	164.009	—	16.83

[1]) Таблица составлена на основании данных „Отчета“ за 1923 г. (Табл.
1924/25 г. Данные по гр. 2 и 3 за январь — июль 1923 г. не вполне сопостави
нения в группировки статей. Изменения эти (их можно установить из того переч
цам в указанных отчетах), однако, настолько невелики, что они не имеют су

[2]) Средства Правления, переданные конторам и отделениям.

[3]) С этой даты — включены текущие счета НКФ в золоте и инвалюте.

[4]) Со включением ссуд под хлеб, отнесенных в следующие годы к „учет

стояло (в тыс. черв. [1]).

П А С С И В					
Собственные капиталы	Эмиссия банкнот	Специальные средства НКФ	Вклады и текущие счета		
			Всего	В том числе НКФ	В том числе прочие
6	7	8	9	10	11
—	1.118	1.552	2.593	—	—
—	4.500	3.597	6.087	—	—
—	9.600	8.523	8.941	—	—
7.667	23.500	10.900	17.889 [3])	—	—
7.667	28.000	11.468	28.493	—	—
7.164	33.800	12.418	36.371	—	—
7.156	38.750	14.262	35.710	—	—
12.515	52.185	20.579	30.805	10.608	20.197
13.492	59.597	19.497	45.005	22.893	21.112
13.467	59.029	24.900	51.275	21.159	30.116
13.445	66.466	24.119	51.260	21.552	29.708
15.308	75.664	22.863	74.557	35.334	39.223
15.296	78.136	24.648	104.390	64.628	39.762

Отчета" за 1923/24 г. (Табл. I, стр. 58—59) и подготовляющегося отчета за с данными за последующие годы, так как с 1923/24 г. вносились некоторые изме-балансовых статей, входящих в группы, который приведен в примечаниях к табли-ственного значения для картины динамики отдельных групп.

ссудным" операциям.

в банк, ибо вклады перестали подвергаться обесценению и предприятия получили импульс для хранения своих касс в банке. С 1923 года начинается быстрое нарастание вкладов.

Чтобы разобраться несколько подробнее в ходе операций Госбанка за 1923—1925 г.г., приведем раньше всего данные о движении основных групп его балансов за этот период.

Ход операций Госбанка за 1923—1925 г.г. виден из следующих данных. (См. табл. на стр. 530—31.)

Остановимся несколько подробнее на отдельных статьях баланса.

Собственные капиталы Госбанка составляли на 1 октября 1925 г. 153 мил. руб. В эту сумму входит основной капитал банка, его запасный капитал и некоторые резервные средства. Основной капитал был определен на 1 октября 1923 г. при окончательном переводе баланса банка на золото в 50 милл. руб. Затем, на 1 октября 1924 г. основной капитал был повышен до 100 милл. руб. Запасный капитал на 1 октября 1925 г. составлял 15 милл. руб.

Основными источниками средств для Госбанка в течение 1923—1925 г.г. служили *эмиссия банкнот и вклады и текущие счета*. К концу рассматриваемого периода, на 1 октября 1925 г., Госбанк имел из обоих источников приблизительно одинаковые суммы—около 750 милл. руб. из каждого. При этом интересно отметить, что на протяжении всего трехлетия оба источника, в общем и целом, „шли в ногу“, и Госбанк лишь в отдельные периоды получал от „чужих денег“ меньше средств, чем от эмиссии банкнот. Это видно из следующего сопоставления.

В °/₀°/₀ к итогу баланса составляли:

	Эмиссия банкнот:	Вклады и текущ. счета:
На 1 января 1923 г.	8,6	19,9
„ 1 июля „	18,6	17,9
„ 1 января 1924 г.	25,5	25,9
„ 1 июля „	24,7	22,6
„ 1 января 1925 г. [1]	39,5	29,2
„ 1 июля „	36,2	27,9
„ 1 октября „	33,1	32,6

[1]) Рост процентов вызван уменьшением итога баланса, в котором в 1925 г. междуконторные расчеты взяты лишь в сальдо.

Как видно из сопоставления 10 и 11 гр. приведенной выше таблицы в составе депозитов Госбанка крупную роль играют *вклады и текущие счета Нар. Ком. Фин.*, т.-е. средства казны. Более детальную картину состава вкладов Госбанка дают следующие данные о распределении вкладов, текущих счетов и депозитов по группам вкладчиков.

Остатки вкладов в Госбанке, по составу вкладчиков, распределялись следующим образом (в тыс. черв.) [1]

	На I/X—1924 г.		На I/X—1925 г.	
	Всего	в % к итогу	Всего	в % к итогу
Хозяйств. предприят.				
Государственн. предприят.	7.478	37,0	19.751	50,3
Кооперативн. организац.	820	4,1	2.376	6,1
Частные лица	881	4,4	1.950	5,0
Кредитные учреждения	3.271	16,2	3.599	9,2
Прочие организац.				
Администр. и обществ. учр. . . .	4.559	22,6	7.036	17,9
Страховые учреждения	2.737	13,5	3.930	10,0
Профессион. организац.	374	1,8	581	1,5

Как видно из этих данных, Госбанк на 1 октября 1925 г. имел вкладов хозяйственных организаций, т.-е. организаций, в большей части пользовавшихся у него и кредитом, на сумму в 276,8 милл. руб., что составляло 70,6% к общему

[1]) 77 тыс. червонцев остались не распределенными.

итогу его „прочих“ депозитов. Наибольшую сумму в 50,3% к итогу „прочих“ депозитов составляли вклады и текущие счета государственных предприятий, т.-е. трестов, синдикатов, торгов и т. д. Сравнительно невелики были текущие счета кооперации, и еще меньше — текущие счета частных лиц. В составе счетов „прочих организаций“ значительную роль играет группа счетов административных и общественных учреждений, куда относятся счета сберегательных касс, коммунальных учреждений и т. д., и группа счетов страховых учреждений, куда отнесены счета органов государственного страхования („Госстрах“) и социального страхования („Цустрах“).

Крупная роль текущих счетов государственных предприятий в составе пассивов Госбанка и сравнительно незначительная роль счетов частных лиц вытекает из особых условий советского хозяйства. Этот факт объясняется тем, что почти все более или менее крупные предприятия сосредоточены в руках государства, а средние и мелкие предприятия, находящиеся в руках частных лиц, в общем, не держат денег в кредитных учреждениях, и в особенности в Госбанке. Последнее обстоятельство, в свою очередь, является, с одной стороны, следствием того, что Госбанк в своих активных операциях, как мы увидим дальше, работает по преимуществу с крупными государственными и кооперативными предприятиями и мало связан с частной клиентурой, а, с другой — следствием того, что проценты, которые Госбанк платит по текущим счетам, являются сравнительно низкими.

Из других статей пассива заслуживает внимания „счет специальных средств НКФ“. Из приведенной выше таблицы (гр. 8), видно, что этот счет нарастал в течение 1923 г. и в первые 3 квартала 1924 г., но что с октября 1924 г. его рост приостановился и он остался на уровне 20—22 мил. черв. Рассматриваемый счет образовался из специальных ассигнований по бюджету, которые отпускались в течение 1922/1923 г.г. и в 1923/1924 г.г. для поддержания государственной промышленности. Такие ассигнования вызывались тем, что в первые годы после перехода к новой экономической поли-

тике некоторые отрасли промышленности продолжали оставаться дефицитными и не могли быть втянуты в сферу банковского кредитования. Для того, чтобы сделать переход от существовавшей раньше системы безвозвратных дотаций к системе банковского кредитования более постепенным, был установлен такой порядок, что эти ассигнования передавались Нар. Ком. Фин. Госбанку, который затем выдавал их соответствующим предприятиям в форме долгосрочных ссуд, обычно на срок от 2 до 5 лет. Госбанк, однако, выступал в этих операциях лишь в роли посредника Нар. Ком. Фин. и на балансах банка они отражались и продолжают отражаться почти в равных суммах по пассиву („специальные средства" НКФ) и по активу („особые ссуды за счет НКФ"). В течение 1923 г. и первых кварталов 1924 г. эта операция занимала заметное место в общей сумме операций Госбанка. Так, на 1 января 1924 г. Госбанк выдал „особых ссуд" на 13,4 милл. черв., между тем как его собственные учетно-ссудные операции составляли на то же число 28,9 милл. черв., а на 1 октября 1924 г. —19,0 милл. черв. при собственных учетно-ссудных операциях в 52,8 милл. черв. Но в течение 1924/1925 операц. года положение ряда предприятий, бывших раньше дефицитными, значительно улучшается, в частности в металлургической отрасли, и это дает возможность перевести эти предприятия на банковское кредитование. Вместе с тем, падает значение „особых ссуд". На 1 октября 1925 г. в „особых ссудах" было помещено 18,5 милл. черв. при помещениях Госбанка в собственных учетно-ссудных операциях в 142,5 милл. черв.

Попытаемся теперь подвести итог тем средствам, которыми располагал Госбанк на протяжении рассматриваемого периода. Если скинуть с итога балансов междуконторные расчеты, представляющие собою бухгалтерские расчеты между учреждениями банка, и оставить в стороне „специальные средства" НКФ, суммы, полученные в порядке краткосрочных иностранных кредитов, и некоторые мелкие статьи пассива, то основные средства, которыми располагал Госбанк для размещения в своих активах, будут складываться из трех групп: *собственных капиталов, эмиссии*

и депозитов. Эти три группы основных рессурсов давали в распоряжение Госбанка следующие суммы (в милл. черв):

	На I/I 1923 г	На I/X 1923 г.	На I/X 1924 г.	На I/X 1925 г.
Собственные капиталы . . .	—	7,7	12,5	15,3
Эмиссия банкнот	1,1	23,5	52,2	75,7
Вклады, текущие счета и депозиты	2,6	17,9	30,8	74,6
Итого . .	3,7	49,1	95,5	165,6

Общие ресурсы Госбанка можно, таким образом, приблизительно определить:

на 1 октября 1923 г. — в 490 милл. руб.
„ 1 октября 1924 г. — в 950 милл. руб.
„ 1 октября 1925 г. — в 1650 милл. руб.

Госбанк, иными словами, имел возможность *влить в народно-хозяйственный оборот в 1923/1924 операционном году новые средства на сумму около 460 милл. рублей, а в 1924/1925 операц. году—на сумму около 700 милл. руб.*

§ 4. Обратимся теперь к активным операциям Госбанка и посмотрим, как разместил он эти средства.

Раньше всего необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в движении средств Госбанка мы замечаем *два* направления, при чем оба направления достаточно типичны для эмиссионного банка, находящегося в начальной стадии своего развития; а именно, мы видим, что одна часть средств пошла на накопление фонда драгоценных металлов и иностранной валюты, а другая—на предоставление кредитов различным предприятиям. Наряду с этим Госбанк поместил сравнительно небольшую часть своих средств в товарах (хлебе) и ценных бумагах.

Валютно-металлический фонд, которым располагает Государственный банк, складывается из 3-х статей:

1) драгоценных металлов;

2) иностранной валюты в банкнотах и монете;

3) свободных сумм, состоящих на его счетах в заграничных банках (по счету „Корреспондентов Ностро").

Как можно было видеть из приведенных выше данных, в *валютно-металлическом* фонде Госбанком было помещено: на 1 января 1923 г. — 3,1 милл. черв., на 1 октября 1923 г. —15,8 милл. черв., на 1 октября 1924 г. — 29,7 милл. черв. и на 1 октября 1925 г. —29,8 милл. черв.

Кредитные операции Госбанка протекают в форме учета векселей и выдачи различного рода ссуд. Из приведенной выше таблицы мы могли видеть, что в этих операциях Госбанком всего было помещено: на 1 января 1923 г.—3,1 милл. черв., на 1 октября 1923 г. —28,2 милл. черв., на 1 октября 1924 г.—59 милл. черв. и на 1 октября 1925 г.—142,5 милл. червонцев.

Если мы к помещениям в валютно-металлическом фонде и кредитных операциях прибавим затраты банка на собственные товары (главным образом, хлеб) и ценные бумаги, то мы получим следующую картину размещения средств Госбанка.

Всего Госбанком было помещено (в милл. черв.):

	На 1 янв. 1923 г.	На 1 окт. 1923 г.	На 1 окт. 1924 г.	На 1 окт. 1925 г.
В валютно-металлич. фонде .	3,1	15,8	29,7	29,8
„ учетно-ссудных операц. .	3,1	28,2	59,8	142,5
„ товарах (хлебе) и ценн. бумагах	—	5,8	6,7	15,4
Итого . .	—	49,8	96,2	187,7

Сопоставление отдельных групп актива Госбанка в этой табличке, а также в таблице вышеприведенной (гр. 2 и 3), показывает, как протекало нарастание валютно-металлического фонда Госбанка в отдельные периоды. Нетрудно заметить, что фонд нарастал до 1-го квартала 1924 (календарного) года включительно, при чем с января по апрель 1924 г. рост фонда обгоняет рост кредитных операций. С апреля 1924 г. дальнейшее нарастание фонда почти приостанавливается, и к 1 октября 1925 г. фонд даже несколько уменьшается.

На 1 октября 1925 г., как мы видели, главная масса средств, свыше 1,4 миллиардов рублей, была помещена Гос-

банком в его учетно-ссудных операциях. Присмотримся к этим операциями несколько поближе.

Раньше всего приведем данные о том, как распределялись эти помещения с формально - технической стороны, т.-е. по каким операциям были выданы эти суммы. Об этом говорят следующие данные. Всего было помещено Госбанком в отдельных учетно-ссудных операциях (в тыс. черв.):

Операции.	На 1 окт. 1924 г.	На 1 окт. 1925 г.
Учет векселей	18.056	51.875
Спец. тек. счета п/векселя	8.722	22.185
Ссуды п/товары и товарные документы	1.000	5.745
Спец. тек. счета п/товары и тов. док.	9.752	13.989
Аккредитивы товарные	436	1.330
Ссуды и спец. т/сч. п/инв. и драг. мет.	50	36
Ссуды и спец. тек. сч. п/цен. бумаги	924	1.553
Производственно - целевые кредиты	13.493	23.357
Прочие кредитные операции	1.744	4.095
Итого	54.177	124.165
Финансирование хлебозаготовок	5.669	18.340
Всего по ссудам за счет Банка	59.846	142.505
Ссуды за счет НКФ	20.014	21.887

Главной операцией является вексельная, относительное значение которой продолжает расти: по учету векселей и on-call'ю под векселя выдано на 1 октября 1924 г. — —26,778 тыс. черв., или 49,4% к итогу учетно-ссудных операций (без финансирования хлебозаготовок), а на 1 октября 1925 г.—74,060 тыс. черв., или 59,6% к соответствующему итогу.

О том, как распределялись кредиты Госбанка между отдельными отраслями хозяйства, дает представление сле-

Задолженность по учетно-ссудным операциям за счет банка во всех учреждениях банка.

ОТРАСЛИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.	На 1/X-1924 г.		На 1/X-1925 г.	
	Абсол.	В %/% к итогу.	Абсол.	В %/% к итогу.
Госучреждения.				
I) *Топливная*	2.727	4,6	4.810	3,4
II) *Металлическая*	2.352	3,9	6.676	4,7
III) *Электротехническая*	317	0,5	571	0,4
IV) *Горная*	386	0,6	979	0,7
V) *Химическая*	862	1,4	1.731	1,2
VI) *Силикатная*	315	0,5	937	0,7
VII) *Лесн., дерево-обдел., бум.*	4.820	8,1	7.024	4,9
VIII) *Текстильная*	8.626	14,4	16.369	11,5
IX) *Кожевенная*	1.701	2,9	4.326	3,0
X) *Пищевая*	4.122	6,9	13.509	9,5
XI) *Прочие отрасли промышленности*	1.698	2,9	3,727	2,6
Итого по госпромышленности	27.926	46,7	60.659	42,6
в т. ч. торговые	9.428	15,8	22.298	15,6
XII) *Транспорт*	2.402	4,0	6.687	4,7
XIII) *Сельское хозяйство*	99	0,2	242	0,2
XIV) *Госторговля*	5.812	9,7	23.191	16,2
в т. ч. смешанная	59	—	270	—
Всего по госпредприятиям	36.239	60,6	90.779	63,7
XV) *Разные учреждения*	664	1,1	2.317	1,6
XVI) *Кооперация*	14.146	23,6	24.209	17,0
в т. ч.: а) потребит.	9.300	—	14.718	—
б) кустарно-пром.	878	—	1.921	—
в) сельско-хоз.	3.798	—	7.149	—
XVII) *Частн. лица и предприятия*	1.116	1,9	3.191	2,2
XVIII) *Кредитные учреждения*	7.332	12,2	21.344	15,0
ВСЕГО	59.497	99,4	141.840	99,5
в т. ч. торговые	25.214	42,1	62.422	43,8
Суммы нераспред.	349	0,6	665	0,5
ВСЕГО	59.846	100	142.505	100

дующая таблица *задолженности клиентуры Госбанка по его учетно-ссудным операциям* (в тыс. черв.) (см. табл. на стр. 539).

Как видно из этой таблицы, главную массу средств Госбанк поместил *в государственных предприятиях* (60,6% — на 1 октября 1924 г. и 63,7% на 1 октября 1925 г.), второе место в составе его клиентуры занимает *кооперация* (23,6% и 17,0%) и третье место — *кредитные учреждения* (12,2% и 15,0%). На протяжении 1924/1925 г. г. удельный вес государственных предприятий и кредитных учреждений в составе клиентуры Госбанка несколько возрос, а удельный вес кооперации несколько упал. Кредитование частных лиц и предприятий со стороны Госбанка выражается в сравнительно незначительных суммах[1]).

Не имея возможности останавливаться здесь подробно на вопросе *о распределении работы Госбанка между центром — правлением — и филиалами*, мы ограничимся лишь несколькими относящимися сюда цифрами. *В области пассивов* в этом отношении заслуживают внимания данные о притоке вкладов и текущих счетов. Они представляются в следующем виде. На 1 октября 1925 г. из общей суммы вкладов и текущих счетов в 74.557 тыс. черв. имелось:

---

[1]) Давая достаточно ясное представление о распределении кредитов Госбанка между отдельными группами его клиентов (госпредприятия, кооперация и т. д.), эта таблица, однако, недостаточна для суждения о распределении средств Госбанка между отдельными отраслями внутри этих групп, а именно, между торговыми и промышленными предприятиями и между сельским хозяйством и промышленностью. Это вытекает из особенностей структуры советских предприятий. Так, во-первых, значительная часть трестов, которые относятся к промышленной группе, занимаются у нас и торговыми операциями по реализации своих продуктов. Процент средств, направляемых Госбанком в торговлю, отражается в этой таблице, поэтому, в преуменьшенном размере. В преуменьшенном размере отражается также и часть средств, направляемых в сельское хозяйство: во-первых, значительная часть средств идет в сельское хозяйство через Ц. С. Х. Б., который занимает очень крупное место в составе должников Госбанка по группе „кредитных учреждений“ а, кроме того, известная часть средств, отпускаемых Госбанком таким торгово-промышленным предприятиям, как Сахаротрест или Главный Хлопковый Комитет, выдается ими в виде авансов посевщикам свеклы или хлопка и, таким образом, по существу идет на кредитование сельского хозяйства.

по правлению вкладов и текущ. счетов	Н. К. Ф.	— 26.056
„ „ „ „ „ „	прочих	— 10.686
„ филиалам „ „ „ „	Н. К. Ф.	— 9.278
„ „ „ „ „ „	прочих	— 28.537

В правлении, таким образом, состояло к этому времени 49,3% всей суммы вкладов и текущих счетов, а в филиалах — 50,7%. Об удельном весе работы филиалов Госбанка в области активных операций можно судить по тому, что из общей суммы помещений в учетно-ссудных операциях на 1 октября 1925 г. в 142.505 т. черв. на учетно-ссудные операции правления приходится 63.020 тыс. черв., или 44,2%, а на учетно-ссудные операции филиалов — 79.485 тыс. черв. или 55,8%.

§ 5. Мы осветили общий ход развития операций Госбанка. Остановимся сейчас на некоторых *моментах его политики*. Мы не будем говорить здесь о *валютной* и *эмиссионной* политике Госбанка, как моментах, на которых нам уже приходилось останавливаться в первой части книги в связи с вопросом о денежном обращении. Укажем лишь, что в области *валютной политики* Госбанк с момента введения червонца проводит линию *стабилизации курса и покупательной силы денежной единицы*, стремясь к тому, чтобы курс червонца по отношению к иностранной валюте держался на уровне золотого паритета, предусмотренного в эмиссионном законе, и чтобы покупательная сила червонца по отношению к товарам внутри страны по возможности сохраняла свою устойчивость. Из других моментов политики Госбанка остановимся на его *кредитной политике, дисконтной политике* и *вопросе о проведении планового момента в кредите.*

Кредитная политика Госбанка, как центрального кредитного учреждения, определяется, конечно, в первую очередь, общими началами экономической политики Советского правительства. В соответствии с этими началами деятельность Госбанка направлена, главным образом, на снабжение средствами государственной промышленности, государственной торговли, транспорта, кооперации и тех кредитных учреждений (Промбанк, Ц. С. Х. Б., Всекобанк и т. д.), которые со

своей стороны направляют получаемые от Госбанка средства в те же государственные предприятия и кооперацию. Но наряду с этим Госбанк руководствуется в своей кредитной политике и другим принципом: *стремлением к максимальной прочности и ликвидности своих активов*, т.-е. к такому размещению средств, которое давало бы ему возможность маневрировать ими и перебрасывать их — в зависимости от смены сезонов и от других перемен — из одной отрасли хозяйства в другую и из одного предприятия в другое. С этим вторым принципом Госбанку приходится считаться, поскольку он является кредитным центром и, вместе с тем, центром регулирования денежного обращения. Согласование указанных двух начал и определяет собою направление кредитной политики Госбанка. Политика, направленная на создание по возможности прочных и ликвидных активов, находит отражение, во-первых, в том, что банк стремится к отбору клиентуры *внутри* группы государственных и кооперативных предприятий. Этим определялось уже отмеченное нами слабое кредитование металлургической промышленности до 1924 г. и включение в состав клиентуры банка отдельных предприятий этой группы по мере того, как они ликвидировали свою дефицитность. Той же политикой Госбанка определяется предоставление кредитов преимущественно в форме учета краткосрочных векселей и т. п.

Интересно, однако, отметить следующее обстоятельство. Если посмотреть на клиентуру Госбанка с точки зрения состава тех „юридических лиц“, которые пользуются в нем кредитом, то надо будет констатировать, что эта клиентура мало похожа на клиентуру бывших акционерных коммерческих банков. Главную массу клиентов Госбанка составляют государственные предприятия, большую роль играют, далее, среди его клиентуры кооперативные преприятия, т.-е. клиенты, которые очень мало пользовались кредитом в бывших коммерческих банках. С другой стороны, Госбанк почти не кредитует частные акционерные общества, составлявшие основную массу клиентов старых банков. Если подойти, далее, к сопоставлению основных *принципов политики* Госбанка с принципами старых коммерческих банков, то и здесь

мы найдем больше различий, чем сходства. До некоторой степени общим у них является стремление к лучшей обеспеченности и ликвидности кредитов. Но зато частным коммерческим банкам был чужд общегосударственный подход. С другой стороны, у частных банков имелся другой принцип, а именно: стремление к получению прибылей, принцип, который не является определяющим в кредитной политике Госбанка. Но если мы посмотрим на клиентуру Госбанка с точки зрения *ее положения в народном хозяйстве*, с точки зрения состава *хозяйственных единиц*, отдельных предприятий, из которых она слагается, то окажется, что в сущности Госбанк, в общем, снабжает средствами те же *предприятия*, которые получали кредит в бывших частных коммерческих банках. От Госбанка получают средства те же металлургические, свеклосахарные, кожевенные, хлопкоочистительные заводы, те же текстильные фабрики, те же железные дороги и т. д., которые обслуживались кредитом бывших коммерческих банков. Новыми в составе клиентуры Госбанка являются, главным образом, торговые предприятия, различные синдикаты, торги и кооперативные учреждения, которые заняли место бывших оптовых и крупно-коммисионных предприятий.

Это обстоятельство — важно для оценки активов Государственного банка СССР в двух отношениях. Во первых, оно показывает, что состав заемщиков Госбанка определяется общими условиями экономики Советского Союза. Госбанк, как центральный институт коммерческого кредита, выполняющий большую часть той работы по кредиту, которую до революции выполняли акционерные коммерческие банки, естественно, должен опираться в своей работе на ту клиентуру, которую всегда обслуживал в России крупно-коммерческий кредит. Он должен снабжать средствами предприятия крупной промышленности, транспорта, крупной торговли, другие кредитные учреждения. Поскольку все эти предприятия сосредоточены в руках государства и отчасти в руках кооперации, клиентура Госбанка, естественно, составляется из государственных и кооперативных предприятий. С другой стороны, состав клиентуры Госбанка по его акти-

ным операциям дает ответ и на вопрос о прочности и ликвидности его помещений. Поскольку клиентура Госбанка складывается в преобладающей своей массе из основных крупных торговых, промышленных и транспортных предприятий страны, качество активов банка зависит, главным образом, от общего хода работы этих предприятий, от той или иной степени финансовой прочности отдельных железных дорог, синдикатов, трестов, торгов, кооперативных организаций, кредитных учреждений и т. д., в которых Госбанк как мы видели, поместил к началу 1926 г. свыше 1,6 миллиардов рублей.

В области *дисконтной политики* Госбанк в течение 1922 года придерживался системы высоких ставок, рассматривая процент, как один из способов страховки капитала от обесценения. В этот период процентная ставка Госбанка одно время доходила до 18% в месяц для ссуд в бумажно-денежном исчислении; но и по ссудам в золотом исчислении Госбанк взимал в тот же период 2% в месяц. С переходом на червонцы Госбанк вступает на путь понижения учетной ставки. С 1 июля 1923 г. ставка для учета краткосрочных векселей до 1 месяца (госорганов и кооперации) была понижена до 8% годовых. С 1 апреля 1924 г. в Госбанке действуют следующие процентные ставки (годовые):

по учету векселей госорганов и кооперации до 2-х месяцев . . .	8%
„ „ „ „ „ „ „ 4-х „ . . .	9 „
„ „ „ „ „ „ свыше 4-х месяцев .	$9^1/_2$ „
„ „ „ „ „ „ „ 6—9 „ .	10 „
„ „ „ частных фирм	10—12%
„ спец. текущ. счетам под векселя	8—12 „

Вместе с тем с 1 апреля 1924 г. ставки, которые Госбанк платит по текущим счетам, были повышены до 6% годовых, а ставки по вкладам — в отдельных случаях — до 8%.

Для правильной оценки дисконтной политики Госбанка надо, однако, иметь в виду, что в условиях экономики Советского Союза, при господстве государственных монополий, сосредоточении крупной промышленности в руках государства и регулировании цен на выпускаемые ею промышленные товары, при монополии внешней торговли, *учетная*

ставка центрального банка совершенно не может претендовать на то, чтобы играть роль регулятора спроса и предложения ссудных капиталов, ту роль, которую, как мы видели, она теоретически должна была бы играть, но которую она, впрочем, фактически, уже давно не играет и в капиталистических странах. Размер того спроса на кредит, который предъявляют к Госбанку государственные тресты синдикаты, кооперативные организации и т. д., в настоящих условиях, вероятно, очень мало изменился бы от того, что Госбанк стал бы взимать по своим ссудам вместо 8—12% на несколько процентов в год больше или меньше. При установлении процентной ставки Госбанку поэтому приходится исходить не из соображений о том, чтобы при помощи дисконта регулировать спрос и предложение ссудных капиталов, а из стремления к максимальному удешевлению цены кредита, как фактора, который может оказывать влияние на калькуляцию себестоимости товаров. Процентные ставки, которые Госбанк платит по вкладам, и которые он взимает по своим активным операциям, не могут поэтому рассматриваться как „рыночная“ цена ссудных капиталов. Эта цена, в общем, по состоянию рынка капиталов, должна считаться низкой. При этом нетрудно видеть, что Госбанк потому имеет возможность давать кредит из сравнительно низкого процента, что его пассивы складываются в значительной части из эмиссии банкнот и из сумм казначейства, по которым он со своей стороны процентов не платит.

Этот своеобразный характер учетного процента Госбанка находит свое выражение в том факте, что наряду с этим „официальным“ дисконтом в СССР существует и весьма отличный от него частный дисконт. В докладе о дисконтной политике Госбанка, который мне пришлось сделать в июне 1925 г.[1]), я следующим образом охарактеризовал состояние денежного рынка СССР: „В сущности говоря, мы имеем в настоящее время в СССР, собственно, не один денежный рынок, а целых 3 денежных рынка, из которых каждый

[1]) На 2-м Всесоюзном Съезде Управляющих местными учреждениями Государственного банка.

живет своей отдельной жизнью. Первый денежный рынок, это тот рынок, который опирается на кредит Госбанка. Тут за деньги берут от 8—10%. Ставка в 11% годовых считается на этом рынке дорогим процентом. Около этого рынка, приткнувшись к нему, действуют некоторые другие кредитные учреждения, хотя они... перескакивают на другой рынок, где за деньги берут до 18% и где процентную ставку в 12—14% считают дешевой. Наряду с указанным рынком кредита, опирающимся на кредит Госбанка, мы имеем другой рынок: рынок государственных ценных бумаг, рынок краткосрочных обязательств, выигрышного займа и т. д. Этот рынок имеет совсем другой процент. Здесь за деньги берут уже не 8 и не 9%, а для него нормальным процентом считается 16—18% годовых. Наконец, существует третий рынок, рынок частный. Он связан с деятельностью О-в Взаимного кредита, которые представляют наиболее дешевую его часть. Там за деньги берут 36%, а иногда и больше % годовых. Этот рынок кончается частным учетом. Там за учет берут 6—7% в месяц". Для правильной оценки положения надо, однако, отдать себе отчет в том, что удельный вес всех этих трех рынков неодинаков. Частный рынок по своему об'ему очень невелик по сравнению с тем рынком, который опирается на кредиты Госбанка. Достаточно указать хотя бы на то, что у всех Обществ взаимного кредита на 1 января 1926 г. было помещено в учетно-ссудных операциях 37,1 миллионов рублей, что составляло лишь около 2, 3% от соответствующих помещений Госбанка, достигших на то же число 1.640,1 миллионов рублей. Тем не менее факт разрыва этих трех рынков и большого разнообразия процентной ставки указывает на своеобразное значение учетного процента Госбанка [1]).

Из приведенных выше соображений нетрудно видеть, что рыночные моменты, моменты спроса и предложения ссудных капиталов не играют существенной роли в направлении кредитной политики Госбанка. Учетный процент не является

[1]) См. по вопросу об учетной политике Госбанка „Отчет Государственного банка СССР" за 1923—1924 г., стр. 33—34. См. также ст. проф. *А. А. Соколова*: „Учетный процент, как регулятор товарных цен". «Вестник Финансов». 1926 г. № 1, VII.

для Госбанка ни показателем спроса и предложения ссудных капиталов, ни регулятором этого спроса. При таких условиях Госбанку приходится руководствоваться при размещении притекающих к нему средств другим началом, а именно: началом *планомерного распределения свободных средств между кредитоспособными претендентами на кредит.* В те периоды, когда требования на кредит превышают имеющиеся у Госбанка свободные ресурсы, — а таковы были условия, за редкими исключениями, почти в течение всего 3-х летия 1923—1925 г.г. — Госбанку приходится определенным образом делить эти средства между предприятиями, которые предъявляют на них спрос. Политика планомерного распределения средств между претендентами на кредит с 1923—1924 г. приняла форму кредитования в порядке поквартальных (т.-е. 3-х месячных) *кредитных планов*. Госбанк накануне каждого квартала составляет примерный план своей работы в данном квартале, подсчитывает те средства, которые он предполагает получить в течение этого квартала, и намечает — в зависимости от сезона и предъявляемых к нему требований — в какие отрасли хозяйства эти средства будут в течение того же квартала направлены. Так как клиентура Госбанка всегда заинтересована в том, чтобы заранее знать, на какие кредиты она в течение того или иного периода времени может рассчитывать, то кредитные планы Госбанка (а в течение последнего времени и кредитные планы других банков) служат предметом согласования между банками и другими учреждениями (ВСНХ, Госпланом) и поступают затем на рассмотрение СТО. Однако, кредитные планы в течение 1923—1925 г.г. оставались для Госбанка лишь ориентировочной схемой, от которой ему в практической работе часто приходилось в той или иной степени отступать. Эти отступления вызывались, главным образом, тем обстоятельством, что приходные поступления от текущих счетов и вкладов оказывались сплошь и рядом больше или меньше тех сумм, которые предусматривались в планах [1]).

---

[1]) См. „Отчет“ за 1923—1924 г., стр. 30—31.

§ 6. Государственный банк был первым кредитным учреждением, возникшим в новых условиях. Вслед за ним стали возникать другие банки и к концу 1925 г. в СССР образовалась уже значительная сеть кредитных учреждений. В общем[1]), мы имеем к этому времени следующие типы этих учреждений.

1) Банки *акционерного* типа, из которых наиболее крупным является „Торгово-промышленный банк СССР" („Промбанк") с правлением в Москве, и к числу которых надо отнести еще „Банк для внешней торговли СССР" („Внешторгбанк„) с правлением в Москве, Дальне-Восточный банк (правление в Хабаровске) и др.;

2) *Центральный Сельско-Хозяйственный* банк;

3) Банки *кооперативного* типа, к числу которых относятся Всероссийский Кооперативный банк („Всекобанк") и Украинский банк;

4) *Городские банки* (Московский городской банк, Ленинградский коммунальный банк, Харьковский городской банк, Нижегородский городской банк, Вологодский коммунальный банк, и др.), а также Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства;

5) *Общества взаимного кредита*, которых к 1 октября 1925 г. было 176;

6) *Общества Сельско-Хозяйственного Кредита*, которых к 1 октября 1925 г. было 91;

7) Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества;

8) Городские ломбарды, которых к 1 октября 1925 г. было 21;

9) *Сберегательные кассы.*

Промбанк начал свою деятельность в конце 1922 г. с собственным капиталом в 3,4 милл. руб. номинальных. Затем были сделаны дополнительные выпуски акций, и на 1 октября 1925 г. собственные капиталы банка составили 74,4 милл. руб. Являясь по форме банком акционер-

---

[1]) Данные о кредитных учреждениях взяты из „отчетов" отдельных банков, материалов Правления Госбанка, а также из обзора „Вестника Финансов" за 1926 г. № 2, стр. 207 сл.

ным, Промбанк, в общем, представляет собою государственное кредитное учреждение, так как почти все его акции находятся в руках государственных учреждений и предприятий.

По своим задачам Промбанк является учреждением, которое должно обслуживать кредитные нужды государственной промышленности. В этом смысле он является банком ВСНХ, ближайшим образом направляющего его деятельность. Тресты, синдикаты и др. организации, связанные с ВСНХ, держат в этом банке свои свободные средства и это создает источник для роста его вкладов и текущих счетов. Не имея тех преимуществ, которые, как мы видели, дает Госбанку его непосредственная связь с государственным казначейством, Промбанк, как специальный банк ВСНХ, тем не менее отчасти питается, хотя и в небольшой степени, капиталами, идущими из бюджетных источников. На текущих счетах и вкладах Промбанка временно оседает часть тех сумм, которые отпускаются некоторым отраслям промышленности из бюджетных средств на пополнение дефицита, в частности в форме долгосрочных ссуд. Промбанк так же, как и Госбанк, построил значительную сеть филиалов.

Об общем развитии операций Промбанка дают представление следующие данные.

Всего у Промбанка состояло (в милл. руб.):

	на 1 окт. 1923 г.	на 1 окт. 1924 г.	на 1 окт. 1925 г.	на 1 апр. 1926 г.
вкладов и текущ. счетов .	32,2	106,4	228,8	206,4
учетно-ссудн. опер.	44,9	165,5	332.5	356,5
баланс	87,5	276,7	541,2	579,3

На 1 октября 1925 г. Промбанк имел 83 филиала.

Центральный Сельско-Хозяйственный Банк открыл свои действия в Москве в июле 1924 г. Его основной капитал был образован путем ассигнования ему из средств казны 40 милл. руб. золотом. Кроме того ему был открыт значительный кредит со стороны Государственного банка. Этот банк имеет своей задачей предоставление кредита крестьянскому хозяйству для снабжения его орудиями производства-

восстановления его основных капиталов, и содействие улучшению условий сбыта крестьянских продуктов. Свою работу он проводит через республиканские Сельско-хоз. банки, которых на 1 октября 1925 г. было 7, и „Общества сельскохозяйственного кредита", которые в конечном счете опираются на крестьянские кредитные товарищества. На 1 октября 1925 г. баланс банка выражался в сумме 177,5 милл. р., при чем банком было помещено:

в долгосрочных ссудах	55,1 милл. р.
„ краткосрочных „	66,2 „ „
„ вексельных операциях	20,3 „ „

Из банков кооперативного типа более крупным является Всероссийский Кооперативный Банк („Всекобанк"). Этот банк, правление которого находится в Москве, был преобразован в конце 1922 г. из б. Банка Потребительской Кооперации („Покобанка"), учрежденного в начале того же года. Учредителями Всекобанка выступили так называемые „кооперативные центры": Центросоюз, Сельскосоюз, Всеколес, Всекопромсоюз и др. Новый банк, переняв актив и пассив Банка Потребительской Кооперации, поставил себе задачей обслуживание всех видов кооперации. На 1 октября 1925 г. этот банк имел 60 филиалов. Его баланс выражался к этому времени в сумме 150,9 милл. рублей. В учетно-ссудных операциях у него было помещено на 1 октября 1925 г. 72,7 милл. рублей.

Из кредитных учреждений третьей группы — коммунальных банков — наиболее крупным является *Московский Городской Банк*. Этот банк открыл свои действия в Москве в начале 1923 г. в форме акционерного банка с основным капиталом в 2,5 милл. руб. зол., который он затем увеличил путем дополнительных выпусков. Московский городской банк (Горбанк) связан с Московским советом и питается в значительной степени средствами городских учреждений и предприятий. Московский „Горбанк", как и другие городские банки, исполняют некоторые казначейские функции в области местного бюджета и в них частично оседают временно свободные средства городских бюджетов. Банк

открыл в Москве и Московской губернии значительное число отделений и агентств (на 1 октября 1925 г. — 82). Его баланс на 1 октября 1925 г. выражался в сумме 190,9 милл. руб., а в учетно-ссудных операциях у него было помещено к этому времени 140,2 милл. рублей.

Своеобразное место в кредитной системе СССР занимают *общества взаимного кредита,* ибо они являются единственными кредитными учреждениями, обслуживающими частную торговлю и промышленность, и находятся в наиболее близком соприкосновении с частным денежным рынком. Не получая ни прямого, ни косвенного подкрепления из тех бюджетных источников, которые, как мы видели, в большей или меньшей мере питают пассивы других банков, и пользуясь сравнительно небольшими кредитами в Госбанке, общества взаимного кредита вынуждены платить по своим текущим счетам рыночный процент и взимают высокий процент по своим активным операциям. Общества взаимного кредита, которые по своей конструкции мало отличаются от прежних учреждений этого типа, стали возникать у нас еще в 1922 г. Первое — Ленинградское Общ. Взаим. Кред. возникло в июне 1922 г. На 1 окт. 1923 г. функционировало 38 обществ, в том числе в Москве — 4 и в Ленинграде — 4, на 1 октября 1924 г. их было 94, а на 1 октября 1925 г.—176. Однако, операции обществ взаимного кредита развиваются медленно, и они представляют собою очень небольшие по размеру оборотов учреждения. Наиболее крупное общество— Московское Торг. Пром. имело на 1 октября 1925 г. баланс в сумме около 10,1 милл. руб., а баланс всех 176 обществ СССР составлял на то же число около 69 милл. руб. Интересно отметить также, что в старых обществах взаимного кредита баланс одного общества по данным на 1 января 1914 г. составлял в среднем 956 тыс. руб., между тем как новые общества имели на 1 октября 1925 г. средний баланс в 392 тыс. рублей. Эти цифры показывают, что деятельность обществ взаимного кредита пока не получила еще у нас значительного развития.

§ 7. В заключение приведем некоторые соображения о развитии кредитной системы СССР в ее целом.

Сеть кредитных учреждений СССР складывалась из следующего количества учреждений[1]).

	на 1 окт. 1924 г.		на 1 окт. 1925 г.	
	банки	их филиалы	банки	их филиалы
Госбанк	1	389	1	453
Банки общесоюзного значения	4	140	6	158
Банки республиканско-областного значения	18	176	19	249
Коммунальные банки	15	38	29	70
Общ. Сельск.-хоз. кредита	36	82	51	91
Общ. взаимного кредита	94	94	176	176
Городские ломбарды	10	10	21	21
Всего по СССР	178	929	303	1218

Таким образом, на 1 октября 1924 г. всего имелось 78 кредитных учреждений перечисленных типов с 929 филиалами, а на 1 октября 1925 г.—303 кредитных учреждения с 1218 филиалами.

О развитии основных операций всей кредитной системы за 1923 — 1925 г.г. можно судить по данным следующей таблицы. Движение капиталов, депозитов и учетно-ссудных операций кредитной системы СССР выражалось в таких цифрах (в миллионах рублей) (см. табл. на стр. 553).

Из этой таблицы можно видеть, что на протяжении 1923—1925 г. г. операции кредитных учреждений быстро развиваются. Вклады и текущие счета выросли у них с 1 октября 1923 г. до 1 января 1926 г. с 79,1 мил. р. до 557,2 мил. р., а учетно-ссудные операции — с 134,7 мил. р. до 1.396,8 мил. рублей.

Наряду с абсолютным ростом операций кредитных учреждений происходит также постепенный, хотя, в общем медленный рост *удельного веса* прочих кредитных учреждений по сравнению с Госбанком. Это можно видеть из следующего сопоставления их учетно-ссудных операций.

---

[1]) „Вестник финансов", 1926 г. № 2, стр. 214—215.

	Капиталы				Вклады в текущие счета				Учетно-ссудные операции			
	На 1 окт. 1923 года.	На 1 окт. 1924 года.	На 1 окт. 1925 года.	На 1 янв. 1926 года.	На 1 окт. 1923 года.	На 1 окт. 1924 года.	На 1 окт. 1925 года.	На 1 янв. 1926 года.	На 1 окт. 1923 года.	На 1 окт. 1924 года.	На 1 окт. 1925 года.	На 1 янв. 1926 года.
I. Центральные банки [1]).	32,3	65,7	129.8	134,5	43,3	149,9	337,4	313,4	83,7	252,8	539,2	578,3
II. Городские и коммунальные банки [2]) . .	6,4	16,1	91,2	110,0	28,4	70,2	147,0	159,2	35,7	103,5	265,2	319,3
III. Коммерческие банки [3]).	3,6	13,1	16,6	16,8	5,5	19,8	34,0	32,2	10,7	29,7	52,3	55,7
IV. Система сельско-хоз. кредита [4])	—	48,3	119,5	132,1	—	7,7	41,5	32,5	—	103,2	389,9	406,4
V. Общества взаимного кредита	1,1	3,0	7,2	9,1	1,9	5,2	17,9	19,9	4,6	10,1	29,8	37,1
ВСЕГО	43,4	146,2	364,3	402,5	79,1	252,7	577,8	557,2	134,7	499,3	1.276,4	1.396,8
Госбанк . . .	76,7	117,7	142,0	141,9	142,8	308,1	782,9	796,0	312,3	598,5	1.425,1	1.640,1

1) Промбанк, Внешторгбанк, Электробанк, Всекобанк.
2) Мосгорбанк, Цекомбанк и проч.
3) Дальбанк, Ср. Аз. Банк, Сев. Кавказский банк и Украинбанк.
4) ЦСХБ и республиканские банки.

	Учетно-ссудн. опер. Госбанка.	Учетно-ссудные операции прочих кредитных учреждений.	% отношение цифр 2-й графы к цифр. 1-й гр.
на 1 октября 1923 г. .	312,3	134,7	43,1
„ 1 „ 1924 „ .	598,5	499,3	83,4
„ 1 „ 1925 „ .	1.425,1	1.276,4	89,9
„ 1 января 1926 „ .	1.640,1	1.396,8	85,2.

Процентное отношение учетно-ссудных операций всех прочих банков к учетно-ссудным операциям Госбанка заметно поднялось в 1923/1924 г., но в следующем 1924/1925 году оно поднялось уже очень мало, несмотря на то, что за это время сеть кредитных учреждений сильно выросла и что как мы это могли видеть из данных о распределении кредитов Госбанка, сумма, отпущенная им кредитным учреждениям поднялась в абсолютных цифрах с 73,3 мил. р. до 213,4 мил. р. и в %-ном отношении к итогу его учетно-ссудных операций с 12,2% до 15,0%. К концу 1925 г. удельный вес Госбанка в области кредитных операций остается еще очень значительным. Общая сумма его ресурсов, составившихся из его собственных капиталов, эмиссии, депозитов и кредитов в других банках, превосходила общую сумму ресурсов, которыми располагали к этому времени все остальные банки, а общая сумма средств, помещенных в различных предприятиях непосредственно, т.-е. не через посредство других кредитных учреждений (не считая помещений в валютно-металлическом фонде), приблизительно была равна сумм соответствующих помещений всех остальных кредитных учреждений, взятых в целом.

Исключительная роль, которую играет Госбанк на денежном рынке в настоящий момент, вызывает возражения со стороны других кредитных учреждений и связанных с ними ведомств. В этих кругах популярна мысль о необходимости возможно скорее превратить Государственный банк в „банк банков", который не занимался бы непосредственным кредитованием торгово-промышленных предприятий, а передавал бы все свои ресурсы другим кредитным учреждениям являясь для них „резервным" банком. После того, что нами было высказано выше, в главе VIII, по вопросу о взаимоот-

ношениях между эмиссионными и коммерческими банками, необходимо, однако, притти к тому выводу, что превращение Госбанка в „банк банков“ должно будет произойти лишь по мере того, как в области пополнения кредитных ресурсов эмиссия банковых билетов отойдет на второй план и пассивы банков СССР будут пополняться, главным образом, в результате роста вкладов и текущих счетов.

Литература к главе XV.

1. *З. С. Каценеленбаум.* „Первый год работы Государственного банка“. „Народн. Хоз.“, 1922, № 9—10.

2. *Его же.* Ст. „Задачи Госуд. банка“ в сб. ст. „Вопросы банковой политики“. Изд. Правл. Госуд. банка. 1922.

3. *Его же.* Стт.: „Кредитные учреждения“ в сборнике „Народное Хозяйство“ СССР за 1922/1923 и за 1923/1924 г. г.

4. *Его же.* Денежное обращение России. 1914—1924. М. — Л. 1924. Гл. VI — VII.

5. „Отчеты“ Госбанка за 1922 г. (1-й год деятельности), 1923 г. (2-й год деятельности) и 1923/1924 г. г. (3-й год деятельности).

6. „Отчеты“ Промбанка, в особенности „Отчет“ за 1924—1925 г.

7. *Г. Я. Сокольников.* Финансовая политика революции. Т. I. М. 1925., Т. II. М. 1926.

8. *Л. Н. Юровский.* На путях к денежной реформе. 2-е изд. М. 1924.

9. *Его же.* Современные проблемы денежной политики. М. 1926. Ч. I.

10. *Н. Г. Туманов.* Валютная и кредитная политика Госбанка. М. 1925.

11. *А. А. Дезен.* Банковое кредитование промышленности. М.— Л. 1925.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава III. Приток капиталов на денежный рынок.

Глава IV. Распределение ссудных капиталов.

Глава V. Распределение ссудных капиталов. *(Продолжение.)*

Глава VI. Кредитные документы.

Глава VII. Организация денежного рынка. Банки и их операции.

Глава VIII. Теория банкового кредита. Процент на капитал и дисконтная политика.

Стр.

Глава IX. История банков. Эмиссионные банки за границей.

Глава X. Эмиссионные банки за границей. *(Продолжение.)*

Глава XI. Коммерческие банки за границей.

Глава XII. Банки в России до 1917 года.

Глава XIII. Банки в России до 1917 г. *(Продолжение.)*

Акционерные коммерческие банки.

Глава XIV. Банки в Росси до 1917 г. (*Продолжение.*)

Биржа.

Глава XV. Кредитная система СССР.

Труды того же автора.

Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России. 4-е издание. Стр. 345. М. 1922.

Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. Стр. XVI + 164. М. 1912.

Война и русский рубль. (В Трудах Комиссии по изучению современ. дорог. при О-ве имени Чупрова. Вып. III. Стр. 1—56. М. 1915).

Война и финансово-экономическое положение России. М. 1917.

Обесценение рубля и перспективы денежного обращения. М. 1918.

Очерки по теории и практике денежного обращения. Вып. I. Стр. 176. Петроград—Москва. 1922.

Денежное обращение России. 1914—1924. М.—Л. 1924. (То же на английском языке под заглавием: „Russian currency and banking 1914—1924. London. 1925. P. S. King & Son L-td).

Некоторые проблемы теории кредита. К вопросу о сущности банкового депозита. Доклад и его обсуждение в Институте Экономики. М. 1926.

Замеченные опечатки

в книге З. С. Каценеленбаума: „Учение о деньгах и кредите" — ч. II.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать.
25	11 снизу	Creditbank	Kreditbank
99	9 „	обстоятельстном	обстоятельством
103	13 „	силы	силы,
129	15 „	кредита	кредита „
169	2 сверху	своей,	своей
178	14 „	Heymarck'a	Neymarck
211	9 снизу	отличающаяее	отличающая ее
227	2 сверху	И д	Изд
234	2 снизу	eor	cor
262	3 „	Pliengе	Plenge
301	19 „	áнглийским	Английским
317	2 „	Spoh	Spohr
337	8 сверху	межет	может
352	1 снизу	10	10%
452	12 „	ии	тии
464	5 „	1.548,4	7.548,4
468	17 „	операций	операций,
469	7 „	приводим	приводили
475	12 „	коммерческих	коммерческих банков
563	16 „	и	в